Борис Поршнев

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЗАГАДКА СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О РЕЛИКТОВЫХ ГОМИНОИДАХ

Борис
Поршнев

ЗАГАДКА СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О РЕЛИКТОВЫХ ГОМИНОИДАХ

ЭКСМО
АЛГОРИТМ
Москва
2012

УДК 141.339
ББК 86.42
П 60

Поршнев Б. Ф.

П 60 Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах / Борис Поршнев. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2012. – 560 с. – (Тайная история человечества).

ISBN 978-5-699-54740-1

Борис Федорович Поршнев (1905–1972), известный советский историк и социолог, доктор исторических и философских наук, основатель российской школы гоминологии (науки о «снежном человеке»). Эта его книга – единственное в своем роде по полноте и научной основательности исследование таинственного «снежного человека», охоту на которого безрезультатно ведут ученые-зоологи и любители непознанного на всех континентах Земли. Автор рассматривает историю возникновения и развития легенды о «снежном человеке» у нас в стране и за рубежом – в Китае, Гималаях, Северной Америке, – дает обзор встреч человека и гоминоида и делает на основании существующих данных выводы о природе «снежного человека».

УДК 141.339
ББК 86.42

ISBN 978-5-699-54740-1

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012
© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

СЛОВО О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

В шестидесятые годы прошлого, XX, века мне посчастливилось неоднократно встречаться с автором этой уникальной книги, слушать его увлекательные лекции на заседаниях Географического общества, Московского общества испытателей природы (МОИП) и Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Борис Федорович Поршнев особенно любил общаться с молодежью и часто приходил на юношескую секцию ВООП, где его с нетерпением ждали мы, «вооповцы» и наш любимый учитель «ППС» — Петр Петрович Смолин.

Наш ППС и профессор Поршнев были давними друзьями и соратниками в работе по проблеме «снежного человека».

По рекомендации ППСа мой друг-однокурсник Петя (Петр Петрович Второв) и я не раз посещали квартиру Бориса Федоровича и слушали его рассказы в то самое время, когда в его заваленном книгами и рукописями кабинете постепенно создавалась, рождалась эта рукопись, ставшая книгой, которую вы держите в руках. Мы с Петей — верные фанаты идеи «снежного человека», получили из рук автора по экземпляру этой самой книги, вышедшей ротапринтным изданием тиражом всего в... 200 (двести!) экземпляров.

В книге проявился талант крупного ученого-историка, антрополога, этнографа, философа и психолога. Автору удалось неопровержимо доказать реальность существования снежного человека и даже очертить его исторический ореал и показать этапы его сокращения. Борис Федорович по специальности был историком, в 1941 году защитил докторскую диссертацию по истории Франции, в 1950-м стал лауреатом Государственной пре-

мии СССР, а в 1966 году защитил вторую докторскую диссертацию, на сей раз по философии.

Работу над этой книгой Борис Федорович Поршнев завершил уже в 1961 году, и по постановлению Президиума АН СССР она была выпущена в 1963-м.

После долгих и безуспешных попыток обнаружить и поймать снежного человека, в которых участвовали многие отважные исследователи, в кругу ученых стало формироваться скептическое отношение к реалистичности этой проблемы. И тогда историк, этнограф и философ Б.Ф. Поршнев, не выходя из кабинета, системно проанализировал всю существующую информацию и абсолютно достоверно доказал: *снежный человек — это реальность!*

Чтобы вам, дорогой читатель, захотелось обязательно прочесть всю книгу до конца, как уникальную документальную повесть, а не «фэнтези», приведу вкратце цепочку неоспоримых доказательств автора.

В фольклоре всех народов герои-персонажи бывают двух видов: сказочные и реальные. *Сказочные* — леший, домовой, водяной, ведьма в ступе с помелом, эльф, тролль, гном и другие. Облик этих героев может быть самым разным, в соответствии с фантазией сказителя и обычаями каждого конкретного народа. *Реальные* — медведь, волк, лиса, заяц, мышка-норушка, ворона, петух и другие. Эти герои, хоть и говорят в сказках, но облик имеют природный: медведь — бурый, неуклюжий, волк — серый, зубастый, лиса — рыжая, ловкая, мышка — серая, с длинным хвостиком, а петуха и ворону всегда узнаешь. Т.е. есть четкая граница между сказочными и реальными героями.

И вот Борис Федорович предлагает нам решить, к какой группе относится снежный человек — он же алмасты, йети, гульбияван, бигфут и проч. и проч. Каждый народ, увидев его, дал ему свое неповторимое название. И это важно: между народами и племенами, где обитал (или еще обитает) снежный человек, проходит несколько прочных языковых барьеров и границ, сохранявшихся до XX века. А теперь сравним (по Б.Ф. Поршневу) описания снежного человека, сохранившиеся на десятке разных изолированных языков. Они поразительно совпадают: высокий рост, могучее телосложение, длинные руки, сутулая фигура, мощная шея и заметный гребень на затылке и макушке, темно-рыжая густая шерсть, громкий пронзительный голос и... тяжелый, отвратительный запах. Да, это реальный персонаж, а не герой сказок!

А где же он обитал, где и поныне мог сохраниться, как он выживает в таких суровых условиях, почему его до сих пор не поймали, почему не сняли о нем добротный документальный фильм? Вот на все эти вопросы вам и ответит мой дорогой учитель, великий ученый Борис Федорович Поршнев.

Николай Николаевич Дроздов,
академик Российской академии естественных наук
и Академии российского телевидения,
доктор биологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий телепередачи «В мире животных» с 1977 года

ОТ АВТОРА

Эта книга не могла бы быть написана без прямой или косвенной помощи других. Автор воспользовался или советами, или материалами видных зоологов Л.П. Астанина, Н.И. Бурчак-Абрамовича, Г.П. Дементьева, Н.Н. Ладыгиной-Котс, А.А. Машковцова, М.Ф. Нестурха, П.П. Смолина, В.А. Хахлова, этнографа С.А. Токарева, палеонтолога В.И. Громова. Принося своим коллегам благодарность, автор оговаривает, что он один несет ответственность за текст.

Автор с благодарностью отмечает также содействие своих зарубежных коллег Бернара Эвельманса (Бельгия), Айвена Сэндерсона (Шотландия, США), Джорджа Агоджино (США), Питера Бирна (США), Коррадо Джини (Италия), Ганса Петцша (Германская Демократическая Республика), Ринчена (Монгольская Народная Республика).

Любезно прочитали рукопись и поделились своими замечаниями мои давние сотрудники А.А. Шмаков, В.А. Телишева, Ж.И. Кофман, В.Л. Бианки, Т.Н. Дунаевская.

Огромное количество корреспондентов своими сообщениями сделали возможным это исследование.

Читатели, которые не имеют возможности знакомиться с пространными описательными материалами, могут ограничиться главами 1, 5, 11, 12, 13 и Заключением.

Б. Поршнев

Часть 1

ОБЗОР ДАННЫХ ПО НЕКОТОРЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЛАСТЯМ

Глава 1

ЗАГАДКА «СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Эту загадку на Западе часто называют иначе: «загадка доктора Эвельманса».

Бельгийский ученый, доктор зоологии Бернар Эвельманс занял особое место в ряду авторов, писавших о «снежном человеке». Дело не только в том, что он с такой полнотой, как никто другой, собрал имевшиеся у западных исследователей сведения о «снежном человеке» в Гималаях. Дело не только в том, что в статье «Да, снежный человек существует» (Heuvelmans B. Oui, l'homme-des-neiges existe // Science et Avenir. Paris,1958, №134, Avril.) он впервые применил сравнительный и даже статистический метод обработки этих сведений, давший весьма убедительные результаты. Самое важное, что Эвельманс, будучи зоологом широкой эрудиции, показал полную возможность, вероятность такого открытия на современном уровне науки. Он поставил проблему «снежного человека» на широкий фон истории зоологических открытий. Замечательная книга Эвельманса «По следам неизвестных животных» (Heuvelmans B. Sur la piste des bêtes ignorées. Paris, 1955, t. I – II; Heuvelmans B. On the Track of Unknown Animals. London, 1958.) посвящена доказательству тезиса, что период открытия новых видов животных далеко не закончился, как многие думают, что перед познанием животного мира земли еще открыты огромные перспективы. «Героический период зоологии», говорит Эвельманс, не завершен, исчерпано лишь открытие менее редких и легче наблюдаемых видов, а поэтому требуются новые методы и, так сказать, новая философия зоологии для обеспечения открытия остальных видов. Раньше зоология приступала к делу только с момента, когда в кабинет ученого поступали скелет, чучело или шкура животного. На «слухи», рассказы населения не обращали внимания. Позже, с развитием школы

полевых зоологических исследований стали проводиться широкие маршрутные сборы всех попадающихся видов или же целенаправленные охоты за отдельными видами, но, как правило, уже более или менее известными. Во всяком случае, записи разнообразных сведений о «неизвестных животных», не отпрепарированных скальпелем ученого, не представленных в его коллекциях, оставались где-то за гранью науки. Почему? Разве эти сведения обязательно ложны, разве они не могут помочь зоологам?

Великий палеонтолог начала прошлого века Жорж Кювье поступил опрометчиво, когда во введении к своему «Исследованию об ископаемых животных» заявил: «Надежда обнаружить новые виды больших четвероногих весьма невелика». Не успел он высказать эту мысль, как в 1819 г. его ученик Лиар прислал ему из Индии зарисовку неизвестного прежде чапрачного тапира. Зоологи думали, что тапир — специфически американское животное. Оказывается, они пренебрегли тем, что в старинных китайских словарях, в китайских и японских книгах по естествознанию встречались и описания и изображения чапрачного тапира. Но с него только началось опровержение самоуверенных слов Кювье. За последние 100–150 лет последовала целая серия открытий крупных животных. Так, о существовании крупнейшего в мире плотоядного, дальневосточного бурого медведя, западноевропейским ученым стало известно только в 1898 г., хотя, разумеется, камчатские, сахалинские, маньчжурские охотники рассказывали о нем немало. В 1900 г. впервые узнали и о существовании самого большого после африканского слона земного животного: белого носорога, достигающего до пяти метров длины, до двух метров высоты. В 1901 г. была открыта крупнейшая из обезьян — горный горилла, самцы которого достигают 2 м 70 см высоты. Рассказы же местных жителей об этих гигантах были известны давным-давно.

Слишком уверенные в своих познаниях и методах, зоологи считали до 1912 г., что дракон, о котором рассказывали жители о. Комодо, это миф, а он оказался действительной гигантской ящерицей, при том самой большой из всех ящериц на земле. Общеизвестный пример — открытие окапи. Возьмем другой пример. Местные жители Родезии рассказывали о существовании какого-то хищника, которого они называли, если перевести буквально, «леопард-гиена», но европейская наука не признавала за этими рассказами никакой реальности, пока в 1926 г. не был открыт этот новый вид, получивший название «королевский гепард». Описавший его английский зоолог Покок замечает: «Удивительно, что такое большое и столь отличное от других типов животное

так долго оставалось неизвестным». Нет, неудивительно, отвечает Эвельманс, так будет и впредь пока ученые будут сохранять привычку пренебрежительно, как к вздорным вымыслам, относиться к рассказам местных жителей, охотников, знатоков края.

Книга Эвельманса «По следам неизвестных животных» — суровый обвинительный приговор косности традиционной зоологии. Последняя признала, например, что так называемый бермудский буревестник был истреблен в начале XVII в., а совсем недавно, в 1951 г. свежие обитаемые гнезда этой птицы были обнаружены на одном из островов. И вот, опираясь на обоснованный многими примерами скепсис в отношении традиционной зоологии, Эвельманс составил обширный каталог и дал предварительные описания большого ряда удивительных зверей, птиц, обитателей морских просторов, о которых имеются предварительные данные и существование которых подлежит целенаправленной, организованной проверке. Открытие новых животных не должно быть случайностью, говорит Эвельманс. Мы еще не полностью изучили свою планету, многого не знаем о ней, во многих районах не бывали еще вовсе.

В книге «По следам неизвестных животных» большая глава посвящена сводке и анализу предварительных данных об удивительном высшем примате, обитающем в высокогорных районах Гималаев и получившем известность под именем «снежного человека». На таком широком фоне эта проблема сразу теряет характер чего-то исключительного. Она окружена параллелями и аналогиями, она выглядит больше как упрек зоологам, чем как повод для упреков со стороны зоологов.

И все же остается открытым вопрос: существует ли «снежный человек» и какие пути ведут к проверке и доказательству его существования?

По последнему пункту существующие мнения могут быть разделены на две группы. Подавляющее большинство людей думает, что загадка «снежного человека» будет разрешена каким-то единичным сенсационным актом. Кто-то его поймает или убьет, и с этого начнется наука об этом существе. Все предшествующее данному акту не имеет никакого научного значения. Другие же, представляющие меньшинство, но зато меньшинство, объединяющее едва ли не всех специалистов в этом вопросе, полагают, что поимка или умерщвление экземпляра сыграет свою роль в науке только в качестве экспериментальной проверки, завершающей целый большой этап предварительных исследований.

— Вы ловите «снежного человека», сидя за письменным столом, вы разыскиваете его в книгах и письмах, вы можете так топ-

таться на месте до бесконечности и, сколько бы вы ни собрали устных и литературных данных, это ни на шаг не приблизит вас к решению вопроса!

Так шутят скептики. Но еще легче опровергнуть и высмеять их представление об единичной сенсационной находке, которая якобы может решить большую, сложную научную проблему. Наука изведала на нескольких примерах бессилие искры при отсутствии бочки пороха. Сначала нужна обоснованная рабочая гипотеза, некоторая предварительная идея. Без этого надежда на сенсацию способна лишь повредить серьезному изучению проблемы «снежного человека». Она косвенно содействует рождению газетных уток, вызывает к жизни скороспелые экспедиции, естественно приводящие к разочарованиям, увлекает на поиски лиц, не имеющих специальной подготовки и знания вопроса.

Хочется сказать этим азартным людям: успокойтесь, «первого» не будет, хотя бы потому, что этих первых было уже много.

Нетерпеливые критики медлительности ученых и не подозревают, сколько раз в прошлом совершалось то, что они наивно считают венцом всего дела: увидеть своими глазами! поймать! убить!

Ниже, в соответствующей главе будет рассказано, как, например, геолог и опытный охотник М.А.Стронин, в 1948 г. в Восточном Тянь-Шане целился, но так и не решился выстрелить в пробежавшее в 100 м от него странное существо. «Моя мысль в тот момент была занята только одним: человек это или медведь», — говорит геолог. Он ясно видел, что это и не то, и не другое. Если бы он имел представление о «снежном человеке», он, может быть, и выстрелил тогда...

Врач В.С. Карапетян в 1941 г. осматривал захваченное в снежных горах обросшее волосами человекоподобное существо. Он не уделил ему тогда большого внимания. Но, говорит он, я семнадцать лет возвращался мыслью к вопросу, что же это было за существо, и вот только теперь, прочитав кое-что о «снежном человеке», начинаю думать, не пригодятся ли мои наблюдения тем ученым, которые этим вопросом занимаются. Если бы я хоть что-нибудь слышал тогда об этом вопросе!...

Советский офицер Г.Н. Калпашников в 1939 г., во время боев у реки Халхин-Гол осматривал трупы двух по ошибке убитых часовыми человекоподобных волосатых животных. «В то время я совершенно ничего не знал о «снежном человеке», и я и сейчас не утверждаю, что убитые существа были именно «снежными людьми». И я тогда задумался, как и другие, над тем — кто же это? Но в то время, в разгар боев, мы были по горло заняты военными делами, и нам было не до изучения тех животных, которыми сейчас интересуются ученые».

Геолог Б.М. Здорик в 1934 г. в сопровождении проводника натолкнулся на Памире на спящее в высокой траве волосатое длинноногое животное, которое ни в коем случае не было медведем. От населения он кое-что услышал об этих существах, «в которых я только теперь узнаю некоторые черты «йе-ти», как их описывают шерпы (непальские горцы)». В те годы, говорит Б.М. Здорик, я ничего не слышал о гималайском «снежном человеке» и считал, что здесь, на Памире, все такие рассказы относятся частью к бродячим сумасшедшим, частью же представляют собой фантастический вымысел. Когда сам я встретился со зверем, похожим на «снежного человека», я просто не поверил ни своим глазам, ни рассказам местных жителей о существовании в горах человекоподобных диких существ.

В 1925 г. путешественник Томбози в Гималаях на расстоянии около 200 м видел человекоподобное животное, рассматривал оставленные им следы, но по его словам, «просто не в состоянии высказать какое-либо определенное мнение по этому поводу», так как «сказкам» носильщиков-шерпов о «снежном человеке» этот образованный господин, конечно, не мог придавать серьезного значения.

Можно было бы долго продолжать список аналогичных ситуаций. Но мы еще в свое время встретимся с ними. Пока это — лишь иллюстрации для методологической постановки темы. Каждый раз, как видим, наблюдатели просто не знали что делать, не знали с чем связать и как объяснить свое наблюдение. Им оставалось прибегать к тем или иным пришедшим в голову, если можно так выразиться, самодельным объяснениям, или просто пребывать в недоумении.

Может быть, не было случаев поимки такого рода существ? Нет, ниже будут приведены и рассказы местных жителей о поимках, даже о приручении таких животных. Но вот, например, два сообщения высококультурных людей, в разное время и в разных местах лично натолкнувшихся на содержавшиеся в неволе у местных жителей особи и сообщивших о них интересные детали. Зоолог, охотник и писатель Н. Байков в сопровождении охотника Бабошина лет 35 – 40 тому назад в глухом таежном предгорье Маньчжурии в одинокой хижине охотника-маньчжура видел прирученного последним удивительнейшего человекоподобного зверя. Описание его было опубликовано Н. Байковым задолго до появления в печати каких-либо сообщений о «снежном человеке». В 1954 г. видный китайский историк проф. Хоу Вай-лу видел высоко в горах Циньлин-шань пойманного жителями и прирученного подобного же получеловека, не обладавшего ника-

кой речью. Проф. Хоу Вай-лу не думает, что это существо — то же самое, что «снежный человек», но, по правде сказать, уважаемый китайский историк еще почти ничего не слышал о природе «снежного человека»... Как видим, оба наблюдателя пойманных экземпляров, не зная друг о друге, не пришли ни к какому обобщению и каждый объяснял себе виденное как умел. И в этих случаях искра не вызвала никакого научного взрыва.

Главным препятствием к раскрытию загадки «снежного человека», по-видимому, служила разобщенность данных, которыми располагали отдельные наблюдатели и исследователи, работавшие в разных районах Азии. Столкнувшись с теми или иными сведениями об этом существе в каком-либо районе, они не подозревали о наличии таких же сведений в других районах, не имели материала для обобщений, не могли применить основного орудия науки — сравнения. И в результате их наблюдения погибали бесплодно. Только в самое последнее время кое-какие сообщения о «снежном человеке» стали широко известны. Теперь уже менее вероятно, чтобы какой-нибудь случайный наблюдатель, как было с геологом Б.М. Здориком, «не поверил своим глазам», не вспомнил о чем-то подобном. Но только сведение воедино большого числа наблюдений и свидетельств дает надежную почву для научных обобщений и выводов.

Так как человеческий рассудок ищет всему незнакомому хоть какое-нибудь объяснение, или по крайней мере наименование, все наблюдения, как правило, получали то или иное импровизированное или народно-традиционное истолкование. В немалом числе случаев дикие волосатые человекоподобные существа истолковывались как люди, одичавшие в результате долгого пребывания в одиночестве в горах или пустынях Азии. То это были в устах рассказчиков и местных властей потомки тех, кто принужден был бежать и скрываться от религиозных преследований, то потомки изолированных от человеческого общества прокаженных, то потомки целых племен или родов, оттесненных соседями в неприступные горы, а подчас, в более примитивных вариантах, даже и не потомки — просто «одичавшие» и «обросшие волосами» преступники, скрывшиеся кулаки, сектанты и т.д. В других случаях выдвигается версия, что это — физическая или психическая патология, т.е. случаи ненормальности, атавизма, уродства, душевного заболевания. Наконец, в очень большом числе случаев наблюдения и сведения, касающиеся таких человекоподобных существ, относились и относятся к области сверхъестественного. Те, кто верят «в нечистую силу», полагают, что повстречались с ней, и связывают виденное с бытующими в народе преданиями,

поверьями и легендами. Люди же образованные, но верящие в духов, относят все сообщения и рассказы такого рода к области фольклора, сколько бы ни клялся рассказчик в том, что он своими глазами видел это существо, или рассматривал его след, или слышал его крик. Если эти рассказы и стоит записывать и изучать, говорят нередко, то только этнографам-фольклористам, изучающим мифы и легенды о сверхъестественном, рожденные народной фантазией.

Так распадался до недавнего времени весь материал по разным рубрикам, ведомствам и дисциплинам.

Наука нуждается в сравнении. Научное изучение проблемы «снежного человека» началось лишь с того времени, как накопился некоторый сравнимый материал, правда, сначала только в рамках области Гималаев. Успешность применения сравнительного метода может быть показана на примере уже упоминавшейся статьи Б. Эвельманса, «Да, снежный человек существует». После критического обзора имевшихся в его распоряжении сообщений о встречах «снежного человека», автор подверг их количественной группировке. Вот некоторые из его выводов. В девяти из восемнадцати существенных сообщений указывается, что существо, о котором идет речь, напоминает человека; согласно семи сообщениям, оно скорее напоминает обезьяну; наконец, согласно двум сообщениям, оно похоже и на человека и на обезьяну. В тринадцати описаниях это существо выступает как двуногое; в трех — то как двуногое, то как передвигающееся и на четвереньках; в одном описании это существо двигалось только на четвереньках, но оно описывается как раз в тот момент, когда оно карабкается среди скал. В четырнадцати сообщениях отмечается волосяной покров на теле этого существа. В шести случаях подчеркивается, что на лице его шерсти нет. Точно так же Эвельманс группирует сообщения о цвете шерсти и ряде других признаков. Одни из них оказываются более константными, другие — более вариабильными. Но в общем, говорит Эвельманс, в восемнадцати свидетельствах нет противоречий в описании «снежного человека», большинство черт сходится, а некоторые отклонения не являются особенно значительными. Между тем, свидетельства эти в большинстве совершенно независимы друг от друга, исходят от людей, принадлежащих к разным национальностям, различных по уровню образования и т.д.

Мы не будем сейчас обсуждать этих выводов, полученных Эвельмансом. Пока они нужны нам лишь как иллюстрация сравнительного метода. Добавим, что столь же полезным оказалось и произведенное Эвельмансом расположение всех сведений в

хронологической последовательности. Что касается топографической группировки данных, в частности, данных о наблюдениях следов в пределах Гималаев и Каракорума, то она была произведена в работах французского геолога проф. П. Борде и других авторов (Bordet P. Traces de yeti dans l'Himalaya // Bulletin Muséum Nat. d'histoire natur. 1956, v.27, p.433 – 439; idem, «La Montagne et alpinisme» 1956, 17, p. 206 – 209; Busson B., Leroy G. Les derniers secrets de la terre. Paris, 1955.).

Но все же пока шло собирание зарубежными исследованиями сведений только в области Гималаев и Каракорума, сравнение этих сведений между собой могло дать лишь ограниченную доказательность реальности «снежного человека», так как все же оставалась возможность предполагать какую-нибудь взаимную индуцированность сведений. Поэтому основным методом рассуждения осторожных авторов, например, С.В.Обручева, оставалась классификация сведений на «достоверные» и «недостоверные», что неизбежно связано с субъективным критерием. Не отвергая этого метода, как способного приносить ограниченную пользу, мы все же постарались найти объективные критерии путем расширения поля применения сравнительного метода,

В январе 1958 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по изучению вопроса о «снежном человеке». С 1959 г. она была преобразована в общественную научную организацию, объединяющую специалистов, а в Академии наук СССР одновременно продолжалась работа по концентрации и обобщению сведений по проблеме «снежного человека». На всех этих этапах автор настоящей книги в качестве сначала заместителя председателя, затем председателя Комиссии и руководителя соответствующей темы в Комиссии по охране природы АН СССР руководствовался мыслью о возможности значительно расширить поле применения сравнительного метода. С одной стороны, это были осторожные пробы проводить параллели с некоторыми выводами исследований по экологии ископаемых гоминид. С другой стороны и прежде всего, это было привлечение данных о существах, по описанию сходных со «снежным человеком», из других областей горной Азии.

Правда, в такой попытке имелся известный риск ошибки: сходное — не обязательно тождественное, даже не обязательно родственное. Но, кажется, сейчас уже можно считать эту опасность ошибки миновавшей. Путь оказался плодотворным, приведшим к новому этапу в разработке проблемы «снежного человека». Когда в газете «Комсомольская правда» в июле 1958 г. появилась статья автора этих строк об аналогах «снежного чело-

века», давно описанных на территории Монгольской Народной Республики под именем «алмасов», одна парижская газета заметила, что тем самым вопрос о «снежном человеке» впервые поставлен на научную почву. Поскольку догадка оправдалась, в огромной степени расширилось поле исследования. Это был прорыв с узко-ограниченного участка сбора научной информации, южных склонов Гималаев и прилегающих хребтов, на широкий «оперативный простор». Теперь в один ряд с данными по Гималаям, собранными Тильманом и Шиптоном, Стонором и Иззардом, Эвельмансом и Борде, встали данные многих других натуралистов, географов, краеведов, собранные в разное время в иных азиатских географических областях. Тем самым во много раз расширились возможности применения к ним сравнительного метода, а, следовательно, возросла и надежность его результатов.

Достаточно сказать, что если Эвельманс подверг сравнительному изучению 18 сообщений, мы сейчас располагаем более чем 1000. Значительная часть их опубликована в качестве сырого исходного материала для исследователей в форме небольших сборников: «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», под ред. Б.Ф.Поршнева и А.А. Шмакова» (вып.1–4, М., 1958–1959. В дальнейшем всюду сокращенно обозначаются: ИМ.).

В предисловиях ко всем выпускам «Информационных материалов» составители неизменно отмечали, что ими включаются в эти сборники сообщения и документы весьма различной степени достоверности и независимо от оценки ими каждого в отдельности. Иначе говоря, это — как бы раскрытое для обозрения и использования досье о «снежном человеке» или свод всей первичной документации. Исследователи вправе подвергать эти материалы сомнению, критике, опровержению, но они впервые имеют перед глазами все, что так или иначе претендует на характер фактических сведений.

Четыре выпуска «Информационных материалов» — главный итог первых двух лет нашего исследования вопроса о «снежном человеке». Дальнейшие собранные материалы (готовы выпуски 5 и 6) еще ждут опубликования. Сборы свидетельских показаний и сообщений в пределах СССР производились в значительной степени благодаря помощи широкой советской печати, — активным откликам населения на появлявшиеся время от времени заметки о проблеме «снежного человека». Письма, поступавшие в редакции газет и журналов, концентрировались в Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». В них оказывалась подчас очень ценная информация, не дававшая основания думать, что

она хотя бы косвенно внушена газетными заметками или слухами о поисках «снежного человека». Вообще же отличить немногочисленные сообщения, действительно навеянные прессой и слухами, т.е. вымышленные, очень легко всякому специалисту: ведь изобретательность человеческого ума далеко не безгранична. Подавляющая масса корреспонденции, как и устных сообщений, свидетельствует о чувстве ответственности и долга, о полной незаинтересованности в опубликовании, в известности, вознаграждении. «Считаю своим долгом перед наукой сообщить...», «считаю своим гражданским долгом...», «может быть, мое скромное сообщение пригодится нашим ученым...» — так нередко мотивируют свой поступок авторы писем. Наряду с этим притоком добровольной информации Комиссия постепенно создала в ряде областей сеть корреспондентов из местных ученых, краеведов, охотников, производящих опросную работу среди населения. Их бескорыстная помощь существенно помогла ходу исследования. Наконец, опросная работа производилась и путем направления специальных экспедиций из центра в некоторые горные районы СССР. Что касается зарубежной информации, то Комиссия получала ее из ряда стран от специалистов, занимающихся исследованием проблемы «снежного человека». Их сотрудничество дало возможность делать наши сводки максимально полными.

Итак, были приложены все усилия к тому, чтобы свести до минимума роль индукции, т.е. внушения, подсказки при сборе сведений о «снежном человеке». Действительно, можно с уверенностью. сказать, что она ничтожна. Трудно было бы также объяснить, зачем значительное число людей, не сговариваясь и не извлекая из этого никакой выгоды, вздумало бы обманывать горстку ученых или даже широкую общественность. Исходить из постулата о лживости всех людей, кроме разве себя самого, довольно безрассудно. При этом, если бы наши информаторы просто сочиняли (или, допустим, ошибались), их показания неминуемо разошлись бы между собой. Поскольку существенного расхождения нет, решающим контрольным фактом для определения проверки возможной роли индукции является обнаружение довольно большого числа старых записей и материалов, по большей части давно забытых, которые, как оказалось, не расходятся, а, напротив, в основном совпадают с современными.

Собранный информационный материал может быть подвергнут широкому сравнению и количественной (если не сказать статистической) обработке. На такой базе результаты сравнительного метода имеют довольно высокую степень доказательности.

Объективно доказательным является совпадение (хотя бы в основном) сведений, исходящих из очень далеких друг от дру-

га территорий, от сильно разобщенных в культурном и языковом отношении народов; зафиксированных в разное историческое время и оставшихся забытыми; сообщенных, с одной стороны, представителями местного населения, с другой — лицами приезжими, не принадлежащими к местному населению и не успевшими получить сведении от населения. Такие совпадения нельзя истолковать иначе, как доказательство того, что за этими сведениями лежит наблюдение объективно существующего явления природы. О том же говорит и соответствие подавляющей части этой устной информации имеющимся налицо, хотя бы и немногочисленным, вещественным данным (следы, кисть руки, волосы и др.), как и наличие в устной информации многих морфологических и экологических деталей, совершенно несущественных в глазах информаторов, но приобретающих явный биологический смысл при обобщении разнообразной информации зоологом. Важно также, что собранные устные сведения о наблюдениях «снежного человека», при всем своем многообразии, как правило, не опровергают друг друга, расхождение же отдельных деталей вполне укладывается в рамки биологических представлений о внутривидовых вариациях. При этом получаемое в конце концов исследователем представление о морфологии и биологии «снежного человека», как увидим, вполне рационально в глазах натуралиста.

Такова научная основа сильно возросшей уверенности в реальности «снежного человека».

Любое из сообщений, приведенных в «Информационных материалах», рассматриваемое по отдельности, может быть взято под сомнение скептиками, но, кажется, никто из прочитавших четыре выпуска подряд не смог предложить другого удовлетворительного объяснения единства и непротиворечивости этого материала, взятого в совокупности. Таким образом, после пятилетнего периода ориентировки в смутной массе разнообразных сведений мы все более уверенно видим лежащий под ними твердый гранит факта.

Если биологическое истолкование проблемы «снежного человека» делает новые и новые успехи, то тем яснее видно фиаско попыток мифологического ее истолкования. Мысль о том, что все сообщения о «снежном человеке», «диком человеке» и т.п. относятся исключительно к области народной фантазии, противоречит прежде всего науке о мифологии и фольклоре. Надо очень плохо знать современное состояние этнографии и мифологии, чтобы думать, будто вопрос о народных поверьях — невспаханная полоса в науке. В наше время, во второй половине XX в., про-

извести крупное открытие в области народных поверий не менее трудно, чем в любой другой отрасли науки. Еще труднее — опрокинуть ее коренные общие положения, ее представления о культурно-этнических связях, о закономерностях распространения легендарных сюжетов и образов. Между тем тезис о том, что «снежный человек» представляет собою единый цикл легенд, распространенный среди множества народов Азии, принадлежащих к разным культурно-историческим, языковым, религиозным группам, цикл легенд, каким-то образом оставшийся «незамеченным» фольклористами, — этот тезис поистине означает переворот в фольклористике.

С другой стороны, против мифологической версии говорят и упомянутые реалистические результаты количественной обработки собранной массы первичной документации. Если речь идет о мифологическом образе, то чем больше мы наложим друг на друга записанных в разных географических районах рассказов, тем более будет под нашими руками расплываться и рассеиваться образ и в конце концов все признаки аннулируют друг друга. Обратная картина получается в данном случае. Казалось бы, например, что большое число указаний на встречи со «снежным человеком» в ночное время заставляет подозревать тут сходство с «нечистой силой». Но количественная обработка данных показала, что гораздо больше указаний на встречи в утренние и вечерние часы, при ничтожно малом числе указаний на дневные часы. Если бы речь шла о вымысле, не все ли равно каждому рассказчику, какое время суток указать, раз уже речь не идет о таинственной темноте ночи? Однако указывают как раз не на дневные часы, а на время хотя и хорошей освещенности, но примыкающее к ночи, что в глазах биолога свидетельствует о сумеречно-ночном цикле суточной активности данного вида животных, как и многих других крупных представителей горной фауны.

Вообще высокая степень конкретности и константности биологических признаков и свойств, получающаяся при обработке массового материала о «снежном человеке», служит едва ли опровержимым аргументом против мифологической версии.

Как могли бы мифы разных народов Азии совпасть в непонятных самим рассказчикам анатомических и биологических деталях? А ведь описание «дикого человека», извлеченное, скажем, из рассказов казахов, вполне соответствует, за вычетом немногих расхождений, описаниям подобного существа, полученным от шерпов в Гималаях, от маньчжуров и монголов, от таджиков и киргизов, русский зоолог В.А. Хахлов в 1914 г. собрал на Тянь-Шане в сущности такие же самые данные, но только более полные

и более точные, как и английский зоолог Чарльз Стонор сорок лет спустя, в 1954 г. в Гималаях. Достаточно было бы одного этого сопоставления, чтобы отбросить мифологическую версию. Впрочем, мы еще вернемся к ней в соответствующей главе.

Пока же достаточно сказать, что попытка объяснить наличную сумму сведений о «снежном человеке» («диком человеке» и т.п.) ссылкой на «лешего», «домового», «привидения» годится лишь для того, чтобы отмахнуться от проблемы. Какая польза науке, скажем, от предисловия, написанного антропологом Г.Ф. Дебецем в книге Ч. Стонора «Шерпы и снежный человек», если автор, сравнивая «йе-ти» и «лешего», игнорирует существование научной литературы и о том, и о другом вопросе? При этом записи народных легенд и поверий производятся этнографами с соблюдением определенных правил. Вместо использования всего этого, Г.Ф. Дебец всерьез ссылается на собственные туманные воспоминания: «Можно ли считать рассказы шерпов бесспорным свидетельством существования «йе-ти»? Нет, нельзя. Автору этих строк пришлось в 1929 г. побывать в верховьях реки Илима в Иркутской области. Теперь там проходит железная дорога, но тогда еще не было даже школы и буквально ни одного грамотного человека из числа местных уроженцев. Автору часто рассказывали там про лешего, причем с подробностями, не уступавшими рассказам шерпов о «йе-ти»« (Стонор Ч. Шерпы и снежный человек. М., 1958, с. 11 (Предисловие). На таких доморощенных «мемуарах» науку строить нельзя. Кто может теперь проверить, что на самом деле слышал Г.Ф. Дебец — рассказы про лешего, или, допустим, про действительного аналога «йе-ти»или он слышал совсем другие рассказы в совсем другом месте?

Распространенная прежде в народе вера в «нечистую силу» объясняется невежеством. Но в плачевное положение попадают и те ученые, которые думают, что про конкретные формы этих верований науке ничего не ведомо, что, скажем, биолог может смело хозяйничать в фольклористике. Так, например, зоолог Н.К. Верещагин выносит вердикт: занести сведения о «снежном человеке по ведомству леших и ведьм (Верещагин Н. Миф о снежном человеке // Охота и охотничье хозяйство. 1960, №5, с. 29.), — хотя он вовсе не специалист в этом ведомстве и поэтому не знает, что фольклористы не могут выполнить его приказ. Самих этих сведений и современного состояния вопроса о «снежном человеке» автор тоже не знает. Так, он критикует с точки зрения «современного уровня биологической науки» Стонора, Иззарда и советских исследователей данного вопроса за якобы допускаемую ими возможность обитания примата в зоне вечных снегов и льдов, хотя

как раз Стонор и Иззард уже полностью отвергли такое допущение в 1954 г. и сейчас ни один автор в мире его не придерживается. Н.К. Верещагин перепутал все без исключения местные наименования существ, подобных «снежному человеку», например, смешивая термин «алмас» с названием приключенческого кинофильма «Ущелье Аламасов», приводя какие-то не существующие в Монголии, Тибете, на Памире и Кавказе названия. Автор выдает за «достоверные» вымышленные сведения о каких-то группах, якобы искавших «снежного человека» летом 1959 г. в верховьях рек Самура и Судака и т.п. Словом, в статье «Миф о снежном человеке» нет ни крупицы знаний по рассматриваемому вопросу. Вот на такой почве и рождаются ссылки на «лешего». Трудно только понять, зачем серьезные ученые вдруг берутся писать по никогда не изучавшемуся ими вопросу.

Можно привести еще несколько примеров. На страницах украинского журнала «Наука и життя» выступал проф. И.Г. Пидопличко со статьями, посвященными «снежному человеку» и вопросам народной фантазий, причём статьи эти вызывают лишь один, все тот же вопрос: что побудило автора писать об этих двух совершенно не знакомых ему сюжетах? Географ проф. Э.М. Мурзаев опубликовал статью «Современный миф о снежном человеке» (Мурзаев Э.М. Современный миф о снежном человеке // Природа. М., 1961, № 4.). Почему «современный», спросит читатель? Мнение Э.М. Мурзаева, опирающегося на этнографа А.З. Розенфельд, состоит в том, что «снежный человек, гуль-бияван, ябалык-адам, аламас (sic!) — все это фольклорные герои одного ряда, связанного с медведем-оборотнем». Но в отличие от вышеназванных статей, сочинение Э.М. Мурзаева — не просто дилетантизм, но дезинформация: автор утверждает, что по просьбе «одного московского ученого» (имеется в виду Б.Ф. Поршнев) он во время экспедиции 1960 г. в Синьцзян, в горах Кунь-Луня и в других местах произвел «тщательный опрос» населения по поводу «снежного человека» и получил отрицательный результат. Участники же экспедиции сообщили нечто прямо противоположное. Самому Э.М. Мурзаеву пришлось написать, что участник экспедиции проф. Б.А. Федорович записал в свой полевой дневник рассказ одного жителя пос. Ташкурган, лично видевшего и описавшего труп «дикого человека». Может быть Э.М. Мурзаев не знает, что Б.А. Федорович передал эту запись, как и другую, в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», сообщив при этом, что начальник экспедиции Э.М. Мурзаев категорически запретил ему произвести проверку этих весьма реалистических данных путем назначения соответствующей премии. Далее, мимоходом Э.М. Мурзаев бросает фразу: «Некоторые охотники все же утвер-

ждали, что на границе Китая с Советским Союзом и Индией они встречали ябалык-адама. Он всегда одинок, не подпускает к себе людей, кидает в них камнями». Пусть автор отделывается от этого шуткой. Но, как видно из статьи, эти утверждения местных жителей в точном и подлинном виде не записаны, как у Б.А. Федоровича, в полевом дневнике Э.М. Мурзаева. А ведь фольклористика и собирание мифов тоже требуют документации. Вот какие уродливые формы приобрела фольклорная версия борьбы со «снежным человеком»!

И все-таки вопрос о «снежном человеке» — еще не решенный вопрос современной науки. Все, что сделано, все изложенное в этой книге, — лишь поиски верного решения. Наша попытка систематического изложения и обобщения имеющихся данных должна рассматриваться как построение рабочей гипотезы. Мы находимся еще в самом начале пути к решению загадки. Собранный материал, как ни велик он по сравнению с вчерашним днем, по всей вероятности уже завтра будет выглядеть ничтожно малым.

Широкий обзор информации и применение к ней сравнительного метода — это на данном этапе путь, ведущий вперед. Этим путем и надо будет еще некоторое время идти дальше, одновременно переходя к опытам полевых исследований, пока еще мало методически обоснованных.

До поры до времени мы будем находиться в положении астронома Леверье, который в 1846 г. вычислил точку неба, где должна находиться планета Нептун, и ее размеры. Леверье писал: «Я вижу ее моими умственными очами, я ощущаю ее щупальцами математического анализа так ясно, как если бы она находилась перед моими глазами...» Через две недели Галле обнаружил эту планету. Разница, однако, в том, что планету Нептун никто не наблюдал до предвычисления, а в наших руках — множество наблюдений, хотя еще и не приводивших к обобщению.

1961 год принес несколько попыток в зарубежной печати подвести обобщающие итоги всех предшествовавших исследований и сведений о «загадке доктора Эвельманса» — о загадке «снежного человека». Самой слабой из этих попыток является статья авторитетного французского антрополога проф. Анри Валлуа под названием «Что же мы можем сказать о йе-ти, взвесив все сообщения и факты?» (Vallois H.V. Récits et docunients bien pésees: Que savons-nous vraiment du yéti? // La Nature., 1961, décembre, p. 505–514.). Попытка основана не только на совершенно ничтожной информации, но в немалой мере и на недобросовестной дезинформации; во-первых, А. Валлуа оказал полное доверие материалам экспедиции Э. Хиллари, который ныне разоблачен спе-

циалистами как обманщик, сознательно пытавшийся ввести в заблуждение мировую науку; во-вторых, наши «Информационные материалы» известны А. Валлуа только в некорректном изложении первых двух выпусков неким Е. Шрейдером, при незнакомстве со следующими выпусками. Разве это можно назвать «хорошо взвешенной» информацией? Приходится признать эту статью проф. А. Валлуа стоящей вне науки. Значительно больший научный интерес представляет статья виднейшего английского приматолога доктора Османа Хилла «Современное состояние проблемы «снежного человека»« (Osman Hill W.C. Abominable snowmen. The present position // Orix., 1961, v. 6, №2, August, p. 86.). К сожалению, автор очень мало знает о советских исследованиях, зато важнейшие данные по Гималаям подвергнуты им осторожному вдумчивому анализу (см. ниже).

Несомненный интерес представляет книга английского зоолога Одетты Чернин (Tchernine O. The snowman and company. L., 1961.). Это серьезная сводка всех литературных данных, которые автору удалось собрать. Здесь немало новых материалов, относящихся к истории изучения вопроса. Автор, как и Осман Хилл, склоняется к признанию «снежного человека» биологической реальностью — неизвестным до сих пор видом высших приматов (сближаемым ею с орангутаном). Весьма интересны суждения автора о биогеографических условиях существования и расселения этого животного на обширнейших пространствах малообитаемых районов Азии и Америки. О. Чернин привлекла данные американских и советских специалистов, что значительно расширило ее научный кругозор. Однако советские исследования все же знакомы ей в очень малой степени, отчасти — по непроверенным слухам. Для широкого научного обобщения автору, ограниченному по-прежнему в подавляющей степени гималайскими сведениями, не хватило данных, уже имеющихся сегодня в других руках.

Первый научный труд такого рода был опубликован в 1961 г. известным американским биологом Айвеном Т. Сэндерсоном: «Противный снежный человек. Легенда оказалась былью. История о «суб-людях» пяти континентов от ледниковой эпохи до наших дней» (Sanderson Ivan T. Abominable Snowmen: Legend come to Life. The Story of Sub-Humans on Five Continents from Early Ice Age until Today. Philadelphia and New-York, 1961, p. 1–505. Bibliogr. p. 491–505.). Этот обширный и капитальный труд производит большое впечатление. Автор сделал здесь попытку обзора и систематизации огромного описательного, а также всего наличного вещественного материала по проблеме «снежного человека».

Очень смело он отодвинул «классические» гималайские данные довольно далеко на задний план и не уделил им особенно много места. Весьма спорно, прав ли А. Сэндерсон, выдвинув на первый план данные по Канаде и Северной Америке, которым отведено шесть глав в начале книги, — но во всяком случае это объясняется не только тем, что автор — американец, а и сознательным желанием взорвать, если можно так выразиться, «гималае-центризм» в данной проблеме, взятой в целом. Автор решительно пошел по пути применения сравнительного метода. Приятно отметить, что в известном смысле толчок к этому был дан нашими исследованиями. Сам А. Сэндерсон отмечает: «Эта советская деятельность пролила совершенно новый свет на весь вопрос и подняла его в целом на такой высокий уровень, что западные научные круги были принуждены почти кардинальным образом изменить свою позицию по отношению к нему» (Sanderson I.T. Op. cit., p. 19; Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 68.). Речь здесь идет не только о широком раздвижении географических рамок исследования, широких параллелях и сравнениях, но и о смещении всей проблемы по биологическому существу от «антропоидов» к «гоминидам», о чем, впрочем, мы будем говорить значительно ниже, в соответствующих главах.

Появление солидной монографии А. Сэндерсона свидетельствует о новом этапе в развитии изучения проблемы «снежного человека». Наши разногласия с А. Сэндерсоном по некоторым вопросам будут отмечены дальше. Но мы бесспорно сходимся с ним в понимании основной задачи сегодняшнего дня: для того, чтобы можно было двигаться вперед, необходимо обобщить, синтезировать, систематизировать гигантский предварительный материал, имеющийся в наличии, и дать в распоряжение науки рабочую идею, осмысленную модель изучаемого объекта. Всякий, кто прочтет яркую и впечатляющую книгу А. Сэндерсона, почувствует дыхание этой новой стадии всей международной работы. Это переход от отрочества к юности, — ибо, пожалуй, понятие зрелости надо сохранить для следующего этапа, который сейчас уже легче предвидеть, чем год назад.

Настоящая книга автора этих строк была в основном закончена в июле 1960 г. Это свидетельствует о том, что острая необходимость такого обобщения была сознана нами с А. Сэндерсоном более или менее одновременно. Пусть не говорят нам, что эти книги, отражающие лишь определенную ступень на пути к цели, могли бы и не появляться в печати, в ожидании, пока окончательная цель и полная ясность не будут достигнуты. Нет, наши книги — не только отражение сегодняшней ступени, но и необходимое условие перехода к завтрашней.

Глава 2

СО СТРАНИЦ ДРЕВНИХ КНИГ

В одном из древнейших памятников письменности, в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше» III тысячелетия до н.э. (истоки которого восходят к IV тысячелетию до н.э.) мы находим описание странного человекоподобного существа, которое затем претерпевает чисто сказочное превращение из животного в человека и даже в друга царя Гильгамеша. Можно различить две независимые сюжетные линии, которые когда-то сплелись воедино, образовав причудливый миф. Одна линия — это повествование о бывшем рабе царя Гильгамеша по имени Энкиду, который во главе жителей Урука, возмутившихся против чего-то вроде «права первой ночи», присвоенного Гильгамешем, одолел последнего в единоборстве, стал его соправителем и принудил его обратить свою энергию на походы и подвиги. Вторая линия — это история о человекоподобном животном «Эа-бани» («дикий»), о хитроумном приручении его охотником и пастухами, об использовании его сначала для охраны стад, в качестве сторожевого животного, а затем и в качестве охотничьего животного — при походе Гильгамеша в кедровые леса Ливанских гор для истребления подобных ему человекоподобных животных. В окончательной версии одиозная фигура раба Энкиду исчезает, а другом Гильгамеша оказывается чудесно обретший человеческий разум и красоту человекообразный зверь, на которого перенесено имя Энкиду.

Дело начинается с того, что некий пастух-охотник в долине Евфрата обнаруживает многократное появление на зверином водопое пришедшего в эти освоенные людьми места из степей и гор дикого .человекоподобного животного: «Богиня Аруру создала Эа-бани... он не имеет одежды, все его тело покрыто волосами, что же до волос на голове, то они подобны женским, пряди их подобны снопам колосьев». Этот пришелец не общается с людьми, не имеет местожительства в этих краях. Вместе с газелями он питается растениями, вместе с животными он приходит на водопой. Из дальнейшего текста мы узнаем, что этот человеко-зверь вообще живет в каком-то тесном симбиозе со стадами диких травоядных: он сосет их молоко, бродит с ними по степям и горам, он умеет охранять их от львов, леопардов и волков, сражаясь с одними, укрощая других, то есть хорошо зная и умея использовать повадки хищников, наконец, он охраняет их и от человека — «я вырою ямы — он их засыплет, я поставляю ловушки — он их вы-

рвет, из рук моих уводит зверье и тварь степную, — он мне не дает в степи трудиться!», жалуется своему отцу пастух-охотник. Этот «дикий человек» с волосатым телом не знает ничего человеческого: он никогда не стриг распущенные волосы и не облачался в одежды, он не умел есть хлеб и пить пиво, не имел человеческого разума и «понимания» (речи). Зато он несравним с человеком по быстроте бега, «крепче костью», чем сам легендарный Гильгамеш, физическая сила его огромна. Неоднократно подчеркивается, что он вырос и развился среди зверей.

Для «экологии» этого существа важно многократное упоминание, что он явился «из гор», «порожден в горах», хотя встречаются также формулы вроде «он в степи родился, его горы взрастили», а также просто «порождение степи (пустыни)». Перечень окружавшей его фауны находим в стенаниях Гильгамеша по поводу его смерти: антилопа и онагр его воспитали, животные в степи и на дальних пастбищах; «да плачут медведи, гиены, барсы и тигры, козероги и рыси, львы и туры, олени и серны, скот и зверье степное... младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер пустыни!» Из дальнейшего развития сюжета можно заключить, что Эа-бани (Энкиду) — выходец из «гор Ливана», то есть из гор восточного Средиземноморья, проведший жизнь в этих горах и в Сирийской пустыне, прежде чем оказаться на берегах среднего или нижнего течения Евфрата.

Пастух-охотник, обнаруживший «дикого» (Эа-бани), пригнал домой свой скот — устрашенный, онемевший, лицом подобный мертвецу. Он рассказал отцу об этом существе, к которому даже «приближаться не смеет». Умудренный опытом отец решил оторвать Эа-бани от зверья и приручить его с помощью женщины-блудницы. Очевидно, здесь учитывался и давний отрыв «дикого человека» от себе подобных, оставшихся в горах, и шанс направить его половой инстинкт на эволюционно близкое существо. После долгого подкарауливания у водопоя план был успешно осуществлен. Согласно эпосу, достаточно было семи суток пребывания с блудницей, чтобы произошло магическое превращение животного в человека. Но некоторые дальнейшие фрагменты, представляющиеся особенно древними, позволяют допустить, что некогда рассказывалось о долгом постепенном приручении. Его приучают к человеческой пище, он становится подобием сторожевой собаки при стадах пастухов: они могут спокойно спать, так как он способен не спать ночью и отгонять хищников. Долго ли пребывал он в этом положении — неизвестно. Дальнейшее поддающееся реконструкции реальное звено в эпосе — использование его царем Гильгамешем в походе в горы

Ливана для истребления живущего там в кедровых лесах Хувавы (Хумбабы), рисующегося таким же самым человекоподобным животным. Подчеркивается, между прочим, необычайно громкий крик Хувавы в горах. Тут попутно мы и узнаем, что Энкиду (бывший «дикий человек») как у себя дома в лесах, обитаемых Хувавой. Старейшины напутствуют Гильгамеша: «Пускай идет пред тобою Энкиду, ходивший теми стезями и путями: знает он лесные проходы, все повадки Хувавы знает». И в уста самого Энкиду эпос вкладывает слова: «Ведомо, друг мой, в горах мне было, когда бродил со зверьем я вместе... Дороги не бойся, на меня положися, хорошо мне известно его жилище, и пути, по которым бродит Хувава». Хувава — это, конечно, собирательный, персонифицированный образ. Герои похода убили не только Хуваву, но и «семь страхов», подобных или подчиненных ему, водившихся в том же лесу. Только благодаря одному приручennому индивиду удалось шумерским воинам разыскать в непроходимых лесах Ливанских гор несколько человекоподобных ужасных существ, истребление которых представлялось им священным долгом (Наряду с другими переводами, использованными нами, см.: Эпос о Гильгамеше. Перевод с аккадского И.М. Дьяконова, М. – Л., 1961.).

Таковы древнейшие сохранившиеся в памяти человечества и сросшиеся с мифами известия о волосатых людях-животных. Заметим пока лишь попутно, что эти известия указывают как раз на те горные районы Восточного Средиземноморья, где произведено столько важных палеоантропологических открытий, где найдены останки многих переходных форм от обезьянолюдей к людям современного физического типа, где ученые готовы видеть центр области превращения неандертальца в «человека разумного».

Не только описание, но и название Эа-бани привлекает внимание исследователя проблемы «снежного человека». Его название — в сущности то же самое, которое мы и сейчас, пять тысяч лет спустя, слышим у ирано-язычных народов, например, таджиков, для наименования существ, описываемых сходным образом: «биабани», «явони», «явои» и т.п.; тот же термин в разных вариантах (например, «биабан-гули», «гулэйбани») мы находим и у азербайджанцев.

Другая книга, принадлежащая к числу древнейших книг человечества, Библия, тоже содержит полустертые следы указаний на такие существа. Мы не будем приводить подробных цитат и комментариев, которые читатель может найти в специальной небольшой сводке ученого гебраиста раввина Йонах ибн Аарона, включеннной в упоминавшуюся уже книгу Айвена Сэндерсона. Эти существа выступают под названиями «гиборим», «сеирим»,

«шейдим», «некие волосатые», «разрушители», «могучие существа охоты» и др. Они отличаются от человека рыжим волосяным покровом тела, запахом, голосом. По словам Йонах ибн Аарона, составленный им физиологический образ этих «волосатых» свидетельствует, что это были гоминиды и, следовательно, они были способны к скрещиванию с людьми современного физического типа в случае достаточно близкого общения с ними. Как плоды такого скрещивания филологический анализ позволяет толковать, например, Исава и его сыновей. Вот сводное описание библейских «волосатых»: они имели длинные руки; их тело покрывали рыжие волосы, более темные на голове, чем ниже; ростом достигали 4,5 фута; ноги имели коротковатые, но вполне прямые; их локти, шея, ступня отличались необычной для человека шириной. Область их обитания была ограничена Синайским полуостровом, а также югом Египта. Во время пребывания евреев в Египте «волосатые» оказались каким-то образом тесно связанными с ними (вроде прирученных охотничьих животных?), при этом похищая их детей, нападая на них, так что евреям приходилось от их обстрела швыряемыми камнями укрываться в ямы, прикрытые ветвями, или скрывать свое местожительство листьями и песком. Выселившись из Египта, евреи, по Библии, перешли к новому обращению, к расправе с «волосатыми». Йонах ибн Аарон убедительно доказывает, что в описание обряда принесения в жертву двух козлов, из которых один подлежал закланию, а другой — отпущению в пустыню, вкралось текстологическое и смысловое искажение: слово «сеирим» (наименование описываемых существ) было заменено словами «сеирей изим» (волосатые козлы), хотя домашний козел, конечно, не обитает в пустыне и не уйдет туда, сколько его ни отпускай с людскими грехами (Sanderson I.T. Op. cit., p. 378 – 382; Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 429.).

Древнегреческий автор Ктесий, бывший врачом при дворе персидского царя Артаксеркса (V в. до н.э.), в сочинении об Индии писал, что в горной части этой страны, следовательно, в Гималаях обитают человекоподобные дикие животные. От Ктесия это сообщение заимствовали другие античные натуралисты, а затем и позднейшие европейские авторы. Не интересно ли опять-таки, что сейчас, две с половиной тысячи лет спустя, именно в тех местах, в Гималайских горах идут поиски «йе-ти» — «снежного человека»? Видимо, не только от Ктесия знали античные натуралисты о подобных существах. На подиуме амфитеатра в Помпее нарисовано пять сцен боев диких зверей и в том числе — тигра с обезьяноподобным и в то же время человекоподобным существом; предполагают, что это горилла, но высказывается и сомнение в

возможности для обезьяны выдержать бой на арене цирка с тигром, в то время как остальные изображенные пары в этом смысле вполне ясны. Так или иначе, Плинию и некоторым другим античным писателям были известны сведения о каких-то человекоподобных животных, водящихся в горах Азии, которые едва ли могут быть отнесены к известным человекообразным обезьянам.

Некоторые представления античных авторов любопытным образом резюмированы в попавшейся нам на глаза статье о диких и одичавших людях, опубликованной в 1731 году в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях к Санкт-Петербургским Ведомостям». Там говорилось, что «прежде верили, будто кроме обыкновенных людей еще иной род диких людей имеется, которые по лесам бегают, сие свидетельствуют языческие басни о сатирах и сильванах. Древние оных почти так изображали, как нынешние живописцы дьявола малюют... Сии сатиры, как сказывают, больше в ямах и иных потаенных местах живут, а когда какую женщину поймают, оную, не сотворив с ней блуда, не отпустят (Гераклит Тирский). Равным же образом они и во всех их телесных движениях, а особливо в плясании, зело бесчинно поступают; но ничего не говорят. Из сих сатиров, как сказывают, многие находятся в Индии (Плиний)... Как Сулла с войны возвратился, которую он с Митридатом имел, то привезли к нему такого же сатира, который близ Диррахма пойман был (Дополнения к Титу Ливию)».

У средневековых европейских путешественников по Азии имеется несколько упоминаний, то более фантастических, то вполне реалистических, о «диких людях», человекоподобных животных, обитающих в горах и нагорных пустынях. Так, Джиовани дель Плано Карпини, ездивший в середине XIII в. к монголам по поручению папы Иннокентия IV, в своей «Истории монголов» писал: «К югу от города Ханыла (видимо, современный Имиль, несколько к западу от оз. Кизилбаш) лежит большая пустыня, в которой, как утверждают, живут дикие (лесные) люди; они совсем не обладают никакой речью». Далее Плано Карпини передает неправдоподобные слухи об отсутствии суставов на ногах этих существ, умеющих однако очень быстро убегать, когда татары преследуют их, и якобы прижимающих к ранам траву, когда татары ранят их стрелами (ИМ, !,. №1).

Около 1396 г. немец (баварец) Иоганн Шильтбергер попал в плен к туркам, затем к Тимуру и проскитался в Азии свыше 30 лет, в том числе был подарен главе Золотой Орды хану Едигею, который находился в Монголии и Сибири. Это путешествие Штильбергер совершил состоя при претенденте на ханский престол в

Золотой Орде Чекре, который после смерти Тимура (1405) скрывался временно при дворе персидского шаха Мирана, а затем отправился к хану Едигею. Наблюдения Шильтбергера о ставке Едигея относятся, примерно, к 1410 г. «В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом ханском сыне по имени Чекра», — пишет Шильтбергер.

Вернувшись в Баварию в 1427 г., Шильтбергер написал свою известную «Книгу путешествий». Нас интересует в ней то место, где говорится о некоторых наблюдениях в «стране Сибирь», под которой, впрочем, может быть, Шильтбергер разумеет и Монголию. Дело в том, что, по его словам, «в стране этой находится гора, называемая Арбусс, простирающаяся на 32 дня ходьбы»; горы под таким же названием сейчас известны среди монголов у границ Юго-западной Гоби, но, может быть, речь идет, о Монгольском Алтае, «Живущие там люди считают, что за горой этой находится пустыня (очевидно, Гоби. — *Б.П.*), доходящая до оконечности света; никто не может также пройти через эту пустыню и жить в ней из-за обитающих там диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются в горах, питаясь листьями, и травой, и всем, чем придется. Владетель упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей — мужчину и женщину, которых поймали на горе, а также трех диких лошадей, которых там также словили; лошади же, живущие в этих горах, величиною с осла; водится там также много животных, которые в немецких землях не попадаются и которых я не могу назвать по имени...» (ИМ, I, №2.).

Очень важным контрольным моментом в этом рассказе служит упоминание о поимке диких лошадей, отличающихся небольшим размером. По-видимому, перед нами первое упоминание в европейской литературе о так называемой лошади Пржевальского. Достоверность существования этого животного как бы косвенно подтверждает и сообщение об обитающих в горах и лично виденных Шильтбергером в качестве подарков, поднесенных хану Едигею, диких волосатых человекоподобных животных.

В Центральной Азии, действительно, народная молва с древней поры хранит уверенность в существовании там «диких людей, наряду с такими не вызывающими у зоологов сомнения животными, как дикие лошади или дикие верблюды. Об этом мы узнаем, например, из текста киргизского народного эпоса «Манас», сложенного в середине IX в. и бережно передававшегося из уст

в уста несчетными поколениями. Согласно эпосу войска Манаса вышли из Минусинских степей, переправились через реки Орхон и Иртыш и направились в Китай. Интересно отметить, что в северной части Синьцзяна ныне есть река и город, которые носят название Манас. Так вот, в пути Манас обращается к своим дружинникам со словами:

А известно ли вам, что есть
Чудеса, которых не счесть,
На том великом пути,
Что нам еще предстоит?...
Кто о диком верблюде слыхал?
Кто о том, что есть дикие люди, слыхал?
(Перевод С. Липкина; ИМ, III, №76)

Не только устное творчество, но и многочисленные памятники письменности в Китае и Монголии, как и у других народов Азии, содержат древние сведения о человекообразных диких существах. Работа по собиранию этих сведений едва только начата. Мы располагаем пока разрозненными указаниями, например, знатоков древнекитайских сочинений и хроник. Так, в статье китайских ученых Пэй Вэнь-чуна, У Лю-кана и Чжо Мин-цына «Загадка снежного человека», которая была опубликована в феврале 1958 г. в газете «Гуанминь жибао», авторы сообщали, что в китайских народных рассказах, восходящих к глубокой древности, говорилось об обитании на юге Китая существа, похожего на «снежного человека». В нескольких древнекитайских книгах, цитируемых авторами, рассказывается о «диком человеке». Хотя авторы высказывают предположение, не имеется ли здесь в виду горилла, они приводят из этих древних книг не только такие черты, как лицо и форма тела, похожие на человека, длинный разрез рта, наличие на теле темной шерсти, но и совсем неожиданную деталь, повторяемую в нескольких древних свидетельствах: при встрече с человеком эти существа якобы, закрывая глаза, улыбаются или даже смеются. Они предпочитают горные ущелья, где иногда переворачивают камни, под которыми находятся крабы.

Следует отметить, что в одном из писем в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» проф. Пэй Вэнь-чун снова подчеркнул, что китайские специалисты в настоящее время располагают обильными сведениями из различных китайских древних памятников о «снежном человеке», «диком человеке» или «человеко-медведе», причем эти древние сведения схожи с современными рассказами населения; описания носят то более реалистический, то более фантастический характер.

Советский специалист Р.Ф. Итс, изучавший коллекции старинных китайских манускриптов и книг в Ленинграде, со своей стороны сообщил, что в этих летописях, хрониках и книгах он обнаружил немалое число упоминаний о существах, которые могут быть сближены со «снежным человеком».

В очень древней китайской книге писателя Гань Бао «Соу шэнь цзи» (III в. н.э.) записано пространное предание о такого рода существах, начинающееся словами: «В царстве Шу (территория современной провинции Сычуань. — *Б.П.*), в высоких горах Юго-запада, обитает существо, напоминающее обезьяну. Ростом оно в семь чи (чи — 0,32 м. — *Б.П.*). Может совершать те же действия, что и человек. Любит преследовать людей. Его называют Цзяго или Махуа; известно оно также под названием Цюэюань» (перевод М.Ф. Софронова) (ИМ, III, №75).

Известный тибетолог проф. Ю.Н. Рерих любезно сообщил нам следующие выписки из старотибетских книг. Из «Хождения Чаглоцавы тибетского в Индию» (начало XIII в.): «На пути из Центрального Тибета в Индию мне пришлось продолжать свой путь без спутников; хотя ми-гё (дикие люди) и были многочисленны, никакие разбойники меня ни разу не тронули» (ИМ, III, №77). В «Житии Шестого далай-ламы» (1683–1705) имеется рассказ о том, как он однажды, путешествуя по области Кон-по, заметил издалека два человекоподобных существа, покрытых густой шерстью. Спутник ламы хотя и был силен, но по молодости лет упал в обморок от испуга. Лама остался стоять и наблюдал за обоими существами. Существа эти перешли реку и, собрав в охапку все ветки с двух средней величины хвойных деревьев, снова перешли реку. Лама поднял своего спутника, и они бежали, причем существа бросились за ними. Ламе и его спутнику удалось укрыться в одном отшельничестве. Отшельники сказали им, что существа эти были «ми-трэ» («митэ») (ИМ, III, №78).

Проф. д-р Ринчен из Улан-Батора (МНР) сообщает нам: «В коллекциях покойного д-ра Жамцарано была рукопись одного бурятского монаха, совершившего путешествие в Тибет и Индию в XIX в., в которой упоминалось, что в горах Гималаев он видел диких волосатых людей, так что это будет первое письменное сообщение о гималайском снежном человеке, причем монах этот упоминал и об обезьянах, отличая их от волосатых людей» (ИМ, I, №6).

Но вернемся к более ранним рукописным свидетельствам. Высказывается предположение, что в древнеиндийском трактате «Чжю-ши» («Четверокнижие»), содержавшем основы медицинских знаний, могли быть указания об использовании внутренних органов «дикого человека». Предположение это основано пока

лишь на том, что в более поздних тибетских и монгольских медицинских книгах читатель отсылается за более подробными сведениями по данному вопросу к тибетскому медицинскому толкованию на это древнее «Чжю-ши», написанному в X–XI вв. и известному под названием «Лхэн-Таб». К сожалению, соответствующие сведения из «Лхэн-Таб» пока еще не извлечены. Но зато опирающиеся на него ксилографические книги XVIII и XIX вв., печатавшиеся в Пекине и Улан-Баторе, найдены в ленинградских и улан-батороких коллекциях и использованы исследователями вопроса о «снежном человеке» как в СССР, так и за рубежом (Поршнев Б.Ф. Два открытия или одно? // Знание-сила. М., 1960, №2, с. 18—21, с. 206—209; Vlček E. Old literary evidence for the existence of «snow man» in Tibet and Mongolia // Man. London, 1959, v. LIX (59?), august.). В «Атласе естественных наук», напечатанном в XVIII в., мы находим изображения употребляемых для изготовления разных лекарств растений и животных, так же как и рисунки медицинских инструментов. Нарисованные растения и животные реально существуют в Центральной Азии. Написанные рядом с рисунком тибетские и монгольские названия соответствуют современным. Изображения отличаются сходством с натурой, хотя и выполнены стилизовано. Среди них, около изображений обезьян (макака и лангура), находится рисунок, представляющий двуногое человекоподобное существо, стоящее на камнях (важное для зоолога отличие от находящегося рядом изображения макака на ветке дерева), а также выглядывающую из скал физиономию другого; может быть, это самец и самка. Надписи гласят, что это животное называется по-тибетски «ми-гё» (дикий человек), по-монгольски — «хун-гурэсу» (человек-зверь). Можно ли думать, что этот рисунок сделан с натуры? Появлению книг-ксилографов исторически предшествовали рукописи, поэтому можно предположить, что рисунки в данной книге — не оригиналы, а перерисовки с более древней рукописи. Но все рисунки оставляют впечатление отчетливого знакомства художника с объектом.

Ниже мы еще вернемся к вопросу об этом изображении, но сейчас стоит напомнить поучительную ошибку по поводу чапрачного тапира, допущенную европейскими зоологами как раз потому, что они пренебрегли его изображениями в древнекитайских книгах.

В более позднем медицинском атласе, изготовленном около ста или более лет спустя (XIX в.), художник уже не обнаруживает знакомства с данным изображаемым животным; отражая, очевидно воздействие народных или ламаистских легенд, он придает этому существу облик скорее демона, злого человекообразного

духа чем дикого животного. Но зато тут к иллюстрации приложен очень любопытный текст: «Ми-гё , обитающий в высоких горах, вид медведя, имеющий облик человека. Отличается чрезвычайно большой физической силой». Далее следуют указания к медицинскому использованию его мяса и органов (ИМ, III, №81, 82).

Внимание исследователя не может не привлечь противоречие между утверждением, что перед нами «вид медведя», и изображением, не имеющим ни малейшего сходства с медведем. Параллели к этому странному противоречию замечены историками древнекитайского искусства: под одним рисунком на камне ханьской эпохи, ясно изображающем стоящее на двух ногах волосатое человекоподобное существо, стоит подпись «Охота на медведя». Точно так же на серии других рисунков, относящихся к этому традиционному сюжету «охота на медведя», медведь был изображен более похожим на человека, во всяком случае стоящим вертикально. Как не связать этой древней литературной и художественной загадки с весьма распространенным в Китае современным наименованием «человек-медведь», вносящим большую путаницу в умы исследователей, так как оно применяется и к обыкновенному бурому медведю (Ursus arctos), и к существам, описываемым как «дикие люди». Древняя фольклорная традиция, прикрывшая этих последних словом «медведь», оказывается тут несомненным затруднением на пути зоологического исследования.

И все же не только страницы старинных рукописей и книг, но и изустные предания хранят много известий, которые в дальнейшем, наверное, будут использованы так или иначе будущими исследователями истории знакомства человечества с животным видом, именуемым сейчас «снежным человеком». Так, среди народа лепча в юго-восточной части Непала Ч. Стонор записал такое предание, передаваемое давным-давно из поколения в поколение. «В наших горах издавна водилось животное, известное нашим предкам как тхлох-мунг, что на нашем языке значит «горный дикарь». Хитрость и свирепость тхлох-мунга были столь велики, что он считался достойным противником каждому, кто с ним повстречается. Наших охотников лепча, с их луками и стрелами, он всегда мог перехитрить. Говорили, что тхлох-мунг живет в одиночку или с очень немногими ему подобными; иногда он ходил по земле, а иногда и лазил по деревьям. Встречался он только в самых высоких горах нашей страны. Хотя тхлох-мунг очень походил на человека, тело его покрывали длинные темные волосы; он был гораздо умнее обезьяны и крупнее ее по своим размерам... Люди размножались, вырубались леса, исчезала глухомань. Исчез и тхлох-мунг. Но многие говорят, что это существо встреча-

ется еще в горах Непала, далеко на западе, где племя шерпов называет его «йети» (ИМ, I, с. 26-27.). У других племен Непала Стонор слышал сходные предания. «Много поколений назад, «пожалуй, 30, а может быть и 70, точно никто не знает», это существо жило в горах, неподалеку от деревушки. Но с ростом населения зверь вымер или покинул эти места. Предполагают, что он живет теперь где-то далеко на севере, в стране шерпов» (Ibidem, с. 23.).

А вот запись, произведенная в XVII в. в горных районах южного Китая одним из видных ученых-эрудитов того времени, немецким естествоиспытателем Атанасиусом Кирхером (1601–1680). Кирхеру принадлежит ряд работ по физике, математике, он был одним из инициаторов первой магнитной съемки в мировом масштабе около 1637 г. В Риме до сих пор хранится коллекция предметов естественной истории, физических и математических инструментов Кирхера. Но, будучи натуралистом, он занимался также историей и археологией Италии, историей Египта, преподавал восточные языки. В 1667 г. в Амстердаме вышла его книга о путешествии в Южный Китай содержащая всестороннее описание этой страны. В главе VII, посвященной фауне Китая, представляющей ценность еще и сейчас (например, там содержится описание исчезнувших к нынешнему времени в тех местах слонов и т.п.), есть такой параграф: «Лесные люди». «Обнаружено, — пишет тут Кирхер, — что в горах провинции Фуцзянь встречается волосатое животное, подобное «персидскому человеку» (homo persus); равным образом сообщают, что в провинциях Юньнань и Хунань встречается антропоморфное существо, именуемое «фет», с более длинными, чем у человека, руками темным и волосатым телом, бегающее очень быстро, антропофаг, при встрече с человеком существо это подает голос, подобный человеческому смеху, а затем набрасывается на встречного. Патер Генрих Рот — продолжает Кирхер — рассказывал мне, что в то время, когда он был в Агре, царю Моголов было доставлено подобное чудище, которое называли «лесным человеком» (homo silvestris)». Из дальнейшего текста можно предположить, что миссионер Генрих Рот наблюдал упомянутое существо в 1660 г. в г. Агре во время необычайной процессии различных искусно дрессированных животных, подаренных Великому Моголу Аурангзебу одним из индийских князей.

Атанасиус Кирхер делает любопытное естественно-научное заключение по поводу собранных им сведений: «Я, сведущий в различных историях, думаю, что существа эти должны быть причислены к некоему виду диких огромных обезьян, ибо у них и тело волосатое, и улыбка показывает, как у обезьяны, сморщенный узкий лоб, приплюснутый нос и оскаленные зубы, когда же

существа эти раздражены или ранены, то издают своим голосом шипящие звуки» (ИМ, IV, №126).

Несомненно, все приведенные выше старинные свидетельства, касающиеся существования в горной Азии дикого человекоподобного животного, очень фрагментарны. Эта глава истории вопроса о «снежном человеке» еще должна быть когда-либо систематически и связно написана. Пока же перечисленные штрихи могут лишь засвидетельствовать древность знаний человечества об этом существе, однако знаний разрозненных, нередко вплетенных в эпос, фольклор, жития святых, т.е. знаний еще в полном смысле слова до-научных.

Мы даже не пытаемся здесь охватить эпос и древнюю литературу всех областей Азии, где подобные разрозненные сведения могут быть и несомненно будут собраны. В частности, мы пока оставили совершенно в стороне упоминания такого же существа в древней арабской и персидской литературе. Но обследование комплекса арабско-персидских древних письменных памятников — дело будущего. Пока отметим лишь, что существа эти выступают тут преимущественно под именем «дивов» или «дэвов», что весьма затрудняет размежеваное элементов мифологических (ибо «дивы» — это несомненные мифологические существа, духи) от обильных реалистических элементов, которые могут быть признаны отражением действительности — интересующего нас «дикого человека». Рассказы такого рода восходят к пехлевийскому эпосу. Их позднюю литературную обработку мы находим в «Шах-Намэ» Фирдоуси. Исследователь может обнаружить биологическую реальность в различных эпизодах, связанных с «дивами» также и в других классических произведениях восточной литературы: в «Искандер-Намэ» Низами, в «Давиде Сасунском».

А сейчас остается в заключение главы вернуться в Европу и сказать об одной старой книге, которая в данном вопросе является своего рода рубежом между донаучным и научным периодами. Это — вышедшая первым изданием в 1735 г. «Система природы» великого шведского ученого Карла Линнея.

Линней — медик и естествоиспытатель. С 1739 г. он был президентом шведской Академии наук. Созданная Линнеем система классификации растительного и животного мира завершила огромный предшествующий труд ботаников и зоологов. Выдающимся достоинством этой классификации являлось то обстоятельство, что в ней человек был включен в систему животного царства и отнесен к классу млекопитающих, к отряду приматов. При этом по своему мировоззрению Линней был еще противником идеи исторического развития органического мира. Он считал, что число видов остается в общем постоянным со времени

«сотворения мира» и что задачей систематики является раскрытие извечно установленного порядка в природе.

Правда, огромный биологический опыт Линнея к концу жизни несколько поколебал это представление о неизменяемости природы и он в осторожной форме уже стал высказывать предположение, что, может быть, все виды каждого рода разветвились из первоначального единого вида, а некоторые новые виды образовались путем скрещения прежних. Это отступление от метафизического представления о неизменности видов, унаследованного от средневекового понимания природы, было знаменательным шагом, но все же для «Системы природы» Линнея, выдержавшей при его жизни 12 изданий, каждый раз перерабатывавшихся, осталось характерным другое: виды животных и растений в его глазах стоят не друг после друга, а рядом друг с другом. Обоснованием классификационных групп служит сходство. Вот почему для Линнея было очень важно расположить человека среди возможно более сходных с ним видов. Иными словами, материалистическая тенденция здесь проявилась не в идее происхождения человека от обезьяны через промежуточные эволюционные формы, а в выделении таких разновидностей и видов, которые как бы перекидывают классификационный мостик между человеком и обезьяной.

Именно поэтому Линней выделил в особую разновидность Homo ferus, т.е. детей, воспитанных животными вне человеческого общества и утративших, как он полагал, некоторые видовые человеческие признаки. Но это еще далеко не могло бы сцементировать дерзкого включения человека в систему классификации животных. И вот Линней, по-своему будучи логичным, находит возможным составить род «Человек» (Homo) из двух видов: «Человек разумный» (Homo sapiens) и «Человек пещерный» (Homo troglodytes), он же «человек ночной», «сатир» и т.п.

Впоследствии выяснилось, что к описанию вида «ночной человек» Линней привлек немало и таких данных, которые в действительности относятся к человекообразным обезьянам, а также и к мифологическим существам. Когда человекообразные обезьяны были открыты и изучены, зоологи отбросили эту как будто опустевшую графу линнеевской классификации, они лишь применили употреблявшиеся тут термины troglodytes — к шимпанзе, satyrus — к орангутану. Отмерла понемногу и теоретическая потребность в таком связующем звене, поскольку были найдены другие, ископаемые.

Но неужели чутье натуралиста полностью обмануло Линнея в этом случае? Чем больше мы вчитываемся в его данные, тем яс-

нее ощущаем, что из описания «Homo troglodytes» не все без остатка разнесено зоологами по другим рубрикам. Несомненно также, что уверенность Линнея базировалась на большем числе сведений, чем он процитировал. Приведем хотя бы одно соображение. В своей характеристике «ночного человека» Линней не ссылается на использованное выше описание, сделанное за 70 лет до него Кирхером. Это кажется поразительным, принимая во внимание не только огромную эрудицию Линнея, привлечение им в данном вопросе и второстепенных авторов, но и то, что Линней работал и опубликовал «Систему природы» в Голландии, где была напечатана и книга Кирхера о путешествии в Китай. Линней просто не мог бы не знать из нее глав о флоре и фауне. Разгадка, может быть, кроется в том, что протестант Линней предпочел прямо не ссылаться на членов ордена иезуитов, какими были Атанасиус Кирхер или Генрих Рот. Но некоторые сходные места, например, параллельные рассуждения о детях, выращенных животными, позволяют утверждать, что Линней, конечно, знал книгу Кирхера.

У зоологов существует незыблемый обычай: новому открытому виду дается то латинское наименование, которое было предложено первым, все равно, удачно ли оно указывает видовой признак, или даже вовсе ошибочно; вполне достаточно, если при этом была сделана хотя бы попытка дать описание. В крайнем случае может быть изменено первое слово, т.е. родовое имя. Пока указанным условиям вполне отвечает попытка Линнея, подводящая черту под древними неясными знаниями о «снежном человеке». Отсюда начинается уже история науки.

Хотя идея Линнея и была надолго забыта, данному виду, очевидно, может быть присвоено научное зоологическое наименование Homo troglodytes Linnaeus.

Если же искать нового описательного названия, наиболее подходящим было бы, как увидим ниже, Homo (или Pithecanthropos) alalus velus.

Глава 3

УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Наука делает только те открытия, до которых она дозрела. Замечательный русский путешественник по Центральной Азии Н.М. Пржевальский был вполне на уровне зоологии своего времени. Он совершил в 70—80 гг. XIX в. множество замечательных

открытий, в том числе и в области зоологии. Но вспомним, что в то время крупнейшие авторитеты признавали неандертальские черепа принадлежащими патологическим современным субъектам, яванский питекантроп еще не был найден. С другой стороны, вспомним, что горный горилла был открыт только в 1901 г. Науки о происхождении человека в сущности еще не было. Даже теория Дарвина в целом едва только начала распространяться. В этих условиях станет понятным, что Н.М. Пржевальский, хотя, судя по некоторым данным, был у порога открытия «снежного человека», все же не сделал этого открытия.

Изучение печатного и архивного наследства Пржевальского позволяет допустить, что во время своих путешествий по Центральной Азии он располагал некоторым комплексом сведений о «диком человеке», которые он сам однако не счел отвечающими реальности, настойчиво подыскивая им всякие, с его точки зрения более реалистические истолкования.

Таковы, прежде всего, полученные во время первого центрально-азиатского путешествия в 1872г. в китайской провинции Ганьсу сведения об обитании в горах Нан-шань «хун-гурэсу» (человеко-зверя).

Вот отрывок из книги об этом первом путешествии — «Монголия и страна тангутов». «Еще ранее прихода нашего в Ганьсу мы слышали от монголов о каком-то необыкновенном звере, который водится в названной провинции и называется хун-гуресу, то есть «человек-зверь». Рассказчики уверяли нас, что это животное имеет плоское совершенно человеческое лицо и ходит большей частью на двух ногах; тело у него покрыто густой черной шерстью, и лапы вооружены огромными когтями. Сила зверя страшная; на него не только не решаются нападать охотники, но даже жители укочевывают из тех мест, где появляется хун-гуресу.

Подобные рассказы мы услышали и в самой Ганьсу от тангутов, которые единогласно уверяли, что вышеописанный зверь водится в их горах, хотя и очень редок. На наш вопрос: не медведь ли это? рассказчики отрицательно трясли головой, говоря, что медведя они знают хорошо.

Придя летом в 1872 г. в горы Ганьсу, мы объявили награду в 5 лан тому, что укажет нам местопребывание легендарного хун-гуресу. Однако с подобным известием никто не являлся; только тангут, временно находившийся при нас, сообщил, что хун-гуресу постоянно живут в скалах горы Гаджур, куда мы отправились в начале августа. Но в заповедных скалах мы не нашли удивительного зверя и уже отчаивались когда-либо увидеть его, как вдруг я узнал, что в небольшой кумирне, верстах в 15 от Чер-

тынтона, находится шкура хун-гуресу. Через несколько дней я отправился в эту кумирню и, сделав ее настоятелю подарок, просил показать мне редкую шкуру. Просьба моя была исполнена, но, увы вместо чудовища я увидел набитую соломой шкуру небольшого медведя. Все рассказы о хун-гуресу теперь стали басней, да и сами рассказчики, после моего уверения, что это медведь, начали говорить, что хун-гуресу не показывается людям, но охотники иногда видят только его следы.

Медведь, шкура которого была мне показана, имел в стоячем положении 4,5 фута (1,37 м) вышины. Морда была вытянутая, голова и вся передняя часть тела грязно-белого цвета, зад темнее, а ноги почти черные... К сожалению, я не мог сделать более подробных измерений и описаний, чтобы не возбудить подозрения (?).

Весной следующего года нам привелось увидеть такого же медведя и на воле...

По словам монголов, эти медведи в значительном числе обитают в тибетских хребтах Бурхан-Будда и Шуга, живут они здесь в скалах, но летом выходят на равнины и являются даже на берега Мурусу» (ИМ, I, №3.).

Многое удивляет в этом рассказе Пржевальского. И прежде всего — как-то незамеченное им явное противоречие между утверждениями жителей, что медведя (пищухоеда) они хорошо знают, их осведомленностью о местах, где он обитает и странствует, и его выводом, что они же принимали шкуру такого медведя за шкуру «хун-гуресу», которого описывали совсем иначе. Остается впечатление, что Пржевальский поспешил успокоить себя первым же подвернувшимся объяснением. Этот обычно достаточно предусмотрительный путешественник и не подумал, что хранящаяся в кумирне шкура этого существа может иметь ритуальное значение и настоятель постарается не показать ее, при этом рассчитывая на неосведомленность русского путешественника в зверях.

Наш скепсис в отношении приведенного отрывка из печатного отчета Пржевальского еще более возрос, когда в его черновых дневниках, хранящихся в архиве Всероссийского Географического Общества, была В.Л. Бианки найдена подлинная запись того места, где речь идет о «хуы-гурэсу». Эта запись заставляет считать, что в печатном тексте Пржевальский сильно преувеличил свои усилия проверить подлинность «хун-гурэсу». Вот она.

Август 1872 г. «Перешли в верхние части Северного хребта и остановились возле скал Гаджур, самых высоких и диких во всем хребте. Палатка наша стоит теперь на высоте 12 т.ф. Место прегадкое — сырое, неровное, но зато отсюда удобно ходить на охо-

ту и экскурсии. В скалах, по единогласному заверению тангутов, живут хун-гурэсу.

...Девятый день идет проклятый дождь... Еще семь дней, всего шестнадцать дней сряду идет дождь, почти не переставая... Ходить решительно невозможно ни на охоту, ни на экскурсии. Поневоле сидишь сложа руки.

Этот хребет (Северный хребет гор Нань-шань. — *Б.П.*) подобно Южному ограждает течение реки Тэтунг-газ, но только с северней стороны... Этот хребет гораздо менее скалист, нежели южный. Здесь самая скалистая группа есть гора Гаджур, лежащая в 25 верстах к востоку от кумирни Чертынтон. В западной окраине этой горы среди громадных скал лежат два озерка, образованные из горных ключей. Наибольшее из этих озер называется Демчук... Озеро считается святым, и здесь совершается ежегодно богослужение ламами из кумирни Чертынтон. (На таких ежегодных богослужениях, согласно другим сообщениям, в ритуальных целях как раз и используются шкуры «снежного человека». — *Б.П.*). Кроме того, сюда часто приходят тангуты, чтобы молиться. На этом озере не так давно один гэген проживал семь лет в пещере, имея с собою только прислужника, — того самого тангута, который был у нас проводником в горы Гаджур.

...Относительно зверей можно сказать, что их мало как в Северном, так и в Южном хребтах. Главною причиной этому служит, вероятно, множество охотников... Из крупных зверей, кроме тарбаганов и косули, водятся те же самые, что и в Алашаньских горах: олень, куку-яман, кабарга и волки. Кроме того, говорят, есть, но очень редко, медведи, барсы и баснословный хун-гурэоу... Из мелких млекопитающих... я нашел здесь хорька» (ИМ, I, №3.). По воспоминаниям В.А. Хахлова, о «диких людях» Центральной Азии еще много раньше П.К. Козлов беседовал в Зайсане с его отцом, причем оба собеседника относились к этому с сомнением. Однако навряд ли случайно, что ученик П.К. Козлова А.Д. Симуков в дальнейшем принялся за изучение проблемы «хун-гурэоу».

Приведенные записи из дневника датированы 2–16 августа. Запись от 19 августа относится уже к Южному хребту. Из замечаний Пржевальского о погоде ясно, что обследовать Северный хребет ему в сущности не удалось. Да и служка ламы в горах Гаджур вероятнее имел задачей отвести путешественников от наблюдения данного животного, как это еще недавно делали маньчжуры с охотниками на тигров, почитаемых хозяевами тайги. Проверка Пржевальским сведений о «хун-гурэсу» ограничилась, по-видимому, посещением указанной кумирни, где настоятель, возможно, постарался его обмануть. Последующие же

русские путешественники по Центральной Азии придали непререкаемое значение утверждению Пржевальского, будто рассказы о «человеко-звере» или «диком человеке» относятся к медведю-пищухоеду.

Во время своего третьего центральноазиатского путешествия Пржевальский снова в 1879 г. перевалил через Нань-шань и обследовал его северные и южные склоны. Как раз при спуске на южных склонах произошел эпизод, до последнего времени не привлекавший большого внимания. Во время охоты на уларов и дикого яка один из участников экспедиции казак Егоров пошел по кровавому следу подраненного яка, сбился с пути, не был найден, но через пять суток по счастью сам набрел на своих, находясь уже в тяжком состоянии. В передаче Пржевальского рассказ Егорова о его блужданиях в горах ясен и не вызывает вопросов (Пржевальский Н.М. От Зайсана через Хами в Тибет., 1948, с. 120–124.).

Но этот эпизод получил совсем новое освещение в результате недавнего сообщения в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» известного знатока доистории Средней Азии Г.В. Парфенова о его беседе с другим выдающимся русским путешественником, П.К. Козловым, записанной им в 1929 г. В то время Г.В. Парфенов заведовал в Смоленске мемориальной комнатой и библиотекой Н.М. Пржевальского, а П.К. Козлов приехал в Смоленск прочесть несколько лекций о его путешествиях. «Я, как и другие, заметил, — сообщает Г.В. Парфенов, — что, рассказывая эпизод о временном исчезновении казака Егорова, П.К. Козлов словно что-то не досказывал об обстоятельствах. Поэтому, оставшись с П.К. вдвоем в номере гостиницы, я задал ему вопрос: что же особенного случилось тогда с Егоровым? Дело в том, что в письмах или черновиках Пржевальского я читал более подробные чем в печатном отчете сведения о лоб-норских диких людях, живущих в тугаях, не знающих огня, ловящих рыбу руками и поедающих ее сырой. Я мысленно сопоставлял эти сведения с данными о дикой лошади и диком верблюде. Я принимал во внимание и данные Уварова о древности человека в Азии. П.К. Козлов насторожился, спрашивая меня: что я имею в виду? Уж не предполагаю ли я, что там мог уцелеть доисторический человек? Вот тогда-то, на мой положительный ответ, П.К. и рассказал, что в районе охоты на дикого яка Егоров, по словам последнего, встретил диких людей. Рост и физический облик этих существ сходен с человеком, но тело их покрыто волосами. П.К. упоминал о каких-то издаваемых ими звуках... В связи с этим-то разговором — заканчивает Г.В. Парфенов свое сообщение П.К. и порекомендовал мне заняться историей Средней Азии» (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».).

Трудно было бы уверенно сказать, почему утверждение Егорова о наблюдении им диких волосатых человекоподобных существ на южных склонах Нань-шаня дошло до нас лишь из третьих рук. Все же в пользу его достоверности можно высказать предположение, что Егоров видел тех самых «хун-гурэсу», о которых в этих горах уже слышал Пржевальский (при описании их внешности может быть краски были несколько сгущены) и которые на этот раз обнаружились из-за интенсивного пищевого стимула — долго бредшего и умершего от раны дикого яка, вблизи которого как раз был Егоров.

В четвертом путешествии, в 1883 г., Пржевальский узнал о незнакомых с огнем и одеждой «людях», живущих в тростниках Лоб-нора и болотах Нижнего Тарима в «состоянии полной дикости». Более подробные сведения в рукописях Пржевальского еще не разысканы. В печатном тексте Пржевальский не привел имевшихся у него конкретных данных, имеющихся в его письмах, по словам Г.В. Парфенова. На этот раз он связал указанные сведения не с медведем-пищухоедом, а с преданиями о беглых буддистах, в XIУ в. укрывшихся в тростниках Лоб-нора от преследователей магометан (Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. 1948, с.186.). Однако кое-какие имеющиеся сейчас сведения об обитании «дикого человека» («снежного человеке») и в горах Нань-шань и в тростниках Лоб-нора, может быть, позволяют думать, что на Лоб-норе Пржевальский был в третий раз вблизи «хун-гурэсу», в третий раз на пороге несостоявшегося открытия...

Шли годы. Изредка появлялись на страницах русских научно-популярных журналов своеобразные вести из зарубежных стран. То журнал «Природа и люди» публикует в 1899–1900 гг. корреспонденции о якобы привезенном из Гималаев в Европу неведомом человекоподобном существе (что оказалось неверным). То журнал «Живописное обозрение» в 1904 г. перепечатывает заметку из «Дэйли мейл»: корреспондент из Лхасы сообщает, что, по рассказам тибетцев, в какой-то местности по р. Брахмапутре живут такие дикие люди, которые ходят без одежды, не обладают никакой членораздельной речью, не имеют орудий или оружия, так что в драках пускают в ход зубы и ногти (позволительно высказать удивление, как это корреспондент газеты «Дейли мэйл» Ралф Иэзард, собравший в своей книге о «Снежном человеке» множество сообщений со всего света, в том числе далеко не первоклассных, упустил это сообщение собственной газеты.). Но это не были самостоятельные исследования отечественных ученых.

В данном отношении гораздо важнее отметить хотя бы и стоящее совсем особняком выступление в 1899 г. в печати видно-

го зоолога К.А. Сатунина: «Биабан-гули». Речь здесь шла о диком человекоподобном животном на юге Кавказа, в Талышских горах. К.А. Сатунин был крупнейшим исследователем фауны Кавказа, в первую очередь млекопитающих, и описал большое количество новых видов. Поэтому, казалось бы, не могла не привлечь внимания статья этого опытного полевого исследователя, в которой он привел не только рассказы населения, частью сказочные, частью реалистические, но и одно собственное наблюдение, к которому он счел возможным применить слова «я ясно увидел» (Сатунин К.А. «Биабан-гули» // Природа и охота. М., 1899, кн. VII , с. 28–35.). Однако тема, затронутая Сатуниным, не была подхвачена никем из зоологов-кавказоведов. Эта нить надолго оборвалась.

В 1906 г. произошло событие, значение которого, тоже было оценено лишь много позже. Молодой ученый-востоковед, бурят по национальности, Б.Б. Барадийн в 1905–1907 гг. получил от Российского географического общества в Петербурге командировку для путешествия через Монголию в Тибет. Как он впоследствии сообщил своему другу, ученому-монголоведу Ц.Ж. Жамцарано, на пути следования в тибетский монастырь Лавран, во время прохождения каравана через пустыню Алашань в апреле 1906 г., в урочище Бадын-джаран, он близко и ясно видел необычайное существо. Описание случая, сделанное Барадийном, до нас не дошло, и мы можем восстанавливать картину только сопоставляя несколько записей, сделанных разными лицами по рассказам проф. Жамцарано.

В 1930 г. корреспондент газеты «Комсомольская правда» М.К. Розенфельд, разумеется, ничего не слышавший о «снежном человеке», в своей книге «На автомобиле по Монголии» (позже, в вольном пересказе и в книге «Ущелье алмасов») привел следующую запись рассказа проф. Жамцарано. Последний говорил об одном недавнем случае появления «дикого человека» — «алмаса» возле монгольского кочевья. «Я мог бы рассказать множество подобных историй, но боюсь, что вам они покажутся легендами, суевериями темных людей», — продолжал ученый. «Однако меня эти рассказы убеждают, что «алмасы» действительно существуют. В описаниях путешествий по Центральной Азии часто встречаются упоминания о «диких людях»... Все эти факты идут из древности. Впрочем, есть источники и совсем недавнего времени. В 1906 г. профессор Барадийн шел со своим караваном в песках Алашани. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, когда пора было уже остановиться на ночлег, караванвожатый, посмотрев на холмы, вдруг испуганно закричал. Караван остановился, и все увидели на песчаном бугре фигуру волосатого чело-

века, похожего на обезьяну. Он стоял на гребне песков, освещенный лучами заходящего солнца, согнувшись и опустив длинные руки. Алмас с минуту смотрел на людей, но заметив, что караван увидел его, скрылся в холмах. Барадийн просил нагнать его, но никто из проводников не решился» (ИМ, I, №4).

В последнем пункте запись Розенфельда расходится с записями ученика проф. Жамцарано — видного монголоведа проф. Ринчена. «Покойный ныне профессор Б. Барадийн был единственным русским ученым, которому посчастливилось во время своего путешествия встретиться с алмасом. В караване, шедшем в буддийские монастыри Тибета Гумбун и Лавран, вместе с проф. Барадийном ехал и ученый монах ургинского монастыря Шараб Сиплый, славившийся необычайной физической силой. В урочище Бадын-Джаран во (36/37) внутренней Монголии Барадийн был изумлен появлением волосатого человека, перебежавшего путь каравану и поднявшегося на бархан. Шараб Сиплый объяснил ученому, что это дикий человек — алмас, и, соскочив с верблюда, бросился вслед уже поднимавшемуся на бархан необычайному существу. Однако в тяжелой обуви и одежде Шарабу не удалось настичь алмаса, который быстро скрылся за барханом. Преследовать его один Шараб не решился, и караван продолжал путь. Для всех монголов — спутников Барадийна — встреча с алмасом была такой же обычной, как встреча с дикой лошадью или диким яком. Об этой встрече с алмасом профессор Барадийн рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. В 1936 г. проф. Барадийн в Ленинграде справлялся у меня — жив ли его спутник Шараб Сиплый, который пытался догнать и схватить алмаса» (ИМ, III, №72). «Ургинские ламы, к которым я обратился с просьбой сообщить, где теперь этот Шараб, сообщили мне, что он умер недавно почти 80-летним старцем и рассказали мне, что это был человек огромной силы и смелости и мог бы бесстрашно вступить в единоборство с алмасом» (ИМ, I, №5.).

Стоит отметить, что в цитированной опубликованной статье «Алмас — монгольский родич снежного человека» проф. Ринчен объясняет отсутствие упоминания об этой удивительной встрече в опубликованном отчете о путешествии проф. Барадийна тем, что в распоряжений последнего не было фотоаппарата, он не мог зафиксировать алмаса на пленке; но в более раннем сообщении проф. Ринчен писал, может быть, откровеннее: «Жамцарано рассказывал, что Барадийн хотел включить это происшествие в урочище Бадын-джаран в свой отчет, но С.Ф. Ольденбург (председатель Российского Географического Общества, в дальнейшем не-

пременный секретарь АН СССР. — *Б.П.*), отсоветовал, сказав, что никто не поверит и поэтому во избежание конфуза не следует упоминать об этом случае» (Ibidem). Если это так, навряд ли стоит замалчивать то, что для истории науки может оказаться полезным. По тем же мотивам нужно отметить и третью возможную причину умолчания в печатном отчете Барадийна (Барадийн Б.// Известия Российского Географического Общества., 1908,) о его встрече в Алашани: как показывает переписанный им начисто экземпляр путешествия, сданный на хранение в архив (где тоже опущен указанный эпизод), Барадийн называл себя буддистом, и, как таковой, может быть, мог получить в Петербурге разъяснения от буддистов более высокой ступени о том, что данное животное, хотя оно и не является, собственно говоря, священным, все же не рекомендуется описывать.

Так или иначе, наблюдения проф. Барадийна не попало в свое время в печатный отчет. Поэтому для дальнейшего развития науки оно могло сыграть лишь косвенную роль. Но оно послужило, по-видимому, одним из существенных толчков к началу изучения вопроса об «алмасах» («хун-гурэсу», «диких людях») весьма известным монгольским ученым проф. Жамцарано, а вслед за ним и несколькими его сотрудниками и учениками.

К сожалению, мы пока не располагаем архивом покойного проф. Жамцарано. Впрочем, по словам продолжающего ныне его исследования в данном вопросе проф. Ринчена, обширных записей Жамцарано не вел, а предпочитал краткие пометки на карте, «куда мы с ним заносили сведения, очерчивая на основании устных расспросов ареал предполагаемого обитания алмасов с конца XIX в. по 1928 г., чтобы с этой картой пуститься в странствование по местам, причем мы помечали на полях имена информаторов — большей частью караванщиков и бродячих монахов, проходивших эти места и слышавших или видевших эти странные существа и их следы... Монгольский художник Соелтай, работавший в Комитете наук МНР, на основе сведений д-ра Жамцарано исполнял в красках изображения гобийских алмасов; на рисунках были пометки Жамцарано — «алмас по описанию такого-то»... Жамцарано был убежден в существовании алмасов. Мы считали, что алмасы вымирают и держатся теперь только в глухом районе, необитаемом людьми. Об их вымирании в его глазах красноречиво свидетельствовала его карта, на которой мы очерчивали на основе сообщений разных лет ареал распространения алмасов... Судя по данным, собиравшимся в течение ряда лет покойным Жамцарано, с 90-х годов прошлого века по первую четверть двадцатого столетия ареал обитания алмаса суживался и почти совпадал с ареалом обитания лошади Пржевальского и дикого верб-

люда в юго-западной части Монголии... Мы предполагали в 1929 г. в небольшом составе двух-трех человек выехать в места предполагаемого обитания алмасов. Д-р Жамцарано был твердо убежден, что поимка алмаса будет иметь огромное научное значение. Однако экспедиция эта не состоялась» (ИМ, I, №5; III, №72).

Сотрудниками и участниками исследований Жамцарано на территории Монгольской Народной Республики были несколько лиц. Прежде всего необходимо назвать другого покойного члена Комитета наук МНР Дорджи Мейрена. Последний, во-первых, сохранил для нас хотя бы в самом суммарном виде итог произведенного Жамцарано хронологического и топографического учета сведений на территории МНР. «Еще в начале четырнадцатого шестидесятилетия (по монгольскому календарю: 1807–1867 гг.) алмасы обитали в южных пределах Халхи в Галбин Гоби, Дзак суджин Гоби, а во Внутренней Монголии их было много в кочевьях средне-уратского хошуна Уланчабского сейма, в Грбан Бугтин Гоби, в Шардзын Гоби Алашаньского хошуна, в Бадын-джаране и других местах». Затем, говорит Дорджи Мейрен, число их уменьшилось, и указывает немногие места где они еще имелись к концу пятнадцатого шестидесятилетия (1867–1927 гг.), в начале шестнадцатого шестидесятилетия (с 1927 г.) их было уже очень мало, что, заключает он, свидетельствует о вымирании алмасов (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Сообщено проф. Ринченом.). Во-вторых, Дорджи Мейрен обогатил опросные данные сбором сведений о шкурах алмасов, хранившихся в качестве предметов культа в некоторых монастырях Монголии — в Гоби, в Алашани. Одну из них он описал так: «Волосы на коже были рыжеваты, курчавы, и длиннее, чем могут быть у человека. Кожа алмаса была снята посредством разреза на спине, так что грудь и лицо сохранились. Лицо было безволосым и имело брови и длинные всклокоченные волосы на коже головы. На пальцах рук и ног сохранились ногти, которые были похожи на человеческие» (ИМ, I, с.10–11). В-третьих, Дорджи Мейрен впервые сделал попытки дать для подготавливавшихся монгольских словарей подобие научно-биологического описания «алмаса» и «алмаски» на основе опросных данных. Так, он писал: «Алмаска название одного гобийского животного, очень похожего внешним видом на человека. Тело покрыто редковатыми волосами. Груди длинны... Другое название алмасок — «имеющая косолапые следы»... До сих пор ни один из европейских исследователей еще не видел и не описал алмасов» (1935 г.).

В экспедицию в Гоби за «алмасами» проф. Жамцарано предполагал послать двух своих молодых сотрудников: Симукова и Ринчена.

А.Д. Симуков ранее был научным сотрудником экспедиции П.К. Козлова. Он стал выдающимся исследователем Монголии. Мы не знаем, когда зародился в нем интерес к проблеме монгольского «дикого человека» и как много успел он сделать в изучении этой темы. Вполне возможно, что он слышал от П.К. Козлова тот же рассказ о наблюдениях казака Егорова, который позже услышал Г.В. Парфенов. Достоверно мы знаем только то, что в путевых записях Симукова, относящихся к его последующим самостоятельным путешествиям и сборам материалов, имеются данные об «алмасах», в том числе описание следов этого существа. Полностью научное наследство А.Д. Симукова в данном вопросе еще не выявлено. Так как он предполагал ехать в специальную экспедицию на поиски «алмасов» в недоступные районы Гоби, несомненно, что он придавал большое значение этой теме.

Второй намечавшийся участник несостоявшейся экспедиции монголовед Ринчен — внес существенный вклад в развитие идей и исследований Жамцарано. Вслед за последним, Ринчен продолжал сбор опросных данных об «алмасах» в МНР, стремясь выявить их географическую локализацию и биологические особенности. В «Информационных материалах» опубликованы многочисленные сведения, собранные д-ром Ринченом, которые будут приведены ниже, в соответствующей главе. Здесь достаточно процитировать его некоторые выводы. «Об алмасах я собирал сведения в Гоби до 1937 г. (а затем — в 50-х гг. — *Б.П.*). Вот как описывают гобийцы, видевшие их некогда или слышавшие от тех, кто достоверно их видел. Алмасы очень похожи на людей, но тело их покрыто рыжевато-черными волосами, совсем не густыми — кожа просвечивает между волосами, чего никогда не бывает у диких животных в степи. Рост такой же, как у монголов, но алмасы сутуловаты и ходят с полусогнутыми коленями. Могучие челюсти и низкий лоб. Надбровные дуги выступают по сравнению с монголами. У женщин длинные груди. Сидя, они могут перебросить грудь на плечо, чтобы кормить стоящего за сидящей на земле матерью алмасенка. Разводить огонь не умеют» (ИМ, I, с.8 – 9). К этим чертам далее добавляется еще указание на косолапость, на быстрый бег, описание некоторых характерных повадок. Что касается ареала алмаса, а также его сближения с гималайским «снежным человеком», то эти вопросы освещены в недавней статье Проф. д-ра Ринчена «Алмас — монгольский родич снежного человека» (Ринчен. Алмас — монгольский родич снежного человека // Современная Монголия, 1958, №5, с. 34–38.).

Работы всей этой группы ученых на почве Монголии, которую можно было бы условно назвать школой Жамцарано в вопросе

об «алмасе», не оставались без хотя бы небольших связей в более широких кругах русских географов и зоологов. Так, установлено, что проф. Жамцарано в Петербурге делился своими мнениями по этому вопросу с видающимся географом Г.Е. Грумм-Гржимайло. Имеются косвенные сведения об интересе к данной теме и известного зоолога Д.Н. Кашкарова. Последний, по словам К.В. Станюковича, располагал данными о неудачной попытке кого-то из путешественников добыть в Джунгарии или Кашгарии живого «дикого человека», однако загнанного до смерти и брошенного верховыми проводниками. Достигали научных кругов и глухие сведения о «диких людях» с Памира: зоолог Воскобойников в 90-х гг. XIX в. собирал соответствующие сведения о Ронг-Кульских пещерах (ИМ, IV, №129), энтомолог Якобсон в 1909 г. узнал на Памире от проводника, что где-то к востоку встречается «дикий человек», — однако Якобсон не придал значения этому сообщению и не выяснил никаких подробностей (ИМ, IV, с.14.).

Весьма далеко успел углубиться в исследование вопроса о «диком человеке» Центральной Азии зоолог В.А. Хахлов. Работая в 1907–1914 гг. в г. Зайсане, на границе России и Китая, Хахлов собрал и, главное, впервые подверг серьезному сравнительно-анатомическому анализу сообщения об этом существе казахов, кочующих вплоть до южных отрогов Тянь-Шаня, в глубь Синьцзяна.

На первый взгляд могло бы показаться, что данные Хахлова, относящиеся к проблеме «снежного человека», были совершенно оторваны от других, как и многие изолированные сведения отечественных ученых в этой проблеме, еще не созревшей для обобщения и выводов. Однако на самом деле работа этого зоолога как раз в какой то мере испытала толчок предшествовавших знаний, явилась косвенным плодом мало-помалу формировавшегося интереса отечественной науки к гипотезе о реликтовом человекоподобном примате нагорной Азии. Это доказывается двумя документами, найденными в Архиве Академии наук СССР, как и показаниями самого ныне здравствующего В.А. Хахлова.

Один из найденных документов — заявление Хахлова в Российскую Академию наук из Зайсана, датированное 1 июня 1914 г. Здесь Хахлов излагал некоторые свои предварительные заключения о существовании прямоходящего дикого существа в Центральной Азии, сравнивая его по его подобию животным с «допотопным человеком». Хахлов просил Академию наук выслать ему бумаги, необходимые для организации экспедиции на территорию Китая за этим существом. Он привел тут же некоторые примеры из своих записей и так сформулировал главный вывод: «Этих рассказов, записанных со слов очевидцев, вполне доста-

точно, думается мне, чтобы не считать уже подобные рассказы мифологическими или просто измышленными, и самый факт существования такого Primihomo asiaticus, как можно было бы назвать этого человека, не подвергать сомнению».

Этот документ навсегда останется важной вехой в истории подступов к проблеме «снежного человека». Сейчас нам важно обратить внимание на заглавие и первые слова заявления Хахлова: К вопросу о «диком человеке». «Сам по себе — начинает автор — этот вопрос не нов: мы уже встречаем указания об этих людях у некоторых путешественников по Центральной Азии, но лишь указания на рассказы туземцев; описания же подобных существ не приводилось. Между тем решение этого вопроса... очень важно для науки» (ИМ, IV, №122; III, а.). Почему Хахлов считал, что вопрос не нов, каких путешественников по Центральной Азии он имел в виду?

Ответ находим в рассказе самого В.А. Хахлова: когда в 1907–1910 гг. им были собраны первые сведения от охотников-проводников и от казахов, бывавших в Джунгарии, о существовании там не только диких лошадей (ат-гыик) и диких верблюдов (тье-гыик), но и «дикого человека» (ксы-гыик), он написал об этом своим руководителям по Московскому университету. «Следует упомянуть, что в 1904 г., тогда приват-доцент Московского университета, П.П. Сушкин обследовал Зайсанскую котловину и Тарбагатай. С этого времени все мои работы по изучению края протекали при его консультации; П.П. Сушкин поддерживал со мной переписку, В 1909 году, после моего поступления в Московский университет, уже установился личный контакт, так как я стал работать под непосредственным его руководством у проф. М.А. Мензбира. Возможность существования «дикого человека» М.А. Мензбир полностью отрицал, тогда как П.П. Сушкин сообщил, что путешественники по Центральной Азии также слышали о существовании такого существа и, в частности, Козлов якобы говорил ему об этом. Во всяком случае, он рекомендовал мне не оставлять без внимания такие сведения». Мы уже знаем из изложенного выше, какие сведения мог сообщить П.К. Козлов П.П. Сушкину, какие путешественники по Центральной Азии знали по данному вопросу больше, чем изложили в своих печатных отчетах. П.П. Сушкин, впоследствии академик, один из крупнейших русских зоологов-дарвинистов, был одним из тех, кто конденсировал эти предварительные сведения. О том, что он действительно активно поощрял занятия Хахлова вопросом о «диком человеке» и сам передавал ему кое-какие свои сведения, свидетельствует другой документ, обнаруженный в том же Архиве Академии наук

СССР, но на этот раз в личном фонде П.П. Сушкина: письмо Хахлова Сушкину из Зайсана от 18 декабря 1914 г., являющееся ответом на письмо Сушкина Хахлову из Харькова (где Сушкин был в это время профессором Университета) от 24 ноября 1914 г.

Из этого письма Хахлова к Сушкину видно, что они уже далеко не в первый раз обсуждают проблему и возможные пути практических исследований. Хахлов приводит некоторые новые экологические детали, подчеркивает отличие этих сведений от мифологии и пишет: «Как видите, вопрос получает другую постановку, и в его основу кладутся факты, если только возможно верить хотя бы 1/1000 слышанного». Автор не сомневался, что верить можно и гораздо большему проценту. Непосредственно этот обмен письмами был вызван неудачею заявления Хахлова в Академию наук, оставленного без последствий и подшитого по распоряжению академика-этнографа В.В. Радлова к делу «Записки, не имеющие научного значения». Хахлов и Сушкин обсуждали теперь другой путь организации экспедиции — через посредство Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Давая эти практические советы, Сушкин, как видно из ответа, одновременно сообщал Хахлову и новые сведения о «диких людях», относящиеся к Кобдинскому району Монголии, — кстати сказать, одному из последних районов Монголии, откуда и до самого недавнего времени поступают сообщения о редких наблюдениях «алмасов». Если даже эти сведения Сушкин лично собрал во время своей экспедиции в Алтай и Монголию в мае-августе 1914 г., остается вероятным, что он был в той или иной мере в курсе работ «школы Жамцарано» по этому вопросу.

Ознакомимся с ходом и краткими выводами исследований В.А. Хахлова. Для этой цели мы воспользуемся двумя его сводками: 1) «О «диком человеке» в Центральной Азии», 2) «Что рассказывали казахи о «диком человеке» (ИМ, IV. №122.). Они написаны в 1958–1959 гг. на основе частично сохранившихся в личном архиве В.А. Хахлова полевых дневников, записей и зарисовок, преимущественно 1912–1915 гг. Возможность влияния современной литературы о «снежном человеке» на эти сводки Хахлова очень невелика, тем более, что первая из них была составлена до появления в СССР какой-либо существенной литературы о «снежном человеке», а за зарубежными изданиями В.А. Хахлов не следил, так как с 1915 по 1958 г. совершенно прервал всякие занятия данной темой.

В течение нескольких лет молодой исследователь объезжал прилегающие к Зайсану и Тарбагатаю районы Джунгарии, тщательно слушая и записывая все, что так или иначе касалось «дикого человека». Сначала он, конечно, полагал, что «дикий че-

ловек» — миф, затем оказалось, что «его видели, его ловили, он оставлял следы на песке, распространял запах, кричал, сопротивлялся, жил на привязи некоторое время». От представления о мифичности «дикого человека» пришлось вскоре отказаться. Существо это для самих казахов, имеющих сведения о нем, говорит Хахлов, представляет загадку, но совсем другого рода. Все они обращались к нему, как к человеку сведущему, с просьбой сказать им, что это за создание — человек ли, зверь ли, правильнее ли считать его зверем, напоминающим человека, или человеком, похожим на зверя? «Мое положение, говорит Хахлов, было не из завидных, так как лично я не видел этого существа, мог судить о нем лишь по рассказам, и был, пожалуй, в большем недоумении чем они, ибо сомневался в существовании «дикого человека», тогда как они были уверены, что он есть и живет где-то на юге, там, где встречаются бывшие долгое время загадочными дикие лошади и дикие верблюды». Почти при каждой попытке уточнить место обитания этого «дикого человека» Хахлов наталкивался на сопоставление с местом обитания указанных животных. Затем Хихлову удалось найти среди казахов и двух очевидцев, которым случалось увидеть «дикого человека», в Центральной Азии, куда они ездили к родственникам. Один ежедневно на протяжении нескольких месяцев наблюдал пленную самку «дикого человека» на привязи, другой участвовал в поимке самца. Оба они видели «дикого человека» в разных местах и ничего не знали друг о друге. Удалось разыскать также охотников и пастухов, поведавших о своих беглых наблюдениях. Детальный опрос их зоологом дал ценные и убедительные научные результаты.

Один очевидец, за год до опроса находясь в горах Ирень-Кабырга, однажды вместе с местным табунщиком пас ночью лошадей. На рассвете они заметили какого-то человека и, заподозрив в нем конокрада, быстро вскочили в седла, захватив длинные палки с волосяными петлями на концах, которыми арканят лошадей. Так как «человек» бежал неуклюже, им удалось набросить на него две петли и задержать. При этом он кричал, вернее, визжал («как заяц»). Разглядев пойманного, табунщик объяснил приезжему, что это «дикий человек» — безобидное существо, никакого ущерба людям не причиняющее, и его следует отпустить. Отпустив «дикого человека», оба казаха последовали за ним и обнаружили место, куда он скрылся: углубление под нависшей скалой, где было набросано довольно много сухих стеблей и высокой травы (курая).

В заявлении В.А. Хахлова в Академию наук в 1914 г. был описан, видимо, другой случай поимки «дикого человека»; здесь ряд

подробностей отличается. Сначала приводится запись рассказа одного из двенадцати табунщиков, который, оставшись ночью один при костре, был перепуган до обморока появившимся голым человеком. Приводимая далее запись слов его товарища гласит, что, прибежав на крик, остальные могли только уразуметь, что в камышах скрылся какой-то человек, и, растянув веревку вокруг камышей, сидя на лошадях, стали загонять, скоро кто-то сильно дернул веревку в руках рассказчика, он чуть не упал с лошади, но подоспевшие остальные киргизы набросили веревку на шею и вытащили из камышей голого обросшего волосами человека. Связавши ему руки назад, полагая, очевидно, что он конокрад, его стали бить нагайками, добиваясь от него, кто он, но истязание не помогло — он только кричал как заяц. Лишь наутро пришедший старик объяснил табунщикам, что это «дикий человек» и говорить не может. Однако дальнейшее описание пойманного совпадает с данными о том самце, поимка которого описана выше.

Другой очевидец, разысканный В.А. Хахловым, несколько месяцев наблюдал «дикого человека» в районе реки Манас, или Дамь, впрочем в письме к П.П. Сушкину (1914) В.А. Хахлов пояснял, что это скорее направление, откуда идут сведения, а рассказы очевидцев более точно могут быть приурочены к берегам озера Аир-нор или Таш-нор, и урочищу Торгоут-уткуль. Объект наблюдения на этот раз — существо женского пола, жившее прикованным на цепи на какой-то небольшой мельнице, пока, наконец, не было отпущено на волю. Это существо очень редко подавало голос и было тихим и молчаливым. Только при приближении к нему оно скалило зубы и издавало визг. Лежало и спало оно очень своеобразно — «как верблюд» по выражению рассказчика, а именно на подогнутых под себя коленях и локтях, немного расставленных, положив голову лбом на землю, причем кисти рук располагались на затылке (в этой позе подчас спят маленькие дети, имеются сведения, что так спят тибетцы). Очевидно, именно таким положением во время сна на каменистой почве объясняется, что у данного экземпляра на локтях, коленях и лбу кожа была грубая «как подошва у верблюда». Из предлагаемой ей пищи пленная самка «дикого человека» ела только сырое мясо, некоторые овощи и зерно, причем последним главным образом ее и кормили. К вареному мясу не прикасалась, к хлебным лепешкам начала привыкать позднее. Иногда схватывала и ела появлявшихся поблизости насекомые. Пила или припав к воде, («как лошадь»), или макая руку и слизывая стекающую воду. Когда невольницу отпустили на свободу, она, неуклюже переступая, болтая длинными руками, убежала в камыши, где и скрылась.

Приводит В.А. Хахлов и запись рассказа проживавшего на Алтае отставного солдата, которому в 60-х годах пришлось побывать в Джунгарии , южнее оз. Улюнгур, и во время охоты на кабанов в тростниках вместе с офицером увидеть и схватить вышедшую из тростников странную дикую женщину, всю покрытую волосами. У нее были покатый лоб, глубоко впавшие глаза, большие челюсти, короткая шея. Руки ее выглядели длинными, ступни ног были широки, «как растоптанные башмаки», — таких ног никогда не увидишь у людей. Пойманная вырывалась, издавая визг. Как только ее отпустили, она убежала в камыши, широко расставляя ноги, «как будто у нее на каждой ноге было привязано что-то тяжелое».

Однако главное значение для сравнительно-анатомического описания имела опросная работа с первыми двумя очевидцами. В.А. Хахлов изобретательно использовал различные приемы, чтобы перевести сообщения казахов-кочевников па язык современной науки. Тем более он был поражен: выдумать все это рассказчики не могли, не могла бы полностью совпасть фантазия двух человек, совершенно незнакомых к тому же с зоологией и антропологией, да и не знавших до того друг друга. Для дополнительной проверки Хахлов сфотографировал из книг изображения гиббона, шимпанзе, гориллы и реконструкцию доисторического человека и дал эти снимки обоим очевидцам с просьбой показать, какая из фотографий больше напоминает виденного ими «дикого человека». И тот и другой указали на последнюю, оговорившись что виденное ими существо «больше похоже» на это изображение, однако отличается от него. Следует попутно отметить, что сорок лет спустя ту же методику применяли исследователи проблемы «снежного человека» в Гималаях, и примерно с тем же результатом.

Особенно важным представлялось зоологу выведать у очевидцев все отличия в строении тела этого существа от человека.

Прежде всего — голова. Зоолог был поражен, что при расспросах о лице очевидцы описывали не лоб, глаза, нос, а указывали на то, что им более бросилось в глаза: вместо лба — массивные надбровные дуги; выдающиеся скуловые части; вместо губ и подбородка — выпячивающиеся вперед массивные челюсти с большим в длину ртом и мощными, но схожими с человеческими, зубами. В.А. Хахлов придает большое значение тому психологическому факту, что именно эти черты обратили на себя внимание и ярко запечатлелись. Остальные детали приходилось выяснять расспросами. На вопрос: «А лба разве нет у дикого человека?» — рассказчик отвечал, что лоб есть, но он мало заметен,

так как очень покатый и за надбровными дугами покрыт мозолистой кожей, за которой растут волосы. Для уточнения формы головы пришлось прибегнуть к рисунку на земле, к сравнениям, к показу на людях и животных. Посадив на землю собаку и опустив ей морду, рассказчик показал, что именно он имел в виду говоря, что голова у «ксы-гыик» заострена на затылке, а шея толстая, с выдающимися возле затылка мышцами. Окончательный набросок на земле, сделанный зоологом, подтвердил, что все понято в общем правильно.

Точно так же, и рассказом и показом, были выяснены и другие детали. Надбровные дуги рассказчик изобразил приложив к своим бровям немного согнутые указательные пальцы. Описание носа, небольшого, но с большими ноздрями, очевидцы пояснили указанием на нос одного больного сифилисом односельчанина. Держась за свой подбородок, очевидцы говорили: «Вот такого подбородка у ксы-гыик нет», и показывали, как срезана нижняя челюсть. Вместе с этим они подчеркивали выдающиеся вперед челюсти и большой рот. Для демонстрации ширины разреза рта они пальцами растягивали свой рот, насколько это было возможно, прибавляя, что рот у «дикого человека» еще шире, и сравнивали со ртом верблюда. Губы «дикого человека», по их описанию, очень узкие, темные и снаружи почти незаметны, а обнаруживаются только тогда, когда он оскаливает зубы. Зубы значительно крупнее человеческих, прикус резцов под углом выдается вперед, «как у лошади», клыки у пойманного самца, особенно верхние, были большие и раньше других зубов выступали из под губ. Кожа лица — голая, темного цвета. Об ушах удалось выспросить немногое: они довольно большие, без мочек, кажутся заостренными, может быть, из-за направления роста волос на них. Один рассказчик ясно припомнил длинные черные ресницы на глазах.

Необходимо остановиться на единственном существенном расхождении данных В.А. Хахлова с подавляющей массой имеющихся других данных: в его записях нет никаких показаний о характере волос на голове (а также о бровях), из чего он делает вывод, что раз волосяной покров на голове никак не бросился в глаза, значит он почти отсутствует, во всяком случае значительно меньше, чем у человека. Но позволительно спросить, не вина ли тут самого опрашивающего, не забыл ли он расспросить своих информаторов о волосах на голове столь же настойчиво и изобразительно, как он делал это в отношении многих других деталей?

На основе расспросов В.А. Хахлов сделал набросок головы «дикого человека». Сам В.А. Хахлов подчеркивает, что этот набросок получил лишь некоторое, но не полное одобрение очевид-

ца, с которым шел тогда разговор: «было впечатление, что рисунок и напоминал, и расходился с реальным диким человеком». Эта заметка свидетельствует об объективности исследователя. Но он не нашел объяснения неполноты своего успеха. Думается, она может быть объяснена стремлением В.А. Хахлова выявлять только черты отличия «ксы-гыик» от человека, преуменьшая или игнорируя черты их сходства.

Не меньшее значение придавал В.А. Хахлов и опросам об особенностях верхних и нижних конечностей, этого существа. Очевидцы отмечали, что руки у него длинные — до колен и даже ниже. Один охотник, рано утром вспугнувший «дикого человека» на каменистом горном склоне, говорил, что тот стремительно вскарабкался по скалам «как паук по паутине». Такое выражение, видимо, образно передает, что зверь этот выбрасывал вперед длинные руки, хватаясь за выступы, и подтягивал на них тело, в то время как ноги помогали ему подталкивать себя.

Руки «дикого человека», по утверждению очевидцев, сплошь покрыты волосами, за исключением мозолистых локтей и голых ладоней. Чтобы показать, как выглядит кисть «ксы-гыик», рассказчики очень сильно сжимали с боков свою ладонь в месте расхождения пальцев, подгибая при этом большой палец к ладони, прижимая его к указательному. Тогда человеческая кисть выглядит очень узкой и длинной. Когда на одного самца накинули веревку, участник облавы заметил, что тот схватывал ее не так, как человек, а набрасывал на нее сверху все пять пальцев вместе, как крюк. Иными словами, первый палец у «дикого человека» меньше противопоставляется остальным, чем у человека. Зато сильнее выдвинуты последние три, что важно при скалолазании. Третий и четвертый, по предположению В.А. Хахлова, одинаковой длины. По словам одного из очевидцев, манера самки «дикого человека» брать небольшие предметы или насекомых была очень своеобразной: животное прижимало объект большим пальцем к средней фаланге согнутого указательного пальца, а не захватывало концами их, как сделал бы человек. Ногти на руках «ксы-гыик», по словам очевидцев, узкие, длинные и выпуклые, т.е. как бы когтеобразные.

Ноги «дикого человека», как говорили очевидцы, сплошь покрыты шерстью, за исключением голых подошв и мозолистых образований на коленях. Они отмечали и сходство ступни «дикого человека» с человеческой, и отличия: несообразную ширину, широко расставленные пальцы. Для наглядности рассказчик, положив ладонь на землю, подгибал две концевых фаланги у четырех пальцев и раздвигал основные фаланги, насколько это было

возможно; большой палец прижимал сбоку, но конец его отводил в сторону. В этом случае расстояние между концом большого пальца и отведенным мизинцем приблизительно равнялось четверти. На вопрос, какова длина ступни, рассказчик прибавлял назад длину ладони. Два очевидца на своей голой ноге весьма детально показывали особенности ноги «дикого человека»: большой палец заметно массивное остальных, короче и отводится в сторону. Иными словами, если на верхних конечностях противопоставление большого пальца меньше, то на нижних — больше, чем у человека. В.А. Хахлов полагает, что главную роль при передвижении «дикого человека» играют три средних пальца. Ногти на ногах, как и на руках, выглядят узкими, длинными и выпуклыми, что и создает впечатление когтей, загнутых на конце.

Общее строение тела «дикого человека» по впечатлению, оставшемуся у В.А. Хахлова от рассказов очевидцев, характеризуется не полной вертикальностью. Оно как будто наклонено вперед. Впрочем, надо оговориться, что и в этом пункте допустимо предполагать существенную ошибку В.А. Хахлова, связанную с его субъективной установкой на расширение морфологической дистанции между этим человекоподобным животным и человеком. Никаких показаний очевидцев в пользу указанного представления В.А. Хахлов не сообщает. Он приводит лишь сведения о толстой шее, наклоненной вперед, вследствие чего голова этого существа втянута в плечи; она расположена так, как у человека смотрящего вверх, и производит впечатление, будто он готов броситься на кого-то, как борец, который приготовился к схватке. Плечи сдвинуты вперед, что создает сутулость, на которую не раз указывали очевидцы, а руки оказываются висящими не по швам, а немного спереди. Фигуру «дикого человека» В.А. Хахлов характеризует относительной длиннорукостью и коротконогостью.

В целом, думается, автор создал несколько искусственный образ «ксы-гыик» почти из одних подчеркнутых признаков, отличающих это существо от человека, недостаточно отразив указания своих осведомителей на черты сходства. Однако сравнительно-анатомические исследования и реконструкции В.А. Хахлова являются в общем в высшей степени важной ступенью науки.

В.А. Хахлов собрал у казахов и еще множество ценных сведений о «ксы-гыик». Цвет его шерсти как у темных рыжевато-бурых верблюдов с примесью серого цвета, характер волоса — как у верблюженка. Однако, подчеркивает зоолог, речь шла во всех случаях о наблюдениях летней окраски, что не исключает значительного изменения как окраски, так и характера волоса в другие сезоны.

Много сведений было получено о местах встреч с этим существом: оказалось, его видели и у ледников в горах, и в песках или зарослях камышей в пустынях, и вблизи водоемов — озер и рек. По-видимому, говорит В.А. Хахлов, для него важно одно — безлюдность. Он спускается с гор в низины, когда люди перегоняют стада из низин в горы, и наоборот. Встречи живых особей и наблюдения следов показывают, что живет «ксы-гыик» и в одиночку, и более или менее постоянными парами, и парами с детенышами. Подавляющее большинство описанных встреч с «диким человеком» имело место не днем, а в сумерках, или в ночное время.

О его постоянных жилищах никто не упоминал, но временные логова обнаруживали в неглубоких пещерах, под нависающими камнями, в углублениях под густыми кустами, в нишах глинистых обрывов, в камышах. От этих логов исходит неприятный запах.

Как видно из рассказов казахов, продолжает В.А. Хахлов, помимо растительной пищи (корней, стеблей, ягод), значительную долю в питании «дикого человека» занимают животные: он ест некоторых беспозвоночных, уничтожает птенцов и яйца птиц, не пренебрегает амфибиями и рептилиями, но, пожалуй, особо важную часть его рациона составляют грызуны, которых, как в горах, так и в песках и в пустынях вполне достаточно, чтобы ему прокормиться. Приводит В.А. Хахлов и два рассказа о том, как «ксы-гыик» оставлял нетронутыми внутренности выпотрошенных им перед едой птенцов, горлицы, мелкого грызуна — песчанки.

Очень интересны и полученные В.А.Хахловым сведения о том, что с наступлением зимы «дикий человек» откочевывает все далее на юг, в сторону Тибета. Там, на юге, он и вообще якобы встречается теперь чаще, так как уходит в наиболее труднодоступные и ненаселенные места. Поэтому проф. Хахлов считает вероятным, что изучавшийся им тянь-шаньский «дикий человек» и ныне привлекший широкое внимание гималайский «снежным человек» — это одно и то же. Действительно, в этом уже немыслимо сомневаться.

«Чем больше удавалось разузнавать об этом существе, — пишет В.А. Хахлов, тем становилось яснее, что речь идет не о каком-то человеке, а о своеобразном человекообразном существе. Это могла быть замечательная ветвь приматов, которая сохранилась с древнейших времен в Центральной Азии, приспособившись к жизни в условиях высоких гор и пустынь. В этой ветви намечался путь к превращению примата в человека (словоупотребление неточное, ибо человек тоже, как и обезьяны, входит в отряд приматов.), развились некоторые человеческие черты, которые и являются причиной того, что видевшие это существо принимают

его за своеобразного человекозверя... То, что мне удалось выяснить, свидетельствует о преобладании в нем звериных черт».

Дальнейшее обобщение всех данных позволит нам проверить, насколько велики эти «человеческие черты» в смысле строения тела, т.е. анатомии и морфологии данного вида животных. По-видимому, в представления В.А. Хахлова придется внести коррективы в смысле увеличения удельного веса этих черт. Но если В.А. Хахлов и ошибался, то в сторону менее препятствующую дальнейшим зоологическим исследованиям: ведь речь идет о доподлинном животном, и естественно было заострить внимание на его отличии от человека, так как всякое неосторожное преувеличение его человеческих черт могло снести всю проблему далеко в сторону от русла естествознания.

Проект дальнейших действии В.А. Хахлова состоял в том, чтобы отправить за тысячу километров на юг, в Синьцзян небольшую экспедицию — не только в надежде поймать, сколько с целью убить это своеобразное двуногое, в действительном существовании которого он уже не сомневался, и привезти для начала хотя бы конечности и голову, предохранив их от разложения формалином в кожаном мешке. Один из очевидцев и один местный охотник брались в течение года выполнить это сложное и небезопасное путешествие, наметив определенные приемы выслеживания и преследования животного.

Но, как уже отмечено, гипотезы и предложения молодого зайсанского зоолога не были поддержаны Российской Академией наук. Судьба исследований В.А. Хахлова ярко характеризует косность дореволюционной Академии наук и то противодействие, на которое натолкнулось это намечавшееся открытие отечественной материалистической науки. Первая мировая война с 1915 г. прервала и все другие попытки В.А. Хахлова.

И все же неправильно было бы сказать, что его труды в то время не дали никаких плодов и последствий.

Мы говорили, что В.А. Хахлов неоднократно сообщал проф. П.П. Сушкину о своих исследованиях проблемы «дикого человека», получая от последнего советы и некоторую встречную информацию. Согласно воспоминаниям Хахлова, уже в ответ на первые сообщения, посланные в 1907 г., Сушкин тогда же прислал ему пространное письмо на 27 почтовых листах, целиком посвященное вопросу о происхождении человека.

Ото была лишь первая из попыток П.П. Сушкина, орнитолога и палеонтолога по специальности, обратиться и к теории антропогенеза. Изучение архива и литературного наследства П.П. Сушкина дало ценный материал для характеристики развития его взглядов в этой области.

В записях курса лекций Сушкина по зоологии позвоночных, читанных в 1915–1919 гг. в Харькове и Симферополе, обнаружена весьма своеобразная трактовка эволюции отряда приматов и, в том числе, возникновения человека. Все древесно-лазающие формы приматов рассматриваются здесь как узкоспециализированные отклонения от генеральной линии развития приматов, ведущей к человеку. Последний развился не из древесно-лазающих форм, — в безлесной, горной, холодной области. Оттуда он распространился и в Европу, и на юг (Архив АН СССР (Москва), ф.319, оп.1, №22.).

Следующая попытка была сделана Сушкиным в 1922 г. в статье «Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата» (Сушкин П.П. Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата // Природа, 1922, №3 - 5.). Здесь повторяется тезис, что предок человека не был древесным животным. Сушкин утверждает, далее, что строение ноги человека свидетельствует о его древней приспособленности к лазанию не по деревьям, а по скалам. Отсюда — возможность перехода человека к прямохождению. Он сформировался в высокогорной зоне Азии. Но, сложившись там еще в третичную эпоху, он не мог выдвинуться среди расцвета фауны млекопитающих того времени, пока похолодание в четвертичную эпоху не привело к вымиранию значительной части этой фауны. Человек же не вымер от оледенений, ибо у него «небогатый с самого начала волосяной покров» был дополнен использованием огня, более того, он смог теперь широко распространиться.

Через пять лет, уже опираясь на сотрудничество с антропологами и археологами, в частности с Г.А. Бонч-Осмоловским, П.П. Сушкин выступил с новой, последней статьей: «Высокогорные области земного шара и вопрос о прародине первобытного человека» (Сушкин П.П. Высокогорные области Азии и происхождение человека // Природа, 1928, №3, с. 250–279.). Эта попытка выдающегося русского зоолога-дарвиниста по-новому осветить вопрос о природных условиях превращения обезьяны в человека оставила важный след в истории антропологической науки. В этой работе Сушкин принужден был отказаться от значительной части содержания своих предыдущих двух концепций: неоспоримые данные анатомии и эмбриологии убедили его в происхождении человека от древесной лазающей формы. Но вот что примечательно: отказавшись от важнейшей посылки, он сохранил тезис, что человек сформировался в скалистом ландшафте и суровом климате нагорной Азии. Для примирения этого с тезисом о происхождении человека от древесно-лазающего прима-

та послужила гипотеза о роли своеобразного (дизъюнктивного) характера горообразования в Центральной Азии: довольно быстрое поднятие части земной коры здесь «как на подносе» вознесло на иную абсолютную высоту, следовательно, в иной климат, местную фауну. В этом холодном климате леса исчезли, и третичный предок человека должен был из древесно-лазающего стать скало-лазающим, а затем и прямоходящим существом.

Вглядываясь во все три варианта, мы замечаем, что неизменным в них оставалось одно: человек сформировался в ландшафте и условиях горной Азии; там предок человека выработал прямохождение. Оказывается, это был не вывод, а исходное положение, которое Сушкин снова и снова, опираясь на последние данные естественных наук и смелые гипотезы, пытался удовлетворительно объяснить.

Мы уже знаем, что в руках Сушкина был эмпирический материал, побуждавший его мысль к этим исканиям. Это были разнообразные сведения отечественных ученых о возможном обитании в нагорной и пустынной Азии живых реликтов человекоподобного примата.

Сопоставление дат показывает, что материал окончательно скопился как раз к концу 1914 г., вслед за чем непосредственно и началась с 1915 г. цепь попыток Сушкина построить новую гипотезу о происхождении человека и о его прародине. Правда, огромный опыт ученого требовал, с одной стороны, осторожности по отношению к этим сведениям: все они еще нуждались в проверке, не были подтверждены шкурами или скелетами; поэтому Сушкин не мог позволить себе в лекциях и статьях ссылаться на эти сведения. С другой стороны, их полная независимость друг от друга, как ни были они еще малочисленны, должна была послужить в его научном мышлении важным аргументом в пользу их достоверности. Можно себе представить, что это внутреннее чувство вероятности стало неумолимой силой, заставившей маститого орнитолога снова и снова продумывать допустимость предположения о нагорно-азиатокой прародине человека.

Забегая вперед, скажем, что коренная ошибка Сушкина в этих исканиях, по-видимому, состояла в представлении об этих реликтовых азиатских «диких людях» как остатках прямых предков человека современного физического типа. Но чем дальше развивается антропология, тем больше обнаруживается ископаемых форм, представлявших собою побочные ветви, не ведшие к «очеловечению» и вымиравшие (См. напр.: Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М., 1959, с. 1 – 284, с илл.). Гипотезы Сушкина оказались искусственными и рухнули, поскольку он не мог

мыслить этих азиатских «живых ископаемых» иначе, как в виде прямого звена эволюционной филогенетической цепи, ведущей к человеку. Очевидно, антропология в те годы еще слишком упрощенно стремилась вытягивать в одну линию весь переходный материал между антропоидом и человеком современного физического типа.

Статья Сушкина 1928 г. в известном смысле является эпилогом первого этапа отечественной науки в вопросе о «снежном человеке». Вторым этапом можно считать происходившие совершенно независимо от всего этого в 20-х и 30-х гг. XX в. наблюдения, и сборы сведений в некоторых горных районах Советской Азии: в Памиро-Алайской системе, в районе Копетдага и др. Однако именно данные, выявленные в эти годы, пока еще как следует не сконцентрированы. К третьему этапу, начавшемуся в 50-х гг., мы обратимся в главе пятой.

В заключение же настоящей главы надлежит остановиться на одном направлении, пожалуй, несколько обособленном от остального рассмотренного научного наследства, но хронологически восходящем еще к этому первому этапу отечественной науки. Однако территориально упомянутое направление выводит нас далеко за пределы нашей родины и ближайших к ней стран и народов.

Речь пойдет не о профессиональных ученых или путешественниках, а о нескольких лицах, связанных с буддизмом и поэтому бывавших в недрах Внутренней Азии. Принадлежность к буддизму, с одной стороны, дала им возможность узнать многое, прикрытое от непосвященных, в вопросе о «диких людях» Азии. Однако, если мы видели выше поражения отечественных ученых, смелые догадки которых разбивались о косность и рутину или просто о недостаточную подготовленность научной почвы, то далее мы убедимся, что самой серьезной помехой на пути проникновения в эту тайну азиатской природы являются стоящие на страже многовековых предрассудков верования и религии Азии, в том числе буддизм.

Специалист по лекарственным растениям кандидат биологических наук И.К. Фортунатов поделился с Комиссией по изучению вопроса о «снежном человеке» некоторыми сведениями, которые он слышал в разное время от двух лиц.

Около 1935 г. И.К. Фортунатов жил в Караганде рядом с калмыком Лубсан Шараповичем Тепкиным, занимавшимся переводом на русский язык тибетских рукописей, в том числе по народной медицине. Из бесед выяснилось, что в 1908–1912 гг. Тепкин в Лхасе прошел полный курс буддийского духовного обучения, неоднократно выезжая из Лхасы в различные «священные» буд-

дийские места (озера, горы) для участия в ритуальных церемониях. После возвращения в Россию, Тепкин в 1912–1913 гг. вторично ездил в Тибет в составе какой-то миссии и за успешную работу в качестве переводчика был по возвращении в Петербург награжден медалью. Позже он был там длительное время связан с кругами тибетологов.

Знавший его проф. Б.И. Панкратов характеризует Тепкина как широко известного в свое время в Ленинграде человека, весьма осведомленного в буддизме и поэтому пользовавшегося известным авторитетом в глазах социалистов-востоковедов. В последнее время жизни в Ленинграде Тепкин состоял при буддийской молельне.

Вот что слышал И.К. Фортунатов от Л.Ш. Тепкина о «диких людях» Тибета.

Когда он ехал первый раз в Тибет с севера с караваном торговцев, однажды ночью в северных предгорьях Тибета погонщик разбудил его, чтобы он услышал, как кричит «страшный одинокий человек»; испуганный 16–17-летний юноша вслушивался в резкий и протяжный непонятный крик. Погонщик днем рассказал ему, что это тоже люди, но они живут по одному — по два, обросли волосами черного или темно-серого цвета, высоки, быстро бегают, иногда кидают камни и пронзительно громко кричат. Живут всегда в скалах в горно-пустынной области. Помнит Тепкин, что во время одного из путешествий ему показывали один или два раза следы «дикого человека». Еще будучи учеником в Тибете, Тепкин неоднократно видел и держал в руках «парики» (скальпы?) с голов «дикого человека», нося их на шесте в конце процессии во время некоторых церемоний. По его словам, исполнять роль «дикого человека» поручают ученикам невысокого ранга, они носят маску и изображают типаж несколько смешного и уродливого существа, т.е. «дикого человека», которого, говорит Тепкин, большинство тибетцев считает неудавшимся двоюродным братом человека, влачащим жалкое существование. Тепкин утверждал, что «дикий человек» в системе буддийского вероучения не занимает никакого особого места, впрочем, указано жалеть и его. В последние десятилетия редко случалось, чтобы, по словам тибетцев, тот или иной из них лично видел «диких людей», вот лет 50 назад дело было другое, тогда они нападали и на огороды... (ИМ, III, №83).

Второй человек, с которым много позже, в 1949 г. в г. Гурьеве познакомился И.К. Фортунатов и который поделился с ним некоторыми сведениями о тибетском «диком человеке», — Н.В. Валеро-Грачев. Последние годы до смерти в 1960 г. он проживал в Ле-

нинграде и, в беседах с В.Л. Бианки, сообщил также и некоторые другие сведения для Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Валеро-Грачев, русский по национальности, придерживался по его словам, буддийского учения. Он получил высшее востоковедное образование в Петербурге. До Первой мировой войны он выехал на Восток и много лет пробыл в Центральной Азии — в Монголии, Забайкалье, Тибете, т.е. в областях, где распространен буддизм. Он подолгу жил в буддийских монастырях, где переводил и разбирал древние книги и рукописи. Свободно владея монгольским и тибетским языками, он легко общался с духовенством и населением, которые, по его словам, зачастую и не подозревали в нем европейца.

Знакомство Валеро-Грачева с вопросом о «снежном человеке» началось еще до его странствий — оно результат инициативы одного из его учителей, уже упоминавшегося видного географа Г.Е. Грумм-Гржимайло. Последний редактировал вышедший в 1901 г. русский перевод книги Рокхиля «В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету». Валеро-Грачев рассказал, что как-то, еще до выхода указанной книги в свет (эту деталь хочется подчеркнуть, как свидетельство специального интереса), Грумм-Гржимайло пересказал ему тот эпизод из книги, когда, по словам паломника, некие обросшие волосами дикие люди бросали камнями в караван.

Не останавливаясь здесь на этом сообщении Рокхиля, которое относится к предмету следующей главы, отметим лишь, что Валеро-Грачев еще до выезда в Азию был уже хоть немного информирован и заинтересован в данном вопросе. Действительно, он вспомнил о Рокхиле уже в Бурятии, когда лама из Агинского дацана (монастыря) впервые на его памяти упомянул об «алмасе», как называют в Монголии «дикого человека» (или «алмаас»). Узнав, что Валеро-Грачев собирается отправиться с караваном паломников в Тибет, лама заметил: «Иди. Только не испугайся алмааса». Потом он описал «алмааса», сказав, что тот выглядит как большой человек, весь заросший волосами за исключением лица и ладоней рук. Лама предупредил, что не следует пугаться, услышав крик «алмааса» — очень громкий, похожий на вой. По сообщению ламы, «алмаас» не нападает на людей. Но животные его боятся. Обдумывая услышанное от ламы, — продолжает Валеро-Грачев, — я и вспомнил, что уже слышал о диких человекообразных существах и даже читал о них.

В годы странствий Валере-Грачеву не раз случалось слышать о диком человекообразном существе, которого в Тибете называли «ми-ге», а не «алмаасом», как в Монголии. Будучи в Тибете, го-

ворит Валеро-Грачев, я множество раз имел возможность убедиться в достоверности сообщения ламы из Агинского дацана. «Правда, мне не довелось встретить таинственного зверя. Однако ламы тех монастырей, где я жил, изучая буддизм и тибетскую медицину, всегда, отвечая на мои расспросы об этих человекообразных животных, говорили о них, как о реальности. Многие видели их сами и описывали подробно, причем в этих описаниях не имелось никаких мистических оттенков».

Прервав в этом месте текст последнего сообщения Валеро-Грачева, передадим кратко один эпизод, рассказанный им ранее И.К. Фортунатову. Одну из зимовок Валеро-Грачев провел в небольшом старинном буддийском монастыре на северных склонах отрогов Гималаев, вблизи северо-восточных границ Непала. От старого ламы, с которым у Валеро-Грачева сложились самые тесные братские отношения, он однажды услышал историю, случившуюся в монастыре лет пятнадцать назад (ок. 1902–1903 гг.). На огород под стенами монастыря две ночи подряд совершали набеги какие-то звери, уничтожая овощи. «На третью ночь, рассказывал лама, я собрал всех живущих в монастыре, мы взяли бубны, медные тарелки и две трубы и до рассвета вышли из монастыря. Эти звери были уже на огороде. Они бегали и катались по земле, подкидывали в воздух овощи, куски земли, ботву и еще какие-то предметы. Я заметил, что звери были темно-бурые, с длинной и густой шерстью. По огороду они бегали на четырех ногах, но временами они вставали как люди, стояли и ходили. Тогда я понял, что это наши двоюродные братья и дал указание бить во все тарелки и трубить в трубы. Мы все пошли к огороду. Эти уродцы что-то еще бросали и чем-то махали, а затем убежали и с тех пор никогда не бывали на нашем огороде».

«Особенно часто — рассказывает Валеро-Грачев — сталкивались с дикими людьми паломники, странствующие аскеты из секты шиджетба. Они проводили в скитаниях большую часть своей жизни, и по рассказам встречали ми-гё не только в Тибете, но и в Бутане и Непале. Подобные рассказы я особенно часто слышал в монастырях «Биндо» и «Сэра» (Центральный Тибет). Тут описывали дикого человека как существо темно-коричневого цвета, сутуловатое, питающееся насекомыми, птицами и корнями растений. Говорили, что он забирается высоко в горы, что он очень силен, хотя ростом примерно со среднего человека. Встречались очевидцы, которые находили трупы ми-гё, утонувших в горных реках. Нельзя сказать, чтобы ми-гё встречались в Тибете на каждом шагу. Тем не менее, почти всякий монах сталкивался в течение жизни с ними хоть один-два раза. Обычно такие встречи про-

исходили в моменты,когда лама сидел тихо, без движения, углубившись в молитву».

Однажды Валеро-Грачев, увлеченный рассказами, высказал монахам план поймать «дикого человека», доставив в горы железную клетку и заманив зверя туда. Ламы отнеслись к этим планам с интересом, но считали более практичным сделать ловушку.

«Во время одной из таких бесед монахи заметили, что если мне не удастся увидеть живого ми-гё, то мумию его увидеть легко. Она хранится в монастыре Сакья — в южном Тибете, на реке Томчу. Красношапочные ламы якобы собрали там нечто вроде огромной коллекции мумифицированных трупов разнообразных животных, начиная от мухи и кончая слоном, вероятно, таким образом монахи наглядно демонстрировали верующим все стадии перевоплощения духа на земле. В дальнейшем я много раз слышал подтверждение того, будто в Сакья хранится мумия ми-гё. Но побывать там самому мне не удалось». Своими глазами, согласно записи бесед Фортунатовым, Валеро-Грачев видел только два или три парика (скальпа?), приписываемых «ми-гё», но они были очень старые, с потертой и вылинявшей шерстью, и определить, что это было такое, было очень трудно.

«При всем критическом подходе — заключает Валеро-Грачев — к рассказам простых тибетцев и ученых лам, касающихся «дикого человека», я не мог отнестись к ним без доверия. На мой взгляд, сбрасывать со счетов убежденность местного населения в том, что подобное существо действительно обитает в их стране, было бы ошибочным». (Записано В.Л. Бианки, март 1960, Ленинград. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) На расспросы И.К. Фортунатова, Валеро-Грачев сообщил, что в 1930-х гг. он неоднократно докладывал свои данные о «диком человеке», но имел по этому поводу ряд неблагоприятных отзывов и получил рекомендацию влиятельных ленинградских ученых не выступать на эту тему. Представленные им рукописи апробированы не были (ИМ, III, №83). В настоящее время они, по-видимому, утрачены.

Глава 4

СЛЕДЫ И ВЫСЛЕЖИВАНИЯ В ГИМАЛАЯХ

Перейдем теперь к обзору работ и наблюдений зарубежных авторов, относящихся к проблеме «снежного человека». Эта задача значительно облегчена благодаря наличию уже опублико-

ванных обзоров такого рода. Хронологические таблицы и списки главных наблюдений, важнейших появлявшихся в печати информации, сообщений о виденных следах и т.п., имеются в западноевропейской и американской литературе в немалом числе. Из них, несомненно, лучшими являются работы Эвельманса и Сандерсона; для своего времени полезны были также сводки Тильмана, Морэн, Иззарда, Борде. В настоящее время в распоряжении исследователя имеется хорошая обзорная работа Одетты Чернин, охватывающая весьма значительный объем сведений; то немногое, что упущено автором, восполнено в послесловии Тильмана. Таким образом, историю и библиографию исследований читатель должен искать преимущественно в книгах Эвельманса, Сэндерсона и Чернин.

В советской литературе история и основные итоги зарубежных исследований вопроса о «снежном человеке» наиболее обстоятельно охарактеризованы в трех специальных статьях В.С. Обручева. Всю историю накопления данных зарубежными учеными мы разделим на два этапа: до Второй мировой войны и после нее. Вместе о тем, знакомясь с этой историей, мы будем двигаться как бы по суживающемуся конусу: от исследований, территориально выходивших за пределы Гималаев, затрагивавших разные области Центральной Азии, в том числе Тибет, к работам последних лет, весьма интенсивным или во всяком случае громогласным, но все более, ограничивающимся Непалом, мало того, всего лишь несколькими долинами южных (непальских) склонов Гималаев.

Почему-то повелось называть наблюдения следов Уэдделом в 1887 г., опубликованные в 1898 г., исходной датой европейских исследований проблемы «снежного человека». Но дату рождения проблемы надо несколько отодвинуть. Сейчас указывают, что может быть приоритет следует приписать дневнику Фрезера (1820*), «Видам Индии, в особенности Гималайских гор» Уайта (1836*) и «Гималайским дневникам» Хукера (1855*), причем проф. Ю.Н. Рерих подчеркивает те места, где автор говорит о наблюдении на высоте 4500–5000 м двух стад очень крупных обезьян, не уточняя их видовой принадлежности, а проф. Эвельманс — те места, где имеются сведения об обитании в высокогорье совершенно диких людей. И уже во всяком случае совершенно бесспорный интерес принадлежит упомянутой в предыдущей главе, а также указываемой Эвельмансом, книге В.В. Рокхиля, опубликованной в Лондоне в 1891г. и излагающей между прочим, сведения, полученные в марте 1889 г.: «...Я оставался в Лусаре еще около недели, чтобы сделать окончательные приготовления к

отъезду в Лхасу. В это время в моей гостинице остановился пожилой лама, возвращавшийся из Лхасы в Рэван-гомба, монастырь, находящийся приблизительно в пяти днях пути к югу от Лусара. Он очень ясно и точно описал мне следование каравана, к которому он присоединился, по пустыне Северного Тибета... Он передал мне, что неоднократно во время пути караван встречал диких людей с длинными спутанными волосами, которые покрывали их тела как одежда; нагие, бессловесные существа эти, едва похожие на людей, бросали в них камнями, но так как никакого оружия они не имели, то и не могли причинить им большого вреда. Рассказы о волосатых диких людях я часто слышал от тибетцев, с которыми встречался в Пекине, а потому и рассказ старика-ламы не мог не возбудить моего любопытства». Рокхиль склонялся все же к предположению, что все рассказчики принимали за волосатых дикарей — медведей, стоящих на задних ногах, но упускал из виду, что медведи никак не могли бы швырять в караван камнями. В русском переводе опущено другое место из книги Рокхиля, относящееся к его пребыванию в Монголии. Рокхиль пишет здесь, что, по словам местных, жителей, они видели бесчисленные стада диких яков, диких ослов, антилоп, гёресун-бамбёршэ. Этот термин буквально означает «дикий человек» и рассказчики настаивали, что таковые здесь водились, что они покрыты длинной шерстью, стоят прямо и оставляют следы, похожие на человеческие, однако полагают, что разговаривать они не могут. Информатор попытался изобразить «гёресун-бамбёршэ» — он оказался похожим на медведя. Рассказчики утверждали, что китайцы при виде такого существа кричат «сюнг, сюнг» (т.е. «медведь»), а в Тибете его будто бы называют «дрэ-мон». Любопытно, что Рокхиль сравнивал эти собранные им сведения с теми, которые приводит Пржевальский.

В октябре 1899 г. английский путешественник Уэддел, обследовавший Гималаи в северо-восточном Сиккиме, на границе Тибета, на перевале Донкья-ла на высоте 5180 м обнаружил на снегу крупные отпечатки босых ног. «Несколько отпечатков ноги, — пишет он, — пересекли нашу тропу к высоким пикам. Они приписывались волосатому дикому человеку, который живет в области вечных снегов... Все тибетцы убеждены в том, что это существо действительно есть».

Но, конечно же, с традиционной уверенностью в превосходстве ума европейца над «туземцами», Уэддел решил, что последние не умеют отличить медведя, и на этом успокоился.

В 1890 г. армейский рапорт английских колониальных войск сообщал о странном обезьяноподобном, диком, обросшем во-

лосами существе, которое было убито английскими солдатами в районе строительства телеграфной линии близ прохода Джелаи-ла. Они бросили тело в горах; среди них не было достаточно образованного человека, чтобы толково осмотреть и описать его. Английские колониальные войска были малоподходящей корпорацией для проведения научных исследований. Об этом лишний раз свидетельствует обнаруженный в одной английской газете за 1905 г. рассказ путешественника Гуго Найта: «Возвращаясь из Тибета, вместе с еще одним европейцем и пятьюдесятью носильщиками, немного не доходя Гантука, между Гнетонгом и Седоншем, я отстал, чтобы дать моей лошади возможность отдохнуть. Внезапно я услышал легкий шум. Обернувшись, я заметил в двадцати шагах от себя страшное существо, нечто вроде человека, почти голое, хотя стоял ноябрь и было очень холодно. У него была желтая кожа, покрытая шерстью, на голове — густые спутанные волосы; он имел большие руки и громадные ноги...». Найт вспоминает, что когда, прибыв вечером, он рассказал об этом гуркам, у него создалось впечатление, будто английские офицеры на границе нашли эту встречу вполне обыкновенной. И в самом доле, местные английские газеты, тем более армейские архивы, еще не обследованы. Например, мы не знаем из какого номера газеты «Стейтсмен», и за какой год, заимствовал знаменитый художник Н.К. Рерих для своей книги «Сердце Азии» рассказ одного английского майора. Во время путешествия в Гималаях, «однажды этот майор до зари вышел из лагеря на соседний утес. Он смотрел на снежные горы, и вдруг на соседнем неприступном утесе увидел нагого высокого человека... Могучими прыжками этот незнакомец бросился вниз по почти отвесным скалам и исчез. На расспросы майора ему местными жителями и его слугами было отвечено: «Это снежный человек, который охраняет заповедную страну».

Вернемся к хронологически более ранним сведениям. Первое прямое наблюдение, причем не случайного путешественника, а ученого, было сделано в 1906 г., тогда же, когда имело место и наблюдение петербургского ученого Барадийна. Эти два наблюдения схожи и по своей дальнейшей судьбе — оба в подлинной записи были утрачены для науки и известны только в позднейших пересказах. А именно, английский гималайский исследователь Генри Элуис, натуралист и географ, лично встретил экземпляр «снежного человека» в Тибете. Подлинную рукопись Элуиса, где описывалась эта встреча и сообщались подробные сведения о внешнем виде этого существа, об оставляемых им следах, о местах его обитания, еще незадолго до Первой мировой войны видели некоторые английские ученые, а также родственники

Элуиса, в настоящее время эти заметки затеряны. В 1915 г. Элуис докладывал на заседании Зоологического общества в Лондоне сообщение лесничего Гента о предполагаемом существовании в Сиккиме неизвестной науке крупной человекообразной обезьяны, обитающей в высоких горах и спускающейся ниже только в холодное время года.

В 1921 г. Эверестская экспедиция, возглавляемая Говард-Бюри, снова обнаружила таинственные следы при подъеме на Лхакна-ла на высоте 6700 м. «На мягком снегу хорошо были видны следы грызунов и лисиц и, к великому удивлению, странные следы, которые были похожи па отпечатки босой человеческой ноги; носильщики тотчас же заявили, что это следы метох-канг-ми».

Находившийся в то время в Дарджилинге Генри Нюмен, спрашивая носильщиков и других местных жителей, собрал кое-какие сведения о том, что это за существо и как оно выглядит. Термин «метох-канг-ми» он перевел с тибетского так: «канг-ми» означает «снежный человек», «метох» — противный или отвратительный. С тех пор этот термин Abominable snowman — «противный снежный человек» — укоренился в западноевропейской и американской литературе вопроса, хотя в дальнейшем и выяснилось, что ни в Тибете, ни в Непале, ни в (55/56) Сиккиме, этот термин не пользуется широким распространением (к тому же неверно записан — эпитета «противный» нет) и население обычно обозначает данное существо другими терминами, например, «ми-гё», «йе-ти» и др. В апреле 1922 г. участники Гималайской экспедиции Брюса посетили Ронгбукский монастырь в Тибете на северных склонах Гималаев и имели беседу со старшим ламой. Когда Брюс спросил его о «метох-канг-ми», лама спокойно ответил, что пять таких «диких людей» (ми-гё) обитают в горах выше Ронгбука. К 1925 г. относится уже упоминавшееся выше наблюдение Томбози, участника фотограмметрической съемки массива Канченджанга. Он расположился лагерем в Сиккиме вблизи от перевала Зему. «Мои носильщики вдруг позвали меня из палатки. Первые несколько секунд ослепительный блеск мешал мне что-либо разглядеть, однако вскоре я распознал тот объект, на который мне указывали, на расстоянии 200–300 ярдов, внизу долины. Бесспорно, вырисовывавшаяся фигура держалась совершенно прямо, изредка нагибаясь, чтобы выкопать корни карликовых рододендронов. На снежном фоне она казалась темной, и на ней не было никакой одежды. Приблизительно через минуту это существо зашло в густые заросли и исчезло. Я рассмотрел оставленные им следы, по форме походившие на человеческие, но длиной только в 6–7 дюймов». Томбози дает весьма детальное описание очертаний сле-

дов. Он утверждает также с полной уверенностью, что силуэт таинственного существа соответствовал очертаниям человеческой фигуры. Расспросами носильщиков и населения он установил, что с начала года ни один человек не проходил в этом направлении. Однако Томбози отказывается как бы то ни было объяснить свое наблюдение, считая «снежного человека» — сказкой.

На 30-е годы падает целый ряд сообщений о наблюдавшихся и частью сфотографированных следах в Гималаях. Так, летом 1931г. английский пилот Бьюмен обнаружил следы на леднике недалеко от истоков Ганга на высоте 4200 м. В 1936 г. исследователь Гималаев Э. Шиптон, возвращаясь с Эвереста, встретил следы на леднике Барчганга; носильщики, увидев эти следы, отказались идти дальше, опасаясь несчастий, которые, по слухам, приносит встреча с этим существом. Немного ранее этнограф и ботаник Р. Каульбак увидел в верховьях реки Салуин на высоте 4800 м много отпечатков следов, которые были похожи на следы босых человеческих ног. Из четырех носильщиков двое полагали, что это следы леопарда, двое других, что это следы горного человека, голого, похожего в общем на людей, но с длинными волосами на плечах, руках и голове. Р. Каульбак добавляет, что в этих местах нет медведей, а зоологи разъясняют, что леопарды никогда не спускались бы по крутому склону тесной группой в несколько особей. Большие споры вызвали следы, обнаруженные летом 1937 г. Ф. Смитом и его носильщиками-шерпами в долине Бхиунцер на высоте 6000 м. Шерпы сразу же заявили, что это следы «ми-рка» или «дикого человека». Смит, не полагаясь на их осведомленность, со всей тщательностью измерил следы и сфотографировал их. Три шерпа были так убеждены в правильности своего заключения, что пожелали письменно заявить об этом: «Мы (следуют имена), сопровождая м-ра Смита, заметили следы, которые — мы знаем это — являются следами ми-рка или дикого человека. Мы часто видели следы медведя, снежного леопарда и следы других животных, но мы ручаемся, что эти следы не принадлежат ни одному из этих животных». Однако, когда Смит передал свои материалы английским зоологам, последние, во главе с Гексли, безоговорочно признали себя более компетентными в следах медведей и других горных животных, чем прирожденные горцы, и приписали снятые Смитом следы медведю. Позже бельгийский зоолог Эвельманс привел еще некоторые аргументы в пользу мнения о принадлежности следов медведю.

Прежде чем оценивать эту экспертизу, отметим еще некоторые наблюдения следов. В том же 1937 г. один из участников топографической экспедиции в Каракоруме нашел следы, кото-

рые сопровождавшие его шерпы определили как следы «йе-ти», через несколько дней в другом месте встретились следы, которые шерпы без колебаний приписали медведю. В ноябре 1937 г. Дж. Хант увидел ряд следов ста высоте 5800 м. в северо-восточном Сиккиме во время восхождения на перевал Зему. «Два животных, — пишет он, — пересекли перевал за некоторое время до меня. Отпечатки на снегу походили на следы человека; сходство было настолько большим, что я принял их за следы участников немецкой экспедиции, находившихся тогда в этом районе, ... но, после более тщательной проверки, я убедился, что меня не обогнали. В действительности ни один из участников немецкой экспедиции не поднимался по этому ущелью. Взвешивая все обстоятельства, я не склонен думать, что эти следы принадлежали человеку, так как там имелось два ряда следов, иногда они шли параллельно, иногда перекрещивались, — если бы то были люди, они, бесспорно, двигались бы гуськом и ступали бы в след друг другу». Впоследствии я расспрашивал шерпов о йе-ти, их рассказы полностью совпадали и давали основание предполагать существование какого-то крупного животного, не являющегося ни медведем, ни обезьяной лангуром». В том же 1937 г. следы были открыты в 800 км к западу от истоков Ганга Каракорумской экспедицией Шиптона и Тильмана. Последний, а также два шерпа — Сен-Тенсинг и Ила, увидели следы на гребне между двумя ледниками. Следы были старые, трех- или четырехдневной давности и сильно изменены таянием. Они имели 20 см в диаметре и были расположены в 45 см один от другого. Проводники считали, что это отпечатки ног меньшей разновидности «снежного человека» (йе-ти). В июле 1938 г. Тильман, возвращаясь с Эвереста, направился вместе с двумя шерпами в северный Сикким, по дороге к леднику Зему, и натолкнулся на сравнительно свежие следы, которые он сначала счел следами человека. Но следы эти исчезали на скале над страшно крутым обрывом. По возвращении в Дарджйлинг, Тильман принялся наводить справки и выяснил, что кроме него никто не посещал в то время перевал Зему. О том, что Дж. Хант наблюдал следы в том же горном проходе несколько ранее его, Тильман узнал лишь позже.

Как видим, ко времени Второй мировой войны исследователи Гималаев и Каракорума накопили некоторое количество еще довольно разрозненных и спорных наблюдений следов неизвестного человекообразного прямоходящего существа.

К сожалению, мы не располагаем ни репродукциями фотографий следов, снятых Смитом, ни экспертизой Гексли. Но аргументы, приводимые Эвельмансом, и его сравнительные набро-

ски расположения следов, оставляемых человеком и медведем, не убеждают. Что мы знаем об особенностях локомоции неизвестного вида прямоходящего примата, какие у нас основания отождествлять ее с локомоцией человека? Отождествление следов, снятых Смитом, с медвежьими было бы неоспоримо только в одном случае: при явном отсутствии на следе такого признака, который абсолютно отличает стопу человека от медвежьей: заметно большей массивности первого пальца сравнительно со вторым и всеми следующими. Это отличает стопу человека не просто как прямоходящего существа, а как примата, эволюционно связанного с древесно-лазающими формами приматов. У медведя же, к какому бы виду он ни принадлежал, нет, и с точки зрения эволюционной не может быть, резкого отличия размера первого пальца от следующих. Это — единственный надежный признак для различения следа человека и медведя, при внимательном учете которого смешать их просто нельзя. Крупнейший авторитет проф. А.Н. Формозов демонстрировал это с помощью серии следов разных видов медведей на одном из заседаний Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Несомненно, что этот отличительный признак, сравнительно большая величина первого пальца, наличен на ряде более поздних снимков и слепков следа «снежного человека», что исключает всякую мысль об отождествлении их со следом медведя. Однако мы не знаем, учитывался ли именно этот, единственно надежный признак при «дискриминации» скептиками снимков Смита. Напротив, на схематическом рисунке в книге Эвельманса мы с удивлением видим, что следы смитовского «медведя» изображены с укрупненным первым пальцем, какого не может быть у медведя.

Научные и альпинистические экспедиции в Гималаи прекратились во время Второй мировой войны и начали возобновляться в небольшом масштабе в 1949 – 1950 гг. Летом 1951 г. состоялась крупная английская экспедиция в Гималаи с участием Шиптона, Меррея, Уорда, Бурдиллона, Хиллари. Уже на пути в высокогорье Непала, в монастыре Тьянгбоче (область Кхумбу) экспедиция обогатила прежние знания о «снежном человеке», хотя она и не имела специальной задачей изучение этого вопроса. Тут узнали о случае, произошедшем в 1949 г., когда на традиционный праздник в этот монастырь собралось много шерпов: внезапно, как утверждают все они, из зарослей деревьев всего в 25 шагах от них появился «йе-ти». Один из присутствовавших, шерпа Сен Тенцинг был впоследствии подвергнут детальному перекрестному опросу, который, говорит Шиптон, не оставил сомнения в искренности его показаний. Тенцинг заверил, что это не были ни медведь,

ни обезьяна, которых он хорошо знал. Это был получеловек и полуживотное, ростом — с среднего человека (около 1,65 м.), на двух ногах, без хвоста, с заостренной кверху головой; все тело его было покрыто красновато-бурой шерстью, но лицо лишено волос. По словам Тенцинга, «йе-ти» передвигается большей частью на двух ногах, но когда торопится, опускается на все четыре. Тенцинг и его спутники били в барабаны и устроили страшный шум, чтобы напугать и прогнать «йе-ти», но тот оказался не слишком боязливым и скрылся лишь через некоторое время. Уместно отметить, что через два года в том же монастыре Тьянгбоче Дж. Хант записал рассказ помощника настоятеля о другом появлении «йе-ти» вблизи стен монастыря. Но пока вернемся к успеху Шиптона. Приведенное только что весьма конкретное описание «снежного человека» экспедиция 1951 г. дополнила и отличным вещественным свидетельством.

«На одном из ледников бассейна Менлунг, — пишет Шиптон, — на высоте, приблизительно, 19 т.ф. вечером мы пересекли те любопытные следы на снегу, которые затем вызвали такой интерес общественности в нашей стране. Мы шли по следу пока было удобно идти, приблизительно около мили... Я и в прошлом находил много этих любопытных отпечатков и пытался идти по следу, но всегда терял их на морене или скале в стороне от ледника. Данный след казался очень свежим, вероятно не более как 24-часовой давности. Когда Меррей и Бурдиллон прошли за нами несколькими днями позднее, следы несколько расплылись». Шиптону удалось сделать исключительно ценные фотографии. «Этот снимок особенно удачен, — объяснил Шиптон, — так как след отпечатался на тонком слое кристаллического снега, лежавшего поверх твердого льда. Поэтому, когда существо передвинуло ногу вперед, след почти не исказился. Следы, совсем свежие, были оставлены, вероятно, всего за несколько часов до того, как мы их обнаружили, и во всяком случае в тот же день. Они отстояли один от другого на 75 см и шли по направлению к трещине. В том месте, где мы натолкнулись на следы, по всей вероятности, двигались вместе два существа. Это было на высоте около 550 м, значительно выше границы лесов. Следы шли на некотором расстоянии рядом, а затем пересекались. В одном месте одно из существ перепрыгнуло через трещину шириной около 90 см. Там виднелся след толчка, а по другую сторону — ясный отпечаток пальцев, зарывшихся при приземлении в снег. Мои шерпы, взглянув на следы, не сомневались. Следует иметь в виду, что шерпы прекрасно знают следы медведя и обезьяны. Они без всяких колебаний назвали это существо, йе-ти, по-нашему — снежный человек».

Шиптону посчастливилось сфотографировать следы не только очень свежие, не успевшие подвергнуться искажению от таяния снега, но и отпечатавшиеся на слое очень неглубокого снега, в то время как обычно глубина его делала почти невозможной точную фиксацию очертаний подошвы стопы. Шиптон сфотографировал и длинную цепочку следов, снимавшую всякие сомнения в двуногом образе передвижения прошедшего здесь существа. Все это привело к тому, что снимки Шиптона, появившиеся первоначально в газете «Таймс», были затем бесчисленное множество раз воспроизведены и стали своего рода всемирным эталоном. Именно на основе этих снимков сделаны и делаются существенные биологические выводы о строении тела и видовой принадлежности «снежного человека». Но, придавая снимкам Шиптона такое большое значение, следует помнить, что они важны именно как венчающее звено серии, а не изолированно от большого числа сходных наблюдений, хотя и не столь удачно фиксированных.

О тех же следах пишет Меррей, — сначала о том, как их нашли Шиптон и Уорд, затем о своем вторичном открытии их совместно с Бурдиллоном: «...Мы пересекли Менлунг-ла. Подобно Шиптону и Уорду, мы нашли следы йе-ти и, как и они, шли по следу по меньшей мере около 2 миль (животное выбрало самую лучшую дорогу), до тех пор, пока на второй день мы не вышли к морене».

1952 год ознаменовался исследованиями двух швейцарских экспедиций. Особенно важная первая из них, под руководством Вис-Дюнанта, в районе ледника Кхумбу в апреле обнаружила и тщательно исследовала длинные цепочки следов нескольких экземпляров «снежного человека». Они оказались разных размеров. Следы крупного экземпляра имели в длину подошвенной поверхности 25 – 30 см, в ширину — 12–14 см (как и у экземпляра, сфотографированного Шиптоном), тогда как следы меньшого экземпляра не достигали в длину 20 см. Глубина следа, уходящего в снег, свидетельствовала о том, что вес крупного животного достигал 80–100 кг. На следах, видны все пять пальцев, большой палец повернут несколько внутрь. На некоторых следах есть отпечатки ногтей, а на пятке — пучка волос. Анализ следов при прыжке животного через камень показывает, что оно в этом случае пользуется четырьмя конечностями. «Йе-ти», умозаключает Вис-Дюнант, живут не в одиночку, а семьями, что подтверждается наличием следов разных размеров, в том числе следом принадлежащим бесспорно молодой особи. Как видим, чтение следов на снегу с каждым годом делало успехи, становилось конкрет-

нее! Но одновременно в умозаключениях Вис-Дюнанта уже прозвучала нотка, предвосхищавшая неизбежный кризис этого направления исследований. Действительно ли изучаемый вид животных – «снежный»? Не ошибочен ли эпитет «снежный человек»? «Я не мог обнаружить никаких остатков пищи и никаких экскрементов; это подтверждает гипотезу, что животные лишь проходят эти места и не часто забираются на такую высоту; если бы йе-ти жил и охотился поблизости, мы должны были бы наткнуться на логово, или хотя бы на какое-нибудь временное убежище. Я склонен думать, что он взбирается на перевалы только тогда, когда переходит из одной долины в другую в поисках пищи. Это — шатун, избегающий мест, населенных людьми, и заходящий высоко в горы, в места, обитаемые пантерой, хищным животным, которого йе-ти, по-видимому, не боится».

В самом деле, простая логика требовала в конце концов признать, что обнаруженное крупное млекопитающее не может быть постоянным жителем вечных снегов. Там ему нечем питаться. Несомненно, что на ледниках и снежниках оно могло оказываться лишь перебираясь из одного незаснеженного места в другое, т.е. в момент миграции или, допустим, ухода от опасности. Но в таком случае и едва нащупанный ключ к загадке — следы на снегу — ведет в тупик; как бы виртуозно ни научиться фиксировать и расшифровывать редкие и случайные следы на снегу, это не поведет к обнаружению животного, познанию его биологии. Впрочем, это было только предвосхищением кризиса методики гималайских исследований. «Снежной» тематики хватило еще на три-четыре года.

В отношении второй швейцарской экспедиции 1952 г. отметим только, что она, как кажется, ознаменовалась встречей одного из носильщиков с живым «йе-ти». Тенцинг Норкей, по его словам, лично убедился, что нет никаких оснований не верить рассказу этого носильщика.

1953 год, принесший долгожданную победу над высочайшей вершиной земного шара Чжомолунгмой (Эверестом), внес в исследования проблемы «снежного человека» наряду с прежним интересом к следам на снегу и кое-что новое. Во-первых, сведения о «йе-ти», сообщенные одним из победителей Чжомолунгмы Тенцингом Норкеем, — все это знаменовало более серьезное чем прежде включение в круг внимания исследователей такого источника, как знания о «снежном человеке» хозяев страны — шерпов. Поэтому мы и не будем пытаться здесь их излагать, — этому придется посвятить значительную часть другой главы. Во-вторых, группе индийских альпинистов во главе с Ган-

ди, а затем участнику английской Эверестской экспедиции врачу Эвансу удалось увидеть в высокогорном непальском монастыре Пангбоче древний скальп, якобы снятый некогда с головы «йе-ти», хранимый как реликвия и используемый при некоторых религиозных церемониях; с него удалось сделать многочисленные фотографии, срезать несколько волосков для лабораторного изучения. Эта находка положила начало целой новой линии исследований, приведшей через пять лет к важному открытию в том же монастыре Пангбоче. Летопись изучения «снежного человека» была бы неполна, если бы мы не отметили здесь и результаты трехлетних (1950–1953) этнографических исследований австрийского профессора Рене фон Небески-Войковица в Тибете и Сиккиме. Собранные им у населения сведения, вполне согласующиеся с опросными материалами английских экспедиций, будут использованы ниже.

1954 год ознаменовался нашумевшей экспедицией в Гималаи впервые специально для поисков «снежного человека», посланной на средства английской газеты «Дейли мэйл». Во главе ее стоял представитель этой газеты Ралф Иззард, в составе ее были эрудированные натуралисты — англичане Стонор и Эдгар, индийский зоолог Бисуас, американец — Рассел. Экспедиция была хорошо оснащена, работа ее широко освещалась в печати. Можно сказать, это был апогей надежд на эффектное сенсационное разрешение загадки «снежного человека». В известном смысле экспедиция Иззарда была и в самом деле кульминационной точкой предшествовавшего цикла поисков и исследований. Но, дав немалые плоды, она дала и немалые разочарования, обнажила трудности, которых недооценивали, преграды, которых не предвидели.

Ход экспедиции, проведшей время с января по май 1954 г. в высоких горах Непала, изложен в двух книгах; Ралф Иззард «По следам снежного человека». Книги эти широко известны, имеются и в русском переводе. Это избавляет от необходимости здесь подробно излагать увлекательную историю и интересные плоды экспедиции. Подведем лишь ее самые главные итоги.

Во-первых, это — весьма значительные сборы опросных данных, произведенные преимущественно Стонором среди горцев-шерпов, по меньшей мере в десяти высокогорных деревнях. Соединяя в своем лице этнографа, антрополога и зоолога, Стонор более глубоко, чем кто-либо до него, проник в мир представлений и сведений шерпов о «снежном человеке», — и если он начал работу в предположении, что эти представления следует отнести к области мифов и легенд, то в результате сбора и сопоставления обильных реалистических и непротиворечивых со-

общений он пришел к убеждению в действительном существовании этого животного. Свою книгу Стонор заканчивает словами: «Внешний вид йе-ти и образ его жизни, описанные шерпами и тибетцами, удивительно совпадают с воссозданным палеонтологами обликом и образом жизни некоторых видов двуногих приматов, живших в древности. Для некоторых из нас очевидно, что шерпы не могли просто выдумать животное, так сильно похожее на тех, существование которых в древности доказано наукой, тем более, что шерпы не могли узнать о таких животных со стороны. Шерпы описывают йе-ти и его привычки очень реалистично, с характерными подробностями. Мы получили массу косвенных доказательств существования йе-ти. Подводя итоги, я могу только принять точку зрения шерпов, которую они часто высказывали так разумно и честно. Им совершенно незачем выдумывать новое млекопитающее, раз они в нем не заинтересованы и предпочитают не встречаться с ним, их представление о йе-ти основано не на мифологических ассоциациях, а на подлинном существовании зверя из плоти и крови»

Но успехи Стонора имели и свою теневую сторону: он убедился, что население противится разговорам о «йе-ти», крайне настороженно относится к расспросам. Правда, этот лед Стонору удалось несколько растопить, дав широкие заверения, что его намерения не идут дальше того, чтобы сфотографировать «йе-ти». Но все же население оказалось не только не посредником между исследователем и искомый животным, но и преградой. «Мы, шерпы, — буддисты и вообще никогда не убиваем диких животных, что же касается йе-ти, то он у нас на особом счету», — говорили они. Они не хотели, чтобы иноземцы угрожали этому занимающему особое положение животному, более того, если и готовы были поделиться своими сведениями о нем, то не переходя известного предела. Дальнейший ход изучения вопроса о «снежном человеке» все яснее показывал эту помеху, коренящуюся в неохоте буддийского населения слишком близко знакомить пришельцев с «двоюродным братом» человека.

Вторая линия успехов и разочарований экспедиции 1954 г., близко соприкасающаяся с первой, это попытки добыть для исследования «скальпы» и другие вещественные останки, хранившиеся в качестве ритуальных культовых принадлежностей в высокогорных непальских монастырях. Сведения о скальпах («черепах»), имеющихся в Кумджунге и Пангбоче, сообщил еще ранее Тенцинг Норкей.

Сфотографировать скальп из Пангбоче, как сказано, удалось впервые в предыдущем 1953 г. Но книги Иззарда и Стонора

раскрывают полную драматизма историю тщетных попыток сломить суеверное предубеждение и получить хоть на время драгоценные вещи. Они увезли с собой лишь новые снимки скальпов и образцы волос, обсуждение которых мы относим к одной из следующих глав. Одновременно они увезли с собой и представление о том, какой почти непреодолимой преградой на пути к научной цели стали перед ними суеверия буддизма.

Третья линия успехов и разочарований экспедиции — следы и выслеживание «снежного человека». В отношении находок новых следов «йе-ти» экспедиции очень повезло. Она обогатила многими тонкими наблюдениями имевшиеся описания следов: фиксацией приемов «йе-ти» преодолевать снежные сугробы движениями, напоминающими плавание, спускаться сидя на заду с крутых снежных склонов, далеко обходить человеческое жилье. Иззард и Рассел в долине Дуд-Коси шли в течение двух дней подряд по следам двух «йе-ти», тропя их в общей сложности на протяжении более 13 км; они буквально прочли на снегу всю двухдневную историю жизни этих двух существ... Но они вместе с тем прочли и приговор дальнейшим попыткам такого рода. Догнать «йе-ти» по следу на снегу — безнадежная затея, подстеречь его здесь — тем более, ибо тут он проходит, но не обитает, не ищет пищу. Стонор и другие участники экспедиции пришли к совершенно окончательному и неопровержимому заключению, что обитает «йе-ти» не в зоне вечных снегов и льдов, а ниже, в частности, на скалистых и кустарниковых склонах, где он может находить достаточно обильный корм. Но как искать его на этих необозримых скалистых просторах? Ведь там он не оставляет цепочек следов — единственного признака, по которому удавалось судить о его существовании.

Глубочайший пессимизм был, в сущности, основным выводом всей экспедиции Иззарда. «Когда мы покидали Англию, — пишет он, — сами поиски рисовались нам в следующем виде: мы находим на снегу следы «йе-ти» и идем по ним до тех пор, пока не столкнемся с животными. На самом деле представление шерпов о том, что «йе-ти» бродят наудачу по огромной усеянной камнями территории, расположенной выше границы леса и ниже вечных снегов, оказалось совершенно правильным»

Отсюда и те «слова предупреждения», с которыми Иззард обращается к участникам будущих экспедиций: «По нашему общему, как мне кажется, мнению, основанному на собственном опыте, йе-ти вероятнее всего можно встретить случайно, наткнувшись на него, скажем, за каким-нибудь камнем, а не в результате организованных поисков».

Этот вывод означал в сущности признание полного бессилия исследователей, надежду на чистейшую случайность! Да, собственно говоря, ничего другого и не осталось тем, кто пренебрег главным условием успешности полевой зоологической работы такого рода: нельзя производить поиски без хотя бы теоретической гипотезы о биологии того существа, которое ищешь, т.е. искать неведомо что, вслепую, на ощупь. Удивительным образом в приведенных словах Иззарда даже не сквозит мысль о применении приманок, привад. Кризис в исследованиях проблемы «снежного человека», так ясно проступивший с конца экспедиции 1954 г., это результат поверхностного практицизма, пренебрежения кропотливой научной подготовкой.

Между прочим, недооценка важности предварительных обобщений и продумывания гипотез об образе жизни и повадках искомого животного, вера в спортивную удачу и счастливый случай, — все это проявилось в прекращении западноевропейскими и американскими исследователями широких сборов или, во всяком случае, публикации собранных опросных материалов. Рассказы населения, видимо, с благословения некоторых традиционных зоологов, рассматриваются как что-то второсортное или как утратившее остроту воздействия на читателей. Между тем терпеливый сбор и анализ информации вел бы по крайней мере к постепенному уточнению карты и сезонов вероятных миграций, цикла суточной активности, количества и местонахождения молодняка, привлекающих факторов. К сожалению, гималайские исследователи отнеслись ко всему этому не серьезно.

Восходящая линия истории изучения следов на снегу в Гималаях продолжалась еще и в 1955 г. Два члена английской экспедиции военно-воздушных сил, Смит и Лиз, сфотографировали в долине Култи на высоте 12 т.ф. следы «снежного человека». Согласно сообщению, это был ряд следов, свидетельствующих о двуногом передвижении, на стопе видны пять пальцев, размер следа 29 х 14 см; к сожалению следы были погружены глубоко, на 27 см в снег.

В мае того же 1955 г. французская геолого-альпинистическая экспедиция на Макалу натолкнулась на следы «снежного человека» в районе перевала Барун. Наблюдения принадлежат профессору геологии Пьеру Борде, который до этого вовсе не намеревался заниматься проблемой «снежного человека». Уже при подъеме основная часть экспедиции видела следы почти на том же месте, но они были старыми и сильно стершимися. Спускаясь вниз, вместе с шерпом Анг Бао и носильщиками, Борде встретил почтальона, шедшего с провожатым, так как он боялся проходить эту

часть пути «из-за йе-ти». На следующий день Борде обнаруживает на перевале цепочку свежих следов, пересекающих следы, оставленные почтальоном; они, следовательно, были оставлены лишь накануне вечером, ночью или даже утром в день наблюдения, и солнце не успело их деформировать. После короткого осмотра Анг Бао заявляет: «это — йе-ти, идем, нельзя здесь оставаться», и вскоре он и носильщики оказываются уже далеко от решившего обследовать следы геолога. Стоит привести большие выдержки из обстоятельной статьи проф. Борде, опубликованной по возвращении в «Бюллетене Музея естественной истории» в Париже.

«Я иду по следам по направлению на восток, траверсируя довольно крутой (20°–30°) склон. Отпечатки обоих ног хорошо видны, они вдавлены на 10–15 см в снег. Животное несколько раз скользило, как, впрочем, и я, хотя и вооруженный ледорубом, — и тогда его следы расширены и удвоены. В одном месте оно достигло верхнего края небольшой скальной стенки высотой в 1,5 м; оно спрыгнуло прямо и продолжало свой путь; никаких следов его передних лап. Я же вынужден для спуска воспользоваться трещиной, находящейся вправо. Через 200 м следы начинают подниматься, затем они резко поворачивают влево и идут в лоб к подъему. Они исчезают выше, через 200 м, за скалами, на все более крутом склоне». «...Мы отправляемся дальше, замечаю новый след с той стороны озера. Снова покидаю своих носильщиков и выхожу к этому следу. Отпечатки ног сводятся к последовательным вдавлениям в снегу. Здесь нечего получить». «Итак, я следовал по пути йе-ти на протяжении более одного километра и видел около 3000 отпечатков. Они все выглядят одинаковыми. Речь идет о глубоком следе стопы, имеющей некоторое сходство с человеческой стопой. Подошва стопы грубо эллиптична и округлена снизу. Перед нею находятся отпечатки четырех (а не пяти) пальцев приблизительно округлой формы. Первый направлен внутрь, он толще остальных и, возможно, располагается отступя, слегка позади них. Остальные три пальца располагаются на переднем контуре подошвы и очень близко к нему. Эти пальцы значительно толще пальцев стопы человека. Следов когтей не имеется. То, что можно было бы принять за таковые на фотографиях, отвечает следу, произведенному пальцами в тот момент, когда животное извлекает стопу из ямы, которая вдавлена стопой в снегу. На лучших следах еще сохранились маленькие снежные перегородки между следами пальцев, что указывает на то, что последние не полностью смыкаются при ходьбе. Длина отпечатка около 20 см. Животное передвигается на параллельных, но слегка расставленных ногах. Длина шагов порядка 50 см, несколько меньше

длины моего шага на этой скользкой почве. Впрочем, походка казалась неуверенной, животное явно не спешило и ничем не было обеспокоено. Тот факт, что оно пересекло след людей, не взволновал его. Никаких следов хвоста не было. Второй след, который я увидел, принадлежал животному, спускавшемуся к озеру, очевидно, чтобы пить. Отпечатки располагались по строгой линии, и длина шагов, значительно большая, достигала, должно быть, метра. Этот след терялся в части озера, где с тех пор растаял снег. Бесспорно, что все эти следы принадлежат двуногому животному, которое, даже в трудных условиях, не испытывает потребности пользоваться своими передними конечностями». «След йе-ти, сфотографированный Э. Шиптоном в 1951г., представляет неоспоримую аналогию с теми, которые я видел: та же общая форма, то же количество пальцев — четыре, а не пять (гипотеза о слиянии на снимке указательного и среднего, выдвинутая Г. Диренфуртом, по-видимому, не находит себе признания).

След, сфотографированный Шиптоном, отличается, однако, гораздо большим размером и положением большого пальца, расположенного отступя. Можно думать, следовательно, о вариациях в зависимости от роста животного или, может быть, о половом диморфизме».

Борде собрал некоторые сведения среди шерпов. Неоспоримо, пишет он, что они рассматривают «йе-ти» как животное, обитающее в их стране, они знают места, где он живет, его привычки, его различные крики, которым они дают точное значение. Подводя некоторые итоги предшествовавшим исследованиям в Гималаях и Каракоруме, Борде заключает: «Таким образом, йе-ти, до-видимому, является неизвестным животным, каких должно быть существует некоторое число в мире». Что именно они представляют собою, на данном уровне информации судить еще рано, «но просто-напросто отрицать существование йе-ти было бы и не логично и не научно».

В 1956 г. в высокогорном Непале работала английская экспедиция Нормана Харди. В опубликованном отчете содержится лишь немного материала, касающегося «снежного человека». Автор сам не видел следов, передает лишь сообщения кого-то из персонала непальской почты о недавно виденных следах «йе-ти» (около 23 см. длины, расстояние между следами около 90 см), которые наблюдатель уверенно отличает от следов медведя и которые, по ряду соображений, никак не могут принадлежать лангуру. Норман Харди сообщает также сведения о якобы хранящемся в монастыре Ронгбук (Тибет, северные склоны Гималаев) еще одном «скальпе» «йе-ти».

В том же 1956 г. в Гималаях проводили рекогносцировочные путешествия и сборы сведений о «йе-ти» два человека, которым суждено было на следующие четыре года тесно связать свои имена на поприще исследований проблемы «снежного человека». Один из них — крупный техасский бизнесмен и одновременно руководитель одного научно-исследовательского центра — Том Слик, совершивший поездку в горы и собравший показания караванщиков и других местных жителей, по их словам, видевших «йе-ти». Вторым был ирландец Питер Бирн, охотник и путешественник, знающий непальский язык и потому легче беседовавший с населением о «снежном человеке». Встретившись, Том Слик и Питер Бирн убедились, что их опросные данные близко совпали.

В следующем 1957 г. они вместе отправились в экспедицию за «снежным человеком», финансируемую Томом Сликом. Снова были найдены и сфотографированы следы «йе-ти». «Мы шли по следам этого существа в трех местах, — пишет в отчете Том Слик, — до тех пор, пока не потеряли их на скалистой почве или не были вынуждены прекратить поиски с наступлением темноты». Идя по одному следу, пятипалому, похожему на человеческий, «заметив, где йе-ти поскользнулся и скатился по крутому склону, мы нашли и собрали шерсть, зацепившуюся за шершавую кору рододендрона; видели, где это существо опиралось на руку или лапу, чтобы сохранить равновесие в мягком снегу, в то время как оно отдирало мох со ствола дерева». Следы оказались двух типов: крупные, свыше 30 см. длиною, и меньшие, не более 25 см, но зато более широкие, чем первые и обладавшие отличительным у-образным разветвлением большого пальца по отношению к другим; эти последние следы, говорит Том Слик, «имеют необычайное сходство с ископаемыми окаменелыми следами, найденными шесть лет назад в пещере близ Турина, в Италии, которые считают следами неандертальского человека». Точно так же и 15 найденных очевидцев, которые, по их словам, сталкивались с «йе-ти», утверждают, что последний бывает ростом в 2–2,4 м, но имеется и другое, похожее существо, ростом в 1,5–1,8 м («ми-те»). Пятнадцати опрошенным очевидцам-шерпам были предъявлены наборы разнообразных фотографий, изображавших низших и высших обезьян, медведей, доисторического человека: все без исключения на первом месте указали сходство виденного ими существа с изображениями гориллы и доисторического человека. Некоторые шерпы описали крик «йе-ти».

На основе этих обнадеживающих данных Том Слик в следующем 1958 г. отправил (совместно с Джонсоном) экспедицию, в состав которой вошли участники экспедиции 1954 г. натура-

лист Джералд Рассел, братья Питер и Брайн Бирн и другие. Одна группа предприняла стационарные наблюдения в долине Барун. По рассказу Питера Бирна, дважды в ночной темноте к их палатке подходил «йе-ти», но его не успевали увидеть в свете фонарей, во второй раз утром на свежем снегу были найдены следы 25 см длины, с отличными отпечатками больших пальцев, проходившие вблизи палаток и исчезавшие на голом скалистом скате. В группе Рассела, обосновавшейся в долине Чоянга, двое шерпов, по их словам, порознь видели «йе-ти», каждый раз ночью, один раз при свете факела, другой — фонаря; сфотографированные утром следы второго отличались небольшими размерами. Участники экспедиции 1958 г. впервые стали изобретать кое-какое обновление методики поисков «снежного человека», однако их идеи снова не были основаны на продуманной гипотезе о его биологии и поэтому неминуемо окончились неудачей. Во-первых, это была идея применить здесь специально доставленных из США собак, применяемых на охоте на медведя, — они оказались неподготовленными и совершенно бесполезными в скальном ландшафте. Во-вторых, подумали, наконец, о применении приманки, однако, слишком оригинальной: крупных лягушек, водившихся в омуте р. Чоянг и, судя по некоторым следам, по ночам пожираемых «йе-ти», который вылавливает их в воде или находит под переворачиваемыми валунами. Были применена остроумные технические средства, чтобы привязанная на нейлоновой леске лягушка, будучи схваченной, заставила выстрелить ружье, заряженное парализующим веществом. Опыт не удался. Навряд ли стоит дальше его технически совершенствовать: не могут лягушки, хотя бы и особо крупного вида, употребляемого в пищу даже местным населением, служить сколько-нибудь характерной и постоянной пищей «снежного человека».

Экспедиция 1958 г. собрала опросные данные, но почти ничего не опубликовала. Она произвела новые обильные наблюдения серии следов «йе-ти», но лишь подтвердила их разделение на два несколько различных по величине и форме типа. Важным результатом было получение первого неплохого гипсового слепка со следа одного из двух типов. Но подлинным научным достижениям экспедиции было нечто иное. Еще в 1954 г. английский тибетолог проф. Снеллгрув узнал (и сообщил Иззарду, но слишком поздно), что кроме скальпа монахи Паигбочского монастыря хранят мумифицированную кисть йе-ти», она обмотана несколькими слоями материи и обвязана шнуром, причем снять повязки — значило бы осквернить священную реликвию. Благодаря знанию непальского языка, П. Бирну удалось, прожив неко-

торое время в Пангбоче, добиться успеха; кисть была освобождена из повязок и ему разрешили ее многократно сфотографировать. Мало того (неизвестно, в этот сезон или в следующий), удалось добиться разрешения на частичное препарирование кисти, а именно, обнажение от высушенных тканей ее скелета с тыльной стороны руки. Фотографии этой скелетированной кисти, а также частица удаленных высушенных мягких тканей были доставлены в США и подвергнуты тщательному лабораторному и анатомо-морфологическому исследованию.

Этот важный результат может быть расценен как большой шанс перенесения всей проблемы «снежного человека» на новый уровень. Наконец в руках исследователей есть хоть фотографии одной из частей скелета интересующего их существа. Конечно, остается какая-то степень вероятности, что эта древняя мумифицированная кисть не принадлежит тому существу, которому ее приписывает предание. Но кому же она принадлежит? Забегая вперед, мы пока скажем лишь, что с большой степенью достоверности доказана невозможность отождествить ее ни с кистью человека современного физического типа, ни с кистью какой-либо из живущих человекообразных обезьян.

В том же 1959 г. посчастливилось и двум японским экспедициям, одной из которых руководил профессор Тендзо Огава. Обе экспедиции нашли и зафиксировали новые образцы следов. Проф. Т. Огава снова сфотографировал в Пангбоче мумифицированную кисть.

Этим неожиданным достижением хотелось бы и закончить исторический обзор исследований, произведенных в Гималаях. Во всем остальном кризис исследовательской методики, ясно нараставший в 1954–1958 гг., далее привел к настоящему тупику. Итак, выполнить непосредственную научную и спортивную задачу экспедиции: выследить, увидеть, сфотографировать, может быть, поймать или подстрелить экземпляр «снежного человека», — пока не удалось. Том Слик проиграл свое пари, о котором писали в газетах. Братья Питер и Брайн Бирн впали в скепсис и разочарование в отношении перспективности дальнейших поисков в Гималаях. Джералд Рассел, самый вдумчивый из исследователей проблемы «снежного человека» в Гималаях, вернулся в апреле 1960 г. в Европу из очередной экспедиции ни с чем — в результате разногласий в экспедиции.

Такой финал объясняется не только кризисом методики. Укажем еще два фактора. Регулярные появления экспедиций в одних и тех же долинах высокогорного Непала привели и к другому непредвиденному кризису: в традиционных районах следы обна-

руживаются все реже, возможно, «йе-ти» откочевывают подальше от людей, назойливо интересующихся ими, но, видимо, совершенно не учитывающих воздействия своего присутствия на поведение этого вида животных. Кто знает, не отпугивали ли также специально «йе-ти» из этих мест местные люди — блюстители сакральных тайн? В самом деле, вторым непредвиденным фактором явилось нараставшее противодействие непальских духовно-светских властей дальнейшим поискам «снежного человека». Дело началось с испытанного оружия наших противников, с вышучивания и высмеивания мысли о «снежном человеке» самим королем Непала на пресс-конференции, а кончилось принятием строгих запретительных мер. Правительство Непала объявило, что со всякого, кто впредь захочет искать «снежного человека» на территории Непала, будет взыскиваться 5 тыс. рупий пошлины. Строго запрещено убивать «снежного человека», если он сам не нападает. Жители Непала не имеют права давать информацию по этому вопросу иностранцам без разрешения правительства. «Йе-ти», живой или мертвый, а также и его фотографии, объявлены государственной собственностью и не могут быть вывезены из Непала. Как видим, насмешки завершились официальным признанием реальности «йе-ти», но и запрещением ученым узнать о нем что-либо.

Таким образом, на непальских исследованиях до поры до времени поставлена точка. Остается сказать об одном грязном пятне, недавно прибавившемся к этой точке. Несмотря на все препоны, в сентябре 1960 г. в новую экспедицию на поиски «йе-ти» в Непал с огромным газетным шумом отбыл знаменитый рекордсмен-альпинист, «покоритель Эвереста» сэр Эдмунд Хиллари. Впоследствии в мировой прессе стали появляться тревожные сигналы о том, что экспедиция Хиллари носит подозрительный характер: в ее составе оказались специалисты по ракетам, ведшие какие-то наблюдения у границ Китая. Стали высказываться небезосновательные предположения, что поиски «снежного человека» — лишь предлог для деятельности других отрядов экспедиции, насчитывавшей в общем более 600 человек. Удивительным образом «сэр Эдмунд» не взял с собой ни одного знатока вопроса о «снежном человеке», ни одного исследователя, участвовавшего в прошлых экспедициях. Зоологическую науку представляли здесь мистер Марлин Перкинс из Чикагского зоопарка, некомпетентность которого в данном вопросе бесспорна, и некий доктор Лоуренс Сван, вовсе далекий от зоологии. В качестве монопольного репортера к Хиллари был приставлен Десмонд Дойг, знакомый с непальским языком, но корреспонденции

которого, печатавшиеся во всей «большой прессе», свидетельствуют о том, что перед отъездом он не успел почитать почти ничего о прошлых экспедициях. Официально финансировавшая экспедицию чикагская книгоиздательская фирма поставила перед Хиллари довольно упрощенное условие: он должен вернуться либо с «доказательством» существования «снежного человека», либо с «опровержением».

Пробыв недолго в горах, не встретив чего-либо нового кроме следов, «сэр Эдмунд», очевидно испугался неустойки. Он спустился в монастырь Пангбоче и вскоре объявил, что везет в Америку и Европу на шесть недель для обследования известный скальп, приписываемый «йе-ти», который и послужит решающим аргументом за или против. Как теперь выяснено, «сэр Эдмунд» уже год тому назад знал, что данный экземпляр скальпа заведомо фольшивый и даже, видимо, был изготовлен по его заказу.

В Америке и Европе этот ловкий спортсмен широковещательно организовал экспертизы и опубликовал в журналах «Лайф» и «Нью-Йорк таймс» статьи, «опровергавшие» существование «снежного человека».

Всю эту скандальную эпопею мало было бы назвать мальчишеством. По словам А. Сэндерсона, «все это дело оказалось фарсом, если не открытым мошеничеством». Разоблачению панамы сэра Эдмунда и того вреда, который она принесла науке, посвящены две специальные заметки, опубликованные Бернаром Эвельмансом и Айвеном Сэндерсоном, крупнейшими западными авторитетами в проблеме «снежного человека». Поэтому я не вижу необходимости входить здесь в рассмотрение деталей.

Исследования в Гималаях зашли в тупик. Это печально. Но является ли он катастрофическим для вопроса о «снежном человеке» в целом — это станет ясно, когда мы займемся темой об ареале данного вида: мы увидим, велико или незначительно то место, какое в его ареале занимают непальские и сиккимские склоны Гималаев.

Глава 5

ПРОБЛЕМА АЗИАТСКОГО АРЕАЛА

Советские ученые не принимали участия в исследованиях, проводившихся в Гималаях и Каракоруме. Но эти исследования привлекали их серьезное и все возраставшее внимание, по крайней мере, начиная с 1954 г.; отдельные непродуманные выступ-

ления в печати, высмеивавшие или дискредитировавшие все исследования, давно сброшены со счетов. Пионером серьезной постановки вопроса о гималайском «снежном человеке» перед советскими учеными выступил в начале 1955 г. член-корр. Академии наук СССР А.Д. Александров. Дав первый обзор произведенных за рубежом наблюдений, он справедливо призывал не отмахиваться от гималайских данных, не отделываться от возникшей загадки словами «не может быть!». Вслед за тем А.В. Королев, М.Ф. Нестурх, Е.Д. Симонов содействовали ознакомлению советских читателей с главными результатами исследований проблемы «снежного человека» в Непале и Сиккиме. На страницах печати ряд наших авторитетных ученых высказывал свои соображения за и против подобной гипотезы, в том числе академик Е.Н.Павловский признал ее возможной. Наиболее полная научная информация о результатах англо-американских исследованиях в Гималаях была дана в двух статьях чл.-корр. АН СССР С.В.Обручева (Изв. Всесоюзного Географического Общества, 1955 и 1957). К сожалению, в поле зрения перечисленных авторов почти не попали работы самых серьезных знатоков данного вопроса, в частности бельгийского зоолога Эвельманса, тогда как далекие от науки авторы, вроде корреспондента газеты «Дейли мэйл» Иззарда, оказались выдвинутыми на передний план. Тем более никто сначала не связывал гималайские сведения о гипотетическом прямоходящем высшем примате с наследием отечественной науки в аналогичном вопросе.

Однако вскоре наметилось два оттенка мыслей среди сторонников допущения данной гипотезы: безоговорочное следование за зарубежными авторами, тем самым ограничивавшее приложение гипотезы лишь к области, где последние работали, т.е. к южным склонам Гималаев, и более критическая оценка их эмпиризма и географического кругозора. Традиции русской биологической науки не допускали неосновательности в этой гипотезе, как и в любой другой. В частности, с необходимостью вставала задача рассмотреть гипотезу в зоогеографическом аспекте. Если допускается предположение о существовании некоего неизвестного прежде вида, надо постараться определить географическую область его распространения. Тем самым намечается возможность связать этот исследуемый вид с определенным ландшафтом и биологическим сообществом — биоценозом. А такая связь, даже предварительно намечаемая, служит важным средством к дальнейшему познанию.

Является ли «снежный человек» узко локальной формой? Где лежат географические пределы наблюдений над ним? Выходит

ли граница его распространения в область существенно иных физико-географических и биотических условий существования? Тем самым вопрос о границе распространения вида является и вопросом об его эвритопности или стенотопности, шире — об его эврибионтности или стенобионтности, т.е. о его способности существовать в сильно различающихся или в узко ограниченных условиях внешней среды. Очертить ареал, т.е. границы географического распространения вида, значит охарактеризовать его принадлежность к территориям (биотопам), занятым теми или иными ассоциациями растений и животных. Это в свою очередь ведет к уяснению экологии данного вида, его связей и отношений со средой.

В основе современной передовой биологической науки лежит учение о единстве организма и среды. Некогда зоологи изучали каждый вид животных сам по себе, вырванный из биогеоценоза. Шкурка или скелет убитого животного поступали в кабинет зоолога и им описывались и систематизировались. Современный зоолог видит в морфологии и физиологии лишь одну сторону той или иной жизненной формы, в ее экологии («экологической нише») — другую, причем обе стороны находятся в неразрывном единстве. Вот это и расширяет пути научного подхода к загадке «снежного человека». На помощь дилетантам, гадающим о «достоверности» или «недостоверности» отдельных данных, могут придти прежде всего зоогеографы. Они нанесут на карту всю сумму наличных сведений, наметят приблизительный ареал этого предполагаемого вида, совместят его с ареалами других видов. Это не только сделает всю гипотезу более близкой к реальности, но и поведет к выводам о среде, следовательно, и об организме, поскольку он находится в единстве со средой. В конечном счете, этот путь может вести в известной мере и от теории к практике — к рекомендации новых методик приманивания и наблюдения интересующего нас вида, иными словами, к выходу из наметившегося за последние годы тупика.

Обсуждение проблемы ареала «снежного человека» связано прежде всего с двумя вопросами. Во-первых, убедительны ли границы наблюдений и исследований, проводившихся в 50-х гг. XX в. в высокогорной области Гималаев и Каракорума. Во-вторых, не связаны ли эти наблюдения зарубежных путешественников со сведениями, ранее накопленными нашими отечественными естествоиспытателями и географами, о каком-то человекоподобном прямоходящем примате других районов Азии.

Рассмотрим сначала первый вопрос. Можно ли сказать, что в результате десятилетних работ, описанных в предыдущей главе, выяснено не только наличие некоторых признаков и сведений, ка-

сающихся «снежного человека», на определенной территории, но и отсутствие подобных признаков и сведений за ее пределами?

Оказывается, ясная граница ареала обнаруживается только на юг от обследованных мест. Гималаи образуют как бы крутую стену в северной части полуострова Индостана. Они поднимаются мощными громадными уступами над Индо-Гангской низменностью. Здесь на расстоянии каких-нибудь 100 км налицо резкий перепад климата, растительных зон, населенности людьми. Внизу, у подножья — тропические джунгли со своей характерной фауной, а наверху, начиная с 3000–4000 м, — зона альпийской растительности, редко посещаемые рододендровые и саксифраговые склоны, еще выше — вечные снега и льды. Сведения о «снежном человеке» здесь довольно четко обрезаны по верхнему краю лесной растительной зоны.

Однако на восток, север и запад нет ничего похожего на выявленную границу ареала. Напротив, есть все основания считать, что она находится за пределами области «классических» наблюдений и исследований.

Цитированный французский геолог-альпинист проф. Борде, подводя итог штудированию всех материалов о «снежном человеке», по крайней мере до 1956 г., писал: «Классическая литература называет около 15 европейцев, видевших следы йе-ти. Крайними точками, где были обнаружены эти следы, являются: на западе — Каракорум (ледник Биафо); на востоке — Сикким (перевал Зему). Но к востоку от этих мест мало бывали».

В самом деле, обследованная и давшая те или иные наблюдения и сведения территория обрывается совершенно случайно на границе Сиккима и Бутана. В Бутане путешествия почти не производились. Перспективны ли поиски данных о «снежном человеке» в Бутане? Положительный ответ вытекает не только из однотипности природных условий, но и из несомненного сгущения информации по мере нашего движения именно на восток — от Непала к Сиккиму. Еще Иззард обратил внимание на то, что из Сиккима в прошлом поступало не меньше сведений, подтверждавших существование «йе-ти», чем из более обширного Непала, что именно к Сиккиму относится большинство сообщений о виденных европейцами следах «снежного человека». В Сиккиме индийский зоолог проф. Бисуас слышал много рассказов о «йе-ти», но не имел тогда определенного мнения об этом существе. Таким образом, граница ареала на востоке, по-видимому, проходит где-то значительно дальше границы производившихся поисков. Сейчас мы, действительно, уже имеем сведения, хотя и разрозненные, относящиеся не только к Бутану, но также и горным районам Ассама, Бирмы, Камбоджи, Вьетнама.

Что касается протяженности ареала «снежного человека» на север от обследованного района в Гималаях, то для ответа на этот вопрос надо разобраться, какие имеет под собою основания довольно распространенный тезис, будто «снежный человек» обитает исключительно на южных склонах Гималаев или, по крайней мере, обитает там в основном, заходя на северные склоны лишь более или менее случайно. Этот тезис противоречит множеству опубликованных данных. В пользу же его приводятся всего-навсего записанные в 1954 г. утверждения шерпов о том, что кроме «ми-те» (или «мих-те», «йе-ти») существует еще другое животное, водящееся в горах со стороны Тибета, называемое «дзу-те» и по описанию напоминающее гималайского рыжего медведя.

Может быть, действительно, гималайский рыжий медведь не переваливает почти никогда через главный хребет и держится только на северной, тибетской стороне Гималаев и вообще в Тибете. Но из этого вовсе не вытекает, что «ми-те» («йе-ти») в свою очередь не переваливает, как правило, с южной, непальской стороны на северную тибетскую, что он не обитает в Тибете.

Похоже, что эта версия довольно искусственно создана Ч. Стонором, к сожалению, по причинам, лежащим далеко от естествознания: она продиктована, по-видимому, стремлением отгородиться от «красного Китая», включая Тибет, т.е. провести границу научных биологических исследований в зависимости от политических симпатий исследователя. Если мы сравним текст рабочих докладных записок Стонора, составлявшихся во время экспедиции 1954 г., которые довольно обильно приводятся в книге Иззарда, с текстом книги самого Стонора, написанной после экспедиции, мы ясно увидим: в тексте книги Стонора опущена часть тех собранных им сведений, которые указывали на Тибет.

Сам Стонор довольно странными аргументами старается ослабить впечатление немногих приводимых им соответствующих показаний шерпов. Например: «Все мои информаторы были уверены в том, что мих-ти распространен и по ту сторону границы, в самом Тибете. Не следует забывать, что непало-тибетская граница представляет собой большей частью подлинный природный рубеж. Склоны, обращенные к Тибету, более пологи, поэтому для одних животных такой рубеж может быть частичным барьером, а для других — нет».

Но вспомним, что весь цикл зарубежных исследований проблемы «снежного человека» начинается с наблюдений, сообщенных Рокхилем, Найтом, Элуисом, которые были сделаны именно в Тибете, а не в Непале или Сикким. Вспомним, что накануне экспедиции Иззарда, в 1950–1953 гг., немецкий этнограф Небесски-Войкович производил сборы параллельных сведений в Тибе-

те и Сиккиме. У Иззарда приведен текст, принадлежащий самому Стонору, о том, что экспедиция 1954 г, выезжала из Англии сопровождаемая скептическими высказываниями ученых, путешественников и прочих специалистов по поводу возможности обнаружить «снежного человека» на южных склонах Гималаев: «Этого не может быть», «Такие же сказки рассказывают про Тибет»

Словом, и предшествующие данные, и данные, которые могут быть найдены на страницах книг Иззарда и Стонора, говорят за то, что политическая граница между Непалом и Тибетом ни в малой степени не является северной границей ареала «снежного человека», который, напротив, известен и на северных склонах Гималаев, например, у монастыря Ронгбук, и далее в Тибете. Достаточно уже сказанного, чтобы естественно возникли вопросы: как далеко к северу от гималайских перевалов распространяется ареал «снежного человека»? Не лежит ли там, за Гималаями, во Внутренней Азии основная часть ареала, по отношению к которой южные непальско-сиккимские склоны Гималаев являются лишь самым краем? Этот край мог случайно оказаться наиболее доступным западноевропейским и американским путешественникам, покорителям вершин, но по своим тягчайшим для человека физико-географическим условиям он, может быть, является одним из наименее благоприятных мест для возможных поисков «снежного человека». Но к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Было ли установлено, что в направлении на запад ледник Биафо на хребте Каракорум является крайней точкой, дальше которой следы «снежного человека» и сведения о нем исчезают? Нет, и в западном направлении мы имеем дело не с установленной границей ареала, а со сходящим почти к нулю числом высокогорных экспедиций, полным отсутствием поисков самого «снежного человека» или рассказов населения о нем. Только в самое последнее время мы стали узнавать, что область сведений о подобном существе охватывает Каракорум и с юга (Кашмир), и с запада (Афганистан), и с севера (Памир, Синьцзян).

Вот почему во всем мире вызвало необычайно большое внимание опубликованное газетами в январе 1958 г. сообщение советского гидролога А.Г. Пронина о том, что в августе 1957 он дважды видел в районе ледника Федченко, в долине Балянд-Киик, существо, напоминающее «снежного человека».

Это сообщение выглядело не как серьезная ломка распространенных к тому времени представлений об ареале «снежного человека», а как некоторое раздвижение границ ареала в северо-западном направлении. Ведь надо представить себе, что речь идет о в известном смысле единой цепи гор: огромная дуга Гималаев на северо-западе через хребет Каракорум соединяет-

ся с Памиром, так же как с хребтами Куньлунем, Сарыкольским, Гиндукушем.

Собственно, сообщение Пронина не было и полной неожиданностью: если даже оставить в стороне всю предисторию вопроса, в 1957 г. было опубликовано две статьи в пользу вероятности обитания «снежного человека» на Памире: о наблюдениях и зарисовке на Памире геологом А. Шалимовым следов на снегу, аналогичных гималайским, и о сборах на Памире геоботаником проф. К.В. Станюковичем рассказов населения о человекоподобном существе, аналогичных рассказам гималайских горцев о «йе-ти».

Почти одновременно с сообщением Пронина в газетах появилось также параллельное сообщение китайского кинорежиссера Бай-Синя о наблюдении им пары живых существ, подобных «снежному человеку», об обнаружении цепочки следов таких существ, о рассказах населения о них в китайской части Памира (Сарыкольский хребет). Иными словами, сообщение Пронина пало на подготовленную почву. Правда, оно вызвало и сильную реакцию недоверия в некоторых научных кругах, хорошо знакомую западным авторам, сообщавшим что-либо о «йе-ти». Однако из истории не вычеркнешь того, что действительно было: сообщение Пронина вызвало в СССР широкий общественный интерес к вопросу о «снежном человеке», о возможности его обитания в пределах нашей страны, в частности на Памире, и послужило толчком к организации экспедиции Академии наук СССР на Памир летом 1958 г.

К сожалению, экспедиция была задумана не как посвященная только вопросу о «снежном человеке», а как комплексная: в ее задачу входило также физико-географическое, ботаническое и зоологическое обследование некоторых районов Памира. Во главе экспедиции был поставлен геоботаник проф. К.В. Станюкович. Интересы ботаников в значительной степени определили выбор и района и сезона работ, а именно летних месяцев, когда зона вечных снегов как раз почти повсеместно на Памире отделена от зоны альпийской растительности огромными пространствами обнаженных безжизненных. скал. Что касается района работ этой экспедиции, то, несмотря на настойчивые советы некоторых знатоков Памира обратить главное внимание на поиски «снежного человека», его следов и сведений о нем в верховьях долин Язгулема и Бартанга, а также на хребтах Аличурском, Петра Первого, Дарвазском, были выбраны для обследования не эти районы (относящиеся не к Памиру в узком географическом смысле слова, а к Горному Бадахшану), а два центрально-памирских района: 1) район Сарезского озера, 2) долины Пшарта и Балянд-Кикка. Эти районы представляли большой интерес для заполнения белых

пятен в геоботанической карте Памира, и, действительно, дали в высшей степени ценные гербарии. Что касается поисков «снежного человека», то работа экспедиции в зоологическом отношении не была обеспечена. В составе ее не было не только приматологов, но даже вообще специалистов по наземным млекопитающим или по горной фауне. Разработанные для экспедиции инструкций о применении приманок в случае обнаружения следов выполнялись без соблюдения последнего условия, т.е. приманки выкладывались в местах, где не было никаких оснований предполагать обитание «снежного человека». Причем не оправдан был и выбор мест для стационарных наблюдений с помощью телеобъективов. Поиски следов на снегу оказались практически неосуществимыми из-за того, что работы производились далеко от районов горных перевалов, к тому же в летний сезон, когда снежный покров отступает высоко и общая поверхность его сокращается. Разумеется, члены экспедиции не видели даже и ни одного снежного барса, которые достаточно многочисленны в горах Памира. Весьма обильные в этих горах пещеры и гроты почти не подверглись обследованию и биологическому изучению. К этому надо добавить, что работа крупными партиями не оправдала себя, ибо производимый шум приводил, несомненно, к откочевкам дикой фауны через хребты в соседние долины.

Автор этих строк, принимавший участие в работах Памирской экспедиции 1958 г. в качестве заместителя председателя научного совета-экспедиции, мало того, бывший ее инициатором не может согласиться с тем ее описанием, которое полтора года спустя было дано в опубликованных проф. К.В. Станюковичем очерках под названном «По следам удивительной загадки».

Беллетристичность и увлекательность этого повествования не могут заменить отсутствующего в печати научного отчета о работе экспедиции по проблеме «снежного человека». Наиболее осторожным был бы вывод, что эта экспедиция не дала достаточных материалов для окончательного суждения о наличии или отсутствия на Памире немногочисленных особей «снежного человека» или о возможности их единичных спорадических заходов сюда с территории соседнего Синьцзяна (КНР). Неоправданным является заключение Станюковича, будто обнаружение археологами кое-где на Памире стоянок людей каменного века исключает возможность поисков здесь «снежного человека», ибо, якобы, по утверждению ученых, сохраниться до сих пор «снежный человек» мог только в той области, где людей не было прежде и нет теперь, или где люди появились совсем недавно. Трудно сказать, каких ученых имеет в виду Станюкович, но, во всяком случае, принятие этого тезиса означало бы безнадежность поисков

«снежного человека» не только в Тибете, но и в стране шерпов в Непале. В действительности вопрос о разграничении человеческой эйкумены и ареала «снежного человека» никогда не ставился так упрощенно. Густота человеческого населения в эпоху каменного века, тем более древнего каменного века (палеолита), была столь невелика, что нет причин воображать себе, скажем, Памир, сплошь занятым людьми, вытеснившими нижестоящих приматов. Ведь вытеснение горилл с западного побережья Африки, где их видели римляне, в малодоступные недра материка произошло не в каменном веке, а сравнительно совсем недавно. Указанные соображения К.В. Станюковича показывают, что начальник экспедиции не имел научного биологического предположения о существе, которое он обещал разыскивать на Памире. Это впечатление подтверждается напечатанной тем же автором уже после экспедиции, но написанной до нее, научно-фантастической повестью «Человек, который его видел», где рассказывается о преследовании одним исследователем Памира последнего остававшегося в живых экземпляра «снежного человека», погибающего в финале повести в бурных водах горной реки; не оспаривая права на художественный вымысел, нельзя не отметить полнейшего несоответствия образа, выведенного здесь, образа какого-то беспомощного травоядного, неспособного даже долго убегать от преследующего его пешком безоружного человека, основам всякой современной биологической гипотезы о «снежном человеке». Руководствуясь такой неестественной моделью, конечно, ничего нельзя было найти на Памире, даже если бы подлинный «снежный человек» прятался в соседнем ущелье.

Неоправданным является и утверждение председателя научного совета экспедиции С.В. Обручева, будто произведенные в 1958 г. исследования на Памире, в частности, бассейнов Сарезского озера и верхнего течения р. Мук-су, показали, «что экологические условия этой горной страны неблагоприятны для существования здесь крупного примата».

Это заявление ставит неумолимый вопрос: неужели начальник экспедиции и председатель ее научного совета до отправления экспедиции не знали экологических условий Памира, в том числе указанного района, давно изученных и описанных в специальных изданиях и в учебниках? Неоспоримо, что Памирская экспедиция 1958 г. не внесла уловимых изменений в прежние познания об экологических условиях этих мест.

Наконец, Памирская экспедиция 1958 г. не смогла ничего дать и для проверки сообщения гидролога А.Г. Пронина о его наблюдении 1957 г. Правда, дойдя до устья Балянд-Киика, по словам К.В. Станюковича, «альпинисты и ученые убедились, что с

того места, где стоял Пронин, до того места, где он видел снежного человека, так далеко, что разглядеть как следует решительно ничего нельзя».

Столь же категорически сказано в предисловии С.В. Обручева к книге Иззарда: «Проверка показала, что А. Пронин находился на таком большом расстоянии от склона, где, появилось животное, что не мог бы отличить медведя от человека».

Однако в действительности проверки не было и ученые, и альпинисты ни в чем не убедились, так как Пронина с ними не было, а без него никто не мог точно указать, где именно он стоял, на каком расстоянии от склона. Полемический задор не должен был бы увлекать авторов за пределы, допускаемые в научном исследовании.

Однако Памирская экспедиция 1958 г. не осталась бесплодной для исследования проблемы «снежного человека». Но только ее главный результат в этом отношении принесли не отряды, ходившие в безлюдные места Центрального Памира, а небольшая и поздно включившаяся в работу опросно-этнографическая группа. Автор этих строк, проделав маршрут на Сарезское озеро, хотя и незабываемый по впечатлениям, все же по возвращении на базу решил не тратить далее времени на бесперспективные в данных условиях поиски в безлюдных горах, а присоединиться к указанной группе. Она успела проделать три маршрута и собрать свыше ста записей.

Из четырех участников группы трое (А. Грюнберг, В. Бианки, Б. Поршнев) держались мнения, что рассказы киргизов и таджиков о диком волосатом человеке («гуль-бияване», «адам-джапайсы» и т.п.) могут свидетельствовать если не о современном, то о древнем обитании на Памире действительного неизвестного науке высшего примата, воспоминания о котором уже частично облеклись в формы фольклора; напротив, одна из участниц (А. Розенфельд) даже самые реалистические сообщения пастухов и охотников сопровождала известным комментарием «не может быть!» и относила поэтому к области мифологии.

Думается, что аргументы большинства были куда убедительнее (см. гл. 14); особенно плодотворный последний маршрут группы (в составе Л. Грюнберга, В. Поршнева) в Чеш-Тюбе, крайнюю юго-восточную местность Восточного Памира, где были записаны совершенно нефантастические указания киргизов на район обитания «диких людей», дал возможность завершить постепенно складывавшуюся гипотезу: «снежный человек» в историческое время оттеснялся людьми с Западного Памира, где сведения о нем наиболее туманны, в Восточный Памир, где они более облечены плотью, и, наконец, в Китайский Восточный Памир

(юго-западный Синьцзян), где они и вовсе свободны от какой-либо фантастической примеси и носят совершенно тот же характер, как и описание любого дикого животного.

Таким образом, главным результатом Памирской экспедиции была разработка на местном материале проблемы ареала «снежного человека». Ареал «снежного человека» и здесь получил не статическое, а динамическое, историческое определение, совершенно так же как на монгольском материале в трудах проф. Жамцарано и его школы.

Эта параллель не случайна. Ведь уже шел полным ходом процесс синтезирования разных источников и разных направлений исследования о неизвестном гоминоидном примате Азии. К лету 1958 г. уже был совершен решающий шаг в постановке на научную почву проблемы ареала «снежного человека». А именно, была выдвинута мысль что, может быть, данные отечественных ученых о неизвестном высшем прямоходящем примате Монголии и других областей Центральной Азии (см. гл. 3) и данные зарубежных исследователей о неизвестном высшем прямоходящем примате Гималаев и Каракорума (см. гл. 4) относятся к одному и тому же виду живых существ. Этот мост, перекинутый через всю Внутреннюю Азию с севера на юг, мост объединивший оба прежде изолированных друг от друга источника сведений, казался в первый момент слишком смелым. Но очень скоро стала ясной продуктивность такой догадки. С одной стороны, как говорилось в гл. 1, она впервые открыла широкий простор для применения важнейшего инструмента науки -сравнения. Следует еще раз подчеркнуть, что сравнение само есть средство доказательства достоверности данных, если они имеют вполне независимое друг от друга происхождение. С другой стороны, эта идея объединения в одно целое сведений о человекоподобном диком примате из северных районов и из южных районов Внутренней Азии, разделенных несколькими тысячами километров, была, действительно, полным преобразованием всех представлений об ареале «снежного человека».

Следует тут же отметить, что идея эта родилась не только у меня, но почти одновременно со мной у нескольких авторов — настолько она была внутренне необходима, оправдана имеющимися материалами. Проф. В.А. Хахлов (Москва), едва наша печать стала широко информировать общественность о гималайско-памирском «снежном человеке», выдвинул положение, что тянь-шаньский «дикий человек» («ксы-гыик»), которым он занимался в 1907–1914 гг., является несомненным аналогом этого ныне привлекшего внимание «снежного «человека». В дальнейшем В.А. Хахлов развил гипотезу о вероятных периодических

может быть сезонных, миграциях этих существ от Тянь-Шаня до Гималаев, а также о предполагаемом им постепенном сдвижении основной популяции из северных нагорий и хребтов Центральной Азии все более на юг, в частности, в Тибет, т.е. опять-таки в сторону Гималаев.

Точно так же и проф. д-р Ринчен (Улан-Батор) пришел к мнению, что монгольский «алмас» (он же — «хун-гурэсу») является не чем иным, как «монгольским близким родичем «снежного человека»«. В глазах этого видного монголоведа обнаружение в Гималаях признаков обитания человекоподобного дикого существа явилось хоть и отдаленным, но блестящим подтверждением выводов его учителя проф. д-ра Жамцарано о реальном обитании в Гоби такого же реликтового животного.

В известной степени независимо от всех названных авторов и антрополог д-р Е. Влчек (Прага), занимавшийся сначала вопросом о реконструкции формы черепа гималайского «снежного человека».

Достойно удивления размышление французского антрополога проф. А. Валлуа по данному вопросу. Ему известно только, что советские и монгольские ученые констатировали наличие в Монголии данных, аналогичных «классическим» сведениям из Гималаев. «Но, — пишет он, — вместе того, чтобы разрешить проблему, это расширение только усложнило её, ибо ничто не доказывает, что алмас и йе-ти представляют то же самое. И в особенности представляется удивительным один факт: если уж есть в Центральной Азии область, где следовало бы ожидать встреч с йе-ти, то это северные склоны Гималаев и собственно Тибет... Однако, когда мы переходим из Гималаев в Тибет, рассказы неожиданно прерываются и появляются снова лишь через тысячу с лишним км далее, в Монголии! Такая лакуна поистине курьезна».

В действительности же курьезно только незнакомство автора с обильными материалами, относящимися к Тибету, Синьцзяну, Цинхаю, Ганьсу и другим областям Центральной Азии (см. гл. 3, 4, 6).

Дальнейшие исследования показали, что монгольский термин «алмас», видимо, принесен в Монголию с Алтая. Алтай (и его продолжение — Монгольский Алтай) и связанные с ним Саянские горы показались на время таким же естественным рубежом ареала «снежного человека» на севере, как Гималаи — на юге. Пространство же между ними, пересеченное хребтами, нагорьями, пустынями, очевидно, надлежит рассматривать не как область сплошного распространения этого вида, но и не как территорию недоступную для перекочевок и расселений. Так решился

вопрос об опорных точках определения ареала «снежного человека» в меридиальном направлении.

Далее, две мощные горные системы — Тянь-шаньская и Памиро-Алайская — очертили контуры ареала с запада, в то же время связывая непрерывными цепями гор северную, алтайско-саянскую границу ареала с южной, гималайской. Тем самым оказалось, что ареал «снежного человека» охватывает не только Центральную Азию, но и значительную часть Средней Азии.

Гораздо труднее было определить хотя бы приблизительно границы ареала в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлении. Он словно не имеет здесь ясных контуров, растекаясь по отдельным хребтам и горным системам. Достаточно упомянуть, что в настоящее время есть редкие сведения о подобных человекообразных существах, относящийся к Уралу, Забайкалью, некоторым хребтам Якутии, Большому и Малому Хингану, затем, южнее, к хребтам Циньлин-Шань, Сычуанским Альпам.

И, наконец, надо сказать об одном ответвлении, первоначально очень озадачившем нас. Первым сигналом была пачка писем, полученных в разгар Памирской экспедиции 1958 г. через редакцию газеты «Комсомольская правда» в ответ на опубликованную в той газете мою статью, информировавшую о монгольских «алмасах».

Не сговариваясь, несколько корреспондентов писали, что описываемые точно так же существа, да к тому же под тем же самым названием (или почти тем же — «алмасты» и другими видоизменениями), известны населению... Кабардино-Балкарии! Это казалось скорее опровержением всей гипотезы, чем ее подтверждением. Однако в дальнейшем стали поступать новые и новые сведения из разных районов Главного Кавказского хребта, а также из Талышских гор. При этом если на Северном Кавказе название данного существа было тождественно алтайско-монгольскому, то на юге Кавказа, в Талыше, оно оказалось тождественным памирскому: «гулейбани», «биабан-гули» (памирское: «гули-биабан»). Для решения этой загадки, по крайней мере на стадии определения контуров ареала, очень помогла уже назревшая раньше благодаря анализу материала других районов, идея: народные рассказы могут свидетельствовать не обязательно о современном распространении интересующего нас вида в данных местах, а о его более или менее древнем обитании здесь, значительная примесь фантастического элемента может служить как бы дополнительным свидетельством того, что указанное животное было все более и более редким, потом вовсе исчезло, и живет уже лишь в преданиях и рассказах населения.

Такое толкование сведений не только дало нам право без колебаний присоединить к основному ареалу «снежного человека» западное ответвление, идущее через Гиндукуш, Копетдаг, Северо-Иранское нагорье к Кавказу. Оно же дало нам основание трактовать весь очерченный ареал как древний, а не сегодняшний, как ареал, подвергавшийся и доныне непрерывно подвергающийся сокращению, сжатию под воздействием расширяющейся и укрепляющейся в прежде необжитых местах человеческой культуры. И уже на контуры древнего ареала мы накладываем очертания тех районов, где есть основания рассчитывать найти сохраняющиеся в наши дни популяции или хотя бы мигрирующие особи.

Итак, азиатский ареал «снежного человека» приблизительно очерчен. Что же представляет собою эта огромная территория? Что подскажет она биологу для раскрытия тайны «снежного человека»?

С одной стороны, мы видим ее величайшую географическую неоднородность. В разных частях её — весьма различные физико-географические и био-географические условия. С другой стороны, она все же в некоторых отношениях едина. Следует подчеркнуть: не столько одинакова, сколько едина.

Прежде всего, она представляет некоторое геоморфологическое (орографическое) единство. Приведем характеристику, данную П.П. Сушкиным евразийской горной системе, из которой он отнюдь не намеревался вырывать то, что представлялось ему прародиной человека — центрально-азиатское поднятие. «Мощно развитая высокогорная область занимает центральную часть Азиатского материка, Монголия, и в особенности Тибет, на большом протяжении представляют собою высокое плоскогорье, местами пересеченное горными хребтами, поднимающимися на еще большую высоту. С севера эта область центрально-азиатского поднятия ограничена Алтайско-Саянскою горною системою, с юга окаймлена Гималаями; к западу с нею связана горная страна Афганистана и Туркестана, и далее на запад идут, не представляя непрерывной альпийской зоны, горные цепи через северную Персию и Кавказ в Альпийскую систему Европы, кончаясь Пиренеями; на северо-востоке к центрально-азиатскому поднятию примыкает не связанная с ним непрерывно гольцевая область хребтов восточной Сибири» («Природа», 1928,. № 3 стр.258.). Таким образом, азиатский ареал «снежного человека» и ограничен и как бы прошит горными хребтами. Если одно ответвление системы гор идет на запад — на Ближний Восток и в Европу, то другое идет за северо-восток и исторически было связано с Северной Америкой (с которой имеются и фаунистические связи), а третье — на юг, в направлении Малайи и Суматры.

Окруженная горными хребтами Центральная Азия представляет собою так называемую область внутреннего стока. Если взглянуть на гидрографическую карту Азии, мы увидим, что интересующая нас территория окружена со всех сторон так называемыми областями внешнего стока: одна система рек несет воды в Индийский океан, другая — в Тихий океан, третья — в Северный Ледовитый океан. По этим родственным и взаимно связанным водным артериям издревле расселялись люди. Напротив, в бессточной Центральной Азии, вернее, в этой области внутреннего стока, ибо реки здесь возникают и прерываются, уходя под землю, нет таких путей естественного расселения людей. Уже в этом негативном смысле перед нами лежит некая единая географическая область: фрагментированная, а не связанная реками территория (В.М.Синицын, Центральная Азия, М.,1959, прилож. «Гидрографическая схема Центральной Азии»). В известном смысле тот же характер носят и прилежащие непосредственно к этой области Центральной Азии области верховий больших речных стоков, нередко рассекающих горные склоны на параллельные фрагменты и теряющихся на водоразделах. Наконец, к бессточной области Центральной Азии непосредственно примыкает вторая бессточная область — Средней Азии и Иранского нагорья (Средняя Азия, М., 1958, стр.158: «Схема гидрографической сети Средней Азии».).

Если взглянуть на карту населения Евразии, мы увидим, что очерченная нами территория также заметно отличается от окружающих. Мы увидим, что именно на эту территорию приходится подавляющая часть районов, во-первых, вовсе необжитых, во-вторых, имевших население менее одного человека на 1 км; лишь изредка по краям этой территории вкраплены небольшие районы с населением 1–10 чел. на 1 кв. км. Особенно выделяются в этом отношения Синьцзян и Тибет: в общем предельно неблагоприятная для человека по высотному уровню и недоступная для расселения из-за орографической фрагментированности область на земном шаре.

Обратимся к биогеографическим чертам интересующей нас территории. При огромном многообразии местных видов и комплексов растений и животных, есть все же среди них такие виды, которые встречаются на всем ее протяжении, в том числе и в Гималаях.

Выявление для начала нескольких видов животных, ареалы которых полностью накладываются на предполагаемый ареал «снежного человека» или, тем более, в той или иной мере полностью совпадают с ним, представляет огромную важность для био-географического подхода к проблеме «снежного человека». Заслуга этих зоогеографических параллелей в значительной

мере принадлежит П.П.Смолину. Может быть указан ряд крупных млекопитающих, таких, как горные бараны, горные козлы, медведи, ареал которых на расходится с намеченным ареалом «снежного человека», но распространяется я значительно дальше его. Особенно же симптоматичны такие роды или виды, ареал которых напротив, весьма похож на него (хотя конечно, никогда не мог бы быть тождественным).

К числу таких маркирующих этот ареал животных принадлежит, например, улар (горная индейка Tetraogallus gray). На интересующую нас территорию падает распространение всех пяти существующих видов улара: тибетского, гималайского, алтайского, каспийского и кавказского (Г.П.Дементьев и Я.А.Гладков, Птицы Советского Союза, т. IV, стр.130–139.).

Очень близко с намеченным ареалом «снежного человека» совпадает и основная область распространения хищной птицы бородача, или ягнятника (Gypaetus barbatus).

Из грызунов весьма характерными маркирующим для всей данной территорий является пищуха (род Ocnotona). Здесь, хотя и не сплошь, а отдельными очагами рассеяны виды: рыжеватая пищуха (Копет-даг, она же, по-видимому, найдена в полу-ископаемом состоянии на Кавказе а, возможно, ещё обитает там), красная большеухая, пищуха Прайса или монгольская, малая (степная), даурская; весьма большое распространение в область Восточной Сибири имеют два северных вида: алтайская и северная пищухи (Н.А. Бобринский, Определитель млекопитающих СССР, карта 38, ср. С.И. Огнев, Звери СССР и прилежащих стран, т. IV, Грызуны, стр.22–23.).

Из крупных хищников таким же маркирующим ареал «снежного человека» животным является снежный барс, или ирбис. Если не считать западного ответвления и некоторых других окраин ареала, где снежный барс замещен северными горными формами барса обыкновенного, то в основном область распространения снежного барса, или ирбиса (Uncia uncia) поразительно близко совпадает с предполагаемым древним ареалом «снежного человека» (ИМ, III, стр.4–5; «Современный Восток», 1959, № 9, стр. 54). Совпадают и данные о тех высотах над уровнем моря, на которых их в разных местах встречали. Эти два вида, во всей вероятности, являются тесными биологическими соседями. Если, как правило, и тот и другой обитают, по-видимому, на высотах 3,5—5,5 тыс. м, часто в условиях скального альпийского ландшафта, то одинаковы и исключения из этого правила: например, данные об «алмасах» в Монгольской Народной Республике относятся к Заалтайской и Южной Гоби, где нет высоких гор, причем там же отмечаются и встречи снежного барса на пустынных равнинах и в рощах

оазисов, приуроченных к сказам и глинисто-лесчаным обрывам, относительной высотой всего в 100 м.

Соседство «снежного человека» и «снежного барса» дает ключ к решению одного важного вопроса. Противники представления о реальном обитании на земле «снежного человека» нередко спрашивают, почему же оно не подтверждается находками его костей если не на современной поверхности, то хоть в четвертичных отложениях. Но этот вопрос, очевидно, надлежит расширить, ибо никто не находит в естественных условиях ни костей, ни трупов снежного барса на современной поверхности, ни его ископаемых остатков в четвертичных отложениях (кажется, первая косточка найдена палеонтологами на Тянь-Шане, но ещё не опубликована). Очевидно, в отношении обеих этих «снежных» видов действуют одни и те же причины: растаскивание трупов хищниками, вероятно, даже своими сородичами, смывание и размалывание костей горными водами; многое объясняется, наверное, и слабым развитием пока четвертичной палеонтологии высокогорных областей.

Мы отметили некоторые физико-географические и биогеографические черты, иллюстрирующие тезис, что намеченный ареал «снежного человека» соответствует некоторой реальной основе в природе, некоторому выступающему за ним единству объективных: условий, несмотря на все многообразие и богатство местных вариаций. Эти проступающие объективные черты единства данной географической территории усиливают уверенность в естественнонаучной правдоподобности, вероятности нашей гипотезы о древней области распространения единого вида высокоразвитых гоминоидных приматов «снежного человека».

Иной вопрос: происходившее в обозреваемое историей время сокращение области его обитания. Сейчас, как уже говорилось, мы считаем перспективными для исследования лишь некоторые места этой области. На эти очерченные на карте территории мы накладываем еще более ограниченную карту; предполагаемое главное ядро современного обитания «снежного человека», т.е. район, где есть вероятность ожидать очаг его размножения и известного сгущения. Этим районом являются западные области Китайской Народной Республики и часть территорий Тибетской и Синьзян-Уйгурской автономных областей. В таком окончательном виде наша предварительная карта ареала «снежного человека» вызвала недоуменные вопросы и не основанные на анализе источников возражения С.В.Обручева. Карта, говорит он, где основная область обитания «снежного человека» «смещена в западный Тибет», не может считаться правильной, так как на самом деле легенды о «снежном человеке» бытуют толь-

ко в горной системе Гималаев и Каракорума и в Тибете, и «на остальной площади распространены сказания о других типах дикого человека» («Природа», 1959, № 10, стр. 64). «Легенды эти — добавляет С.В. Обручев — известны и во многих других областях земного шара» (там же). Полная необоснованность этих ссылок С.В. Обручева на «другой тип дикого человека», «другие области земного шара» и легкость, с которой автор-геолог готов провозглашать такого рода открытия в далекой ему области этнографии и мифологии, показаны в нашей статье «Два открытая или одно?» («Знание и сила», 1960, №2). С.В.Обручев выступает противником всей новой концепции азиатского ареала «снежного человека» потому, что он опирается только и исключительно на данные англо-американских исследований в Гималаях и Каракоруме. Выше уже было показано, что всё это представляет крайне односторонний и уже пройденный этап в истории изучения вопроса.

Намеченный на основе анализа совокупных данных: предполагаемый очаг современного обитания и размножения «снежного человека» переносит центр тяжести дальнейших исследований и главную научную задачу в Китайскую Народную Республику. Действительно, при Академии наук Китая в составе Института палеонтологии позвоночных создан организационный центр для руководства исследованиями проблемы «снежного человека» на всей территории КНР. Ответственным руководителем этих исследований назначен всемирно известный антрополог Пэй Вэнь-чун, как известно, сыгравший огромную роль в таких выдающихся палеоантропологических открытиях, как находки костей синатропа и гигантопитека. Можно надеяться:, что своим большим опытом он существенно поможет и разработке проблемы «снежного человека» . Сотрудничество китайских и советских ученых является в настоящее время едва ли не решающим залогом успешного завершения исследований этой проблемы.

Но, заканчивая эту главу, мы должны подчеркнуть, что она посвящена только азиатскому (или, если угодно, евразийскому) ареалу. Но нет ли еще и других предполагаемых очагов современного или недавнего обитания существ, подобных «снежному человеку», на земном шаре? Да, такие предположения существуют. Мы не случайно отметили выше, что от рассматриваемой области физико-географические и био-географические связи ведут в трех направлениях: на северо-восток, на юг и на запад. И существует уже попытка такого глобального освещения вопроса о местах обитания этих существ: упомянутая книга А. Сэндерсона, имеющая, как указывалось, подзаголовок «История о «суб-людях» пяти континентов». Под пятью континентами А. Сэндерсон разумеет Евразию, Африку, Ориенталию (Индия, Индокитай, Ин-

донезия), Северную Америку и Южную Америку. По каждому из этих пяти континентов он предлагает вниманию читателей более или менее солидную сводку описательных материалов и более или менее точную географическую локализации их происхождения и вероятного места обитания этих реликтовых «суб-людей». Выше уже отмечалось, что американским данным А. Сэндерсон уделил в своей книге даже больше внимания, чем азиатским. «Вне подозрений» оставлены только Австралия и Океания, да еще Антарктика.

Думается, однако, что А. Сэндерсон таким построением своей книги перескочил через одну ступеньку в истории науки о «снежном человеке». Ведь до сих пер все даже самые лучшие сводки, например, Б. Эвельманса, касались почти только Гималаев. Наука любит развиваться последовательно. Ведь и среди убежденных сторонников реальности «снежного человека» еще не кончен спор о том, следует ли его искать только на Гималаях, или также на смежных территориях, и как далеко простираются эти смежные территории. А. Сэндерсон, несомненно, исходит из того, что уже два года как подобие «снежного человека» он сам, Питер Бирн и другие не без оснований ищут на территории Канады и Калифорнии. Практическая экспедиционная работа предопределила и в высшей степени смелую перестройку автором всей общепринятой до сих пор схемы. Вместе с тем — это смелое движение вперед в смысле теоретического обобщения всех данных о существах подобных «снежному человеку». Стоит отметить даже такое преимущество, как отсутствие в Северной Америке повода для фольклорно-мифологического толкования таких данных.

Приятно сознавать, что в известной степени год моей собственной мысли стимулировал мысль А.Сэндерсона. Но я предпочитаю построить свою книгу так, чтобы сначала прочно поставить ногу на Азиатском континенте. Это тесно свяжет изложение с наследием предшествовавшего этапа науки. В дальнейшем наш синтез расширится, мы поставим проблему не только азиатского; но и глобального ареала. Забегая вперед, скажем: это будет решающим моментом для выбора между двумя альтернативными путями — трактовать ли «снежного человека» как «страшного антропоида» (Эвельманс) или как «суб-человека» (Сэндерсон). Но я хочу, чтобы читатель был подведен к этой альтернативе постепенным ходом анализа и синтеза материала.

Часть II

ПОСТАНОВКА И ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Глава 6

СВЕДЕНИЯ ИЗ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

В предыдущих главах мы закончили часть, посвященную истории вопроса. Дальнейшие главы посвящены обзорам по крупным географическим разделам собранных к настоящему времени сведений, преимущественно тех, которые не приводились выше в исторической связи. Эти обзоры заполнят конкретным материалом указанные в предыдущей главе в известной мере авансом рамки азиатского ареала «снежного человека». В дальнейшем же мы вернемся к выводам о его предполагаемой биологии и о перспективах поисков.

КАШГАРИЯ

Начать надлежит с того района, который по сумме имеющихся сведений можно считать самым вероятным на всем земном шаре уголком обитания и скопления «снежных людей « (хотя и там они, очевидно, необычайно редки). Этот район — крайняя юго-западная оконечность Синцьзяна, точнее — Кашгарии, а именно, места, расположенные к югу от города Ташкурган; иначе говоря — это междугорье, лежащее у границ Советского Памира, Афганистана и Индии (Кашмира), у стыка хребтов: Сарыкольского, Куньлуня, Гиндукуша и Каракорума.

Если бы единственным результатом Памирской экспедиции 1958 г. было получение этого «адреса» — а он был там нами добыт! — то одно это оправдывало бы все расходы по ее организации. Приведем прежде всего сообщения киргизов, кочующих в юго-восточной части Памира, многие из которых сохраняют связи с родственниками, обитающими по ту сторону советско-китайской границы.

Киргиз Дувона Достбаев, 72 лет, родился в Китае, в местности Данбаш, но уже сорок лет живет в СССР, в Мургабском рай-

оне Памира. Он рассказывает о событии, происшедшем примерно в 1912 г. в Китае, в местности Текелик-джайляу, административно подчиненной г. Ташкургану. Он слышал об этом от брата отца. Дело было в Китае. Однажды четыре человека поехали на охоту. Один из них, охотник по имени Назар-баатыр, очень сильный человек, ранил архара (горного барана) и пошел за ним вверх в гору, остальные остались внизу. Найдя раненого архара, охотник освежевал его и спрятал часть добычи под камень, так как не мог бы всего унести с собой. Затем появилось существо, похожее на человека, только больше ростом и покрытое короткой шерстью, похожей на шерсть верблюда. Отбросив ружье, охотник схватился с ним врукопашную, повалил на землю и связал веревкой по рукам и ногам. Еще до своего появления этот «дикий человек» издал на некотором расстоянии сильный крик, похожий на человеческий, но теперь, когда он лежал связанный, он уже больше не кричал. Поднявшиеся наконец в гору три других охотника застали его уже связанным. Одного из них отправили в лагерь за яком, чтобы на нем перетащить это существо вниз. Когда тот привел яка, они с трудом взвалили его на яка и привезли в лагерь. Здесь пытались кормить его жареным мясом — он не ел, но сырое ел. Наступила ночь. Наутро погрузили на имевшихся с собою яков убитого архара и этого «гуль-биявана» и отвезли домой, где сняли его с яка, притащили в дом. Утром послали в Ташкурган, чтобы сообщить китайским властям о происшедшем. Из Ташкургана было прислано несколько человек с лошадьми и повозками, они очень благодарили охотника, дали ему много денег и подарков, и увезли «гуль-биявана». Что сделала дальше администрация в Ташкургане с этим «гуль-бияваном» — неизвестно (ИМ, II, №42. «и»).

Глубокий старик, проживающий в юрте у Памирского тракта, вблизи дома дорожного мастера в Муз-Коле, объяснял, что «дикий человек» — существо не сверхъестественное, а обыденное, которое многие видели в прежние годы. Он бывает немного меньше человека ростом, покрыт шерстью. Сейчас он ушел в Кашгарию, где его и теперь встречают. Там — «все дикие: дикий верблюд, дикий осел, дикий як, и с ними дикий человек». Несколько лет назад, кажется в 1946–1948 гг., его видел киргиз Кудай Верген (лично известный и рассказчику и переводчику). Он был использован как проводник по ту сторону китайской границы, поблизости от китайского поселения Итарка Сары-Джон. Рано утром, будучи верхом, на одном перевале он столкнулся с «диким человеком» покрытым шерстью. Лошадь сильно испугалась, как, впрочем, и всадник, который, не ожидая приближения «дикого человека», пустился наутек, но, оборачиваясь, яко-

бы видел, что некоторое время «дикий человек» бежал за ним (ИМ, II, №42, «б»). Мамедниязь Айтмамбетов, киргиз из Чеш-Тюбе, семидесяти лет, бывший охотник, говорит, что о «диком человеке» («адам-джапайсы») он много слышал с детства: говорят, что как есть дикие яки, дикие верблюды, так есть и дикие люди; они имеются в Китае, в местности Раскем; похожи на людей, но одежды нет и покрыты шерстью; человека они боятся и бегут от него, когда увидят (Ibidem, «е»). Ерназар Джонболдыев, киргиз из Койтезека, 74 лет, говорит: я слышал много рассказов о том, что в Китае, в местности Итарка Сары-Джон встречается «дикий человек»; в этой местности, добавляет он, вообще много живности: медведи, лисы и т.п. (Ibidem, «в»). Айдаркуль Кудбаев, пастух-киргиз из Кёлджилга, 64 лет, тоже слышал, что в Китае, в местностях Итарка Сары-Джон и Раскем есть «дикий человек»; который питается травой и ходит голый; охотники на него охотятся с собаками (Ibidem, «г»). Шофер Памирской биостанции в Чечекты киргиз Султан Таштанбеков, 38 лет, по его словам, слышал, что «дикие люди» есть в Раскеме и Куланарыке в Китае. Они, как он слышал, похожи на человека, только тело покрыто у них короткой шерстью. Местные жители на «дикого человека» охотятся и мясо его едят, оно очень вкусное. Если же удается захватить его живьем в неволю, то он ничего не ест, не разговаривает. Вылавливают их особым приемом, приманивая на яблоки (Ibidem, «б»).

Приведем и сообщение киргиза Мамедкерима Бактыбаева, 68 лет, который родился на территории Китая в том самом Куланарыке, о котором говорится в предыдущем сообщении, затем переехал в административный китайский центр г. Ташкурган и лишь в 1944 г. переселился в Советский Памир. Дед мой жил в Куланарыке, в местности Раскем, от него я и слышал, что существуют дикие яки, дикие лошади и дикие люди, — повествует рассказчик. «Дикий человек» похож на обыкновенного человека, такого же роста, но покрыт короткой серой шерстью. Питается травой и корнями растений. Живет в ямах, которые сам для себя выкапывает в земле. Человека он в общем очень боится, так что если человек близко подходит, то он забирает своих детенышей и убегает, но случается, что, увидя человека, и нападает на него (в этом рассказе следует подчеркнуть упоминание мимоходом о «детенышах»). Встречается он в местности Санджи возле Куланарыка, — это большая долина, где есть вода и трава, но без леса, место пустынное, не заселенное людьми. Живет ли он в других местах, я никогда не слышал, но в этом месте на «дикого человека» не охотятся, в него не стреляют — это запрещает местный закон. Когда я жил в Куланарыке, — продолжает Бактыбаев, — там произошел такой случай.

Однажды, работая а поле, один человек увидал следы «джез-тырмака» (термины «гуль-биябан» и «джез-тырмак» рассказчик употребляет как тождественные, в смысле «дикий человек»), и заночевал в юрте в том месте, где были следы. Ночью «джез-тырмак» подходил к самой юрте, но охотник выстрелил в него и утром 3–4 человека пошли по следам и крови, пока след не завел их в непроходимые места. В реальности «дикого человека» Бактыбаев, как и предшествующие информаторы, нимало не сомневается, хотя и готов выразиться о нем в прошлом времени: «это не джин, он действительно существовал когда-то» (Ibidem, «ж»).

Прославленный мургабский охотник Халбай Курбанов, 44 лет, родившийся в Китае и проживший там до 16 лет, утверждает, что по ту сторону границы, в Китае есть «дикий человек» («адам-джапайсы»). Два человека, приезжавшие из Китая в Мургаб, подтвердили это, оба — старые охотники, киргизы. Они говорили, что «дикий человек» есть в местности Итарка Сары-Джон, что живут эти существа и на равнине, там, где есть камыши, заросли (урманы), деревья, песок. Эти «дикие люди» похожи на человека, но покрыты короткой шерстью; увидев охотника, они убегают от него, причем бегут на двух ногах, как бежит человек (Ibidem, «з»). Пастух-киргиз Каландар Элчиев, из ущелья Айдынкуль, 54 лет, ходивший караванщиком в Кашгарию, говорит, что, по словам местного населения, в Китае в местности Паранг в Раскеме есть «дикий человек». Ростом он якобы с человека, ходит без одежды, покрыт короткой шерстью, живет в лесистых местах. Человека он никогда не трогает, наоборот, избегает его. Питается он, как говорят, дикими плодами (ИМ, III, №94, «а»).

Приблизительно в том же направлении указывало и единичное сообщение, опубликованное ранее К.В. Станюковичем: «Первые сведения о существовании голуб-явана я получил еще в 1935 г. в Кзыл-Рабате (крайний юго-восток Памира) от одного старика киргиза, который рассказывал, что когда он в молодости кочевал по Тогдумбаш-Памиру (Синьцзян), то ему пришлось уйти из одной долины с хорошими пастбищами, так как там появился дикий человек, который таскал у него овец и пугал его домашних криками с горы» (Станюкович К.В. Голуб-яван (Сведения о «снежном человеке» на Памире) // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1957, т. 89, в. 4, с. 343–345 (с. 344). Термин «голуб-яван», употребляемый в данной статье К.В. Станюковичем, оказался ошибочным воспроизведением таджикского названия «гуль-бияван».).

В сущности к тем же самым местам, хотя и к той части Сарыкольского хребта, которая лежит севернее Ташкургана, отно-

сится и упоминавшееся сообщение китайского кинорежиссера Бай Синя из киностудии Народно-освободительной армии Китая. Он сообщил, что в 1954 г. он и трое его коллег на горе Музтаг-Ата на высоте 6 тыс. м. однажды утром после восхода солнца на расстоянии около тысячи метров видели двух «человек» — невысоких, со сгорбленными спинами, которые, следуя друг за другом, взбирались вверх по склону горы. Эти существа, не обратив внимания на крики и выстрелы, продолжали взбираться большими шагами, карабкаясь наверх с легкостью, и потом исчезли среди скал. В другой раз Бай Синь и фотограф обнаружили на снегу следы двуногого существа, напоминавшие след человека, но большего размера. Бай Синь и его коллеги шли по этим следам полтора километра и обнаружили несколько капель крови по пути; эти следы привели их, наконец, к массивной глыбе льда, откуда им пришлось повернуть обратно из-за позднего времени. Бай Синь узнал, что среди населения и пограничников ходит много рассказов о «диких людях» Китайского Памира. Так, пограничники выбросили, в 40 м от своей хижины мясо сдохшей коровы и ночью при свете луны видели как «дикий человек», шерсть которого показалась им белой, схватил мясо и убежал с ним. На основании сведений и собственных наблюдений Бай Синь выражает убеждение, что это существо не легендарное, а действительно живет в горах Китайского Памира (ИМ, I, №31).

Теперь уже много независимых друг от друга стрелок указывают на тот же уголок Кашгарии — южнее г. Ташкургана. Генерал-майор П.Ф. Ратов сообщил в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», что, работая в Синьцзяне в 1939–1940 гг., он имел надежные сведения об обитании в трех районах этой китайской провинции «диких людей». В частности, от указываемых им поименно ответственных советских военнослужащих он имел сообщения об обитании «диких людей» в районе Ташкургана. «Китайские солдаты, служившие в Ташкургане, много раз встречали диких людей. Эти существа не говорят, не имеют никакой членораздельной речи. Если к ним пытаются приблизиться, они отбегают, так же как и когда им протягивают пищу. Но если ее оставить на земле, подчас после долгих колебаний подходят и берут. В этом районе говорят о существовании даже большого количества этих диких людей» (ИМ, III, №85, с. 34). Проф. Б.А. Федорович, географ, в мае 1959 г. записал рассказ таджика Маттука Обдераима, 26 лет, работавшего милиционером, ныне в коммуне в г. Ташкургане. В 1944 г., когда рассказчику было 11 лет, он ездил к своему дяде Нуруз Мухамеду, жившему на Раскем-Дарье, к югу

от Ташкургана на расстоянии трех дней пути на лошади. Во время пребывания рассказчика на Раскем-Дарье его дядя принес с охоты только что убитого «дикого человека» («яво-хальг»). По воспоминаниям Маттука, это было существо похожее больше на человека, чем на обезьян (которых Маттук видел в книгах). Рост животного равен среднему росту человека. Шкура покрыта тонкой и короткой шерстью желтоватого цвета. Цвет и густота шерсти на спине и передней части тела одинаковы. Шерсть «яво-хальга» отличается от медвежьей тем, что не так пушиста и более коротка. На голове у «яво-хальга» волосы длиной в четверть (15–17 см), того же цвета, что и шерсть; на морде (лице) растительность редкая. Хвоста нет. Ступни ног «яво-хальга» шире и короче человеческих, таков же и след его ног, резко отличающийся от значительно более широкого медвежьего следа. На руках большой палец ближе к остальным, чем у человека. Сохранилась ли сейчас шкура этого животного в семье дяди, Маттук не знает, так как с тех пор на Раскем-Дарье не был. По рассказам как дяди Маттука, так и другого жителя Раскем-Дарьи, Ниях Ахуна, видевшего «яво-хадьга» и много знающего о нем, это животное при встрече с человеком быстро убегает в горы на двух ногах, причем бегает он со скоростью горного барана. При преследовании часто оборачивается и издает резкий гортанный крик вроде «э», не похожий ни на человеческий, ни на медвежий, ни на собачий или других существ. По словам рассказчика, «яво-хальг» водится в местности, где природные условия менее суровы, чем в Ташкургане, где значительно больше растительности, там, где водятся дикие верблюды и дикие яки (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»). Проф. Б.А. Федорович записал также опрос киргиза Хадырбека, работающего в комитете коммуны, недалеко от Ташкургана. По словам последнего, «дикий человек» («явой-адам») обитает обычно около Шиншил на границе Синьцзяна и Кашмира, где много воды и хорошая растительность, а по рассказам водится и в горах соседних районов Афганистана и Пакистана; он водится, якобы, и в горах над сел. Карглык, и на Раскем-дарье, где пасутся дикие лошади и дикие яки. Последние конкретные сведения о встрече с «диким человеком», которыми располагает Хадырбек, относятся к 1941–1942 гг., когда на пограничной заставе Шор-Булак производилась охота на диких лошадей и яков и охотники несколько раз видели «дикого человека», однако за ним не охотились. Проф. Б.А. Федорович подчеркивает, что расспросы обоих упомянутых информаторов велись в присутствии местных жителей, которые относились к этим расска-

зам с полным доверием (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Наконец, приведем и относящиеся к тому же району сообщения, полученные через посредство проф. Пей Вэнь-чуна из Синьцзянского филиала Академии наук Китая. Они служат еще одной стрелкой, указывающей исследователям проблемы «снежного человека» путь все в тот же район — южнее Ташкургана. Записано сообщение тов. Ся Ти-дыка по национальности «та» из уезда Та, что в 1954 г. в горах Упулан и Табан (юго-восточнее Ташкургана) был пойман «человек-медведь», у которого лицо напоминает обезьянье, руки изгибаются как у человека и схожи с человеческими, большой палец противопоставляется указательному, ногти острые, руками он способен охватывать и далеко бросать сравнительно большие камни. Этот «человек-медведь», согласно сообщению, полностью отличается от медведя, так как и ноги и следы у него вполне человеческой формы, положение тела — человеческое, ходит он на двух ногах, хотя, правда, когда замечает преследователя, то и на четвереньках. Еще важнее, пожалуй, пересланное сообщение начальника автономного уезда Сиженбека о том, что в районе Жискан (юго-западнее Ташкургана), в глухом и лесистом месте, среди покрытых льдами гор, обитает скопление обезьяноподобных «диких людей». Они покрыты шерстью бурого цвета, которая, как сообщается, линяет в апреле, движения их ловки; они ходят в вертикальном положении, детей держат по-человечески на руках. В настоящее время — заканчивает свое письмо проф. Пэй Вэнь-чун — идет исследование и проверка этих сообщений (Письма от 19 ноября 1959 г. и 9 февраля 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»). Но в немалой мере проверкой может служить и перекрестное сравнение серии приведенных независимых сообщений, указывающих на один и тот же, причем сначала вовсе непредвиденный и даже неожиданный, район. К нему же относятся и цитированные выше слова проф. Э.М. Мурзаева: некоторые местные охотники утверждали, что на границе Китая с Советским союзом и Индией они встречали «ябалык-адама»; он всегда одинок, не подпускает к себе людей, кидает в них камнями (Мурзаев Э.М. Современный миф о снежном человеке // Природа. М., 1961, № 4, с.73–74).

Как видим, на юго-восточном краю Кашгарии (Синьцзяна) в районе Ташкургана и южнее, действительно налицо узел или сгущение самых разнообразных не индуцированных друг другом информации о «диких людях».

ТИБЕТ

В нашем обзоре от этого узла мы можем теперь двигаться либо на восток, т.е. в Тибет, либо на север, т.е. на остальную территорию Синьцзяна. Представляется целесообразным избрать для начала восточный вариант и окинуть взглядом наличные разнообразные свидетельства, относящиеся к Тибету.

Мы в предыдущих главах уже успели ознакомиться с некоторой суммой данных по Тибету, с выписками из древних духовных и светских, медицинских и географических книг. Мы привели сведения о «снежном человеке» в Тибете, исходящие от связанных с буддизмом русских знатоков Тибета Л.Ш. Тепкина и Н.В. Валеро-Грачева; последний, как мы помним, на протяжении всего Тибета множество раз убеждался в наличии в стране обильных сведений о «ми-гё», причем лишенных всякого фантастического оттенка (см. гл. 3). Мы приводили текст из книги Рокхиля, где сообщалось о встречах каравана с этими существами, причем не в южном, а в северном Тибете: неоднократно в пустынях Северного Тибета караван встречал диких волосатых не имевших речи людей, бросавших камни. Приводились свидетельства Найта, Элуиса о их личных встречах о подобными существами именно в Тибете.

Целая группа сведений относится к району вокруг монастыря Ронгбук на северных склонах Эвереста, как и вообще к территории, лежащей непосредственно к северу от непальско-тибетской границы в Гималаях. Как говорилось выше, в 1922 г. старший лама Ронгбукского монастыря ответил путешественнику Брюсу, что пять «ми-гё» обитают в горах выше Ронгбука. Норман Харди сообщил, что, по его сведениям, в самом этом монастыре хранится такой же скальп «йе-ти», какие обнаружены в монастырях Пангбоче и Кумджунг. Мы уже говорили и о том, что в книгах Стонора и Иззарда имеется известное число показаний и шерпов и тибетцев, указывающих на территорию Тибета, причем читателю иногда необходимо произвести анализ географических названий, чтобы установить, что эти вкрапленные в изложение сведения в действительности относятся не к Непалу, а к Тибету. Вот рассказы двух опрошенных Стонором тибетцев, прибывших из деревни, расположенной вблизи монастыря Ронгбук. Два-три сезона назад в начале весны несколько мальчиков из их деревни, пасших стадо яков, увидели шедшего к ним невысокого человека, который, приблизившись, оказался не человеком, а «йе-ти» — существом с остроконечной головой, с телом, покрытым темно-рыжи-

ми волосами; мальчики бросились наутек. В этом же округе широко известно происшествие, случившееся несколько лет назад. После необычайно сильного ливня хлынувшие из горного озера воды смыли со склона «йе-ти», труп которого прибило к скалам; многие из жителей деревни рассматривали этот труп, описывая «йе-ти», как невысокого человека с остроконечной головой и рыжевато-бурой шерстью, но сохранить его шкуру побоялись. Монахи из монастыря Ронгбук якобы довольно часто видят «йе-ти» в зимние месяцы, когда те спускаются пониже. Крик «йе-ти» знаком большинству горцев и временами раздается вблизи деревень. Тибетцы считают, что этот зверь питается мелкими животными, вероятнее всего пищухами, живущими среди скал, а летом крупными насекомыми, вероятно, некоторыми видами сверчков (Стонор Ч. Op. cit., с. 107.). Все информаторы-непальцы, говорит Стопор, были уверены в том, что «йе-ти» распространен и по ту сторону границы, в самом Тибете (Ibidem, с. 87), а многие опрошенные были именно тибетцами, прибывшими с той стороны границы. Таков, например, прибывший с караваном из населенного пункта Двингр, расположенного в нескольких днях пути к северу от непальской границы, торговец Пасанг Нима. По его словам, он сам видел «йе-ти» в сентябре или октябре прошлого года, когда вместе с другими паломниками поднялся вверх в горы к какому-то священному месту для религиозной церемонии. Подошедшие туда же другие тибетцы сообщили, что невдалеке видели «йе-ти», и вскоре Пасанг с друзьями направился к указанному ими месту, чтобы посмотреть зверя. Действительно, они увидели его среди кустов рододендрона на расстоянии каких-нибудь 200–300 ярдов. Ростом и сложением это существо походило на невысокого человека; длинные волосы покрывали его голову, среднюю часть туловища и бедра; лицо и грудь зверя казались не такими волосатыми, а волосы на ногах ниже колен были короткими, причем цвет волос на груди был рыжеватый. «Йе-ти» ходил на двух ногах и держался прямо, почти как человек, но все время нагибался, видимо для того, чтобы выкопать какие-то корни; ни разу за все время, пока за ним наблюдали, он не опустился на четвереньки. Немного погодя, заметив людей «йе-ти» испустил громкий, пронзительный крик и бросился убегать передвигаясь по-прежнему на двух ногах, но держась как то бочком, и скрылся в подлеске. После его бегства, сказал Пасанг, мы подошли к тому месту, где он бродил, и видели отпечатки его следов на мягкой почве. Рассказ Пасанга не вызвал недоверия слушателей; один из тибетцев добавил, что видел такого же зверя около своей деревни (Стонор Ч. Op. cit., с. 57–58).

Другой опрошенный Стонором тибетец, прибывший из местности по ту сторону границы, дал со своей стороны описание внешности «мих-ти»: ходит на двух ногах, коренастый, туловище и ноги покрыты длинной шерстью, грудь менее волосата, цвет шерсти как у тахра -горного козла. Пинечу, как звали этого информатора, утверждал, что крики «мих-ти» он слышал много раз, и даже воспроизвел этот крик. Питается «мих-ти», по его словам, мелкими животными, живущими в скалах, подкарауливая, пока зверек не вылезет из норы, затем хватает и убивает, ударив о скалу; потом вытаскивает внутренности зверька, которые не съедает, а отбрасывает прочь. Отец Пинечу, ночуя в горах, проснувшись увидел при лунном свете «мих-ти», присевшего на корточках в нескольких метрах от спавших у потухащего костра людей. Преодолевая страх, отец бросил в костер кусок смолистого дерева, и зверь убежал от поднявшегося чада. Другой житель той же деревни рассказывал Пинечу, что в горах, догоняя ушедшего вперед отца, он в действительности чуть было не нагнал шедшего на задних лапах по тропинке, похожего на человека, «мих-ти»; спрятавшись за скалой, юноша видел, как зверь сошел с тропинки и стал карабкаться по валунам, а на свежем снегу остались его следы, похожие на отпечатки босых человеческих ног (Ibidem, с. 141–142).

Покойный выдающийся советский тибетолог проф. Ю.Н. Рерих, проживший многие годы в Гималаях и Тибете, собрал обильные сведения населения о существе, которое теперь известно под названием «снежного человека». Мы еще вернемся к данным Ю.Н. Рериха, пока же отметим из них одно сообщение: «Недалеко от перевала Натхё-ла, на тибетской стороне, имеется буддийский монастырь Дунгкар, стоящий на большой высоте — приблизительно 3000 м. Местные монахи говорят, что им постоянно приходится сталкиваться с этим существом, что в их глазах это не догадки или какие-то темные слухи, или глухие предания, а реальный факт. Когда они ходят в лес за дровами и собирать травы, они постоянно вблизи монастыря замечают присутствие «дикого человека»« (ИМ, I, №16, с. 64).

Выше уже сообщалось, что в настоящее время Академия наук Китая занята исследованиями проблемы «снежного человека». В том числе китайскими исследователями проведен сбор опросных данных и вещественных материалов в районе Эвереста (Джумулама). Местные жители, которые утверждают, что видели «ми-бянь» (буквально «человек-медведь»), очень хорошо разбираются в природе, отлично знают виды медведей, безошибочно указывали внешние признаки медведя, привычки, следы и т.д. Так как они утверждают, что «ми-бянь», которого они видели, не

имеет ничего общего с медведем, и имеют при этом отчетливое представление о медведе, они безусловно не могли совершить ошибки и смешать это человекоподобное животное с медведем. Помимо этого китайским исследователям удалось тут добыть образец якобы принадлежащих «ми-бянь» волос; изучение этого образца еще не закончено, но этот очень тонкий и мягкий волос внешне совсем не похож на медвежий и, по-видимому, принадлежит представителю отряда приматов. (Письменные сообщения проф. Пэй Вэнь-чуна. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) Об этих и других результатах исследований китайских ученых в Гималаях зоолог Сю Вэнь сделал доклад в декабре 1959 г. на конференции по палеоантропологии при Академии наук Китая. Профессор Пай Вэнь-чун на страницах китайской печати сообщил, что на этой конференции «были и ученые, сделавшие сообщения относительно некоторых новых материалов о «снежном человеке» в высокогорьях Тибета, в результате чего мы расширили свои представления о загадке «снежного человека», к которой приковано пристальное внимание всего мира» (Пэй Вэнь-чун // Гуаньминь жибао. 4 января 1960 (на китайском языке)).

Если сведения об обитании «снежного человека» в Тибете были собраны в странах, лежащих к югу от него, то подобные сведения имелись и в странах, лежащих значительно севернее от Тибета. Так, опытные охотники говорили проф. Хахлову, что если им не удастся найти «дикого человека» в районах, населенных казахами, они будут продвигаться в глубь Центральной Азии, направляясь в Тибет (ИМ, IV, с.68). Лама из Агинского дацана (Бурятия) предупредил Н.В. Валеро-Грачева, отправлявшегося с караваном паломников в Тибет, чтобы тот не пугался встречи с «диким человеком» (см. выше). О том, что на пути из Агинского дацана в Лхасу пешим паломникам-ламам встречался «человек-медведь», рассказывает в интересном письме жительница с Агинского Ж. Жамцаранова. Она слышала от матери поучительные сказки про это существо. Описание его внешности схоже с обычными, но добавляет кое-что о его повадках: он ходил как человек, покрыт волосами, таскал с собой палку, которой раскапывал норы тарбаганов (сурков). Тарбаганы, увидев приближение «человека-медведя», скрывались в нору; он подходил к норе и начинал копать палкой, причем не торопясь, отдыхая и поджидая, пока тарбаганы не начинали выходить, и тогда он цапал их. Паломники подчас наблюдали эти сцены из-за какого-нибудь бугра или холма; на них «человек-медведь» не нападал, но и паломники, боясь, не трогали его. Далее следует народная прибаутка о том, как из-за недостат-

ка ума «человек-медведь», прижимая под мышку второго тарбагана, упускал первого и т.д. (ИМ, III, №95)

И далеко к западу от Тибета слышали о том же: опрошенный на Памире охотник-киргиз Турганбай Шаимкулов сообщил, что, по рассказам стариков, в Тибете есть «дикий человек» («адам-джапайсы»), он похож на человека; когда видит человека, бежит от него (ИМ, II, №58, «н», с. 92). Рабочий яководческого совхоза Булун-куль на Памире Кадыр Токоев сообщил, что, когда в 1922 или 1923 г. он рассказал отцу о своей встрече с «гуль-бияваном», отец не поверил. «Он сказал, что гуль-биявана в наших местах нет, что гуль-бияван есть только на китайской стороне. Там их много, а у нас нет. Отец у меня был очень знающий человек, охотник. И дед мой тоже был хороший охотник. Они рассказывали мне о гуль-бияване, которого охотники часто видят в Китае. Еще они рассказывали, что в Тибете, по словам китайцев, приводивших к нам караваны, тоже часто видят диких людей. В Тибете, рассказывали, есть гора, где живет целая семья таких «людей», и поэтому на гору местные жители ходить боятся: гуль-бияваны бросают на них сверху большие камни и страшно кричат». Далеко распространились эти сведения о Тибете. В одном из колхозов Киргизской ССР (колхоз Бейшике Кеминского района Фрунзенской области) проживает около 30 переселенцев из Китая, которые, в годы войны, жили в глухих районах Тибета, добывая себе пропитание охотой на архаров и другую дичь. Один из них, по имени Омралы, рассказал, что одна из их женщин была схвачена «киш-кииком» («диким человеком»). Он сравнительно мало отличался от человека, только был покрыт шерстью и не мог говорить. Так как женщина, спасшись, указала, где находилось логово «дикого человека», власти направили туда несколько человек для захвата этого существа; и действительно, там были пойманы дикие мужчина и женщина, сплошь покрытые шерстью, дальнейшая судьба которых рассказчику неизвестна (ИМ, П, №39).

В самом Тибете сборы сведений о «диком человеке» производились разными лицами. Вот, например, сообщения, записанные австрийским этнографом Небески-Войковиц в 1950-1953 гг. со слов одного из ответственных тибетских служащих, по имени Ниима, получившего западное образование и не отличавшегося особым суеверием. Он решительно утверждал, что трижды видел следы «ми-гё». Впервые это было еще в детстве, в монастыре Дунгкар-Голта, главном монастыре долины Чумби. Однажды ночью обитатели монастыря и он были приведены в ужас, услышав характерный для «ми-гё» свист, а на следующее утро обнаружили на снегу недалеко от стен монастыря его следы, уходящие в заросли

Много лет спустя Ниима во время ночевки на снежном перевале Нату в Гималаях услышал, как и его спутники, недалеко от лагеря свистящий крик «ми-гё». Когда рассвело, они обнаружили его следы и пошли по ним: «ми-гё» внезапно появился из-за скалы; это было обезьяноподобное существо, которое раскачивающейся походкой удалилось без особой поспешности и скрылось за выступом горы. В третий раз Ниима встретил «ми-гё» в лесу в долине Чумби. Ночью Ниима и его спутники услышали шорох приближающегося к лагерю животного; они поспешно раздули огонь, и видели «ми-гё», который некоторое время бродил вокруг лагеря, однако не заходя на пространство, ярко освещенное огнем.

Со слов Ниимы Небески-Войковиц записал и еще одну любопытную историю о «снежном человеке», который близ перевала Нату попал в плен. Эта история тем более интересна, что в нашем распоряжении имеется ее другая запись, произведенная проф. Ю.Н. Рерихом из других источников. Небески-Войковиц рассказывает ее так. Однажды тибетские сторожа расположенной близ перевала хижины для отдыха заметили, что «ми-гё», подойдя к дому, пьет воду из деревянного корыта. Это повторилось и в другой раз. Тогда они решили попробовать вместо воды налить в корыто тибетского пива, и, вооружившись веревками и шестами, спрятались в засаду. Действительно, «ми-гё», явившись снова, стал пить и, так как пиво ему явно понравилось, он за короткое время осушил корыто, а затем, опьяневши, тут же упал на землю. Тибетцы бросились к нему и крепко привязали его за руки и ноги к шесту. Затем они отправились со своим грузом в путь, так как полагали, что европейские саибы несомненно дадут им богатое вознаграждение за их редкостную добычу. Однако им не удалось далеко уйти. Вскоре «ми-гё» очнулся от опьянения. Он одним рывком разорвал веревки, и, делая большие прыжки, быстро исчез среди камней горного склона (Nebesky-Wojkowitz R. Ibidem, s. 70). В записи Ю.И. Рериха эта история расходится в некоторых деталях, но совпадает в основном. «Когда я был в районе перевала Нату-ла, мне пришлось встретиться с группой тибетцев, которые с караваном шли из Тибета, перевалили через перевал Дзэле-ла и в дальнейшем прибыли в г.Калимпонг. Они слышали об интересе европейцев к «снежному человеку». Эта группа мне рассказала следующий любопытный факт. Когда они перешли перевал, то в лесу на высоте свыше 4000 м они заночевали. Как всегда у них был с собой чанг — тибетское пиво, настоенное на ячмене. Часть чанга осталась в сосуде около костра, вокруг которого они улеглись спать. Проснувшись ночью, один из них увидел, что к костру приблизилось существо, которое они называют «ми-гё». Он притаил-

ся, решив, что это прекрасный случай посмотреть, что «ми-ге» будет делать, а может быть, поймать его и извлечь из этого выгоду. Все говорят, что это существо очень любопытно, когда оно приближается к лагерю, оно начинает передвигать предметы, проявляет большой интерес к тем вещам, которых оно обычно не видит. Найдя открытый сосуд с остатками пива, «ми-гё» отведал пива, которое, видимо, ему понравилось, затем выпил больше, охмелел и тут же возле людей заснул... Спящего «ми-гё» схватили, связали. За руки и за ноги его привязали к шесту и потащили вниз, надеясь дотащить до г. Калимпонга. Но по дороге это существо пришло в себя, увидело себя в несколько неожиданном положении, и, так как оно очень сильное, рвануло веревки, они лопнули, и оно убежало. Итак, тибетцы пришли ни с чем. Это было приблизительно в 1938–1939 гг. Важно подчеркнуть, что прошло некоторое время после того, как я слышал этот рассказ, и снова те же самые лица рассказывали мне то же самое. Из повторения подробностей особенно ясно, что это — не просто рассказ, что они действительно несли какое-то существо». (Цитировано по стенограмме доклада Ю.И. Рериха. Ср.: ИМ, II, №47.) Наконец существует еще и третья запись той же истории, произведенная антропологом принцем Петром Греческим. Она отличается от первых двух вариантов незначительными деталями, но совпадает в основном (Heuvelmans B. Ibiden, p. 137. предыдущая ссылка на данного автора. Гл. 5: Heuvelmans B. Comment j'ai percé le mystére des scalps du yéti // Science et Avenir. Paris, 1961, №169, mars).

Со слов тибетца Тсеванг Пемпы записана книга «Тибет моя родина». Вот что мы находим в ней о «снежном человеке». «С раннего детства я слышал рассказы о ми-гё. Ятонг и его окрестности (долина Чумби) считались его излюбленным местом, в особенности же Чумпитханг, расположенный по дороге и Сикким. Полагают, что ми-гё и огромное существо, похожее на обезьяну, что питается он фруктами и ягодами и живет высоко в горах; в холодные зимние месяцы ми-гё спускается ниже. Говорят, что его всегда привлекает запах жареного мяса, и поэтому, когда в Чумпитханге появляются приезжие, их настоятельно просят не жарить мяса. У ми-гё длинные волосы, которые прядями ниспадают с головы... Ми-гё является священным животным; однако увидеть его — к несчастью». Пемпа передает некоторые поверья, а также полуправдоподобные рассказы, связанные с «ми-гё». Из них интересно отметить нередко повторяющееся в разных географических областях и у разных народов утверждение, что «снежный человек», поддается приручению, в том числе на воле; когда монах Геш Римпош из монастыря Дунгкар на целый год однажды удалялся высо-

ко в горы, по его словам, прирученный им «ми-гё» таскал для него топливо, воду и пищу. Но, видимо, сам Пемпа не вполне уверен в этом рассказе, ибо он продолжает: «Я знаю только одного человека, лично видевшего обезьяноподобное существо, которое, должно быть, было ми-гё. Это был честный, суровый труженик, не обладавший особым воображением или фантазией. Однажды по дороге в Ятонг он проходил близ озера Тсонга в 20 км от Чумпитханга. День был холодный, шел снег. Внезапно он услышал слева от себя со стороны леса хруст веток. Он посмотрел в ту сторону, и то, что он увидел, привело его в ужас. Человекообразное существо приблизительно 1,5 м ростом, с красным лицом и рыжими волосами стояло на опушке леса и смотрело на него. Затем это существо перебежало дорогу и скрылось в чаще. Когда этот человек пришел в Чумпитханг, он узнал, что многие из этой округи видели ми-гё. Невозможно сомневаться в честности и правдивости этого человека, и случай этот, по-видимому, действительно имел место» (Tsewang Pempa. Tibet ma patrie. Paris. 1958, p. 72–74).

Обратимся к сведениям, полусонным от другого коренного тибетца, Гэ Лана, опрошенного нами по время его проезда через Москву. «В существовании «ми-гё» в Тибете никто не сомневается, о нем все знают», — говорит Гэ Лан. Лично он сам видел в монастырях Лхасы кости, в частности черепные крышки, которые приписываются «ми-гё» и употребляются при некоторых церемониях, по впечатлению Гэ Лана, черепная крышка «ми-гй», которую он видел в руках у монахов, по разрезу (распилу) длиннее, чем обычная черепная крышка человека. Гэ Лан слышал, что в других монастырях есть шкуры «миге». Согласно рассказам охотников, «ми-гё», хотя он и ест некоторые корни, является плотоядным, хищным животным: Гэ Лан сам видел приносимые охотниками с гор недоеденные остатки пищи, например, объедки туши зайца, приписываемою «ми-гё». По рассказам, «ми-гё» покрыт шерстью — коричневой с отблеском, густой, но не длинной, кроме головы, где волосы очень длинны. Гэ Лан знал охотника, который говорил, что в верхней части тела «ми-гё» волосы растут ворсом вверх, а в нижней — вниз. Ростом «ми-гё», как говорят, выше обезьяны и немного выше человека. Лицом «ми-гё», по рассказам, похож одновременно на обезьяну и на человека. Издает громкие крики вроде «пу-ку, пу-ку». Здесь особенно следует подчеркнуть сообщение Гэ Лана, что, по рассказам, живые «ми-гё» обитают не только на юге Тибета, но и на севере Тибета, в районе, который он назвал Нари (Нгари) (ИМ, II, №37).

Интересные записи о «ми-гё» собрал польский журналист Мариан Белицкий, посетивший Тибет в 1956 г. Прежде всего, во

время пребывания в Лхасе, он узнал от высокопоставленных лам, что термин «йе-ти» (по-непальски) и «ми-гё» (по-тибетски) означает одно и то же. В дальнейшем он узнал от своего переводчика, что по убеждению тибетцев — «ми-гё» действительно существуют, обитают они где-то в Гималаях и в северных горах (как видим, полное совпадение со сведениями Гэ Лана). Нашел, наконец, Белицкий и человека, который не боялся говорить с чужеземцем о «ми-гё» и рассказал ему о своей непосредственной встрече. Два года назад, когда они проходили через Ятонг, его брат на пути из соседней деревушки услышал треск в кустах и, оглянувшись, увидел выглядывавшего из ветвей «ми-гё». Последний был коричневого цвета, у него много волос над лбом. Он не издавал никаких звуков, только протянул длинные руки, тоже покрытые шерстью. Рассказчик скрылся бегством. Ятонг, объяснил Белицкому собеседник, лежит в долине Чумби, врезывающейся клином в подножие высоких Гималаев между Сиккимом и Бутаном. Тамошние люди уверяют, что «ми-гё» приходят в долину с гор, а высокие вершины это место их обитания. Живут они в пещерах на недоступных горах или в недоступных ущельях. Вниз спускаются редко, только за кореньями и плодами, которыми они питаются, иногда за теплом в трескучие морозы, иногда же, якобы, за людьми. Несколько подробнее удалось Белицкому поговорить о «ми-гё» с как-то случайно разговорившимся ламой из монастыря Таши Лхунпо в Шигадзе. По словам последнего, монахи, которые в течение долгого времени жили в «тсам-гам» (пустынных местах отшельничества) на труднодоступных склонах, нередко встречали «ми-гё», а некоторые якобы приручали их и заставляли приносить ветки для топлива, воду, съедобные коренья и ягоды. Это — существо роста выше человеческого, внешне похожее на человека, с телом, поросшим светло-коричневыми волосами, проживающее на высоких горах, питающееся кореньями и ягодами, передвигается оно на двух ногах и имеет ступни более крупные, чем у нормального человека. «Ми-гё», по сообщению этих монахов, не является агрессивным по отношению к человеку. Однако жители тех мест, с которыми беседовал Белицкий, считают, что «ми-ге» похищают людей; распространено мнение, что при встрече с «ми-гё» нужно стремительно бежать вниз с горы. Один охотник хвастался тем, что он когда-то застрелил «ми-гё». Рассерженные «ми-ге» издают нечленораздельные звуки. Между собой они общаются также лишь с помощью нечленораздельных звуков. Белицкий подчеркивает, что во всех беседах повторялись и совпадали многие сведения, в частности, касающиеся внешнего вида «ми-гё».

Опросы, проведенные Белицким, дали и еще один важный результат. Ему удалось откровенно поговорить лишь с очень не-

многими. Ламы, хотя и подтверждали, что они слышали о «ми-гё», не считали удобным говорить об этом гопсею (буквально: человеку с желтыми волосами, т.е. чужеземцу). Многие утверждали, что будет плохо тому, кто рассказывает чужеземцу о «ми-гё». Один видный и довольно образованный лама так ответил на вопрос, почему люди столь неохотно говорят о «ми-гё»: «Может действовать две причины. О священных вещах, — а народ верит, что ми-гё являются священными существами, — вообще говорится неохотно, особенно с чужими, с иностранцами. Это первое, во-вторых, если бы весть о ми-гё достигла далеких стран, экспедиции иностранцев стали бы появляться у нас слишком часто». Более всего несловоохотливость населения по этому вопросу объясняется множеством поверий, окружающих «ми-гё». «Ми-гё, хотя и священное существо, но плохой признак, если его увидит человек», — говорил Белицкому один собеседник. Да и разговаривать о нем небезопасно (точно так же, как, например, о тигре или о медведе во многих географических областях) (ИМ, III, №92).

Со слов одного китайского студента в Днепропетровске В.О. Ванк записал некоторые рассказы и легенды тибетцев о «ми-гё». Во многих местах Тибета, по словам студента, жители летом спускаются с гор в долины, когда же на зиму они возвращаются в свои оставленные пустыми дома в горах, то замечают, что в домах похозяйничал «ми-ге». Однажды якобы были найдены и два трупа перепившихся оставленным пивом и передравшихся «ми-гё»; люди отнесли их головы в один из тибетских храмов, где эти черепа хранятся и поныне, но ламы не допускают туда чужеземцев. Жители Западного Китая утверждают, что «ми-гё» часто похищают и уносят в горы из любопытства домашнюю утварь, которую люди затем нередко находили высоко в горах (ИМ, II, №44).

Если часть сведений, как мы видели, указывают на Южный и на Северный Тибет, то есть и некоторое число указывающих на Восточный. Так, весьма авторитетный и прославленный в буддийских кругах лама Тсултун Замбо, во время паломничества в горы у восточной границы Тибета, находясь в благочестивом отшельничестве у какой-то из горных вершин, приручил одного «ми-ге» («ми-ргу»). По его описанию, это было обезьяноподобное существо чуть ли не 2,5 м ростом, с туловищем покрытым шерстью длиной в 4 см, со смуглым лицом. Лама сказал: «Он не только не причинил мне вреда, он помог мне в моем отшельничестве. Он не умел разговаривать, но отличался большим умом» (Иззард P. Op. cit., c. 57). Запрошенный нами председатель Всекитайской буддийской ассоциации Шэрап Джамцо в своем любезном ответе сообщил между прочим, что тибетский «ми-гё» является животным, похожим на обезьяну, но более крупным; различные

виды «ми-гё» отличаются своим ростом и силой. Шэрап Джамцо подчеркивает, что он не знает, какое именно животное непальцы называют «йе-ти», но полагает, что оно отлично от тибетского «ми-гё». Последний, по словам Шэрапа Джамцо, «крупнее обезьяны и выше ее на половину тела. Человеческой речи не понимает. Говорят, водится в лесистых долинах восточного Кон-по Тибета и южного Мон-юля. Не знаю, водится ли он в других областях...» (ИМ, III, №91).

Один из важных выводов из обзора описательного материала по Тибету состоит в том, что здесь ламаистское духовенство является существенной помехой на пути проникновения в тайну «снежного человека», хотя и обладает о нем обширными сведениями, которые подчас по крупицам удается от них добыть. Есть немного сообщений, что в буддийских храмах и монастырях хранятся и используются для культа и обучения отдельные кости, шкуры и даже целые мумии «ми-гё». Так, например, давно уже опубликованы сведения, что, по словам ламы Чемед Ригдзин, он сам осматривал мумифицированные тела двух «ми-гё»: одно в монастыре Римбоче в Восточном Тибете, другое — в монастыре Сакья (провинция Шигадзе) в Западном Тибете (Иззард Р. Op. cit., с. 56; ИМ, III, №89). И Стонору какой-то старик рассказал, что в Тибете, вблизи Шигадзе, есть монастырь, в котором он сам видел вместе со шкурами медведей, леопардов и других диких зверей также и шкуру «мих-ти» (Стонор Ч. Op. cit., с. 166). Наконец, надо напомнить и совершенно независимое от предыдущих приведенное выше сообщение Н.В. Валеро-Грачева о том, что по многочисленным данным он знает о наличии в монастыре Сакья (в южном Тибете, на реке Томчу) хранящейся среди мумий других животных мумии «ми-гё». Остается все же довольно неясным вопрос о том, является, ли «снежный человек» для буддийской и, в частности, ламаистской веры в узком смысле слова священным животным. Мы встречаемся и с положительными и с отрицательными утверждениями. Но сам этот эпитет «священный» настолько неясен, что допускает разные толкования. Пока мы можем с уверенностью утверждать, что ламаистское духовенство в общем препятствует распространению сведений об этом существе, считает их в той или иной мере секретными, а самого «ми-гё» хранит под некоторого рода покровительством. Существует глухое известие, связанное с легендой об истреблении в прошлом людьми этих существ, будто верховная власть (т.е., очевидно, далай-лама) строго запретила их дальнейшее уничтожение; кто знает, может быть это сыграло какую-то роль в том, что реликты, интересующего, нас человекоподобного дикого животного еще сохранились в Тибете до последнего времени.

ЮНЬНАНЬ

Если данные по Восточному Тибету остаются пока довольно скудными, то дальше на восток, в отношении особого района Чамдо (Сикан), как и провинции Цинхай, мы не располагаем попросту никаким опросным материалом по проблеме «снежного человека». Но кое-какие данные есть в отношении гористой западной части провинции Юньнань. Проф. Пэй Вэнь-чун в одном из цитированных писем писал: «знаю, что [в] Юньнане также рассказывают, что глубоко в горах там обитают «дикие люди». Важное сообщение, касающееся этой области, сделал в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» бывший уполномоченный Всесоюзного Общества по культурным связям с заграницей в Китае К.Н. Чеканов. Ответственные работники и ученые в провинции Юньнань сообщили ему, что в начале 1954 г. в горных районах западной части Юньнани были обнаружены какие-то своеобразные люди, безусловно не принадлежащие ни к какой народности, вообще, по-видимому, стоящие на доисторической ступени развития, так как они ведут животный образ жизни, прячутся от людей, не имеют одежды, не имеют и звуковой речи; кажется, было упомянуто, что тело их покрыто волосами. Один из этих «людей» был захвачен и доставлен в г. Кунь-мин. Его попытались одеть в человеческую одежду, и показалось, что он был доволен, так как улыбался. По некоторым сведениям, этот пойманный дикий человек был отправлен для изучения в Пекин, однако дальнейшие следы его теряются (см. выше).

Двигаться ли нам дальше на восток, в горные районы Южного Китая? Но там мы оказываемся уже в области фольклора, — по-видимому, в одной из ветвей, отходящих от основного ареала «снежного человека», где может быть в древние времена он и обитал или мог появляться непосредственно из основного ареала. Вспомним, что в XVII в. Кирхер распространял область обитания человекоподобного волосатого животного вплоть до гор провинции Фуцзянь. Но ныне там давно нет и слонов, которых он описывал, и, очевидно, «лесных людей». Память о последних живет здесь в виде легенд, преданий, поверий. Проф. Фу Мао-цзи, заместитель директора Института Национальных меньшинств при Китайской Академии наук, сообщил о народном поверье, сохраняющемся в провинциях Фуцзянь и Юньнань. Крестьяне, отправляясь работать в сторону гор, по старинному обычаю надевали на правую руку нечто вроде трубки из бамбука: если придет «дикий человек» и попытается напасть, надо протянуть ему за-

щищенную бамбуковой трубкой руку; не понимая хитрости, «дикий человек» схватывает зубами бамбуковую трубку, смеясь при этом от радости, а крестьянин, освободив руку, спасается бегством. Проф. Фу Мао-цзи добавляет, что подобные же легенды распространены в Тибете и Сиккиме. Мало того, говорит он, и в старинной книге «Шинхай-дзин» в двух местах упоминаются сходные поверья, но следует заметить, что простой народ, хранящий эти предания, никогда не читал указанного произведения (ИМ, II, №43). Добавим попутно, что совершенно тождественное предание бытует, как недавно стало известно, и на границе Вьетнама и Камбоджи (ИМ, III, №101).

СИНЬЦЗЯН, ГАНЬСУ

Как нам построить дальше свой обзор карты КНР и МНР? Можно было бы двинуться теперь к горной части провинции Шэньси. Но мы лучше оставим ее на конец обзора, а сейчас вернемся к районам, примыкающим к охарактеризованному в начале главному очагу в юго-западном Синьцзяне. Двинемся на север от этого очага по необозримым просторам Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР. Как упоминалось, генерал-майор П.Ф. Ратов сообщил в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» о трех районах этой области, где, по его сведениям, обитают «дикие люди». Один из них район оз. Лобнор.

«Дубань в Урумчи — рассказывает П.Ф. Ратов — не рекомендовал мне ехать в район оз. Лобнор, так как там много «диких людей». Говорилось даже, что они могут съесть. Речь идет о колоссальной низменности вокруг Лобнора сплошь покрытой камышом, длиной в 450 и шириной в 150 км, совершенно не имеющей населения». Вспомним, что еще Н.М. Пржевальский имел сведения об обитании в этих камышах, как и в близлежащих болотах Нижнего Тарима, совершенно диких человекообразных существ, не знающих ни одежды, ни огня, пожирающих сырую рыбу. И вот одного из них, по-видимому, довелось своими глазами увидеть в 1937 г. ныне покойному советскому маршалу П.С. Рыбалко, о чем, со слов последнего, сообщает П.Ф. Ратов. Однажды, когда П.С. Рыбалко проезжал восточнее оз. Лобнор и севернее хребта Алтын-Таг, китайский офицер сообщил ему, что в обозе находится пойманный кавалеристами «дикий человек». П.С. Рыбалко застал пленника лежащим привязанным к повозке-двуколке (арбе), но поймавшие его кавалеристы иногда давали ему идти за арбой на привязи. В таком случае он шел всегда только на ногах, никогда не становясь на четвереньки. П.С. Рыбалко очень подробно

рассказывал об этом существе. Без всякой одежды, очень грязный, желтой окраски. Обликом он был похож на человека, но на дикого, возможно, на ископаемого обезьяно-человека. На голове — очень длинные волосы, спускавшиеся ниже плеч. Он был сутуловат, имел длинные руки. Никакой речи это человекоподобное существо не имело, ничего не говорило, издавало лишь звуки, похожие на писк и мяуканье. По словам населения, эти существа на воле питаются рыбой. П.С. Рыбалко дал указание везти «дикого человека» в Урумчи, имея в виду далее отправить его для изучения в Москву. Действительно, его везли еще дней восемь, но, не выдержав пути, «дикий человек» умер возле города Курля (ИМ, III, №85).

В этой связи следует упомянуть об одном странном сообщении, относящемся к тем же местам. Проф. Бурхан, директор Института языков национальных меньшинств Китайской Академии наук, непосредственно со слов председателя правительства Синьцзян-Уйгурской автономной области Сайфуддина Азизова, сообщил Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»: «В 1957 г. один охотник-уйгур встретил в районе оз. Лобнор существо, которое там принято называть «человек-медведь». Существо это передвигалось на двух ногах, было покрыто темно-коричневой шерстью, впрочем, не особенно густой. Охотник застрелил «человека-медведя», а затем снял с убитого зверя шкуру и передал ее в город Курля, где она хранится в настоящее время у начальника округа — Турсун Исраил» (ИМ, II, №36). Несколько месяцев спустя после получения этого сообщения являющийся в настоящее время студентом московского вуза Тагатан Сагнашев, киргиз по национальности, родившийся и проживающий в районе, расположенном недалеко от оз. Лобнор, сообщил, что населению там хорошо известно о существовании в этих местах «диких людей». Он сказал, что ему известно о случае, сообщенном ранее проф. Бурханом, однако он внес небольшую фактическую поправку: охотник не застрелил это животное, а застал его попавшим в капкан и умершим, после чего снял шкуру и доставил в г. Курля (ИМ, III, №86). Прошло еще несколько месяцев, и теперь утверждают, что убит был самый обыкновенный медведь. Как можно при этом объяснить, зачем охотник повез бы шкуру в далекий окружной центр — г. Курля? Столь же невероятно, чтобы начальник округа, получив шкуру простого медведя, стал сообщать об этом председателю правительства Синьцзян-Уйгурской автономной области. Между тем, когда, наконец, шкуру эту затребовали для изучения в Пекин, туда поступила именно шкура обыкновенного бурого медведя (или только его лапы, фотогра-

фии которых, не вызывающие ни малейших сомнений, переслан ны из Пекина и в наше распоряжение). Все говорит за то, что на этот раз с полной точностью повторилась та же история, как и ко гда Пржевальскому вместо шкуры «хун-гурэсу» настоятель храма показал шкуру медведя. Прием, как видим, традиционный, наив ный, но приносящий вред науке.

Как говорилось, по словам рядового жителя района оз. Лобнор, население здесь отлично знает об обитании там «ди ких людей». К сожалению, говорит он, никто однако не подозревает, что эти существа, к которым относятся так же, как к волкам и другим животным, представляют интерес для науки. На них не охотятся, так как шкура их, лишенная подшерстка, не имеет ценности (ИМ, III, №86).

В своем месте было рассказано о том, что в провинции Ганьсу, особенно в горах Нань-Шань, П.М. Пржевальский получил от населения обильные сведения о «хун-гурэсу» («человеко-звере») и что его казак Егоров на южных склонах Нань-Шаня, по-видимому, встретился с этими существами. И вот много лет спустя советский журналист, полковник запаса С.Г. Курзенков побывал в 1957 г. в отрогах горной системы Нань-Шань, на территории Тибетского национального округа в провинции Ганьсу в местности Тьендэу и от местных жителей-тибетцев услышал, что в горах Нань-Шань, в труднодоступных местах, живут человекоподобные существа, которых они называют «ми-гё»; по рассказам, эти существа покрыты густыми волосами, не имеют одежды, ходят на двух ногах как люди, встречаются они очень редко (ИМ, III, №88). К тибетскому национальному округу провинции Ганьсу относится и ценное сообщение проф. Цзинь Пэна (Институт языков национальных меньшинств Китая при Академии наук Китая): «Наш кадровый работник тибетец Ан Ши-син рассказал, что одиннадцать лет тому назад, в 1947 г., когда он учился в четвертом классе начальной школы, в их деревне уезда Чжонисянь, района Лучжугун, у храма Шаувасы, стоящего на берегу арыка Чэбагоу, поймали ми-гё. Многие ходили смотреть на этого ми-гё, но отец Ан Ши-сина побоялся и не разрешил ему пойти. Говорили, что этот ми-гё внешне был таким же, как человек, только тело покрыто коричневым волосяным покровом, волосы на голове очень длинные. Через несколько дней он умер. Снятую с него кожу передали на хранение в храм Хуфашеньдянь («Защиты буддийского учения»), и предполагается, что она лежит там и по сей день. Говорят, также, что в храме Шэньдинсы в г. Чжонисянь раньше находились два барабана, сделанные из кожи ми-гё, но в 1929 г. в храме был пожар, и они сгорели» (ИМ, II, №35).

Примерно к тому же району относится и известие, полученное от видного китайского зоолога проф. Т.Х. Шоу (Институт зоологии Академии наук Китая): «Несколько лет тому назад я получил письмо от одного пожилого человека, офицера прежней армии. Однажды, когда он продвигался с войсками по границе провинций Ганьсу и Цинхай, он увидел в лесу дикого человека, который был очень подвижным и быстро скрылся. Он настаивал на том, чтобы были проведены научные исследования того, что он увидел. Однако ничего из предложенного им не было сделано...» (ИМ, III, №78)

Если бы мы поднялись от этих мест на северо-восток, мы оказались бы в пустыне Алашань, где в 1906 г. проф. Б.Б. Барадийн встретил «алмаса». Но направимся сначала на северо-запад, к южным отрогам Тянь-Шаня. В сообщении генерал-майора П.Ф. Ратова в качестве третьего района обитания «диких людей» в Синьцзяне указана область в южных отрогах восточного Тянь-Шаня, в окрестностях горы Богдо-Ула. Эта гора окружена озерами и колоссальными лесными массивами, а населения здесь никакого нет. Вблизи этих озер, по рассказам, обитают «дикие люди»; в частности, и опрошенные П.Ф. Ратовым китайские военные подтвердили эти сведения (ИМ, III, №85). К западу от указанного места мы оказываемся в области гор. Ирен-Кабирга и истоков реки Манас, к которым относятся уже приводившиеся выше сведения, начиная от древнекиргизского эпоса «Манас», и кончая записями рассказов очевидцев, произведенными проф. В.А. Хахловым. Попутно следует упомянуть опубликованное в газете «Казахстанская правда» сообщение колхозника П.И. Чумаченко. Согласно его воспоминаниям, в 1914 г, в районе реки Манас казахи поймали в зарослях, якобы по поручению зайсанского уездного начальника, существо, за которым там утвердилось название «дикий человек». От волостного управителя, в дом которого было доставлено это существо, рассказчик узнал следующее. Рост его примерно с подростка 14–15 лет, ступни ног и рук с пальцами, сходными с человеческими, ходит на двух ногах и лишь в редких случаях передвигается на четвереньках. Пойманный был мужского пола, весь обросший шерстью — мелкой, плотной, короткой, серо-синего цвета, похожей на шерсть двух-трехнедельного верблюжонка. Голова и лицо похожи на человеческие, лоб низкий. На ночлег он был привязан веревкой за шею в юрте, но он настолько был несмышленый, что не сумел развязать себе ошейник и убежать. Однако на следующий день было объявлено о войне с Германией, было уже не до «дикого человека», так как он не похож на хищного зверя, а, наоборот, имеет большое сходство

с человеком, казахи отвели его обратно на реку Манас и отпустили (ИМ, III, №84).

Надо оговориться, что точность этих воспоминаний Чумаченко в целом с серьезными основаниями оспаривается проф. В.А. Хахловым, хотя допустимо предполагать, что отдельные детали отражают некоторые действительно имевшие место факты. Во всяком случае, сообщение Чумаченко совершенно второстепенно рядом с тем выдающимся по значению материалом, который был собран и тщательно проанализирован В.А. Хахловым в то же время и в тех же местах. Здесь достаточно напомнить, что речь идет не просто об опросе большого числа казахов, в том числе двух или более непосредственных очевидцев, близко и на протяжении известного времени наблюдавших пойманных «ксы-гыик» («диких людей»). Методика опроса, сравнительно-анатомический анализ, в целом бесспорная зоологическая и антропологическая диагностика, — все это придает материалам В.А. Хахлова первостепенное научное значение, хотя бы с рядом его выводов мы и разошлись. Во всяком случае, именно на наблюдениях казахов, сделанных в северной части Центральной Азии, основана, как видим, одна из самых фундаментальных предварительных работ о проблеме «снежного человека» на территории Китайской Народной Республики.

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Двигаясь к востоку, перейдем теперь в пределы Монгольской Народной Республики. Как уже говорилось, здесь главные наблюдения принадлежат школе проф. Жамцарано, в частности, в наши дни — проф. Ринчену. Последний поделился с Комиссией по изучению вопроса о «снежном человеке» своими сборами сведений, которые будут вкратце приведены ниже. Но следует прибавить указание и на сотрудничество других монгольских и советских ученых. В недавнее время сбор сведений и данных о «снежном человеке» на территории МНР начал проводить с присущей ему широкой зоологической эрудицией проф. Г.П. Дементьев. (Доклад о собранных сведениях был прочитан Г.П. Дементьевым на заседании Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» в декабре 1959 г. В настоящее время эти данные опубликованы проф. Дементьевым совместно с монгольским зоологом проф. Цэвэгмидом: Démentiev G., Zevegmid D. Une note sur l'«Homme des neiges» en Mongolie // La Terre et la Vie. Paris, 1960, №4, p. 194–199.)

Как уже говорилось, данные Жамцарано и Дорджи Мейрена показали довольно быстрый процесс сокращений области распространения «алмасов» на территории МНР. Данные последнего времени фиксируют три вероятных очага последних встреч с ними: 1) на западе МНР, в аймаке (области) Кобдо; 2) на самом юге МНР, в наименее доступных районах отрогов Монгольского Алтая и пустыне Гоби, 3) на крайнем востоке МНР, в районе р. Халхин-Гол. Из них гобийский, южный очаг представляет тот выдающийся интерес, что здесь записана целая серия показаний о встречах с детенышами «алмасов»; до сих пор мы встретили лишь один район, о котором имеются данные такого рода и который, следовательно, можно было рассматривать как очаг размножения этих существ — юго-западный угол Синьцзяна.

Можно еще встретить, говорит д-р Ринчен, стариков арат из Гоби, видевших следы ног «алмасов», или их очертания в предрассветное время, но все согласны, что в наши дни «алмас» встречается все реже и реже. Судя по единодушным описаниям, «алмасы» имеют несколько сутулую фигуру, ноги чуть согнуты в коленях, а руки длиннее человеческих. Волосы на голове длинные, а тело покрыто редковатой темной шерстью. У самок длинные груди. «Алмасы» не знают употребления огня, орудий и оружия. «Сбор информационного материала о местах все суживающегося обитания алмасов поможет выяснить многое для изучения вопроса о гималайском снежном человеке. Рассказы гобийцев о «саксаульной бабке» и косматом алмасе так реальны, а показания редких очевидцев так наглядно рисуют нам облик дикого человека, поддерживающего свою жизнь собирательством, что невозможно отрицать существование нашего далекого родича, так отставшего в своем развитии и доживающего последние дни, подобно диким лошадям и диким верблюдам, число которых насчитывается в районах их обитания всего десятками. Подобно дикой лошади «тахи» и дикому верблюду «хаптагаю» алмас отступает перед человеком, постепенно осваивающим со своими стадами все большую площадь на просторах Гоби». (Ринчен. Алмас — монгольский родич «снежного человека» // Современная Монголия., 1958, №5, с. 37–38.)

Что касается названия «алмас», то в северной части МНР оно почти вовсе неизвестно или обозначает нереальное мифическое существо, нечистую силу, что-то вроде ведьмы. На востоке, юге и крайнем западе республики встречается либо название «алмас», либо «хун-гурэсу», либо, для самок, «загийн эмгэн» («саксаульная бабка»).

Вот пример записи, сделанной еще покойным проф. Жамцарано: «Однажды в селении Медная степь, в конце Монгольского Алтая, во время снежного бурана монголы попрятались в юрты. Внезапно все собаки кочевья с безумным лаем кинулись на холм. Кочевники выскочили за ними и в бушующем урагане увидели голого волосатого человека. «Чикемби? Кто ты?» — закричали монголы. Таинственный человек, увидев людей, убежал. На следующий день монголы нашли на снегу его следы. Это были хоть и несомненно человечьи, но какие-то странные следы: когтистые пальцы изогнуты, кривой оттопыренный большой палец неестественной величины. Следы уходили через степь к горам и исчезали у абсолютно недоступных для монголов ущелий. Узнав о случившемся, — продолжает Жамцарано, — я решил, что это один из «алмасов». Я мог бы рассказать множество подобных историй...» (Пересказ М.К. Розенфельда, ИМ, I, №4). Д-р Ринчен также цитирует одну из записей Жамцарано: лично знакомый ему старик-лама из Агинского дацана на пути в Тибет, на территории, лежащей южнее границы МНР, был захвачен «алмаской», но сумел убежать (ИМ, I, №5, с. 8).

О наблюдениях детенышей отметим следующие сообщения. Преподаватель начальной школы в Гоби-Алтае в 1930 г. сообщил Ринчену, что в Гоби, в соседстве казахского кочевья, он увидел труп голой волосатой девочки лет семи, нарвавшейся на поставленный охотниками на зверя самострел (ИМ, I, №5, с. 10). Монах Дамбайорин, восточногобиец, в 30-х годах ехал в Суджин Тоби вечером на верблюде и увидел голенького ребенка, решив, что это заблудившийся ребенок, монах подъехал ближе, но, обнаружив, что ребенок покрыт рыжими волосами, в ужасе бежал от этого детеныша «алмаса». Примерно в те же годы аратка второго бага Эрдени сомона Восточногобийского аймака по имени Цериндорджи в той же Суджин Гоби встретила голого детеныша «алмаса» и так же пустилась в бегство, считая эту встречу с «алмасенком» недобрым предзнаменованием. Аратка по имени Дулма из шестого бага Эрдени сомона Восточногобийского аймака увидела детеныша «алмаса», подходившего к стаду ее овец, и бежала, бросив стадо. На другой день ее соседка Церинцо пошла пасти стадо и тоже встретила «алмасенка», перепугавшего накануне Дулму (ИМ, III, №73).

Обилию сведений о детенышах соответствует и значительное число сведений о самках, тогда как в ряде других областей, являющихся, видимо, местами не размножения и, соответственно, пребывания большинства самок, а местами кормовых кочевок самцов, мы видим упоминания почти исключительно о по-

следних. В Монгольской Гоби «алмаска», «саксаульная бабка» — существо едва ли не более распространенное, чем «алмас» мужского пола. Выше уже приводилось описание не «алмасов», а именно «алмаски», сделанное для монгольского словаря Дорджи Мейреном. По сообщению Ринчена, монгол Ануху вместе с товарищем ехал в одном урочище в южной Гоби на верблюдах и вдруг в зарослях саксаула они заметили косматое двуногое существо, метнувшееся от них прочь. Оба решили догнать убегавшую «саксаульную бабку» на верблюдах, сделав при этом из ременных веревок арканы, но когда быстроходные гобийские верблюды нагнали убегавшее существо, покрытое короткой шерстью и косматыми волосами на голове, оно издало такой резкий крик, что испугало и остановило верблюдов. Так, пугая верблюдов криком, «алмаска» отбежала к каменной гряде и, вскарабкавшись с помощью рук и ног, исчезла за камнями (ИМ, IV, №123, с. 92). Записан и рассказ о том, как отлучившаяся из юрты мать застала голую женщину с телом, покрытым редкими рыжеватыми волосами, сидевшую возле ее младенца и совавшую ему в рот одну из своих длинных грудей; испугавшись, волосатое существо выскочило из юрты и косолапой походкой побежало в саксауловые заросли; ноги у этого существа были кривые, а руки длиннее человеческих (ИМ, I, №4, с. 9).

В связи с предположением о возможном наличии, по крайней мере в недавнем прошлом, одного из очагов размножения и, следовательно, более чем обычно оседлого обитания «снежного человека» в южных районах Гоби должно привлечь большое внимание сообщение проф. Ринчена, подтвержденное затем и сообщением проф. Дементьева, о наличии в Убурхангайском аймаке, а, возможно, и в других местах каких-то странных то ли природных, то ли искусственных сооружений, которые среди населения носят название «Алмасын добо», т.е. «холмы алмасов». Присланный рисунок одного из них показывает, что этот холм имеет почти отвесные стены, как у монгольской юрты, сверху зарос саксаулом и имеет на разной высоте два входных отверстия достаточно просторных для существа ростом с человека. Общий размер зарисованного холма — 3,5 м высотой. «Заведующий местным кабинетом краеведения Цоодол сообщает, что он нашел внутри этой искусственной норы или пещеры кости зайца и кал, похожий на человеческий. Норы эти необитаемы уже несколько десятков лет, но, по словам стариков, в них жили «алмасы», от которых холмы и получили свое название; многие из этих нор уже разрушились и обвалились. Места с подобными названиями и норами имеются в юго-западной Гоби в нескольких районах. Эти

норы объясняют монгольское название алмасов в тех местах: «нухны алмас» — норовые или пещерные алмасы» (ИМ, IV, №123, с. 90 – 91). В частности, такое название дают им старые и бывалые караванщики, по словам которых, «алмасы» в Гоби обитают в земляных норах-пещерах; караванщики эти ходили до города Сичжоу и проходили Гоби поблизости урочища Мацэунь-Шань, в тех местах они и встречали «алмасов», — как раз по соседству с «Арбус Алашанью старых монгольских хроник», возможно, тождественной с горой Арбусс, упоминавшейся немцем Шильтбергером в XV в. как место обитания «диких людей» (ИМ, IV, №123, с. 96). Дополнительно произведенное обследование района «холмов алмасов» подтвердило, что холмы эти, вернее, пещеры, давно покинуты обитателями и во многих из них обвалились своды; но, по словам старожилов, они помнят об их обитателях, ночами выходивших на охоту маленькими группами, хотя точную дату установить не удалось. Заведующий кабинетом краеведения сообщил, что из одного пещерного холма он достал старый череп, отличающийся от современного человеческого черепа. (Из письма д-ра Ринчена от 3 января 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Проф. Г.П. Дементьев в своей статье «Заметка о «снежном человеке» в Монголии» сообщает дополнительные данные об экспедиции, предпринятой в июне 1959 г. этим заведующим кабинета краеведения по имени Цоодол для изучения в пустыне Гоби указанной местности, именуемой Алмасин-Хото («город алмасов») или Алмасин-Добо. В этой песчаной местности сейчас нет населения, но Цоодол собрал некоторые сведения у стариков, живших здесь лет 60 тому назад, и лично осмотрел пещеру «алмасов», вырытую в песчаной дюне — «сондоке». К сожалению, раскопки не производились. Монголы-старожилы утверждали, что в 3 – 4 км оттуда находилось более крупное местожительство «алмасов». По сведениям, собранным Цоодолом, лет 60 тому назад в Алмасин-Хото еще жило не менее 4 «алмасов». Они вели ночной образ жизни. Эти существа описывались как двуногие и покрытые довольно редкой шерстью. Волосы на голове — длинные и густые, лицо почти безволосое, кожа с синеватым оттенком. Г.П. Дементьев добавляет, что в указанной местности не водятся ни медведи, ни волки, но что нельзя полностью исключить обитания в прошлом обыкновенных людей в этих холмах. (Démontiev G, Zevegmid D. Op. cit.)

Кстати, имеются в МНР и кое-какие другие сведения о материальных останках «алмасов», которых, однако, никому из ученых еще не удалось обследовать. Так, по сведениям д-ра Ринчена,

в Хубсугульском аймаке у одного старика арата хранится в качестве талисмана часть скальпа «алмаса»; принимаются меры к его получению для исследования. В своем месте мы упоминали описания Дорджи Мейреном шкуры «алмаса» в одном из гобийских монастырей. Оно может быть дополнено сообщением монгола Гендула из Хуремарал сомона Ваинхонгорского аймака о том, что до разрушения храма гениев хранителей монастыря Барун хуре он лично видел шкуру «алмаса», приколоченную к потолку храма; распяленная шкура была снята посредством продольного разреза на спине, так что кожа лица была цела, а вытянутые конечности были похожи на человеческие ноги и руки; темное лицо было обрамлено волосами, свисавшими вниз на длину не менее двух пядей. Информатор помнит, что кожа тела была покрыта ламами краской и испещрена мистическими заклинаниями (ИМ, IV, №123, с. 95).

Оставляя в стороне культовое использование останков «алмасов» и легенды о них, приведем несколько записей со слов населения о встречах с этими существами. Преподаватель начальной школы, казах, вместе с другим местным казахом в 30-х годах в Гоби на закате солнца встретил у заснеженного увала голого человека, который побежал от окликнувших его людей; он был хорошо виден метрах в ста, он был волосат и бежал по глубокому снегу, размахивая руками, его рыжеватые волосы блестели в лучах заходящего солнца. Учитель хотел выстрелить в него, но второй казах предупредил, что убийство «албасты», по мнению населения, навлекает несчастье, догнать же исчезнувшего за увалом «алмаса» верхом на лошади учитель по глубокому снегу не смог. (ИМ, I, №5, с. 10.) Из Баин-Улбгийского аймака д-ру Ринчену сообщили, что в 1951 г. двое скотоводов встретились в степи с голым волосатым человеком и были очень перепуганы его видом. (ИМ, IV, №123, с. 89–90.)

Наиболее обильны и наиболее реалистичны сведения последнего времени, исходящие из Кобдосского аймака. «В городе Кобдо проживает казах Джолтаев, очевидец алмаса, и в Булган сомоне Кобдосского аймака один преподаватель сомонной школы видел алмаску». (Из письма д-ра Ринчена от 3 января 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) «Кобдосское аймачное самоуправление сообщило мне, что в Кобдо сомоне в последний раз алмаса видели в 1951 г. в местности Сайрах Эх. Это было существо огромного роста, страшно перепугавшее своим необычным видом арата Хавалхая. В том же сомоне в 1948 г. охотник Музагли нашел попавшим в его капкан на тарбаганов волосатое существо, походившее ростом на под-

ростка лет 15–16 и, сжалившись над ним, освободил его ногу из капкана» (ИМ, IV, №123, с. 99). Весьма подробно зафиксирована встреча с «алмасом», происшедшая. в начале мая 1938 г. в горах Бурхуту в верховьях реки Делюн-Гол (Кобдосский аймак). Один из участников этого происшествия, Нагмит, ныне работающий в г. Улан-Баторе, был опрошен порознь проф. Ринченом, зоологом Цэвэгмидом, польским корреспондентом Ежи Зеленским. Углубившись в горы, охотники увидели на талом снегу следы босых ног, а в местах, где снег был глубок, они могли установить, что прошедший был голым и даже что он бесспорно был мужского пола. Перевалив складку местности, охотники в ста с лишним метрах увидели крупного человека не менее двух метров роста, могучего телосложения, с гривой светлых (может быть седых) волос на голове и короткими темными волосами на теле. В сознании двух местных казахов это был «албасты — хозяин гор», которого нельзя трогать, что же касается Нагмита и Джолтаева, то они пытались окликать «алмаса», привлечь его положенной на землю одеждой и пищей, но он, хотя и проявлял любопытство, не допускал к себе ближе, чем на 100–120 м. Тогда по нему были сделаны несколько выстрелов из мелкокалиберного ружья в расчете ранить в ноги, причем он внимательно смотрел на места, где пули ударялись в камни у его ног. Однако местные охотники тут же потребовали прекращения стрельбы, и «алмас» был упущен (ИМ, II, №34; ИМ, Ш, №72). К той же области, лежащей в северо-западной части Монгольской Народной Республики, относится случай, сообщенный археологом Дорджисуруном. Дело было в конце 30-х гг. Однажды ранней весной в стойбище забежал волосатый голый человек, который был отогнан собаками. Женщины стойбища решили, что это был людоед. Араты, отправившиеся потом по его следам, определили, что этот голый и волосатый человек местами останавливался и сидел на возвышенных местах, но настигнуть его не удалось. Следы этого существа имели широко расставленные пальцы. Весна того года была голодная, и из-за бескормицы в кочевьях арат в этом году появлялись дикие гобийские животные, раньше никогда не попадавшиеся в тех местах (ИМ, III, №73, с. 15–16).

Отметим, далее, что в Монгольской Народной Республике, как в Кобдинском аймаке, так и на юге, в Гоби, записано немало сообщений о различных повадках и свойствах «алмасов», причем в распоряжении исследователей пока нет средства точно выделить наиболее достоверные в числе народных рассказов, окружающих это животное легендами и вымыслами, как впрочем, и всякое другое животное. Например, с одной стороны, пе-

ред нами целая серия утверждений о нападениях «алмасов» и «алмасок» на спутников, даже уволакивающих их в свои логова, если тем не удавалось отбиться. Любопытно, что в нескольких случаях столкновения происходили при перегонке табунов лошадей (ИМ, III, №73, с. 14–15). Имеется записанный весьма подробный рассказ старого монгола Цедена о том, как его товарищ по каравану, шедшему в направлении Внутренней Монголии, у южных границ Убурхангайского аймака, отойдя от места привала в поисках пасущихся верблюдов, был захвачен «саксаульными алмасами». По совету старшего караванщика, заявившего, что «алмас» не убивает захваченных людей, но что несколько суток он будет настороже, участники путешествия лишь на обратном пути устроили засаду у пещеры в песчаном яру и подстрелили вышедшее на закате двуногое существо, все тело которого было покрыто волосами, а товарища нашли в глубине пещеры. Однако он, по рассказам, стал безучастен и молчалив, по возвращении домой не смотрел людям в глаза, отворачивался, а месяца через два умер, словно снедаемый какой-то тоской (ИМ, IV, №123, с. 92–94). Но, с другой стороны, имеется и немало утверждений о полной безобидности «алмаса». Обычно описывается его бегство от человека. Один из монгольских рассказов характеризует «алмаса» или «хун-хара-гурэсу» («темнокожего человека-зверя») как добродушного зверя, который может при встрече даже дружественно облапить человека, и столь «рассеянного», что, если ему при этом сунуть что-нибудь в лапы, он и не заметит вашего бегства. Однако горе тому, кто встретит его в момент бешенства, когда он вырывает из земли с корнем деревья и колотит ими по чему попало (ИМ, III, №74).

Интересен рассказ одного «цагды», т.е. стражника на границе (до 1929 г.). Он жил одиноко, в маленькой юрте на границе в Гоби. Однажды на холме позади своей юрты он обнаружил появление кучи камней. Подойдя ближе, он заметил нагое волосатое существо, с косматой головой, направлявшееся к холму. Цагда кинулся в свою юрту и продолжал наблюдать за странным существом, приподняв полу войлочной стенки. «Алмас» поднялся на холм и исчез за ним, после чего цагда пошел по его следам, напоминавшим следы босых больших человеческих ног. Оказалось, что «алмас» возвел из камней маленькое укрытие, защищавшее его от ветра. Спугнутый человеком, «алмас исчез и больше не появлялся поблизости юрты цагды (ИМ, IV, №123, с. 98).

Из различных повадок «алмаса» («хун-хара-гурэсу») в монгольских рассказах, например, отмечается: зайдя в юрту, берет на руки человеческого ребенка, потом кладет обратно (ИМ, III,

№74); подходит греться к оставленному догорающему костру, но не умеет его поддержать (ИМ, I, №5, с. 9); может быть привлечен запахом жареной на тамарисковом дереве козлятины (ИМ, I, №4, 5, с. 11) (последнее явно перекликается с рассказами, записанными далеко на юге Тибета, в долине Чумби). В Монголии говорят, что главную пищу «алмасов» составляют тарбаганы (сурки), которых они умеют извлекать из нор (ИМ, III, №74, с. 16).

Проф. Г.П. Дементьев в уже цитированной статье «Заметка о «снежном человеке» в Монголии» привел еще ряд интересных данных. Очень важно сообщение, что в прошлом существовали в Монголии рисунки, в особенности настенные, изображавшие дикого человека; в частности, они имелись в знаменитом ламаистском монастыре Эрден-Зу, сооруженном во второй половине XVI в. в окрестностях Харохорина, древней столицы великого хана Удегея Октая. К сожалению, в настоящее время эти фрески почти полностью разрушены; однако производится их реставрация. Наряду с этими свидетельствами, восходящими к далекой древности, Г.П. Дементьев отмечает несколько устных сообщений о наиболее недавних встречах с «алмасом»: в 1946 г, в аймаке Кобдо; в том же аймаке в 1948 г. видели пару их — самца и самку, в 1956 г. охотник казах по имени Мурзагали, охотясь в западных районах Монгольского Алтая, был схвачен «алмасом», но сумел убежать.

Обобщая все доступные данные по Монголии, Г.П. Дементьев наметил ряд предварительных выводов. «Прежде всего, надо отметить — пишет он — большое сходство всей полученной нами информации. Согласно ей дикий человек был с древних времен известен во многих частях Монголии, и не только в горах, хотя следует учесть, что вся территория страны расположена на значительных высотах. Большая часть собранных рассказов о «диком человеке» относится к пустыне Гоби, находящейся у китайской границы. Предполагается, что это существо живет и на горах, и в пустынях, даже песчаных... Сообщения монголов об обитании в Гоби дикого человека довольно трудно датировать; большая часть основана на довольно старых фактах 50 – 80-летней давности. Мы слышали также и более близкие к современности рассказы, однако их аутентичность не может быть установлена неоспоримым образом.

Какова морфология алмасов согласно этим рассказам, спрашивает Г.Н. Дементьев. Это, продолжает он, сильные животные с широкими плечами и длинными руками; на пальцах рук и ног они имеют не когти, вопреки тому, что говорит Пржевальский, а скорее ногти. Вот почему, по словам монголов, следы алмасов весьма

отличаются от медвежьих: нет отпечатков когтей, а расположение и пропорции пальцев такие же, как у антропоидов, — что вполне соответствует данным английских исследователей в Гималаях. Волосяной покров коричневый или серый (вопреки тому, что говорит об этом Пржевальский), довольно разреженный, особенно редкий на животе; волосы на голове животного — обильные, более темной окраски, чем на остальной части тела. Самки обладают чрезвычайно длинными грудными железами. Общие размеры этих животных трудно уточнить, — приблизительно такие же, как человека. Локомоция преимущественно двуногая, хотя подчас также и четвероногая. Образ жизни — ночной (что напоминает Homo nocturnus Линнея). Пугливый, подозрительный, не агрессивный, алмас представляется малообщительным. Его пища одновременно и мясная, состоящая преимущественно из мелких млекопитающих, и растительная. Алмас безмолвен, он не мог бы артикулировать ни одного слова; не способен ни к какому производству (употреблению огня или каких-либо орудий). Взятые вместе, все эти черты нам представляются весьма интересными, хотя и подразумевающими еще необходимость проверки. Отсутствие современных сведений, живых особей или скелетов весьма прискорбно» (Dementiev G., Zevegmid D. Op. cit.).

Очень интересно следующее сообщение д-ра Ринчена: «В 40-х годах я слышал от нескольких солдат о том, что в... районе, лежащем у китайско-монгольской границы, пограничниками было застрелено два или три алмаса. Им казалось, что это враг, перешедший границу, или шпион, который пытается скрыться, а потом оказалось, что это несчастный алмас, на свою беду встретившийся пограничнику. Солдаты считали это убийство таким же естественным, как умерщвление дзерёна или лошади Пржевальского» (ИМ, I, №5, с. 11).

От этого сообщения естественно перейти к другому, касающемуся самой восточной окраины Монгольской Народной Республики. Недавно начальник участка московского Вагоноремонтного завода Г.П. Колпашников изложил воспоминания о случае, имевшем место в августе 1939 г. в районе боев у р. Халхин-Гол. Будучи тогда начальником особого отдела одного из советских подразделений, он был вызван ночью в место расположения монгольской кавалерийской части, где имело место чрезвычайное происшествие: часовые заметили два силуэта, спускавшихся по гребню горы, сделали необходимые предупреждения, затем, полагая, что это японские разведчики, открыли стрельбу и наповал убили обоих. Каково же было их изумление, когда убитые оказались какими-то обезьяноподобными существами. При-

быв рано на рассвете на броневике к месту происшествия и рассмотрев два валявшихся на земле скорченных трупа, Г.Н. Колпапшиков, по его словам, «почувствовал какую-то неловкость, что убитые не враги, а какие-то два животных существа странного вида. Конечно, — продолжает он, — в то время я совершенно не слышал ничего о «снежном человеке», и я не утверждаю, что это были именно «снежные люди». Но вместе с тем мне было известно, что в МНР нет человекоподобных обезьян, и я тогда задумался, как и другие, над вопросом: кто же это?» Ответа не было. Только один старик-монгол из местных жителей, подозванный монгольскими переводчиками, сказал, что это — так называемые «дикие люди» (или, может быть, «горные люди»), водящиеся в этих краях. Из-за какого-то суеверия старик боялся близко подойти к трупам. По словам Г.Н. Колпашникова, убитые существа были примерно человеческого роста. Тело их было покрыто рыже-бурой шерстью, причем неравномерно, местами несколько гуще, местами же проступала кожа. Запомнились густые спадавшие волосы на лбу и бровях. Лицо, говорит Г.Н. Колпашников, «было похоже на очень грубое человеческое лицо». Позже, уже на банкете по поводу вручения орденов в столице МНР, кто-то из советских офицеров рассказывал в присутствии Г.Н. Колпашникова о том же случае, очевидно побывав на месте происшествия раньше или позже него... Однако время было военное, шел бой, для углубления в естественно-исторические вопросы или отправки трупов животных в центр для исследования не было никакой возможности. Что могло привести этих животных в район боев? Упомянутый монгол-старик говорил, что в здешних горах живут такие «дикие люди». В те дни стояла жара в 40 – 45°, над районом боев держался сильный трупный запах. Вот все, что мы можем сказать...(ИМ, IV, №124)

Имеется и совершенно независимое сообщение М.Х. Таирова из г. Харбина, которое надо поставить в связь с предыдущим. На приложенной им карте был указан район, примыкающий к Большому Хинганскому хребту, очерченный реками Хаилар, Халхин-Гол, Тор-Гол, Чол, в пределах которого, согласно неоднократно слышанным им рассказам монголов, подчас вечером некоторые люди, имеющие репутацию вполне честных, якобы видели волосатого человека. «Волосатый человек» — такой же большой, как человек и даже больше человека, но отличается огромной силой и крепким телосложением; покрыт волосами темного цвета, это не медведь, а именно человекоподобный, так как ходит на двух ногах (ИМ, IV, №125).

Если это сообщение относится к отрогам Большого Хингана, то на отроги Малого Хингана, покрытые густыми непроходимыми лесами, указало нам письмо инженера В. Широколобова: он слышал, что в 1953 г. в Тайюаньском районе Манчжурии, где-то в высокогорной местности в стороне от станции И-Сюнь, было убито охотниками человекоподобное существо, огромного роста, обросшее шерстью, хотя лицо и руки были гладкие. В 1954 г. на станции И-Сюнь местный старый опытный китайский охотник, всю жизнь проживший и промышлявший в этом районе, рассказал В. Широколобову, что несколько лет назад он набрел на следы гораздо большего размера, чем могут быть у человека, но вполне человеческой формы, с пятью пальцами (ИМ, III, №93)

Эти сведения, относящиеся к Большому и Малому Хингану, к горной, покрытой тайгой части Манчжурии, пока еще очень немногочисленны. Но вот перед нами свидетельство одного из немногих натуралистов, которому посчастливилось своими глазами видеть, может быть, то самое человекоподобное животное, которое мы изучаем, причем видеть не на воле и не мельком, а в прирученном состоянии, подтвердив тем самым и многочисленные изустные сообщения о возможности его приручения и даже хозяйственного использования человеком. Этим наблюдателем был Н.А. Байков, сочетавший в себе охотника, зоолога и писателя, посвятивший всю свою жизнь познанию и описанию маньчжурской тайги. Наблюдение его записано и опубликовано много лет тому назад, когда еще в печати и слуху не было о «снежном человеке», да и сам Н.А. Байков не ставит его ни в какие связи и сравнения, никак не объясняет.

Еще до 1914 года, глубоко в тайге, в горах и лесах Южной Манчжурии, где-то далеко в стороне от города Нингута Н. Байков и его спутник — промышленник Бобошин в хижине охотника-маньчжура по имени Фуцай увидели прирученного звероподобного человека. О том, каким образом появился он у Фуцая, Бобошин сообщил не очень правдоподобные, во всяком случае противоречивые сведения. Якобы осенью лет двадцать назад Фуцай нашел мальчика уродца в волчьей берлоге и взял его себе в фанзу. Затем якобы выяснилось, что это его племянник — сын его брата, родившийся полумертвым, выброшенный за забор и унесенный волками. Мать якобы сразу узнала сына в этом Лан-жене (Волк-человек), когда его привозили в Нингуту. По правде сказать, все это совершенно немыслимо. Во всяком случае Лан-жень

с детского возраста жил в фанзе Фуцая, отлично ловил птицу и зверя, особенно ловко — белок и рябчиков, тушки которых он пожирал сырыми. Н. Байков дает яркое описание этого получеловека очень маленького роста, сутулого (что важно для диагностики!), одетого в какие-то лохмотья. «На голове у него спутанные и всклокоченные волосы образовали шапку. Лицо его, красно-бурого цвета, напоминало морду хищного зверя; сходство это еще увеличивалось открытым большим ртом, в глубине которого сверкали ряды крепких зубов с острыми выдающимися клыками. Увидев нас, он присел, опустив свои длинные волосатые руки с крючковатыми пальцами до полу, и замычал каким-то диким звериным голосом. Дикие, почти безумные глаза его горели в темноте, как у волка. На замечание хозяина он опять ответил рычанием и отошел в сторону к наружной стене, где и улегся на полу, свернувшись калачиком, как собака... Я долго наблюдал за странным существом, получеловеком и полузверем, и мне казалось, что звериного в нем было больше, чем человеческого. Несмотря на то, что возраст его был еще юношеский (это нельзя считать достоверным, ибо рассказ о его рождении и родстве с Фуцаем может быть вымыслом. — *Б.П.*), на вид ему можно было дать гораздо больше, так лет за сорок». Далее Н. Байков продолжает рассказ: «... В это время Лан-жень, лежавший в углу на полу, зарычал во сне, как это часто делают собаки: приподнял свою косматую голову и зевнул, открыв широкую пасть и сверкая острыми клыками. В этот момент он был до того похож на зверя, что Бобошин не удержался и проговорил: «Вот, прости господи, народится же такое чудовище! На человека-то и вовсе не похож! А если б ты видел его в тайге, то испугался бы: волк, да и только! Все повадки волчьи, и ходит не по-человечески. Руки у него длинные и он часто опирается ими в землю и идет на четвереньках, в особенности тогда, когда выслеживает зверя. А по деревьям лазает не хуже обезьяны! Белка от него не уйдет, если он отрежет ей дорогу в дупло. Да и сила в нем звериная, даром, что маленький и щуплый. Представь, и собаки его боятся, как волка. Он их тоже не любит, рычит и скалит на них зубы. Под Новый год Фуцай берет его с собой в Нингуту. Все собаки в городе всполошатся, лают и воют по ночам, когда этот выродок там. А на улице ему прохода не дают. Но ни одна собака ему не попадайся: задушит сразу и перекусит ей горло. А так, он добродушный парень и покладистый, из кожи лезет, чтобы помочь кому-нибудь...»

Ночевка Н. Байкова завершилась наблюдением над ночной перекличкой Лан-женя с волками. Разбуженный Бобошиным, он вышел вслед за выскользнувшим из фанзы Лан-женем. Луна оза-

ряла тайгу и заснеженные горы. Притаившись в тени навеса, Байков и Бобошин наблюдали присевшего на корточки под кедром и поднявшего кверху голову Лан-женя, который издавал вой, в точности подражавший протяжному вою красного волка. Во время вытья он вытягивал нижнюю челюсть и, по мере понижения звука, опускал голову почти до земли, совсем так, как это делают волки. С ближайшей сопки ему отвечали таким же воем звери, причем, когда они ненадолго замолкали, волк-человек усиленно подзывал их своим воем. Вскоре на поляну вышли три волка и осторожно, временами приседая, стали приближаться, а Лан-жень пополз им навстречу. Своими движениями и воем он удивительно точно подражал волкам. Звери подпустили его к себе шагов на пять, после чего медленно побежали обратно к лесу, иногда останавливаясь и оборачиваясь, а Лань-жень, поднявшись с четвереньек, сначала шел, затем быстро побежал за ними и скрылся в тайге. По словам Бобошина, «Бог его знает, что он делает по ночам в лесу; этого никто не знает, даже Фуцай и тот не скажет, даже если знает». Утром, продолжает Н. Байков, чуть свет явился из тайги Лан-жень, все такой же дикий и несуразный на вид и непонятный. Сев за еду, Фуцай подал ему тушку ободранной накануне белки. «Тот схватил ее обеими руками, поднес ко рту и начал ее есть с головы, причем кости хрустели на его крепких зубах, как соломинки. Разрывая мясо руками и с помощью передних резцов, он ворчал от удовольствия. ...В это время он сидел на полу, поджав под себя ноги, и, слушая наставления Фуцая, касающиеся обхода ловушек, отвечал ему глухим мычанием и киванием головы. Быстро уничтожив белку и облизываясь, Лан-жень подошел к котлу и, зачерпнув из него сырую воду ковшиком, выпил ее залпом...» (Байков Н.А. Человек-волк // Сказочная быль. Тяньзинь, с. 143-151.).

Невозможно поручиться за полную достоверность всей этой записи. Если она точна, в ней, может быть, запечатлелся предельный и редкий случай приручения и дрессировки изучаемого нами реликтового гоминоида (ибо версия о мальчике, выкормленном волками, в данном случае менее вероятна). Мы располагаем довольно большой серией старинных и современных сообщений о случаях приручения таких существ и об использовании охотниками их поразительной адаптированности к контактам с разнообразной лесной фауной. Соответственно фольклор именует их «повелителями зверья», «покровителями охоты» и т.п. Сообщение, что охотник Фуцай делал этому человекоподобному животному какие-то замечания и наставления, не может дезавуировать рассказ Н. Байкова, даже если это не субъективная иллюзия наблюдателя: ведь мы в быту нередко говорим с домашней собакой, соба-

ка, хотя ее мозг бесконечно ниже мозга гоминида, способна различать и выполнять очень сложные словесные команды.

Мы уже давно перешли с территории Монгольской Народной Республики обратно на территорию Китайской Народной Республики. Проследуем по ней теперь на юго-восток и замкнем круг нашего обзора на юге провинции Шэньси, в районе хребта Циньлин-Шань. Этот хребет является в известном смысле продолжением хребта Нань-Шань, к которому, как мы помним, относится не малое число данных о «диком человеке». С другой стороны, хребет Циньлин-Шань тесно связан и с Сино-Тибетскими горами (Сычуанскими Альпами), примыкающими к Восточному Тибету и в то же время к горной системе западной части провинции Юньнань.

Коренной житель провинции Шэньси, а ныне председатель правительства этой провинции, Чжао Шоу-шань, рассказал, что давно, лет сорок назад он лично видел «жень-сю» (т.е. «человека-медведя», «дикого человека») в горах Циньлин-Шань, но не вблизи — сам он находился на одной вершине, а «жень-сю» на другой. В другой раз охотник, убивший «жень-сю» и снявший с него шкуру, показывал лично Чжао Шоу-шаню эту снятую шкуру. Вообще жители Циньлин-шаня хорошо знают это существо, рассказывают, что оно живет не стадно, а рассеянно, что оно лишено речи, но, как говорят, может смеяться и плакать. Рассказывают, что однажды один охотник оказался совсем вблизи от него и тогда оно положило ему на плечи свои руки с длинными ногтями и начало довольно смеяться. Рассказывают, что в недавнее время там была похищена этими существами одна женщина-тибетка, которая только через два года была случайно найдена китайским военным патрулем (ИМ, II, № 41).

Не может быть никакого сомнения, что когда известный китайский историк проф. Хоу Вай-лу рассказывал нам о человекоподобных диких существах, живущих в горах Циньлин-шань и издревле известных населению, он говорил о тех же самых существах. Существование их, говорил он, не подлежит никакому сомнению. До народно-демократической революции жители южных районов провинции Шэньси не считали их людьми и охотились на них; оставшихся в живых и захваченных приручали, их использовали как рабочую силу для несложных работ. По личному мнению проф. Хоу Вай-лу, это было не гуманно, он приравнивает захваченных пленников к рабам и думает, что они являются потомками племени или народа эпохи Западного Чжоу (X – VIII в. до н.э.), оттесненного в горы окрестным населением и одичавшего. Однако, сообщенные проф. Хоу Вай-лу конкретные сведения

заставляют сближать этих «диких людей» хребта Циньлин-Шань не с людьми, а с описываемыми нами человекоподобными приматами. Правда, проф. Хоу Вай-лу, рассматривавший одного из них, не заметил в строении тела существенных отличий от людей, однако это может в немалой мере объясняться субъективной установкой наблюдателя: фиксируется ли внимание на чертах сходства или чертах различия с человеком. Так, проф. Хоу Вай-лу отмечает, что на теле этих «диких людей» волосатость значительно сильнее, чем у людей, но полагает, что это можно объяснить тем, что они живут голые в холодном высокогорье. Гораздо важнее фактические данные: они не имеют никакой одежды, жилища, питаются сырьем, а именно сырым мясом и дикими плодами, ничего не известно об использовании ими каких бы то ни было примитивных орудий. Особенно существенно, что они не имеют никакой речи, никакого языка.

Проф. Хоу Вай-лу не сомневается, что и сейчас в горах Циньлинь-Шань обитает еще некоторое количество таких «диких людей». Свидетельство этому — то, что он сам в 1954 г. видел в горном селении одного из них, выловленного с помощью традиционного приема охоты на них: на склонах горы раскладывают в нескольких местах куски красной материи, которые привлекают внимание и любопытство этих существ. Пленник, которого наблюдал проф. Хоу Вай-лу, был выловлен, несомненно, уже несколько лет до того, — он был приручен, выполнял некоторые простейшие работы по соответствующим приказам. Но самое интересное в наблюдениях проф. Хоу Вай-лу над этим существом, пожалуй, то, что, хотя он не обладал никакой речью, его удалось в конце концов выдрессировать воспроизводить несколько самых простых китайских слов (ИМ, II, №45).

Глава 7

К ЮГУ ОТ ВЕЛИКОГО ГИМАЛАЙСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

Мы возвращаемся в ту географическую область, которую в большей части литературы еще принято считать «классической» для изучения проблемы «снежного человека».

В главе 4 мы уже сделали обзор многих исследований, произведенных в 60-х гг. в землях, лежащих южнее Китая, — преимущественно в Непале и Сиккиме. Поэтому нет надобности повторять подведенные там итоги изучения одного из важных источников и следов на снегу. Здесь достаточно лишь напомнить, что

исследования в указанной географической зоне дали не только описательный материал, обзором которого мы сейчас заняты, но и некоторое, хоть и небольшое число вещественных данных, которые либо были охарактеризованы выше, либо будут предметом специального анализа в одной из последующих глав. Перечислим лишь кратко, что эти вещественные данные распадаются на следующие группы: 1) серии фотографий, слепок, а также зарисовки и описания следов на снегу, 2) фотографии и образцы волос, 3) серии фотографий, образцы высушенных кожных и мышечных тканей и волос, снятые с мумифицированной кисти руки из монастыря Пангбоче.

К этому списку можно добавить лишь имеющиеся указания на некоторые другие вещественные останки «йе-ти», которые, может быть, еще удастся разыскать и обследовать в Непале. Проф. В.Н. Рерих сообщил, что у одного тибетца, проживающего в Калимптонге, который в прошлом служил в пограничном ведомстве, хранится кусок шкуры этого «дикого человека». Кусок вырезан якобы со спины. Обладатель показывал его и Ю.Н. Рериху: это, по словам последнего, шкура с довольно густой, но не длинной шерстью коричневой масти, явно отличающаяся от шерсти медведя и лангура. Кроме того, Ю.Н. Рерих слышал от шерпов и от индийских зоологов, будто в одном монастыре на северо-западе страны, среди других диковинных предметов, хранится не скальп, а черепная коробка (краниум) «снежного человека» (ИМ, I, №16, стр.66).

Весьма любопытно сообщение сделанное директором Непальского государственного музея (г. Катманду) проф. Чандра Ман Маскей во время посещения Москвы в июне 1958 г. Застигнутый, можно сказать, врасплох расспросами о «снежном человеке», которым он никогда специально не занимался, Чандра Ман Маскей ответил, что в распоряжении Непальского государственного музея имеется фотография мумифицированного трупа детеныша «снежного человека». Фотография была снята с этой мумии, находившейся в Музее всего несколько дней, а владельцем ее является частное лицо, проживающее в г. Катманду. Мумия была получена им «с другой стороны Гималаев», т.е. из Тибета, она хранится в особом ящичке и засыпана сахаром для дезинфекции. Труп принадлежит ребенку, может быть новорожденному, бесспорно мужского пола. В ссохшемся состоянии он имеет всего 20–23 см в длину (что, по заключению советских специалистов, может соответствовать длине мумифицированного вне жидкости трупа новорожденного). Кожа мумии темно-коричневого цвета, без волос. На лице очень маленькие впавшие глаза. Руки непропорцио-

нально длинны сравнительно с фигурой современного человека. Общее впечатление проф. Чандра Ман Маскей: труп напоминает не обезьяну, и не современного человека, а скорее доисторического человека (ИМ. II. №38).

Это последнее сообщение было полностью опровергнуто в 1960 г. проф. Коррадо Джини (Италия), специально посетившим Непальский государственный музей в Катманду для ознакомления с мумией «бэби-сноумена». Ему показали некое изображение, абсолютно исключающее реально-биологическое происхождение. Несмотря на это, я счел возможным воспроизвести здесь рассказ г-на Чандра Ман Маскей: не один раз в истории изучения нашей темы вещественные материалы, о которых удавалось случайно узнать, затем оказывались подмененными чем-то другим. Я, конечно, не утверждаю, что так было и в данном случае.

А сейчас надлежит дать обзор описательных материалов, собранных в странах, лежащих на южных склонах и к югу от Гималайского хребта.

Отметим любопытное сообщение двух американцев, Джорджа Мура и Джорджа Брукса, впервые опубликованное недавно в книге А. Сэндерсона, но относящееся к июню 1953 г. Спускаясь с перевала по дороге в Катманду, они оказались в лесу среди густого тумана и внезапно были крайне перепуганы чудовищными голосами и криками, раздавшимися совсем неподалеку. Звуки донеслись с разных сторон, из чего путники поняли, что они как бы окружены. Вдруг один из них, доктор Джордж Мур увидел выступившее из тумана отвратительное лицо, которое, по его словам, он никогда не забудет: сероватая кожа; нависшие черные брови; растянутый чуть не до ушей рот; длинные желтоватые зубы, оскаленные, с заметными верхними клыками; запавшие маленькие глаза. Затем показалась и вся фигура животного: оно имело около 5 футов (150 см) роста; шло сутулясь, как пещерный человек, на двух волосатых ногах; руки выглядели темными, а тощее, хотя и мускулистое тело, было грязным и серым. Вслед за этим индивидом из тумана к путникам приближалось еще 6–7 особей. У одной на шее был ребенок. Схватившись за ружья, путники дали выстрелы в воздух, что остановило животных и обеспечило возможность отступления (Sanderson I.T. Op. cit, p. 245 – 248; Сандерсон А. Т. Op. cit, с. 378 – 387).

Обзор показаний шерпов стоит начать с некоторых обобщений, сделанных главным образом на основе этого материала экспедицией Иззарда в 1954 г. С полным правом Иззард призывает отнестись серьезно к показаниям шерпов. «Основываясь на моем довольно обширном опыте общения с народами Азии, я со своей

стороны готов утверждать и я уверен, что всякий путешественник по Гималаям безусловно согласится со мною, — что шерпы столь же понятливы, как и мы, обладают таким же логическим и, возможно, даже более трезвым умом. Многие из этих людей проводят большую часть жизни в горах, с детских лет присматривая за своими стадами, бродящими по отдаленным равнинам и склонам; если принять также во внимание их очень мало эмоциональный характер, то должно быть ясно, что пренебрегать сведениями, которые можно получить от них, было бы совершенно так же глупо и вредно, как сомневаться в рассказах лесничего из Северной Шотландии о благородном олене или суссекского пастуха о повадках зайца... Существование «йе-ти» было для всех бесспорным фактом, многие видели его и считают самым обыкновенным животным, наряду с волками, барсами, дикими козлами и другими зверями, живущими в здешних горах. Когда выражали сомнение в существовании йе-ти, на нас смотрели с сожалением» (Иззард P. Op. cit., приложение: «Проблема Йе-ти», с. 211–212). «Ни разу у меня не возникло ни малейшего подозрения, что мои собеседники говорят то, что я хотел бы услышать, или же выдумывают интересную историю мне в угоду» (Иззард P. Op. cit., приложение: «Проблема Йе-ти», с. 211–212). «Мы усиленно расспрашивали жителей десятка деревень, расположенных в разных концах страны шерпов. Их рассказы были логичны и лишены всяких противоречий... Пытаясь воссоздать по рассказам внешний вид животного, мы отбрасывали все сведения, полученные нами из вторых или третьих рук, и принимали во внимание только описания людей, утверждавших, что они видели его сами. Не прошло и нескольких недель, как выяснился поразительный факт: независимо от того, где, когда и при каких обстоятельствах шерпа, по его утверждению, видел йе-ти, все описания давали в точности одну и ту же картину... Мы установили, что среди местных жителей ходят весьма правдоподобные рассказы о неизвестном животном, что существует большой неисследованный район, где оно могло бы жить, и что там имеется растительная и животная пища... И другое заблуждение в отношении йе-ти начало рассеиваться. Одним из главных доказательств его существования являлись загадочные следы, виденные на снегу в нескольких районах Гималаев, отсюда возникло совершенно ошибочное представление об этом животном как об обитателе зоны вечного снега. В действительности дело заключается попросту в том, что в течение всей зимы в тех районах регулярно выпадает снег, а человек, звери и птицы, как и в любом другом месте с холодным климатом, оставляют на снегу следы, если им приходится ходить по нему. Все

шерпы единодушно считают, что йе-ти живет среди камней... Это не пустынная зона, а альпийская страна с карликовыми кустарниками, с цветами и травами; и населена она немалым количеством птиц и млекопитающих. Если где-нибудь удастся обнаружить йе-ти, то только там, и именно там, по единодушному мнению шерпов, и находится его убежище... Климат там не препятствует жизни других крупных млекопитающих, пища имеется в изобилии; значительная часть этой области кишит пищухами, — маленькими животными, несколько похожими на морских свинок; как шерпы, так и тибетцы считают пищух основной пищей йе-ти, пополняемой насекомыми (летом) и, вероятно, корнями, побегами и листьями альпийских растений» (Ibidem, стр.213–214).

Эти выписки из выводов экспедиции Иззарда в конце концов показывают все огромное познавательное значение как раз собранного опросного, иначе говоря, устного описательного материала. Изучение же следов, как мы видели, при всей своей ценности, способно дать не столько самостоятельные биологические результаты, сколько контрольные факты для сопоставления с рассказами жителей.

КАШМИР

Западнее «классической» территории, т.е. горных районов Непала и Сиккима, а именно в северной части Соединенных провинций Индии и в штате Кашмир и Джамму сведения систематически еще не собирались.

Однако кое-какие сообщения населения о «ванманас» (диком волосатом человеке) записаны в этих областям, в частности, в Кашмире. Многие крестьяне, живущие в долине р. Бхиланганы в районе Техри Гархвал, утверждают, что они видели этих странных животных, а также их следы. Один крестьянин, который, по его словам, видел самку и детеныша, говорит об их длинной серовато-бурой шерсти. Однажды кашмирские пандиты, согласно их рассказу, застали врасплох волосатое существо, которое вынимало рис из горшка и ело его; увидев их, это существо убежало. Сообщалось, что один «ванманас» был убит гуджарами из Раомерга близ Гангабала в Кашмире, но подробного описания тела не удалось получить. Среди гуджаров в области Наранг в Кашмире записаны и рассказы о похищении «ванманасами» людей, лишь в трудом возвращенных земляками (ИМ, III, № 99).

Наиболее подробные сведения по Кашмиру собрала и передала в 1959 г. Одетте Чернин общественная деятельница Мира Бен (Мадлен Сайд), английская последовательница Махатмы Ганди.

Она сообщила, что в 1951–1952 гг. снежного человека» видели на расстоянии 500 миль на запад-северо-запад от Эвереста. Крестьяне в Гархвале (Garhwal) передавали тогда сведения о следах «йе-ти», найденных на высоте 4–7,5 тыс. футов, то есть значительно ниже линии снегов.

Один старик, делавший какую-то работу вблизи коровника, при свете луны отчётливо видел «снежного человека» на склоне горы. Это существо было очень высокое «вроде гигантского человека с широкими волосатыми плечами, как будто он был одет в мохнатую шубу», — таковы подлинные слова этого наблюдателя. На следующий день он видел следы. Другой человек утверждает, что видел некое существо, стоявшее прямо, вокруг него бегало другое, несколько меньшее по размеру, представлявшее собой как бы уменьшенную копию первого.

Мира Бен возобновила сбор сведений в 1954–1955 гг. Она получила их, организуя главное управление Кашмирского скотоводства, здания которого были расположены на высоте около 6 тыс. футов. Визуальные наблюдения над «снежным человеком» отмечались на высоте 4–5 тыс. футов и еще выше. Крестьяне рассматривали факт редких появлений «йе-ти» как не требующий доказательств и были совершенно убеждены в его реальности, когда их расспрашивали. Именно в то время, когда Мира Бен была в районе Гархвала, она и услышала о старике, который видел «йе-ти» при лунном свете, на склоне горы. Это случилось на расстоянии приблизительно 26 миль от Техри, недалеко от реки Бхиланганы или Белунг (приток Ганга). Крестьянин описал свое мимолетное впечатление в нескольких словах: он видел что-то «большое, черное и мохнатое». Относительно второго свидетеля, который видел фигуру йе-ти в сопровождении другой, меньшей по размеру, Мира Бен сообщила, что это произошло за пять лет до того. Это существо было женского рода, второе, маленькое, существо бежало рядом.

Фотографии следов, сделанные Эриком Шиптоном в Гималаях в 1951 г., Мира, Бен показывала крестьянам и они безошибочно узнавали их. Они говорили, что видели такие же следы не только на снегу, но и на свежевспаханных полях. Один из крестьян сказал, что видел подобные следы на куче золы. Все эти следы видели в Гархвале на высоте приблизительно 4 тыс. футов. Все рассказы, как правило, очень походили друг на друга. Один человек, который был солдатом в индийской армии во время бирманской кампании, рассказал Мире Бен следующее: «Я видел «снежного человека» однажды. Я смотрел на склон горы и вдруг заметил существо с длинной рыжей шерстью, которое отдыхало на солнышке. Я испугался и бросил в него камнем, тогда «парень» убежал».

Население этих районов говорит о «снежном человеке», как об особом виде людей. Мира Бен беседовали с кашмирскими кочевниками гуджарами. Они утверждали, что видели йе-ти, как мужского, так и женского пола. Мира Бен встречала этих кочевников на высоте 6,6 тыс. футов. Гужары и другие горные племена из этих районов называют йе-ти «ван-манас».

За два года до того, как Мира Бен возобновила свои поиски йе-ти, «ван-манас» похитил одну женщину из племени гуджаров. Пастухи преследовали его по пятам через ущелья и добрались до пещеры. Вход был закрыт большим камнем. С большим трудом камень удалось отвалить от входа, «мохнатого человека» загнали в угол и убили; женщина осталась невредима. Когда Мира Бен услышала этот рассказ, она захотела побеседовать с кем-нибудь из участников самого происшествия. Ей ответили на эту просьбу: «Мы, конечно, можем найти их и привести к вам, чтобы вы могли расспросить их. Но, уверяем вас, они ничего нового вам не расскажут, потому что вы прибыли издалека и, конечно, как-то связаны с правительством». Когда она спросила, почему они боятся этого, ей ответили, что опасаются, как бы пастухов не обвинили в убийстве человека.

«Когда я поднималась со стадами на высокогорные луга, на высоту 8 тыс. 600 футов, — продолжает свой рассказ Мира Бен, — мы начали копать канаву для воды в двух милях от нашей стоянки с тем, чтобы сохранить воду от весеннего паводка для скота. Однажды на расстоянии приблизительно одной мили от загонов, человек, который наблюдал над тем как рыли канал, встретился лицом к лицу с «ван-манасом». «Волосатый человек» стоял, разглядывая свежевскопанную землю, как бы удивленный таким вторжением в его неприступные владения. Надсмотрщик испугался и, заложив пальцы в рот, громко свистнул, призывая на помощь рабочих. Услыша этот звук, «ван-манас» оглянулся, перескочил через свежевырытую канаву и исчез в лесу».

Мира Бен при каждой беседе просила дать внешнее описание «ван-манаса». Опрошенные ею люди утверждали, что анфас его лицо производит впечатление настоящего человеческого лица. Один человек из Кашмира, когда Мира Бен спросила его, внезапно указал на фотографию какого-то бизнесмена в газете, которая случайно оказалась на столе, и сказал: «Вот — «ван-манас» как раз похож на него». Когда делались попытки установить, что же это за существо, гуджары неизменно отвечали: «ван-манас» не медведь и не большая обезьяна и он не ходит опираясь на суставы пальцев, как некоторые говорят».

«Единственный путь установить истину о нашем снежном человеке, это подойти к вопросу осторожно, — говорит Мира Бен, — и не устраивать вокруг него столько рекламы и шума. Только бесконечным терпением можно добиться успеха. Снежный человек не является курьезом, который следует, если он действительно существует, убить или поймать. Орудием охоты должна быть фотокамера. Йе-ти — это дикие существа, которые пугаются всего неизвестного; они чуют пришельцев и остро реагируют на всё опасное и неизвестно, что те приносят с собой». Мира Бен считает, что лучшим способом подвинуть вперед поиски йе-ти является организация небольших групп из местного населения. «Это должны быть люди из местных жителей, известных йе-ти по запаху. Их следует обучить обращению с фотоаппаратом. Тогда, быть может, после терпеливого ожидания под прикрытием веток в течение многих ночей, и может быть достигнут какой-нибудь результат» (Tchernine O., op. cit., p. 134–139).

НЕПАЛ И СИККИМ

Но, разумеется, неизмеримо обильнее опросный материал, собранный среди горцев Непала. Однако, когда знакомишься с ним, нельзя не обратить внимания на две особенности собранных здесь рассказов. Во-первых, среди них вовсе или почти вовсе не встречается упоминаний о детенышах, так же как и очень мал процент упоминаний о самках. Во-вторых, только тут распространены и даже довольно часто встречаются представления о двух или даже трех видах «йе-ти», различаемых как по названиям, так и по росту — от гигантов чуть ли не трех метров вышиной, которых, впрочем, почти никто своими глазами не видел, до совсем небольших, с четырнадцатилетнего подростка, т.е. не более 1,2 м. Невольно возникает предположение: не окраина ли это области миграций «снежного человека», куда по той или иной биологической причине, может быть в определенные сезоны, приходят, перевалив через Гималаи, преимущественно взрослые самцы и подростки? Во всяком случае в Непале и Сиккиме, по-видимому, невозможно предполагать очаг размножения «снежного человека».

Из записей рассказов местного населения, произведенных в этих местах, напомним прежде всего те, которые были сделаны еще до экспедиции Иззарда 1954 г.

В 1953 г. Дж. Хантом был записан рассказ настоятеля монастыря Тьянгбоче о появлении «йе-ти» под стенами этого монастыря. Следует предупредить, что это не тот случай наблюде-

ния «йе-ти» группой шерпов в этом же самом месте, который был приведен выше (см. стр.54). Рассказ настоятеля монастыря Тьянгбоче был подвергнут контрольным записям, и все сообщенные им подробности совпали. Вот запись Дж. Ханта: «Взглянув через окно на луг, где стояли наши палатки, он очень красочно описал, как несколько лет тому назад, в зимнюю пору, когда земля была покрыта снегом, из окружающих зарослей появился йе-ти. Этот зверь, передвигавшийся большими прыжками, иногда только на одних задних лапах, а иногда и на всех четырех, был ростом около полутора метров и покрыт серой шерстью... Йе-ти остановился почесаться, затем подхватил комок снега, поиграл им и немного поворчал... Тем временем население монастыря пришло в сильное возбуждение, и было решено прогнать непрошеного гостя (Стонор добавляет: монахам показалось, что зверь тоже наблюдает за ними (Стонор Ч. Op. cit., с. 150)). Монахи затрубили в раковины и длинные рога, — йе-ти вперевалку затрусил в кусты» (Хант Дж. Восхождение на Эверест. М., 1956, с. 98–99).

Напомним и некоторые сообщения прославленного покорителя Джомолунгмы (Эвереста) — Тенцинга Норкея. По его словам, он слышал о «йе-ти» с самого детства, на его родине Соло Кхумбу о них много рассказывали. Мальчиком он иногда находил на каменистых склонах и ледниках помет неизвестного животного, содержавший остатки грызунов, и был уверен, что это помет «йе-ти». Следы «йе-ти» он видел дважды за свою жизнь: в 1946 г. на леднике Зему и в 1952 г. у подножья Эвереста. Чрезвычайно интересны переданные Тенцингом рассказы его отца, честность которого он подчеркивает. «Впервые он встретился с этим странным животным на р. Барун, около горы Макалу, недалеко от Тса-чу, где я родился. Он столкнулся с ним неожиданно и так близко, что видел его совершенно отчетливо, йе-ти напоминал большую обезьяну с той только разницей, что у него были очень глубоко лежащие глаза, а голова заострялась к макушке. Тело животного покрывала сероватая шерсть, причем росла она очень примечательным образом: выше пояса — вверх, ниже пояса — вниз. Это была самка с отвислыми грудями, ростом около 1,2 м. Она передвигалась на задних конечностях, придерживая груди передними. Отец, конечно, испугался, но йе-ти тоже. Зверь вдруг круто повернул и стал карабкаться вверх по крутому склону, издавая резкий свист, затем скрылся. После этого отец долго ждал беды, потому что многие утверждают, будто увидевший йе-ти должен вскоре умереть. Отцу, однако, повезло, он не умер. Но, по его словам, он болел после этого случая почти целый год. Второй раз отец Тенцинга встретил «йе-ти» в 1935 г., на этот раз за

перевалом Нангпа-ла в области Ронгбук, т.е. уже не в Непале, а в Тибете. Ему случилось заночевать в одиночестве в одном из промежуточных лагерей альпинистской экспедиции. По его рассказу, на рассвете он услышал пронзительный свист и, выглянув из палатки, довольно близко увидел йе-ти, который шел по леднику в направлении с юга на север. Отец Тенцинга неподвижно простоял на месте до тех пор пока «йе-ти» не спустился по леднику и не скрылся из виду. Передает Тенцинг и слова одного из носильщиков Эверестской экспедиции, натолкнувшегося на «йе-ти» по близости от того места, где несколько ранее были замечены его следы. «По его словам, «йе-ти» был ростом около полутора метров, покрыт густой коричневой шерстью и передвигался на задних лапах. Голова заострена кверху, широкие скулы, мощные челюсти, которые «йе-ти» угрожающе оскалил, тараща глаза в упор на носильщика, словно собирался напасть на него. Потом йе-ти вдруг зашипел, повернулся, убежал и больше не показывался… Собственно, — заключает Тенцинг, — слова носильщика подтвердили уже сложившееся у меня впечатление, что йе-ти — большая горная обезьяна». «Хотя я и не могу доказать этого, — говорит Тенцинг в другом месте, — я уверен, что йе-ти существуют. Думаю, что это зверь, а не человеческое существо, что он выходит из своего логова только по ночам и кормится растениями и мелкими животными, обитающими на высокогорных лугах, скорее всего это обезьяна еще неизвестного вида» (Тенцинг. Тигр снегов. М., 1957, с. 33, 77–79, 183).

Большой интерес представляют опросные сведения, которые собрал в тех местах русский ученый проф. Ю.Н. Рерих. «В моя бытность в Гималаях, — а я прожил там с 1923 г. не мало лет, говорит он, — мне пришлось расспрашивать как тибетцев, так и шерпов и другие народности, населяющие эти края, об этих «снежных людях», как их теперь называют в литературе. Все сходятся на том, что там что-то подобное действительно есть». Среди шерпов существует определенное мнение, говорит Ю.Н. Рерих, что на грани снежной линии на южном склоне, на высоте 5 – 6 тыс. м. живет какое-то человекоподобное существо. Они его называют «йе-ти», тогда как в тибетской литературе и в тибетских устных преданиях это существо называется «ми-гё» («дикий человек»). По описанию, которое дают шерпы, это довольно крупного вида обезьяна, высотой в стоячем положении свыше 5 ф., (свыше 150 см). Покрыта она довольно густой, но не длинной шерстью коричневого цвета; живет, по-видимому, в высокогорных хвойных лесах, где попадаются рододендроны; питается плодами, ягодами, кореньями, по-видимому, никогда не нападая на людей или

крупных животных. Его видели на значительном расстоянии ходящим наподобие человека, а не на четвереньках, как обезьяна. Передают, что присутствие этого существа часто выдает совершенно определенный свист. Ю.Н. Рерих ссылается, в частности, на свидетельство бывшего британского торгового агента в Гьянгце и в долине Чумби, некоего Макдональда. По словам последнего, ему неоднократно приходилось слышать этот характерный свист в районе высокого хребта Дронкьяла, и когда он спрашивал у своих проводников, что это такое, они отвечали, что свистят «дикие люди». Ясно только одно, продолжает Ю.Н. Рерих, что по склонам Главного Гималайского хребта видимо обитает какое-то существо, возможно человекоподобная обезьяна, которая еще науке неизвестна; слишком уж повторны и слишком определенны эти сообщения населения, чтобы просто допустить, что речь идет о фольклоре. Для всех людей, которые живут там в высокогорных условиях, наличие этого существа совершенно бесспорно. Те, кто слышал упомянутый свист, определенно говорили, что при приближении это существо издает такой звук. Шерпы и другие племена, которые живут в этих районах, отлично знают медведя, отличают его на большом расстоянии и поэтому никак не могли бы сказать про медведя то, что они в данном случае определенно и упорно говорят: что это дикий человек или человекоподобная обезьяна. Сообщается, наконец, что при встрече с человеком это существо, как, впрочем, и большинство других диких животных, уходит (ИМ, I, № 16).

Приведем, далее, выводы австрийского этнографа проф. Небески-Войковица. «Знаменательно, пишет он, что высказывания тибетцев, шерпов и лепча о том, как выглядит «снежный человек», совпадают. Согласно их описанию, приметы этого обитателя Гималаев, которого так настойчиво ищут, таковы: рост до 2,1–2,3 м., когда он стоит на задних конечностях. Сильное, обросшее темно-коричневою шерстью тело, длинные руки, яйцевидная, похожая на обезьянью, голова, заостренная кверху; на лице лишь редкие рыжеватые волосы. Он боится света от огня. Несмотря на его огромную силу, жители Гималаев считают его безвредным существом, которое нападает на человека только, если оно ранено. Согласно высказыванию одного местного охотника, название «снежный человек» дано ему неправильно, так как, во-первых, это существо — не человек, а животное, а, во-вторых, живет оно не в области снегов. В гораздо большей степени местом его обитания является полоса непроходимо густых высоких гималайских лесов. Днем он спит в своем укрытии, с наступлением сумерек оставляет его. Тогда о его приближении можно уз-

нать по треску ветвей и своеобразному свистящему крику. В дев ственном лесу ми-гё передвигается на всех четырех конечностях или перебирается с дерева на дерево. Но когда он выходит на свободное пространство, он передвигается преимущественно на задних конечностях, причем у него неуверенная, покачивающая ся походка. Почему, собственно говоря, он предпринимает, несо мненно, очень утомительные для него прогулки по негостепри имным районам снегов? Местные жители имеют на этот счет объ яснение, звучащее правдоподобно: они говорят, что ми-гё любит особый вид мха, содержащий соль, который он находит на кам нях моренных полей. В поисках этого мха он и оставляет на снеж никах свои характерные следы. Утолив потребность в соли, он снова возвращается в девственный лес» (Nebesky-Wojkowitz R Op. cit., S. 71–72). К этим интересным опросным данным надо сде лать, однако, ту оговорку, что версия об обитании «снежного че ловека» преимущественно в верхней части высокогорной лес ной зоны, в общей форме вполне вероятная, не применима как раз к географическим условиям Непала.

Перейдем к опросным материалам Стонора. Прибыв в стра ну шерпов, он уже в Намче-Базаре услышал, что «йе-ти» — это конечно, зверь, а не человек. Хотя своим сложением это существ во и напоминает человека, но лицом оно походит на обезьяну и все его тело покрыто волосами. Волосы на верхней половине ту ловища растут ворсом вверх, а от талии — вниз. Живет «йе-ти» по словам шерпов, в более высоких горах, над их деревнями, но зимой спускается ниже. Увидеть его очень трудно. Существова ние «йе-ти» считается всеми шерпами бесспорным, это реальное животное.

В дальнейшем Стонор так резюмировал собранные им сре ди шерпов описания «мих-ти» или «йе-ти». Живет этот зверь толь ко на обширной, усеянной валунами территории, в суровой аль пийской зоне, слишком высокой для древесной растительности, но расположенной ниже постоянной снеговой линии. Времена ми он приближается к людям, и его можно увидеть и услышать возле деревень. У него, в общем, такое же сложение, как у чело века, хвоста у него нет. Покрыт зверь рыжевато-бурой и черной шерстью с немного более светлой окраской на груди. Согласно большинству сообщений, особенно длинные волосы растут на голове и посередине туловища. Голова у «йе-ти» заостренная, на лице нет никакой растительности, нос вдавленный, как у обезья ны. Крик у этого зверя громкий, протяженный, визгливый. Чаще всего его можно услышать во второй половине дня, или с наступ плением вечера. На близком расстоянии крик «йе-ти» часто как

жется вибрирующим. В холодные зимние месяцы «йе-ти» спускается ближе к человеческому жилью. Как предполагают шерпы, снег и непогода гонят его вниз. Ходит зверь обычно на двух ногах, но когда спешит, или выкарабкивается из глубокого снега, то опускается на четвереньки. Питается «йе-ти», как многие полагают, пищухами, возможно, что пищей ему служат и другие мелкие животные, а также насекомые. «Йе-ти» очень осторожен и умен, и шерпы относятся к нему с большим уважением, они побаиваются его, хотя тут и неизвестны случаи его нападения на человека.

Вот несколько наиболее интересных отдельных записей, произведенных Стонором. Пастух Лакхпа Тенсинг, около 30 лет, рассказал о происшествии, случившемся три года назад, ранней весной. Разыскивая одного отбившегося яка, рассказывает он, «я взобрался на группу скал, возвышавшуюся над пастбищем. Там я услышал звук, который принял сначала за визг щенка. Подойдя поближе, чтобы выяснить, в чем дело, я обнаружил на земле внутренности только что убитой пищухи и разбрызганную вокруг еще не запекшуюся кровь. Немного дальше, на расстоянии 30 шагов, находился зверь, которого я признал за йе-ти. Он сидел на скале прямо, в позе человека, но спиной ко мне, и, как я мог разобрать, по росту и сложению походил на 12-летнего подростка. Голова у него была заостренная, а спину покрывали рыжевато-коричневые волосы. Я очень испугался, когда понял, что передо мной сидит йе-ти, и поскорее ползком скрылся из виду, до того как он мог догадаться о моем присутствии».

Один шерпа рассказал Стонору как два года назад, в весенний день, работая в березовом лесу в горах, он вдруг услышал, что кто-то спускается из высокогорной зоны над лесом, пробираясь через подлесок. Крепко сжав в руках дубину, рассказчик пригнулся пониже, пока неизвестный зверь не приблизился к нему на расстояние нескольких шагов. Из-за густых зарослей рододендрона он мог только рассмотреть, что тот был средних размеров, с не очень темной шерстью и сложен как будто как человек. Существо было настолько близко от оцепеневшего шерпы, что тот отчетливо слышал, как оно дышало: как человек, тяжело и часто, совсем не так, как дышат звери вроде леопарда или медведя. Через несколько минут неизвестное существо удалилось в том же направлении, откуда пришло.

Шерпа по имени Нимах рассказал о том, как, заночевав с группой спутников в горах в покинутой пастушьей хижине, они слышали приближавшиеся крики «йе-ти», перешедшие вблизи самой хижины в вибрирующий звук, затем удалившиеся, на рассвете на тонком слое снега оказались свежие следы двуногого

существа, похожие на босую ногу небольшого человека, ведшие прямо к хижине, а затем уходившие прочь, скрываясь из глаз.

Мать одного ламы видела «йе-ти» на небольшом расстоянии описание этого существа, которое услышал от нее сын, изображение визгливого крика «йе-ти», воспроизведенное им, — все это вполне совпадало с рассказами других лиц. Другой лама, настоятель монастыря Тьянг-боче, утверждал, что он дважды в жизни видел «йе-ти», из которых один уже был описан им Дж.Ханту. Этот случай имел место три года назад, а нашлись монахи, видевшие «йе-ти» шесть лет назад при таких же обстоятельствах, он спустился с высоких гор в период непогоды и пришлось поднять страшный шум, чтобы заставить его уйти, монахи точно показали на земле место, до которого он доходил, и правдивость их рассказа не вызывает у Стонора сомнений.

Житель деревни Пангбоче по имени Дакху рассказал, что года четыре назад, разыскивая отбившегося яка среди скал, он заметил волосатого зверя, спрятавшегося за камень. Затем этот зверь поднялся и медленно зашагал к шерпе на задних лапах. Вид у зверя был встревоженный и угрожающий: он хватал руками траву и вырывал ее целыми пучками. По цвету шерсти он был похож на тахра (козла) — черный с рыжевато-коричневым отливом, более светлого оттенка на животе. Волосы были довольно длинные. Строением зверь напоминал коренастого человека. Угрожающий вид и упорство, с каким зверь наступал на человека, заставили пастуха спасаться бегством вниз. Примерно в том же месте в другое время два брата слышали крики «йе-ти», бродившего около пастушеской хижины, и наутро, хотя снега не было, на голой земле нашли несколько отпечатков длинной ступни, похожей на человеческую.

Житель Намче по имени Мингма, пастух, в марте, четыре года назад, на пастбище над деревней Пангбоче услышал крик зверя, а затем и сам зверь стал к нему спускаться, он был косматый и шел на задних лапах. Мингма помчался в пастушечью хижину и, забаррикадировав дверь, в щель видел «йе-ти», подошедшего к самой хижине. Это был приземистый, коренастый зверь, ростом и сложением напоминавший небольшого человека, покрытый рыжевато-черной шерстью, не слишком длинной, которая, казалось, от середины туловища росла ворсом вверх, а ниже середины — вниз; около ступни и ног шерсть была несколько длиннее. Вытянутая голова завершалась пучком волос на макушке. На морде шерсти не было, за исключением небольшого количества коричневых волос, росших вдоль щек. Морда была более плоская, чем у обезьяны, но менее плоская, чем человеческое лицо.

Нос приплюснутый. Хвоста не было. «Йе-ти» стоял немного согнувшись, с висящими по бокам руками, причем кисти рук выглядели крупнее и сильнее человеческих. Постояв немного, «йе-ти» стал ходить перед хижиной большими шагами, а, заметив выглядывавшего Мингму, зарычал, показав при этом зубы, на вид гораздо более крепкие, чем человеческие. Мингма сумел отогнать «йе-ти», разжегши огонь в очаге и бросив в щель горящую головешку. Интересно, что когда позже Мингме был предъявлен рисунок, изображающий предполагаемый внешний вид «йе-ти», Мингма сразу возразил, что рисунок не похож, так как нарисованный «йе-ти» очень смахивает на обезьяну, а волосы на его руках и ногах слишком длинные.

Четверо шерпов, подходя подвечер к летовке Тарананг в долине Бхоте-Коси, увидели «йе-ти», который сидел на скале шагах в 50 ниже тропы. Это был зверь коричнево-черной окраски, ростом поменьше человека, с остроконечной головой. При виде людей «йе-ти» соскочил со скалы и убежал на четвереньках. В деревне Пхорче два года назад в холодное зимнее время крестьяне однажды вечером услышали крик «йе-ти», а через два-три дня, перегоняя яков по снегу, увидели по дороге свежие следы «йе-ти», имевшие форму человеческой ступни, с очень отчетливыми отпечатками пальцев, но боковая линия следа выглядела так, будто на ноге росла шерсть. Крестьяне шли некоторое время по следу «йе-ти»: он почти все время передвигался на задних лапах, но иногда на труднопроходимых местах опускался на четвереньки. Дойдя до плоского камня, «йе-ти» сел на него: на снегу, покрывавшем камень, остался след его зада, рядом с которым были две вмятины, показывавшие, что здесь «йе-ти» уперся руками, чтобы подтянуться и сесть на камень; ниже на земле, куда он поставил ноги, отчетливо вырисовывались два параллельных отпечатка ступней. В другом месте пути зверь попал лапой в расщелину между скал и, вытаскивая ее, оставил в камнях немного шерсти рыжевато-коричневого цвета, она оказалась более жесткой, щетинистой, чем у любого другого зверя, которому можно было бы ее приписать. Но крестьяне не стали уносить с собою эту шерсть — она могла навлечь несчастье. Однако, по мнению Стонора, эти пастухи-горцы по роду занятия должны хорошо знать следы волков, барсов и других хищников, опасных для стад и людей; проводя всю жизнь среди природы, они безошибочно различают звериные следы.

Шерпа Анг Тсеринг рассказал, что как-то поздней осенью они с женой, собирая лечебные травы среди пустынных скал у границы зоны лесов, спугнули «йе-ти». Зверь выпрыгнул из небольшой

ямы недалеко от них и ускакал на четвереньках по усеянной скалами местности. Внешний вид и движения зверя исключают смешение его с другими животными, скажем с кабаргой. К тому же на исходе дня примерно в том месте прозвучал и хорошо известный визгливый крик «йе-ти». Пастухи из деревни Кумджунг зимой, после сильного снегопада, спугнули «йе-ти», стоявшего ярдах в ста перед ними. Это было человекообразное существо, покрытое шерстью, похожей на шерсть тахра. Увидя людей, «йе-ти» издал визгливый крик и побежал вверх по склону, держась все время на задних лапах, но бежал при этом не очень быстро. Шерпа по имени Пхорчен-Да рассказал, что он и его товарищи лет двадцать назад в районе Лонгмоче в горах вспугнули «йе-ти». Зверь убежал на задних лапах, ростом он был пониже человека; цветом походил на мускусную кабаргу.

Интереснее рассказ того же Пхорчен-Да о встрече с «йе-ти» лет девять-десять назад у опушки леса в долине Бхоте-Коси. Разыскивая пчелиные гнезда, он увидел какого-то бурого зверя, спускавшегося между деревьями, но сначала подумал, что это мускусная кабарга. Однако когда зверь подошел поближе, Пхорчен-Да увидел, что тот шел на задних лапах. Пхорчен-Да спрятался за валуны и неподвижно наблюдал. «Йе-ти» пробирался по ровным участкам между скалами. Он медленно шел на задних лапах, совсем как человек, делая большие шаги, но в самых трудных местах несколько раз становился на четвереньки. Ростом и фигурой «йе-ти» походил на юношу. Косматая шерсть была рыжевато-коричневой и черной окраски, причем на груди немного светлее и как будто росла вверх, волосы не очень длинные, ворс «как у тахра». Голова вытянутая и остроконечной формы, а морда «как у обезьяны», безволосая и коричневая. В конце концов зверь взобрался на скалу ярдах в ста от наблюдателя и уселся там на корточках. Желая, наконец, отогнать «йе-ти», Пхорчен-Да стал стучать по дереву и тогда «йе-ти» соскочил со скалы и, быстро передвигаясь на четвереньках, скрылся между деревьями. На следующее утро Пхорчен-Да с приятелем нашли на этом месте следы зверя: они были похожи на следы голых ступней небольшого человека, отпечатки пальцев вырисовывались очень ясно. Повторные опросы Пхорчен-Да оставили у Стонора впечатление полной безыскусственности и простоты этого рассказа.

Заслуживает большого внимания и рассказ одного из старших монахов монастыря Пангбоче. Совсем недавно он взобрался на пустынный скальный склон в двух часах ходьбы от монастыря, и наткнулся на открытое, незащищенное гнездо из свежих переплетенных веток можжевельника. Оно походило на большое

ложе, и на нем мог поместиться человек. Монах слышал, что такие ложа устраивают «йе-ти», и был уверен, что наткнулся на гнездо этого зверя, вследствие чего и поспешил домой. Настоятель монастыря Наванг добавил, что и один живший по соседству старик как-то нашел логовище среди пустынных скал. По сильному и неприятному запаху, исходившему от него, старик понял, что оно принадлежит «йе-ти». «Рассказ о гнезде — пишет Стонор — имел для меня двоякий интерес: сам по себе и как подтверждение создавшегося ранее впечатления, а именно, что этот зверь, если он существует, не имеет постоянного жилья. Это — бродяга. Он все время странствует, ночует в любом подходящем месте, которое находит или сам себе устраивает. Так обычно поступают гориллы и другие крупные обезьяны. Я повсюду расспрашивал шерпов о «йе-ти» и их ответы подтверждали мои выводы. Йе-ти был бродячим зверем. Из его временного логова доносилось ужасающее зловоние. Попадались такие логовища чрезвычайно редко» (Стонор Ч. Op. cit., с. 86, 87, 91 – 93, 105–106, 124, 149–164, 168–169, 172–173, 175, 177, 182–184).

К этим опросным материалам, собранным Стонором, добавим еще некоторые более поздние записи. Зимой 1957/58 г. два представителя от поселка шерпов Кулу обратились к непальскому правительству с просьбой защитить их от двуногого вредителя: «йе-ти» забрался в мельницу, являющуюся собственностью некоего Калсанга; «йе-ти» съел у него муку, а затем разбил камень для растирания зерна (ИМ, I, №19). Эта ситуация отнюдь не является совершенно исключительной. Жители селения Тарке, которое находится в трех днях пути от столицы Непала, в начале 1958 г. сообщили о подобном же визите «йе-ти» на мельницу. Как рассказал крестьянин Пхурпа, утром он пошел к своей водяной мельнице, расположенной на краю селения, забрать муку и засыпать зерно. Дверь помещения неожиданно оказалась открытой и, подозревая, что там может быть застигнут кто-нибудь из жителей селения, Пхурпа осторожно заглянул внутрь. «Но увидел я там вовсе не человека, — говорит Пхурпа, — а огромное человекоподобное существо, все тело которого покрывали длинные густые волосы. Оно съело всю муку, которую пожирало из обеих горстей, и стало искать еще чего-нибудь поесть. Существо было около 9 ф. высотой. Его длинные руки почти касались колен. Оно так увлеклось розысками, что даже не заметило меня. Я слышал много историй об йе-ти и знал, что встреча с ним приносит несчастье, но существо так меня заинтересовало, что я решил присмотреться к нему как следует. Плоское без волос лицо зверя с множеством морщин очень напоминало обезьянью морду. Вы-

сокая голова имела коническую форму, волосы покрывали все тело, хвоста у него совсем не было. Ногти его длинных пальцев напоминали когти. Ища муку, существо все время рыкало, как дикий зверь. Тело существа было белое от муки. Йе-ти еще не заметил меня, поэтому я осторожно отошел и быстро побежал к селению, чтобы созвать жителей на помощь. Но йе-ти услышал мой шум и на двух ногах быстро поскакал к снеговым вершинам. Жители селения, которые выбежали на мои крики, видели как он бежал». Трое жителей этого селения действительно подтвердили, что они видели огромное человекоподобное существо, которое бежало уже на значительном расстоянии. Они видели, что тело его было покрыто волосами. Крестьяне утверждали, что это в самом деле был «йе-ти» (ИМ, II, №48).

Вот еще свидетельство, записанное Питером Бирном и Джеральдом Расселом в начале 1958 г. в шерпской деревушке на пути к долине Барун. «Йе-ти» был замечен здесь всего два дня назад, однако, очевидцами, к сожалению, были два совсем юных пастушонка: мальчик и его более старшая сестра, опрошенные порознь. Они пасли стадо яков на высоте 4500 м. В полдень крупное животное, ходившее вертикально, вышло из древесных зарослей и подошло к ним на расстояние не более 30 м. По высоте, указанной мальчиком на дереве, можно было бы думать, что животное было около 3 м ростом, по словам обоих, существо было покрыто черно-коричневой шерстью, за исключением талии, где шерсть была белесая. Голова высокая, коническая. Обоим порознь были показаны фотографии и изображения разных животных, а также реконструкции облика «йе-ти» и доисторического человека, и тот и другой, без колебаний, указали на два последних изображения, как наиболее похожих на виденное существо, далее отметили какое-то сходство с шерстью орангутана, но совершенно отвергли изображения черного медведя, индийских обезьян и других животных (ИМ, I, №20). Едва ли не самое любопытное в рассказе этих двух пастухов то, что, когда они немного оправились от страха и вернулись на место происшествия, «йе-ти» исчез, а один из яков лежал на земле с переломленным позвоночником, словно от удара дубиной (ИМ, I, №20).

Приведенный случай, который сам по себе может вызвать недоверие, следует сопоставить со следующими словами из обобщающего заключения Тома Слика к отчету о путешествиях и опросах населения: «на протяжении пути мы часто слышали рассказы о том, что йе-ти убивают яков, по-видимому, переламывал яку шею или сбрасывая яка со скалы или утеса. Это случается не часто, но несколько таких событий отмечается почти

каждый год. Но йе-ти, который, очевидно, не является плотоядным, не ест этих яков... Считается, что рацион животного состоит из побегов бамбука, которые здесь имеются в изобилии, возможно, из корней разного типа, из насекомых, небольших грызунов, и, очень возможно, одной разновидности очень распространенного в этом районе съедобного папоротника. Но мы также слышали о некоторых случаях, три из которых были определены по имени и названию деревни, когда на протяжении последних трех лет йе-ти убили людей, при этом они якобы съедали глазные яблоки, пальцы рук и ног и тестикулы убитых...» (ИМ, II, №49, с. 69 – 70). Последнее кажется странным. Однако многое ли мы знаем об отношениях людей со «снежным человеком»? Разве не странно, например, промелькнувшее у Стонора описание встретившихся ему похорон одной бедной тибетской женщины из Намче: вместо того, чтобы сжечь ее, ее труп несли из поселка вверх в горы, чтобы оставить его там где-нибудь среди скал...(Стонор Ч. Op. cit., с. 208)

Наконец, приведем и некоторые записи экспедиции Э. Хиллари в Непал в 1960 г. Правда, отношение самого Э. Хиллари и его литературного адъютанта Д. Дойга к этим записям противоречиво. С одной стороны, Э. Хиллари заявляет, что экспедиция не встретила ни одного шерпы, который в самом деле утверждал бы, что он видел «йе-ти»; с другой стороны, сам же пишет, например: «один суровый многоопытный шерпа говорил мне с абсолютной убежденностью, что он видел одного «йе-ти» и наблюдал, его в течение некоторого времени». Несколько интересных записей мы находим в корреспонденциях Д. Дойга. Последний не знал, завершит ли Халлари свою эскападу положительным или отрицательным выводом, поэтому на всякий случай приводил положительные суждения шерпов, но сопровождал их шутками. Отбросим этот гарнир и посмотрим что говорили шерпы.

Уже вскоре по прибытии в страну шерпов, Д. Дойг в конце сентября 1960 г. писал: «Сегодня утром я встретил двух человек, которые видели йе-ти, причем довольно близко и достаточно долго, чтобы дать его подробное описание». Достигнув высокогорной деревни Бединг в двухстах километрах от Катманду, он убедился, что стоит лишь начать расспрашивать жителей на понятном большинству непальском языке, «как рассказы о йе-ти, о том, как их видели или слышали, лились на меня как из ведра». Двадцать лет тому назад деревня Бединг была засыпана большой лавиной, некоторые люди были заживо погребены в своих каменных хижинах. Именно в том году, как вспоминают жители, «йе-ти» особенно давали о себе знать, они издавали свой страш-

ный призывный свист и ссорились в холодные зимние ночи, каждое утро на свежем снегу отчетливо были видны их следы. «Я думаю, — сказал Д. Дойгу главный лама местного маленького монастыря, — что они искали трупы жертв, погибших от лавины».

Всего лишь две зимы тому назад пара «снежных людей» спустилась к монастырю в час вечерних молитв. Было уже темно, падал снег. Шумно дыша, звери кружили вокруг здания, в какой-то момент они пытались даже ворваться через окно. Испуганные монахи (их было только пять человек) начали звонить в священный колокол со всей энергией, на какую они были способны, «йе-ти» убежали, воя в ночи, «причем их голоса были очень похожи на человеческие и выражали ужасное горе». Настоятель этого монастыря рассказал и о другом случае, имевшем место несколько лет тому назад. Один непальский чиновник со слугами приехал в Бединг зимой поохотиться на оленей и фазанов. «Группа прибывших уже собиралась ложиться спать, когда они услышали шум, производимый каким-то большим животным, кружившим вокруг здания, где они помещались. Без сомнения это был йе-ти. Вдруг его огромная обросшая волосами голова показалась в окне. Никто не осмелился пошевелиться, даже для того, чтобы схватить ружье, йе-ти выл от ярости. Мы, ламы, услышав этот шум из монастыря, начали трубить в большие рога. Испуганное животное убежало, производя страшный шум». Еще один рассказ бединского ламы: однажды ночью, когда он спал у окна в своей келье, он был разбужен шумом и ужасным запахом; к своему превеликому ужасу он увидел «йе-ти», который старался проникнуть внутрь, — это был настоящий «ми-гё», говорит он, покрытый черной шерстью, с большими глазами, ростом в 1,5 м. Лама начал вспоминать молитвы, которые могли бы его спасти и которые, по его мнению, отогнали зверя. На следующее утро следы последнего, очень похожие на человеческие, но больших размеров, были обнаружены на снегу.

«...За несколько дней до отъезда в экспедицию в Катманду — рассказывает в другой корреспонденции Д. Дойг — я расспросил одного непальца, который утверждал, что он видел «йе-ти». Этот человек — Гари Бадахур из небольшого города Вхаянг, расположенного на значительной высоте на крайнем северо-западе Непала. Этот город управляется раджой. Граничит он с маленьким тибетским «государством» Туглакот, которое также имеет своего раджу. Столица его — селение, состоящее из хижин, построенных из камней и дерева. Между этими двумя государствами, как говорит Гари Бадахур, лежит долина, которая не принадлежит ни Тибету, ни Непалу и которую туземцы называют Ма-

хадип. Именно там Гари Бадахур и два его товарища видели двух йе-ти. Эти «гималайские люди» находились по ту сторону потока на расстоянии менее 200 м. «Они так были похожи на людей, что мы им крикнули: куда вы идете? на кого охотитесь?» К удивлению Гари Бадахура и его товарищей «два человеческих существа, из которых один казался взрослым, а другой ребенком, повернулись, остановились на одно мгновение, а затем длинными боковыми прыжками убежали из долины и без всякого усилия вскарабкались по обрывистой скале».

Чем больше записывал Д. Дойг, тем меньше оставалось в сумме рассказов места для мифологии, для народного творчества шерпов. В долине На ему говорили, что «йе-ти» появляется только зимой, — т.е. в такое время, когда в На остается небольшое число людей для наблюдения за яками. «Мне показали, с какой стороны йе-ти обычно подходят к селению, показали места их водопоя и направление, по которому они уходят. Здесь очень много рассказов связывается с рекой. Видимо, йе-ти бродят вдоль реки в поисках чего-то: но чего? Мы не нашли никаких следов ни лягушек, ни рыбы... Но в разгар зимы, когда все сковано льдом, очень возможно, что многие животные и птицы, оставшиеся в долине, покрытой снегом, спускаются к реке...»

Д.Дойг принужден констатировать, что о «снежном человеке» и встречах с ним рассказывали не только местные коренные жители, но и европейцы. Так, он упоминает именно того же самого старожила, британского торгового агента в Калимпонге, Дэвида Макдональда, которого цитировал и проф. Ю.Н. Рерих. Макдональд, пишет Д. Дойг, совершенно уверен, что «йе-ти» (он предпочитает называть его «ми-гё») существует. Три дочери Макдональда, несколько лет подряд ездившие из Тибета в Индию, где они учились в школе, пересекая долину Чумби и Сикким слышали пронзительные крики существ, которых носильщики называли «йе-ти». Эти крики, по заверениям шерпов, вселяют такой ужас, что способны парализовать человека. А вот письмо к Э. Хиллари некоего господина Л.Х. Хофф. «Я провел почти всю мою жизнь в этих горах (Гималаях), сначала за партой в школе, затем в течение 33 лет в качестве служащего железной дороги Северо-восточной Индии. В 1925 г. я работал начальником участка пути на конечной станции нашей железной дороги, которая заканчивалась тогда в Силигуре, до сих пор являющемся конечной железнодорожной станцией и воздушным портом для гималайского города Дарджилинга. Я был членом общества охотников и рыболовов. Часто я ездил на охоту в автомобиле, в особенности в густые леса Серайя (это огромный лесной массив, опоясываю-

щий подножие Гималаев). Мой шофер, непалец по имени Хурки Бадахур, хорошо знал дорогу и был смелым человеком. Однажды ночью, когда мы возвращались из Калимронга, который находится в 65 км от Дарджилинга, автомашина тихо спускалась по небольшому склону горы, как вдруг мы очутились лицом к лицу с существом, стоящим в вертикальном положении, ослепленным фарами машины и находившимся примерно в 20 м от нее. Я приготовился выстрелить, когда Хурки Бадахур вмешался и сказал мне по-непальски; «Сагиб, не стреляйте! Это человек!» Я очень живо помню этого человека, или вернее этого карлика рыже-коричневого цвета, ростом не более 1 м. Мы ожидали, что он убежит вниз по дороге, но он сделал прыжок и бросился вниз по боковому склону холма в лес».

Вот еще одна запись Д. Дойга, относящаяся к территории не Непала, а Сиккима, запись, сделанная в королевском дворце в Гангтоке. «Наследный принц Сиккима, Палден Тондуп Мангуял, человек весьма интеллигентный и образованный, обратился ко мне неожиданно с вопросом: «Хотите поговорить с человеком, который знает много о йе-ти? Вот он, спрашивайте его». Это был сиккимец с бронзовой кожей из личной охраны принца. Он не производил впечатления человека, страдающего галлюцинациями. Как оказалось, несколько лет тому назад на него и его товарища напали «йе-ти» всего в 20 км от столицы. В лабиринте пиков и гребней гранитных скал, которые простираются от границы Сиккима до Тибета, выше лесов рододендронов, они охотились и убили оленя. По древней традиции Сиккима они должны были тотчас же принести копыта и внутренности животного в жертву духу-покровителю охоты: ми-ге или йе-ти. Однако они решили продолжать охоту, солнце склонялось к западу, они отложили обряд до ночи... Едва они начали обряд, как послышался шум катящихся камней и чьи-то шаги. Ужасный запах йе-ти распространился вокруг. Затем началась атака. В них летели камни и ветви, бросаемые с удивительной точностью. В то же время невидимые звери выли и издавали такой свист, что казалось, будто их сотни. Люди убежали, бросив оленя. Они бежали без отдыха до самого Гангтока»...(Цит. по: // Corriere della sera., 23 ott., 10 nov., 22 nov. 1960)

Вернемся к некоторым биологическим выводам, которые могут быть сделаны из суммы собранных в Непале опросных данных. По словам Стонора, единственным серьезным аргументом против существования «снежного человека», если исходить из рассказов шерпов, является то, что никому из рассказчиков не удавалось встретить зараз больше одного зверя. Однако, го-

ворит Стопор, сами шерпы объясняют это тем, что «йе-ти» очень редки, беспрерывно бродят по обширной территории Непала и Тибета, и стараются не попадаться людям на глаза, а те, которых им довелось встречать, очевидно, принадлежали к числу беспокойных. А может быть это были одиночки самцы? Может быть настоящие убежища немногочисленного вида «йе-ти» таятся где-то на севере, востоке и западе? Весной и летом, допускает Стонор, когда природа менее сурова и легче добывать пищу, «йе-ти» собираются где-то там и живут менее разобщенно. Осенью же, когда пищухи прячутся в скалах, когда находить пищу становится все труднее, «йе-ти», возможно, расходятся в разные стороны и поодиночке или по двое начинают бродить по горам (Стонор Ч. Op. cit., с. 190). О том же пишет и Иззард: «Шерпы высказывают предположение, что самки и молодые животные, возможно, живут в отдаленных пещерах и убежищах среди скал и камней, а взрослые самцы склонны бродить в одиночку. Я беседовал, однако, с людьми, — продолжает он, — утверждавшими, будто им приходилось видеть следы нескольких «йе-ти», пересекавшие один и тот же район» (Иззард Р. Op. cit., с. 83, ср. также сведения о случавшихся встречах групп по три или четыре особи у П. Бирна, ИМ, II, №49, с. 55). Во всяком случае вполне вероятно, да и сами шерпы так думают, что непальские южные склоны Гималаев являются всего лишь областью осенних и зимних странствий одиночных особей «йе-ти» (как уже говорилось, может быть не только взрослых самцов, но и подростков), тогда как весной, когда появляются крупные съедобные насекомые и гусеницы, а пищухи вылезают из своих убежищ и ловить их легче, когда значительная часть горной фауны переселяется выше, «йе-ти» уходят из страны шерпов на север, а может быть также на восток или запад (Стонор Ч. Op. cit., с. 207).

Многие участники экспедиций в высокогорном Непале, суммируя собранные сведения, склоняются к представлению, что в рассказах шерпов речь идет не об одном типе существ, а о двух или даже трех. Э. Хиллари и Д. Дойг присоединились к этой традиции. Первый тип «йе-ти», обозначаемый термином «шу-те» (или «дзу-те»), характеризуется огромным ростом, достигающим 2 м. 40 см, черной или рыжей шерстью, вегетарианским образом питания; зимой он на долгие периоды исчезает, для человека почти не опасен. Второй тип «йе-ти» — это «ми-гё», ростом от 90 до 120 см, цвет шерсти более светлый, но тоже рыжий, черный или серый; этому меньшему по размеру животному люди приписывают более агрессивное поведение в отношении и человека, и скота. Оба эти типа «йе-ти» ходят вертикально, но иногда поль-

зуются и четырьмя конечностями; оба очень похожи на человека; оба способны издавать очень высокий свистящий звук; оба издают ужасный запах. Что касается третьего типа, называемого «те-льма», то его связь с «йе-ти» менее ясна. Ему приписывают рост от 45 до 60 см, обитание в горах на наименьшей высоте, сходство с человеком, способность складывать камни в кучки и т.д. Но почему надо рассматривать это как три биологических типа? Не сводится ли дело к возрастным различиям, связанным с особенностями биологии и габитуса? То же можно сказать и в отношении другой классификации, предложенной раньше Джералдом Расселом, Томом Сликом и Питером Бирном, где между первым и вторым из указанных выше типов выделен средний по размерам (а «те-льма» не принимается во внимание).

Джералд Рассел после экспедиции 1958 г. пришел к выводу, что наиболее многочисленны «йе-ти» меньшего типа, то есть «мих-те», в отличие от небольшого количества «йе-ти» среднего размера и очень незначительного числа «йе-ти» большого типа. Прибегнув к обычным зоологическим методам определения численности вида, Джералд Рассел полагает, что в районе Гималаев число одних лишь «йе-ти» меньшего типа, то есть ростом в 90–120 см, достигает 4000. Эта цифра не покажется большой если разделить ее на 500–600 тыс. кв км территории Гималаев.

Из обзора непальского опросного материала можно сделать и некоторые выводы этнографического и идеологического характера. По словам Стонора, хотя не существует строго обязательных обрядов или заклинаний для лиц, которые видели или слышали «йе-ти», но совершение этих церемоний вошло в обычай, и самые благочестивые шерпы определенно рекомендуют не пренебрегать таким средством (Стонор Ч. Op. cit., с. 125). Стонора предупреждали, что монахи гораздо менее охотно разглашают сведения о «йе-ти», чем миряне (Ibidem, с. 150). Миряне только верят, что встреча с «йе-ти» — дурное предзнаменование и влечет за собой болезнь, смерть, несчастье, в таком случае шерпа спешит к ламе, тот совершает должный обряд и отвращает от него беду (Ibidem, с. 177). Но в рассказах шерпов о встречах с «йе-ти» его появление никогда не связывается с храмовыми обрядами или заклинаниями лам, зверь всегда попадался шерпам случайно, во время их обычных, будничных занятий (Ibidem, с. 189). Таким образом, можно как будто провести разграничение: среди буддийского духовенства лишь в виде исключения немногие что-либо сообщают о «йе-ти», в общем же это существо входит в круг каких-то священных обрядов и понятий лам, даже поставлено неким древним актом под специальную защиту ла-

маистской церкви (Об этом действительном или вымышленном религиозно-юридическом акте см.: Хант Дж. Восхождение на Эверест. М., 1956, с. 99. Следует напомнить, что согласно тибетской легенде (случайно близкой к истине), люди произошли от обезьян (см. напр.: Уиннингтон А. Тибет. М., 1958, с. 108). Естественно, что «ми-гё» рассматривается в этой связи как «двоюродный брат» человека, т.е. не совсем наравне с другими животными, а скорее как неудавшийся человек.); напротив, среди мирян, простых горцев, лишь в малой степени действует «табу» в отношении разговоров о «йе-ти» и наблюдений над ним. Стонор писал: «Увидеть йе-ти или услышать его крик считается очень плохим предзнаменованием, и обычно вскоре после такого происшествия совершается небольшая церемония, чтобы отвратить грозящее несчастье. В остальном «йе-ти» как будто не приписывают никаких особых свойств, по сравнению с известными животными... Все шерпы скажут вам, что человек, увидевший «йе-ти», бывает охвачен ужасом. Их отношение к нему во многом напоминает отношение индийских крестьян к тигру» (Иззард Р. Op. cit., с. 88). Интересно обобщение индийского автора Гупта: «В существование йе-ти верит каждый шерпа. Недавно в Катманду было около тысячи шерпов-паломников. Когда они были опрошены, около сотни из них заявило, что они знают о йе-ти, десять человек дали показания о йе-ти, как очевидцы, видевшие собственными глазами это существо» (ИМ, II, с. 46 – 47).

Своего рода заключительным словом по дискуссии о непальско-сиккимских данных о «снежном человеке» явилась недавняя осторожная и вдумчивая статья авторитетного английского зоолога, преимущественно приматолога Османа Хилла (Osman Hill W.C. Abominable snowmen: The present position // Orix., 1961, v. 6 (VI?), №2, August, p. 86-98). Ученый систематизировал наличные сообщения, физические доказательства, логические доказательства, подверг все их придирчивой зоологической критике, часть отверг, но совокупность доказательств в пользу «снежного человека» признал все же перевешивающей самый строгий скепсис. Осман Хилл призывает пока еще не делать категорических выводов, но считает на сегодняшний день наиболее научно оправданными выводы Висс-Дюнанта (1952): в Гималаях обитает остававшееся неизвестным стопоходящее двуногое млекопитающее, оно живет небольшими группами. Осман Хилл добавляет, что поиски следует направить в места, лежащие ниже, — в густые (рододендровые и иные) леса в нижних частях горных долин (Osman Hill W.C. Abominable snowmen: The present position // Orix. 1961, v. 6 , №2, August, p. 86-98.).

БУТАН

Теперь от «классической» территории Непала и Сиккима двинемся далее на восток. Как уже говорилось, соседний Бутан фактически почти совершенно не обследовался в интересующем нас отношении. Однако очень интересные сведения сообщены, например, проф. Ю.Н. Рерихом. «Местные тибетцы и монголы говорят, что на северо-востоке, приблизительно в районе Джадэ, где начинаются лесные долины, обитают дикие люди, причем даже указывают, будто бы у них почти нет шеи, так что получается впечатление, что у них подбородок лежит прямо на груди». «Затем стали поступать сведения из другого района границы Бутана и Тибета. Очень ограниченное количество лиц посетило этот район, так что не приходится говорить о впечатлениях вынесенных отсюда европейскими путешественниками. Но мне пришлось беседовать с несколькими паломниками-монголами. Двое из них, действительно посетившие Бутан, прошли из Лхо-брака. Они мне говорили, что в районе Бутанской границы им приходилось видеть очень крупную обезьяну. Я попросил описать то, что они видели, и их описание мне напомнило орангутана, во всяком случае это не был гималайский лангур с очень характерной длинной шерстью. Когда они шли по лесу, они встретили несколько таких обезьяноподобных существ. Они определенно заявили, что там существует в самом деле очень крупная обезьяна, во всяком случае настолько крупная, что ее можно принять за человека» (ИМ, I, №16. с. 65 – 66.).

Десмонд Дойг писал в одной из своих корреponденций: «В Бутане, где интерес, проявляемый на Западе по отношению «йе-ти», совершенно непонятен туземцам, мне удалось собрать об «йе-ти» большое количество, фольклорных данных. Я был одним из немногих иностранцев, посетивших эту местность. Нашлись два человека, которые действительно встретились лицом к лицу с «ми-гё» в то время как они искали специальное дерево, которое используется в Бутане для производства посуды; люди и «йе-ти» разбежались в разные стороны» (Corriera della sera, 10 nov. 1960).

ИНДОКИТАЙ

Поступили и некоторые сведения, относящиеся к Ассаму и Бирме. Весьма известный лама Тсултунг Зангбу во время отшельничества в горах Чари в Ассаме, по его словам, встретился там лицом к лицу с «йе-ти». Последний, тащивший под мышками два

больших камня, прошел, не причинив ламе никакого вреда. По его описанию, этот «дикий человек» является обезьяноподобным существом с туловищем, покрытым шерстью в четыре сантиметра, и смуглым лицом (Иззард, указ. соч., с. 56-57). Бельгийский антрополог Жголь Детри в 1954 г. наблюдал на больших высотах в горах Бирмы (как и в Гималаях) следы ног человекоподобного существа, по его словам, не принадлежащих ни человеку, ни зверю, а скорее первобытному человеку. В одном месте он видел искусственно сложенные друг на друга крупные камни, что он считает делом рук «йе-ти» (ИМ, II, №48, стр.48). Как сообщает П.Б. Сингх, глава индийской группы, побывавшей в 1956 г, в предгорьях Кубру в Маницуре, т.е. вблизи границы между Ассамом и Бирмой, два члена его группы наблюдали худое мохнатое существо бурой окраски, ростом 8 футов, с черными волосами, скрывавшими лицо, следует подчеркнуть, что они видели это существо, согласно сообщению, в деревне племени нага, следовательно в прирученном состоянии (ИМ, III, №99, с. 51).

К южной части Бирмы, граничащей с Таиландом, относится сообщение американского путешественника Х. Девиса (1940). Здесь от населения он узнал о «кунг-лу» — существе огромного роста, напоминающем гориллу, проживающем в горах и спускающемся вниз редко, якобы за людьми, хотя конкретных случаев нападения опрошенное население деревни Коумио не помнит. К северной Бирме относятся сведения, полученные А. Сэндерсоном от одного американского военнослужащего о «ток» — существе, другое наименование которого означает то же, что и термин «кунг-лу»: «человек с непомерно большим ртом». В данном случае информатор, по его словам, дважды держал в руках «тока». Оба раза животное выходило из джунглей в ясную лунную ночь, очевидно, в поисках пищи. Оба раза молодой человек, думая, что это вор, пытался задержать его голыми руками. Животное не нападало, но оба раза легко вырвалось, бежав в свое жилье в джунглях и оставив в руках информатора лишь несколько длинных, черных, блестящих, грубых волосков. При свете луны он успел хорошо разглядеть животное: оно имело около 180 см роста, широкие плечи, относительно маленькую голову, покрытую черными волосами, ноги прямые, как у человека, пятки выглядели светлыми. Данная информация, пишет Сэндерсон, в той или иной мере подтверждена другими запрошенными лицами (Sanderson I. Op. cit. p. 243; Сандерсон А. Т. Op. cit, с. 375 – 376).

Что касается Лаоса, то к горным джунглям, населенным редкими племенами горцев-мои, относится одно свидетельство полувековой давности, заслуживающее внимания. Это — отры-

вок из официального отчета французской миссии, подписанного Анри Мэтром и помеченного: «Джунгли Мои, 1912». Текст гласил: «...Не впервые я слышу странную историю о диких людях, живущих в гористых лесах. Их усматривали в малодоступной части Аннамского хребта... Судя по местным описаниям, эти «дикие люди» покрыты густой рыжей шерстью. Они стали редкими, и последнее время больше не встречаются. Однако иногда попадаешь на их следы, похожие на следы других людей...» Этот официальный документ позже попал в руки писателя Жана д'Эм и дал толчок его художественной фантазии, истолковавшей диких волосатых рыжих людей как реликтовых... кроманьонцев (?!) (Д'Эм Жан. Красные боги. Перевод с франц., Ленинград, 192).

Имеются некоторые данные, относящиеся и к Камбодже. Так, охотник на крупную дичь в джунглях Камбоджи утверждает, что он видел существо 9 футов ростом в сопровождении самки почти 7 футов и детеныша 3 футов; они оставляли такие же следы, как гималайские «йе-ти», и ходили на двух ногах (Sanderson I. Op. cit. p. 243. В русском переводе данный случай отсутствует или не найден.). Советский инженер Б.М. Французов, находясь в командировке в Вьетнаме в 1955–1956 гг., узнал от одного из сотрудников вьетнамского министерства промышленности, «что в джунглях, в предгорьях хребта, отделяющего Вьетнам от Камбоджи и Лаоса, водятся большие обезьяны (ростом выше человеческого), похожие на человека, передвигающиеся на двух ногах и обладающие огромной силой. Местные жители, пользующиеся горными тропами для путешествий в Камбоджу, нередко встречают этих обезьян». Далее сообщалось уже известное нам поверье, будто единственное средство спастись от этого существа при встрече — надевать на руку бамбуковый наручник. Молва добавляет, что схватив человека за руки, это существо начинает смеяться, запрокидывает голову, закрывает глаза, и такое состояние продолжается довольно длительное время, в течение которого человек успевает скрыться (ИМ, III, №101).

Для уточнения этих сведений мы обратились к директору института истории при Государственном Комитете Демократической Республики Вьетнам (Ханой) профессору Чан-Хюй-Льеу.

Последний, оговорившись, что он не является специалистом и сам данным вопросом не занимался, сообщил следующие сведения, полученные им из бесед с уроженцами района Тай-нгуен, горного пограничного района, прилегающего к Камбодже и Лаосу: «В Тай-нгуене в лесных и высокогорных районах, судя по рассказам жителей этих мест, имеется человекоподобное животное, которого люди из народности Е-де называют Ан-нак-тань,

или Зо-хать. По словам товарища И-зиенга, е-де по национальности, который в настоящее время работает на радиостанции «Голос Вьетнама», в 1944 году в горном районе Тьи-сан на территории общины Бо-до-рон уезда Ма-до-рат один юноша убил из арбалета с отравленной стрелой Ан-нак-тана в момент, когда тот спускался к ручью за пищей: крабами, раковинами и водорослями. Будучи раненым, Ан-нак-тань бежал в горную пещеру на двух ногах и пронзительно кричал. Когда нашли его труп, то это оказалась девочка в возрасте 11–12 лет, беременная, с длинными до пят волосами». Далее Чан-Хюй-Льеу сообщает, что он беседовал с несколькими образованными и занимающими ответственные посты лицами в Ханое (с товарищем Ма-Кхе, который в настоящее время является директором Школы работников национальных меньшинств в Ханое, с товарищами У-вангом и И-нгонгом, депутатами Национального собрания ДРВ от народности е-де), которые подтвердили, что люди из народностей зо-ра и е-де видели человекоподобное животное и называют его Зо-хать или Ань-нак-тань (Письмо от 24 июня 1959 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».).

В свое время несколько статей об этом человекоподобном животном Ань-нак-тань, якобы встречающемся в горах Тьы-до-лей-нанг около деревни Чан провинции Дар-лак, опубликовал директор «Французской Дальневосточной Школы» Фино. Однако данные Фино представляются приукрашенными домыслами автора или его информаторов.

Все эти сведения, относящиеся к полуострову Индокитаю, слишком еще отрывочны. Они дают только известную вероятность того, что сбор сведений, если бы он проводился здесь так, как в Непале, принес бы немалые плоды. Но мы еще их не имеем в руках. Тем более не можем мы сколько-нибудь уверенно судить о непрерывном распространении дальше на юг сведений населения о подобных существах — на Малакском полуострове и островах Индонезии. Из Малайи имеются немногочисленные нечеткие сведения (Sanderson I. Op. cit., p. 227–234; Сандерсон А. Т. Op. cit, с. 355–365. Ср.: Иззард Р. Op. cit., с. 57–59). Напротив, с южной части острова Суматра — весьма обильные, перекрестно дополняющие друг друга данные и сообщения. Здесь со слов населения и путешественников многократно отмечено обитание существа, вполне напоминающего «снежного человека», известного под названием «седапа» или «оранг-пендек». Но изложение этого материала составило бы целую новую главу. Однако я не располагаю никакими данными сравнительно с детально осветившими этот вопрос Е. Якобсоном, Османом Хиллом, Бернаром Эвель-

мансом и Айвэном Сэндерсоном и отсылаю читателя к их трудам (Jacobson E. Rimboeleven in Sumatra // Trop. Natur. Weltevreden, 1917, v. 6, №69; его же, Nog cens de Orang pandak Sumatra // Trop. Natur. Weltevreden, 1918, v. 7, №173; Osman Hill W.C. Nittaewo, an Unsolved Problem of Ceylon // Lori., 1945, №4; Heuvelmans B. On the Track of Unknown Animals. 1958, chap. 5; Sanderson I. Op. cit., chap. 10; Сандерсон А. Т. Op. cit, гл. 10.).

Глава 8

СВЕДЕНИЯ ИЗ ГОРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОВЕТСКОЙ АЗИИ

Продолжая наш обзор описательного материала, мы снова начнем от границ предполагаемого очага или ядра обитания и размножения «снежного человека» — юго-западной окраины Синьцзяна (Кашгарии), расположенной к югу от г. Ташкургана. Как отмечалось, стрелка научного компаса указала нам на этот район с территории Советского Памира. Этот район и граничит в своей северо-западной части непосредственно с Советским Памиром.

ПАМИР

Ландшафтные и биогеографические условия в общем настолько едины в Китайской части Памира и Советской части Памира (Восточном Памире), что, если мы теоретически допускаем обитание «снежного человека» на китайской стороне, то должны допускать и в Советском Восточном Памире. Никакая существенная зоогеографическая граница не разделяет их. Что касается политических рубежей, то, конечно, нерушимая охрана советской границы сказывалась определенным образом и на возможностях миграции через нее крупных животных. Следовательно, за годы Советской власти до установления и в Китае социалистического строя известная разница в составе и численности дикой фауны крупных млекопитающих могла образоваться под воздействием указанного фактора на обеих смежных территориях. Еще важнее, что Советский Восточный Памир (не говоря о Западном) в последние десятилетия чрезвычайно быстро заселялся, хозяйственно осваивался, что привело к резким сдвигам в состоянии его фауны, в частности, фауны крупных млекопитающих. Справедливы слова Г.К. Синявского, что с 60-х годов XIX в. Памир, ставший районом появления и неоднократного прохождения большого количества людей, сильно изменил свой природный облик,

например, полностью лишился стад диких яков, которые, по рассказам киргизов, как раз служили главной пищей диким волосатым людям — «яванам» или «абанам» («акванам») (ИМ, III, №102, с. 59, 61). Но тем более глубокие перемены в фауне памирского высокогорья в самые последние десятилетия. Поэтому, говоря о Памире, надо рассматривать вопрос о «снежном человеке» так, как мы рассматривали бы его, если бы допускали, что эти существа здесь уже вымерли, хотя, может быть, и совсем недавно.

Кое-какие глухие сведения о «диком человеке» на Памире достигали русских образованных кругов еще до первой мировой войны. Кроме уже упоминавшихся, можно добавить беглое указание Г.К. Синявского: «В дореволюционное время приходилось слышать от офицеров Памирского отряда о попытках устройства облав на «дикого человека». Однако, скептики следы его объясняли особой поступью снежного барса» (Ibiden, с. 6). Есть даже слухи, к сожалению, не поддающиеся проверке, будто в 1913 г. русские военные на Памире убили одного «дикого человека» и врач вскрывал его труп, после чего, якобы, Русское Географическое Общество или Российская Академия наук обещали прислать на Памир специальную экспедицию, которая, однако, была сорвана Первой мировой войной, удалось лишь установить, что действительно в июне 1914 г. на Памир выехала было небольшая экспедиция этнографо-лингвистического характера, но архивные материалы не говорят о какой-либо ее связи с проблемой «дикого человека».

Первые более или менее достоверные сведения относятся лишь ко времени после установления Советской власти, к первой половине 20-х годов. Так, в 1924 г. на склонах Дарвазского хребта, в районе реки Оби-Хингоу, врач С.И. Кислый на повороте заброшенной горной тропы лицом к лицу встретился с человекоподобным существом женского пола, покрытым рыжеватыми волосами; оба испугались друг друга и тут же разбежались в разные стороны. Позже С.И. Кислый выдвинул гипотезу, что встреченная им женщина была потомком тех прокаженных, которые здесь изгонялись в горы и дичали (Ibiden, с. 6).

К осени 1925 г. относится наблюдение М.С. Топильского, ныне проживающего в Москве генерала в отставке (1901 г. рождения), а в то время комиссара кавалерийского полка, ведшего борьбу с остатками басмачей. Приведем полностью запись рассказа М.С. Топильского.

С разведывательным отрядом мы преследовали банду, действовавшую в горах Западного Памира и намеревавшуюся уйти от преследования через Восточный Памир в Синьцзян. От Ховалин-

га мы прошли по Дарвазу до района узла Гармо, оттуда повернули на юг, пересекли в верхней части Ванчский и Язгулемский хребты, в дальнейшем также Рушанский. Еще в пути, в Ванчском районе, в высокогорных кишлаках мы слышали рассказы о волосатых человеко-зверях — чудовищных существах (названия не помню), живущих в горах, однако отнюдь не только в снегах. К людям («к мусульманам») они якобы относятся враждебно, сами не нападают, но столкнувшись где-нибудь на горной тропе могут убить, оторвать голову. Согласно поверьям, встреча с таким существом, его взгляд, его вой обязательно приносят человеку несчастье и смерть. Те места в высоких горах, где они обитают, являются их царством, и человеку туда ходить нельзя, там не живут даже архары и барсы. Из опрошенных только один утверждал, что он лично видел такое существо. Но по словам охотников, они часто слышат их вой (крики), и жители верхних кишлаков хорошо отличают голос этого «получеловека» от человеческого или звериного. Высоко в горах нам показали священную для мусульман пещеру, где с давних пор находился ссохшийся труп сидящего святого-отшельника, однако паломничества к этой святыне можно было совершать только в определенное время года, летом, когда снежная черта поднимается, так как в остальное время в тех горах якобы безраздельно царили человеко-звери, не пропускавшие людей. Мы не придали особого значения этим рассказам.

Еще до времени преследования банды в горах Памира нас предупреждали, что мы вступаем на территорию, где царят эти человеко-звери (о таком же предупреждении позже рассказал и раненый член банды узбек). Однажды, двигаясь по следу банды горной тропой, находясь уже на высоте вечных снегов, мы увидели пересекшую тропу цепочку следов. Наш отряд имел вьючных яков и отличных местных собак. Собака почуяла упомянутый след, но по нему не пошла. След был отчетливый, не вызывал сомнения в том, что он оставлен босыми человеческими ногами. Он тянулся на протяжении 150 метров и кончался у подножия крутой голой скалы, едва ли доступной для человека. Тщательно обследовав следы, медик (лекпом) нашего отряда не только безоговорочно признал их человеческими, но и нашел подтверждение этому в том, что обнаружил место, где существо, оставившее следы, испражнялось, причем кал был подобен человеческому, кал был сухой, состоял из остатков сухих ягод.

Продолжая преследование, мы настигли остатки истощенной банды на привале, в месте, где ледник, вдоль которого вела знакомая лишь их проводнику едва заметная тропа, был как бы разорван каменной стеной: на ней лежал и свисал верхний язык

ледника; в каменной стене была щель или пещера. Мы окружили местонахождение банды, находясь на возвышенностях выше места привала. Установили пулемет. Когда была брошена первая ручная граната, на ледник выбежал человек и на русском языке (это был русский офицер, находившийся в составе банды) закричал нам, что от стрельбы лед неминуемо обрушится и всех засыплет. На наше требование сдаваться он попросил время для совещания и скрылся в пещеру. Вскоре мы услышали зловещий шорох от начавшейся подвижки льдов. Почти одновременно до нас донеслась снизу стрельба, которую мы не знали как объяснить, допуская, что это начало атаки. Сверху каменной стены начали падать обломки льда и снега, понемногу засыпая вход в пещеру. Когда он был почти засыпан, оттуда успели вырваться трое человек, остальные (как оказалось, пять) были погребены в пещере обвалом. Нашим огнем из троих были двое убиты, один тяжело ранен. Когда мы спустились к нему, он указал нам место, где обвал засыпал труп русского офицера, который мы откопали. Раненый же оказался узбеком-чайханщиком из Самарканда, человеком довольно развитым. Вот что мы от него услышали в ответ на наши расспросы. В то время, когда в пещере происходило совещание банды, из какой-то расщелины (возможно, ведшей из пещеры куда-то вверх скалы), ворвались волосатые человекоподобные существа, издававшие нечленораздельные крики. Их было несколько. В руках у них были палки. Осажденные пытались отстреливаться. Бывший в числе последних ишан (духовное лицо) был убит палками этими существами. Рассказчик, получив удар палкой по левому плечу, ринулся к выходу, преследуемый одним из этих чудовищ, которое выбежало вслед за ним из пещеры, но тут же пало от выстрелов и было засыпано снегом.

Для проверки этого странного рассказа, мы потребовали указать нам место и произвели расчистку снега. Действительно, был обнаружен труп. На нем — три пулевых ранения. А невдалеке нашлась и палка из очень крепкого дерева, хотя нельзя считать бесспорным, что она принадлежала этому существу. На первый взгляд мне показалось, что передо мной труп обезьяны: он был покрыт шерстью. Однако я знал, что на Памире нет обезьян. Да и труп оказался вполне похожим на человека. Мы пробовали дергать за шерсть, чтобы выяснить, не натянута ли на человека шкура для маскировки, но убедились, что это его подлинная естественная шерсть. Мы неоднократно переворачивали труп на живот и на спину, измеряли. Тщательный и длительный осмотр трупа, произведенный нашим лекпомом (погибшим позже в том же году), исключает допущение, что это был человек.

Труп принадлежал особи мужского пола, ростом 165–170 см, пожилому иди даже старому судя по седому оттенку волос в некоторых местах. В общем цвет его шерсти можно определить как серовато-бурый. Но в верхней части тела, на груди волосы были более бурые, на животе более серые. В разных местах тела они имели разную длину и густоту: на груди более длинные, но редкие, на животе короче, но гуще. В общем шерсть весьма густая, хотя и без подшерстка. Меньше всего волос на ягодицах, из чего лекпом сделал заключение, что существо это сидит как человек. Больше всего волос — на бедрах. На коленях волос совсем нет, заметны мозолистые образования. На голени волосатость меньше, чем на бедре, и постепенно уменьшается книзу. Вся стопа, как и подошва, совершенно без волос, покрыта грубой коричневой кожей. Плечи и руки покрыты волосами, густота которых уменьшается к кисти, причем на тыльной стороне кисти волосы есть, а на ладони совершенно отсутствуют, кожа на ладони грубая, мозолистая.

Волосы покрывают и шею. Но на лице они полностью отсутствуют; цвет лица темный; нет ни бороды, ни усов, и лишь немногие волоски по краям над верхней губой создают впечатление намека на усы. На передней части головы надо лбом волос тоже нет, как если бы тут были глубокие пролысины, зато на задней части головы — густые, свалявшиеся как войлок волосы. Убитый лежал с открытыми глазами, оскаленными зубами. Цвет глаз темный. Зубы очень крупные, ровные, по форме не отличающиеся от человеческих. Лоб покатый. Над глазами очень мощные брови. Сильно выступающие скулы, придающие всему лицу сходство с монгольским типом. Нос приплюснутый, с глубоко продавленной переносицей. Уши безволосые, кажется несколько более заостренные наверху, чем у человека, и с более длинной мочкой. Нижняя челюсть очень массивная.

Убитый обладал мощной широкой грудью, сильно развитой мускулатурой. В строении тела мы не заметили каких-либо отличий от человека. Половые органы как у человека. Руки нормальной длины. В пальцах рук и ног особенностей не отмечено. Однако кисть несколько шире человеческой, а стопа заметно шире и короче человеческой.

Мы не знали сколько-нибудь точно, где находились, так как хороших карт Памирского высокогорья тогда не было. Лишь предположительно можно считать, что это было между Язгулемским и Рушанским хребтами. Поскольку операция была закончена, мы должны были двинуться в путь. Упомянутый раненый узбек на второй день скончался. Природа описанного убитого существа представляла для нас загадку. Но брать с собой труп в

предстоявший очень тяжелый и неясный путь было невозможно. К тому же могли возникнуть осложнения с местным населением. Сказать, что мы везем труп животного? Но убитый был слишком похож на человека. Обсуждалось предложение снять с него шкуру, однако и это походило бы на сдирание кожи с человека. В конце концов, было решено закопать труп на месте происшествия. Раскопок засыпанной пещеры мы не предпринимали, опасаясь подвижки льдов.

Мы следовали дальше на юг и при первой возможности спустились по хребту вниз, где переправились через реку (Пяндж?). Редкие жители горного района, белуджи, принимали нас за какую-то экспедицию. Они с удивлением расспрашивали у нас, как мы могли спуститься из мест, которые считаются обиталищем человекоподобных чудовищ (местного названия я не помню), недоступным для людей. От этих белуджей мы услышали много новых сведений. Нам рассказывали, что человекоподобные волосатые существа встречаются не только в одиночку, но подчас парами или втроем с детенышем, однако большими группами не встречаются. Нас познакомили с одним из белуджей, которого считают «тронувшимся» в результате близкой встречи с таким существом. Он рассказал нам, что однажды, охотясь вдвоем с товарищем в горах, они наткнулись на дикого волосатого человека, которого пытались подстрелить, но тот, обороняясь, большим брошенным камнем убил товарища, а рассказчик спасся бегством, после чего и потерял психическое равновесие. В одном из селений нам рассказали, что в недавнем прошлом охотники обнаружили пещеру с большим количеством костей архаров. Родовой старейшина объяснил, что это — «стойбище» таких чудовищных существ и наложил строгое табу на эту пещеру, запретив охотникам посещение тех мест.

Проделав полуторамесячный марш, наш отряд в конце концов вернулся в Куляб, — заканчивает свой рассказ генерал М.С. Топильский (записано 26 марта 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»). Остается добавить, что рассказчик оставляет впечатление высококультурного, вполне сознающего свою научную ответственность человека, сохранившего ясную и четкую память.

Дальнейшие наблюдения и сбор сведений по данному вопросу, наряду со всесторонним научным изучением географии Памира, были произведены Памирской экспедицией 1928 г. и Таджикско-Памирскими экспедициями 30-х годов. Однако мы пока располагаем лишь кое-какими разрозненными сведениями из числа тех, которые были тогда собраны. Так, например, геолог

и альпинист Л.Л. Бархаш, участник групп, возглавлявшихся Н.В. Крыленко, поделился некоторыми записями из своих полевых дневников. В конце августа 1929 г., при подъеме по леднику Большой Сауксара, на высоте 4400 м в небольшом затененном месте, где выпавший ночью снег еще не успел растаять, он увидел свежий след человеческой ноги, босой, с очень ясными отпечатками пальцев, направление следа было кверху по леднику. В дальнейшем группа решила, разумеется, что Л.Л. Бархаш видел медвежий след, хотя сам наблюдатель не был согласен с этим. «Куда могло пробираться животное? — пишет Л.Л. Бархан. — К западу от ледника на этих высотах были расположены пологие, местами почти горизонтальные долинки береговой морены, покрытые травой, — там встречались сурки и, иногда, стада диких козлов (кииков). Возможно, что животное обходило середину ледника наш бивуак, направляясь к месту охоты» (ИМ, III, №103, стр.63). В другой раз, в начале сентября 1933 г. в лагере на леднике Турамос, у северных склонов хребта Петра Первого, на высоте 4200 м участники группы рано утром обратили внимание на большое оживление в зверином царстве, их крики и обнаруженные впоследствии свежие следы. «Но вот в утреннем воздухе раздался протяжный звук, похожий не то на вой, не то на отчаянный крик человека. Звук повторился дважды, резко отличаясь от всех звуков, издаваемых зверями, которые нам приходилось слышать, находясь на Памире». Ни опытный охотник Н.В. Крыленко, ни кто-либо другой не могли приписать этот звук какому-нибудь определенному животному, а носильщик таджик-охотник Юсуп утверждал, что звук принадлежит шайтану (Ibiden, стр.64; ср. Крыленко Н.В. Разгадка узла Гармо, М., 1934, с. 242). В сентябре 1933 г. на высоте 4300 м вечером на свежей сочной траве была сделана необъяснимая находка: еще теплый труп сурка без головы, которая была отделена от шейных позвонков как бритвой; вокруг не было ни капельки крови, на траве не удалось обнаружить никаких следов. «Чьи мощные челюсти перекусили шейные позвонки у сурка, какое животное выпило всю кровь и отбросило сюда тушку сурка без головы и без малейшей кровинки? — пишет Л.Л. Бархат. — Несмотря на различные предположения все это осталось загадкой и для меня и для Н.В. Крыленко» (ИМ, Ibiden; Крыленко Н.В. Op. cit., с. 270).

Академик Д.И. Щербаков в 1933 г., проходя из верховьев Ванча через безымянный перевал в составе геологической группы, видел на снегу следы ноги, напоминающей человеческую. От следов медведя они ясно отличались отставленным (откинутым) большим пальцем (ИМ, II, №52). В том же году на Памире анало-

гичные следы видел С.С. Шульц. В 1934 г. альпинист В.Н. Маркелов, участник группы под руководством Н.В. Крыленко, в районе Пика Ленина на высоте около 6000 м вместе с товарищами заметил внизу на снежном склоне две фигуры двигавшиеся в двуногом вертикальном положении на расстоянии около километра от альпинистов. Последние стали быстро спускаться по направлению к неизвестным, однако те вскоре исчезли из виду, а следов их альпинисты не нашли, да, впрочем, и не очень искали. Точно установлено, что людей на склонах Пика Ленина в то время не было, кроме того, говорит В.Н. Маркелов, в то место, где исчезли с наших глаз неизвестные, никто из людей не рискнул бы забраться — там было страшное нагромождение висящих льдов (ИМ, II, №53).

Согласно устному сообщению проф. Н.С. Волкова, члены Таджикско-Памирской экспедиции в 30-х годах собрали более обширные данные, говорившие в пользу обитания на Памире неизвестных до сих пор науке двуногих существ. Однако мы не располагаем их записями. Известно только, что какие-то самые существенные наблюдения были сделаны в 1936 г.

К тому же 1936 г. относится наблюдение, о котором сообщает Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» бывший сотрудник радиометеорологической службы на обсерватории ледника Федченко Г.Н. Тебенихин. По его словам, там в марте 1936 г. «произошло событие, так полностью и не объясненное», пока в наши дни не появились аналогичные данные. Однажды, в первой декаде марта, дежурный по метеорологической площадке Б.Г. Нелле во время утреннего обхода в бинокль заметил, что одна из двухметровых реек, установленных на леднике для фиксации его движения, была надломлена в месте выхода из льда, а вокруг целость снежного покрова нарушена. Коллектив зимовщиков обсерватории решил, что это мог сделать только медведь, так как было немыслимо, чтобы мимо зимовки прошел человек и не зашел на нее, поинтересовавшись лишь одной из нескольких рядов реек, которую к тому же оставил на месте сломанной. Б.Г. Нелле и Г.Н. Тебенихин с ружьями и фотоаппаратом спустились на лыжах на ледник. У поверженной рейки следы рассказали, что кто-то шел на двух ногах по правому берегу ледника, т.е. по склону хребта Киз-курган, по направлению от Балянд-киика вверх по леднику Федченко, затем, не доходя метров 40 до данной рейки, он сошел со скального «пляжа» (полосы обсыпавшихся обломков скал шириной метров в 10 – 30) на поверхность ледника и направился к рейке, находившейся в 15 м от кромки «пляжа». Сделав вокруг рейки почти полный круг радиусом метра в три, этот «кто-то» попытался вытащить ее изо льда, но т.к. она вмерз-

ла, дернул в сторону — надломил ее у основания и отпустил. Внимательный осмотр поверженной рейки не обнаружил на ней следов ни зубов, ни когтей, а на снегу около нее не нашлось ни одного волоска. Но эти следы на снегу были достаточно обильны. След был очень свежий. Правда, из-за особенности снега высокогорий, «манной крупы», детали не наблюдались... Однако этот след никак не походил на медвежий, хорошо знакомый охотнику Г.Н. Тебенихину. След, пишет он, был и длиннее, и в пальцах шире следа от его ялового сапога 43-го размера. Вся эта картина была зафиксирована сделанным Б.Г. Нелле фотографическим снимком, с положенными для масштаба лыжами и ружьем. Этот снимок, к сожалению единственный, приложен к сообщению Г.Н. Тебенихина, но может служить не более чем косвенным документальным доказательством истинности его сообщения, так как для анализа следов он ничего не может прибавить к описанию.

Оба лыжника, продолжая все же надеяться на «медвежатину» для зимовщиков, отправились преследовать этого странного «медведя», который, видимо уже забыв о рейке, привлекшей его любопытство, по-прежнему на одних лишь задних конечностях продолжал свой путь вверх по леднику. След говорил, что шел он неторопливым шагом, безошибочно обходя трещины, замаскированные пробками, а иногда переходя их по пробкам, словно зная, какая из них выдержит его вес. Доверившись его инстинкту, зимовщики шли на лыжах в полуметре сбоку от следа. Они двигались настолько быстро, насколько это было возможно при подъеме на высоте от 4300 до 4800 м над уровнем моря. Все более становилось странным, чтобы медведь мог вот уже несколько километров свободно идти на задних ногах, да и вообще бродить в безжизненных местах в период зимней спячки медведей. След, не пересекая ледника Федченко, повернул на восток и примерно против восточного края ледника Розмирович сошел с ледника на южный склон хребта и стал довольно круто подниматься. Преследование продолжалось. Хребет полностью повернул на восток и склон совсем стал южным. Снежный покров крупнозернистый с настовой коркой, крутизна очень большая, движение на лыжах затруднительно. Поднявшись метров на 550 – 600 вверх, лыжники увидели выход ледника Наливкина. Следы пошли горизонтально, а кое-где книзу уступами по 7–10 м. Не доходя километра полтора-два до ледника Наливкина, след круто пошел вниз — к началу камина, постепенно переходящего в кулуар, а затем и в желоб, с общим направлением почти прямо вниз. Весь этот спуск был внутри снежный с настовой коркой, до ледника по нему было метров 600. Тут, пишет Г.Н. Тебенихин, преследуе-

мый удивил их еще раз: он присел и спустился по этому камину на ступнях и ягодицах. Спустившись, лыжники увидели, что след ушел на ледник Наливкина.

Дальнейшее преследование было невозможно: было пройдено уже не меньше 15 км (по прямой — 8 км) и времени оставалось только, чтобы успеть на зимовку ко времени вечерней радиосвязи. Так закончилось это преследование, «оставив после себя ряд вопросов без ответов. Только через 22 года — продолжает Г.Н. Тебенихин, — благодаря т. Пронину, на все «почему?» я получил ответы. Я глубоко убежден в том, что на Памире и сейчас обитает «снежный человек» (сообщение Г.Н. Тебенихина в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» от 26 июля 1960 г., Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Г.Н. Тебенихин полагает, что теперь становятся понятными и некоторые другие его наблюдения и случаи, имевшие место во время его зимовки 1938–1939 г. на Алтын-Мазаре (у слияния рек Сауксай, Каинды, Сельдара, образующих реку Мук-су, в нескольких километрах от языка ледника Федченко). Имеется в виду, например, что когда зимовщики производили заготовку дров близ стыка Балянд-киика и ледника Федченко, там всегда без видимых причин пугались лошади. Точно так же лошади пугались у пика Стамеска в так называемом. Чертовом гробу, где обычно останавливаются караваны, следующие из Алтын-Мазара на ледник Федченко.

Когда, много спустя после получения письма Г.Н. Тебенихина, мы разыскали упоминаемого им Б.Г. Нелле (ныне начальника монтажного строительного участка в г. Ташкенте), мы лишний раз убедились в том, как сильно расходятся между собой воспоминания очевидцев того или иного события через 25 лет, причем не только в деталях, но и в самом существенном. Б.Г. Нелле работал на обсерватории ледника Федченко в 1936 г. в качестве старшего метеонаблюдателя. Описанное событие, по его воспоминаниям, произошло в начале мая 1936 г., когда началось таяние снега. Расхождение с сообщением Г.Н. Тебенихина начинается с того, что, по его мнению, была поломана не одна рейка, а штуки четыре (это однако не вяжется с полученным нами фотодокументом), причем не утром, а еще с вечера. Самое существенное расхождение состоит в том, что, по утверждению Б.Г. Нелле, утром было предпринято не тропление следа, а преследование самого виновника, которого увидели с обсерватории и который оставался в поле зрения в течение всего преследования на расстоянии не ближе 1 км. Б.Г. Нелле полагает, что преследователи не могли с полной точностью определить, шел ли «медведь» на задних конечностях, или на четырех, так как он проваливался в

рыхлый тающий снег, а преследователи шли на лыжах.. Бесспорно лишь, что несколько раз он останавливался и сидел на снегу, где оставлял яму, причем отпечаток ясно свидетельствовал, что он сидел на заду. Как раз в те моменты, когда зверь садился поджидать преследователей, Б.Г. Нелле стрелял по нему из винтовки, но из-за дальности расстояния неудачно. Видимость, говорит Б.Г. Нелле, была во время всего десятикилометрового преследования очень хорошая. «Медведь» был темно-бурого цвета. В вышину был выше самого крупного из когда-либо виденных Б.Г. Нелле медведей, судя по следам, лапы его были необычайно крупные для медведя. Б.Г. Нелле подчеркивает, что зверь садился отдыхать не первым: видимо, он наблюдал за преследователями и садился только тогда, когда они, задохнувшись, садились передохнуть. По направлению следов Б.Г. Нелле полагает, что «медведь» пришел с Алтын-Мазара, с ледника, переваливая в Ванчскую долину. Он мог заночевать на южном склоне, где снег был уже сдут. Он навряд ли был голодный, так как шел из района богатого живностью, где много козлов, барсов, зайцев. Поэтому переход через безжизненный ледник Федченко, где вблизи обсерватории за всю зиму только раз наблюдались улары и раз прошли козлы, был ему посилен (записано 12 апреля 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Как согласовать два существенно расходящихся воспоминания? Б.Г. Нелле вспоминает, что в бинокль с обсерватории весь поход наблюдал геофизик А. Кожевников. Если бы удалось разыскать его, может быть он был бы арбитром. Хотя, как видим, мысль Б.Г. Нелле более склонна допустить, что преследуемый все-таки был медведем, это допущение трудно совместить с хорошо запомнившимся фактом многократного сидения зверя в снегу на заду.

Наблюдения Г.Н. Тебенихина и Б.Г. Нелле — лишь частица пока не выявленных еще памирских данных 1936 г. В ожидании их обратимся к письменным сообщениям двух геологов, не имевших отношения к упомянутой экспедиции и зимовкам, которые восходят также к 30-м годам.

В 1938 г. геолог А. Шалимов с группой носильщиков-таджиков переваливал через Ванчский хребет. Переночевав у подножья крутого скалистого склона, ведущего к перевалу Гуджива, к полудню сделали привал уже на снежной седловине. Вскоре встревоженные носильщики окружили следы, которые, по их словам, принадлежали проходившему здесь утром «дикому человеку», который, несомненно, смотрел, как партия шла на перевал. С необычайной быстротой цепочка носильщиков ринулась

спускаться по заснеженному склону. Важно подчеркнуть, что в другом месте они с полной уверенностью распознали такие же свежие следы медведя. Геолог задержался осмотреть таинственные следы. «На голубой искрящейся поверхности свежевыпавшего снега я увидел отчетливые следы босых ног. Следы вели из долины на северный склон хребта и; исчезали на скалах, откуда ветер уже успел сдуть снег... Коченеющими пальцами я набросал рисунок следов в полевом дневнике. Длина следа была около 30 см, ширина — 15. Были отчетливо видны отпечатки пяти пальцев. След большого пальца значительно крупнее остальных и оттопырен в сторону» (ИМ, I, №24). Добавим от себя, что последнего признака было бы за глаза достаточно для снятия подозрения с медведя, независимо от того, что проводники-таджики не сомневались в том же выводе.

В высшей степени интересны сведения, сообщенные геологом Б.М. Здориком, работавшим в 1926–1938 гг. на Памире. Ведя работы в 1929 г. в горах Санглах — западном отроге хребта Петра Первого и расспрашивая жителей о животном мире этих мест, Б.М. Здорик услышал от раиса — председателя сельсовета кишлака Туткаул следующий перечень: кабан, медведь, красный волк, дикобраз, шакал, гиена и дэв. Геолог был удивлен, что раис относит «дэва» не к нечистой силе, а к миру животных наряду с волком и кабаном. Однако тот рассказал весьма конкретно, что дэв похож на небольшого, но очень коренастого человека, ходит это животное на двух ногах, его голова и тело покрыты волосами бурого цвета и т.д. В Санглахе дэв, по его словам, встречается исключительно редко, но попадается и в одиночку, и парами — самец и самка. Детенышей раис не видел, но взрослого дэва, сказал он, прошлым летом таджики поймали живьем на мельнице (где тот, очевидно, лакомился мукой или зерном). Это было на восточном склоне гряды Санглах, всего в нескольких километрах от Туткаула. Пленного дэва два месяца держали на цепи у мельницы, кормили его сырым мясом и ячменными лепешками. Потом он порвал цепь и убежал. Показывали Б.М. Здорнику и одного человека, имевшего на голове большой шрам, якобы от раны, нанесенной дэвом.

А в 1934 г. Б.М. Здорик сам натолкнулся на это животное. С проводником-таджиком он пробирался по сурчиным тропам сквозь заросли альпийской дикой гречихи на труднодоступном маленьком горном плато, расположенном на высоте 2500 – 2800 м над уровнем моря, в районе между Дарвазовским хребтом и западными отрогами хребта Петра Первого. Внезапно, пишет он, их глазам открылся небольшой участок, на котором трава была

основательно примята, а земля разрыта, точно ее кто-то копал. На сурчиной тропинке были видны пятна крови и клочки шерсти сурка. «А прямо под моими ногами на кучке свежевырытой земли лежало и спало на брюхе непонятное существо, вытянувшись во весь рост, т.е. примерно метра на полтора. Голову и передние конечности я не смог хорошо рассмотреть: их закрывал от меня куст завядшей дикой гречихи. Я успел заметить ноги с черными голыми ступнями, слишком длинные и стройные, чтобы это мог быть медведь, и спину, слишком плоскую для медведя. Все тело животного было покрыто лохматой шерстью, более похожей на шерсть яка, чем на пушистый мех медведя. Цвет шерсти был буровато-рыжий, более рыжий, чем мне приходилось когда-либо видеть у медведя. Бока зверя медленно и ритмично поднимались во сне. Я замер от неожиданности и в недоумении оглянулся на следовавшего вплотную за мной таджика. Тот остолбенел с лицом бледным, как полотно, дернул меня молча за рукав и знаком пригласил немедленно бежать. Вряд ли когда-нибудь еще я видел выражение такого ужаса на лице человека. Страх моего спутника передался и мне и мы оба, не помня себя, без оглядки побежали по сурчиной тропинке, путаясь и падая в высокой траве. Только когда спустились ниже, проводник пытался замаскировать свое представление о «дэве» ссылкой на медведя, приписав последнему заодно и то, что встреченный родник оказался выложенным крупной галькой».

Лишь на другой день Б.М. Здорик услышал от местных жителей, весьма заинтересованных и встревоженных этой встречей, что он натолкнулся на спящего «дэва». Таджики употребляли, пишет он, еще какое-то другое название этого зверя, и ему показалось даже, что «дэвом» они называют его только для того, чтобы их гостю было понятнее. По словам жителей долины Талябара и Саффедары, в горах живет несколько семей этих «дэвов»: мужчины, женщины и дети. Существа эти считаются зверями, а не представителями нечистой силы. Ни человек, ни домашний скот как правило, не терпят от них ущерба. Но встретить их — дурная примета (ИМ, IV, №130).

Говоря о вкладе, сделанном геологами в изучение вопроса о «снежном человеке» на Памире, необходимо упомянуть имя другого геолога — С.И. Клунникова. Разные лица, лично его знавшие, свидетельствуют о том, что его имя должно стоять в ряду тех, кто в известном смысле может быть назван первыми исследователями этого неизвестного науке вида. С.И. Клунников, пешком обошедший чуть ли не весь Памир (частично со своим спутником Ю.С. Погоней), пошел по пути сбора и сопоставления показаний на-

селения о неведомом человекоподобном примате. Он, говорит Г.К. Синявский, собрал на эту тему «множество ценнейших данных» (ИМ, III, №102, с. 60). А. Шалимов вспоминает, как, выслушав его передачу одного полученного от таджиков сообщения, С.И. Клунников очень серьезно заметил, что это еще один факт, свидетельствующий о существовании таких таинственных животных на азиатских высокогорьях. Он, оказывается, уже слышал не раз о подобных историях от бадахшанцев и таджиков, населяющих долины Западного Памира. Несколько лет назад знакомый охотник даже показывал ему клок грубой грязно-серой шерсти, срезанной с трупа убитого его дедом подобного существа. Охотник ни за что не захотел расстаться о этим клочком волос, считая его талисманом, переходившим по наследству от отца к сыну (ИМ, I, №24, с. 79 – 80). К большому сожалению, сведения, собранные погибшим на войне С.И. Клунниковым, не сохранились для науки.

Упомянем здесь и еще одного геолога, знатока Памира, С.И. Проскурко, сделавшего в августе 1958 г. наблюдение и фотографию свежих утренних» следов, подобных «шиптоновским», на Южно-Аличурском хребте, на высоте около 4500 м. Пятка на них была ясно выражена, длина ступни — 18 – 20 см, бросались в глаза слившиеся средний и указательный пальцы и отчетливо выраженный большой палец; расстояние между пятками двух следов — 65 см; полоса снега была узкой, на ней уместилось всего два правых и два левых следа, они шли со стороны ледника вниз. Но выше, вблизи самого ледника, С.И. Проскурко увидел цепочку таких же следов, направленных в сторону ледника. «Судя по отпечаткам, — пишет он, — животное шло твердой прямой походкой, на двух ногах, очевидно с большими изгибами в коленях, так как отпечатки пяток были отчетливы, без косого среза ими верхней корки снега, как это бывает обычно у многих млекопитающих. И хотя снег успел подтаять, отпечатки большого пальца были отчетливы. Следы походили на те, которые я видел ниже. Они принадлежали двуногому существу. Но дальше, среди каменных нагромождений долины, следы нельзя было проследить». Сделанные С.И. Проскурко фотографии не отчетливы, так как след довольно глубоко вдавлен в снег. Но, действительно, большой палец на них ясно отличим по размеру, что совершенно исключает смешение с медведем (ИМ, III, №102).

Не только геологи, географы, врачи собрали данные о «снежном человеке» на Памире. В «Информационных материалах» опубликованы заявления бывших административных работников, бывших служащих погранвойск. Так, например, работник административных органов А.И. Малюта, в течение шести лет рабо-

тавший в Ванчском районе, много слышал от жителей кишлаков долины Язгулема, особенно от стариков,о «существовании каких-то человекообразных существ на большой высоте, в частности, в верховьях реки Язгулем в районе ледника Федченко, и в направлении Бартангского района. Такие высказывания в большинстве случаев исходили от охотников, которые очень много охотились за архарами и кийками, а также за снежными барсами... В рассказах упоминались и такие факты, как исчезновение домашних вещей из кибиток жителей, обнаруженных потом в горах. Интересно, что в других районах Памира, за исключением Язгулемского кишлачного совета Ванчского района, о существовании «снежного человека» я не слыхал» (ИМ, IV, №131).

В опровержение последних слов, к совсем другому району Памира относится сообщение бывшего пограничника П. Пьянкова. «В середине лета 1932 г. я в составе отряда из семи человек находился в засаде на перевале, через который шла тропа в Кашгар. Во второй половине дня из нашего укрытия мы увидели человека, который двигался по снежному перевалу по направлению к тропе. Решив, что это нарушитель границы, мы приготовились к его задержанию. «Человек» был хорошо освещен лучами заходящего солнца. Мы ясно видели его на расстоянии 600 – 700 м. Он шел не торопливой, но довольно быстрой легкой походкой. Видно было, что скалистая местность ему нипочем. Росту он был среднего, коренастый; согнулся вперед, с длинными руками... «Человек» под прямым углом пересек тропу и направился в непроходимые скалы. Мы поднялись к месту, где он пересек тропу. На снегу мы обнаружили следы — похожие на человеческие, но и отличные от человеческих; отпечатков обуви не было — «человек» шел босиком. Следы вели в непроходимые скалы. Мы осмотрели доступные нам места, но ничего не обнаружили. Тогда пошли по следам в противоположном направлении и установили, что «человек» шел вдоль хребта, по которому проходила граница, и его следы уходили в недоступные для человека горы» (ИМ, I, №28, «а»).

Летом 1960 г. еще один наблюдатель, Алексей Грезь сообщил об обнаруженных им следах московскому зоологу Э. Дубровскому и местному работнику В. Васильеву. Это было в апреле, в районе озера Зор-куль, а именно в ущелье Кара-Джилга (высота над уровнем моря около 4200 м.). С запада, со стороны Афганистана к этому участку вплотную примыкает восточная оконечность Ваханского хребта, а с юга лежит ущелье Вахан-дара, сразу за которым раскинулись снежники Гиндукуша и подходящего к нему с юга Большого Каракорума. На западном берегу оз. Чакан-куль, у устья второго правого притока опытный следопыт Алексей Грезь

заметил странный, никогда ранее не виданный им след. На двойном насте, выдерживающем тяжесть человека, присыпанном снежком в палец толщиной, были отчетливо видны следы, хотя и имевшие, по определению Грезя, приблизительно недельную давность. Следы вертикально спускались с очень крутого скалистого западного склона ущелья, пересекали по узкому месту оз. Чакан-куль, поворачивали к югу и уходили вверх по ущелью. Алексей Грезь тщательно изучил следы на протяжении полутора километров, но затем сказалось отсутствие защитных очков, он начал слепнуть и вынужден был вернуться.

При изучении следов А. Грезь сделал зарисовки. Он категорически утверждает, что следы не имеют ничего общего с хорошо ему известными следами медведя: след имеет хорошо выраженное предпяточное сужение, выраженную пятку, выраженный большой палец, отчетливый рисунок складок на подошве; на следу заметны и отпечатки когтей, но это не острые кости, как у медведя, а закругленные (ногти?). Длина следа 25 – 27 см. Существо передвигалось на двух задних ногах, однако на подъемах вставало на четвереньки, при этом след задних конечностей перекрывал след передних. К сожалению, след передних конечностей не был зарисован А. Грезем, хотя он отличался от следа задних. Шаг зверя на ровном месте был длиннее, чем у А. Грезя (А. Грезь несколько ниже среднего роста), но на участках рыхлого снега равнялся его шагу. Ноги зверь ставил шире, чем человек.

В нескольких местах на склоне животное проваливалось одной ногой, так что остались отпечатки колена. Попробовав проваливаться аналогичным образом, А. Грезь заметил, что голень у зверя была длинной. Несколько раз, пробираясь в. снегу, животное ложилось на бок и А. Грезь, ложась рядом, установил полную идентичность получающейся вдавленности локтя и всей фигуры, но наст выдержал тяжесть лежащего А. Грезя, а под зверем треснул. На небольших всхолмлениях, по дну ущелья, на которых расположены норы сурков, след начинал петлять (в это время сурки еще не вышли из спячки) (Сообщения Э. Дубровского и В. Васильева. Архив Комиссии по изучение вопроса о «снежном человеке»).

Приведенные примеры уже охватили со всех сторон Памир (в широком смысле — и Восточный и Западный). Бросается в глаза многообразие информаторов: тут наблюдения геологов и врачей, сведения местного населения из киргизов и таджиков, заявления административных и военных служащих. Все вышеприведенные сведения могут послужить успокаивающим введением к вызвавшему слишком большую сенсацию сообщению гидролога А.Г. Пронина, которое, как легко видеть, вовсе не представ-

ляет чего-либо исключительного. Текст указанного сообщения (без искажений, внесенных газетными корреспондентами) гласит: «В 1957 г. я жил несколько дней рядом с долиной Балянд-Киик, что у конца языка ледника Федченко, Обследуя долину р. Балянд-Киик, перед полуднем 12 августа 1957 г. заметил любопытную фигуру. На утесе левобережной долины (в двух км от устья) на большой высоте на расстоянии около 500 м двигалось существо необычайного облика, напоминающее человеческую фигуру. Фигура была сутулая, ноги расставляла широко, а руки были длиннее, чем у обыкновенного человека. Видимость была отличная, особенно на фоне снежников, расположенных выше. Однако шерсть разглядеть не удалось. Прошло минут пять — странная фигура скрылась за скалой. Через несколько дней, проходя мимо того же места, перед заходом солнца, я вновь видел эту же фигуру, но весьма недолго, так как она скрылась в чернеющей впадине, возможно, в пещере. Я полагаю, что животное видело меня». Далее А.Г. Пронин сообщает о другом происшествии: в начале сентября 1957 г. из устья р. Балянд-Киик пропала резиновая надувная лодка, а много позже она была найдена в пяти километрах вверх по течению реки, хотя проехать на лодке вверх по бурной горной реке было абсолютно немыслимо (ИМ, I, №27). Это таинственное событие невольно сопоставляется с многочисленными рассказами населения о похищенных «диким человеком» из чистого любопытства незнакомых вещей, которые позже случалось находить высоко в горах, что на языке физиологии можно было бы назвать проявлениями «активно-ориентировочной» или «исследовательской» реакции.

По поводу приведенного сообщения А.Г. Пронина поступило несколько дискредитирующих его заявлений, однако ни одно из них не оказалось неоспоримо доказательным. Главное же состоит в том, что, как уже говорилось, мы оперируем массовым серийным описательным материалом; сообщение А.Г. Пронина ничем ему не противоречит. Поэтому вероятность его можно считать большой.

Опубликование в газетах сообщения А.Г. Пронина, естественно, вызвало ряд откликов, информирующих о параллельных наблюдениях. Подчас они совсем лаконичны. Художница М.М. Беспалько сообщает, что «видела такое же самое существо 29 июля 1943 г. в Аличурской долине», где она делала зарисовки местности (ИМ, II, №54). Один бывший пограничник пишет на имя А.Г. Пронина: «После войны, во время прохождения службы в районе р. Пяндж, мы, в составе троих солдат и сержанта, видели группу странных двуногих животных. Их было три. По внешности

они были похожи на то, что вы написали в газете. Из-за большого расстояния нам не удалось разглядеть морды. Следов найти не удалось. Собака не пошла по следу» (ИМ, №28, «б»). Группа бывших пограничников пишет: «В 1954 г. служили в районе ледника Федченко. Своими глазами видели «снежного человека». Мы считаем, что нужно его искать летом. Поймать его трудно. Зверь этот хитрый и осторожный» (Ibiden, «в»). Согласно устному сообщению чл. корр. АН СССР А.Д. Александрова, он обнаружил следы, схожие в «шиптоновскими» снимками следов «снежного человека», в августе 1961 г. на глинистом берегу горного потока Нишгар около селения Вранг (Ваханский хребет).

Летом 1961 г. в кишлаке Шур-Хок Регарского района таджик Бобоев Тура уверенно говорил нам, что, по его сведениям, год или два тому назад, т.е. в 1959 или 1960 г. на Памире военными были пойманы и доставлены в г. Душанбе два «одами-явои» (дикие люди): мужчина и женщина. Их отличительные признаки: тело их было покрыто волосами, они не имели речи, ели только сырое мясо (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Гиссарский хребет, Таджикская ССР, июль 1961 г.). Это сообщение навряд ли можно отнести к достоверным, но оно интересно по крайней мере тем, какие реалистические черты и представления связываются с циркулирующими слухами о памирском «диком человеке». Приведенные записи уже давно показали читателю, что речь идет не о каких-то «поверьях» населения Памира: мы пока касались преимущественно показаний и сведений приезжих людей, а не коренного населения. Однако теперь, после того, как возможность «фольклорного» подхода к вопросу этим решающим обстоятельством уже устранена, мы должны внимательно обозреть и опросные сведения, собранные среди коренных жителей — киргизов на Восточном Памире и таджиков на Западном Памире. Этот обзор покажет, что процент прямых очевидцев среди населения Памира ниже, чем среди горцев Непала, при этом подавляющая часть прямых и косвенных данных относится к прошедшему, а не к настоящему времени: в основном не позже, как к 20–30-м годам XX в.

В октябре 1956 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР, в связи с докладом действительного члена общества А.В. Королева, затронувшего сведения о «йе-ти» в Гималаях и Каракоруме, И. Сахаров сделал заявление о том, что на основании рассказов киргизов, населяющих Восточный Памир, можно предполагать обитание в труднодоступных районах Памира человекообразных существ. О последних говорят, что они живут небольшими семьями, очень малочисленны и из-

бегают встреч с человеком. Внешне они выглядят, как некото рая смесь между человеком и обезьяной, поросли густой черно шерстью. Издают нечленораздельные звуки (ИМ, №25).

В 1957 г. К.В. Станюкович опубликовал уже упоминавшуюс статью: «Голуб-яван (сведения о «снежном человеке» на Пами ре)». Вот как подводил тогда итоги своей опросной работы буду щий начальник Памирской экспедиции 1958 г. «В течение послед них двух лет я много расспрашивал старых памирских жителей диком человеке, и на основании этих расспросов, а также расска зов, о которых я уже упоминал, сложилось следующее предста ление. В наиболее труднодоступных и совершенно безлюдны районах Памира, а именно — в долине Западного Пшарта, ниж него Мургаба и ряда рек, впадающих в Сарезское озеро с юга, также в районе нижнего Балянд-Киика, Каинды и Саук-дары (рай он ледника Федченко), некоторые киргизы, в основном пастух и охотники, встречали дикого человека — голуб-явана (Как уж отмечалось, это название записано К.В. Станюковичем ошибоч но; следует: гуль-бияван). Дикий человек примерно одного рост с обыкновенным, но весь покрыт шерстью, за исключением лиц ни огня, ни орудия он, по-видимому, не знает, но может швырят камни и палки. Он избегает людей, питается корнями и мелким животными, которых он может поймать или убить камнем (зай ца, сурка); зимой по глубокому снегу может загнать архара ил киика. Передвигается он быстро, и, по-видимому, не имеет по стоянного пристанища, т.е. непрерывно странствует. Он встреча ется очень редко, раньше встречался чаще». Надо отметить, чт уже в цитированной статье К.В. Станюкович одновременно ого варивал и сомнения в достоверности рассказов лиц, утверждаю щих, что они встречали этого дикого человека (Станюкович К.В Голуб-яван (Сведения о «снежном человеке» на Памире) // Извес тия Всесоюзного географического общества. М., 1957, т. 89, в. 4 с. 344). После экспедиции 1958 г. он окончательно отказался от от приведенного мнения, утверждая, что киргизы и таджики рас сказывали всего лишь древний миф, «уверенность рассказчи ков, что они передают не сказки, а факты, и ввела в заблуждени тех, кто выдвинул гипотезу о существовании «снежного челове ка» в наши дни» (Станюкович К.В. По следам удивительной загад ки // Известия. М.12 января 1960 г.). Но нам представляются го раздо более верными приведенные выводы К.В. Станюковича из его непосредственной опросной работы, которые ценны тем, чт они не противоречат всей накопленной массе сведений по мор фологии и биологии «снежного человека», хотя К.В. Станюкович не знал этих сведений и не проводил сопоставления с ними сво их данных.

Научный работник Д.Н. Евгенов также собрал на Памире сообщения киргизов о «гуль-бияване» и, в частности, подчеркнул, что по словам населения этот последний до 20-х гг. якобы встречался чаще, чем в последнее время (ИМ, I, №26).

Обратимся к некоторым отдельным записям рассказов населения Памира, причем сначала к тем, которые были сделаны до экспедиции 1958 г. Кое-какие записи (Б.М. Здорика и др.) уже упоминались выше. В упомянутой статье геолога А. Шалимова приводятся сообщения опытного западно-памирского охотника и следопыта Мирзо Курбанова, связанные с одним происшествием в геологическом лагере, вблизи стоянки чабанов, недалеко от ледника. В связи с нападением снежных барсов, на стадо баранов охотники были настороже. Поздно вечером, когда те сидели у костра, откуда-то издалека, из верховьев долины, где лежали льды, трижды донесся странный, ни на что не похожий голос, вызвавший крайнюю тревогу Мирзо Курбанова, а также и чабанов. Это был, по их мнению, «дикий человек», живущий высоко в горах, явившийся сюда через ледник из другой долины. По мнению Курбанова, именно приближение «диких людей» вызвало бегство только недавно хозяйничавших здесь снежных барсов. Согласно разъяснению Мирзо Курбанова, «дикий человек» совсем похож на человека, только поменьше его, не имеет одежды, покрыт шерстью, очень силен, быстро бегает. Интересно, что чабаны, чтобы отогнать «диких людей», прибегли к совершенно тому же средству, как и монахи в непальском монастыре Тьянгбоче: они ударяли в какие-то жестянки, стреляли, кричали, словом, как говорить Шалимов, подняли дьявольский шум, способный испугать кого угодно (ИМ, I, №24).

Жительница селения Кантадаш Таджикской ССР А.М. Кулагина сообщает, что за 25 лет жизни в Средней Азии она много слышала об обитании в горах Памира, в недоступных местах, совершенно диких людей, встречавшихся охотникам или заблудившимся людям и стремительно скрывавшихся при виде людей, рассказывают, что у спящих охотников они забирали те или иные вещи, которые затем оставляли в другом месте (ИМ, II, №55). Офицер В.П. Быков приводит запись беседы с охотником-киргизом Керимбеком о рассказах киргизов и о его личном двукратном наблюдении, касающемся «большого человека»: последний встречается в Южно-Аличурском хребте, выше озера Зор-куль, не имеет одежды, покрыт волосами, однако бороды на лице нет, руки очень длинные, «отец говорил: бегает этот человек, как архар, видит, как беркут, слышит, как барс». В первый раз Керимбек, согласно записи Быкова, видел как двое этих существ на рассвете

тихо спускались по склону в долину, где он заночевал о отцом на охоте, однако, вспугнутые движением лошади, они быстро полезли обратно вверх. Во второй раз Керимбек, сидевший в засаде на одной стороне ущелья, через которое проходили самки горных козлов, будто бы видел как, когда завечерело и козы появились, одной из них градом брошенных камней была перебита спина и спустившийся по крутому склону волосатый человек утащил ее в высокие горы (ИМ, II, №57). Однако этот рассказ, не имеющий близких параллелей, по нашему мнению, требует очень осторожного отношения к себе. Гораздо проще, реалистичнее и ближе к огромному множеству данных, рассказы, записанные К.В. Станюковичем. В 1936 г. местные рабочие отказались ночевать у переправы через реку Саук-дара, ссылаясь на то, что в этих местах живет «дикий человек». Тогда же в Алтын-Мазаре одна киргизка сообщила, что некоторое время тому назад она видела «дикого человека» в устье Саук-дары и, заметив его, спряталась в камнях, он же прошел выше по склону и кричал. В 1937 г. около перевала Тогар-Каты среди киргизов было много разговоров о том, что «опять пришел гуль-бияван», что он ходит вокруг оз. Булункуль, а пришел с Лангара. Там же киргиз Джемагул рассказывал, что давно, «еще при Николае», он издали видел двух «диких людей»: они ходили по горе, «землю копали и траву ели», т.е. вероятно, выкапывали какие-то корни. Джемагул говорил, что гуль-бияван боится людей, прячется и уходит от них, если же он все-таки попадется навстречу, то бояться особенно нечего: нужно покричать, и гуль-бияван сам уйдет. В 1951 г. во время маршрута по р. Западный Пштарт на колхозной ферме предупреждали, что вниз по реке живет трое «диких людей»: две женщины и один мужчина, причем одни говорили, что есть еще маленький, но другие утверждали, что маленького уже нет в этом году, «подох наверно». Утверждали, что «дикий человек» покрыт волосами, ходит в горах очень быстро, обычно прячется, но иногда может рассердиться и напасть на одинокого путника, вернее, будет вызывать на бой, причем этот вызов он сопровождает криками и ударами кулаком в грудь (Станюкович К.В. Голуб-яван (Сведения о «снежном человеке» на Памире) // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1957, т. 89, в. 4, с. 344).

Разнообразные опросные данные среди киргизов Восточного Памира собрала небольшая рекогносцировочная экспедиция Ленинградского университета весной 1958 г. В частности, от нескольких человек они узнали о наблюдениях следов в Чаттукое: по описанию 60-летнего охотника Юсупова, след «гуль-бияна» больше человеческих следов по своим размерам, когтей

не видно, большой палец слегка оттопыривается, нога, судя по отпечатку на песке, покрыта шерстью. Другой молодой охотник там же, в Чаттукое, на свежевыпавшем снегу обнаружил совсем недавние следы «гуль-биявана» и долго шел по следам, но так и не увидел его. На ту же местность Чаттукой указали охотники Шиямкулов, Абдулаев и еще один, встретившие на влажной земле следы, причем и Шиямкулову и Абдулаеву были показаны шиптоновские снимки следов «снежного человека» и оба признали их очень схожими с виденными ими следами (ИМ, №29, с. 89 – 90).

Научный сотрудник Памирского ботанического сада О.Е. Агаханянц записал за пять лет некоторое число рассказов населения Западного Памира о диких волосатых людях, якобы обитающих в горах, в том числе рассказы шугнанцев и ваханцев об «алмасты» — женщине, покрытой волосами, с грудями настолько длинными, что они волочатся по земле, со страшным лицом. Оказалось, что от диких людей «вроде алмасты, но мужчин» чабаны охраняют ночью скот в ущелье Бижон-дара на западном склоне Шахдаринского хребта. Близ Ирхта (у Сарезского озера) «дикого человека» называют «войт», рассказывают, что живет он высоко в горах, волосат, силен, бродит свободно куда вздумает. В среднем течении Бартанга один из опрошенных о «войте» повторил те же сведения, а на вопрос: есть войт или нет? ответил: «До революции был, а сейчас нет». В целом, говорит О.Е. Агаханянц, создается впечатление, что большинство информаторов о «диком человеке» верит в то, что говорит, хотя иногда и скрывает это, опасаясь, видимо, обвинения в суеверности и невежественности (ИМ, II, №56).

Познакомимся теперь с некоторыми записями, сделанными во время Памирской экспедиции 1958 г. Они представляют весьма неравномерный интерес, некоторые лаконичны, иные подробнее, часть носит полулегендарный характер.

Начнем с тех, кто утверждает, что видели «дикого человека» своими глазами. Кадыр Токоев, 58 лет, киргиз, рабочий совхоза Булун-куль говорит, что он видел «гуль-биявана» в 1922 г. или в1923 г., когда ехал вместе с пятью соседями из Аличура в Тохтамыш. Дорога была выбрана безлюдная и трудная — через Чеш-Тюбе. На пути к перевалу Белез путников предупреждали, что там живет «гуль-бияван», но они отважились. Не успев пройти перевал, около полудня, все шестеро увидели: сверху, с горы, наперерез им спускалось похожее на человека существо, без одежды, ростом повыше человека, покрытое серой шерстью. Кадыр Токоев пошел навстречу ему, намереваясь стрелять, однако до «гуль-биявана» оставалось еще метров 500 – 400, когда тот скрылся в кустах, ружье же было старинное — било только на

100 м. (ИМ, II, №58, «г»). Абдильда Джеембеков, 58 лет, киргиз, рабочий археологической экспедиции, рассказывает, что, когда ему было лет 15, он ездил с охотниками в Марджанай на кииков с собаками. «Заметив кийка, спустили собак, но вскоре увидели, что одна из собак пошла в сторону и гонит какого-то зверя, похожего на человека. Киргизская охотничья собака ни в коем случае человека гнать не будет, но если бы это были волк или медведь, то собака и не вернулась бы, как было в этом случае. Бегущего человекоподобного зверя охотники видели на расстоянии метров 400, ростом он был с человека, серый; они твердо знают, что это не были ни волк, ни медведь» (Ibiden, «м»).

К приведенным выше показаниям о наблюдениях следов можно добавить следующие. Юсуп Палван Садыков, 74 лет, киргиз, колхозник-пастух, в 1945 г. в местности Чаттукой на песке видел незнакомые ему пятипалые следы, ведшие к горе; длина ступни около 35 см, ширина около 20 см, заметны были отпечатки ногтей, расстояние между следами -около двух человеческих шагов (Ibiden, «л»). Аарын Абдураимов, 67 лет, киргиз, рабочий в Мургабе, года три назад в Чаттукое видел на глинистой влажной почве след, похожий на человеческий, длиной в две четверти (около 35 см); следов было много, они спускались с вершины горы и шли к воде; попавшийся по дороге камень тоже сохранил на себе след и был вдавлен в землю (ИМ, III, №106, «ж»). Турганбай Шаимкулов, 44 лет, киргиз, бывший председатель колхоза, в 1948 г. недалеко от Сарезского озера, возвращаясь, обнаружил след, пересекавший его собственный след и оставленный всего около часа тому назад; Шаимкулов, опытный охотник, утверждает, что след был не медвежий и не собачий, а имел форму человеческой ступни, хотя никакой человек не ходил бы в феврале босиком. В длину след имел две четверти (около 35 см), в ширину — пядь (12–15 см), след от первого пальца был больше, чем у человека, следов когтей не было видно. Пойдя по следу, охотники обнаружили, что след стал петлять, и спутник Шаимкулова, Мамед Абдуллаев, преисполненный суеверного страха, настоял на возвращении (ИМ, II, №58, «н»).

Гораздо больше рассказов киргизов и таджиков о встречах с волосатым диким человеком записано не от непосредственных очевидцев, а из вторых рук. Однако часть этих записей следует привести, как доказательство полной однотипности основных описаний этого существа, а подчас как вносящие ту или иную любопытную деталь. Иногда это совсем короткие утверждения: «Старики рассказывали, что раньше, в старые времена, в ущелье Сулыстыг возле Тохтамыша встречали гуль-биявана»

(Ibiden, «д»). Иногда это более конкретное сообщение со ссылкой на ряд еще живых свидетелей: лет 40 – 50 тому назад некий человек по имени Кулат поехал верхом на охоту в ущелье Сулыстыг, вдруг лошадь его чего-то испугалась, он увидел «гуль-бияванa» (или «джез-тырмака», что то же). Существо это было похоже на человека, но больше ростом, покрыто шерстью, шло согнувшись (ссутулившись). Кулат хотел стрелять в него, но испуганная лошадь поскакала прочь (Ibiden, «е»; ср. также: ИМ, III, №106, «в»). Мать другого рассказчика говорила ему, что однажды («еще при Николае») к самой юрте ее подошел «человек» высокого роста, без одежды, все тело его было покрыто шерстью, причем на груди шерсть была короче, а на коленях — длиннее, они оба испугались друг друга, и «человек» тот ушел в горы, крича что-то непонятное (Ibiden, «ж»). Весьма почтенный пожилой киргиз недалеко от Мургаба рассказывал нам, что по словам свидетелей, на которых он ссылался, в старое время («при Николае») в течение одного года, т.е. зимы и лета встречали «дикого человека» между Маммазаиром и Кара-Су. Его называли «гуль-бияваном» или «джез-тырмаком». Внешне он похож на человека, только тело покрыто короткой шерстью. Ходил на двух ногах, как человек. След от ноги — похож на человеческий, но раза а два больше. Крик тоже похож на человеческий, но сильнее, очень громкий, так что голос разносится по горам. Люди, ездившие в Мургаб, то слышали его крики, то видели следы. Однажды лично знакомый рассказчику, ныне покойный Рисмет Исаков, весной проезжал верхом мимо места, где люди раньше выкопали яму для постройки дома, а потом забросили; оказалось, что в этой яме устроил свое логово этот «дикий человек»: увидев проезжавшего Исакова, он вылез из ямы, закричал и ушел в горы. Все следующее лето его крики еще слышали в горах, но с осени уже не было больше ни криков, ни следов, и никто не знает, умер «гуль-бияван», или ушел куда-нибудь (Ibiden, «з»). Пастух Турдыбек, согласно одному рассказу, однажды в районе Ак-Беита подвергся нападению «гуль-бияванa». «Он был покрыт короткой шерстью, похожей на шерсть верблюда». Они боролись врукопашную, затем «гуль-бияван» ушел неизвестно куда, а испуганный Турдыбек, вернувшись домой, повел всех на место происшествия и показал им следы на мокрой от дождя мягкой земле; следы были похожи на отпечатки босой ноги (Ibiden, «к»).

Ситуации, аналогичные описанным, встречаются снова и снова. Большой человек, весь покрытый шерстью, вплотную подошел к юрте и даже просунул внутрь обросшую волосами голову, а затем, испугавшись выскочившего хозяина, убежал; это было

в ущелье Джандабан (в направлении на Чеш-Тюбе) (Ibiden, «о»). Да, — снова и снова повторяют опрашиваемые, — от стариков, например, в районе Каракуля и Мургаба, они слышали о существовании здесь «гуль-биявана» два-три десятилетия назад, а то и всего десять лет назад (Ibiden, «н»). От охотника Отунчу Маатова слышали, что лет двадцать назад он видел «гуль-биявана» в районе Кара-дары (Шайдан) в ущелье Урус Джильга: охотники могли хорошо рассмотреть в имевшийся у них бинокль спускавшегося по склону «человека», который был весь покрыт мелкой сероватой шерстью, как будто недавно отросшей, с большой (очевидно, косматой) головой, с более широкой верхней частью туловища, чем нижней; он шел, немного согнувшись (ИМ, III, №106 «а»). В местности Куртеке (между Мургабом и Чеш-Тюбе) к вечеру киргиз Турсун-амин увидел спускающееся с горы человекоподобное существо; оно прошло недалеко от наблюдателя по склону горы, что-то бормоча, а когда поднялось на гору, с огромной силой закричало (Ibiden, «б»). Киргиз Токтосын Сарыкулов в узком каменистом ущелье в Чеш-Тюбе, в давние времена («во времена Николая») как-то осенью, проезжая один, увидел большое существо, по форме похожее не на зверя, а на человека, не имевшее одежды и все покрытое сероватой шерстью, напоминающей цвет новой шерсти у верблюда; это существо остановилось и некоторое время смотрело на проезжающего (Ibiden, «г»). «Гуль-биявана» в прошлом видели и на дороге на Муз-куль через Ранг-куль, и между ущельями Аг-ширак и Кара-кия в долине Ак-су. Рассказывается, что в местности Ирмийгуз (недалеко от Чеш-Тюбе) один киргиз по имени Чумукбай, в поисках пропавшего верблюда, издали увидел что-то похожее, но, подойдя ближе, обнаружил спящего «гуль-биявана»; «он лежал лицом вниз и дышал, как спящий человек. Проснувшись, «гуль-бияван» убежал» (Ibiden, «д»). В 1939 г. Турдыбек Байсарыев, по словам его зятя, подвергся нападению и схватился врукопашную с «гуль-бияваном», последний «весь был покрыт короткой мягкой шерстью, на лице у него тоже была очень короткая шерсть, от него исходил сильный неприятный запах» (Ibiden, «з»). На Западном Памире один охотник между Рохарвским ущельем и ущельем Бодаули видел самку «дикого человека»: она была немного выше человеческого роста, руки и ноги волосатые, голова косматая, немного волос на груди, длинные груди, лицо безволосое (ИМ, II, №58, «б»).

Мы привели довольно многообразный описательный материал, относящийся к Памиру (Никакой связи со всем этим материалом не имеет факт убоя в январе 1962 г. близ южной границы Памира самца макака-резуса, вероятно полуручного, неизвестно

кем и с какой целью завезенного в те края, но может быть и дикого, перебравшегося из Пакистана. Для ознакомления с трупом я выезжал в Душанбе, после чего в газетах были опубликованы данные мною интервью: 1) Поршнев Б.Ф. Снежный человек? — Нет, обезьяна // Московский комсомолец. М., 24 февраля 1962. (и др. газеты 24 февраля 1962 г.); 2) Дмитриев Ю. В снегах Памира. Обезьяна на высоте трех тысяч метров // Труд. М., 21 февраля 1962). Можно наметить несколько предварительных выводов, обобщающих эти данные. В подавляющей массе памирский описательный материал тяготеет в прошлое, напротив, совсем свежих наблюдений очень мало. Собранные сведения в немалой части исходят из вторых рук, это подчас глухие, полустершиеся воспоминаний, сопровождаемые иногда и легендарными домыслами. Весьма отчетливо выступает во многих сообщениях суеверный страх болезни от встречи «гуль-биявана» или даже от разговоров о нем. Остается впечатление, что этот суеверный страх поддерживается не только народной традицией, но и активным воздействием мусульманского духовенства. Последнее распространяет версию о невозможности для непосвященного увидеть это существо, о том, что «дикий человек» — это дух (впрочем, подчас, напротив, что это попросту медведь). Муллы старательно отводят внимание исследователей от поисков, направляя его либо в далекое прошлое, либо в далекие запредельные страны, либо в мир невидимых демонов и сверхъестественных существ. Автор этих строк беседовал с муллой Курумшу в Сарык-Моголе (Алайская долина), пожилым человеком с обширнейшими связями в мусульманском мире и большим жизненным опытом. На вопрос о «гуль-бияване» он ответил, что «гуль-бияван» безусловно существует, однако поспешил поставить его в один ряд с джиннами. Он пояснил, между прочим, что «гуль-бияван» и «алмасты» — это те же самые существа, но только мужского и женского рода. На вопрос, видел ли кто-либо живого «гуль-биявана», Курумшу в знак отрицания пощелкал языком: никто не видел его. Следовало ли это понять в том смысле, что не видел никто из людей, кого сейчас можно было бы расспросить, или что его вообще невозможно увидеть простому смертному? Как бы опровергая второе предположение, Курумшу по своей инициативе добавил: «теперь гуль-биявана надо искать в некоторых местах в Китае или Индии» (ИМ, II, №42, «а»).

Из сделанного обзора видно, что места встреч и наблюдений рассеяны чуть ли не по всему Памиру. «Гуль-биявана» невозможно приурочить к ограниченному району Памира, он появлялся в разные времена то тут, то там. Все же некоторую концен-

трацию наблюдений можно констатировать в отношении двух районов: 1) Южно-Аличурокого хребта, 2) верховьев Язгулема и окружающих мест.

Важно, что ни в этих районах, ни где-либо вообще на собственно Памире мы почти не встретили упоминаний о детенышах «снежного человека», — единственным исключением является приведенное К.В. Станюковичем сообщение, относящееся к р. Западный Пшарт, сопровождавшееся, впрочем, предположением, что детеныш «подох наверно». Гораздо более важным исключением является сообщение Б.М. Здорика, что в районах левых притоков р. Оби-Хипгоу, т.е. в Дарвазском хребте жителям известны целые семьи волосатых диких людей: самцы, самки, детеныши. Однако, включив в предшествующий обзор это упоминание, мы как раз нарушили принятые для начала географические рамки, а именно вышли в западном направлении за пределы собственно Памира (Горно-Бадахшанской АО). Теперь нам предстоит последовать за этим сигналом.

ГОРНЫЙ ТАДЖИКИСТАН, УЗБЕКИСТАН, ТУРКМЕНИЯ

Ознакомимся с имеющимися сведениями о наблюдениях диких человекоподобных существ на остальной территории Памиро-Алайской горной системы: со сведениями из лежащих за пределами Памира районов горного Таджикистана; из прилегающих горных районов Узбекистана в Туркмении; наконец, с территории Алайского хребта и Алайской долины, вводящих нас уже в границы Киргизской ССР.

По Дарвазскому хребту и хребту Петра Первого, лежащим непосредственно к западу от Памира, выше уже был приведен некоторый материал, например, сообщение геолога Б.М. Здорика. Из материалов, относящихся к южным склонам и отрогам хребта Петра Первого и к долине Обихингоу, приведем сообщения Малика Саидова, таджика, ныне работающего садоводом в Душанбе. В 1934–1937 гг. он работал райуполномоченным милиции в Товиль-Дарьинском районе. В 1935 г. один крестьянин из Сагир-Даштского («Сурчиная долина») сельсовета неоднократно подавал заявления, утверждая, что кто-то неуловимый не дает ему жить, выгоняет из кибитки — приводя разнообразные ночные эпизоды. В 1934–1936 гг. житель кишлака Чильдара Ахмат Холов несколько раз обращался за оружием, так как по пути от кишлака до комбината (около 1,5 км) ни он, ни кто не мог пройти ночью, не встретив «гула» (дикого человека), который приближался к путникам, хотя и не нападал. Малик Саидов для провер-

ки ездил по этому пути вооруженный, но никого не встретил, — может быть, прибавляет он, потому что «гул» видел мое оружие. От жителей кишлака Чильдара, продолжает Малик Саидов, можно получить сколько угодно сведений о «гуле». В частности, мой тесть рассказывал, что дважды в жизни он боролся с сильным вонючим «гулом»; а в 1954 г. его нашли убитым странным образом: со спины было вырвано мясо до печени. Но вот случай, свидетелем которого был сам Малик Саидов. В 1937 г. он был назначен начальником пионерлагеря на территории кишлака Пагола Товиль-Дарьинского района. В красивой арчевой долине в 3 километрах от кишлака, ранее необитаемой, где сливаются три ручья, полные крупной форелью, которую легко ловить руками, были построены из хвороста летние помещения для детей. Однажды в лунную ночь дети закричали, что кто-то в них кидает мелкие камни; это продолжалось до утра. На другую ночь было то же, Малик Саидов, по его словам, лично видел как один мальчик получил ссадину на виске от попавшего камня. Мелкие камни очевидно бросались сквозь щели в хворостяных стенах, но снаружи никого заметить не удалось. На другую ночь один проезжий военнослужащий, попробовавший караулить вместе с начальником лагеря вне помещения, получил в голову более крупный брошенный кем-то камень. Следующей ночью караулили вызванные милиционеры, устроившие засаду, но камни снова падали на детей в помещение, а обнаружить никого не удалось. Пришлось лагерь свернуть. Местные жители объясняли, что камни кидают «гули», обитающие в этой арчевой долине и не пускающие туда людей; их видели — то мужчин, то женщин, слышали их голоса вроде плача; иногда в одинокого путника они сзади бросали камни. В этой долине так никто и не живет, — заканчивает свое сообщение Малик Саидов. (Записано 27 июня 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Вот еще одна запись, относящаяся к близлежащему району. По словам таджика Хиджобатаха Нодирова, в пустынных и лесистых местах Вахио многие издавна встречали «гули-биёбона» («дикого человека»). А лет 6 – 7 тому назад на перевале между Кара-тегином и Вахио (может быть у Чильдары) один знакомый Нодирова вместо с двумя спутниками встретил человекоподобное существо без одежды, покрытое короткой темной шерстью; существо это было ростом немного выше человека и издавало сильный неприятный запах (ИМ, II, №58, «а»). К Дарвазскому хребту и его отрогам относится ряд сообщений о встречах и наблюдениях «дикого человека». По словам В.А. Ходунова, «как это ни удивительно, наибольшее количество рассказов о встречах с «дикими

людьми» относится к району Кулябских гор, где, по-видимому, по
добная встреча — далеко не редкость. При этом там также сущест
вует поверье, что человек, встретивший «алмасты» («дикого чело
века»), если не погибнет в столкновении с ним, то уж обязательно
умрет вслед за этим» (из письма В.А. Ходунова от 23 ноября 1960 г
в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Обратимся к данным, относящимся в Каратегинскому хребту. Со слов киргиза Абдулхамида Абдурахманова, 67 лет, записан рассказ его деда охотника Аллаёра. Дело происходило в Джиргатале — к востоку от Каратегинского хребта. Пятеро охотников отправились в горы за кииками и заночевали в лесу. Проснувшись от лая собак, охотники подбросили травы в костер и увидели на близком расстоянии «гуль-бо», как называют в Джиргатале «гуль-биявана». Это было громадное похожее на человека существо ростом почти в два метра (в 5 газов). Оно было все покрыто шерстью. От него исходил очень сильный и неприятный запах. «Гуль-бо» постоял немного, посмотрел на охотников и, когда ветер погнал на него дым и искры от зажженной травы, ушел, и слышно было, как он ломал сучья и кусты в лесу. Утром охотники видели и измерили его следы (ИМ, II, №58, «а»; ИМ, III, №106, «е»). К Оби-Гармскому району (Каратегин) относятся сведения упомянутого выше Малика Саидова, полученные им от покойного отца, безупречную честность которого рассказчик особенно подчеркивает. Охотясь в районе Оби-Гарма высоко в горах, отец убил козу, но не успел спуститься и заночевал в пещере. Он снял шкуру с козы, стал жарить мясо. Пещера находилась на крутом склоне, вниз от нее был обрыв метров па 100, но сверху ее склон был менее крут. Вдруг сверху посыпались камешки. Отец выглянул: головой вниз свисала женщина, с большими грудями, покрытая волосами темного цвета, более пушистыми, чем у коровы. Заметив выглянувшего отца, она подтянулась, но затем опустилась снова. Когда она спустилась до пояса, отец выстрелил ей между грудей, она покатилась вниз с обрыва, закричав внизу таким страшным голосом, что даже горы ответили. Отец не спал до утра, ожидая возможного появления других. Когда взошло солнце, он спустился вниз обрыва и нашел труп убитой. Это была настоящая женщина, только все тело ее было покрыто волосами, даже пальцы на руках и ногах; ногти длиннее, чем у человека; глаза близко посажены друг к другу. Шерсть была блестящая, длинная. Отец хотел было снять шкуру, но так как от женщины исходило зловоние, он не стал этого делать и ушел. Отец, предупреждавший своим рассказом начинавшего тогда охотиться сына о возможных случайностях охоты, называл эту женщину

«гул». Отец рассказал также случай, происшедший с его отцом, который всю жизнь был охотником, отличался большим ростом и силой. Жил дед тоже в Оби-Гармском районе. Однажды он ночью возвращался с мельницы, вез на ишаке муку, и в овраге его схватил «гул» — мужчина и они долго боролись. Домой к его жене пришел один ишак с мешком, но через два часа вернулся и муж: он задушил этого «гула» и бросил его труп на дороге. Утром никто не решался пройти по дороге мимо мертвого «гула», все возвращались назад, пришлось деду снова самому пойти в то место и закопать убитого «гула» (Записано 27 июня 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Двигаясь на запад, мы обнаруживаем сведения о «гуле» в Орджоникидзеабадском районе почти вплоть до самого г. Душанбе. Его якобы встречали охотники в горах, он похож на человека, покрыт шерстью, от него исходит очень сильный неприятный запах. Рассказывают, что в 1937 г. вблизи кишлаков Чукмайран, Тундара, Бедак (сельсовет Семигандж) в овраге жил «гул» («гули-биёбон»), — похожее на человека существо, обросшее желтоватой шерстью, напоминающей верблюжью; говорят, что он водится там и сейчас. Таджик Абдугаффор Сабуров, 46 лет, инвалид Отечественной войны, в 1948 г. осенью был на охоте в районе Рамита, вблизи кишлака Канас. Днем в лесу на расстоянии 500 – 600 м увидел громадное человекообразное существо, обросшее шерстью, с крупными руками и ногами. Больше всего шерсти у него было на плечах, ляжках и груди; на голове тоже были длинные косматые волосы. От него донесся отвратительный запах. Сабуров также подтвердил, что и сейчас в ущелье (сае) возле кишлаков Бедак, Тундара и др. живет «гули-биёбон».

Южнее, в районе Файзабада, жители рассказывают, что «гули» там якобы живут в многочисленных в этих местах пещерах, бродят по ночам и набрасываются на одиноких путников. В 1960 г. жители кишлака Канаски-Поён на р. Канас на вопрос В.А. Ходунова о «диком человеке» ответили, что зимой в окрестностях их кишлака бродит целое стадо «диких людей», а однажды, в одну очень морозную зиму с глубокими топкими снегами, три «гуля» подошли к кишлаку и с жадностью пожирали отбросы на виду у жителей. В подтверждение они сослались и на то, что впадающая в Канас речка, на которой стоит этот кишлак, называется Дара-Алмасты; таким образом термины «гул» и «алмасты» здесь отождествляется. Жители кишлака утверждали также, что «гули» живут на р. Ханако, сливающейся с р.Канас и образующей с ней р. Сорбо, а также на р. Сарда-и-Миёна, которая, сливаясь с р. Сорбо, в свою очередь образует с ней р. Кафирниган; в рай-

оне р. Сарда-и-Миёна чабаны якобы довольно часто видят «гулей» в заброшенных плодовых садах. Описывая внешность «диких людей», жители верховий Кафирнигана кроме волосатости и большого роста отмечают еще непомерно большие глаза (может быть, глубокие глазницы?) и впечатление четырехпалости кисти рук, что, может быть, объясняется специфическим расположением большого пальца, плотно прилегающего к ладони. В.А. Ходунов не без основания выводит отсюда предположение, что жители верховий Кафирнигана достаточно часто видят «дикого человека» вблизи. (Из письма В.А. Ходунова от 27 ноября 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Если мы спустимся вниз по течению Вахша и Кафирнигана в юго-западную часть Таджикистана, мы снова встретим там и тут сведения об обитании «диких людей». Симптоматичны древние узбекские названия некоторых мест: Явансу (приток Вахта), Яван (населенный пункт). В этих местах, как рассказывают, охотники и сегодня могут добыть «гула» («явана», «алмасты»). На Вахте, недалеко от поселка Вахш, как гласит одно сообщение, в прежние годы часто погибали люди. Они или исчезали вовсе, или погибших находили с перебитыми руками, с вывернутыми головами. «Наконец, двум пограничникам повезло, и они поймали огромную женщину «с пудовыми грудями». Вслед за ней в пещере над рекой были пойманы два ее детеныша мужского пола. Все трое были покрыты редкими серо-желтыми волосами и сильно кричали, когда их связали». (Из записей В.А. Ходунова 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Много указаний относится к среднему и нижнему течению Кафирнигана. Даже далеко в Гиссарских горах на мои расспросы о «диком человеке» один старый таджик-мулла говорил, что «одами-явои» и «маймуны» преимущественно водились прежде в тугаях на Кафирнигане, также как и тигры (которые, кстати, сейчас на территории Таджикистана появляются изредка заходом только в заповеднике «Тигровая Балка») (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Гиссарский хребет, Таджикская. ССР, июль 1961 г.) В.А. Ходунов сделал в долине Кафирнигана и на хребте Бабатаг ряд интересных наблюдений, например, обнаружил груду сложенных панцырей черепах. Он же записал следующий рассказ Киндза Олимова, таджика, 45 лет. Много лет назад, еще в молодости тот повстречался с «маймуном». Встреча произошла в лесу в горах Бабатаг. «Маймун» был небольшого роста, около полутора метров, поросший мелким негустым волосом светлой окраски (это дает повод думать, что «маймун» — подросток «дикого человека»). Верхняя часть лица была скрыта прядями таких же свет-

лых волос. Особенно поразили Олимова словно подкрашенные красные губы. При встрече «маймун» поднял вверх руки, затряс ими и стал сильно кричать (Из письма В.А. Ходунова от 16 мая 1961 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»). Это описание нервной реакции «дикого человека» при встрече с человеком заслуживает внимания, оно с физиологической точки зрения реалистично.

Вернемся к северо-западную часть Таджикистана. К северу от города Душанбе, в долине р. Варзоб, согласно показанию таджика-очевидца, в 1944 г. у самого селения неожиданно появились волосатые «дикие люди» («гул-явои») и с жадностью поедали поспевшие ягоды тутовника. Дело в том, объяснял таджик, что в том году выше в горах на ягоды тутовника был полный неурожай, диким людям нечего было есть и поэтому они спустились к селению с гор (ИМ, III, №107, «б»). Это сообщение привело нас уже на склоны Гиссарского хребта. Если мы двинемся по нему в западном направлении, мы окажемся в чрезвычайно любопытном районе, который, по сведениям, полученным Г.К. Синявским в 1930 г., до революции представлял собой что-то вроде своеобразного охраняемого питомника этих «яванов» или «одами-явои». Их якобы охраняли и мало-помалу истребляли для медицинских и коммерческих нужд двора эмира Бухарского, которому этот заповедник принадлежал, а находился непосредственно под охраной Каратагского бека. Район этот расположен в междуречье рек Каратаг-дарья и Ширкенд-дарья, впадающих в Сурхан-дарью; долина Каратаг-дарья тянется в горы вплоть до перевала Мура, ведущего на оз. Искандер-куль. По рассказам узбеков-кочевников, все эти места некогда были недоступны для людей. Таджики жители кишлака Хакими говорили геологам, что долина Пашми-Кухна, богатая ореховыми лесами и водой, долго была лишена жителей, потому что «дикие волосатые люди с гор спускали каменные глыбы, бросали камни и заставили жителей покинуть эти места» (ИМ, III, №102, с. 68, 62). По сведениям Г.К. Синявского, молва приписывала этим самым жителям кишлака Хакими таинственные промыслы: они плавили железо из местной красной руды, а вместе с тем занимались вытопкой жира из пойманных «диких людей» для изготовления драгоценного целебного снадобья; они были одновременно и «хакими», т.е. лекарями для окрестных горцев-таджиков, и поставщиками драгоценного медицинского средства для феодальной верхушки Средней Азии, которое с них взимал здесь специальный пристав Каратагского бека. Так рассказывают! Есть ли в этом доля правды?

К разным местам южных склонов Гиссарского хребта относится уже немалое число сделанных к настоящему времени записей. Так, Бадалу Худойкулову (узбек, 30 лет, работник садвинсовхоза), по его словам, известен ряд сообщений о встречах «дикого человека». Например, Абдулла-джан, житель райцентра Гиссар, в 1943 г. лежа вечером в яме, сделанной им для ночевок в горах, был перепуган вышедшим к нему «диким человеком» («ёбои-одам»). Он достигал 2,5 м в высоту, весь был покрыт черной шерстью. Абдулла-джан так испугался «дикого человека», что не смог выстрелить, а тот, испугавшись в свою очередь, убежал в лес. (Из записей В.А. Ходунова, 1950 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) Интересно, что и здесь, на южных склонах Гиссарского хребта имеется ущелье с названием Алмасты-дарья. Но последуем дальше на запад, к таинственному району, на который указывали информаторы Г.К. Синявскому, к долине реки Каратаг-дарья.

В среднем течении той реки с правой стороны среди боковых ущелий одно носит название Дузах-дара, т.е. «Адское ущелье». Г.К. Синявскому указывали на это ущелье (а также на окрестности кишлака Хакими) как на место обитания «дэвов», описание которых совпадало с «диким человеком», и получения сырья для упомянутого лекарства «мумиё» (ИМ, III, №102, с. 62). Интересно, что на то же самое ущелье указывает совершенно независимо сообщение Б.М. Здорика. Его проводник Юсуф Якубов сообщил ему, что в глухом ущелье Дузах-дара однажды вечером к его костру подсел волосатый голый субъект. Очевидно тот же случай имеет в виду Б.М. Здорик, когда ниже пишет: «О встрече моего проводника Юсуфа Якубова с человекоподобным существом в урочище Ташкутан на водоразделе между реками Ширкенд-дарья и Каратаг-дарья вряд ли стоит писать подробно, так как описать это существо, даже через несколько часов после встречи с ним, Юсуф не смог. То немногое, что он рассказал о дэве, ничего не прибавляет к описаниям «йе-ти», сделанным шерпами, хотя не отмечается конусообразности головы» (ИМ, IV, №130, с. 119, 126).

В июле 1961 г., заинтересованный данными, собранными Г.К. Синявским, Б.М. Здориком, В.А. Ходуновым, я совершил путешествие по долине реки Каратаг (совместно с зоологом С.А. Сайд-Алиевым и А.И. Казаковым). Высоко в горах вблизи перевала Калтаколь мы встретились с чабаном Шкуром Нучаевым (таджик, 57 лет, колхоз имени Ленина Гиссарского района). На мой вопрос, верно ли говорят, что в старину в этих местах водились «дикие люди» («одами-явои), Нучаев ответил: они и сейчас водятся в ущелье Дузах-дара, где в средней части много недоступных боковых саев;

там возможны и другие неизвестные животные. Чтобы увидеть «одами-явои» в Дузах-даре, — рекомендовал он, — надо залечь в каком-нибудь из этих густо заросших саев; наблюдения надо вести утром и вечером, так как днем в жаркое время «одами-явои» спит где-нибудь в тени. Если же хотят поймать «одами-явои», добавил Нучаев, надо направить туда человек сто вооруженных людей, оцепить ущелье, прочесать его (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Гиссарский хребет, Таджикская ССР, июль 1961г.). Нельзя не подчеркнуть полный реализм и трезвый расчет в этом рассуждении опытного охотника.

Мое путешествие было слишком коротким и рекогносцировочным по замыслу, чтобы осуществить эти рекомендации. Но и миновать ущелье Дузах-дара, я, конечно, не мог. Опытный проводник Тура Бобоев вывел нашу группу в верховья ущелья (к югу от кишлака Лабиджай), круто спускающегося на восток на протяжении 10–12 км до выхода в долину Каратаг-дарьи. Ущелье Дузах-дара — величественное, одетое суровым камнем, а по склонам и боковым саям — необычайно пышной растительностью. Здесь не ад, а поистине рай для животного мира: превеликое множество алычи, есть яблоки, шиповник, орех, миндаль, боярышник, ежевика, много «чухры» (кисличны, ревеня); в текущей по дну ущелья речке есть зеленые жабы, рыбки (форель?). Встречаем лежки кабанов, кал медведя. По словам Бобоева, здесь, в верхней части ущелья, водятся медведь, кабан, рысь, волк, куница, лисица, барсук, дикобраз. Спуск вниз по дну ущелья оказался крайне трудным в средней части и пришлось вернуться вверх. С водораздела были видны три-четыре боковых сая с правой стороны, покрытых такой густой и буйной растительностью, что пробраться сквозь неё без специальных средств практически немыслимо. Это короткое ознакомление с ландшафтом во всяком случае показало, что природные условия ущелья Дузах-дара не противоречат рассказам, они дают в высшей степени благоприятные экологические условия для стационарного обитания, в том числе, для зимовок «дикого человека».

Поднимаясь выше по течению Каратаг-Дарья, мы окажемся в его узкой средней части, представляющей собой огражденную с двух сторон скалами и крутыми склонами теснину. В своем роде это тоже «адское ущелье». В этой части долины Каратаг-дарьи весной 1960 г., еще до прогона стад на альпийские луга, В.А. Ходунов и А.И. Казаков наблюдали на пешеходной тропе следы, напоминавшие им «шиптоновский» след «снежного человека», и сфотографировали их; к сожалению, снимки следов, на пыльной тропе по ясности далеки от «шиптоновских». Суммируя наблюдения,

сделанные в течение трех походов по этим местам, В.А. Ходунов полагает, что в данном районе в то время обитали четыре особи: «одна — с огромным следом, по-видимому, мужского пола, вторая со следом несколько меньшего размера, который, видимо, принадлежит женщине «дикого человека», и, по всей видимости, два детеныша, судя по очень маленьким следам... Имеются и показания чабана Носыма Хидырова из кишлака Каратаг, который видел следы в этом районе, принадлежащие, по его мнению, «альбасты»« (Из письма В.А. Ходунова от 23 ноября 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»).

По правой стороне долины Каратаг-дарьи, немного ниже кишлака Хакими, лежит долина реки Сарбин (Сармин); пройдя всю её, можно перевалить в долину Пашми-Кухна, о которой упоминалось выше. Во время ночевок в долине Сарбина В.И. Ходунов и А.И. Казаков отчетливо слышали доносившиеся со стороны истоков р. Сарбин странные крики неизвестных существ. Они различили два типа этих криков; крики начинались на закате солнца, ночью стихали и возобновлялись с рассветом. Источников крика, т.е. кричавших существ было 2 – 4, они перемещались; попытка подражения со стороны В.А. Ходунова вызвала ответы (эхо в этом месте отсутствует). Опрошенный чабан утверждал, что в снегу на вершине Захарго-горы, питающей р. Сарбин, он однажды видел растерзанный труп горного козла без головы, к которому вели следы босого человека — «одами-явои» (Из письма В.А. Ходунова от 23 ноября 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»). Обследование мною ландшафта долины р. Сарбин оставило впечатление, что здесь нет особенно благоприятных экологических условий для такого существа: растительность не очень значительна, район отнюдь не изолирован от людей. Впрочем, встреченный помет медведя, обитание разных грызунов свидетельствуют все же о наличии здесь некоторой необходимой ему кормовой базы.

Что касается левой стороны долины Каратаг-дарьи, то здесь многие сведения тянут к кишлаку Арши и его окрестностям. Рассказывают, что жители этого кишлака специально занимаются поисками, ловлей и перепродажей в руки посредников «маймунов».

Как уже отмечалось выше, сообщения о существах, обозначаемых словом «маймун» (обезьяна), позволяют предположить, что так часто называют детенышей и подростков «дикого человека». Приведем несколько сведений. Один из старейших коммунистов Таджикистана, ныне персональный пенсионер т. Максутов (Душанбе) сообщил, что он помнит, как, вскоре после революции, один из жителей кишлака Каратаг принес с гор «маймуна», кото-

рый через некоторое время бежал и скрывался в окрестностях кишлака, в пещерах, вырытых жителями при добывании глины; однажды он до смерти перепугал пришедшего за глиной человека, прыгнув ему на спину (очень реалистичный штрих!). Позже он пропал, Зиадулло Рахимов (таджик, 34 лет, рабочий, житель кишлака Шахринау) рассказал, что в 1951 или 1953 г. на мосту вблизи Шахринау (мост на дороге Душанбе-Термез) он увидел группу людей, окруживших известного в Шахринау русского охотника Насадского, возвращавшегося вместе со своей собакой с охоты с гор. Подойдя поближе, он увидел, что люди рассматривают находившегося у Насадского в «базарной сумке» ребенка, напоминающего своими размерами человеческого ребенка нескольких недель от роду. Этот детеныш, кажется, мужского пола, не лежал, а сидел. Он часто моргал серыми глазами, не шевелился. Он был весь покрыт редкой рыжеватой или коричневой шерстью, за исключением кистей, ступней и головы (на голове волосы не особенно большие). Не было волос также на седалище. Пальцы рук и ног, как и лицо, как и безволосые уши удивительно напоминали человеческие, хотя пальцы на ногах показались длинноватыми. Рахимов подчеркивает, что существо это не было похоже на виденных им обезьян. Насадский тут же рассказывал, как существо это было поймано (то ли им самим, то ли его другом пчеловодом и охотником из кишлака Арши): четыре собаки, дрессированные на кабана, с лаем окружили большое гнездо под кустом, сложенное из веток, соломы и т.п., где находился этот детеныш. Рахимов не был лично знаком с Насадским, «но от его дочки, с которой он тогда учился в школе в одном классе, слышал, что пойманный «дикий человек» питался молоком, а также сырым мясом. По слухам, местные старики уговорили Насадского, что «дикий человек» приносит несчастье. Точно известно лишь, что он через некоторое время исчез». (Запись опросов Зиадулло Рахимова 21 сентября 1960 г. В.А. Ходуновым и 22 июля 1961г. Б.Ф. Поршневым. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Жители кишлака Каратаг Шарофат Саидова, Гафар Субханкулов и другие утверждают, что зимой 1959 г. охотник из их кишлака Зиадулло привозил из верховьев Каратаг-дарьи «маймуна», которого ходили смотреть многие жители кишлака. Они говорят, с чужих слов, что вообще в Каратагской долине встреча с «маймуном» — дело довольно частое. Суммируя рассказы, можно отметить следующие черты, якобы отличающие «маймуна» от «одами-явои», «алмасты», «альбасты», словом, от «дикого человека». Более низкий рост; более светлая окраска шерсти; более редкий волосяной покров, заметный преимущественно на гру-

ди и почти отсутствующий на ягодицах; более частое использование четвероногого образа передвижения. Утверждают также, что «маймун» отличается от «дикого человека» по уму, т.е. умнее его. Кто-то якобы заметил у «маймуна» зачаток хвоста. Предполагается, что «маймуны» почти не спускаются в Каратагскую долину, но и не поднимаются высоко в горы, а остаются преимущественно на лесных склонах, где их обнаруживают в искусственно вырытых в грунте ямах, пещерах.

В июле 1960 г. В.А. Ходунов и Н.М. Садуллаева, проникнув в ущелье Янгоклик-дара («Ореховое ущелье») на левой стороне Каратагской долины, услышали невдалеке странные звуки, похожие одновременно на плач ребенка и на крик козленка; не придав этому особого значения, они ушли и лишь в соседнем ущелье, расспрашивая чабана Носыма Хидырова, услышали утверждение, что те крики издавал не козленок и не человеческий ребенок, а детеныш «маймун», о каковых, по его словам, он не раз слышал от жителей кишлака Хакими и от чабанов. Он и сам однажды видел яму «маймуна» в ущелье Янгоклик-дара и слышал доносившийся оттуда плач детеныша. (Из писем В.А. Ходунова от 23 ноября, 27 ноября 1960 и 16 мая 1961г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Летом 1961 г. во время упомянутого путешествия мы со спутниками навестили и ущелье Янгоклик-дара. Круто спускающееся ущелье довольно хорошо изолировано в верхней и в нижней части, мало посещается людьми. Увы, перед нашим прибытием дикая фауна все же была вспугнута. Боковые склоны ущелья очень богато покрыты растительностью, представляют превосходную кормовую базу; левый склон — южной экспозиции. Судя по лежкам, калу и другим признакам, в ущелье обычно держится немалое число крупных зверей — медведи, кабаны, Опять наша рекогносцировка подтвердила наличие весьма благоприятных экологических условий в том самом микрорайоне, на который указывали устные сведения о «диком человеке». Ничего большего она, разумеется, дать не могла.

Чуть выше по левой стороне Каратагской долины лежит ущелье Тимур-дара и находящееся в его средней части оз. Тимур-куль. На пыльной тропе идущей по берегу этого озера мы наблюдали множество звериных следов, часто перекрывающих друг друга, в том числе крупные следы медведя 26 см длиной. Мы заметили несколько следов как бы от босой человеческой ноги, из них только один имел более или менее полный контур; его длина 30 см, ширина самой широкой части, т.е. за пальцами, 15 см; нога правая, первый палец крупнее второго приблизительно в 1,5 раза и

короче его на 5 – 7 мм, пятка суженная сравнительно с передней частью, но округлая; след сплошной (плоская стопа?). К сожалению, пыльный грунт и недостаточная четкость контура не дали возможности ни сделать гипсовую отливку, ни снять удовлетворительную фотографию (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Гиссарский хребет, Таджикская. ССР, июль 1961).

Еще выше с левой стороны Каратагской долины находится долина реки Парьён, в верхней части которой лежит довольно большое завальное озеро Парьен-куль. К этой долине и этому озеру нас влек целый ряд имевшихся предварительных сообщений о «диком человеке». Прибыв на место, я убедился, что они правдоподобнее, нежели могло казаться раньше. Рассказывали, что семья «диких людей» — мужчина, женщина и маленькие — живут на озере Парьён, их называли даже «одами-оби», т.е. водяными людьми. Охотник Хикматулло из кишлака Кара-таг рассказывал; охотясь летом 1958 г., он дремал ночью у костра на берегу этого озера и неожиданно увидел выходящего из воды «одами-оби»; Хикматулло настолько испугался, что не сумел дотянуться до ружья; «одами-оби» постоял-постоял по колено в воде и снова ушел в темноту, в озеро. (Из письма В.А. Ходунова от 23 ноября 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».) Народное поверье? Так думалось. Оказалось же, что весь левый берег озера совершенно недоступен для людей, как и вся левая сторона бурной речки Парьён на протяжении 8–10 км. Довольно большой район горной местности отрезан наверху грядой Парьёнских гор, не имеющей перевалов, внизу — не имеющей переправ и непосильной ни одному живому существу узкой стремниной. Если семья «диких людей» впрямь обитала в этом естественном заповеднике, они могли появляться на правобережье только летом, переплывая озеро в его нижней узкой части (не более 50 м). Приведенная сценка оказывается вполне реалистичной. Что представляет собою ландшафт этого естественного заповедника? Наверху — изумрудные альпийские луга, идеальное пастбище для горных козлов; ниже каменно-травянистые склоны, изобилующие норами сурков, еще ниже, в обширной пойменной части — богатейшая растительность: разнообразные деревья, много ореха, алычи, дикой яблони, буйные и густые травы со сказочно яркими цветами. Склоны гор — южной экспозиции. Семья «дикого человека» могла здесь найти пищу в течение круглого года. Ранней весной 1961 г. посетившие эти места А.И. Казаков и В.А. Ходунов обнаружили в месте стока речки из озера несколько застрявших на камнях деревьев и по ним перебрались на этот заповедный правый берег, там были замече-

ны следы босой человеческой ноги, шедшие к воде, а от воды отходившие в другом направлении.

В летние месяцы «дикие люди» могли не только переходить на правую сторону, они могли спускаться и ниже по долине, даже пытаться отпугивать людей на этих далеких подступах к своему местожительству, как это неоднократно описано в сообщениях из других географических областей. Принятие такой гипотезы пролило бы свет на следующие два личных наблюдения А.И. Казакова и В.А. Ходунова в этой долине. 1 мая 1960 г., около 5 часов вечера во время привала, они услышали удивительно громкий крик со стороны Парьёнских гор и вскоре увидели показавшееся из-за одной белой вершины животное, шедшее на двух ногах. Разглядеть его очертания точнее было трудно, на фоне снега оно выглядело черным. «Несколько мгновений оно стояло неподвижно, затем опустившись на четыре конечности быстро проскакало к вершине и там, снова встав на задние лапы, пересекло гору и скрылось на противоположной стороне гребня... Все это событие продолжалось в течение 5 – 6 минут». Другой случай произошел во время ночевки с 28 на 29 октября 1960 г., тоже на правобережье долины р. Парьён. Около 3 часов ночи В.Л. Ходунов проснулся с чувством тревоги и разбудил А.И. Казакова. Выглянув, увидели, что костер еще тлел, по углям бегали языки пламени. Застегнули палатку, улеглись. «И вдруг в этот момент мы услышали шаги. Животное несомненно прошло рядом с костром, так как под его тяжестью захрустели дрова, сложенные в полуметре от огня. Вслед за этим оно проследовало на каменную осыпь, где минуты 1,5 перекатывало камни, затем вновь направилось к самой палатке. Я бросился отстегивать вход, а оно, подойдя в это время к заднему углу, издало такой жуткий крик, какого мне никогда в жизни не приходилось слышать. Затем оно спустилось к реке, и, видимо, ушло вверх по течению, так как минут через 10, когда я уже стоял на осыпи, разглядывая окрестности, освещенные луной, оно закричало далеко впереди, где-то у завала озера. Мы с А.И. Казаковым абсолютно исключаем, чтобы это был медведь: это было существо, обладающее не медвежьей, а, несомненно, человеческой глоткой, и следом примерно соответствующим 43 размеру человеческой обуви». (Из письма В.А. Ходунова от 23 ноября 1960 г.)

Во время своего небольшого, путешествия по Каратагской долине я не имел возможности подняться выше впадения р. Парьен в р. Каратаг-дарье, на север, к перевалу Мура, хотя хотелось бы посетить и район оз. Искандер-куль, к которому также тянет целая группа сообщений о «диком человеке». В.А. Ходуно-

ву таджики жители кишлака Лабиджай говорили, что на Искандер-куле обитает несколько семей «диких людей». По словам чабана Кинджи Олимова, его товарищ видел «маймуна» в районе Искандер-куля у перевала Дукдон (Из писем В.А. Ходунова 1959–1961 гг. в Комиссию по изучений вопроса о «снежном человеке»). По словам Шкура Нучаева, чабана, кроме ущелья Дузах-дара «одами-явои» водятся на Искапдер-куле (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Гиссарский хребет, Таджикская. ССР, июль 1961г.).

Указания на Искандер-куль уже выводят нас на северные склоны Гиссарского хребта. Соседний Зеравшанский хребет дает тоже небезынтересные описательные данные, хотя пока и не многочисленные. Записана беседа с таджиком Амоном Валиевым из кишлака Дехаус, который в Зеравшане, по его словам, видел это существо: оно покрыто волосами, рост его превышает рост высокого человек, оно очень боится людей. И другие жители видели в районе Зеравшана волосатого дикого человека, предполагая, однако, что это убежавший от людей и одичавший житель одного из кишлаков (ИМ, I, №29, с. 90 – 91). Геолог В.И. Соболевский в 1933г. записал следующую беседу на перевале Рова-санг (Зеравшаиокик хребет) со встретившимся стариком-таджиком, получившим помощь на перевале от геологов и следовавшим дальше вместе с геологической экспедицией. Здесь, на этом, снежном спуске, он однажды, спускаясь вниз от хребта, увидел падающий около него камень, затем дугой камень задел его плечо. Обернувшись, он увидел наверху двух обезьян, самца и самку. Из лука, каким пользуются до сих пор охотники-таджики, он застрелил самца. Самка, увидев это, с громким криком скрылась. Охотник поднялся вверх, нашел убитого. Последний был покрыт серо-желтой шерстью. Стащив его вниз по снежнику, охотник погрузил его на своего ишака и повез домой. По дороге он встретил секретаря из ближайшего кишлака (назвал имя человека, широко известного тогда в этих местах, известного и В.И. Соболевскому). Он показал свою добычу секретарю, поделившись с последним возникшими в пути сомнениями: а что, если он убил не обезьяну, а человека? Секретарь сказал ему: если ты убил человека, то пойдешь под суд, если обезьяну, русские не дадут тебе покоя требованиями добыть еще таких обезьян. Согласившись, охотник снял добычу с ишака и закопал труп в земле где-то у гряды ближних скал — «вон под теми синими камнями» (ИМ, I, №30).

Наконец, на Зеравшанский хребет, возможно, указывает и воспоминание бабушки преподавателя Узбекского государственного университета М.Х. Хайдарова, о том, что примерно в 1866–1867 гг. по улицам Самарканда при большом стечении па-

рода везли на арбе дикого человека, волосатого, с человеческим лицом и сверкающими небольшими, глазами; руки его были связаны за спиною (ИМ, III, №107, «а»).

На юг и юго-восток от Самарканда ведут нас сведения, собранные в Кашка-дарьинской и Сурхан-дарьинской областях Узбекской ССР. Представляют интерес записи, произведенные Г.Я. Снегиревым в кишлаке Ургут в 1960 г. Проживая там у чабана Устона Рузибоева, таджика, 32 лет, Г.Я. Снегирев расспрашивал его и его брата Ахтама. Они часто гоняют овец через перевалы в долину р. Кашка-дарья. Медведи там не водятся. Обросшего шерстью человекоподобного зверя они в беседах с Г.Я. Снегиревым называли «аикх» (медведь), но позже отожествляли его с названным им профессором Н.И. Леоновым словом «явна». «Аикх», по словам рассказчиков, живет в горах, вечерами он подчас спускается на альпийские луга для собирания пищи, а перед рассветом возвращается в горы. Он выкапывает из земли луковицы тюльпанов («лала»), корень «чухры» (ревень), объедает на высокогорных полях пшеницу, рвет и разные другие травы. Ест мышей, которых ловит и душит руками, не брезгает падалью. Последний раз Усман Рузибов встретился с «аикхом» на перевале, ночью, когда зверь этот прошел недалеко от него по снегу, поднимаясь с лугов вверх в горы; утром Усман рассматривал следы на снегу. Когда Г.Я. Снегирев нарисовал контур одного следа, похожего на медвежий, и другого — с отставленным большим пальцем, Устон и Ахтам радостно подтвердили сходство второго, показав при этом размер следа сантиметров в 30 – 35 длиной.

Согласно записи Г.Я. Снегирева, таджики считают, что «аикх» не трогает человека, если на него не напасть, в противном же случае — убивает. Старик чабан Сайпи из кишлака Ургут, года два-три тому назад добиравшийся домой из гор с поврежденной ногой, близко столкнулся у поворота за скалой с шедшим на двух ногах «аикхом», очень испугался, но «аикх» не тронул его и оба мирно разошлись. Со слов других пастухов рассказывают, что в их краях однажды был убит детеныш «аикха». Лет пять назад, при строительстве дороги через один перевал, дорожные строители и шоферы видели двух «аикхов» и одного убили. На вопрос, как лучше поймать или убить «аикха», может быть с собаками, опрашиваемые ответили, что «аикх» очень быстро передвигается и карабкается в скалах, пользуясь четырьмя конечностями. Однако при встрече с человеком он всегда стоит на ногах, при этом отбрасывая движением головы и руки ниспадающие ему на глаза волосы. Вдалеке же, в арчевнике видели «аикха», который собирал корешки сидя, или перебираясь на четвереньках. Усман Ру-

зибоев, по его словам, видел яму, которую «аикх» вырыл на ночь себе летом в лугах. «Аикх» якобы любит сидеть в горах на уступах, покрытых землей, и отпрашиваемые встречали отпечатки его зада и широко расставленных ног, а также рук, на которые он опирался, когда вставал, эти отпечатки они тут же постарались нарисовать. По описанию рассказчиков, «аикхи» ростом около 2 м., покрыты рыжеватой шерстью. На голове длинные волосы, лоб скошен назад. Рассказчики говорят, что «аикхов» в горах мало, их становится все меньше, живут они очень разобщенно, вместе не собираются. По рассказам пастухов, однажды к ручью спустились самец, самка и два детеныша. Когда они поднимались обратно, то взрослые сначала унесли одного детеныша, а потом вернулись за вторым. На вопрос, почему так редко находят следы «аикха», опрашиваемые объяснили, что на альпийском лугу «аикх» следов не оставляет (за исключением останков съеденных мышей), на снегу же в горах даже при небольшом ветре следы быстро заносит. «Аикха» никто не ищет, так как встреча с ним считается дурным предзнаменованием.

Г.Я. Снегирев отмечает, что среди опрошенных им на рынке в Ургуте узбеков никто не знал об «аикхе» или о диком волосатом человеке под другим любым именем, а все сведения и рассказы исходят только от пастухов-таджиков, сопровождавших отары овец в горы. Зато среди них эти рассказы удерживаются стойко. Бабка Усмона Рузибоева говорила ему, что когда они с мужем кочевали по Афганистану и Таджикистану, то за свою жизнь она видела живого «аикха» пять раз. (Сообщение Г.Я. Снегирева 28 сентября 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Однако это не значит, что мы имеем дело с национальным фольклорным сюжетом таджиков, что сюжет этот вовсе не знаком узбекам. По сообщению С.С. Семина, в 1943 г. в кишлаках, прилежащих к окрестностям г. Сары-Ассия (Сурхан-дарьинской области Узбекской ССР), один из местных жителей поведал ему, как незадолго до того ему пришлось встретиться с существами похожими на людей, но значительно выше и, как ему показалось, сильнее человека. Их было двое: мужчина и женщина. Тело их, как описывал рассказчик, покрыто волосатой растительностью. Мужчина держал в руках дубинку и шкуру какого-то животного, а женщина — ребенка. Увидев рассказчика, человекоподобные существа поспешили уйти в горы. Несмотря на то, что земля была покрыта снегом, оба они были голы и босы (ИМ, II, №66). Очень любопытные народные легенды, связанные с появлением «яван-адама» («дикого человека») в Байсунском и Ширабадском

районах, были записаны известным краеведом и охотником И.Ф. Ломаевым (ИМ, Ii, №67).

Если, двигаясь на юг, мы перейдем на территорию Туркменской ССР, мы тоже услышим сообщения о «диком человеке». Вот одно из них. Охотник Чары Куларов, 70 лет, из селения Польварт на р. Аму-дарья, рассказывает, что охотясь с товарищем недалеко от селения в песках на джайранов, к вечеру развели они костер, а туши семи джайранов и трех зайцев положили недалеко от костра, засыпав их песком. Когда стемнело, охотники сначала услышали какие-то звуки вроде стона, а вскоре увидели в свете костра подходившее к ним человекообразное существо, «яван-адам». У него были очень длинные руки, нос небольшой, широкий и плоский, тело было покрыто густыми волосами, как у медведя. «Яван-адам» перестал издавать звуки, стал втягивать носом воздух и пошел к тому месту, где песком были присыпаны убитые джайраны и зайцы. Затем стал руками выкапывать их из песка. Схватив тушу одного джайрана за задние ноги, оторвал одну из них и стал с жадностью пожирать мясо. «Яван-адам» обглодал ее и ушел в пески, снова издавая звуки, напоминающие стон. Охотник Чары Куларов, заканчивая свой рассказ, добавил, что «яван-адам» боится огня, что стрелять и убивать «диких людей» нельзя, так как они не звери, а люди, как бы наши кровные братья, но только ведущие образ жизни диких зверей. (Из сообщений студента ГИТИС (Москва) Дурды Довлетова, записанных А.А.Машковцевым 30 января 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Другие сведения по Туркменской ССР относятся к району Кушки и хребту Копет-Даг. Однако они носят пока предварительный характер.

Вернемся на территорию горного Таджикистана. На севере его лежит Туркестанский хребет, в своей восточной части граничащий с Киргизской ССР. Из записей, относящихся к Туркестанскому хребту, интерес представляет следующая. Заслуженный старый деятель революционного движения Таджикистана Бобокалонов (ныне персональный пенсионер, таджик, около 60 лет, житель пос. Шахринау Гиссарского района) сообщил, что осенью 1935 г., когда он с отрядом красноармейцев находился в районе кишлака Матча в верховьях Зеравшана, в одном из боковых ущелий Туркестанского хребта, на высоте около 3 тыс. м., они натолкнулись на «дикого человека» — «одами-явои». Он в это время вырывал траву и ел. Его выгнали из ущелья и поймали. Он был высокого роста, около 180 см. Лицо, шея, а также ладони рук были голые, остальные части тела заросли волосами черного цвета. На голове

у него были длинные волосы, ниспадающие на уши; под маленьким лбом были большие глаза. Предложенную лепешку не взял и все время молчал. Затем его, якобы, отправили в Душанбе в музей. Бобокалонов добавляет: «Раньше, до 1935 г. «дикий человек» был, теперь пропал». (Из записей В.А. Ходунова летом 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Примыкающие к Туркестанскому хребту и тянущиеся далее на восток Алайский и Заалайский хребты и лежащая между ними Алайская долина, ограничивающие Памир с севера и выводящие к Кашгарии и Тянь-Шаню, принесли некоторое число собранных разными лицами сведений. Выше мы цитировали одно сообщение из населенного пункта Джиргаталь, лежащего на юго-западных склонах Алайского хребта. Заслуживает интереса сообщение, переданное Г.К. Синявским, которое было сделано примерно в 1916–1919 гг. группой австрийских военнопленных, находившихся в г. Фергане: в куче костей, наваленных в одном из перевалов, ведущих из Ферганы в Алай, т.е. среди обычного у мазаров («муллушка», «обо») скопления костей они отыскали кости странной человекообразной обезьяны; эти кости были сфотографированы, однако судьба снимков неизвестна. Что касается возможного уточнения места находки, то, поскольку группа австрийцев работала в 1916–1917 гг. под начальством инж. Л.Н. Воронина над строительством Алайской дороги, то, по мнению Г.К. Синявского, речь может идти об одном из следующих перевалов: Тенгиз-бай, Каик, Каинды или Кичик-Алай. В Алайской долине сделан ряд записей о наблюдениях населения, о случаях поимки и умерщвления «гуль-биявана». Так, записан рассказ двух ответственных и внушающих доверие работников, председателя Кара-кульского сельсовета и председателя колхоза о случае, имевшем место недалеко от Дараут-Кургана (колхоз им. Кирова). Колхозник Хомар Чалобаев увидел на пастбище «гуль-биявана»; он сбегал в селение, позвал колхозников Вахаба Кулбаева и Ишангула Гафарова, захвативших ружья, и им удалось застрелить «гуль-биявана». Однако, увидев, что он очень похож на человека и опасаясь наказания за убийство человека, охотники закопали его на берегу р. Кызыл-су (ИМ, I, №29. с. 89). Автор этих строк в 1958 г. разыскал одного из участников этой охоты, Ишангула Гафарова, а также брата ныне покойного Хомара Чалобаева, но, разумеется, оба отпирались от соучастия и осведомленности в происшествии, остававшемся скрытым двадцать лет. Антрополог Ю. Рычков сделал устное сообщение о рассказанном ему эпизоде поимки с помощью аркана живого «гуль-биявана» в Алайской долине, кажется, в 1957 г.

КИРГИЗИЯ

Алайский хребет вывел нас к Тянь-Шаню — новой гигантской горной области, лежащей на территории Киргизской ССР, на которую должен распространиться наш обзор. Действительно, и здесь в разных местах Советского Тянь-Шаня (о Китайском Тянь-Шане речь уже шла выше) мы находим комплекс описательных материалов, относящихся к проблеме «снежного человека». Разумеется, и здесь они пока носят разрозненный, предварительный, в немалой мере случайный характер, так как систематическая научно-биологическая опросная работа еще никем не производилась, да и на пути ее тут, как и всюду, стоят серьезные препятствия в виде распространенных суеверий по поводу этого существа, поддерживаемых и усугубляемых мусульманскими муллами.

На Тянь-Шане, несмотря на национальную однородность населения (киргизов), мы, как и всюду, встречаемся с огромным многообразием названий для данного дикого человекоподобного животного. Много на Тянь-Шане, конечно, и связанных с ним поверий и легенд. Некоторые из распространенных названий принято считать обозначениями явно мифологических существ, например, о «джез-тырмаках» этнографами и фольклористами довольно много написано, как о сказочных женщинах-оборотнях с медными или золотыми когтями. Между тем из проведенных мною в 1959 г. опросных бесед с пожилыми киргизами — пастухами и охотниками — выяснилось, что этот термин употребляется здесь далеко не только в мифологическом смысле. Некоторые собеседники, как, например, Исмаил Ширалиев, 73 лет, сторож лесхоза в районе оз. Сары-Челек, как и другие, объясняли название «джез-тырмак» («металлические когти», «медные когти») как образное сравнение для выражения чрезвычайно большой силы пальцев этих существ, способных очень крепко схватывать что-нибудь или вцепляться во что-нибудь своими руками. Возможно, что таково, действительно, первоначальное значение термина, а сказка о настоящих медных или золотых когтях возникла как переосмысление, уже после того, как большинство населения утратило знакомство с первоначальным смыслом термина. Джига Бабатаева, 72 лет, мать чабана лесхоза в районе оз. Кара-су, утверждала, что, когда охотник убил «джез-тырмака», кисти рук оказались совершенно такими же, как человеческие. Некоторые рассказчики отнюдь не отождествляли «джез-тырмака» только с существом женского рода. Так, Шатман Бёрукулов, 75 лет, колхозник из селения Абдыкалык, утверждал, что «джез-тыр-

маки» бывают и мужчины и женщины, что они похожи на людей (в том числе и руки их похожи на человеческие). Много лет тому назад охотник Куландай якобы застрелил в горах выше (дальше) Чаткальских гор «джез-тырмаков» мужчину, женщину и молодую девушку (девочку). По словам Бёрукулова, «джез-тырмаков» видели прежде в Муз-Тёр, т.е. в области, где соединяются горы Таласа, Чаткала и Токтогула, где вечные снега, где много кийков… Бёрукулов слышал от охотника Тонконёя, проживающего ныне в селении Афлатун, что тот лет 50 назад выше гор Афлатуна слышал однажды крик «джез-тырмака», похожий на человеческий, но настолько сильный, что это не могло быть криком простого человека; и вскоре вслед за тем увидел мокрый след «джез-тырмака» на камне, а также на глине, похожий на след босой человеческой ноги. По этим следам Тонконёй заключает, что «джез-тырмак» не боится переходить через сильную воду (ИМ, IV, №135).

Точно так же в давно прошедшие времена этнограф А.А. Диваев в этнографическом очерке о верованиях в «джез-тырмака» не мог не отметить и некоторые до странности лишенные фантастичности черты: «джез-тырмаков киргизы причисляют к животным, имеющим большое сходство с человеком и обитающим преимущественно в больших горах, они имеют темно-коричневый цвет кожи и крепкие когти на пальцах. Особенно много их можно встретить в высоких горах по дороге между Кокандом и Кашгаром… Живут джез-тырмаки в выложенных камнями ямах, имеющих вид пещер». Наряду с этим сообщается и ряд сказочных черт «джез-тырмаков» (Диваев А.А. Джез-тырмак (Этнографический набросок) // Этнографические материалы. Ташкент, 1903, в. IX, ч. II).

Однако термин «джез-тырмак» далеко не является единственным и даже наиболее распространенным на Тянь-Шане обозначением диких человекоподобных животных. Более распространен термин «кши-киик» («дикий человек»); встречается также название «альбарсты», тесно сплетающееся с верованиями в духов и др.

На первый взгляд кажется, что навряд ли возможно отделить распространяющиеся слухи от реальных сведений. Читательница Борисоглебская пишет в газету «Комсомольская правда», что зимой 1941–1942 гг. в г. Джамбуле «усиленно распространялся слух, находились даже очевидцы, которые видели в одном из близлежащих районов (Таласском или Сарысуйском, сейчас не помню) человекоподобное существо, все покрытое волосами, передвигалось оно на двух ногах» (ИМ, IV, №123). Другой читатель этой газеты пишет, что за десять лет жизни в Киргизии он не раз слышал о «горном человеке», в том числе слышал уверения,

что в октябре-ноябре 1957 г. чабаны дважды видели его. Допуская, что все это миф, читатель Дубравин добавляет: «Характерно, что во всех случаях есть одна общая характеристика — «человек» с ног до головы покрыт шерстью» (ИМ, II, №62). Вот еще одно письмо читателя той же газеты: часто бывая в 1945–1950 гг. в районах Джалалабадской области, расположенных по склонам Ферганского и Чаткальского хребтов, он много слышал от старых охотников-киргизов о том, что высоко в горах на границе ледников живут «жестонщуки» — страшные лохматые люди, которые скрываются в пещерах, иногда нападают на одиноких путников. Старый охотник из орехолесхоза Кызыл-Уйгур (Ачинский район) даже утверждал, что он с двумя товарищами подранил ночью «жестонщука» в горах Баубаш-Ата, но тот сумел убежать от преследователей в горы (ИМ, II, №63). Обильные рассказы о «джез-тырмаке», которому к тому же дают эпитет «желмогуз» (пожиратель или обжора), слышал известный географ проф. Р.Д. Забиров в Нарынском, Джумгальском, Учтерском, Акталинском, Тогуторуском районах Тянь-Шаня. Он записал два рассказа об убийстве людей «джез-тырмаками», о смерти охотника, перепуганного его криками, о том, как увидав издали трех человекоподобных зверей, собиравших пучки кисличны (вид ревеня), охотник выстрелом убил одного из них, которого двое других убегая уволокли с собой, а сам охотник и его лошадь имели нервный шок от его предсмертного крика. Вот самое интересное для биолога из сведений, записанных Р.Д. Забировым в качестве киргизского фольклора: «Люди, видевшие «джез-тырмака», говорят, что шерсть его похожа на шерсть серого верблюжонка, а телосложением он с 17–18-летнего мальчика. Морда очень похожа на морду обезьяны. Ногти длинные. Ходит обычно на двух ногах… Привожу три строчки, характеризующие облик «джез-тырмака», сообщенные мне гр. Иманалиевым: шерсть как у серого верблюженка; нравом очень злой; похож на обезьяну» (ИМ, II, №64, «а»).

Немало рассказов населения относится к предгорьям Ферганского хребта в Октябрьском районе бывшей Джалалабадской (ныне Ошской) области. Жители густых ореховых лесов вблизи Арсланбоба рассказывают, что в глубокую старину, когда в эти места пришли первые поселенцы, здесь в пещерах жили звероподобные волосатые люди. В наше время, говорят, уже не многие старики помнят, что в одно узкое ущелье люди опасались входить, так как тотчас с утесов слышались дикие крики и на голову пришельца летели камни. Но еще лет пятьдесят тому назад, как сообщила киргизка Хидоятхон Нурматова, один пастух, с криками прибежав в Арснанбоб, уверял, что в том самом

«проклятом ущелье», в котором, по рассказам стариков, обитали «яввон-адамляр» («дикие люди»), ночью у своего костра он увидел звероподобное двуногое существо, державшее в длинных руках дубину; он был высок, но коротконог, на нем не было никакой одежды, а тело сплошь покрывала густая темная шерсть, принять же его за медведя было нельзя, потому что форма головы и в особенности безволосое лицо говорили о том, что это звероподобное существо сродни человеку; из под низкого покатого лба, из двух узких щелок смотрели маленькие глаза. Пастух, по его словам, бросил в «яввона» казан с загоревшимся маслом и тот с дикими воплями убежал, скрывшись в глубокой пропасти (ИМ, III, №111, «б»). Чрезвычайно важно подчеркнуть, что совершенно подобные же рассказы о «диком человеке», который, якобы, встречается в плодовых и ореховых лесах Октябрьского района, записаны и со слов не киргизов, а проживающих в этих местах русских и татар. Так, в уже упоминавшемся совхозе «Кызыл-Уйгур» в 1947 г. научный работник Ю.А. Виноградов слышал рассказы, что по соседству с совхозом среди гигантских скал проживает «адам-аю» («человек-медведь»): некоторые жители, по их словам, видели этого самца «адам-аю» издали, но не днем, а только вечером, крик же его, совершенно нечленораздельный, подчас слышали и днем. По описаниям, «адам-аю» не имеет одежды, с головы до ног покрыт шерстью, фигура его в общем напоминает нормального человека. Местные жительницы подчас оставляли пищу для «адам-аю» около дороги, ведущей вверх в горы. Но старый киргиз, когда русские спросили его об «адам-аю», «важно закивал годовой, принял значительный вид и перевел разговор на другую тему» (ИМ. IV. №134).

Обратимся теперь от разрозненных и внушающих не полное доверие рассказов населения к исследованию, проведенному с 1935 по 1958 г. проф. А.А. Машковцевым в одном определенном районе Тянь-Шаня. Во время экспедиционной работы, а затем путем переписки с местными работниками колхозов, проф. А.А. Машковцев установил, что в пустынных, но посещаемых охотниками и пастухами ущельях долины р. Кара-Балты, так же как и в остальных долинах северо-западного склона Киргизского (Александровского) хребта от западной долины Джарлыкаинды до восточной долины Иссыкаты, т.е. в районе около 120 км в длину и около 55 – 60 км в ширину, имеются сведения о встречах «диких людей» не только в далеком прошлом, но еще и в настоящем. По рассказам киргизов много из их предков, поселившихся в этих местах, было убито камнями, которые умели бросать руками на довольно большое расстояние жившие тут дикие волоса-

тые люди. Основными местами их обитания, якобы, были Киргизский хребет и расположенный немного южнее хребет Джумголтау. В настоящее время, как говорили киргизы-охотники, этих «диких людей» стало очень мало, большинство их либо вымерло, либо ушло куда-то дальше на юго-восток, к китайской границе. Но все же, по рассказам, в небольшом количестве они имеются и сейчас в самых пустынных ущельях Киргизского хребта, в частности, по левому склону долины р. Кара-Балты, и в некоторых местах хребта Джумголтау. На левые склоны долины Кара-Балты колхозные стада не выгоняются, а охотники из селения Сосновка предупреждали, что на этих склонах можно опасаться нападения «диких людей», которые станут бросать в пришельцев камни со скал. В дальнейшем бригадир коневодческой фермы из Сосновки А.М. Уразовский письменно сообщал, что в 1951 г. он видел в верховьях Кара-Балты, под самым перевалом, след, размерами и формой в общем напоминавший босую ногу человека, хотя и с некоторыми отличиями. Редко охотники и чабаны видят следы «диких людей»; однажды охотники-киргизы в хребте Джумголтау стреляли по такому существу, «ранили, но не взяли, и он ушел, они говорят, что это большая обезьяна». В верховьях левого притока р. Кара-Балты, в ущелье Абла, не только был несколько раз замечен на снегу и песке след «дикого человека». «В этих местах, в ущелье Абла, — пишет А.М. Уразовский, — в 1951 г. я видел три разрытых сурчины. По-видимому, они были разрыты дикими людьми, так как при разрывании сурчиных колоний попадавшиеся камни не выбрасывались куда попало, как это бывает, когда роют волки и медведи, а камни были аккуратно положены с нижней стороны разрытой сурчины один на один, причем некоторые камни были весом по центнеру. На дне разрытых сурчин лежали хвостики, лапки и шерсть сурков. По-видимому, в каждой сурчине было поймано диким человеком по пять-шесть сурков». Проф. А.А. Машковцев описал зоогеографические условия указанных мест Киргизского и Джумгольского хребта и отсутствие выгона сюда колхозных стад, как факторы объясняющие сохранение здесь реликтов «дикого человека». Наконец, отметим, что, согласно произведенным А.М. Уразовским расспросам охотников, последние знают о наличии «диких людей» и в районе высокогорных пастбищ Сусамырского хребта (Сусамыртау) (ИМ, II, №59; I, №33).

Если мы взглянем на карту, то увидим, что более или менее параллельно реке Кара-Балты с востока течет река Ак-су. По-видимому, с ущельем этой реки следует связать рассказ охотника-киргиза Керимкула, записанный И.Л. Чоппом. Дело было дав-

но, лет 60 тому назад, когда однажды вечером в середине зимы Керимкул, поджаривая мясо на костре в пещере, расположенной на отвесных скалах Ак-Сайского ущелья, вдруг увидел у входа существо — женского пола, без одежды, с телом покрытым шерстью, которое приближалось сгорбившись и поддерживая одной рукой груди. Подойдя к костру и настороженно глядя на человека, самка присела на корточки и взяла протянутый ей охотником на лезвии ножа кусок мяса, а затем, пятясь, удалилась. Далее Керимкул рассказывал, что ему удалось дважды застрелить «джез-тырмаков». Один раз он отсек кисти рук этого существа и принес их односельчанам, как охотничий трофей, в другой раз застрелил переходившего бродом горную реку «джез-тырмака», тело которого было унесено водой (ИМ, II, №65). К близлежащему Сусамырскому хребту относится происшествие, записанное в 1940 г. Г.А. Петровым со слов старика-охотника. В урочище Кавак (Сусамыртау), охотясь на маралов, киргизы наткнулись на «дикую бабу», как выразился рассказчик. Они поймали ее при помощи аркана. «Баба» была среднего роста, голая, все ее тело было покрыто рыжей шерстью, в остальном она как будто мало отличалась от человека, но не имела членораздельной речи и издавала лишь пронзительный крик вроде «из-ззи, иззи». Когда охотники связали ее, «дикая баба» вела себя очень буйно, продолжала пронзительно кричать и биться. Предполагая, что у нее может быть остался детеныш, и так как во всяком случае спускаться с такой добычей из урочища Кавак было слишком рисковано, охотники отпустили ее (ИМ, II, №60). В сообщении геолога М.А. Стронина, относящемся к августу 1948 г., которое мы приведем ниже, между прочим упоминается о встрече его проводников с «кии-кши» к западу от оз. Сон-куль, в районе Кавак-Тау, т.е., очевидно, в той же восточной части Сусамырского хребта, о которой речь шла в предыдущем сообщении (Сообщение М.А. Стронина. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

К западной части Сусамырского хребта относится любопытный рассказ киргиза Усена Тохтасынова, ок. 45 – 50 лет, записанный в 1950 г. археологом-краеведом П.Т. Коноплей (г. Фергана). Случай произошел, по воспоминаниям Усена Тохтасынова, незадолго до революции. Дед рассказчика и его три сына с семьями (в том числе и рассказчик, бывший мальчиком), выгнали свои стада и переселились на лето к истокам р. Сусамыр, в совершенно безлюдную местность. Там по ночам раздавались какие-то крики, не похожие на голоса известных животных, но достаточно было одного выстрела в воздух, чтобы на несколько дней эти звуки прекращались. На расстоянии километра от юрт чабаны разбили бах-

чу, где поспевали дыни. Последние, однако, стали вдруг исчезать. Засевший с вечера в шалаш на бахче отец рассказчика вскоре после того, как все слышали неподалеку знакомые отвратительные крики, прибежал в юрту бледный и потрясенный, повторяя: «явви-адам»! По его словам, около полуночи на бахчу пришли голые, обросшие шерстью люди и начали хозяйничать. Они издавали рычание и дикие выкрики. Когда один из них приблизился к шалашу, караульщик вскрикнул, пришелец сделал скачок в сторону, после чего раздался дикий вопль и послышался топот быстро удаляющихся нескольких пар ног. Через трое суток, в лунную ночь, трое братьев, карауля на бахче с ружьями, были очевидцами очередного нашествия. Заслышав звуки голоса, они выскочили из шалаша и увидели две низкорослые, полусогнутые, покрытые густой шерстью фигуры, которые на шум обернулись, а затем с дикими воплями бросились бежать. В тот момент, когда они обернулись, братья заметили, что одна из них, ростом пониже, имела женскую фигуру, отвислые груди. Караульщики выстрелили и самка, издав резкий высокий звук, упала, затем поднялась и, припадая на левую ногу, побежала. Пока перезаряжались ружья, звуки затихли. А утром, осмотрев грядки, братья заметили пятна крови и отпечатки босых ног. Следы оказались похожими на человеческие, но имели плоскую ступню и значительно отставленный большой палец. Любопытно, что дед тотчас приказал разбирать юрты и отогнать скот далеко от этих мест (ИМ, III, №111, «а»).

В данной связи небезынтересно будет привести сообщение жителя г. Токмак Г.И. Тимошенко о том, что, согласно его воспоминаниям и рассказам лиц, занимавшихся извозом между г. Пржевальском и г. Фрунзе, якобы в 20-х годах через г. Токмак были перевезены в клетке два человекоподобных зверя или диких человека, обросших шерстью, издававших животный писк и мычание. Везли их в направлении ст. Пишпек. Изловлены они были в горах Тянь-Шаня. Правда, проверить это сообщение оказалось невозможным, так как почти никого из указанных Г.И. Тимошенко очевидцев не осталось среди населения города Токмака (ИМ, III, №113). Однако все же этот рассказ не может не привлечь нашего внимания, если мы учтем, что к югу от г. Токмака один за другим почти параллельно лежат три тяньшанских хребта, сведения о которых приведены выше: Киргизский хребет, Джумголтау и Сусамыртау.

В отношении Киргизского хребта дополнительные сведения были собраны летом 1961 г. участниками ледниковой экспедиции Ленинградского Государственного Пединститута и суммированы кандидатом географических наук Е.В. Максимовым. Были

опрошены 20 – 25 чабанов-киргизов. Все опрошенные отлично знают слово «джез-тырмак», которое в их понимании обозначает дикого волосатого человека, жившего ранее в Киргизских горах. О «джез-тырмаке» они слышали от дедов и отцов. Большинство опрошенных считает, что теперь этого существа в Киргизском Алатау и прилегающих к нему районах нет, многие показывают рукой в сторону Внутреннего или Центрального Тянь-шаня: там, мол, в малодоступных местах около китайской границы «джез-тырмаки» возможно еще встречаются; человек 5 – 6 из опрошенных называли горы Кавактау; один говорил, что в настоящее время «джез-тырмаков» следует искать в районе Аксуйского перевала в Киргизском хребте и в Джумголе. О «джез-тырмаках» сообщают, что это существа, похожие на людей, встречаются мужчины, женщины и дети, никакой одежды не имеют, живут в пещерах, заваливая вход камнями. Быстро бегают. Рост «джез-тырмака» подобен человеческому, тело покрыто волосами, ходит на двух ногах, отличается длинными ногтями, издает пронзительный клич, пугающий людей. Примерно 4/5 опрошенных рассказывают о «джез-тырмаке» как о вполне реальном существе, лишенном каких-либо фантастических черт; остальные наделяют его теми или иными фантастическими чертами — он имеет железные или медные ногти, одну ногу, пьет человеческую кровь и т.п.

Вот один из записанных рассказов. Прослышав, что в 1942 г. лесорубы видели дикую женщину с ребенком около слияния Чон-Тора со средней составляющей Сокулука Ашу-Тором, участники экспедиции разыскали чабана колхоза имени Карла Маркса Джакшена Абдиева. Последний рассказал, что ему в 1942 г. было 10 лет и жил он тогда в конце мая со своими родителями в урочище Чар (слияние Чон-Тора и Ашу-Тора). Ниже слияния рек был густой лес из рябины и арчи. Однажды утром мальчик пошел в лес и видел на расстоянии 15 – 20 м совершенно голого волосатого человека; он имел рост высокого человека, шерсть на нем была желтовато-серая. При виде мальчика человек оскалил зубы. Мальчик убежал. Никто не поверил его рассказу, однако ночью неподалеку от лагеря были слышны странные крики. На следующий день, говорит рассказчик, он возвращался из леса с тремя взрослыми лесорубами. Примерно в том же месте, где накануне он видел дикого человека, все четверо увидели дикую волосатую женщину, сидевшую на пне. Она кормила грудью маленького ребенка, а другой ребенок постарше стоял рядом. Дикая женщина не заметила подошедших лесорубов, однако те сочли за благо убежать. На третий день решено было организовать облаву, но никаких результатов она не дала. Джакшену Абдиеву опраши-

вавшими была предъявлена фотография следа «йе-ти» (Э. Шиптона), а также изображения голов шимпанзе, питекантропа и неандертальца. Абдиев отметил, что след дикого человека более узок, чем на фото; голова его похожа на неандертальца. На вопрос, какая форма головы у дикого человека — круглая или заостренная кверху, Абдиев уверенно сказал, что заостренная.

По словам Е.В. Максимова, в результате проведенного опроса у него сложилось мнение, что речь идет о вполне реально существующем или существовавшем ранее животном или диком человеке неизвестном науке (Максимов Е.В. Еще раз о диком волосатом человеке в Киргизском Алатау. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Перейдем к Чаткальскому хребту Тянь-Шаня. Здесь мы располагаем сведениями, сообщенными двумя русскими, а всегда с этнографической точки зрения важно, если сведения коренного населения перекрещиваются с наблюдениями приезжих лиц другой национальности. Охотник В.С. Боженов сообщил, что из г. Рыбачье он ездил с группой товарищей километров за 700 в западном направлении, в Алабуку — предгорья Чаткальского хребта. На значительном расстоянии они увидели в горах «снежного человека» и вели за ним наблюдение в бинокль с 9 часов утра до 2 часов дня. Рост его был приблизительно определен по наблюдению в бинокль в 2,1 – 2,2 м. Существо это проходило по крутому склону среди скалистых мест, зарослей, потом оно зашло в пещеру. С.В. Боженов пишет, что он сделал попытку пройти к пещере, но пришлось обходить большим кругом, за время пути появился туман, пошел снег, и уже недалеко от пещеры охотнику пришлось спасаться от непогоды, повернув обратно (ИМ, II, №61).

У подножья Чаткальского хребта лежит прекрасное горное озеро Сары-Челек. В июле 1948 г. там работал инженер-геолог А.П. Агафонов, и вот что он слышал и видел однажды вечером в юрте слепого, более чем восьмидесятилетнего киргиза-пастуха по имени Мадьяр. Прадед Мадьяра, якобы, некогда возвращался с празднества с молодой женой и, прилегши отдохнуть где-то к юго-востоку от Сары-Челека, он был разбужен ее криками и увидел уносившую ее на руках громадную рыжую человекоподобную обезьяну. Догнав похитителя, легендарный герой убил его своим охотничьим ножом и спас жену. А.П. Агафонов, выслушав эту повесть, счел своим долгом объяснить присутствовавшим сыновьям и внукам Мадьяра, что человекообразные обезьяны не водятся на Тянь-Шане. Однако это вызвало лишь улыбки слушателей и неожиданную реакцию старика Мадьяра: из большого сундука он достал резную шкатулку. И со словами «смотри

сам», протянул ее геологу. «В шкатулке на войлочной подстилке лежала искусно высушенная кисть, покрытая редкой, но довольно длинной шерстью — до одного сантиметра. Внутренняя сторона кисти (ладонь) шерсти не имела. Судя по размерам, кисть могла принадлежать только крупному человекоподобному животному... Удивление мое было настолько велико, что я просто растерялся и не сделал ни зарисовки, ни простейшего описания кисти. Все же помнится, что строение кисти вполне человеческое. Смущала только бурая шерсть на тыльной стороне руки». Таким образом, говорит А.П. Агафонов, правдивость рассказанной мне легенды была подтверждена неопровержимым фактом (ИМ, III, №109). Приведенное сообщение побудило автора этих строк совместно с Г.Г. Петровым предпринять в сентябре 1959 г. специальные розыски виденной А.П. Агафоновым высушенной кисти, объехав районы, прилегающие к оз. Сары-Челек. Пастух-киргиз Мадьяр, умерший всего лишь за три месяца до нашего приезда в возрасте 98 лет, оказался человеком с огромной известностью и авторитетом среди местного населения, в частности, он как никто знал древние предания и сведения об обитании в этой части Тянь-Шаня «дикого человека», хотя молодежь теперь готова относиться к его рассказам как к стариковским поверьям. Удалось разыскать в глухом сае кочевье семьи Мадьяра, его вдову, его фактического наследника Айтмурзу Сакеева, 63 лет, являющегося муллой. Хотя племянник последнего, Мамат сначала дал нам информацию весьма обнадеживающую в отношении наших поисков, сам Айтмурза Сакеев пошел по пути, о котором тоже заранее предупреждал нас старый киргиз Кальчоро Азанов, 75 лет, пастух лесхоза, с которым мы советовались на оз. Сары-Челек: может случится, говорил он, что Айтмурза ни под каким принуждением не покажет реликвию, в особенности если таковым было завещание отца. Действительно, после всех предпринятых усилий мы достигли только того, что Айтмурза Сакеев пытался подсунуть нам менее значительные реликвии. После вторичного опроса геолога А.П. Агафонова, работающего под Ташкентом, представляется несомненным, что нам показали другую шкатулку и другие талисманы.

Изложенный случай является важным в трех отношениях. Во-первых, налицо обильные параллели с обрезанием кистей рук охотниками у «дикого человека», хранимых в качестве охотничьего трофея и семейного талисмана. Например, в одном из записанных сообщений говорилось: охотники убили «дикого человека»; «кисти рук его были желтые, на руках — кривые ногти; охотники отрезали эти кисти рук и увезли с собой в качестве та-

лисманов» (ИМ, II, №58, «и»). Выше мы уже встретили несколько подобных же параллелей. Таким образом, сообщение А.П. Агафонова не изолировано, а входит в известную серию. Во-вторых, кисть с оз. Сары-Челек, описанная хотя бы в самых общих чертах очевидцем-геологом, сходна, судя по этому описанию, с важным фотопрепаратом, имеющимся в руках исследователей проблемы «снежного человека», а именно, с фотографиями мумифицированной кисти из Пангбоче, так же как и с ее описаниями. В-третьих, в данном эпизоде очень ясно выступила отрицательная роль мусульманского муллы, приложившего огромные усилия, чтобы прикрыть вуалью неосторожность своего предшественника и направить исследователей на ложный след, никакое общественное и материальное воздействие не смогло поколебать его.

Обратимся, наконец, к самой восточной части Советского Тянь-Шаня. Г.К. Синявский, пытаясь набросать схему распространения сведений о «диком человеке» на всем протяжении Средней Азии, отмечал, что в центральной части Тянь-Шаня таких рассказов гораздо меньше, чем в горах его восточной части, вокруг Хан-Тенгри, как и к западу от Тянь-Шаня, т.е. в Памиро-Алтайской системе.

Туда, к Хан-Тенгри и Пику Победы, указывало, между прочим, сообщение альпиниста полковника В.И. Рацека. В августе 1953 г. его альпинистская экспедиция двигалась небольшим караваном вверх по долине реки Сарыджаз по направлению к леднику Иныльчек. Шедший в качестве проводника семидесятилетний Мукой Максутов, знаток местности на всем протяжении от оз. Иссык-куль до оз. Лоб-нор, сказал, указывая на устье и ущелье р. Шилун (левый приток р. Сарыджаз); «Там жили дикие горные люди, пришли наши люди и дикий человек ушел». На мой вопрос, — продолжает В.И. Рацек, — когда это было и куда ушли «дикие люди», Максутов ответил, что «ушли они давно, может быть 70 – 80 лет тому назад, и ушли в Китай». Максутов добавил, что ущелье носит название Шилун, как киргизы этого района называют диких горных людей (ИМ, III, №110).

Действительно ли все «дикие люди» давно ушли из этих мест? Об обратном говорит сообщение геолога М.А. Стронина.

«В августе 1948 г. я проводил геологические работы на Тянь-Шане в области восточной части хребта Терскей-Алатау. Однажды я заночевал в одной из долин, прилегающих к району р. Иныльчек (левый приток р. Сарыджаз), около 10–15 км ниже одного из языков ледника Иныльчек. В долину я прибыл уже к ночи вместе с двумя киргизами — проводником и конюхом. Заночевали в верховьях одного из отвержков, отходящих от долины, в

зоне высоких альпийских лугов, в пределах ледниковой морены, а лошадей оставили чуть ниже в долине. На большом расстоянии кругом не было ни населения, ни стад. Рано утром киргизы разбудили меня, говоря, что кто-то ворует лошадей. Действительно, на расстоянии около 500 м в предутренней мгле я увидел, что кто-то был около лошадей и, схватив штуцер, в сопровождении одного из киргизов, быстро пошел к лошадям. Я ясно видел, что кто-то двигался вокруг лошадей, сбившихся в кружок головами внутрь, причем ходил, безусловно, на задних конечностях, т.е. стоя на ногах. Руки у него были длинные, заметно длиннее, чем у человека. По этому признаку я подумал, что там — киргиз в халате с длинными рукавами, и закричал по-киргизски: «Зачем воруешь»! На оклик существо остановилось, оглянулось; раздался гортанный приглушенный звук, напоминающий крик горных козлов; существо сначала довольно спокойно отошло от лошадей, а затем побежало. Всего я видел его на протяжении 7–10 минут, в том числе бегущим — около минуты. Побежало же оно не в противоположную от меня сторону, на ту сторону долины, а по освещенному солнцем склону, по которому я спускался, наискосок от меня. Когда оно пробегало на расстоянии не более 100 м., причем солнце не слепило меня, я видел его очень хорошо.

Помню это существо как сейчас: оно запечатлелось как бы сфотографированным в моих глазах. Когда оно побежало, мне сначала думалось, что это не человек, а медведь, хотя и какой-то слишком стройный. Дело в том, что на склон, имевший крутизну около 30°, это существо быстро поднималось, помогая себе передними конечностями, подкидывая их под себя, как лошадь, бегущая наметом; бежало вроде немного бочком, косо. Будучи охотником, я готов был стрелять, но в то же время ясно увидел, что это не медведь, и именно потому так точно запомнил образ. Во-первых, у медведя — морда (рыло), а у этого существа не было выдвинутой вперед звериной морды, она была гораздо более округлой. Во-вторых, покрывавшая это существо шерсть для медведя была слитком коротка, по окраске же она была хотя темно-бурой, но отличавшейся от медвежьей более желтым тоном. Я много видел всякого зверья, охочусь давно, но такого не видел. Это было что-то совсем особое: человеческого мало, но в то же время и не звериное. Стараясь понять, человек это или медведь, я так и не решился выстрелить, пока существо это не перевалило через склон, в сторону ледника, и не скрылось из вида.

К сожалению, я не искал следов, так как не придал тогда этому должного значения. Лошади мои оказались в мыле, особенно в пахах. Проводников-киргизов я нашел сидящими в одном из

отвержков, они в ужасе повторяли, что это — «киик-кши» («дикий человек»). Они наотрез отказались следовать со мной дальше. Несколько позже в том же году, когда мы находились в районе Кавак-Тау, однажды один из этих же проводников, отправившись в утреннем тумане за лошадьми, прибежал в ужасе с тем же криком: «киик-кши!», но застать возле лошадей никого не удалось, хотя они были в таком же самом состоянии, как и в предыдущем случае.

Все население в тех местах, где произошло событие, знает о существовании «киик-кши» (или «кши-киик»), но очевидцев среди киргизов сам я не встречал. Вообще же из киргизов на эту тему говорят почти одни только обруселые, а истинные мусульмане не хотят говорить или говорят крайне неохотно. Сведения населения о «киик-кши» тянут к восточной части хребта Терскей-Алатау, к массиву Пика Победы. Это — малонаселенная и труднодоступная местность. Киргизы не пасут овец в тех местах, где есть сведения об обитании «киик-кши». В частности, они по этой причине неохотно пасут стада на верхней границе альпийских лугов, примыкающей к ледникам». (Сообщение М.А. Стронина. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Этот рассказ геолога М.А. Стронина мы закончим его же словами. Когда в г. Фрунзе он обратился с расспросами по данному поводу в Киргизскую Академию наук к биологам, ботаник И.В. Выходцев заметил: «Это дело известное, есть что-то такое, любого киргиза спроси».

Однако, как мы видели, опросная работа среди тянь-шаньских киргизов еще едва только начата. На основе наших совершенно предварительных и, возможно, неточных данных, можно как будто выделить следующие основные районы, к которым тяготеют имеющиеся сообщения: 1) группа северных хребтов (Киргизский, Джумголтау и Сусамыртау), 2) Чаткальский хребет, 3) Ферганский хребет (пока сведения имеются лишь по западным склонам), 4) восточная часть хребта Терскей-Алатау, хребет Сарыджаз, хребет Сталина. Во всех этих районах, за самыми незначительными исключениями, нет записей о наблюдении детенышей «дикого человека», что, очевидно, заставляет относить всю эту огромную территорию преимущественно к области его блужданий. Наконец, на Тянь-Шане, как и на Памире, записи наблюдений в значительной степени относятся к прошлому, подчас далекому прошлому времени, многие сообщения сильно окутаны суевериями; трудно проницаем покров, накинутый на данный вопрос мусульманским духовенством.

КАЗАХСТАН

Несколько слов необходимо сказать о территории Казахской ССР.

Имеющиеся сведения, касающиеся «снежного человека» в Казахстане, относятся в первую очередь к местам, примыкающим к Тянь-Шаню. Так, мы упоминали о слухах в Джамбульской области Казахской ССР в 1941–1942 гг. (ИМ. IV, №133). Весьма любопытные сообщения о «диких людях» гор Южного Казахстана прислал старейший наблюдатель Аксу-Джебаглинского заповедника, расположенного на северо-западных отрогах Таласского Алатау, — Томирали Борыбаев. По рассказам казахов, сообщает он, в горах нынешнего Аксу-Джебаглинского заповедника обитали «дикие люди» — «киик-адам». Они были совсем дикие, с густым коротким волосяным покровом, очень похожим на шерсть одногорбого верблюда. Одежды они не знали, речи не имели, питались мясом и разными плодами и кореньями. Они не отличались свирепым нравом и вели очень скрытый образ жизни. О личной встрече с «киик-адамом» в очень давние времена, в 70 – 80-х гг. XIX в., рассказывал близкий друг отца Темирали Борыбаева, по имени Сакал-мерген, умерший глубоким стариком в 20-х годах XX в. Охотясь высоко в горах у истоков р. Улькен-Аксу, Сакал-мерген на открытом склоне увидел существо, похожее на человека, который то наклонялся, то выпрямлялся. Подползши за камнями к тому месту, где копошился этот «человек», охотник увидел, что вместо одежды его тело покрывала густая короткая шерсть цвета шерсти верблюжонка или одногорбого верблюда (серовато-палевая). Это был «киик-адам», довольно высокого роста, мускулистый. Он каждой рукой поочередно выдергивал какие-то маленькие растения, разглядывал их, очищал корешки от земли и ел. Охотник решился подранить его в ногу. «Раненый киик-адам завопил совсем по-человечески, сел на землю и стал рассматривать раненую ногу и лизать ее. Он долго сидел и скулил. Затем встал и, сильно прихрамывая, пошел к скалам и скрылся за склоном». Охотник немного спустя пошел было по кровавому следу, который однако затерялся в неприступных скалах (ИМ, III, №112).

Этот описательный материал относится к одной из окраин Казахской ССР. Можно ли что-нибудь сказать о всей остальной территории Казахстана?

Если бросить взгляд на эту гигантскую территорию, охватывающую весьма разнообразные ландшафты и географические зоны, граничащую на западе с Каспийским морем и Приволж-

скими степями, на севере — с Южным Уралом, с Ишимской, Барабинской, Кулундинской степями, на западе — с Алтаем и Китаем (Джунгарией), покажется навряд ли мыслимым, чтобы это огромное пространство хотя бы в качестве обширнейшей окраины могло быть приобщено к ареалу блужданий «снежного человека». А между тем с некоторой долей вероятности можно высказать предположение, что действительно чуть ли не на всем протяжении Казахской ССР, по крайней мере в самых разных ее местах, в недавнее время имели место заходы и блуждания редких особей. Иными словами, приходится допустить гипотезу, что здесь не только горные хребты, но также центрально-казахстанский мелкосопочник, нагорья, Устюртское плато, Тур-гайская столовая страна, также как пустыни и степи, — может быть давали некоторые минимальные возможности для спорадических миграций, расселения единичных представителей интересующего нас вида реликтовых гоминоидов. К такой гипотезе побуждают разрозненные указания на такого рода животное, время от времени поступающие то из одного, то из другого угла необъятной земли Казахстана.

Указания эти надо сказать, — по крайней мере пока что, — неизмеримо беднее тех, какие мы цитировали по Памиро-Алаю или Тянь-Шаню. Они настолько фрагментарны и непроверенны, что представляется преждевременным излагать их здесь и посвящать казахстанскому материалу особый обзор. Лишь будущие труды может быть изменят эту картину. Пока же будет достаточным просто упомянуть, что у Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» есть единичные сигналы, на первый взгляд могущие показаться странными, с запада — из области Мангышлака и Устюрта, из западноказахстанских приволжских степей; с севера — с Южного Урала, наводящегося даже за пределами Казахской ССР; с юга — из степей Акмолинской и Карагандинской областей.

Видимо, в этой обширной периферийной зоне исследование еще настолько бедно результатами (как бы заманчиво ни выглядели некоторые информационные материалы), что пока благоразумнее всего ограничиться сказанным.

Отметим еще, что сведениями о «диком человеке» располагают и не казахи, проживающие в Казахстане, например, дунгане, именующие это существо, когда они пугают детей, «моёржином» (буквально: дикий человек с шерстью, т.е. обросший шерстью) (ИМ, III, №114). Точно так же знают его и казахи, проживающие за пределами Казахстана, например, в Монгольской Народной Республике (где они именуют его «албасты») или в Синьцзяне (где они именуют его «ксы-гыик»). Эти наблюдения важны как опровержение некоторых фольклористических гипотез о «снежном человеке».

АЛТАЙ, САЯНЫ

Познакомимся столь же бегло и кратко с описательными данными, относящимися к другой территории, которая представляется весьма перспективной для дальнейших исследований: к горной области, охватывающей Алтай и Саяны, включая территорию Хакассии, Тувинской АО, а также и Бурятской АССР.

Приведем прежде всего имеющуюся благодаря любезности Я.Ф. Цикунова запись воспоминаний очень старого человека, ныне покойного А. Могилева, относящихся ко времени его молодости, т.е. чуть ли не к 30-м годам XIX в. Речь идет о пограничных местах современных Восточно-Казахстанской области и Алтайского края; А. Могилев работал в хозяйстве, расположенном в горах далеко к востоку от г. Лениногорска, известных в тех местах под названием «Белки», — они покрыты снегом, склоны лесистые , население почти отсутствовало. Однажды, рассказывал А. Могилев, жители услышали громкий крик. Договорившись, окружили это место и поймали необыкновенного человека. Передвигался он на двух ногах, но был весь в шерсти, волосы на голове были длинные. А. Могилев, рассказывая, называл его «косматый человек». Его привели в поселок и держали до вечера. По словам А. Могилева, он весь день сидел и плакал и что-то непонятное выкрикивал. Вечером его отпустили, он убежал в горы. После этого неоднократно слышали такие же крики недалеко от поселка; иногда в стороне от жилья выкладывали хлеб, мясо и т.п., а утром этих продуктов не оказывалось, причем по следам установлено, что забирал их «дикий человек». Тот же А. Могилев рассказал и другой случай. Местный учитель-охотник в горах набрел на стоянку «дикого человека» в пещере. Взрослых особей в этот момент не оказалось, были одни детеныши. Однако, пока охотник рассматривал детенышей, вернулись взрослые и начали было яростно нападать на охотника, но он отгонял их выстрелами в воздух. В конце концов, когда он отступил, они устремились к своим детенышам, а охотник сумел удалиться невредимым. Наконец, А. Могилев говорил, что и после этого жители поселка несколько раз в светлое время суток видели на горе «диких людей», которые ходили парами (ИМ, III, №115).

Как можно предполагать на основе этого сообщения Я.Ф. Цикунова, лет сто с лишним назад горы Алтая принадлежали к числу очагов не только появления, но и размножения «снежного человека»: тут упоминается о детенышах, о «парах». Однако есть и сигналы, позволяющие допустить, что область распространения

«снежного человека» еще и в недавнее время охватывала, например, Абаканский хребет. Эстонец Я. Нэрман в 1938 г., когда он приехал в г. Абакан, выясняя возможность организации курорта на горячих серных источниках высоко в горах Хакасии, услышал от многих лиц о небезопасных таинственных встречах в горах и о недавней, всего недели за две до его приезда поимке в горах «дикого человека», которого жители Абакана истолковали как просто одичавшего человека, оставленного, видимо, в раннем детстве в горах и по счастливой случайности выросшего там совершенно без людей. «Говорили, что охотники и лесники не раз видели издали в горах волосатого человека, который никого близко к себе не подпускал. Далее, говорили, что сотрудники местных органов получили распоряжение поймать живым этого лесного обитателя. За ним охотились, якобы, более двух недель пока удалось окружить и изловить, забросав петлями веревок, свалить с ног и связать. При поимке он будто бы рвался, кусался, рычал, кричал, но без внятных слов. На руках или на носилках перенесли его в Абакан, где поместили в особую железную клеть и с неделю показывали публике. Всем ли показывали — не знаю, но несколько человек говорили, что сами ходили смотреть это чудище. Передавали, что когда люди приближались к его клети, он зло рычал и тряс железные прутья так, что вся его тюрьма ходуном ходила. Кормили сырым мясом и рыбой. Особенно любил рыбу, хватал, рвал зубами на куски и ел с жадностью. На мои вопросы, как выглядел, говорили, что рослый, сильного сложения, весь в густых волосах. Подробностей не помню. На вопрос, куда он делся, отвечали, что «куда-то увезли», а иные добавляли, что увезли в отдельном вагоне, наверное в Москву» (ИМ, III, №116). Единственное не совсем точное подтверждение этого рассказа получено пока от художника Б. Жутовского, прибывшего в г. Абакан летом 1955 г. из маршрута по тайге и в разговоре с местным жителем, кажется, учителем, услышавшего неожиданный вопрос: не встречали ли косматого человека, так как лет двадцать тому назад «вроде там поймали, тут вот показывали, да и куда-то дели». (Сообщение Б. Жутовского. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) Кто знает, может быть и в самом деле экземпляр интересующего нас человекоподобного животного был довезен даже до Москвы и кончил свои дни где-нибудь в психиатрической больнице, как случай редкой психической и сопровождающей соматической аномалии, под каким-нибудь наугад данным ему именем, так что и искать-то теперь его было бы безнадежно...

В августе 1962 г. на южном склоне г. Белухи (Катунский ледник) на высоте около 2500 м. горно-туристская группа (Дитман, Айрапетянц, Васильев, Иорданишвили) обнаружила на льду помет, разбросанный на площади около 2 кв. м., формой он совершенно напоминал человеческие фекалии, но состоял в значительной мере из непереваренной и полупереваренной травы. Принадлежность этого помета (образцы которого были доставлены в Москву) волку представляется невероятной, тем более — медведю, барсу, оленю... Кто оставил странный свежий помет на ледника? (Сообщение А. Иорданишвили от 25 сентября 1962 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Очень интересны бесхитростные письма охотницы-лесничихи А.Д.Полетаевой, отлично знающей безлюдные глухие места в тайге Красноярского края и Тувинской области, в частности, вдоль трассы от г. Абакана до г. Кызыла. Следы местных животных — зверей и птиц — ей отлично известны. В 1952 г. на гребне Саянского хребта она встретилась с совершенно незнакомыми следами. Это были вдавленные в снег почти круглые следы длиной сантиметров 25, не имевшие отпечатков ногтей, оставленные косматым волосатым существом, шедшим не на четырех ногах, а на двух. А.Д. Полетаева ясно отличала эти следы от медвежьих. Она прошла этим следом более одного километра, а когда вернулась, то, по ее словам, обнаружила, что существо, оставившее след, проследовало вторично непосредственно за ней. Поспешив на стоянку, А.Д. Полетаева, по ее словам, поделилась наблюдением с охотниками-тувинцами, которые посоветовали ей больше туда не ходить, прибавив: «это наши предки, не ходи, а то тебя унесут» (ИМ, III, №117; письмо А.Д. Полетаевой от 28 октября 1959 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Д.И. Попов из Иркутска сообщает, что в 1952 г. в пос. Орлик Окинского района БурАССР он слышал сообщения местных жителей о встречах в Саянских горах очень крупного человекоподобного существа, с длинными руками и белой шерстью, ходящего согнувшись. Тогда же он слышал от С.И. Кудрявцева о встрече последнего в Саянских горах, вдали от города Зима, с человеком со светлой шерстью, который ходил сгорбившись, с длинными руками. (Из письма Д.П. Попова от 5 мая 1959 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Весьма реалистическое сообщение сделали три азербайджанца, временно работавшие на лесозаготовках в 1954 г. в горах Бурятской АССР, а именно, по-видимому, в Восточных Саянах. Сафар Саидов, Вайсал Ахмедов и Альгейдар Ахундинов шли

к месту работы по горной тропе. «Вдруг, выйдя из-за огромной каменной глыбы, мы в ужасе остановились. Мурашки побежали по телу и волосы на голове встали дыбом. Метрах в 10–15 от нас быстро спускалось сверху какое-то чудовище, похожее на человека, все тело которого было покрыто густым волосом. Он бежал очень ловко, держа что-то в руках, и скрылся в темном ущелье». Далее описывается ужас лесорубов и меры предосторожности принятые на ночь. Но приехавший утром бригадир из местных жителей, когда ему поведали о встрече в горах, «не очень удивился, так как сам не раз за свою жизнь встречал человека, который живет высоко в горах и ходит голый. Его видели и другие местные жители. Этот дикий человек на людей не нападает, живет все время в горах, питается путем ловли диких зверей, птиц» (ИМ, III, №118).

Эти несколько наблюдений, относящихся к горам Алтая и к Саянам, дополняются рядом других сведений из тех же мест, переданных пока лишь в форме устного сообщения о сборах опросных данных среди населения научной сотрудницей Музея краеведения г. Кызыла т. Сорокиной.

В целом, имеющиеся данные по горам Алтая и Саянам создают впечатление реалистичности, тем более, что в большинстве своем они записаны со слов не местного населения, а приезжих людей, что исключает причисление их к местному фольклору. Природные условия Алтайских гор и Саян дают возможность предполагать здесь в историческом прошлом один из важных очагов обитания «снежного человека». Необходимо подчеркнуть также непосредственную ландшафтную и зоогеографическую связь этой области с Монгольским Алтаем, как мы уже знаем, ведущим нас в одну из наиболее богатых описательными данными о «снежном человеке» территорий — в Монгольскую Народную Республику.

ЗАБАЙКАЛЬЕ, ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Наш обзор сведений по горным областям Советском Азии мы закончим еще более беглыми предварительными замечаниями, касающимися бескрайних горных хребтов Забайкалья и всей Восточной Сибири. Было бы совсем неверно пытаться причислить всю Бурятскую АССР, Читинскую область, Якутскую АССР, Хабаровский край с их горными хребтами и плоскогорьями к ареалу «снежного человека». Для этого нет должных оснований ни в наличных опросных материалах, ни в физико-географических и био-географических условиях указанной территории. И все-таки

было бы неосторожно, с другой стороны, вовсе выкинуть из поля нашего внимания эту грандиозную гористую страну северо-восточной Азии: то тут, то там, до нас доносятся сведения населения — по большей части окутанные густой пеленой легендарности и фантастики, домыслов и басен, но подчас вдруг и удивительно конкретные, содержащие в общем уже хорошо знакомые нам черты дикого человекоподобного существа. Волей-неволей складывается предположение, не находимся ли мы здесь в области очень давних в своем большинстве, принявших поэтому полу-сказочный характер воспоминаний о древнем, ныне исчезнувшем существе, хотя единичные рассказы говорят как будто и о появлении в совсем недавнее время на короткий сезон небольших групп или единичных бродячих особей «снежного человека» в тех или иных восточносибирских горах.

Из с. Тотта Аяно-Майского района Хабаровского края получено сообщение В. Константинова о том, что у эвенков у подножия хребта Джугджур охотники рассказывают о редких встречах «бюляна» — голого человека большого роста, обросшего волосами, похожими на медвежью шерсть, о темным лицом и глубоко сидящими глазами. В одном случае рассказывается, что охотники ранили «бюляна» в ногу, поймали его и долго пытались допрашивать, но тот только скалил зубы и издавал разные крики, которые больно отдавались в ушах. Любопытно, что, по словам наблюдателей, они видели «бюляна» с палкой в руке, а однажды и с сухой бедренной костью какого-то животного, которая, видимо, служила ему ударным орудием. Как рассказывают, однажды, когда удалось убить «бюляна», он оказался весь обмазанным смолой, особенно ступни и ладони рук (дело было летом). (Сообщение В. Константинова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Севернее, в горах Якутии записано немалое количество рассказов о диком человекообразном существе. Его называют «чучуна», «кучуна», «мээлкоээн», «хээдьек», «абасы».

Выдающийся знаток якутского фольклора Г.В. Ксенофонтов опубликовал некоторое число этих записей. В них интересно не то, что сближает этого «дикого человека» с мифологическими существами или, напротив, с представлением о примитивных людях, соседях-чукчах, а то, что подчас, разрозненными штрихами, сближает его с животным, уже известным нам по многим описаниям. Разве похоже на мифологический образ постоянно подчеркиваемое свойство этого «чучуна» при редчайших встречах с людьми тотчас спасаться бегством, так что видят его почти исключительно убегающим? Во многих рассказах подчеркивается,

что бродит он в одиночку, бегает с исключительной быстротой. Строением тела похож на человека, но принадлежит к «шерстистому или волосатому племени», т.е. тело его покрыто волосами. Кстати, представляется вероятным, что Г.В. Ксенофонтов смешал и объединил вместе два разных предания: «о бородатом народе», которое он с известным основанием склонен считать отдаленным отзвуком рассказов об айнах, живущих в южной части о. Сахалина, и о «волосатых людях», которым часто приписывается рост выше или ниже нормального и скорее животный, чем человеческий образ жизни. Правда, именно об этих волосатых людях предание гласит, что этот народ будет разыскан тогда, «когда наступит последний век и начнется светопреставление». Однако, когда рассказывают о встречах с такими существами, нередко упоминают признаки, скорее интересные для биологии, чем для мифологии. Они свистят, пугая людей и оленей, либо кричат весьма неприятным, хриплым и трескучим голосом. Встречаются исключительно в летнее время. Живут в норах наподобие медведей, пожирают мясо оленей в сыром виде, могут добывать диких оленей, а домашним оленям спутывают ноги тельником. Делают себе запасы пищи, собирая мышей (Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937, т. 1, с. 288 – 289, 554 – 555).

Рассказы, записанные Г.В. Ксенофонтовым, могут быть дополнены двумя записями, произведенными А.П. Окладниковым на Нижней Лене. «Чучуна» — племя полулюдей-полуживотных, обитавших и изредка еще попадающихся здесь на Севере. Внешность у них была необычайная: голова как бы срослась с туловищем, шеи не было. Неожиданно появлялись ночью, кидали в спящих людей камнями со скал; ловили оленей. Якут-охотник Макаров утверждал, что он встречал пещеры, в которых обитают «чучуна» по правому берегу р. Лены ниже Чубукулаха и вплоть до о. Столб, подчас также и на левой стороне Лены, находя в этих природных логовищах оленьи рога и шкуры (Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. Сборник. МАЭ, 1949, с. 85, 99).

Геолог Н.И. Гогина сообщает, что во время экспедиции летом 1960 г. сопутствовавшие оленеводы, по-видимому, из эвенков, хорошие охотники и знатоки тайги, Егор Павлов и Василий Федоров, на расспросы о том, что такое «чучуна», сначала отвечали неохотно, а потом много рассказали о том, что в их краях водятся дикие люди. Дикий человек, по их описанию, — очень крупный, высокий, волосатый. Отпечаток ступни (след) — большой. «Не совсем человек — черт, наверное». Живут дикие люди в Верхо-

янском хребте. Видели их оленеводы-пастухи в районе пастбищ Кыстатымского колхоза (Жиганский район) — высоко в хребтах в верховьях рек Джарджан, Мянгкяря, Собопол. Раньше их видели чаще, теперь — реже. В поселке Кыстатым можно найти очевидцев. Дикие люди, якобы, похищают детей, подчас возвращая их через долгое время назад, и в таком случае дети сообщают, где и как они жили. До войны похищений было больше, сейчас реже. Рассказчики убежденно заверяют, что в одном хорошо им известном случае похитителем был «чечуна», так как они сами видели след похитителя — «как большой-большой человек».

Идет ли речь о местных народных поверьях? Н.И. Гогина, с одной стороны, отмечает, что эти рассказы носят локально ограниченный характер: «В 1958 г. мы спрашивали у всех оленеводов, никто ничего не знал, — все они были из равнинной части, а попались оленеводы из Верхоянья, появились и рассказы о диком человеке (возможно, вымышленные)». Иными словами, если это легенды, то распространенные далеко не повсеместно среди населения края, а приуроченные лишь к определенным географическим условиям. С другой стороны, они вовсе не носят узко локального характера: «Но интересно то, — продолжает Н.И. Гогина, — что если это и фольклор, то уж очень он одноти-пен с фольклором других народов на эту тему». О том же говорит добавление геолога Б.Н. Леонова: «В рассказах о диком человеке Верхоянья поражает совпадение сведений с другими районами. Добавлю, что в рассказах указывалось, что по окраске существо похоже на медведя, живет в пещерах, у границы снега». (Сообщение Н.И. Гогиной и Б.Н. Леонова от 18 августа 1960 г. Архив Комиссии по изучений вопроса о «снежном человеке».)

По сообщению одного корреспондента, работавшего ряд лет на севере, в районе рек Яны и Индигирки, согласно внушающим ему доверие рассказам коренных жителей, на хребте Полоустном в недавнее время имели место встречи «дикого человека», а в б. селении Муурдах имеется даже захоронение убитого «чучуна» в мерзлоте. Корреспондент утверждает, что «примерно в конце 20-х годов власти Якутской АССР давали даже разрешение на отстрел «чучуна» и что у одного знакомого ему якута хранится кусок шкуры такого убитого существа». (Сообщение Павлова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «Снежном человеке».)

Научный работник ботаник В.А. Шелудякова со своей стороны сообщает, что по всему северу Якутии рассказывают о «диких людях», живущих в горах, в малодоступных местах. Приводимые ею описания схожи с цитированными выше. «Рассказы о «кучена» — пишет В.А. Шелудякова — настолько образны, наполне-

ны, такими подробностями, подтверждены такими авторитетными очевидцами, что в свое время заставили ЯЦИК специально заняться выяснением, что такое эти дикие люди — продукт суеверия, или какие-то действительно подозрительные люди, скрывающиеся в необитаемых местах. Очевидцы, рассказывавшие мне о своих встречах с кучена, были люди грамотные, причислявшие себя к местной интеллигенции». В.А. Шелудякова ссылается на некоторых местных работников и затем рассказывает эпизод, происшедший во время ее экспедиционных работ в районе между Индигиркой и Алазеей: ее проводники, эвен и русский, убившие лося и вечером разделавшие его тушу, под утро разбудили ее сообщением, что только что видели «дикого человека», небольшого роста, темного, свистевшего и кидавшего в них камни, очевидно, пришедшего к мясу; однако наутро ей не удалось обнаружить никаких его следов. (Сообщение В.А. Шелудяковой, Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Газета «Эдэр Коммунист», орган Якутского обкома ВЛКСМ, в июле 1959 г. опубликовала статью С. Черемкина «Знаете ли вы о хээдьеках?» Автор приводит сообщения старого колхозника П.А. Слепцова из района Момских гор и верхних притоков р. Колымы, относящиеся к одному-единственному сезону, хотя, по словам рассказчика, о «хозяевах гор» или «хээдьеках» у местных жителей имеются и какие-то другие менее конкретные сведения. П.А. Слепцов рассказал, как однажды в осеннюю темень к чуму подошли какие-то не то звери, не то неизвестные люди и закидали чум камнями. Спустя некоторое время туда же в чум, еле переводя дыхание, прибежали бросившие своих оленей люди, сообщившие о нападении на них в пути каких-то неизвестных, закидавших их камнями. В том же году родственник рассказчика, отправившийся в горы охотиться на горных баранов и на ночь разложивший освежеванные туши, обнаружил исчезновение части добычи, а затем на него с разных сторон кто-то стал кидать камни; когда он побежал от нападающих, те пустились за ним, забегая то спереди, то сзади, и продолжая кидать камни, а он отстреливался по их едва заметным силуэтам. Тетка рассказчика Л.П. Слепцова, по ее рассказу, подверглась нападению группы семерых высоких, темных человекообразных существ, издававших нечеловеческие пискливые звуки, не имевших одежды (Черемкин С. Знаете ли вы о хээдьеках? // Эдэр Коммунист. Якутск, 26 июля 1959 г.).

Эти рассказы позволяют сделать допущение, что в данном случае речь идет о действительном заходе на один-единственный сезон группы человекоподобных существ в далекий северо-восточный район, где современные условия фауны не дают им

возможности устойчивого существования. Но если это и так, — перед нами эпизодический заход. Однако, кто знает, не является ли он реликтом постоянного появления здесь этих существ в более давние, точнее — в древние времена?

У нас пока слишком мало данных, чтобы говорить о том, как далеко простиралась тогда на северо-восток граница их миграций. Но есть косвенная причина допустить, что она заходила и на Чукотский полуостров и в область Берингова пролива. Этой причиной является открытие в последние годы довольно обильных данных о таких же самых существах, т.е. о существах, подобных «снежному человеку», на территории Америки. Попасть туда они могли только через Берингов пролив.

Для ответа на этот вопрос еще недавно мы располагали только приведенными выше данными. Но, как не раз случалось в исследовании проблемы «снежного человека», в дальнейшем мы открыли, что мы вовсе не были первооткрывателями, — только наши научные предшественники еще не могли связать свой локальный материал с аналогичными данными из других географических областей. Оказалось, что еще в 1908–1912 гг. молодой русский минералог П.Л. Драверт собрал (и в небольшой мере опубликовал) в районе нижнего течения Лены, в Кюсюре и Булуне, рассказы о диких волосатых людях, якобы встречающихся в глухих местах Верхоянского округа. С 1925 г. совместно с агрономом-якутом Д.И. Тимофеевым проф. П.Л. Драверт, ставший видным метеоритологом, собирал сведения и об этих «диких людях» Якутии — «муленах» и «чучуна». В марте 1929 г. они сделали доклад на эту тему в Западно-Сибирском (Омском) отделе Русского географического общества. 26 апреля 1929 г. в газете «Автономная Якутия» была опубликована заметка С. Потапова «Чучуна», подтверждавшая реальность этих существ ссылками на расследования, произведенные авторитетными организациями Якутии. Включив полностью эту заметку, как и прочие прежние и вновь полученные данные, проф. П.Л. Драверт опубликовал в 1933 г. большую статью «Дикие люди мулены и чучуна» (Драверт П.Л. Дикие люди мулены и чучуна // Будущая Сибирь, 1933, кн. 6). Автор призывал приложить все усилия для изучения и охраны этих представляющих огромную научную ценность «диких людей». Однако призыв был, к сожалений, в большой мере парализован одновременно опубликованной статьей Г. Ксенофонтова «По поводу статьи проф. Драверта» (Ibiden.), где довольно голословно декларировалось, что «мулены» и «чучуна» являются пережитками каких-то наидревнейших верований предков туземцев севера, сходных с верованиями древних греков в пана или фавна;

пана, отмечал Г. Ксенофонтов, тоже связывали со стадами травоядных, с внушаемым им «паническим ужасом», с преследованием женщин, с криками в горах.

В изложении П.Л. Драверта различимы два пласта представлений о «диких людях»: сначала он представлял их себе по описаниям якутов и тунгусов как сильных волосатых человекоподобных, лишенных даже членораздельной речи; позже, под впечатлением собранных Д.И. Тимофеевым рассказов, П.Л. Драверт подверг всю проблему своего рода переосмыслению — вообразил их как какой-то своеобразный примитивный народ, но все же обладающий уже луком и стрелами, металлическими ножами, огнивом, удивительной одеждой из оленьих шкур шерстью наружу, покрывающей тело сплошь в обтяжку, возможно, что и особым языком, непонятным туземцам. Оба пласта представлений, логически исключающие друг друга, как то переплелись в изложении П.Л. Драверта. Субъективно ему хотелось видеть тут неведомый «народ», а не человекоподобных животных, и, видимо, поэтому он оказал доверие немногим сказочным подробностям, содержавшимся в собранном фольклоре, не обратив должного внимания на полную несовместимость, например, металлического ножа со звероподобностью других атрибутов изучаемых существ. Если исключить перечисленные черты, по-видимому, привнесенные стремившимися к «реализму» рассказчиками, остаются такие данные о «муленах»-«чучуна»: по строению тела и облику они сходны с людьми, но ростом бывают и выше и ниже человека, бегают необычайно быстро, обладают сильно развитым волосяным покровом, в том числе на голове волосы длинные, на лице — мягкие, короткие, очень сильны; издают нечленораздельные звуки, иногда похожие на мычание (показывая при этом зубы), но подчас в горах или перед нападением издают пронзительный свист, производящий ошеломляющее впечатление на человека и даже временно парализующий его волю «как у загипнотизированного», вооружены палками и камнями, иногда мелкими, которые могут бросать в людей или в чумы с расстояния до 15 – 20 саженей; изредка нападают на людей в целях отбить пищу или предметы, воруют припасы; угоняют у тунгусов оленей, целые табуны. Живут «мулены»-«чучуна» в пещерах. Встречаются поодиночке или группами не более 2 – 3 особей, при этом об особях женского пола или о детенышах упоминаний нет.

П.Л. Драверт со слов Д.Н. Тимофеева и других подчеркивает, что якуты и, особенно, тунгусы крайне неохотно сообщают о своих встречах с «муленом» и «чучуна», ибо эти встречи оканчивались в большинстве случаев умерщвлением последних и винов-

ник опасался привлечения к суду за убийство человека; приведено несколько подтверждающих примеров. По слухам, немалое число «муленов»-«чучуна» было истреблено во время гражданской воины в Якутии, когда по безлюдным дотоле пространствам прошли большие массы вооруженных людей. И до революции и после на этих полу-людей охотились; трупы их закопаны там и тут, но «охотники» скрывают места, опасаясь преследования за убийство.

Наконец, в статье П.Л. Драверта приводились некоторые данные о местах встреч и возможных миграциях «муленов»-«чучуна». Так, отмечалось, что довольно обильны встречи этих существ в хребте Джугджур — продолжении Яблонового и Станового хребта, где якуты называют их хозяином или духом гор и приносят им лакомые подарки при перевале через хребет, а тунгусы относятся к ним как к реальным существам и иногда убивают. Далее отмечены сведения по всему Крайнему Северу, в особенности в Верхоянском крае, а также, что характерно, в устьях и нижнем течении больших рек — Колымы, Индигирки, Яны, Лены, Хатанги, и в малонаселенных горных хребтах Севера.

Здесь же, совершенно попутно и предварительно, следует отметить, что некоторые разрозненные сведения о реликтовых диких полулюдях, ведущих животный образ жизни, зафиксированы другими исследователями и далее на запад: у самого северного из народов СССР нганасанов на п-ве Таймыр, в низовьях Оби, на Северном Урале, в низовьях Печоры и вплоть до Пинеги, Излагать эти отрывочные сведения было бы преждевременно. О них стоит упомянуть лишь в связи с общим складывающимся впечатлением, что понемногу перед исследователями проблемы «снежного человека» приоткрывается неожиданная новая глава: расселение или миграции этих существ по всему северному краю эйкумены, куда они могли быть оттеснены человеком несмотря на экологические условия крайне тяжелые, особенно учитывая отсутствие у них огня и каких-либо других элементов человеческой материальной культуры. Эта «полярная» глава будет написана позже. Пока с чисто иллюстративной целью приведем одну фольклорную запись.

Она относится к району похода трех братьев-тунгусов от низовьев реки Нижняя Тунгуска при впадении ее в Енисей до предгорий хребта Путорана (где и разыгрывается основное действие). Запись сделана со слов энца Р.А. Силкина в 1948 г. этнографом Б.О. Долгих. Последний сопроводил публикацию записи таким примечанием: «Очень соблазнительно было бы истолковать образ волосатых амуки энецкого фольклора, как известие

о каких-то древних примитивных расах, что-нибудь вроде пресловутого «снежного человека», с которым сталкивались предки энцев, но для этого у нас нет никаких других оснований, кроме фольклора». Однако как раз ничего специфически фольклорного в данной записи мы не обнаруживаем, хотя вполне вероятно, что рассказ со всеми подробностями пересказан уже не одним поколением.

Три брата, охотники, оставив становище отца в низовьях Нижней Тунгуски, идут на промысел дальше обычной охотничьей территории. Они уже приближаются к хребту; поднявшись на сопку, видят чумы на прогалине у хребта и, чтобы не быть убитыми, если подойдут к чужим чумам в сумерках, решают заночевать в лесу; этот штрих важен: среди рассеянного на огромных пространствах редчайшего населения царит межродовая вражда и застигнутый на чужой территории человек из другого рода, например, обладающий иной татуировкой лица или иным типом оружия, будет убит на месте и брошен как собака. Младший из братьев отходит от костра, чтоб добыть белок, из-за пурги сбивается с дороги и, проплутав по тайге, на третью ночь замечает вдалеке костер. «Близко подошел к костру и видит, что с одной стороны сидит человек или что-то другое. «По-моему, это не человек, шибко большой! Все-таки это не человек, руки-то у него — сплошь шерсть. У меня нарка (одежда из оленьих шкур шерстью вверх), а у него не такого цвета то, что его покрывает. Одна шерсть». Парень пытается вспугнуть сидящего осторожным стуком по дереву, тот действительно оглядывается; не стоит придавать особого значения утверждению рассказчика, что у сидящего оказался один глаз: в рассказе и у брата, и у шурина парня тоже оказалось по одному глазу, так что это — штамп, придающий повествованию налет сказочности; интереснее наблюдения охотника: «он стоит, кругом глядит, головой крутит. Потом сел опять… Но все-таки поглядывает кругом. Думает что ли все-таки о том, что там стукнуло? Ну, как он все поглядывает! Неужели он тоже боится, испугался этого стука?» Несколько успокоившись, сидевший принялся пожирать то, что тлело на огне. Это оказался полуобгоревший труп человека (возможно, убитого и брошенного тут же у костра кем-либо в порядке межродовой вражды). Оторвал у трупа руку вместе с лопаткой, ел без помощи ножа, — «видно все-таки, что не человек он». Затем, наевшись, заснул лицом к костру. «Ну, как сопка, лежит около костра. Парень все думает, пока тот лежит, попробовать его из лука или нет»… Парень пробует, насколько тугой лук (взятый у брата).

«Если со всей силы до плеча вытяну, то дьявол (амуки) или кто-будь, все равно убью. Давай я его попробую, пока он лежит. Если он не помрет, за мной побежит, я все-таки бойкий. Правда, я сейчас голодный, но я на лыках, а он большой человек, разве он проваливаться в снег не будет?»

«Теперь потихоньку стал подходить к нему поближе. Идет, идет и за лесины завертывает, чтобы тот не увидел».

«Лежит спиной, лопатками ко мне. Все-таки подошел к нему на два ремня (около 50 м). Ну, теперь сел на лыжи, не снимая их. На колено положил руку с луком и давай натягивать лук. Далеко-то далеко. Но затем, если вскочит, то сумею увернуться, какой бы он ни был бойкий».

Положив на лук стрелу, парень заметил, что острие ее частью заржавело от крови. Снова раздумье охотника: «Ну, пойдет ли эта стрела, не задержит ли ржавчина? Надо было бы сперва мне ее вычистить. Но все-таки выстрелил, пустил свою стрелу. Вижу, что попал прямо меж лопаток. Этот дьявол с земли вскочил, что-то хватал с земли рукой и побежал, куда был лицом, а на меня даже не взглянул. А стрела между лопатками торчит. Что такое? Испугался или нарочно притворяется? Все премя бежал и скрылся за лесом». Парень подходит к догорающему костру, трезво констатирует, что налицо действительно останки полусъеденного человека, забирает его топор, поджаривает для подкрепления сил своих белок и лишь тогда решает идти по следу: «Может быть он там за лесом помер. Все-таки моя стрела вошла в тело, только черень было видно. А если он совсем ушел, то гоняться за ним не стану, вернусь». Наступает день, парень идет по следу с луком наготове и топором за поясом.

«Идет, идет, идет по лесу, куда тот скрылся. Прошел лес. И как раз речка тут за лесом. Он, оказывается, оттого скрылся (из виду), что в яму, в речку (на лед) попал. Речка широкая. Парень увидел, что тот посреди речки сидит. Сидит, вперед наклонившись, куда шел, голова опущена, свесилась на лед. Подошел ближе. Стрела торчит из лопаток. Увидел, что стрела наполовину прошла в нутро. Когда подошел к нему, посмотрел: нет, не шевелится. Обходит его издали, кругом, шагов за десять. Смотрит на лицо: голова опущена на лед. В том месте, где голова свесилась, весь лед в крови. И лицо его в крови, потому что залило лед кровью, «Ну, по-моему помер совсем». Шаг шагнет, остановится. Снял у себя топор с пояса: «Может быть вдруг вскочит. Глаз не видать и рожа закрыта. Я его тогда топором ссеку». Близко подошел на шаг. Остановился. Слушает: не дышит ли? Ну, шерсть сплошная, одежды нет на нем. «Ну, как же моя стрела не пройдет, когда одежды нет на

нем!» Взял топор за середку топорища и черешком голову шевелит. Голова не шевелится нисколько, примерзла ко льду. «Значит, я его убил». Топор бросил на лед. Обеими руками ухватился за голову, поднимает его голову и садит (мертвого) на зад. Хочет лицо поглядеть. Да, помер совсем, замерз. Стрелу вынул и на спину положил его на лед. Теперь стал говорить: «Эх ты, дьявол! Я не знал, что ты помираешь от стрелы, а то бы я тебя сразу застрелил. Теперь я знаю это. Пусть вас хоть сколько угодно придет, я вас все равно убью». Взял топор. Думает: «Что легче будет, рука или голова? Что унесу на показ отцу? Руки здоровые и голова тоже большая». Поднял топор и отрезал голову по шею. Снял повязки с бакарой (обуви), обвязал его голову и привесил себе за спину на пояс. Пробует, скачет: «Нет, не шибко тяжелая. Дай ворочусь назад, искать буду своих братьев».

По дороге охотник попадает в чум своего шурина, который утверждает, что отрезанная голова принадлежит «амуки» и расспрашивает, как удалось его убить. Затем после четырехдневного переезда на оленях они вместе прибывают к чуму отца охотника на берегу Енисея. Парень, войдя в чум, садится на свое место, снимает пояс, отвязав голову просит мать передать ее отцу и спросить, знает ли тот такое существо.

«Отец в руки взял. Поглядывает на голову. Из-за старости поднять он ее не может, покатывает по доске». Отметим кстати, что тут отпадает и единственный сказочный элемент: ни о какой одноглазости «амуки» давно уже речи нет, а тут и прямо говорится о «глазах» во множественном числе. «То глаза посмотрит, то всю ее разглядывает». «Сын, как ты одолел этого дьявола? — спрашивает отец. — Это амуки. Слышал — никто его не одолеет. Как ты его убил?» «Отец, я его убил стрелою из лука». «Наши деды — продолжает отец — находить его находили. Людей ел. Но никто не рассказывал, что его убивали. А теперь я знаю, он, оказывается, помирает от стрелы. Это далекая земля, куда ты попал, оказывается; ихняя земля, где они живут. Говорят много их там. Как ты это от них вырвался? Как ты попал туда?» «Отец, я заблудился». И он все рассказал, как заблудился, как шёл, как убил амуки. Братья же его так и не вернулись, они, по сведениям шурина, погибли от руки тунгусов иного племени (Мифологические сказки и исторические предания энцев. Записи, введение и комментарии Б.О. Долгих. М., 1961, с. 140–150).

Мы привели этот пространный рассказ для иллюстрации чрезвычайной конкретности мышления и наблюдений таежного охотника. Рассказы же энцев или тунгусов, имеющие мифологический характер, облачают совсем иной фактурой, они и в отда-

ленной мере не пронизаны такими чертами бытовой практики, профессиональной психологии охотника.

После этого отступления вернемся еще раз к исследованиям проф. П.Л. Драверта. Последний, подчеркивая, что в полученных им из разных мест Якутии сообщениях не упоминаются ни существа женского рода, ни детеныши, по-видимому, допускал объяснение этого факта тем, что «мулены»-»чучуна» ведут бродячий образ жизни, совершают по пустынным местам большие передвижения в одиночку или мелкими группами и в Якутии бывают лишь сезонно. Так, из Верхоянского улуса сообщали: «появлялись чучуна по 2–3 человека рано весной и уходили неизвестно куда (говорят, к чукчам) поздней осенью»; «население полагает, что чучуна приходят из чукотского района и туда же уходят» (Драверт П.Л. Op. cit.).

Как видим, Восточная Сибирь представляется в большой степени чем-то вроде гигантской арены блуждений, сезонных и иных миграций «снежного человека». Стрелка научного компаса указывает отсюда, во-первых, в западном направлении, где в дальнейшем могут быть обнаружены более стационарные очаги обитания, во-вторых, на крайне восточную оконечность Сибири, в область обитания чукчей. Чукотский полуостров и прилегающие территории, несомненно, должны привлечь взимание в данной связи. Это тем более необходимо, что только через Берингов пролив и через Алеутские острова люди могли оттеснить на Американский континент «снежного человека», обильные данные о котором обнаружены там в последнее время.

Здесь уместно воспроизвести рассказ якута Бычы, записанный П.Л. Дравертом еще в 1908 г. в низовьях р. Лены. Согласно преданиям, здесь некогда обитало сильное, могучее племя, но Красный Дьявол наслал на них горы, задавил их, и лишь немногим, жившим ближе к морю, удалось спастись: «Вместе с женами и детьми они уплыли к Теплым островам — и там будто бы живут до сих пор...» — «А где эти Теплые Острова?» — спросил участник экспедиции, русский, не знавший, что так называют Алеутские острова. «Никто не знает этого, — отвечал Бычы; только старые люди передавали, что однажды к земле Чукчей (а ты слышал, как далеко она отсюда?) море выкинуло на песок тело волосатого человека с Теплых Островов. Нельзя было понять, живой он или мертвый. Никто не решался тронуть его. К нему боялись подойти даже собаки... И так лежал он на берегу целый день. А наутро его уже не оказалось там... Лишь один почтенный шаман видел ночью, как человек поднялся с земли, трижды обошел стойбище чукчей и потом ушел» (Драверт П.Л. На севере дальнем // Камско-Волжская Речь, 1913, №239). В качестве комментария к это-

му преданию можно лишь добавить, что в летнее время течение действительно направляется от Алеутских островов на север и могло донести выбившегося уже из сил «волосатого человека» до Чукотского полуострова.

Преодолеть вплавь или по льдам Берингов пролив для крупного животного возможно, это по силам, например, стадам оленей. Может быть, еще теснее связывают Азию с Америкой Алеутские острова. О «снежном человеке» некоторые сведения на Алеутских островах уже собраны А. Сэндерсоном и готовятся к печати. В книге путешественника Тода Бенка мы находим упоминания рассказов местных жителей об «айдигадине» или «чужаке» — страшном бездомном дикаре, который рыщет по ночам в горах, приближается подчас к деревне, ворует продукты, а иногда, говорят, даже и детей (Тед Бенк. Колыбель ветров. М., 1950, с. 132). Эти связующие звенья делают правдоподобнее и казавшиеся сначала невероятными сведения о существах, аналогичных «снежному человеку», на территории западного побережья Канады, Северной Калифорнии, а также и в других местах Америки.

Глава 9

ВОСТОЧНАЯ ВЕТВЬ (АМЕРИКА)

Эта глава поневоле будет носить компилятивный и фрагментарный характер. Ее задача состоит лишь в том, чтобы дать самое предварительное ознакомление читателю с некоторыми опросными данными, заставляющими в настоящее время серьезно относиться к недавно начавшимся исследованиям о «снежном человеке» или «сублюдях» в Америке.

Этнографами давно были записаны предания эскимосов — народности арктического побережья Америки от Берингова мыса до Гренландии — о человекоподобных существах, тождественных «снежному человеку», которых они застали, когда расселялись на этих землях (Weyer E. The Escimos. New-Haves, 1933). Известны были и сходные предания индейских племен в Северной, Центральной и Южной Америке. Подчас не только в американской прессе последнего столетия, но даже и в русской прессе появлялись сообщения о наблюдении там и тут волосатых диких людей-животных. Так, в одной русской газете в 1903 г. была напечатана корреспонденция об обнаружении «дикого человека» в Америке близ Пембайна около фермы некого Джонса Кота; сначала у последнего необъяснимым образом исчезали овцы, за-

тем дровосеки натолкнулись на «виновника» — в пещере обитал (скрывшийся от них в чаще леса) незнакомец; «он был без всякой одежды, тело его поросло длинными волосами, и сам он был похож на орангутана» (Приазовский край, 17 января 1903 г.).

Но все такие сообщения, разумеется, и в Америке не приводили ни к какому биологическому обобщению до самого недавнего времени. Кажется, только с 1958 г., тогда же, когда начались исследования в СССР, видный зоолог Айвен Т. Сэндерсон начал свои систематические сборы сведений в Америке. С 1960 г. и организатор непальских экспедиций, Том Слик, переключил часть внимания на проблему американского «снежного человека»; его сотрудник Питер Бирн в 1960–1961 гг. в дремучих лесах и в горах Калифорнии вел настойчивые розыски «дикого человека». Предварительные наблюдения Питера Бирна, представляющие большой интерес, известны мне только из частных писем, которые, к сожалению, я пока еще не имел возможности сопоставить с тем, что сообщено в его недавней статье о поисках «калифорнийского большеногого» (Byrne P. ,Genus.1962, v. XVIII.). Что касается обильных материалов собранных А. Сэндерсоном, первоначально публиковавшихся в отдельных статьях, то они в настоящее время систематизированы в шести главах (главы II – VIII) его неоднократно упоминавшейся выше капитальной монографии (Sanderson Ivan T. Abominable Snowmen: Legend come to Life. The Story of Sub-Humans on Five Continents from Early Ice Age until Today. Philadelphia – New-York, 1961, p. 1 – 505. Bibliography: p. 491 – 505. Русский перевод: Сандерсон Айвен Т. Тайны «снежного человека». Серия: Великие тайны. М., Издательство «Вече», 2000, с. 1 – 511). Он составил обширный обзор всех сведений за сто лет (1860–1960) о «лесном человеке», «сасквatче» в Канаде, старых и новейших данных о «большеногом» или «о-ма» с северо-запада США, в частности из Северной Калифорнии и из других мест, наконец показаний индейцев и путешественников из Центральной и Южной Америки. Как уже отмечалось, А. Сэндерсон обозначает все такого рода существа условными буквами ABSM.

В настоящей главе я ограничусь приведением выдержек из указанных шести глав книги А. Сэндерсона. Эти выдержки далеко не исчерпывают приведенного им описательного материала. Это всего лишь избранные отрывки, которые помогут читателю, не имеющему под рукой книги А. Сэндерсона, составить некоторое представление о разных типах собранных им свидетельств, о его манере анализировать их. Пусть же не посетует читатель, что нижеследующий текст данной главы по композиции напоминает хрестоматию.

ИЗ ГЛАВ II, III, IV: КАНАДА

Корреспонденция из газеты «Дейли Бритиш Колонист» (Канада, Британская Колумбия, Виктория, Йэль), 3 июля 1884 г. (Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 74)

«...Поблизости от туннеля №4, находящегося на расстоянии около 20 миль выше этого поселения, есть обрывистая скала, которая до сих пор считалась непреодолимой. Но, как сообщает м-р М. Ондердонк, в понедельник утром на нее взобрался обслуживающий персонал поезда. При участии м-ра Костертона, посыльного «Бритиш Колумбия Экспресс Компани», несколько человек из Литтона и окрестностей после значительных усилий и опасного восхождения поймали существо, которое является получеловеком-полуживотным. «Джэко», как это существо назвали его ловцы, до некоторой степени походит на гориллу, в стоячем положении имеет рост около 4 футов 7 дюймов (около 139,5 см.) и вес в 127 фунтов. Он имеет длинные черные густые волосы и похож на человека, за исключением того, что все его тело, кроме кистей рук (или лап) и ступней, покрыто лоснящимися волосами около одного дюйма (около 2,5 см) длиной. Его передние конечности длиннее, чем человеческие, и обладают необычайной силой: так, он схватил палку и сломал ее окручивающим движением, что никто из обычных людей не мог бы сделать. После своего пленения он ведет себя очень спокойно и только время от времени издает звуки, которые частично похожи на рявканье, частично — на рычание. Однако, день ото дня он все более привязывается к своему сторожу, м-ру Джорджу Телбюри, который вскоре собирается отправиться показывать его в Лондон, в Англию. Его любимой пищей являются ягоды и с явным удовольствием он пьет свежее молоко. По совету д-ра Ханнингтона «Джако» не дают сырого мяса, так как, по мнению доктора, оно может сделать «Джэко» свирепым.

Поимка произошла следующим образом. Нед Остин, инженер, рассматривая утес на подъеме у восточного конца туннеля № 4, увидел лежащее близко к пути существо, которое он принял за человека и немедленно подал сигнал торможения. Поезд тотчас затормозили и через несколько секунд он был остановлен. В этот момент мнимый человек вскочил и, издав отрывистый животный крик, начал быстро карабкаться на крутой обрыв. Проводник Р. Дж. Крэйг и посыльный Компании Костертон, а за ними служащий, сопровождавший багажный вагон, и помощники машиниста спрыгнули с поезда, и так как поезд шел с упреждени-

ем расписания на 20 минут, они занялись преследованием. После пяти минут опасного восхождения тот, кого они приняли за сумасшедшего индейца, был окружен на таком выступе скалы, откуда он не мог ни подняться выше, ни спуститься. Встал вопрос — как схватить его живьем, что быстро разрешил м-р Крэйг, вскарабкавшись на четвереньках на 40 футов выше этого существа. Взяв обломок скалы, он бросил его в Джэко, что лишило последнего на время способности к сопротивлению. Пока принесли моток веревок, Джэко лежал на земле беспомощный. Затем он был крепко связан и его отнесли в багажный вагон. Поезд подал сигнал и последовал дальше в Йэль. На станции собралась большая толпа, уже ожидавшая прибытия поезда, так как о поимке было сообщено по телефону из Спуццум-Флэт и каждый желал посмотреть на чудовище. Но всех ждало разочарование, так как Джэко был снят у железнодорожных мастерских и помещен у его теперешнего хозяина.

Естественно возникает вопрос — откуда появилось это существо там, где его впервые увидел м-р Остин? Из-за ушибов на голове и толе и болезненного состояния после поимки, возникло мнение, что Джэко блуждал близ края обрыва, поскользнулся, упал и лежал в месте падения до того, как его заставил подняться шум мчащегося поезда. М-р Томас Уайт, м-р Гоуин кавалер Ордена Британской Империи, также как и м-р Мэджор, который содержал маленький магазин в полумиле западнее туннеля, в течение последних двух лет говорили, что они видели курьезное существо в различных пунктах между лагерями 13 и 17, но никто не обращал внимания на их слова, так как люди думали, что они видели медведя или заблудившуюся индейскую собаку.

Кто может разгадать загадку, окружающую Джэко? Относится ли он к виду, до сих пор неизвестному в этой части континента, или он действительно является, как сначала думала поездная бригада, сумасшедшим индейцем?»

(Ibiden, с. 81). «Джэко, однако, не является случайным «чертенком», который внезапно появился на сцене, а затем исчез. Перед его поимкой о нем же, или о существе подобного же вида, сообщал из того же района м-р А.К. Андерсон, хорошо известный исследователь и администратор Компании Гудзонова залива, который обследовал вновь открытые территории и изыскивал возможные торговые пути через нее для своей компании. Он сообщал о совершенно таких же волосатых человекоподобных существах, которые неоднократно бросали камни в него и членов его изыскательской партии с вышележащего склона.

Это случилось в 1864 г. Много лет спустя м-р Дж. В. Бэрнс (теперь живущий на покое в Сан-Франциско), который долгое время занимался этим вопросом, отыскал некую старую женщину-индианку из Порт-Дугласа в верховьях озера Гаррисон, утверждавшую, и в подтверждение своих слов указывавшую нескольких свидетелей, что она была похищена одним из подобных созданий в 1871 г. Это существо держало ее в плену целый год, но в конце концов возвратило ее в ее родное племя, потому что она очень сильно ему надоела (хотя, — сказала она, — оно обращалось с ней очень хорошо). Эта старушка умерла в 1940 г. в возрасте 86 лет. Когда она была похищена, ей было 17 лет и, как она рассказывала, при этом ABSM заставил ее переплыть с ним через р. Гаррисон, а затем он отнес ее в убежище на скале, где жили его старики родители. Это сообщение было получено от м-ра Барнса, который в течение ряда лет пользовался доверием этой скромной америдки.

...Несмотря на то, что населявшие страну американские индейцы не умели писать и мало общались между собой, будучи разделены значительными расстояниями, их рассказы об этих местных ABSM абсолютно одинаковы на всем протяжении от Мэкензи-Рендж на Аляске, через Юкон и Британскую Колумбию далее на юг, через Вашингтон, и Орегон до Калифорнии и в обратном направлении по западному склону Скалистых гор в Айдахо. Существуют традиции и легенды в фольклоре коренного населения, распространенные еще более широко, но это уже другой вопрос. Я в данном случае имею в виду прямые, современные сообщения о встречах о такими существами. Такие рассказы белый человек слышал при первых разговорах с индейцами, и продолжает регулярно слышать из того или другого источника каждый год со времени поимки Джоко...»

(Ibiden, с. 88). Показание уважаемого торговца лесом и проспектора Майка Кинга.

«Этому джентельмену пришлось проникнуть в пустынную местность на севере острова Ванкувер в 1901 г. Он был один, нанятые им америнды (американские индейцы) категорически отказались сопровождать его, в основном потому, что они утверждали, что это территория «дикого лесного человека». Из других рассказов м-ра Кинга видно, что его нельзя было отклонить от поставленной им перед собой задачи — такими рассказами, но он всегда уважал туземное население, так как местные жители не раз помогали ему своим знанием местности и растущего там леса. Через несколько дней пребывания в этом пустынном районе он взобрался на вершину холма и увидел внизу какое-то

существо, сидящее на корточках около ручья и занятое мытьем каких-то кореньев, которые оно складывало в две аккуратные кучки около себя, на берегу. Это наблюдение следует сравнить с сообщением м-ра Остмана (глава III) на эту же тему. В беседе со мной м-р Остман подчеркивал, что эти существа собирали коренья и даже называл наиболее часто встречающиеся виды кореньев, а также указывал на то, что они их тщательно моют и складывают (может быть, он говорил об этом на основании вышеуказанного сообщения, но я в этом сомневаюсь). Первым движением Кинга было поднять винтовку и прицелиться, но существо было большим, покрытым красновато-коричневой шерстью, оно могло быть опасным. Когда он сообразил, что бурые медведи не моют и не складывают коренья, то обратил внимание на то, что в облике существа было что-то человеческое, и опустил винтовку. Существо убежало, причем бежало похоже на человека. Позднее м-р Кинг говорил: «Его руки были необыкновенно длинными и он пользовался ими при подъемах и пробираясь через кусты (т.е. он карабкался на четвереньках через кусты)». Кинг спустился с холма и осмотрел следы. Это были совершенно явственно «следы человеческой ноги, но с очень длинными и растопыренными пальцами» (Такие сообщения, и в особенности замечания о «длинных пальцах», а не о всей ступне, встречаются очень часто, как мы увидим, когда будем говорить о следах «о-ма» (*Примечание автора*)».

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 90). «Следующая группа людей встретила в 1904 г. такое же существо, охотясь около Великого Центрального Озера (Грэйт Сентрал Лэйк) на о-ве Ванкувер. Эта группа состояла из четырех жителей Каликума -Кинкайда, Хатчинса, Крампа и Басса. Они заметили в кустах существо, которое позднее они описали как мальчика ABSM, покрытое бурой шерстью, с длинной шерстью на голове и бородой. Это очень странное утверждение, встречающееся всего один или два раза в сообщениях об ABSM и категорически противоречащее рассказам всех остальных очевидцев, наблюдавших эти существа на близком расстоянии.

Третье классическое сообщение относится к 1907 году и исходит от капитана и команды берегового парохода «Капилано», который возвращался из обычного рейса и зашел в небольшой порт Бишопс Ков. По их словам, в этом порту все американское население бросилось на борт парохода, умоляя приютить их или даже увезти, так как в течение нескольких ночей подряд к ним на берег приходит огромное существо, похожее на обезьяну или на человека, которое собирает ракушки и испускает нестерпимый

пронзительный вой (м.б. свист). Это существо переселилось на их территорию со всем семейством, а может быть и со всеми родичами и, конечно, не потерпит сопротивления со стороны нескольких плохо вооруженных людей.

(Ibiden, с. 91) Интересом к проблеме примитивных аборигенов «до некоторой степени объясняется та торжественность, с которой было встречено открытие, сделанное в 1912 г. Я услышал этот рассказ от упомянутого выше мистера Бёрнса.

Его начальник, м-р Эрнест Э. Эдуордс, живший в Шушвапе, Британская Колумбия, сообщил ему, что он со своей женой выкопал из земли на небольшом острове Нескайн, недалеко от берега, человеческий скелет, торчавший из крутого берега реки. В этом месте находили много наконечников стрел американских индейцев. Длина скелета от черепа до щиколоток — 7 футов 6 дюймов, следовательно, этот человек был ростом 8 футов. Это сообщение было написано в письме м-ра Эдуордса, полученном Бэрнсом в 1941 году. Там же было сказано: «Мы с женой обследовали челюсть. Зубы были огромных размеров, но абсолютно здоровые — ни одного кариозного. Кость челюсти была настолько велика, что вполне закрыла бы мое лицо на уровне скул. С помощью индейцев я выкопал весь скелет и отправил его в музей Рексхэм, Северный Уэльс, Англия, где, я полагаю, он находится и до сих пор. В письме, подтверждающем получение скелета, куратор Музея выражал свое удивление по поводу размеров челюсти: «Трудно было поверить, что такие челюсти и зубы встречаются у человеческих существ».

...Я написал письмо куратору этого Музея и получил следующее письмо от библиотекаря города Рексхэм: «По Вашей просьбе я просмотрел все протоколы этого учреждения (т.е. Музея и публичной библиотеки) за 1912, 1913 и 1914 гг., но нигде не встретил упоминания о получении скелета. Ваш Клиффорд Гаррис».

(Ibiden, с. 94). Рассказ индейца Чарли Виктор, жителя Чилливек в низовьях р. Фрэзер.

«Когда я первый раз узнал об этих людях (о местном ABSM, которого теперь называют Сасквatч), я никого не видел. Три молодых человека и я были заняты сбором ягод на склоне скалистой горы на расстоянии 5 или 6 миль от старого города Йэль. В поисках ягод мы случайно наткнулись на отверстие в склоне горы. Мы очень удивились этому, так как прекрасно знали эту местность и никогда не слышали о существовании здесь какой-либо пещеры. Перед входом в пещеру лежал огромный валун. Мы заглянули внутрь пещеры, но ничего не увидели. Собрав сучья со смолой, мы зажгли факел и вошли в пещеру. Однако недалеко от

хода мы наткнулись на какое то очень грубое каменное заграждение или стену. Мы не могли его подробно рассмотреть, так как факелы начали тухнуть и мы ушли, намереваясь вернуться сюда через несколько дней. Старые индейцы, которым мы рассказали о нашей находке, посоветовали нам больше в пещеру не ходить, так как, по их мнению, в ней безусловно жили «сасквatчи». Так я впервые услышал о волосатых людях, живущих в горах. Мы, однако, пренебрегли советом стариков и снова отправились к пещере. К нашему разочарованию, оказалось, что валун, лежавший перед входом, теперь закрывает отверстие пещеры, да так плотно, что можно было предположить, будто он специально и сделан для этой цели».

(Ibiden, с. 96) «Невдалеке от вышеупомянутой пещеры произошел еще один случай в 1915 году, о котором сообщали под присягой несколько человек. Официальное показание под присягой по этому вопросу в сентябре 1957 года дал один из свидетелей, м-р Чарльз Флад из Вестминстера, Британская Колумбия:

«Я, Чарльз Флад из Нового Вестминстера (бывший Хоп) даю присягу в том, что все нижеследующее правда.

Мне 75 лет и большую часть моей жизни я провел в горах к югу от Хопа, по направлению к Американской границе в районе озера Чилливек. В 1915 году Дональд Мак Рэ и Грин Хикс из Агасиз, Британская Колумбия, и я обследовали местность на неизвестном нам водоразделе при возвращении в Хоп, вблизи гор Холи Кросс. Грин Хикс, метис-полукровка, рассказал Мак Рэю и мне о том, что он якобы видел аллигаторов на озере, которое он называл озером аллигаторов, и диких людей на озере, которое он называл озером Каугар. Из любопытства мы пошли с ним. Он был там с неделю назад, осматривая ловушки на пушных зверей. Аллигаторов мы видели, они были черные, в два раза больше ящериц и жили в маленьком грязном озерке. Дальше было расположено озеро Каугар. Несколько лет тому назад в этой местности прошел пожар, захвативший площадь во много квадратных миль и вся эта гора заросла ягодным кустарником (хаклберри). Грин Хикс внезапно остановился и показал на большое, светло-коричневое существо ростом около 8 футов, стоявшее на задних ногах (прямо). Одной рукой это существо притягивало к себе ветки кустарника, а другой обрывало ягоды и клало себе в рот. Я остановился в изумлении, а Мак Рэй и Грин Хикс поспорили между собой. Хикс утверждал, что это «дикий человек», а Мак Рэй говорил, что это медведь. По моему мнению, это существо было больше похоже на человека. Мы видели нескольких черных и бурых медведей по время наших путешествий, но это существо выглядело совсем по-другому.

Известно, что большие бурые медведи водятся на Аляске, но на юге Британской Колумбии их никогда не видели.

...Эта долина (при слиянии р. Лиар и р. Наханни вблизи р. Мекензи) является одной из наиболее легендарных долин Севера. Рассказывают о ее тропической растительности, горячих источниках, охотниках за головами, пещерах, доисторических чудовищах, воющих ветрах и золотых копях. Фактически там есть горячие источники, сильные ветры и немало людей, любящих посмеяться над приезжими. Что касается доисторических чудовищ, то индейцы привозили из страны Наханни довольно точные рисунки мастодонтов на необработанных шкурах. Более новые сведения относятся примерно к 1910 году, лет сорок назад, когда два брата Мак Леод из Форта Симпсон были найдены мертвыми в этой долине, как говорят, с оторванными головами. Индейцы в то время уже избегали посещать эту долину из-за «гигантских гризли» и «злых духов, завывающих в каньонах».

Канадская полиция сообщает, что Джо Малхолланд из Миннезоты, Билл Эсплер из Виннипега, Фил Пауэре и братья Мак Леод из Форта Симпсон, Мартин Йоргенсон, Юкон Фишер, Анни Ла Ферт, О'Бриен, Эдвин Холл, Энди Хейс, один неизвестный и Эрнест Савард погибли в этой странной долине за время с 1910 года. В 1945 году тело Саварда было найдено в его спальном мешке, причем голова была почти отделена от туловища. Савард прежде приносил из Наханни образцы руды, богатой золотом. В 1946 году изыскатель Джон Паттерсон исчез в этой долине. Его спутник, Франк Хендерсон, должен был встретиться там с ним, но не нашел его».

(Ibiden, с. 129) Запись беседы автора с супругами Чепмен (побережье р. Фрезер).

«Миссис Чепмен рассказывала об этих ужасных часах совершенно четко. Ее иногда немного поправлял ее муж, а иногда он добавлял к ее рассказу некоторые детали, которых она не заметила.

Мы слышали эту историю из многих источников и читали ее во многих печатных вариантах, но я хотел услышать ее из первых рук и задать различные каверзные биологические вопросы лицам, видевшим «сасквatча» при дневном свете. Мы пересекли реку Фрезер и встретились с Чепменами... К моменту происшествия (за 18 лет до беседы) семья Чепменов состояла из Джорджа и Дженни Чепмен и троих детей. М-р Чепмон работал на железной дороге. Они жили недалеко от маленького местечка Руби Крик, в тридцати милях по реке Фрезер от Агасиза. Примерно в три часа пополудни, безоблачным летним днем, старший девятилетний сын Дженни Чепмон прибежал домой и сказал, что у под-

След гигантского человекообразного существа

Самая известная фотография снежного человека.
Снято в 1967 году в штате Вашингтон

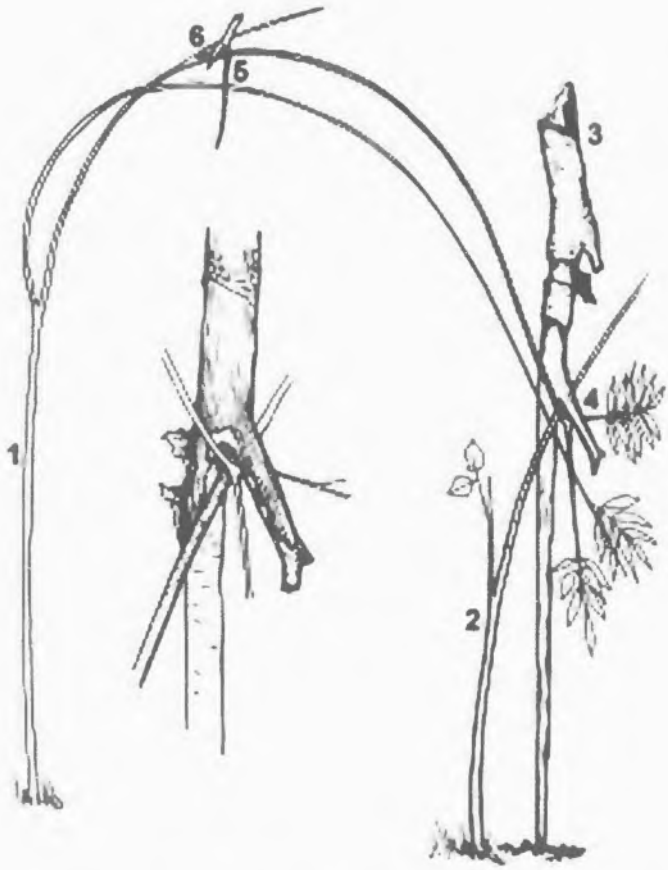
Труп предполагаемого сасквача

Фото предполагаемого сасквача

Фото «обезьяноскунса» из Флориды

След йети

Азазель (древнееврейский демон пустыни)



Ловушка для йети.
Из фотоотчета экспедиции Игоря Бурцева

Директор зоопарка (тогда — Линкольн-парка)
Марлин Перкинс показывает изображение йети; накануне
экспедиции в Гималаи под руководством
Эдмунда Хилари в 1963 г.

«Обезьяна» исследователя Де Луа

Див Акван. Старинная иллюстрация к «Шахнаме»

След йети

Карта современных сведений о реликтовом палеоантропе и его древнего расселения (Азия).
Карта подготовлена Б.Ф. Поршневым

Одна из самых известных фотографий снежного человека. 1977 г., Северная Каролина

Фото человекообразного существа.
Снимок фермера из Айдахо

Фото гоминоида в горах

ножия ближайшей горы из леса вышла корова и идет сюда. Другие дети — семилетний мальчик и пятилетняя девочка — продолжали играть в поле за домом, неподалеку от железнодорожного полотна. Миссис Чепмен вышла поглядеть в чем дело, так как мальчик показался ей необычно взволнованным. Она увидела то, что ей сначала показалось очень большим медведем, двигающимся в кустах на краю поля с другой стороны железнодорожного полотна. Она позвала младших детей, которые немедленно прибежали. В это время существо вышло на железную дорогу, и она к своему ужасу увидела, что это был человек гигантского роста, покрытый волосами (а не мехом). Волосы показались ей длиной примерно в 4 дюйма по всему телу, светлого желтовато-бурого цвета. Для уточнения цвета миссис Чепмен показала мне на лист слегка полированной фанеры в комнате, где мы сидели. Он был коричневато-охряного цвета.

Существо направлялось прямо к дому и у миссис Чепмен было, как она выразилась, «слишком много времени для того, чтобы рассмотреть его», так как она стояла на своем участке, а старший сын, по ее приказанию, принес из дома одеяло и привел младших детей. Дети были почти в паническом страхе, и сын искал одеяло в течение двух или трех минут, а за это время существо дошло до угла поля и было всего примерно в 100 футах от нее. Тогда миссис Чепмен развернула одеяло и держа его развернутым так, чтобы дети не могли видеть это существо и чтобы оно не могло видеть детей, она отошла на старое поле, затем на берег реки и побежала вдоль реки с детьми в деревню.

Я спросил ее относительно одеяла. Развернула ли она его потому, что по старому индейскому преданию встреча с таким существом приносит несчастье или даже смерть? Она ответила быстро и неожиданно. По ее словам, она слышала, что белые люди говорили о таком поверье, но она никогда не слышала о нем ни от своих родителей, ни от других индейцев. Относительно сасквачей индейцы только советуют не ходить дальше определенных мест в некоторых долинах, убегать, если увидишь его, но не сопротивляться если тебя поймают, так как в этом случае тебя могут стиснуть и задушить. «Нет, сказала она, я воспользовалась одеялом потому, что я думала, что оно охотится за одним из детей, и может быть пойдет за ними в дом, а не побежит за мной». Это звучит вполне логично, так как существо действительно вошло в дом, а также возилось довольно долго около дома, выкатило 55-галлонный бочонок с соленой рыбой, разбило его и разбросало его содержимое…

Миссис Чепмен сказала мне, что это существо было ростом около 7, ½ футов. Ей было легко определить его рост по сравнению с различными изгородями и столбами, стоявшими в поле. Голова его была довольно маленькой, шея толстой и очень короткой. Фактически шея совсем отсутствовала, что подчеркивалось и Уильямом Ро и почти всеми другими, утверждавшими, что они видели это существо. Форма туловища была совершенно человеческой, за исключением необычайной толщины груди и необычайной длины рук. Ног она не видела, так как они были в траве. Плечи были очень широкими, груди отсутствовали, из чего миссис Чепмен сделала вывод, что это было существо мужского пола, хотя из-за длинных волос она не видела мужских половых органов. Кроме того, она весьма настаивала на том обстоятельстве, что части лица и рук, не покрытые волосами, были значительно темнее волос и казались почти черными.

Джордж Чепмен вернулся домой с работы на железной дороге в тот день немного раньше шести часов вечера и по дороге, не проходящей через деревню. Таким образом он не видел никого, кто бы мог рассказать ему о происшедшем. Придя домой, он сразу же увидел разломанную дверь деревянного сарая, провалившуюся внутрь, и обратил внимание на огромные следы, похожие на человеческие, идущие по всему участку. Сильно взволнованный (так как он, как и все люди его племени, с детства слышал рассказы об огромных диких людях гор, хотя и не знал об их названии «сасквотчи» до этого происшествия), он окликнул жену и детей и бросился в дом. Заметив следы жены и детей, идущие по направлению к реке, он бросился за ними, нашел дальше следы на песчаном берегу реки вниз по течению и наконец увидел, что следы идут дальше, и гигант их не преследует. Несколько успокоившись, он вернулся обратно, но выше по течению реки вновь наткнулся на следы гигантских ног. Следы привели его на картофельное поле, лежащее между домом и рекой, и затем шли дальше через старое поле по направлению к подножию гор, где они и исчезли в густой растительности. Джордж Чепмен тогда вернулся домой, успокоившись, что следы всех четырех членов его семьи ведут вниз по реке в деревню. Он начал осматривать дровяной сарай. Даже через 18 лет при нашем разговоре он все еще продолжал поражаться тому, что какое-то живое существо, даже человек ростом 7 футов 6 дюймов с очень широкой грудью, смог вытащить через узкую дверь сарая 55-галлонную бочку с рыбой и открыть ее без каких бы то ни было инструментов. Он подтвердил слова жены о росте этого существа, так как он нашел несколько бурых волос, прилипших к косяку двери на высо-

те, превышающей его собственный рост. Затем Джордж Чепмен отправился в деревню разыскивать свою семью. Члены его семьи были в полном изнеможении от пережитого. Джордж забрал их домой и пригласил своего тестя и еще двух мужчин побыть у них, пока он будет на работе. В течение недели следы возвращались к ним и два раза собака Чепменов поднимала оглушительный лай ровно в два часа ночи. Однако сасквatч не причинил им никакого вреда и по-видимому не трогал ни дома, ни сарая. Но все это было слишком страшно и в конце концов Чепмены переехали из этого дома и больше туда не возвращались.

После длинного разговора об этом и на другие темы, уже когда мы уходили, миссис Чепмен сказала нам одну очень важную вещь, а именно: «Это существо издавало очень странные звуки». Я спросил ее, может ли она воспроизвести их, но за нее это сделал Джордж, сказав, что он дважды слышал эти звуки в течение недели после первого происшествия. И он испустил тот же самый странный свист с клокотаньем в горле, который нам воспроизводили канадцы, утверждавшие, что они слышали клич «о-ма» (или «большой ноги»). Я не могу описать этот звук словами, но могу заверить вас, что он не похож ни на что, когда-либо слышанное мной от человека или зверя в любом месте земного шара. Для меня эта информация имеет огромное значение. Тот факт, что чета американских индейцев в Британской Колумбии испускает тот же клич, приписывая его сасквatчу, который испускали два высокообразованных белых человека, утверждая, что они слышали его от «большой ноги» в Калифорнии, более чем в 600 милях к югу, — этому трудно поверить. Если это все шутки, или газетная утка, или массовые галлюцинации, как об этом говорят, то как же может быть, что кто бы не пытался воспроизвести этот звук, не поддающийся описанию, — воспроизводит его одинаково?!»

(Ibiden, с. 135) Запись Дж.В. Бэрнсом сообщения индейского лекаря Франка Дэна о происшествии на Моррис-Крике (небольшом притоке реки Гаррисон) в июле 1938 г.

«Погода была отличной, прозрачная вода ручейка сверкала на ярком солнце и отражала окружавшие его дикие скалы, деревья и отдельные облачка. Слабый ветерок дул из-за скалистого хребта. Челнок Фрэнка скользил по горному потоку. Индеец был занят вытаскиванием одной рыбы за другой, он был счастлив и распевал свои колдовские песни. И вдруг внезапно перед самым челноком с сильным плеском упал обломок скалы, сброшенный с обрыва, и чуть не перевернул лодку. Испуганный Фрэнк взглянул наверх и к своему изумлению увидел какое-то странное су-

щество, покрытое волосами, которое прыгало с камня на камень, спускаясь по скалистому обрыву с ловкостью горного козла. Фрэнк сразу же узнал волосатое существо. Это был «сасквatч». Он знал, что это один из гигантов, он уже их неоднократно встречал за последние несколько лет, в том числе один раз на пороге собственного дома. Но те были более пугливыми и не такими дикими, как этот экземпляр.

Фрэнк призвал на помощь свое знахарское могущество и вызвал для защиты духов. Помощь немедленно явилась — несколько валунов полетели вниз по скале со страшным шумом, который должен был испугать «сасквatча». Но гиганта нельзя было испугать падающими камнями. Вместо этого, он бросился вниз по скале, держа в большой волосатой руке огромный камень, весом около тонны или больше (!). Длина руки, по мнению Фрэнка, была не менее двух ярдов. Достигнув удобного места — выступа, нависавшего над рекой, великан изо всех сил запустил камнем в реку. Камень упал совсем близко от челнока, обдал индейца тучей брызг и наполнил водой лодку.

Представление о размерах валуна можно получить из того, что он запрудил речку. Позднее Джек Пенни вытаскивал его из реки по поручению Департамента внутренней навигации. Теперь этот камень выставлен на 10-м этаже Публичного музея в Ванкувере в отделе «необычных камней». Если вы будете в Ванкувере, зайдите в музей и хранитель музея Т.П.О. Менцер с удовольствием покажет его вам. Затем великан встал на другом выступе скалы, с величественным видом, как владелец этих мест, потрясая огромным кулаком перед «могущественным волшебником», который сидел, напуганный и дрожащий в своем челноке, пытаясь вычерпать воду своим башмаком. Индеец видел, что «сасквatч» был в ярости, а в таком состоянии эти великаны испускают отвратительный запах, который и доносился с ветерком до челнока. От этого запаха у Фрэнка закружилась голова и начало щипать глаза. Фрэнк за всю свою жизнь колдуна не нюхал ничего более отвратительного. Это было хуже, чем запах протухшего мокассинового масла. Даже рыбы бросились удирать по направлению к реке Гаррисон. Индеец боялся, что гигант бросится в воду и нападет на него, а поэтому бросил свои удочки и начал грести так быстро, как только мог».

Я включил эту историю не потому, что она может добавить что либо к сведениям об ABSM в этой местности — доказательств имеется больше чем достаточно. Мне хотелось привести рассказ американского индейца, из тех, истинности которых белые люди не верят. Фрэнк Дэн был старым и уважаемым знахарем, живу-

щим согласно преданиям и суевериям своих предков. Поэтому, рассказывая о случившемся, он должен был не забывать о своем положении в обществе. Мне кажется, что из его слов нетрудно выделить и отбросить факты, приукрашенные его воображением. Если это сделать, то останется достаточно простой рассказ: а именно, что во время рыбной ловли появился саскватч, начал бросать в него обломками скал и распространять отвратительный запах. Сползание части берега, вес второго камня, брошенного гигантом, или просто сорвавшегося со скалы, а также и его угрозы — все это просто выдумки. Даже массовое бегство рыбы может быть правдой, так как рыба могла испугаться камней, падающих в воду, а не запаха, который в воде они не могли почувствовать. Кроме того, «колдовство» Фрэнка Дэна не оказало должного эффекта и ему пришлось позорно сбежать. Конечно, он не мог рассказать об этом, и ему пришлось приукрасить дело, как только можно, чтобы не показать себя в таком невыгодном свете. Но мистер Бэрнс говорил, что с этого дня Фрэнк перестал заниматься знахарством, заявляя, что его чары иссякли. Такой поступок делает ему честь».

(Ibiden, с. 138) «За последнее десятилетие индейцы в этих местах неоднократно сталкивались с саскватчами.

Один из них, Пол, возвращаясь с другими индейцами домой, встретил «саскватча» на большой дороге вблизи Агасиза. Другая компания на расстоянии нескольких миль встретила «саскватча» в горах, причем один из индейцев со страху выстрелил и после этого «саскватч» преследовал их до лодки, на которой они с трудом спаслись. Еще один местный житель, одеваясь после купанья в реке жарким летним днем, увидел «саскватча» у горы и собирался обратиться к нему с какими-то словами, но «саскватч» встал во весь рост и напугал его до полусмерти. Другая группа рассказывала м-ру Бэрнсу, что они наблюдали длительное время, как «саскватч» боролся с большим медведем и наконец задушил его. В другом месте, один старик рассказывал, как группа «саскватчей» наблюдала за работой лесорубов, а когда лесорубы ушли, начали подражать их движениям, как бы играя. Но пожалуй наиболее интересным рассказом, слышанным все тем же неутомимым исследователем м-ром Бэрнсом, был рассказ Чарли Виктора из Чилливака, который я здесь привожу с его разрешения. Чарли рассказывал так:

«Я охотился в горах близ Хатцига, со мной была моя собака. Я вышел на плоскогорье, на котором росло несколько больших кедров. Собака остановилась под одним из деревьев и начала рычать и лаять на него. Я увидел большое отверстие в стволе

на высоте 7 футов над землей. Собака царапала дерево, прыгала на него и оглядывалась на меня, как бы прося, чтобы я ей помог влезть. Я поднял собаку и она влезла в дупло. Через мгновение из дупла послышался сдавленный крик. Я подумал, что собака терзает медведя, и с винтовкой наготове, стал звать собаку обратно. Из дупла выскочило что-то, что я принял за медведя. Я выстрелил и существо упало на землю. «Убийство! Боже мой!» в изумлении воскликнул я, так как раненое мною существо выглядело как белый мальчик. Он был голым, ему было 12--14 лет. (Описывая мальчика индеец сказал, что его волосы были черными и кудрявыми). Раненый, в крови, бедный мальчик лежал на земле, но когда я нагнулся над ним, чтобы посмотреть, насколько серьезна рана, он испустил дикий крик, или вернее, призыв, как бы призывая на помощь. Из-за горы донесся гулкий голос. Менее чем через полчаса из глубины леса вышло самое странное и дикое существо, какое только можно себе представить. Я поднял ружье, но не для того, чтобы стрелять, а чтобы защитить себя в случае необходимости. Странное существо шло по направлению ко мне без малейших признаков страха. Это была женщина. Ее лицо было черным, почти как у негров, а длинные прямые волосы ниспадали до талии. Высотой она была около 6 футов, но ее грудь и плечи были значительно шире обычных».

Старик заметил, что он встречал нескольких «диких людей» в свое время, но никогда не видел такого страшного вида, как у этой женщины. Старый храбрец признался, что он действительно перепугался и убежал.

Американские индейцы, живущие на Северо-западе, настаивают, что сасквatчи — это самая низшая форма человека, настолько низкая, что они, американские индейцы, не желают иметь с ними никакого дела; предпочитают не говорить о них и в особенности о возможности спаривания с кем-либо из них. Это привело бы к загрязнению их расы и. если белому человеку пришла бы такая мысль, то положение индейцев еще ухудшилось бы, так как можно было бы предположить, что индейцы сами наполовину дикие...»

(Ibiden, с. 143) «Встречи со «сасквatчами» настолько часты, что надоедает их пересказывать. Я мог бы привести еще несколько десятков примеров, очевидцами которых были одновременно более двух человек,и которые наблюдались между 1930 и 1960 годами. Однако я воздержусь от этого и ограничусь в своих заключительных замечаниях тремя случаями, которые в силу ряда причин вызвали большой шум и которые по-видимому в конце концов убедили широкие круги населения, что все же что-то существует.

Первый случай ничем особенно не отличался от десятков остальных, но личность очевидцев имела большое значение для формирования общественного мнения. Это были двое молодых людей — Аделина Огуст и ее молодой друг Уильям Поинт. У них было очень много знакомых, их хорошо знали и любили. Они были учащимися местного техникума. Однажды, возвращаясь с пикника, они шли вдоль железнодорожного пути Канадиан Пасифик недалеко от Агасиза и вдруг увидели большого сасквatча, который вышел из леса несколько впереди них. Аделина бросилась бежать, а Уильям решил защищаться и схватил два камня. Однако ABSM продолжал приближаться и когда он был на расстоянии всего 50 футов, Уильям Поинт решил отступить. Уильям рассказывал, что это существо было примерно в два раза выше обычного высокого, плотного мужчины, было покрыто волосами, а руки у него были настолько длинны, что почти доставали до земли. Уильям Поинт также сказал: «Мне показалось, что у него были очень большие глаза и широкая нижняя часть носа, занимающая большую часть лица». В этой местности рассказу молодой пары поверили безоговорочно, несмотря на то, что они были индейцами.

Это произошло в 1954 году. В следующем году произошла наиболее выдающаяся из всех канадских встреч. О ней рассказывал Уильям Ро, о котором мы уже говорили. Приводим его показания.

«Из города Эдмонтон, Альберта, Показания Уильяма Ро. В присутствии граждан города Агассиз, Харрисон Адванс, владельцы типографий и издательства, Агассиз. Джон Грин. От министерства юстиции Аллен Мак Дональд, городской юрисконсульт, Уилсон, помощник юрисконсульта и Саундерс, агент.

Милостивые государи, по поводу показаний м-ра Уильяма Ро, 26 августа 1957. Мистер Ро обратился к нижеподписавшемуся с просьбой принять под присягой показания относительно странного животного, которое он видел в Британской Колумбии. Показания были записаны представителем юстиции и даны под присягой. Я не могу ничего сказать о вероятности этого рассказа. Мы надеемся, что эта информация окажется Вам полезной.

подпись — *В.Г. Кларк.*

Показания.

Я, Уильям Ро, из города Эдмонтон, в провинции Альберта, приношу присягу в нижеследующем: что изложение моего рассказа А, приложение к сему, абсолютно правдиво и точно во всех деталях. Приношу присягу в городе Эдмонтон, Альберта, 26 августа 1957. подпись

У.Ро. Заверено Кларком под номером Д.Д.2822.

Еще будучи маленьким мальчиком в лесах Мичигана, я занимался изучением жизни и привычек диких животных. Позднее я зарабатывал на жизнь для себя и моей семьи в Северной Альберте охотой и провел много часов просто наблюдая природу. Она меня очаровывала. Наиболее невероятное происшествие я пережил при встрече с диким существом вблизи маленького местечка Тит Джон Каш, примерно в 80 милях к западу от Джаспера, Альберта.

Я работал на дороге недалеко от Тит Джон Каш примерно в течение двух лет. В октябре 1955 года я решил подняться на гору Майка Маунтен на расстоянии 5 миль, и посмотреть старую, заброшенную шахту, просто от нечего делать. Я подошел к этой шахте примерно около трех часов пополудни, после нетрудного подъема. Я только что вышел из группы низких кустов на лужайку, и увидел, как мне сначала показалось, большого медведя гризли на другой стороне лужайки в кустах. Год тому назад я застрелил гризли примерно в этом же месте. Этот гризли был от меня на расстоянии не более 75 ярдов, но я не хотел стрелять в него, так как я не мог бы унести его домой. Поэтому я сел на обломок скалы и стал наблюдать, держа ружье в руке. Мне была видна часть головы животного и верхушка одного плеча. Через минуту животное встало и вышло на лужайку. Тогда я увидел, что это был не медведь. Постараюсь как можно лучше передать, на что было похоже это существо и как оно вело себя, выйдя на лужайку и направляясь прямо ко мне. Моим первым впечатлением было, что это огромный человек, ростом около 6 футов, почти 3 фута шириной и весом вероятно около 300 фунтов, Он был покрыт с головы до ног темно-бурыми волосами, с серебристыми кончиками. Когда он приблизился ко мне, я увидел груди и понял, что это самка. Однако, ее туловище не имело женских очертаний. Оно было широким и прямым от плеча до бедер. Руки были значительно толще человеческих и много длиннее, почти до колен. Ноги были соответственно толще, чем у человека, около 5 дюймов шириной спереди, суживаясь к значительно более тонким щиколоткам. При ходьбе она становилась сначала на пятку и я видел серовато-бурую кожу на ее подошвах.

Она подошла к кустам, в которых я прятался, примерно на расстояние 20 футов от меня, и присела на корточки. Протянув руки, она схватила и притянула к себе ветки куста и зубами оборвала с них листья. Ее губы гибко охватывали листья, когда она ела. Я был достаточно близко, и видел, что зубы у нее были белыми и ровными. Голова сзади была выше, чем спереди. Нос был широким и плоским. Губы и подбородок выдавались вперед больше,

чем нос. Но покрывающие ее волосы, отсутствовавшие только на части лица около рта, носа и ушей, делали ее похожей на животное в такой же мере, как и на человека. Длина волос, даже на затылке, не превышала одного дюйма, а волосы на лице были много короче. Уши были похожи по форме на человеческие. Но глаза были маленькими и черными, как у медведя. Шея также не была похожа на человеческую, много толще и короче, чем я видел у кого-либо из людей.

Наблюдая за существом, я раздумывал, не снимают ли где-нибудь поблизости кинофильм, а это существо — актер, загримированный так, чтобы отчасти походить на человека, а отчасти на животное. Но чем дольше я наблюдал, тем более приходил к выводу, что невозможно искусственно воспроизвести такое существо. Позднее, во всяком случае, я убедился, что никаких киносъемок в этой местности не было. Более того, никто не жил на горе Майка Маунтен, судя по словам жителей Тит Джон Каш.

Наконец, дикое существо по-видимому почуяло меня, так как посмотрело прямо на меня через кусты. На ее лице выразилось изумление. Оно выглядело так комично, что я улыбнулся. По-прежнему на корточках, она сделала три или четыре маленьких шага назад, затем выпрямилась во весь рост и быстро пошла обратно тем же путем, как пришла сюда. Какое-то время она наблюдала за мной через плечо по пути, не с испугом, но как бы с нежеланием встретиться с чем-то странным.

Мне пришла в голову мысль, что если бы я застрелил ее, то по-видимому я получил бы существо, представляющее огромный интерес для ученых всего мира. Я слышал рассказы о «сасквачах», гигантских волосатых «индейцах», которые живут в легендах индейцев Британской Колумбии, и, по утверждениям многих, существуют и посейчас. Может быть, сказал я себе, это и был «сасквач». Я поднял ружье. Существо продолжало быстро удаляться, временами поворачивая голову, чтобы поглядеть на меня. Я опустил ружье. Хотя я и называл это существо «оно», я почувствовал, что это все же человеческое существо, и я знал, что никогда не прощу себе, если убью его.

Достигнув другого края поляны, это существо откинуло голову назад и испустило какой-то странный крик, который показался мне наполовину смехом и наполовину речью и который я могу описать только как какое-то ржанье. Затем я вышел из кустов и вошел в лес из высоких сосен. Я вышел на открытое место и посмотрел через небольшой длинный бугор за сосной, пытаясь вновь увидеть это существо. Оно вышло на бугор на расстоянии примерно двухсот ярдов от меня, вновь закинуло голову и снова

испустило тот же звук, единственный, который я от него слышал, но что значил этот полусмех, полуречь, я не знаю. Затем существо исчезло и больше я его не видел.

Мне хотелось узнать, питается ли оно только растениями, или ест также и мясо, поэтому я спустился и стал искать каких-либо следов. Я нашел их (Я полагаю, он имеет в виду остатки пищи или кал этого животного, найденные в пяти различных местах) в пяти различных местах и хотя я их тщательно исследовал, но не смог найти ни шерсти, ни раковин, ни насекомых. Таким образом, это существо ведет по-видимому чисто вегетарианский образ жизни. Я нашел одно место, где по-видимому оно спало в течение нескольких ночей под деревом. Ночи в горах прохладные, в особенности в это время года, однако огнем существо не пользовалось. Я не нашел никаких признаков того, что это существо имело какие-нибудь, даже простейшие, орудия. Не было также никаких признаков наличия других таких существ в этой местности.

Я не знаю, является ли это существо «саскватчем». Это навсегда останется для меня тайной, если только не будет найдено еще такое же существо.

Подтверждаю, что все выше изложенное является правдой во всех подробностях, насколько только я в силах припомнить все виденное.

Подпись — *Уильям Ро*».

Этот бесценный документ был найден тем же неутомимым Джоном Грином из «Агасиз-Харрисон Адванс», который по-видимому надел на себя мантию исследователя «саскватчей», уже много лет до него возлежавшую на плечах м-ра Дж.В. Бэрнса. Грин опубликовал этот документ в своей газете и результаты были ошеломляющими. Не только вспомнили про историю мистера Остмана, но буквально подняли все окрестности на ноги, включая Торговую палату курортного городка Харрисон, пожелавшую рекламировать охоту на «саскватчей» к столетнему юбилею города! К счастью, эта идея не была приведена в исполнение, но все же было предложено 5000 долларов за поимку «саскватча». Никто эти пять тысяч не получил, но это предложение вызвало новый поток историй о встречах. Наиболее интересной среди этих историй, и отмеченной в мировой прессе, была история мистера Стэнли Хант из Вернона, уважаемого и хорошо известного аукционера. Он рассказал, что 17 мая 1956 года он ехал на машине по трансканадской магистрали около местечка Флад, на реке Фрезер, вблизи Иэля, и должен был замедлить ход, так как такое существо пересекало дорогу. Существо было огромным, покрытым седыми волосами, а на другой стороне дороги его дожидалось другое существо, непохожее на медведя.

По словам С. Ламберта, писавшего в 1954 году, положение значительно изменилось в 1935 году, когда:

«После ряда пугающих сообщений о том, что эти гиганты бродят в окрестностях Харрисон Миллс, в 50 милях к востоку от Ванкувера, и наводят страх на местных жителей своим завыванием, похожим на вой волков по ночам, и нападениями на жилье, была организована группа наблюдателей для уничтожения мародеров. Однако ни одного представителя этого первобытного племени поймать не удалось, и многие белые люди стали явно скептически относиться к вопросу о существовании гигантов.

По словам Аллена Роя Эванса (статья «Волосатые гиганты в Британской Колумбии», газета «Монреаль Стандарт») индейцы очень обижены возможным недоверием к их словам об этом вопросе. В XIX веке они были готовы рассказывать все, что они знают о «сасквatчах», но теперь они стали скрытными и отвечают только на вопросы представителей властей. Они утверждают, что «дикие индейцы» делятся на два племени, соперничество между которыми приводит к уменьшению их численности и не дает им превратиться в серьезную угрозу для других.

Были организованы экспедиции для выслеживания «сасквatчей» в местах их обитания в горах. Однако индейцы — проводники экспедиций — неизменно скрываются еще до того, как достигнута опасная зона. Все же были найдены большие пещеры, внутри которых были возведены каменные стены, а вход закрывался специально пригнанным камнем, как дверью. Попасть в центр района Моррис Маунтенс очень трудно. Местность изрезана глубокими расщелинами и почти непроходимыми ущельями. Там легко заблудиться и трудно в течение сколько-нибудь длительного времени продвигаться в одном определенном направлении».

Осенью следующего года за одну ночь во всей этой местности появились огромные следы ног, похожих на человеческие. За сто лет существования сасквatчей часто упоминалось об их следах, но никто особенно ими не интересовался. И вдруг они появились на первых страницах газет».

ИЗ ГЛ. V: НЕКОТОРЫЕ СЕВЕРНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ США

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 168) Из журнала «Хузьер Фольклор», том 5, март 1946.

«Много внимания уделяется сейчас у нас в Северном Иллинойсе (В русском переводе (Ibiden, с. 168) написано «в Южном Иллинойсе») рассказам о «странном животном»... Каждые несколь-

ко лет откуда-нибудь сообщают о присутствии таинственного существа в данной местности.

Иногда трудно бывает определить, откуда идут такие слухи, но история, которую мы приводим ниже, по-видимому родилась в Гам Крик близ Маунт Вернона. Летом 1941 года местный житель охотился за белками в лесу на берегах небольшой реки. С дерева, стоявшего недалеко от охотника, спрыгнуло большое животное, выглядевшее вроде большой обезьяны. Охотник ударил животное прикладом ружья, так как обезьяна направлялась к нему, причем в вертикальном положении. Наконец ему удалось прогнать ее парой выстрелов в воздух.

Затем это животное начало пугать деревенских жителей страшными криками, испускаемыми по большей части ночью в лесистой низменной местности вдоль рек. Иногда эти крики слышали школьники, а охотники видели следы животного... Ранней весной 1942 года местные жители решили начать борьбу с этим животным. К этому времени один из фермеров вблизи Бонни заявил, что это животное убило его собаку. Начали вызывать желающих для массовой облавы.

Животное словно узнало о готовящемся нападении, так как сведения о нем стали приходить уже из других мест, находившихся в 40 или в 50 милях от первоначального местонахождения. Один из жителей, ехавший ночью по дороге вблизи Большой реки (Биг Мадди Ривер) в графстве Джексон, увидел, как это существо перебежало через дорогу. Некоторые охотники видели следы его пребывания в Окоу. Такие быстрые перемещения этого существа по-видимому связаны с его способностью прыгать. Поступали сведения, что длина прыжка этого существа достигает 20 — 40 футов...

Обычно (это интересное слово; следует ли его понимать так, что иногда что-то удается найти?) это существо не удается найти и интерес к нему пропадает так же таинственно, как он появился в начале... Примерно 25 лет тому назад охотник из Хеккера услышал ночью вой странного животного в прериях Лонг Крик. Однажды в течение целой зимы охотники гонялись за этим призраком. Их собаки нападали на след, затем теряли его, и рев существа слышался на реке в другом направлении. Таким уж было это существо: если вы слышали его крик вверх по течению и направлялись туда, то через некоторое время вы слышали этот же крик в миле вниз по течению».

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 170) Из письма к д-ру А. Сэндерсону.

«...Интересно, слышали ли вы о «Маленьких Краснокожих Людях в Дельте»? Никто особенно не интересовался ими в тех

местах, где я росла (штат Миссисипи), хотя и предупреждали, что не следует в них стрелять, так как это может считаться убийством, или чем-нибудь в этом роде, если об этом узнает шериф. Я очень удивилась, что в этих местах (штат Кентукки) люди тоже знают о них, хотя я узнала об этом только через несколько лет. Мой муж из Новой Англии, а тут люди не особенно разговорчивы. Эти Маленькие Краснокожие Люди Дельты, как говорят, бывают ростом с десятилетнего мальчика, могут лазать, как обезьяны и жить вдали от населения. Они много болтают, однако держатся за пределами досягаемости выстрела из ружья и обычно спасаются в воде. Это — люди: охотники за мускусными крысами говорят, что они часто надевают на себя тряпки от старого белья и т.п.».

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 183) Из книги Теодора Рузвельта «Охотник в дикой местности», 1892.

«Эта история была рассказана мне старым, седым горным охотником по имени Бомэн, который родился и провел всю жизнь на границе (шт. Айдахо). Он явно верил тому, что говорил, так как в некоторых местах рассказа он не мог удержаться от содрогания.

Это случилось, когда Бомэн был еще молод и охотился с товарищем в горах, разделяющих Солмен от истоков реки Уисдом. Охота была не особенно удачной и товарищи решили отправиться в одно очень дикое и пустынное ущелье, по которому протекала маленькая речка, где, как говорят, водилось много бобров. Ущелье пользовалось неважной репутацией, так как в предыдущем году там был убит одинокий охотник. По-видимому, он был убит диким животным, так как полусъеденные останки его были найдены геологоразведчиками, которые только накануне наткнулись на его лагерь.

Однако, воспоминания об этом событии не помешали указанным двум охотникам, бывшим такими же смелыми любителями приключений, как и многие люди этой профессии... Они отправились пешком через огромный, мрачный лес к примерно через 4 часа достигли небольшой полянки, на которой и решили остановиться, так как кругом имелось много дичи.

До темноты еще оставалось один или два часа. Они построили шалаш из ветвей, сбросили и открыли свои вещи и отправились вверх по речке.

В сумерках они вернулись в лагерь...

К их удивлению оказалось, что за время их отсутствия кто-то, по-видимому, медведь, посетил их лагерь, рылся в их вещах, разбросал содержимое мешков и просто из шалости разрушил шалаш. Следы животного были совершенно ясными, но сначала они

не обратили на них особого внимания, так как нужно было заняться восстановлением шалаша, устроить постель, разложить вещи и зажечь костер.

Пока Бомэн приготовлял ужин, уже стало темно, а его спутник стал более пристально рассматривать следы. Затем он взял головню из костра и пошел по следам за животным по тропинке, протоптанной зверями... Возвратившись к костру, он постоял минуту или две, глядя в темноту, а потом вдруг сказал: «Бомэн, этот медведь ходил на двух ногах». Бомэн засмеялся, но его спутник настаивал на том, что это действительно так. Они снова обследовали следы с факелом и увидели, что действительно это были как будто бы следы двух ног или двух лап. Однако, было слишком темно, чтобы окончательно убедиться в этом. Обсудив вопрос, могли ли это быть следы человека, и придя к выводу, что это невозможно, охотники завернулись в одеяла и легли спать.

Около полуночи Бомэна разбудил какой-то шум. Он сел в постели. В это время ему в нос ударил резкий запах дикого зверя и он увидел очертания огромной фигуры в темноте около входа в шалаш. Схватив ружье, он выстрелил в неясную, угрожающую тень, но по-видимому не попал, так как немедленно после этого услышал треск валежника под ногами существа, устремившегося в непроницаемую черноту ночного леса.

После этого охотники почти не спали, разожгли вновь костер и сидели около него, но ничего больше не слышали. Утром они осмотрели поставленные накануне ловушки и поставили новые. По молчаливому соглашению, они весь день держались вместе и к вечеру возвратились в лагерь.

Возвратившись, они, уже без особого удивления, увидали, что шалаш снова разрушен. Вчерашний посетитель снова вернулся и в бессмысленной ярости раскидал их пожитки и разрушил шалаш. Земля была покрыта его следами. Выйдя с поляны он шел по мягкой земле около берега ручья, так что его следы были ясными, как на снегу. Тщательно обследовав эти следы, охотники пришли к выводу, что все-таки, кто бы это ни был, он ходил на двух ногах.

Оба были порядочно взволнованы. Собрав большую кучу валежника, они поддерживали сильный огонь в костре в течение всей ночи и по очереди дежурили. Примерно около полуночи существо вышло из леса на противоположном берегу ручья и стояло там на склоне холма почти целый час. Был слышен хруст ветвей у него под ногами, когда оно двигалось. Несколько раз оно испустило резкий, скрежещущий протяжный стон, чрезвычайно мрачный. Однако, оно не решилось подойти ближе к огню.

Утром охотники, обсудив странные события, происходившие за последние 36 часов, решили упаковать свои вещи и после полудня уйти из этой долины.

Все утро они держались вместе, осматривая ловушку за ловушкой, из которых ни в одну ничего не попалось. По выходе из лагеря их не оставляло неприятное ощущение, что за ними кто-то следит. В густой чаще кустов они иногда слышали треск ветвей уже после того, как прошли, а иногда был слышен шорох и шум в мелких сосенках, мимо которых они проходили.

К полудню они были примерно в двух милях от лагеря. В ярком солнечном свете пережитые страхи казались абсурдом для двух вооруженных мужчин, привыкших за долгие годы одиноких странствований встречать всевозможные опасности, создаваемые людьми, зверями и стихиями. Осталось осмотреть еще три ловушки на бобров, поставленные на маленьком пруду в глубоком овраге поблизости. Бомэн заявил, что он пойдет к этим ловушкам, а его товарищ отправился вперед к лагерю, чтобы собрать вещи.

На пруду Бомэн нашел трех попавшихся бобров, один из которых был освобожден и оттащен в бобровый домик. Работа с бобрами заняла у него несколько часов и когда он направился домой, то с некоторым неприятным чувством заметил, что солнце уже низко...

Наконец он подошел к краю поляны, где был расположен лагерь, и окликнул своего товарища, но не получил ответа. Костер потух, хотя небольшой сизый дымок еще вился над ним. Рядом лежали собранные и связанные вещи. Сначала Бомэн никого не увидел и, окликнув товарища, ответа не получил. Подойдя немного поближе, он снова крикнул, но тут же увидел тело своего друга, распростертое за стволом поваленной большой ели. Бросившись к нему, перепуганный охотник обнаружил, что тело еще теплое, но шея сломана, а на горле следы четырех огромных клыков.

Следы неизвестного существа-зверя, глубоко отпечатавшиеся на мягкой земле, рассказали всю историю.

Несчастный, закончив подготовку и упаковку вещей, сел на поваленную ель лицом к огню, спиной к густому лесу и дожидался своего компаньона... Существо не сожрало труп, но по-видимому прыгало и скакало вокруг него в диком восторге, временами кувыркаясь через него. А затем умчалось в бесконечные дебри леса.

Бомэн, потрясенный до мозга костей, думал, что это существо наполовину человек, наполовину дьявол, какой-то зверь-оборотень. Он бросил все свои вещи, кроме винтовки, и бежал быстро, как только мог, до тех пор, пока не достиг луга с бобрами, где

продолжали пастись стреноженные кони. Вскочив на лошадь, он продолжал удаляться от этих мест всю ночь, пока не оказался за пределами досягаемости».

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 189) Из газеты «Эврика Дейли Лидер», 1879:

«На поверхности обломка песчаника (близ устья Нью-Йорк-Каньона) был ясный отпечаток огромной ноги, полностью, за исключением конца большого пальца. Длина ступни была 14 ½ дюймов от конца пятки до конца пальца, а ширина — 6 дюймов у основания большого пальца. Капитан Уокер рассказал, как он нашел этот обломок песчаника примерно под двумя футами песка».

ИЗ ГЛ. VI И VII: СЕВЕРНАЯ КАЛИФОРНИЯ; СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ США

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 197) «...В течение нескольких лет никаких сведений больше не поступало. Хотя один очень старый индеец, патриот своей нации, рассказал мне однажды с хитрой улыбкой о некем Джонни Честере, принадлежавшем к его племени, который в 1905 году провел счастливый час, наблюдая, как крупный самец Токе-Мусси (как назывались в этой местности гигантские ABSM или «сасквatчи») обучал своих двух малышей плавать в реке и закалывать рыбу острыми палками. После этого, хотя мои сведения и не претендуют на абсолютную полноту, я почти ничего не слышал до 1924 года, когда группа здоровых лесорубов буквально с ревом ворвалась в маленький городок Келсо, штат Вашингтон, и наотрез отказалась вернуться в свой отдаленный лагерь у Каскадов или вообще куда бы то ни было в стороне от больших дорог. Они рассказали, что на их лагерь напало несколько огромных волосатых диких людей, которые забросали их камнями и всякими обломками. Это были люди крепкие и упрямые, они организовали вооруженную группу, которая отправилась на расследование. Они не видели ABSM, но огромные следы последних были повсюду, а хижина лесорубов была разрушена».

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 202) Из газеты «Лос-Анжелос Экзоминер», 1959.

«Риверсайд, 9 ноября. «Вчера вечером по дороге домой с Чарли Уэтцелом случилось странное происшествие.

На него набросилось чудовище. Так он сказал полиции, которая собирается продолжать расследование этого странного случая.

Уэтцел, 24 лет, житель расположенного поблизости Блумингтона, трезвый, рассказал, что он вел машину по дороге вблизи

Риверсайда, когда вдруг перед машиной появилось какое-то чудовище.

«У него была круглая голова, как у огородного пугала, сказал он, похожая на страшные чучела в маскарадных процессиях (на день всех святых)».

«Оно не было похоже на человека. Рук такой длины я никогда не видел. Когда оно увидело меня в машине, то протянуло руку через капот машины к ветровому стеклу и пыталось схватить меня когтями».

«У него не было ушей. Лицо было круглое. Глаза блестели, как бы фосфоресцировали, рот выдавался вперед. Он был покрыт как бы чешуей вроде листьев».

Уэтцел сказал, что он очень перепугался, когда существо протянуло, руку через капот и начало царапаться в ветровое стекло. Уэтцел сказал, что он хотел взять ружье калибра 0,22, которое было у него в машине. «Я схватил ружье и нажал на газ, сказал он. Существо упало с машины и издало гортанный звук. Испускаемые им звуки не были похожи на человеческие,. Мне кажется, я попал в него. Я слышал, как что-то ударилось о низ машины».

Представители шерифа сказали, что Уэтцел показал им несколько тонких изогнутых царапин, которые по его словам, существо оставило на его ветровом стекле. Они отправились на место происшествия, но там не оказалось ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть рассказ Уэтцела. Встреча произошла там, где Главная северная дорога спускается вниз и пересекает русло реки Санта Ана, которое обычно бывает почти сухим. Уэтцел сказал, что он рассказал эту историю своей жене и она заставила его позвонить в полицию.

«Я все время говорил, что такой истории никто не поверит», сказал он. Сержант Э.Р. Холмс, из группы шерифа, предположил, что на капот машины Уэтцела могла сесть большая хищная птица, — «иногда машины наезжают на них, когда они сидят на дороге и едят кроликов, задавленных машинами», сказал он. На следующий день он обследовал место происшествия. «Однако, я не мог найти ни одного пера», сказал Холмс»«.

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 216) Из сообщения производителя дорожностроительных работ в графстве Гумбольдт, октябрь 1958.

«... Во-первых, один из его людей сказал ему, что не хватает почти полного 55-галлонного бочонка с дизельным горючим, который стоял около дороги. Следы «большой ноги» вели по дороге от крутого склона к этому месту, где существо постояло, затем пересекло дорогу, продолжало идти вниз по холму и, наконец, перешло на низкий склон и ушло в кусты. Уилбэр Уол-

лес проверил это и нашел, что следы идут точно так, как рассказали его люди. Он также нашел бочонок с горючим под крутым склоном примерно на расстоянии 175 футов от дороги. Бочонок скатился по склону и по-видимому был сброшен сверху. Кроме того, его очевидно подняли с того места, где он лежал, и донесли до другого места, так как на мягкой грязи не было никаких следов, оставшихся бы, если бы бочонок катили или тащили по земле все это расстояние. Во-вторых, кусок стальной 18-дюймовой водоводной трубы ночью исчез из груды, где они были сложены, и был найден под другим склоном на некотором расстоянии от первоначального места. В-третьих, колесо с шиной от универсальной землечерпальной машины, весившее более 700 фунтов, было также унесено, причем часть пути его катили, а часть несли, на протяжении примерно четверти мили, а затем сбросили в глубокий овраг. Рэй Уоллес, однако, продолжал скептически относиться к этим сведениям, хотя и получил их от своего собственного брата. Но на первое же утро, приехав в эту местность, он шел вниз по холму и остановился около ручья, чтобы напиться, и сразу же увидел целую массу огромных следов на влажной земле около родника. И тогда, хотя он обладает спокойным характером, он вышел из себя. У него не осталось никаких сомнений в существовании чудовищных человекообразных следов, но остался вопрос, кто преследует их и почему. Рэй Уоллес крепкий, положительный человек, и ему и без того трудно было удержать людей на этой работе. Постоянно то один, то другой заявляли, что им необходимо по той или иной причине оставить работу. Только позднее он узнал, что почти все эти люди уходили не потому, что они боялись «большой ноги», но или их жены боялись его или еще почему-нибудь...

Рэй Уоллес сказал, что сначала он думал, что кто-нибудь сознательно старается не дать ему выполнить его работу, и не он один так думал... Рэй Уоллес был так зол, что привез с собой Рэя Керр, который читал об этих происшествиях в газете и просил дать ему какую-нибудь работу, чтобы в свободное время заниматься поисками виновника. Керр взял с собой своего приятеля, некоего Боба Бризеля, бывшего профессиональным охотником в Мексике, имевшего четырех отличных собак и английское ружье огромного калибра, которое произвело большое впечатление на местных жителей. Керр, опытный механик, днем работал, а Бризел не поступил на работу, а охотился.

Они видели следы и ходили по ним. Наконец как-то вечером в конце октября они ехали по новой дороге, уже после наступления темноты, и наткнулись на гигантское человекообразное

существо, или человекоподобное животное, покрытое бурыми волосами длиной 6 дюймов, которое сидело на корточках около обочины. По их словам, существо в свете фар вскочило, двумя прыжками пересекло дорогу и исчезло в кустах. Они бросились за ним с ручным фонарем, но подлесок был очень густой, и ничего не было видно. Они измерили ширину дороги и установили, что от того места, где существо сидело на корточках, и до небольшой канавы, в которую попало существо после двух прыжков, расстояние составляет ровно 20 футов. Воодушевленные этой встречей, друзья удвоили свои старания, но через несколько дней, когда они шли по следам «большой ноги» на некотором расстоянии от дороги, исчезли их собаки. Их больше никто не видел, но рассказывали — впрочем, рассказчик потом отрицал это, — что их шкуры и кости были найдены раскиданными между деревьев. Хотя рассказчик и отказывался от своих слов, но очень возможно, что он просто боялся выглядеть смешным.

Все это, конечно, было встречено смехом и недоверием даже в Уиллоу Крик, теми, кто не видел следов, Но за одним исключением. Андрью Генцоли послал несколько фотографов своей газеты в Блафф Крик. Они видели ночью свежие следы и сфотографировали их. Они нашли кое что еще, также как, позднее, и Рэй Уоллес (я услышал это непосредственно от этих профессиональных скептиков). Фотограф сказал мне, что поначалу он более чем скептически относился к этим рассказам, но когда он увидел следы и осмотрел их как следует, он не только уверился и том, что это не шутка и не газетная утка, но почувствовал, по его словам, «ужасное чувство, которое я не могу точно описать, но которое больше похоже на страх, чем все остальное, что я когда-либо испытывал». Но для газетчиков было в запасе и кое что худшее. Идя по следам вдоль дороги, они натолкнулись на кучу помета типично человеческой формы, но, как они сказали, «совершенно монументальных размеров». Он затем добавил: «Я могу описать ото только как помет двухтонного медведя с хроническим запором». Они собирались раздобыть лопату и какую-нибудь тару, чтобы отвезти эту кучу в Эврику на анализ, но ночь была очень жаркой, нужно было ехать в течение 5 часов по опасной дороге, и, наконец, как они откровенно признались, их охватила странная лень, часто наблюдаемая при необычных и пугающих событиях такого типа, и они этого не сделали. Для прессы материала было уже много, а экологами они не были. Позднее, Рэй Уоллес натолкнулся на такую же огромную кучу помета, похожего на человеческий. Он собрал его в жестяную банку и выяснил, что по объему количество помета соответствует однократному помету лошади.

Следы и другие явления наблюдались в течение всей осени и зимы до февраля 1959 года. Позднее, этой же весной, двое летчиков, муж и жена, на собственном самолете летели над Блафф Крик. Это было в апреле, на вершинах некоторых голых гор еще лежал снег. Утверждают, что они видели следы на снегу, и рассматривая их, увидели существо, оставлявшее эти следы. По сведениям, полученным из вторых рук, это было огромное человекообразное существо, покрытое бурым мехом. Я пытался, и до сих пор пытаюсь, разыскать этих летчиков, при помощи местных авиаторов, многие из которых слышали об этом. Но несмотря на пресловутую дружбу между летчиками и их готовность помочь мне, в тот момент, когда я пишу, я так и не видел эту чету. Может быть, это был просто слух, или выдумка. К этому же разряду, может быть, относятся также и многочисленные старые или даже древние рассказы о встречах с «большой ногой» в этой местности, а также и три недавних рассказа.

Среди этих сведений — сообщение двух докторов, встретивших «Большую ногу» на дороге 299 в начале 1958 г. Сообщение одной весьма уважаемой дамы, которая, будучи вместе со своей дочерью, видела двух существ, одного большого, другого много меньше, которые кормились на склоне холма над Хупа Валли. Эта дама, с которой разговаривал мой партнер, но которая, не хочет видеть свое имя в печати, также рассказала, что когда она была молодой девушкой, то люди, ходившие ловить рыбу в некоторых реках, время от времени встречали такие существа. Она сама однажды видела такое существо, когда оно плыло по Блафф Крик во время разлива. Она также утверждала, что прежде люди в некоторых долинах не ходили дальше определенного предела, из-за того, что там были эти существа.

Два доктора, возвращаясь поздно вечером по дороге 299, идущей к востоку от Уиллоу Крик, почти наехали на такое существо, хотя они замедлили ход, полагая, что кто-то просит его подвезти. Они рассказывали, что это существо имело не менее 7 футов роста в вертикальном положении, имело прямые ноги, но очень длинные руки, и было покрыто плотным светлобурым мехом. Кто же может знать лучше, чем медики?»

(Сандерсон А. Т. Op. cit., с. 230) Из журнала «Фэйт», январь 1961 г.

«Олбэни, Орегон. Чудовище с озера Консер все еще на свободе. Это существо, по словам очевидцев, стоит на двух ногах с перепонками (для уяснения смысла этого слова см. анализ отпечатков следов О-Ма в приложении «В» (В русском переводе этому соответствует Приложение А (Ibiden, с. 488)), имеет рост от 7 до 8

футов, своей грубой светлой шерстью похоже на гориллу. Может бежать наравне с грузовиком, идущим со скоростью 35 миль в час. Никогда не причинило никому зла...

Несколько существ видели на ферме. Делаются попытки снестись непосредственно с фермером, который не хочет, чтобы его имя публиковали, а также и адрес. Пять раз ездили для обследования, обнаружили отпечаток пальца на окне дома, и сняли гипсовый слепок с отпечатка правой ноги. Имеем записанные на машинке рассказы очевидцев, ряд интервью, фотографии. Существо ростом около 7 футов, весом 400 фунтов, может бегать с огромной скоростью, очень далеко прыгать. В газетах Портленда новостей о них напечатано не было. Существо очень хитрое, ходит и бегает на задних конечностях, выглядит растерянным, ведет себя так, как будто бы хочет вступить в контакт. Испускает очень высокие звуки. Его волосы или мех слегка блестят в темноте, длина их — около 3 – 4 дюймов. Ходит на ногах, со ступней длиной 19 дюймов, издавая при этом шаркающий звук. Его видели и днем и ночью, однажды видели, как он исчез в озере. Пошлю вам полный отчет, как только смогу.

Это существо впервые увидели в нескольких милях к северу от Олбэни, Орегон, в глухой заросли площадью примерно 3 кв. мили. Вокруг нее открытые места, на которых разбросаны фермы. Как вы думаете, как он попал туда?..

Простите за задержку, но ничего нового не было. Один фермер, который пожелал остаться неизвестным, видел несколько таких существ на своей ферме. Он пытается подружиться с ними. Одно из этих существ бурое, другое белое. Иногда они подражают голосу фермера, когда он разговаривает с ними. Этот фермер занялся приручением животных и у него дело идет на лад. Хэл Старр разговаривал с этим фермером и обещал, что его местожительство и имя не будут опубликованы. Я бы хотел узнать побольше, но не имею возможности. Рост этих существ — около 7 футов, волосы длинные, нависающие на лицо. Они ходят и на двух и на четырех конечностях. Они очень заинтересовались лошадьми, но лошади боятся их. Следов вокруг очень много.

Две недели тому назад шериф из Салема рассказал мне, что он слышал по радио о человеке, который встретил такое существо на дороге 99. Я проверял эти сведения в Салеме, напишу подробный отчет».

(Ibiden, с. 236) Из письма к д-ру А. Сэндерсону от служащего ВВС.

До последнего времени он жил в индейской резервации Мака в Ни Бэй, штат Вашингтон.

«В моем письме я уже поминал о следах размером 18 ½ дюймов, найденных на песчаном берегу. Я уверен, что они не могли быть оставлены человеком. Этот пляж расположен на расстоянии 8 миль за лесами и туда очень трудно добраться.

В другой раз прошлым летом один из рыбаков собирался ложиться спать и вдруг услышал плеск в болотце на его заднем дворе. Он взял карманный фонарь и пошел посмотреть, в чем дело. Там он увидел огромное чудовище, бросившееся в лес, как только на него попал луч света. С тех пор больше ничего не слышно, хотя многие ожидают, что оно вернется. В тот же день, когда мне рассказали о случае на дворе, я пошел туда, взяв с собой ружье. Я нашел пряди волос, которые, по-видимому, остались, когда существо бежало в лес. Я охотился за медведями в этой местности и нескольких убил, но эти волосы безусловно не принадлежали медведям. Во-первых, там было несколько волос длиной почти 14 дюймов, а кроме того, эти волосы обладали очень сильным запахом, непохожим на запах медведя.

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляет меня думать, что в этих лесах имеются ABSM. Одно событие произошло еще до того, как я прочел Ваши статьи в журнале «Тру». Однажды вечером я пошел по заброшенной лесной дороге поискать медведей. Я прошел по этой дороге примерно 13 миль, и на расстоянии около 20 миль кругом никто не живет. Я на этот раз был один. Я присел на пень и сидел на нем около часа, когда услышал тонкий визг, похожий на крик ребенка, который продолжался почти целый час. Чем больше я слушал его, тем больше я убеждался, что это не горный лев. Через некоторое время крик прекратился и я никогда его больше не слышал. Я ушел с этого места не оглядываясь. Прочтя Вашу статью я подумал, что возможно это был снежный человек. Я ходил на это место потом несколько раз, но ничего больше не слышал и не видел».

(Ibiden, с. 238) Из письма к д-ру А. Сэндерсону.

«Я только что прочла Ваш рассказ об ABSM в Северной Калифорнии. Прежде всего хочу заверить Вас, что все изложенное ниже чистая правда и что я никому не рассказывала об этом, потому что боялась, что меня сочтут полоумной или выжившей из ума.

Я видела этого человека-чудовище и могу подробно описать его. Он далеко не красив и я до сих пор иногда просыпаюсь ночью, вспомнив о нем.

Когда это было: это было примерно 9 лет тому назад, около 10 часов утра. Где: вблизи реки Ил, выше Эврики, Калифорния. На краю луга, вблизи берега реки. При каких обстоятельствах: Моя семья и я ловили рыбу в реке Ил. Мы расположились лагерем не-

далеко от этого места уже недели две до того, но рыбная ловля была мало удачной. Я имела привычку перед завтраком ходить на прогулку, так как на расстоянии одной или двух миль был очень красивый луг, и я любила смотреть, как над травой подымается туман. Мне было всего 10 лет и я была очарована природой. Я вышла на луг и стала пересекать его, чтобы подняться на небольшой холм на другой стороне. Когда я подошла к подножию холма, я услышала какой-то звук. Было похоже, что кто-то идет, и я подумала, что может быть мой младший брат шел за мной, а теперь собирается выпрыгнуть и напугать меня. Я закричала: «Эй, ладно, я знаю, что ты там!». Нечего и говорить, что появился не мой брат, а существо, которое я никогда в жизни не забуду. Оно вышло из кустов и я замерла на месте. Он или «оно» было ростом 7 ½ или 8 футов, покрыто бурыми волосами, которые были больше похожи на пух, чем на мех. У него были маленькие глазки, расположенные близко один к другому, окруженные красным. Нос был очень широкий и плоский. Большой рот с очень странными клыками... Туловище было похоже на человеческое, руки и ноги огромного размера, но очень похожи на человеческие. Но самое странное, о чем я не говорила, самое удивительное и пугающее было то, что на нем была одежда! Да, это так. Одежда была рваная, в лохмотьях, и едва прикрывала его, но все же она была на нем. Оно испустило страшный воющий звук, который, мне кажется, не сможет воспроизвести ни одно живое существо. Можете поверить, что я повернулась и побежала со всей быстротой, на какую была способна. Я прибежала в лагерь запыхавшись, и все остальное время жила там под страхом.

Я часто думала, что может быть это какая-то мутация. Мне кажется, что это существо очень опасно и с ним что-то необходимо сделать.

Я охотно присягну, что все, что написано в этом письме — правда. Я не сумасшедшая, и вполне здорова, и умственно, и физически. Мне думается, что Вам интересно будет узнать, как выглядит на самом деле Ваш человек-зверь. Поверьте мне, что если Вы его увидите, то перепугаетесь до потери сознания, я знаю!

С приветом Мисс В.С.»

ИЗ ГЛ. VIII: ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА

(Ibiden, с. 257) Сообщение д-ру А. Сэндерсону его сотрудника Кеннета Брауна о сведениях, собранных в Гватемале.

«В горных лесах живут огромные дикие люди, полностью покрытые короткими, густыми, бурыми волосами. Эти люди не име-

ют шеи, глаза у них маленькие, руки длинные и огромные кисти. Они оставляют следы, вдвое большие, чем следы человека.

Эта местность находится в Байя Верапаз, вокруг города Кубулко. Кубулко — это последний форпост цивилизации, дорога в нем кончается, и все прочее кончается тоже. Горный хребет, о котором идет речь, — Сьерра де Чуакос, самой высокой точкой которого является гора (серро) Санче, достигающая 8500 футов. В зависимости от направления, между долиной Кубулко (Рио Кубулко, которая сливается с Рио Негро примерно в 20 километрах к северу) и горой Санче расположено 5 или 7 горных цепей. Я не хочу делать догадок относительно распространения этого существа за этими пределами...

На склонах растут светлые сосновые и дубовые леса, многие горные плато покрыты травой, как например около Кубулко... Теперь, «что говорят местные жители». Они сообщают об огромном, волосатом существе, которое иногда ходит на двух ногах, а бегает, по-видимому, на четвереньках. Я прежде всего подумал, что речь идет о медведе, и стал расспрашивать жителей о размерах, форме, внешнем виде и т.п. Мне ответили, что он выглядит, как медведь, но из их описания было видно, что это все же не медведь — нет торчащих ушей, нет «морды». Ростом оно выше человека и значительно шире, покрыто темными волосами. Местные жители смертельно боятся нарушить его покой. Иногда один или двое из местных мужчин, будучи пьяными, или особенно расхвастaвшись, отправлялись якобы охотиться за ними и поднимались до половины горного склона, но, насколько мне известно, никто ни разу не убил такое существо. Некоторые утверждали, что существо гналось за ними вниз по горе, хотя, судя по тому страху, который они перед ним испытывают, вероятно, они где-то просто увидели его и потом бежали вниз по горе со всех ног. Никто не хотел провести нас на это место, пока один смельчак не согласился. Но мы так и не нашли этих существ, за что Вы, вероятно, будете меня ругать. Из их описаний я не могу решить, был ли это медведь, или «сисемит», или еще кто-нибудь, но во всяком случае что-то там есть. Вам, вероятно, будет интересно узнать, что местные жители мне сообщили, что это существо довольно часто испускает «клич», и те, кто бывает в горах, иногда этот клич слышат».

(Ibiden, с. 260) Из статьи о «гватемальской мифологии», в «Мьюзеум Джорнал» (Филадельфия), 1915 г., т. VI, №3.

«В лесу живет чудовище. Оно выше самого высокого человека и выглядит, как нечто среднее между человеком и обезьяной. Его тело так хорошо защищено массой тусклых волос, что пуля его не берет. В горах имеются его следы, но преследовать

его по следу невозможно, так как оно может поворачивать ноги пяткой вперед и таким образом сбивает самого лучшего охотника. Его самое большое стремление, но до сих. пор не осуществлённое, это — зажечь огонь. Если охотники оставляют костер, оно приходит и сидит у углей до тех пор, пока они не остынут, а затем с жадностью съедает угли и золу. Иногда охотники видят в лесу маленькие кучи хвороста, принесенного «эль сисемит» (или «сисимичи»), безуспешно пытающимся зажечь костер, в подражание человеку. Оно настолько сильно, что может ломать самые большие деревья в лесу. Если женщина увидит сисемита, она будет жить бесконечно долго, но если сисемита увидит мужчина, то он проживет не больше месяца, после того, как посмотрит в глаза чудовища. Если сисемит поймает мужчину, он раздирает его тело и разгрызает кости зубами, наслаждаясь мясом и кровью. Поймав женщину, он несет ее в свою пещеру и держит ее там, как пленницу.

У сисемита есть еще желание, кроме огня. Он иногда крадет детей, надеясь, что таким образом он научится говорить по-человечески. Факт поимки человека сисемитом становится известным его ближайшим родственникам и друзьям по появляющейся у них дрожи. Много легенд рассказывают о людях, пойманных сисемитом. Нижеследующая история была рассказана женщиной, услышавшей ее от своей бабушки.

Молодая супружеская пара, вскоре после свадьбы, решила поселиться в хижине в лесах на краю их кукурузного поля, чтобы собрать урожай. Жена, Розалия, наступила по дороге на колючку, и на следующее утро у нее так разболелась нога, что она не могла работать с Фелипе в поле. Он отправился один, а с женой оставил одну из их двух собак. Немного поработав, он почувствовал дрожь, так называемую «сисемитскую дрожь», и немедленно вернулся в хижину. Там обнаружил, что жены нет, а собака в смертельном испуге. Он немедленно направился в деревню, а на дороге встретил родителей жены, которые воскликнули: «Вы оставили нашу дочь, и ее украл сисемит, мы это почувствовали». Он подтвердил сказанное ими.

Этим случаем заинтересовались власти и взялись за расследование. Муж был подвергнут перекрестному допросу, но он только отвечал, что «сисемит унес ее, больше я ничего не знаю». Несмотря на протесты родителей жены, его обвинили в убийстве, и заключили в тюрьму, где он пробыл много лет. Наконец группа охотников сообщила, что они видели на горе Качарул странное существо, покрытое волосами с развевающимися прядями. При виде охотников существо убежало. Была создана группа людей,

решивших попытаться любой ценой поймать это существо. Через несколько дней они вернулись с существом, похожим на дикую женщину, о котором руководитель группы рассказал следующее: «На горе Качарул мы спрятались в кустах. В течение двух дней мы ничего не видели, но на третий день, около полудня, это существо пришло напиться к ручью и мы схватили его, хотя оно отчаянно сопротивлялось. Когда мы переходили с ней через ручей на склоне холма появился сисемит, размахивая руками и крича. На его спине был ребенок или маленькая обезьяна, которую он поднял на руках вверх, как бы показывая его женщине. Женщина снова попыталась вырваться. Сисемит спустился с холма почти к ручью. Он бросил ребенка и начал ломать огромные ветки и бросать их в нас».

Привели молодого человека из тюрьмы, показали ему это дикое существо и спросили, узнает ли он ее. Он ответил: «Моя жена была молодая и красивая. Женщина, которую я вижу, старая и безобразная». Женщина не говорила ни слова и с тех пор не испустила ни одного звука. Она отказывалась от пищи и через несколько дней после поимки умерла.

Фелипе дожил до старости и бабушка той женщины, которая рассказала нам эту историю, вспоминала о нем, как о человеке, жена которого была унесена сисемитом».

(Ibiden, с. 268) Письмо д-ру А. Сэндерсону от Клауса Огейма (Эквадор и Колумбия).

«О так называемых «ширу» я слышал от индейцев и от немногих белых охотников по обоим сторонам Анд, но значительно больше на восточных склонах Анд, где до сих пор имеются неисследованные обширные горные массивы, редко посещаемые человеком. Все описывают ширу, как маленькое (4 – 5 футов) существо, безусловно похожее на человека, но полностью покрытое коротким темно-бурым мехом. Все сходились на том, что ширу очень боязлив, за исключением одного индейца, который утверждал, что ширу набросился на него после того, как он промахнулся, выстрелив в него единственным зарядом своего ружья, заряжавшегося с дула (этим оружием все еще пользуется большинство индейцев, наряду с духовым ружьем). Эти сообщения вполне трезвые и объективные, и ни в какой мере не приукрашены богатым воображением, свойственным латиноамериканцам»«.

(Ibiden, с. 274) «Самое раннее сообщение (по Южной Америке) — барона Александра фон Гумбольдта, содержащее подробные изложения рассказов местных американских индейцев с описаниями существа, которое они называли «Васитри», строившего примитивные хижины, плотоядного, съедавшего мужчин, но уносившего женщин для рождения детей».

(Ibiden, c. 279) Это сообщение было получено д-ром Эвельмансом от своего корреспондента, сеньоры Анны Изабеллы де Са Лейтао Тексейра (Бразилия), которал услышала его от дона Пауло Салданха Собрино, весьма уважаемого бразильского писателя, хорошо знавшего свою страну. Он услышал этот рассказ от главного действующего лица, которого звали просто Иносенто. Эвельманс пишет:

«В 1930 году он отправился в экспедицию, состоящую из 10 человек, под руководством некоего Сантанна. Они пошли вверх по Уатума по направлению к источникам Урубу. Когда их лодка дошла до водопада, через который было невозможно перейти, они пошли через джунгли к водоразделу Урубу. Через два дня они дошли до реки, по которой их руководитель решил идти дальше. Иносенто был в этой группе, шедшей вверх по течению реки, но через два часа ходьбы он отошел в сторону за стадом черных обезьян, надеясь убить одну из них. Когда он понял, что до реки далеко, было уже слишком поздно. Он начал кричать и стрелять из ружья, но в ответ слышал только болтовню обезьян и сердитые крики птиц. Тогда он пошел почти наугад, чувствуя, что он должен делать что-то в таком критической положении, и продолжал итти, пока не начало темнеть. Он взобрался на высокое дерево и устроился в развилке между ветвями. Когда совсем стемнело, ночь наполнилась голосами джунглей, и Иносенто спокойно отдыхал, пока не услышал крик. Ему сначала показалось, что это кричит человек. Однако он быстро понял, что никто не будет искать его среди ночи. Затем он услышал крик ближе, и более ясно. Это был дикий и печальный крик. Испуганный Иносенто уселся покрепче на дереве и зарядил ружье. Затем он услышал крик в третий раз, так близко, что он показался ему страшным, оглушающим и нечеловеческим.

Примерно на расстоянии 40 ярдов от него была небольшая лужайка, на которую упала самаумейра, а ветви ее повалили еще несколько небольших деревьев. Оттуда и был слышен последний крик. Немедленно вслед за этим послышался сильный шум шагов, как будто бы к нему с большой скоростью приближалось большое животное. Когда оно достигло упавших деревьев, оно издало рычанье и остановилось. Наконец, на лужайке появился силуэт, размером о человека среднего роста.

Ночь была светлой. Луны не было, но свет звезд пробивался через густую растительность. В этом полумраке Иносенто увидел плотную черную фигуру, «которая стояла прямо, как человек».

«Существо стояло на месте, возможно, говорит Иносенто, подозрительно глядя туда, где я сидел. Затем оно снова зарыча-

ло, как раньше. Я больше не мог терпеть и выстрелил, даже не прицелившись как следует. Послышался дикий рев и шум ломающихся кустов. С ужасом я увидел, что животное с рычаньем приближается ко мне и выстрелил еще раз. Ужасное чудовище по-видимому было ранено, с невероятной быстротой прыгнуло оно в сторону и спряталось около старой самаумейры. Из-за этого прикрытия оно издавало угрожающее рычание, настолько свирепое, что дерево, за которое я цеплялся, начало как будто бы качаться. Я бывал прежде на охотах за ягуарами и знаю, насколько страшным бывает это животное, когда оно в безвыходном положении. Но рев существа, которое напало на меня той ночью, был более жутким и оглушающим, чем рев ягуара.

Я снова зарядил ружье и, опасаясь еще одного нападения, выстрелил по направлению рычанья. Темная масса взревела еще громче, но отступила и исчезла в глубине леса. От времени до времени я еще слышал его рев, вызванный болью, пока и он не прекратился. Рассвет только еще начинался».

Иносенто решился слезть с дерева, только когда солнце было уже достаточно высоко. На лужайке он нашел кровь, поломанные ветки кустов и растоптанный кустарник. Все было пропитано пронзительным кислым запахом. Иносенто, конечно, не решился идти по кровяному следу, опасаясь встретить существо, которое, будучи раненым, могло быть еще более опасным. Определив свое местоположение по солнцу, он, наконец, нашел реку и присоединился к своим товарищам, которые стреляли в воздух, чтобы он мог их найти.

«Я думаю, что я видел «мапингвари», сказал Иносенто Павлу Салданха. Они не так уж защищены шкурой, как думают люди. Говорят, что смертельная рана может быть нанесена им только в одну уязвимую точку: середину живота. Я не знаю, насколько оно серьезно было ранено моими пулями, но я безусловно попал в него, так как везде были следы крови».

«В 1868 году, через сто лет после рассказов д-ра Банкрофта, Чарльз Баррингтон Браун, который был в то время правительственным наместником в Британской Гвиане, услышал вновь рассказы о каких-то волосатых людях, живущих в Верхнем Мазаруни, на границе с Венесуэлой. Интересно, что это было после того, как «слышали жалобные стоны или завыванья», которые, как утверждал Чьеза де Леон, испускали эти люди-обезьяны.

В первую ночь, после того, как мы оставили Пиэйме, мы услышали протяжный и очень меланхоличный свист, доносившийся из глубины леса. Некоторые из наших людей воскликнули испуганным голосом: «Это диди». Свист повторился два или три

раза, причем было похоже, что его испускает человеческое существо. Он начинался с высокой ноты, постепенно понижаясь и замирая на низкой ноте.

Индейцы говорят, что «диди» это дикий человек, небольшого роста, плотный и очень сильный. Тело его покрыто волосами, живет он в лесу. Вера в существование этого сказочного существа распространена везде в Британской, Венесуэльской и Бразильской Гвиане. На реке Демерара, через несколько лет, я встретил метиса — дровосека, который рассказал мне о встрече с двумя «диди» — самцом и самкой, от которых он успешно отбился топором. Во время потасовки, как он утверждал, его здорово поцарапали.

В 1931 году профессор Нелло Беккари, итальянский антрополог, вместе с д-ром Ренцо Гильоли и Уго Игнести, предпринял экспедицию в Британскую Гвиану. Одним из косвенных намерений этой экспедиции было разрешение проблемы обезьяны Лойса. В этом районе фауна, флора, климат, словом вся экологическая картина, которую мы теперь называем «биотопом», — совершенно аналогичны с картиной в Сьерра Перийа, а Беккари прочел в географической энциклопедии Элизе Реклю, что, согласно индийской легенде, в лесах Британской Гвианы живут сказочные волосатые люди, называемые «ди-ди», которых боятся все индейцы, хотя они их никогда но видали. Однако только перед самым отъездом в Италию он услышал некоторые определенные сведения относительно местожительства этих существ.

Возвратившись после нескольких месяцев пребывания в глубине страны, он встретился с британским резидентом м-ром Хайнес, который тогда жил на Рупунуни. Хайнес рассказал ему, что много лет тому назад, во время поисков месторождений золота, он встретился с парой «ди-ди». В 1910 году он шел через лес вдоль Конаварука, реки, впадающей в Эссеквибо чуть выше ее слияния с Потаро, и натолкнулся на два странных существа, которые, увидев его, встали на задние ноги. Облик их был похож на человеческий, но они целиком были покрыты рыже-бурым мехом. Хайнес был безоружен и не знал, что ему предпринять, если встреча примет дурной оборот, но два существа медленно отступили и исчезли в лесу, не спуская с него глаз. Когда он очнулся от изумления, он решил, что это были неизвестные ему обезьяны, и вспомнил про легенду о «ди-ди», которую ему рассказывали индейцы, окружавшие его в течение многих лет.

Когда Майегам, проводник итальянской экспедиции, услышал этот рассказ, он вспомнил, что с ним произошло то же самое в 1918 году. Он шел вверх по Бербиче с тремя людьми, Орелла,

Гиббсом и еще одним американцем, фамилию которого он позабыл. Пройдя Мамбака, на песчаном берегу реки они увидели два существа, которых издали приняли за людей и окликнули, чтобы выяснить, хороша ли здесь рыбная ловля. Неизвестные существа не ответили и просто ушли в лес. Четверо пришедших мужчин были очень удивлены и расположились на берегу. К своему изумлению, они увидели на песке следы обезьян, а не людей. Майегам не смог вспомнить, имели ли эти существа хвост, но он, вероятно, и был бы не особенно заметен, так как иначе они не приняли бы их за людей. Он добавил, что двое других местных жителей, Мелвилл и Клавсткий имели аналогичные встречи в других местах.

Профессор Беккари получил также сведения о «ди-ди» от старого негра в Маккензи, известного своей мудростью, знаниями и опытом. На берегах Демерара все называли его «дядя Брэн» — по-видимому он был выходцем из Французской Гвианы или с французских вест-индских островов. Во всяком случае, те немногие индейцы, которые сохранились в окрестностях, настолько уважали его, что называли его «говернор». Индейцы говорили дяде Брону, что «ди-ди» живут парами, и что убить одного из них очень опасно, так как другой будет обязательно мстить да своего супруга, — придет ночью и задушит убийцу в гамаке. Беккари не поверил некоторым вымыслам в этих рассказах, но почувствовал, что какая-то истина за ними кроется. Лойс, так же, как Хайнес и Майегам, встретил пару существ, как и дровосек Барингтона Брауна. Большинство южноамериканских обезьян живут большими стадами, так что одно это обстоятельство наводит на мысль, что это очень странные существа»«.

На этом мы закончим выдержки из книги А. Сэндерсона. После ее выхода в свет (в августе 1961 г.) автор, согласно его сообщениям, получил обильную дополнительную информацию. В том числе новые данные по Южной Америке были опубликованы им в статье (Sanderson I., Genus, 1962, v. XVIII). Легко видеть, что изучение проблемы реликтовых гоминоидов в Америке, начавшееся совсем недавно, находится еще в начальной стадии и в то же время развивается, можно сказать, лавинообразно. Поэтому тем более преждевременно было бы приниматься за классификацию по степени достоверности или за биологическое обсуждение наличных сведений: несомненно, что уже завтра картина будет и полнее и яснее.

Пока мы можем ограничиться замечанием, что описательные данные о реликтовых гоминоидах Америки, хотя и преломленные через разнообразную социальную и индивидуальную

психологию и поэтому на первый взгляд пестрые, удовлетворительно вписываются в целом в то представление о редком и довольно полиморфном виде живых существ, которое могло быть составлено на основе предыдущих глав.

Глава 10

ЗАПАДНАЯ ВЕТВЬ

В Кавказской части этой главы, как отмечается и в ее тексте, использованы неопубликованные научные рукописи и опросные записи профессора А.А. Машковцева.

Мы снова вернемся к условно намеченному центральному ядру ареала «снежного человека» — к юго-западной окраине Синьцзяна, лежащей у границ Кашмира, Памира и Афганистана. Теперь от этого предположительного очага мы двинемся в сторону Афганистана и далее на запад. Непосредственно к указанному району примыкает горный хребет Гиндукуш.

АФГАНИСТАН

К Гиндукушу и к горной части северо-восточного Афганистана, известной под названием Бадахшана, относится некоторое число, к сожалению, еще плохо проверенных и немногочисленных сведений о реликтовом гоминоиде. Однако теснейшая связь этой географической области и ее физико-географическая и биогеографическая общность с близко прилегающими территориями, значительно лучше освещенными имеющимся информационным материалом, позволяют предполагать, что накопление и здесь описательных данных об интересующем нас прямоходящем высшем примате — лишь дело времени. Но приведем все же некоторые записи, указывающие на территорию Афганистана.

Советский инженер М.Н. Фокин, работая в Афганистане в 1953–1957 гг., записал следующий рассказ одного из переводчиков-афганцев. В 1944 г. на р. Пяндж, напротив впадения в нее р. Вахш, в зарослях кустарников и камышей, пограничники-афганцы встретили самца и самку обезьяно-человека. Самку они подстрелили, самец скрылся в камышах. Убитая самка имела около 2 м., была покрыта рыжими волосами. Труп предполагалось передать в музей, в дальнейшем он был приобретен англичанами, но навряд ли его удалось предохранить от разложения, во всяком случае, судьба его неизвестна (ИМ, I, №32).

Весьма любопытно сообщение одного прирожденного афганца, проживающего ныне в СССР, в Туркмении, учителя 40 лет, по имени Джума Алимадат. Он родился и провел детство в местности Дузахдара в Афганистане. Это — дикое ущелье, куда ведет лишь один очень узкий проход. В детстве Алимадат слышал много рассказов о существовании «гуль-биявана», дикого человека, покрытого шерстью, и не сомневается в его реальном существовании. «Встречаются дикие люди в тех лесистых местах Афганистана, где я родился, — говорит он, — и в одиночку и с детенышами, и целыми стадами. Живут в лесах. Питаются дикими животными, которых убивают камнями... Говорить гуль-бияван не умеет, а мычит что-то непонятное» (ИМ, II, №51). Это сообщение очень настораживает: тут не только одно из редких упоминаний о детенышах, что мы всегда фиксируем с особым вниманием, но еще и представление о «стадах» этих существ. До сих пор упоминание о «стаде» или «скоплении» их мы встретили среди современных данных лишь единственный раз — в сообщении начальника автономного уезда в юго-западном Синьцзяне, т.е. в местах, лежащих не очень далеко от упоминаемого района, непосредственно к востоку по Гиндукушу.

И вот, удивительным образом, еще одно сообщение из мест, примыкающих к Афганистану, говорящее нам снова о наблюдениях «диких людей» не одиночками или парами, а целыми группами. Данное сообщение сделано Ф.Ф. Шульцем, имевшим возможность в 1949 г. в г. Ташкенте беседовать с одним таджиком-агрономом и одним афганцем-пастухом из пограничных районов Памира, Афганистана и Индии. Собеседники рассказали ему, что к их пограничным селениям подчас подходят голые волосатые люди, несомненно, в поисках пищи, и бывает, что население выносит им за ограду фрукты, лепешки, мясо, молоко в посуде. Появляются они, как правило, не поодиночке, а группами в 6–8–12 особей. Случается такое появление очень редко, раз в несколько лет, и по местным обычаям не полагается гнать их не дав пищи. Ведь они, по словам пастуха-афганца, все же являются подобием человека и творением аллаха, поэтому обидеть или убить такого дикого и голого человека — большой грех.

Однажды, — продолжает один из информаторов Ф.Ф. Шульца, — на советской территории стража устроила облаву на одного из этих голых диких людей, удалось накинуть на него сеть; его спутники при этом кричали, но их отпугнули и обратили в бегство выстрелами. Однако вскоре пойманного «волосатого» привезли обратно и выпустили на волю в том же месте, где поймали, к удовлетворению жителей-мусульман.

Далее рассказчик дал описание внешности «диких голых людей», появляющихся у границ СССР и Афганистана с юга, возможно, с территории Индии. «Рост такой же как у нас, но дикие люди более сутулые, много работают руками, особенно при подъемах на гору, — тогда они похожи на обезьян. Волосы у них коричневые с оттенками в рыжий и черный цвет. На лице волос мало, оно смуглое, почти черное. Голова с покатым лбом, выдающейся челюстью, скуластое. Нрав у них тихий, не свирепый. На людей никогда не нападают. Они ходят и мирно собирают себе пропитание» (ИМ, IV, №128).

Приведем еще запись рассказа охотника туркмена Чары Куларова, 70 лет, проживающего в южной части Туркменской ССР, километрах в ста от афганской границы. «Это было еще в царское время. Я поехал с караваном торговать в Афганистан. Была зима, и все было покрыто неглубоким снегом, а на видневшихся вдали горах снег был глубокий. Как-то на ночлеге мы развели костер, варили и пили чай. Вдруг мы заметили, что какой-то косматый зверь подходит к нашему костру; думая, что это медведь, я схватил свое шомпольное ружье и по-пластунски пополз к нему навстречу. Вскоре я увидел, что к нам подходит не медведь, а дикий человек — «яван-адам», или, как его называют, «демир-дернак» (человек с железными когтями). Дикий человек меня заметил и стал очень быстро убегать от костра на четвереньках. На четвереньках они бегут быстрее лошади». (Записано со слов студента ГИТИС (Москва) Дурды Довлетова проф. А.А. Машковцевым 30 января 1961 г.)

К сожалению, дальше северо-востока Афганистана в западном направлении наши сведения пока не распространяются. Почему? На этот вопрос трудно ответить, — вероятнее всего потому, что ученые Афганистана и Ирана еще не интересовались этой проблемой; может быть сказывается и то, что следуя на запад мы попадаем в самую сердцевину мусульманского мира. Но несомненно и то, что где-то западная ветвь распространения «снежного человека»-должна в современную эпоху быть пересеченной районами весьма густого населения, делающего невероятным его существование даже в форме редчайших реликтов.

ИРАН

От Гиндукуша, который, может быть, сулит еще дальнейшие обнаружения очагов обитания «снежного человека», мы попадаем в область центрально-афганистанского высокогорного водораздела и, через его северное ответвление, хребет Сафид-Кух

(Паропамиз), выходим к хребтам Копет-даг и Эльбурс. В данном контексте можно лишь совершенно мимоходом заметить, что в той части хребта Копет-даг, которая лежит на территории СССР, а не Ирана, согласно предварительным сведениям, подлежащим еще уточнению, в 20-х годах XX в. якобы были сделаны существенные наблюдения над дикими двуногими человекоподобными существами. В отношении же иранского Копет-дага, как и хребта Эльбурс, как и всего Иранского нагорья, у нас нет решительно никаких недавних конкретных сведений. Или, вернее, есть пара глухих упоминаний, относящихся ко времени Второй мировой войны. А. Сэндерсон цитирует письмо одного англичанина, работавшего в Иране, будто стало известно, что какой-то иранец принес с гор убитое им на охоте животное, совершенно напоминающее гориллу (Sanderson I. Op., cit., p. 297). А.З. Розенфельд рассказывала автору этих строк, что, работая в Иране, она также слышала нечто подобное. Но все эти намеки на след слишком ничтожны. Пока что мы должны констатировать, что на территории Ирана западная ветвь распространения «снежного человека», по-видимому, обрывается.

Но этот обрыв нити ставит перед нами две загадки, которые неминуемо ведут к гипотезе, что он совершился в относительно недавнее историческое время. Более того, складывается предположение, что именно Иран (может быть вместе с Афганистаном) был одним из самых коренных очагов древнего обитания и распространения по смежным горным системам изучаемого нами человекоподобного существа. Указанные загадки касаются его наименований.

Во-первых, загадкой является весьма неожиданное пояснение, которое давал упоминавшийся в гл. 2 немецкий путешественник XVII в. Атанасиус Кирхер сведениям об обитании в горах Южного Китая человекоподобного двуногого волосатого животного: не вдаваясь в подробное описание его, Кирхер считал возможным отослать читателей к очевидно знакомому им понятию, — это животное, писал он, подобно «персидскому человеку» (homo persus): следовательно, несколько сот лет тому назад «снежный человек» был более известен европейцам не как обитатель Гималаев или Тибета, а как обитатель Персии! Во всяком случае, применение к нему термина homo persus заставляет допустить, что он был распространен и в Персии.

Вторая загадка состоит в том, что именно арабско-персидское (арабско-иранское) наименование этого существа «гуль-бияван» («биабан-гули») мы встречаем одновременно в двух далеких ответвлениях: оно налицо и на северо-восток от Ирана —

на Памире, и на северо-запад от Ирана — на Кавказе. Ясно, что и на Памир и на Кавказ этот термин мог попасть лишь из общего корня — из Ирана, и, следовательно, в Иране он является более древним, а может быть и само существо, обозначаемое этим термином, расселялось именно из Ирана (возможно, и из Аравии) как на Памир, так и на Кавказ.

Предположение о возможности обитания остатков этого редчайшего исчезающего вида на Кавказе не может вызвать возражений биогеографического характера. Мы видим среди фауны Кавказа, например, улара, среди флоры — рододендрон, т.е. типичных представителей «классического» ареала «снежного человека». Известно, что между фауной Средней Азии и Кавказа имела и имеет место диффузия ряда видов. Биогеографическим мостом между ними служат горные хребты и нагорья Северного Ирана. Именно этот мост и мог некогда связывать воедино азиатский ареал «снежного человека» с кавказским. Эта область, Мазандеран, — дико-гористая, в менее высоких местах сплошь покрытая субтропическим лесом. Средняя высота здесь 3 тыс. м., высота перевалов 2 тыс. м., самая высокая гора, Демавенд превышает 5 тыс.м. Геологические и климатические условия содействовали малой населенности и относительной обособленности Мазандерана и, в частности, Эльбурских гор от остального Ирана. Но все-таки вполне можно представить себе, что это северо-иранское звено древнего единого ареала «снежного человека» могло быть разорвано антропическим фактором, т.е. освоением людьми территории Ирана в древности и в средние века, а кавказский реликтовый очаг мог оказаться отрезанным.

Граф Н.Н. Муравьев-Карский записал в своих «Мемуарах» любопытный рассказ, слышанный им в 1828 г. на Кавказе от бывшего высокопоставленного начальника (аги янычар) турецко-персидской армии. Последний — по-видимому, иранец из Мазандерана, — поведал пересыпанную фантастическими домыслами историю о том, как в детстве он был настигнут в каком-то овраге и похищен «дивами или чудовищами, похожими на людей, оставшимися, по предположению азиатцев, с давних времен после потопа, с коими нынешняя порода людей несколько раз была в войне, коих главное местопребывание находится на горе Демавенде, что в Мазандеране, и коих царь Сулейман победил. О сих дивах у азиатцев множество рассказов... Они упоминаются во всех сказках с такою подробностью, что некоторые европейские писатели стали даже предполагать, что такая порода людей допотопных могла каким-нибудь образом и сохраниться еще несколько времени. Персидский царь в древности вел, по сказаниям азиатцев, войны против них...» (Русский Архив, 1894, кн.1, с. 31 – 32)

Полной загадкой в этих словах для нас пока остается то обстоятельство, что какие-то «европейские писатели» уже давно, по крайней мере ранее 1828 г., выдвигали смелую гипотезу, противопоставлявшую «нынешнюю породу людей» сохранившейся каким-то образом «породе людей допотопных». В трудах по истории антропологии ничего не говорится о подобных старинных гипотезах.

Напротив, что касается упоминаемых тут сказаний «азиатцев», то они, действительно, открывают большой простор для исследований. Правда, вопрос об искаженном, фантастическом отражении реликтового гоминоида в восточной литературе и народных преданиях не входит в тему нашей книги. В будущем филологи-ориенталисты, наверное, займутся этим вплотную. Но здесь нам придется нарушить правило в связи с выдвинутой гипотезой об иранском звене древнего ареала реликтового гоминоида. Там, где разорвалась нить современных сведений, мы спустимся в глубину столетий и тысячелетий. Это будет небольшой предварительный экскурс в предания глубокой древности, в мифы переплетенные с действительной историей, преломленные сквозь призму религиозно-мистического мышления авестийцев, маздаистов, зороастрийцев, мусульман (*автор благодарит Ю.Г. Решетова за представление им своих неопубликованных материалов*).

В главе 2 мы уже упоминали о том, что самые древние письменные сведения о существах, которые могут быть сопоставлены со «снежным человеком», мы находим, с одной стороны, в ассиро-вавилонской поэме о Гильгамеше и древнейших иудейских текстах Ветхого Завета, с другой стороны — в Ведах и Зенд-Авесте. Может быть это дает повод поставить вопрос о том, проникли ли эти существа в Иран с Ближнего Востока (из Аравии) или из Индии. В поэме о Гильгамеше они выступают под именем «эабани» (откуда «ябан», «яван»), а в Зенд-Авесте — под именем «дивов» («дэвов»), под обоими этими названиями интересующее нас существо известно и по сей день, например, у ирано-язычных таджиков. Термин «гуль» («гул»), как показывает исследование А.З. Розенфельд (Розенфельд А.З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о «снежном человеке») // Советская этнография. М., 1959, №4), является арабским; если он связан с распространением Ислама, то является, конечно, гораздо более поздним, чем «эабани» и «див». Итак, откуда же вероятнее предположить расселение в Иран реликтового гоминоида? С востока или запада? Ответ на этот вопрос, как увидим, послужил бы важным аргументом для решения ко-

ренного спора о биологической природе и эволюционном месте «снежного человека». Конечно, невозможно решить эту биологическую проблему с помощью древних литературных памятников, самое большее — можно выдвинуть шаткую гипотезу. Но не будем пренебрегать и этим.

Древний текст Зенд-Авесты сложился к середине II тысячелетия до н.э., но начало ее формирования теряется в III и даже IV тысячелетиях, т.е. она возникла 5 – 6 тыс. лет назад. Но и там говорится о том, что было за четыре тысячи лет до первого легендарного царя Йима Хшаети. В Ведах он носит имя Йама, а в гораздо более позднем пехлевийском варианте Авесты — имя Джима или Джемшид, выступая здесь в качестве представителя пятого поколения иранских царей. Согласно Зенд-Авесте, еще древнейшие жители Индии вели ожесточенную борьбу с «дивами», но конкретные черты эта борьба принимает в описании царствования Йимы: когда Йима вывел свой народ из прародины в район Туркмении и Северного Ирана, им пришлось выдержать борьбу с «дивами» — существами огромного роста, голыми, косматыми, с лохматой головой, сражавшимися без оружия, а руками, камнями, вырванными деревьями. Борьба шла на протяжении трех легендарных поколений, пока руководивший ими Йима не победил «дивов», часть истребив, часть загнав в Эльбурские горы, на Демавенд. В пехлевийском варианте Авесты, возникшем при Ахеменидах, после подвигов царя Джемшида, давшего народу покой и процветание, «дивы» продолжали время от времени вредить индо-иранцам, вследствие чего войны с ними наполняют историю длинного ряда правителей и героев. В частности, против них совершал походы Рустем. Собственно говоря, в этом варианте сам Джемшид погибает если не прямо, то косвенно в борьбе с силой «дивив»: согласно поэтической обработке пехлевийского эпоса, которую мы находим в «Шах-намэ» Фирдоуси (X век), его сверг иноплеменный царь Зохак, вторгшийся в Иран; по мнению современных востоковедов, эпизод о Зохаке, хотя и изобилующий анахронизмами, отражает ассиро-вавилонское вторжение в древний Иран (см. комментарий Ф.А. Розенберга к Фирдоуси. Книга царей. Шах-наме, 1934, с. 43). И вот, этого ассиро-вавилонского завоевателя эпос связывает с «дивами»: «див» приучил его к людоедству — к использованию человеческого мозга, «дивы» оказываются в составе его войска, когда он ведет войну с законным наследником Джемшида-Феридуном (Фирдоуси. Книга царей. Шах-намэ, 1934, с. 50 – 51).

Как видим, индийское происхождение имеет только термин «див», тогда как, согласно эпосу, Йима вступает в борьбу с этими

существами лишь вторгшись на территорию Ирана и здесь загоняет их в горы. В иранском же эпосе, хотя и воспринявшем термин «див», эти существа ассоциируются с Ассиро-Вавилонией. Правда, пехлевийский эпос не приписывает их появление в Иране вторжению царя Зохака, — задолго до того борьба с «дивами» происходит при первом правителе Кеюмарсе, его сыне Сиямеке (которого «див» в единоборстве разорвал надвое, изорвав когтями все его внутренности), Хушенге и Тахмурсе. Все же мы можем сделать негативный вывод: литературная преемственность: Веды — Зенд-Авеста — пехлевийский вариант Авесты — Шахнамэ — не может служить доказательством того, что и «дивы» переместились из Индии в Иран.

Но бесспорно, что эти звенья литературно-исторической цепи отражают постепенную утрату «дивами»реалистических черт в приобретение ими черт духов, черт Ахримана и его воинства. В Авесте у них нет почти ничего сверхъестественного: это — существа из плоти и крови, такие же, как люди, но все тело у них покрыто шерстью, лица у них страшные, звероподобные, не зная оружия, они сражаются руками, опасны не своей магической силой, а физической силой. В пехлевийском варианте Авесты они наделены несколько более фантастическими чертами, чем в индийском, а в мусульманской фольклоре окончательно превращены в злых духов, хотя и смертных. Но все же у «дивов» всегда оставались некоторые реалистические свойства. Так, их местопребывание действительно локализировалось народной молвой преимущественно в горах Мазандерана. Эта область, говорит Ф.А. Розенберг, «всегда считалась загадочной, ахриманской, где див и пери (женский коррелат дивов, считавшихся мужского пола, сочетание «див и пери», постоянно встречается в персидской поэзии) не скрываясь даже после появления Зороастра, ходили по лицу земли» (Ibidem, с. 150).

Остановимся на одной весьма любопытной черте, приписываемой иранским эпосом «дивам»: они используются в войсках в качестве своего рода дрессированных боевых животных. Низами сравнивает такое использование «дива» с ролью боевого слона. Фирдоуси не только рассказывает о том, что царь Зохак приказал правителям областей (мобадам) «и дивов прибавить к войскам, и пери» (Ibidem, с. 50-51), но сообщает и другой эпизод: царь Кеюмарс, отправляя против «дивов» великую рать во главе с внуком Хушенгом, указывает ему включить в нее «дружины из птиц, и зверей, и пери», т.е. наряду с дрессированными тиграми, львами, леопардами, очевидно, и какими-то боевыми хищными птицами, в войска были введены и самки «дикого человека», по-

следних поэма трактует как зверей, наряду с другими («опешили дивы при виде зверья») (Ibidem, с. 40). Пусть не удивляет нас использование в боевых целях самок: Низами, характеризуя боевые свойства «дивов», отмечал пригодность и самцов и самок — («и самец или самка, коль тронутся к бою, — судный день протрубит громогласной трубою») (Низами Ганджеви. Искандер-намэ. Баку, 1953, с. 391 – 395). Однако Ф.А. Розенберг отмечает, что в некоторых текстах термин «пери» означает и существа мужского пола (Фирдоуси. Книга царей. Шах-намэ, 1934, с. 144).

Многочисленные реалистические черты и ситуации характеризуют «дивов» и в армянском эпосе «Давид Сасунский», сложившемся в X в. Например, «дивов», загоняют в одну деревню вместе с другими дикими зверями.

Остановимся на одном эпизоде из поэмы «Искандер-намэ» азербайджанского автора XII в. — Низами. Этот эпизод полон анахронизмов, датировать и локализовать его очень трудно. Речь идет о походе «румов», т.е. византийцев, во главе с легендарным вождем Искандером, против «русов», т.е. русских. Комментаторы относят место этого столкновения на Кавказ, может быть в Абхазию. Нам этот эпизод интересен тем, что использование «дива» в войске в роли «боевого слона», устрашающего противника, здесь уже выступает как нечто совершенно редкостное: войско «румов» ничего не ведает об этом, а уловка применена «русами». Последние выводят в поле боя волосатого «дива», привязанного за ногу на длинной цепи и снабженного железной дубиной с крючками. Этот боевой дрессированный «див» производит опустошения в румском войске, отрывая воинам головы, ноги, ломая им бока; разумеется, литературный жанр требует при этом всяческих преувеличений его силы. Повелитель «румов» созывает своих мудрецов, и только один из них может объяснить ему природу этого чудовища. Дальнейший сюжет таков: на следующий день с «дивом» пытается сразиться прекрасная Нистандаржихан, выезжающая под забралом в мужском платье, но «див» одолевает ее и относит в лагерь к обрадованным «русам»; позже повелитель «румов» захватывает этого свирепого «дива» с помощью аркана, заключает его в темницу, но однажды демонстрирует на пиру смирившегося «дива» и освобождает его от цепей, «див» убегает из шатра, но не в степь, как думают одни, не от опьянения, как предполагают другие, а для того, чтобы, напав на стан «русов», принести обратно пленную Нистандаржихан.

В этом литературном произведении удивляет не сказочность, не обилие гипербол, а то, что в «диве» мало сверхъестественного. Он описывается, как диковинный зверь, а не как дух или

бес. Он «груб и крепок», «его жесткая кожа похожа на кору дерева», он покрыт лишь косматой шерстью, не имея никакой одежды, он свиреп и зол. Пусть его неуязвимость для стрел и мечей является гиперболой, как и его победа в столкновении с боевым слоном «румов», но ведь в конце концов Искандер накидывает на него обыкновенный аркан, сдавливает ему шею петлей и волочит павшего «захрипевшего» «дива». Он сидит в тюрьме на цепи, где его тело «обессилело», он стал «понурым, унылым». Для нас весьма интересно, что подчеркивается его «бессловесность», он определяется как «человек, лишенный речи». Он не знает никакого оружия, кроме той железной дубины, которую вложили ему в руки «русы», а когда он нападает на их собственный стан, на них просто посыпался «град камней». Его называют «степное чудовище». Но Искандер приручил его, давал ему из своих рук есть и пить вино.

Весьма любопытно описание совета мудрецов в стане «румов». Они размышляют вместе с Искандером: «Не зверь он... А кто же? С человеком обычным не схож он ведь тоже», «Это дикий, из мест, чья безвестна природа. Хоть с людьми он и схож, но не людского он рода». Как видим, загадка состояла в том, животное это или человек. О его сверхъестественной природе нет и речи. И вот, наконец, один из членов тайного царского совета, «изучивший всю эту страну», дает объяснение — надо сказать во вполне естественноисторическом духе. Двигаясь на север, мы найдем горы, где и живут эти подобные людям животные (упоминается, что в тех же краях водятся черные соболи). Никому не известно, где и когда они возникли. Интересны слова: «И не видели люди их трупов от века, да и все они — редкость для глаз человека». Они «краснолики», тело их сильно, как если бы было из железа, они свирепы, драчливы, причем, как мы уже отметили выше, этими боевыми качествами отличаются и самцы и самки. Далее мудрец рассказывает, что эти «дивы» предпочитают спать на ветвях деревьев, причем спят глубоко, бесчувственно, долго, — «неразумия свойство». «Русы» в поисках похищенных из стада овец подчас замечают это спящее в ветвях чудовище. Тогда втихомолку они собираются в большом числе, человек пятьдесят, обвязывают его накрепко тугой веревкой, затем накидывают на него железную цепь и стягивают его на землю. Если пробудившийся пленник сумеет разорвать цепь, он со страшным ревом набросится на пастухов и уничтожит каждого подвернувшегося. Но если цепь не оборвалась и все обошлось благополучно, — «до области Руса будет он доведен, и, прикованный, там станет хлеб добывать он своим вожакам: водят узника всюду, из окон жилища по-

даются вожатым и деньги, и пища». Какой неожиданный рассказ про древнюю Русь! Мудрец добавляет: когда мощные русы сбираются на войну, они ведут в бой и это злое животное, но все же не снимают с него цепь. Чтобы подчеркнуть всю важность этого подобия «боевого слона» для русского войска, Низами (Низами Гянджеви. Искандер-намэ. Баку, 1953, с. 391 – 407) прибегает к поэтической гиперболе: после того, как див был захвачен арканом и заключен в темницу — «воском тающим сделался Руса властитель, возвеличился Румского царства хранитель».

Стоит отметить, что этот самым «див» в разных местах как синонимами обозначается и другими терминами: ариман, джин, гуль. Но религиозно-мифологические термины и сказочные прикрасы выглядят здесь фольклорной и литературной оболочкой, окружающей знакомый нам реальный биологический образ.

Прервем на этом наш краткий экскурс в историю восточной литературы. Такие произведения, как «Давид Сасунокий» и «Искандер-наме» уже вывели нас из Ирана на Кавказ.

Мы подошли тем самым к одной из самых сложных страниц нашего географического обзора: к вопросу о наличии и на Кавказе описательных данных о якобы обитающих в Талышских горах и разных местах Главного Кавказского хребта реликтовых прямоходящих человекоподобных существах, в общем аналогичных «снежному человеку».

Навряд ли какая-либо другая страница эпопеи «снежного человека» вызывала такую бурю протестов и насмешек, как допущение возможностей его обитания на Кавказе. Весь Кавказ представляется исхоженным вдоль и поперек, обжитым, отлично описанным в зоологическом отношении. Как, однако, далеко от истины это мнение! На Кавказе много непосещаемых районов, почти недоступных людям горных склонов и речных ущелий. На Кавказе много нерешенных зоологических проблем, в том числе в отношении фауны млекопитающих: к примеру, проблема существования там пищухи, горностая, проблема распространения барса и т.д. В фауне Кавказа возможны еще серьезные открытия.

Однако допустима и другая постановка вопроса: может быть, на Кавказе мы имеем дело исключительно с народными преданиями о жившем здесь когда-то, но давно вымершем и исчезнувшем человекоподобном примате? Может быть, следы реальных черт этого животного уже настолько слились в народных легендах с вымыслами и фантазией, что биологу нет смысла фиксировать здесь описательный материал и пытаться отсеять крупицы реальности от огромной массы мифологии?

Как бы ни был, в конце концов, решен наукой этот вопрос хуже всего — начинать с неосведомленности. Надо посмотреть, какого же рода сведения, относящиеся к разным частям Кавказа, имеются сейчас в руках исследователя.

Начать следует с упоминания об опубликованных литературных данных. Видный исследователь вопроса, проф. А.А. Машковцев, пишет: «Обработка собранного нами литературного и опросного материала по Кавказу установила исключительно интересные данные, а именно, что еще в конце прошлого столетия, начиная с 1870 по 1899 г., а также позднее — в 1915–1936 гг. — в этнографической и краеведческой литературе по Кавказу было опубликовано около двадцати статей и две книги, в которых авторы дают очень яркое и совершенно реалистическое описание «диких волосатых лесных людей», которые, по утверждению как народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, кабардинцы, карачаевские татары и т.д.), так и народов Черноморского побережья Кавказа (черкесы, абхазцы, мингрелы, грузины, имеритины), до сих пор обитают в непроходимых дремучих лесах Кавказа» (Машковцев А.А. Дикий волосатый лесной человек Главного Кавказского хребта (рукопись), с.2.).

Еще в середине XIX в. глава английской экспедиции для разыскания погибших на Кавказе англичан Фрешфильд в своем отчете в Королевском географическом обществе сообщил, ссылаясь на авторитет русских официальных лиц, о существовании в лесах Абхазии, в долине р. Кодора, диких лесных людей (Альбов А.Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая Старина, 1893, в. III, с. 325 – 326). Предание гласило, что в старое время, когда абхазцы только что явились в страну, эти «абнаоэ» или «очо-кочи» (лесные люди) жили всюду по лесам Абхазии и пришельцам пришлось выдержать упорную борьбу с ними. Имеретины описывали «очо-кочи» как двуногого получеловека-полузверя, сплошь покрытого волосами (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XXVI, с. 40 – 41). Значительная часть этих рассказов записана и опубликована этнографами, и соответственно они преломлены сквозь призму этнографического мышления. Мы все же вернемся к ним ниже, однако сначала обратимся к работе автора-зоолога, хотя и не чуждого этнографическим интересам. Речь идет об уже упоминавшейся выше статье известного исследователя фауны млекопитающих Кавказа К.А. Сатунина, носящей название «Биабан-гули». Как натуралист, К.А. Сатунин сначала сообщает здесь о своем собственном полевом наблюдении, а затем уже об опросных данных, полученных от местных жителей.

ТАЛЫШ

Дело происходило в марте 1899 г. в самой южной части Ленкаранского уезда, в болотистых предгорьях Талышского хребта. Поздно вечером К.А. Сатунин пробирался верхом на лошади вместе с проводниками безлюдным лесом по почти непроходимой болотистой топи. Неожиданно лошади остановились перед небольшой прогалинкой, беспокойно перебирая ногами и прядая ушами. Пристально вглядевшись вперед, рассказывает К.А. Сатунин, он ясно увидел в сумерках темную фигуру, которая «с совершенно человеческими движениями» пересекла путь и, пройдя поляну, бесшумно скрылась в чаще. Надо напомнить, что К.А. Сатунин многочисленными трудами зарекомендовал себя как первоклассный наблюдатель. Его проводник Кахиани, продолжает он, взялся было за ружье, но снова закинул его за спину когда фигура скрылась. К.А. Сатунин анализирует свое настроение перед этим необъяснимым наблюдением, подчеркивая, что оно было самым прозаическим, «при таком трезвом настроении мыслей, трудно предположить галлюцинацию, да к тому же и лошади, и провожатые несомненно тоже что-то видели». Лишь по окончании пути, отдыхая в доме старшины селения, проводники К.А. Сатунина высказали свое мнение об обитающих в Талышских горах «диких людях». По мнению одного из них, дикие мужчины в настоящее время уже перевелись, а остались одни только дикие женщины, одна из которых и встретилась сегодня на пути, другой же приводил доказательства того, что и дикие мужчины по сей день здравствуют в Талыше. Однажды во время охоты вслед за пасшимися в лесу лошадьми к нему подошел очень высокий человек, тело, голова, руки были у него как у человека, но все тело покрыто шерстью, на пальцах длинные ногти, приблизившись к охотнику, он делал какие-то конвульсивные движения («давай передо мной плясать: напугать меня хотел»), затем закричал и убежал в лес. В другой раз такой же дикий человек якобы даже схватил охотника за шею и за ногу, но убежал, увидев приближающихся на крик людей. В третий раз охотник-рассказчик выстрелил из ружья в шедшего по его следу высокого мохнатого человека, согласно рассказу, получив заряд в тело, тот закричал, замахал руками, упал на землю, бился в конвульсиях, вскочил, опять упал, опять вскочил и в конце концов убежал, а наутро с пятью односельчанами охотник обнаружил в том месте много крови, долго шли по следу: «сперва пошел он на Арчевань, а с Арчевани повернул на Каладагну в камыши, из ка-

мышей мимо Мошхана пошел в горы, — три дня мы шли по сл
ду, наконец, бросили». Любопытна и концовка этой статьи К.А. Са
тунина. Старик хозяин во все время беседы молча курил и тольк
изредка кивал головой, на вопрос, видел ли и он это существо, он
ответил утвердительно и, наклонившись к гостю, пояснил: «его зо
вут биабан-гули» (Сатунин К.А. «Биабан-гули» // Природа и охота
М., 1899, кн. VII, с. 28–35).

В нашем распоряжении имеется запись одного рассказа о
событиях, имевших место примерно лет 60 тому назад, и, следо
вательно, служащая как бы прямым дополнением к одновремен
ным записям К.А. Сатунина. Это рассказ о «гулейбаны», который
якобы водится в горах Талыша в Азербайджане, услышанный ав
тором сообщения уже много лет тому назад от старика колхозни
ка Аллахверды Мирзаева. «Старик рассказывал, что в горах мно
гие встречали человекоподобное существо ростом больше са
мого большого человека, обросшее шерстью. Местные жители
называли его «гулейбаны». Старик Аллахверды рассказывал, что
он по ночам в горах издавал громовый рев, мало похожий на че
ловеческий крик... Один охотник, который много раз встречал
ся с ним в лесу, но из-за разных религиозных предрассудков не
стрелял в него раньше, однажды решился и с близкого расстоя
ния выстрелил в гулейбаны. Тот, издав громовый крик, скрылся
в лес. Охотник, придя в село, рассказал о своем выстреле в гу
лейбаны. Заинтересованные рассказом охотники-крестьяне при
шли в горы, куда их привел охотник, в том месте, где гулейбаны
был подстрелен, обнаружили кровь и пошли по кровавому сле
ду. Зверь перешел через реку и упал. Крестьяне действительно
нашли мертвое, большого роста, очень похожее на человека су
щество, густо обросшее шерстью, с длинными руками...» (ИМ, II,
№68). Имеются и более современные рассказы некоторых жите
лей селений, расположенных вблизи Талышских гор, о нападе
ниях на них таких «гулейбаны», скрывающихся в топких болотах.
Что касается термина «гулейбаны», то он записан и в употребле
нии азербайджанцев, проживающих далеко от Талышских гор, в
других районах Азербайджанской ССР (например, г. Шамхор Ки
ровобадского района). Но что дело не сводится к названию и н
народным преданиям, об этом свидетельствуют современные
показания лиц, даже не знакомых с каким-либо названием.

Капитан Белалов, сотрудник Белоканского районного отде
ления милиции Азербайджанской ССР, сообщил о случае, про
изошедшем летом 1947 года с одним старшиной милиции, слу
жившим вместе с ним в Астаринском районном отделении ми

лиции Азербайджанской ССР, вблизи границы с Ираном. Звали этого старшину Рамазан. Все сотрудники указанного районного отделения милиции, говорит капитан Белалов, знали его как человека честного и дисциплинированного, и поэтому не было причин сомневаться в правдивости его рассказа. «Прежде чем старшина рассказал нам, что с ним случилось, у нас в райотделе милиции стало известно, что он ночью, возвращаясь с дежурства, подвергся какому-то странному нападению и теперь лежит дома больной, напуганный и поцарапанный. Через 10 дней старшина поправился, вышел на работу и сообщил нам следующее. Отстояв в наряде, он поздно вечером возвращался домой. Ярко светила луна. Старшина был вооружен пистолетом и спокойно шел в свое селение, что недалеко от Астары. Случаев нападения хулиганов или грабителей в окрестностях этого селения давно уже не наблюдалось. Перед селением течет небольшая речушка, через которую перебросили мостик, а рядом растет несколько деревьев. Как только старшина перешел мостик, из-под одного дерева выпрыгнуло громадное лохматое существо, обхватило старшину своими руками, сильно сжало, понесло к дереву и там бросило. Возле дерева находилось второе подобное существо. Оба они издавали какие-то странные нечленораздельные звуки и с любопытством начали разглядывать и ощупывать старшину, причем особое внимание привлекли блестящие пуговицы на милицейском кителе, и лицо старшины. Старшина был настолько испуган, что даже забыл о наличии оружия, но все же сознания не потерял. Он видел перед собой, как он говорит, двух огромных диких людей, без одежды, покрытых густым волосом темного цвета. Это были мужчина и женщина. Женщина была немного меньше мужчины. У нее были длинные сильно свисающие груди и длинные волосы на голове. На лицах обоих существ волос не было, но лица были очень страшные, кожа на них была темная, и они были похожи на лица обезьян. Старшина уверял нас в том, что он видел все эти детали, т.к. луна светила ярко и даже под деревом была хорошая видимость. Оба существа просидели возле лежавшего под деревом старшины всю ночь. Как только старшина начинал шевелиться, самец угрожающе рычал и набрасывался на старшину; при этом он поцарапал ему лицо. Старшина был очень напуган, но ему хорошо запомнилась следующая подробность в конце этой страшной ночи. Как только самка начинала трогать старшину, самец принимался рычать на самку и оттаскивал ее, проявляя тем самым что-то похожее на ревность. Когда же самец набрасывался на старшину, самка начинала рычать и отталкива-

ла его от лежащего, как бы заступаясь за последнего. Один раз они даже подрались между собой. Как только начался рассвет, оба человекообразные существа быстро ушли в пес, а старшина, пролежав еще несколько минут, побежал домой. Только дома он пришел в себя и вспомнил, что при нем все время находился пистолет и что на месте происшествия осталась лежать его фуражка. Утром он послал за фуражкой детей и они принесли ее. Пробыв дома 10 дней и оправившись от испуга, старшина вышел на работу, где и рассказал нам эту историю. Рассказывал очень обстоятельно и чувствовалось, что все это он действительно пережил».

Капитан Белалов одновременно сообщил, что ему неоднократно приходилось слышать в горных районах Азербайджана о случайных встречах жителей с человекообразными существами, напоминающими не то больших обезьян, не то каких-то диких людей. (Сообщение капитана Белалова от 4 июня 1960 года, записано Ю.И. Мережинским. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

В 1961 г. в районе Талышских гор на большом пространстве собраны сотни записей рассказов населения об обитающих в этих местах, по их словам, диких волосатых людях: «гулейбаны» (самцы) и «вильможин» (самки). Древний обычай якобы запрещает местным охотникам убивать их. Утверждают, что к осени эти существа появляются и вблизи селений — на бахчах, в садах. Летом они придерживаются речек, изобилующих рыбой, лягушками, крабами. Ряд охотников описывает их следы зимой на снегу. Все информаторы подчеркивают, что рост «гулейбаны» выше человеческого, что ходят эти существа на двух ногах, имеют густые бурые или желтоватые волосы на всем теле, длинные волосы — на голове, весьма длинные руки, при встрече оскаливают зубы. Группа советских зоологов обнаружила на звериной тропе в глухом лесу свежий след взрослой «вильможин» (самки) вместе со следом детеныша. Сделаны зарисовки этих следов (длина следа самки — 31 см). После долгого тропления ввиду приближения темноты пришлось прекратить дальнейшее продвижение в глубь леса по следу. (Сообщение от 3 октября 1961г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Инженер А.С. Ермолаев, в течение ряда лет бывавший в горах Талыша, собрал много сведений о верованиях и священных кумирнях племени татов. По словам местных азербайджанцев, таты иногда убивают в качестве жертвы «диких людей», водящихся в этих горах, местопребывание которых якобы известно татам, но держится ими в секрете. (Сообщение С.Г. Мюге от 24 марта 1962 г.)

СЕВЕРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН

В районах, примыкающих к Главному Кавказскому хребту, для обозначения человекоподобного волосатого существа обычно применяется другие названия: «вехши-адам» или «меша-адам»; встречается также и другой на первый взгляд несколько странный термин: «гиена» — «каптар» (или «кафтар»), — однако вспомним, что подобное существо в других географических областях определяют с помощью местного названия медведя, горного козла (киик), что служит как бы синонимом понятия «дикое животное».

Летом 1959 г. в Белоканском, Закатальском и Кахском районах Азербайджанской ССР среди горцев был собран некоторый предварительный опросный материал, характеризующий их представления об этом «диком человеке» Главного Кавказского хребта. Большая часть этих записей еще не опубликована. Но мы можем сделать краткий обзор тех, которые доложены и представлены Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», в том числе и сводку значительной части собранных опросных данных, составленную Ж.И. Кофман. (Опросный материал, собранный самоотверженным трудом врача Ж.И. Кофман, составляет главную массу приведенных ниже данных по Северному Азербайджану.) Прежде всего необходимо отметить разное отношение местных жителей к соответствующим рассказам. Многие не верят им, считая сказками. Другие, в том числе некоторые ответственные местные работники, думают, что эти существа представляют собою «одичавших» людей, т.е. покинувших человеческое общество в отдаленные или недавние времена, например, в период кавказских войн XIX в., во время революции, в последующие годы, в том числе скрывшихся в горах от родовой мести или судебных преследований. Что касается мусульманского духовенства, мулл, то они придают какую-то тайную мистическую связь этим человекоподобным существам со своим учением и всячески препятствуют сбору сведений о них. Заслуживает внимания замечание Ж.И. Кофман о том, что местное население в общем плохо знает окружающий животный мир, охотникам известны лишь те представители фауны, которые обладают промысловым интересом (медведь, кабан, тур, шакал, фазан), и, напротив, не представляющие промыслового интереса звери, как, например, енот-полоскун, хотя количество голов его в Белоканском и соседних районах достигает 4000, абсолютно неизвестны даже

лучшим охотникам. Охотники здесь мало знакомы с повадками и тех немногих зверей, которых они преследуют.

Серия из имеющихся сорока с лишним записей рассказов о встречах и наблюдениях «дикого человека» в указанных районах Азербайджанской ССР позволяет выделить количественно доминирующую группу сообщений, весьма напоминающих обычные в других географических областях описания «снежного человека». Основное отличие «меша-адама» или «каптара» от человека — это волосяной покров, иногда также более высокий рост. Приводим обобщающие выводы Ж.И. Кофман. Шерсть — гладкая, рыжего, коричневого или черного цвета, густая. О ее длине показания различны. Рост — в большинстве рассказов крупный, не менее 1,8 м, часто — больше, до 2 и даже 2,1 м. В большинстве случаев не отмечается существенных отличий от пропорций и строения человеческого тела, хотя часто указываются очень длинные пальцы кисти. В одном случае отмечены выдающиеся нижние клыки. Однако в некотором проценте записей выступают и иные признаки. Рост существа оказывается не выше человеческого, а наоборот, ниже. Изредка рассказчики указывают длинные руки, достигающие колен, сильную сутулость; отсутствие шеи так что голова уходит прямо в плечи; удлиненную яйцеобразную форму головы. Ж.И. Кофман произвела количественную группировку имевшейся в ее руках серии рассказов, показывающую, например, что за последние пять лет из тринадцати встреч семь произошли в горах, а шесть в лесах долины р. Алазани, в низине. Из серии в шестнадцать встреч за 1947–1950 гг. на весну падает четыре, на лето и начало осени — десять, на позднюю осень и зиму — две. Из той же серии на ночное время приходится семь встреч, на вечер и утро по три, на дневное время ни одной, остальные три встречи не уточнены. В девяти случаях из шестнадцати «лесной человек» сам, хоть и с осторожностью, подошел к очевидцу, в том числе в трех случаях приблизился к костру; в семи случаях, напротив, «лесной человек» был обнаружен очевидцем совершенно неожиданно для последнего. Ни в одном случае не отмечено нападения «меша-адама» на человека или даже его особенно панического бегства при встрече, так что испуг, пожалуй, больше испытывал человек. Из указанной серии встреченных «меша-адам» шесть были безусловно самцами, двое — самками (легко отличимыми по длинным грудям, якобы даже забрасываемым за плечо), в остальных случаях половая принадлежность не уточнена при записи. (Предварительный отчет Ж.И. Кофман, Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Приведем на выборку несколько конкретных штрихов из отдельных записей. Наврус Кулиев, 35 лет, описывает виденного им в ночное время «человека», покрытого рыжей шерстью длиной в 5 – 6 см, он стоял на полусогнутых ногах и весь выглядел полусогнутым, так что, по мнению рассказчика, выпрямившись он должен был иметь очень большой рост. «Сутулый, грудь широкая, очень широкие плечи, руки мощные, мускулистые, длиннее чем у человека. Кисть руки и похожа и не похожа на человеческую, более крупная, на тыльной стороне кисти немного волос. Лицо как у калмыка или у обезьяны, но больше похоже на калмыка. Лицо крупное, мордастое. Зубы крупные, рот в два раза больше чем у человека». Рассказчик относит это наблюдение к 1952 г., когда он жил в г. Шамхоре. Когда наутро он рассказал о виденном существе своей матери, последняя сказала, «что эти звери называются у нас гулейбани».

Раджаб Нурмамедов, колхозник, рассказывает, что в апреле 1959 г. отправившись утром за дровами в горы, увидел метрах в сорока вверх по склону существо, которое сначала принял за медведя, пока не разглядел, что оно стоит прямо на двух ногах, что голова его покрыта длинными густыми волосами; будучи окликнут, повернулся и медленно ушел в лес на двух ногах. Гамсат Хисиев, колхозник, рассказывает, что летом 1955 или 1956 г. он видел в лесу на расстоянии 25 м человекообразное существо, на котором не было одежды, а весь он был покрыт темно-серой шерстью. Очень длинные волосы свешивались с головы на грудь. Фигурой похож на человека, но мало развитого, худого. Тыльная сторона кистей рук волосатая. На оклик этот «человек» медленно пошел в лес, а рассказчик следовал за ним на расстоянии 25 – 30 м. около километра; встретившуюся речку «человек» перешел вброд, с противоположного берега на короткое мгновение обернулся (тут рассказчик вторично увидел его лицо) и затем скрылся в лесу. Камал Алиев, пчеловод и охотник, рассказывает, что в сентябре 1957 г., заночевав у костра высоко в горах, он, проснувшись, при свете костра и луны в двух метрах от себя видел существо, имевшее фигуру человека, ростом около 1,8 м., хорошо развитого, без одежды, мужского пола, сплошь покрытого густой шерстью каштанового цвета; особенно длинные волосы были на голове, они свешивались на лицо, но на щеках волосы отсутствовали. Существо стояло совершенно неподвижно, прямо, свесив вдоль туловища руки и не проявляло враждебных намерений. Когда Алиев выстрелил из ружья, «дикий человек» неторопливо ушел в лес, — спиной он тоже походил на человека, волосы с головы спадали до лопаток и даже несколько ниже. Гейсар Бах-

шиев, 34 лет, каменщик, в марте 1959 г., подъехав к речке, увидел существо, похожее на человека, сначала стоявшее на четвереньках, затем упавшее на живот в воду, так что торчала одна голова, наконец вставшее в воде на ноги, вышедшее на противоположный берег и, подняв руки со скрюченными пальцами до уровня лица, очень сильно закричавшее («уши надо закрывать, когда кричит»). По описанию, он был около 2 м роста, худой, длинные пальцы и руки, весь покрыт коричневой шерстью, на голове волосы особенно длинные, темные. «Лицо как у человека, только губы сильно вытянуты вперед». «Как у обезьяны?» «Зачем как у обезьяны! я видел обезьяну. У обезьяны морда сильно вытянута вперед, как у собаки. А у этого меньше чем у обезьяны, но больше чем у человека. У него морда как бы середина между человеком и обезьяной».

Нажматык Гудулов, 49 лет, шофер, в 1955 г. на рассвете в лесу на расстоянии около 15 м, осветив электрическим фонарем, ясно рассмотрел человека без одежды, сплошь покрытого густой коричневой шерстью. Это ни в коем случае не был медведь, так как на двух ногах он ринулся сначала к одной обочине дороги, в колючие кусты, затем перебежал через дорогу к левой обочине и, наконец, все так же на двух ногах убежал в лес. Рассказчик видел его преимущественно со стороны спины и подчеркивает особенно длинные волосы на голове. Ширин Екабашов, 22 лет, колхозник, рассказывает, что всего за несколько дней до опроса, в октябре 1959 г., он ехал на подводе запряженной буйволами, справа на дорогу быстро выскочило на двух ногах существо, похожее на человека большого роста, остановившись в 3 – 4 м от подводы, а затем так же быстро, на двух ногах перебежало дорогу влево, существо было покрыто шерстью темного цвета в 5 – 6 см длиной, фигурой оно походило на человека. Израфид Азимов, 47 лет, чабан, рассказывает, что в марте 1959 г. в долине р. Алазани к его костру подошел греться «человек», покрытый волосами серо-коричневого цвета, не было волос только на ладонях рук, которые он протянул к огню. «Руки длинные. Лицом похож на обезьяну. Волосы на голове, как спутанная грива. Шея короткая, голова прямо уходит в плечи… Все думаю: как на обезьяну похож. Большую обезьяну, наверное 1,8 м. Сильный. Как рванулся — сразу вырвался из моих пальцев». Шамсатдин Софиев, 30 лет, чабан, в сентябре 1947 г. на р. Алазани на рассвете видел подошедшего «человека» без одежды, мужского пола, покрытого волосами каштанового цвета, и выстрелом отогнал его. Мусса Мустанаев, 75 лет, охранник, в 1955 или 1956 г. осенью утром в стороне от дороги, услышав откуда-то сверху свист, увидел стоящего на дере-

ве на двух суках «меша-адама». Эти примеры можно было бы еще долго продолжать, так как опросный материал довольно велик. Однако и приведенные образцы дают достаточное представление о характере сообщений. Многие из опрошенных подробно описывали крики «меша-адамов». Другие дали конкретные сведения об их следах. Так, согласно одному описанию, отпечатки стопы очень напоминали след босой человеческой стопы с той разницей, что большой палец отстоял в сторону, когда информатору было показано изображение «шиптоновского» снимка следа снежного человека, он исправил: большой палец, по его мнению, отстоит еще больше чем на рисунке; длина следа, по его словам, 35 см, хорошо видны отпечатки пяти пальцев и пятки, заметны отпечатки длинных ногтей, середина же стопы отпечаталась очень слабо и в этом месте след узкий; такие следы были прослежены на расстоянии 50 м. Другой информатор описывает след на снегу длиною в 25 – 30 см, причем передняя часть стопы шире человеческой, все пять пальцев параллельны, следов когтей не было. Информатор, опытный охотник, отлично знающий следы зверей, уверенный, что то не был след медведя, продел по этому свежему следу около двух километров, размах шага был небольшой — существо шло не спеша, но догнать его не удалось. Еще один информатор описывает след виденного им «волосатого человека», как подобие босой человеческой ноги, на которую нужен был бы ботинок примерно 45 размера.

Еще один рассказ. Исрафил Халилов, 67 лет, рабочий местпрома, летом 1945 г. заготавливал известь вместе с 18-летним Шамилем Алгаевым в районе Казбина, вблизи леса. «Вечером мы развели костер, варили мясо. Затем показался человек, обошел кучу камней недалеко от нас, и сел на камень в десяти метрах от костра и метрах в двух от Шамиля, который сидел поодаль. Вначале мы думали, что это человек, который пришел нас напугать и с этой целью надел шубу наизнанку. Потом мы увидели, что это не шуба, а шерсть, покрывающая все тело... Человек взял камень в правую руку величиной примерно с большой кулак (там много камней лежало) и стал бить им о камень, на котором сидел. Ударил он два-три раза, сильно, и камень разбился на мелкие куски... Он ничего не говорил. Мальчик кинул ему кусок хлеба, он не взял его и продолжал сидеть. Так мы сидели долго, час, может быть больше. Мы тихо переговаривались, а он сидел, смотрел по сторонам. Когда мы смотрели на него и заговаривали о ним, он что-то не то бормотал, не то рычал, и оскаливал зубы. Потом мы уже хотели спать, и не знали, что делать. Я сказал мальчику: «Дай ружье». Как только я взял ружье в руки, тот сразу убежал —

на двух ногах, как человек, а как он бежал дальше, на ногах или на четвереньках, мы не видели, только слышали производимый шум. Это был мужчина ростом немного выше человека, худой. Шерсть черного цвета, — так по крайней мере нам показалось в темноте, — прямая, не курчавая, длинная. Особенно длинные волосы на голове, они закрывают все лицо, поэтому лоб, брови, уши мы не видели. Взгляд как человеческий. Руки очень длинные. Кисти рук очень крупные. На тыльной стороне кисти и на первых фалангах — шерсть, остальная часть пальцев без шерсти. Ногти очень длинные — 4–5 сантиметров. Пальцев на ногах мы не разглядели». (Все приведенные примеры даны по записям Ж.И. Кофман, Ю.И. Мережинского и Ю.Л. Зерчанинова; Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

В Лагодехском заповеднике Грузинской ССР, граничащем с указанными районами Азербайджанской ССР, пастух Шарафудин Магомедов, 6 лет (уроженец сел. Камелюх, Дагестан), на верхней границе леса встретил, по его словам, осенью 1957 года обросшую шерстью женщину, которая при виде его издала сильный крик и убежала, при этом забросив груди на плечи. Он же рассказал, что в июне 1958 года наблюдал нечто подобное на краю лесной зоны на юго-восточном склоне горы Большой Моуров (на границе Закатальского заповедника Азербайджанской ССР). Разыскивая потерявшегося барана, он, по его словам, услышал сильный крик и, обернувшись, увидел человека, обросшего темной шерстью длиной примерно в три пальца. Рост «человека» — высокий; на лице — редкие волосы.

На то же самое место указывает рассказ пастуха Мало-Магома, 20 лет (уроженец сел. Камелюх), работающего в колхозе им. Ворошилова, Белоканского района Азербайджанской ССР. Согласно его рассказу, 13 августа 1959 г., на хребте Большой Моуров, где он пас баранов, примерно в 6 часов вечера (было еще совсем светло), он увидел, как из леса ущелья речки Аттар-Тали-чай, стекающей с восточного склона хребта Большой Моуров в сторону Закатальского заповедника, вышла женщина «каптар» и направилась в ту сторону, где он сидел. При выходе из леса «каптар» издала крик, похожий на плач ребенка. Когда, поднявшись на хребет, она увидела рассказчика, то издала сильный хриплый крик, не похожий на человеческий. Затем не торопясь она перешла хребет и стала медленно спускаться по западному склону в лес, в сторону ущелья Кара-Мехед. Спускаясь, «каптар» три раза оглядывалась, при этом откидывая волосы со лба. Расстояние от ущелья, откуда вышла «каптар», до ущелья, куда она спустилась, — 1,5 – 2 км. На всем пути она примяла высокую траву, и

эту тропу в траве видели 5 пастухов, позванных рассказчиком к месту происшествия, что подтверждено их заявлениями. Тропа, проложенная «каптар» в траве, поднималась и спускалась по линии наибольшей крутизны, чего, по словам пастухов, не сделал бы медведь или любое другое известное им животное. Мало-Магом утверждает, что совершенно не был испуган и поэтому хорошо рассмотрел «каптар», которая прошла от него на расстоянии 40 – 50 м. Согласно его описанию, «каптар» ростом выше среднего мужчины. Все тело покрыто волосами темно-коричневого цвета длиной около 3 см. На ладонях волос нет, а на тыльной стороне кисти волосы растут до середины пальцев. Руки длиннее, чем обычно у человека. Пальцы рук тоже длиннее обычных человеческих и были плотно сжаты между собой. Шла «каптар» выпрямившись, плечи не широкие. Волосы на голове длиннее, чем на теле. На лице около глаз волос совсем нет, на остальной части лица — небольшие волосы. Надбровья сильно выступают, глаза сидят глубоко. Губы тонкие. Рот широкий. Зубы не больше, чем у человека. Тело худое. Груди длинные. Ступни ног короче, чем у человека, но шире (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведенные записи относятся по преимуществу к 1959 г. Добавим к ним еще несколько, сделанных Ж.И. Кофман и другими лицами в летний экспедиционный сезон 1960 г.

Вот, например, краткая запись обстоятельной двухчасовой беседы проведенной врачом Ж. Кофман, врачом И. Кулиевой и зоотехником Ю. Ахадовым (последние двое — работники Райкома КП Азербайджана) в г. Нухе 13 октября 1960 г. с Джамал Гаджи Бала Оглы Лативовым, азербайджанцем, 32 лет, работником гидростанции. В марте 1959 г. Лативов, по его словам, пошел в лес за дровами в километрах 7 – 8 от пос. Киш. Он подходил к месту работы около 11–12 час. дня по негустому лесу, когда увидел, что со стороны гор, сверху, к нему спускается существо, похожее на человека, но все покрытое волосами. Оно уверенно шло прямо на Лативова и внезапно остановилось метрах в 10 только когда он, выхватив из-за пояса топор, вскрикнул: «Куда ты?!» Очень долго стояли они, смотря друг на друга, может быть, полчаса. Потом волосатый человек вдруг повернулся и спокойно ушел в ту сторону, откуда пришел. «Одежды на нем не было. Стоял прямой, на двух ногах, как человек. Среднего роста, но очень широкая спина, широкая грудь и сильные мощные руки. Не сутулый. Руки такой же длины как у человека. Кисти и пальцы крупные. Ногти широкие, как у человека, но длиннее; они не сдавлены с боков и не загнуты, как когти медведя, а прямые, но широкие и длинные. Го-

лени и верхняя часть стопы покрыты густыми, длинными, на вид очень жесткими волосами, можно было рассмотреть только наружную лодыжку. Пальцы на ногах видны плохо, да и не обратил внимания, заметил только светлые ногти. Лицо было плохо видно из-за свешивающихся на него длинных спутанных волос. Я видел только глаза, отчасти нос и рот. Он смотрел на меня, как бык. Глаза небольшие, посаженные неглубоко. Рот как у человека, но губ я не видел. Лицо волосатое, а там, где просвечивает кожа, очень черное. Из-под волос торчали уши, они тоже были черные. Зубы ровные и белые, не крупнее чем у человека, — я их очень хорошо видел во второй раз, когда сидел на дереве (см. ниже). Шерсть очень густая, но трудно сказать, какой длины, — по-моему, сантиметров 8. Шерсть не вьется. Мне показалось, что на груди больше волос, чем на спине. На ягодицах же волосы были короче и значительно реже и просвечивала темная кожа (!). На пояснице очень густые и длинные волосы, они частично прикрывали верхние части ягодиц. Волосы на плечах и в верхней части туловища настолько густые, что нельзя было определить, где кончаются волосы, свешивающиеся с головы. Шеи не было видно совсем. Судя по отсутствию грудей и мощному телосложению, думаю, что это был мужчина, но живот и низ живота были покрыты густой шерстью».

На этом приключения Лативова не закончились. Несмотря на испуг, он решил начать работать, чтобы не потерять день; ведь в полутора километрах на дороге ждала запряженная лошадь. Решил, что во второй раз волосатое существо не придет. Но едва срубил одно дерево, как существо опять появилось оттуда же, как и в первый раз. На этот раз оно надвигалось быстро, и Лативов, опасаясь нападения, засунул топор за пояс, отбежал в сторону и влез на дерево 3 – 4 м высотой. «Волосатый человек подошел к дереву и стоял там на одном месте, наверное, около двух часов, — у меня онемели руки держаться за ветви. Время от времени он закидывал голову и смотрел на меня. Иногда он резким движением складывал кисти, просовывая пальцы друг в друга, и сложенные таким образом кисти забрасывал себе на голову, причем волосы ерошились еще больше. При этом он оскаливал зубы, но ни разу не издал ни единого звука. У меня было такое впечатление, что первый раз он был спокоен, а во второй раз — нервничал, по-моему, он что-то хотел от меня. Потом он повернулся и ушел, на этот раз в сторону обрыва, к речке. Кстати, когда, во второй раз, он приближался к тому дереву, на котором я сидел, то на крутом спуске схватился правой рукой за осину, толщиной в человеческую руку, очевидно, чтобы удержаться, но при этом дерево вырвал с корнями и тут же бросил. Никогда раньше я не слы-

хал о таком существе и не знаю, что это такое и как это называется. Если бы не шерсть и длинные ногти, можно было бы сказать, что это точно человек».

Лативов нашел в себе упорство, спустившись с дерева, заготовить дрова, положить их на повозку и привезти домой. Но там ему стало плохо, он проболел 22 дня, из них 10 дней был в тяжелом состоянии. Рассказал родным о происшествии только по выздоровлении. Пять охотников ходили осматривать местность, но ничего не нашли.

Рамазан Наурудов, 48 лет, азербайджанец, пос. Поштбина, колхозник, рассказал, что в 1951 г., работая сторожем на складе орехов, он как-то рано утром, в сентябре, услышал плеск в речке и, решив подойти проверить, увидел стоявшую в речке женщину, всю покрытую черной шерстью. На голове волосы были очень длинные. Груди спускались до низа живота. Будучи вооружен мелкокалиберной винтовкой, Наурудов решил убить волосатую женщину и стал подкрадываться. Но стоило хрустнуть ветке под его ногой, как волосатая женщина стремительно убежала в кусты; бежала на двух ногах, как человек. Мустафа Мустафаев, 50 лет, пос. Казма, бригадир колхоза им. Ленина, по его словам, в сентябре 1954 г. в местности Джин-Джар-Тала, проезжая верхом по опушке леса, увидел существо, похожее на человека. «Он шел на двух ногах, не спеша, по полю, по направлению к лесу, наперерез мне, на расстоянии примерно 70 – 80 м. Рост высокий, выше человека. Весь покрыт волосами, как медведь. На голове — длинные черные волосы, спускающиеся на грудь. Когда я заметил его, я испугался, остановил лошадь. Он тоже увидел меня, но продолжал таким же шагом двигаться к лесу. Пересек мне дорогу. Углубившись в лес на 20 – 30 м, закричал очень громким, сильным, страшным голосом. Кричал два-три раза, крик протяжный». Несколько дней спустя, недалеко от предыдущего места вечером Мустафаев метрах в 80 вновь увидел такое же существо, шедшее на двух ногах, не спеша. Он был весь покрыт рыжими волосами. На этот раз он не кричал. И, наконец, в декабре того же года в другом месте того же района, опять-таки к вечеру Мустафаев снова увидел такого же «лесного человека», «заметив меня, он снова закричал тем же очень страшным криком. — кричал два-три раза». По словам Мустафаева, в Тугой-Чох эти существа жили последние 3 или 4 года, судя по тому, что каждую ночь люди слышали их крики. В 1954 г., по его словам, четыре женщины видели «меша-адама» в Пастех-Булаке (где и рассказчик во второй раз). По его же словам, бесстрашная женщина Санам Мамедова, работающая охранником, видела такое существо дважды. Зимой криков «меша-ада-

ма» в лесу не слышно, куда они уходят — неизвестно. Интересны слова, которыми Мустафаев закончил беседу: «Вот жалко, что я не знал, что науке нужен такой меша-адам. Эх, как жалко! Я ведь мог поймать его тогда. Правда, первый раз я испугался, ни за что не подошел бы близко. Потом узнал, что люди его часто видят и он никого не обижает. У меня лошадь была, аркан. Но я не знал, что это нужно науке. Думал — давно знают».

Вот еще одно в известном смысле схожее сообщение. Халил Халилов, 35 лет, азербайджанец, лесник, известен в своем селе Баш-Кюнгот как очень опытный и храбрый охотник. В мае 1954 г. он около двух часов ночи возвращался вдвоем с тещей из Нухи в Ашал-Калдэк по Варташонской дороге, гоня перед собой ишака. Ночь была довольно темной и лишь в 20 – 25 м путники заметили медленно шедшего навстречу человека. Поравнявшись с ишаком, последний вдруг кинулся к обочине дороги и исчез. Рассказчик тоже подошел к обочине и здесь увидел его. «Он сидел скрючившись, закрывши грудь руками, прислонившись боком к куче белого песка, приготовленного для ремонта дороги. Он прямо втиснулся в песок и молчал». Поскольку на вопросы и окрики не последовало никакого ответа, рассказчик, движимый скорее испугом, чем храбростью, стал бросать в сидевшего камни. При каждом попадании тот лишь глухо, негромко стонал, прикрывая грудь руками и подбирая ноги. Потом, говорит Халилов, он медленно переполз на четвереньках через канаву, и на той стороне под кустом сел на корточки. Побуждаемый тещей, рассказчик поспешил вслед за ишаком, он не разглядел подробностей тела и лица этого существа. Он видел только, что одежды на сидевшем не было, так как видел его длинную темную шерсть. Он рассказал об этом случае своему начальнику и другим людям. Но, как и предыдущий, он с сожалением говорил Ж.И. Кофман: «Я ведь не знал, что ты приедешь и будешь об этом расспрашивать, не знал, что это пригодится. Это очень жалко! У меня ведь была такая возможность хорошо его разглядеть, но я не стая, потому что не думал, что это интересно. Если бы я знал, я бы его живым схватил. Когда он лежал на куче песка, мне ничего не стоило бы упасть на него и скрутить. Но всего этого я не знал». Необычные обстоятельства этой встречи можно было бы объяснить только тем, что данный «меша-адам» был больной или раненый. Ж.И. Кофман дополняет эту свою запись от 3 октября 1960 г. тем, что Халилову были показаны изображения человекообразных обезьян, между которыми и позой виденного им существа он отмечает некоторое сходство, однако добавляет: «Но общий фасон у него больше как у человека, чем как у этих маймунов».

Абдурахман Мехтиев, 42 лет, азербайджанец, служащий из города Закаталы передает рассказ своего покойного земляка Хаджи Мамеда Курбанова. Лет 15 назад, работая охранником в Липанны, на табачном поле среди лесов, как-то поздней осенью ночью он сидел у костра. Со стороны леса раздался крик, затем из темноты вышел волосатый человек, подошел к костру и сел поблизости. Весь он был покрыт длинной рыжей шерстью. Курбанов со страха кричал на волосатого человека «уходи! пошел!», но тот не трогался с места, сидел и смотрел на него. Тогда Курбанов выхватил из костра горящую ветку и замахал ею, — тут «меша-адам» исчез так быстро, что Курбанов не успел даже заметить, как он отскочил. «Свояк умер через несколько месяцев. Я так думаю, что главную роль в его смерти сыграла эта плохая встреча, хотя врачи и говорили, что умер он от туберкулеза».

Вот сообщения Шамсуддина Штаева, 45 лет, азербайджанца, колхозника, из селения Пуштатала. Это было лет 5 – 6 назад, в июле, днем. Несколько человек, проезжая на арбах вдоль речки Улган, увидели на расстоянии 40 – 50 м среди пасшегося стада коров и буйволов существо, совсем похожее на человека, но только без одежды и покрытое длинной рыжей шерстью, схожей с шерстью буйвола; на голове обильные волосы — как папаха, ростом со среднего человека. Проезжавшие увидели его со спины, не спеша уходившим в сторону леса, услышав возглас, «меша-адам» на несколько секунд обернулся к ним лицом, а затем продолжал идти и скрылся в лесу.

Снова и снова встречаются сцены купанья «меша-адама» в реке. Например, Мамед Наурузов, 27 лет, колхозник из пос. Поштбина рассказывают, что, в августе 1959 г., днем, находясь в лесу он услышал плеск в речке и подошел посмотреть: в воде на двух ногах стояло существо, ростом выше рассказчика, все покрытое черной гладкой шерстью длиной приблизительно до 15 см. На ногах шерсть была измазана илом. С головы свисали длинные черные волосы, из-за которых лба не видно совсем, а лицо видно плохо. Лицо, как у человека, только зубы несколько крупнее. Руки длинные. Ноги тонкие. Пальцы на руках тонкие и длинные. Ногти на руках очень длинные. Хвоста нет. «Нет, конечно, это был не медведь, совсем не похож на медведя». Голое человекоподобное существо, покрытое шерстью, зачерпывало руками воду и бросало на себя. Когда оно повернулось к рассказчику, он так испугался, что, схватив свой топор, побежал домой. По просьбе опрашивавших Ж.И. Кофман, проф. Н.И. Бурчак-Абрамовича, Ф. Ахундова, Ж. Ахундовой рассказчик повел их в лес к мес-

ту происшествия и без колебаний указал, где произошло собы-
тие (записано 2 августа 1960).

Вот другой рассказ, записанный там же, в пос. Поштбина в присутствии представителей местной общественности. Колхозник Осман Османов, 32 лет, сообщил, что в мае 1947 г., разыскивая своего буйвола, он собирался перейти через речку по толстому упавшему дереву и уже ступил на него, когда увидел, что посреди дерева над речкой лицом к нему сидит на корточках какое-то существо, совсем похожее на человека, но покрытое длинной черно-рыжей шерстью, схожей с шерстью буйвола; местами шерсть реже, местами — гуще; на голове черные не очень длинные волосы. Сидит на корточках, руки у него лежат на коленях. Пальцы на руках и на ногах длинные. Тыльная сторона пальцев до середины их покрыта волосами. Ногти длинные. Лицо как у человека, «но вместе с тем похоже на обезьянье». Худой, не высокий, даже маленький, — ростом примерно с восьмилетнего ребенка. Так рассказчик стоял несколько мгновений в 2 м от «каптара», потом тот вдруг прыгнул в воду с невероятной быстротой, подняв фонтан брызг, и исчез. «Сам я тоже, потеряв равновесие, упал со ствола в речку вслед за «каптаром». А был май месяц, вода была холодная, я сильно простудился и через этого каптара болел целый месяц».

А вот эпизод из числа приписывающих «каптару» катание на лошади и поэтому представляющихся особенно легендарными, напоминающими истории о домовых. Мы не можем их не фиксировать наряду с другими. Колхозник пос. Поштбина Ваал Алиев, 60 лет, утверждает, что однажды много лет назад («еще до коллективизации»), когда он еще работал на хозяина, он по приказу хозяина поймал одного «каптара». Последний сильно докучал одной кобыле, гонял ее каждую ночь, она совсем ослабела, и было решено его проучить. Алиев смазал гудроном широкий брезент, крепко привязал к спине лошади и пустил ее пастись ночью. Первые две ночи ничего не было, а после третьей, когда рассказчик рано утром подошел к кобыле, на ней сидел верхом прилипший «каптар». Это оказалась самка. По словам рассказчика, она совсем похожа на человека, только все тело ее было покрыто рыже-каштановой шерстью, а груди достигали до низа живота. На руках пальцы и ногти длинные. Лицо, зубы как у человека, уши как будто несколько удлинены кверху. Самка «каптар» ничего не говорила, только быстро шевелила губами, как бы смеялась (оскаливала зубы) и сильно, быстро-быстро махала руками, пытаясь, как кошка, поцарапать пальцами. Сняли ее с лошади вместе с

брезентом, потом отдирали брезент. Держали ее часа 2 – 3, потом отпустили. Больше она уже не мучила лошадь.

В качестве заключения к этой группе записей 1960 г. приведем рассуждение бригадира из колхоза имени Ленина пос. Калма, азербайджанца Дебира Мусаева, 50 лет. «Почему так поздно приехали искать каптара? Почему ваши ученые не занимались прежде? Раньше надо было искать, хотя бы лет десять тому назад. Раньше очень много было меша-адамов, они жили в лесу, в трех километрах отсюда, в месте, называемом Наджинджар-Тала. Когда мне было лет 16, у нас на хуторе мы часто слышали их крики; я пугался этих громких криков, а мать говорила: это ничего, это не страшно, это меша-адам кричит. Крик очень резкий, сильный, слышный за 500 м., немного напоминающий человеческий голос. Они перекликались между собой. Там место для них было очень хорошее: густой лес, а посредине речка протекает. Наш народ не обращал на них внимания — пускай живут, ведь они не вредные. Их часто видели высоко на деревьях. У одного старика, Хизре Мамедова, жившего в отдалении от нас, дом стоял совсем в лесу, он часто жаловался мне: я боюсь прямо, они все время ходят возле моего дома. Потом развелось много охотников, ведь сейчас каждый человек — охотник. Меша-адамы ушли из этого места, попали в другие места, где, может быть, еды мало, где, может быть, они все умерли. А может быть они ушли в горы. В наших Алазанских лесах, конечно, много фруктов, но теперь и охотников много. Меша-адам — очень хитрый зверь, ведь его недаром называют «человеком»: он знает, как себя охранить. Ведь и звери разные бывают. В любое время я покажу вам в лесу медведя, кабана, зайца, шакала. Но есть более хитрые звери, например, волк, которого нелегко увидеть — надо сперва по следам узнать, откуда ходит, куда, когда. А меша-адам конечно, умнее волка. Он очень редко показывается человеку и бегает очень быстро». (Записано 7 сентября 1960 г. Приведенная серия записей сезона 1960 г. сделана Ж.И. Кофман, в некоторых случаях с участием Н.М. Бурчак-Абрамовича и Ф. Ахундова.)

Кстати, отметим что, по мнению участников этой экспедиции 1960 г., местом зимовок «каптаров» («меша-адамов») могут служить как раз заболоченные леса поймы реки Алазани, где тепло, где много всякого мелкого зверья, рыбы и лягушек; охотники говорят, что в Алазнских дремучих пойменных лесах «каптары» строят себе из веток логова. Считается возможным искать их зимовки также к в лесах поймы р. Куры.

Не будем спешить делать выводы по поводу рассказов такого рода. Указанные районы Азербайджанской ССР вполне дос-

тупны и поэтому можно рассчитывать еще значительно расширить накопленный опросный материал, что откроет возможности его дальнейшего обобщения и статистического анализа, а тем самым приведет и к более бесспорным выводам.

Тем более мы принуждены пока обойти почти полным молчанием группу сведений и наблюдений, касающихся какого-то совсем особого явления, если только не особого цикла поверий. На довольно ограниченной территории Белоканского района Ж.И. Кофман и С.М. Мережинский собрали довольно обильные сведения о какой-то совершенно особой «разновидности» человекоподобного волосатого существа: это «белый каптар», т.е. «каптар» отличающийся светло-белой окраской волос. В упомянутом предварительном отчете Ж.И. Кофмак обобщению сведений о этом существе уделено немало внимания. Кроме необычной окраски, «белый каптар» отличается худобой, тонкими конечностями, пристрастием к водоемам и мелким речкам, обитанием вблизи человеческих жилищ, посещением огородов, садов, кукурузных полей, мест выпаса лошадей.

«Белому каптару» Белоканского района свидетели приписывают ряд таких странных свойств, что на первый взгляд напрашивается предположение о необходимости отнести его к категории локальных народных мифологических образов. На другой чашке весов: устное сообщение Ю.И. Мережинского о его личном наблюдении такого существа ночью вблизи Белокан 18 сентября 1959 г.; удивительная конкретность и даже, можно сказать, заманчивость многих биологических деталей в описаниях этих существ и их поведения, наличие 14 протоколов бесед со свидетелями, дающих основание для предварительных количественных выводов (например, подавляющее большинство встреч падает на август-сентябрь, почти все они произошли вечером или ночью, в половине случаев свидетели определяют половую принадлежность — пять самок и два самца).

Приведем, к примеру, лишь два таких рассказа.

Мамед Омарович Алибеков, 30 лет, плотник, селение Куллар имеющий репутацию лучшего охотника района, человека честного и смелого, рассказывает о своей встрече с «каптаром» в сентябре 1956 г. около двух часов ночи, когда он возвращался с охоты, быстро спускаясь с гор по направлению к Куллару. В километре от селения, перейдя по камням речку шириной в 2 – 3 метра и положив на берег ружье, чтобы напиться, он увидел под склоном противоположного берега человека, сидевшего скорчившись, прижав руку к груди и подбородку, в какой-то настороженной позе. Вглядевшись, рассказчик обнаружил, что человек

этот совершенно белый. Наконец, после окрика, он зашевелился и, не вставая, стал отползать с камня, на котором сидел. В ответ на более резкое движение рассказчика, «человек» этот резким движением привстал, вытянул вперед правую руку, и, опираясь ею о камень в воде, сильно наклонился в сторону охотника, дважды издав при этом какое-то быстрое негромкое шипение или свист: «тсс — тсс». «И тут, на расстоянии не более двух метров, в свете луны, я ясно увидел длинные белые волосы на вытянутой правой руке и спускающиеся с головы длинные гладкие волосы до плеч. Затем, существо таким же резким быстрым движением встало почти во весь рост, как человек, но сутулясь». Беспорядочно выстрелив в воздух, охотник прибежал домой и, разбудив брата Алибека, вместе с ним вернулся с фонарем на место происшествия. «Камень, на котором сидел каптар, был еще мокрый от воды. На берегу тоже была расплескана вода — вверх по течению, куда он, очевидно, убежал».

Уточняя свои впечатления, Алибеков подчеркнул, что он разглядел преимущественно лицо и правую руку «каптара». «Лицо показалось человеческим, не покрытым шерстью, но оно почти полностью было скрыто густыми серо-белыми волосами, свешивающимися с головы. Когда он наклонился вперед, его губы быстро-быстро шевелились, дергались, гримасничали. Рука длинная, худая. Когда он встал почти во весь рост, мне бросилось в глаза, что весь он длинный, худой, сутулый. Очень тонкие ноги. Рост — 1,60–1,70 м. Весь покрыт белыми волосами. Шеи почти нет или она скрыта волосами».

Два месяца спустя, в ноябре того же 1956 года, Алибеков вдвоем с братом вечером возвращался с охоты примерно теми же местами, всего на километр-полтора выше. Утром выпал первый снег. Неожиданно охотники обнаружили на снегу цепочку следов босой человеческой ноги, уходящих вверх, в горы. Каждый след был длиной около 27 см., но значительно уже человеческого. Хотя большинство отпечатков было присыпано свежим снегом, в некоторых местах снег был тоньше и мокрее и хорошо были видны отпечатки подушечек пальцев, как у человека, когтей не было. Предполагая, что это след такого же «каптара», какой был встречен в сентябре, охотники решили вернуться вверх по следу, который через 200 м. привел их к густым зарослям колючек и кустарников. Охотники сделали большой круг вокруг всего этого кустарникового массива: выходного следа нигде не было (записано в октябре 1959 г. Ж.И. Кофман и В.И. Мережинским).

Это сообщение Мамеда Алибекова во многих отношениях очень интересно. Алибеков поздно повторил его в разное вре-

мя с полной точностью Ж.И. Кофман, Н.И. Бурчак-Абрамовичу и мне. Я посетил его дом, в пос. Куллар в октябре 1960 г. Он произвел на меня впечатление честного и скромного человека. По моей просьбе он рассказал и изобразил жестами и мимикой все происшествие сначала у себя дома, затем в лесу, на том самом месте при переходе через речку, где дело происходило, точно указывая на камни, корни дерева и т.д. Я должен попутно поделиться результатами своих опросов местного населения о фауне этой речки: в течение летних и осенних месяцев здесь имеются черепахи, крабы и лягушки; кого-то из них, возможно, и высматривал присевший у воды «каптар», несколько выше в горах эта фауна в речке уже не встречается, и удивительным образом все сообщения о наблюдениях «каптара» относятся только к той части течения, где она встречается, а заканчиваются у самого края поселка. Интересно и то, что Мамед Алибеков — чуть ли не единственный информатор из местного населения, сделавший попытку карандашом на бумаге нарисовать как для Ж.И. Кофман, так и для Н.И. Бурчак-Абрамовича всю рассказанную сцену, в том числе «каптара» и в сидячем, и в стоячем положении. Изображения эти технически беспомощны, но оставляют неустранимое впечатление усилий передать реальный образ, а не фантазии. Мамед Алибеков свободен от мусульманских религиозных предрассудков и местных поверий, в распространенности которых он видит главную причину того, что о «каптаре» собрано еще так мало данных. Любопытно заявление, сделанное им Ж.И. Кофман 6 ноября 1960 г.: «Я всегда думал, что государство знает о каптаре. Ведь люди об этом открыто говорили: кто, когда видел; раньше об этом много было разговоров. Разве я мог подумать, что государство и наука о нем не знают. Я был уверен, что о каптаре все знают, как знают о медведе, кабане, туре и о других зверях. Я думал, что давно он уже есть в музеях, в зоопарках».

Заодно Мамед Алибеков вспомнил случай со своим двоюродным братом и лучшим товарищем Аббасом. Тот увидел в светлую лунную ночь высокого, худого, с длинными пальцами, покрытого длинной белой шерстью «каптара». Аббас подошел к нему близко, пытался что-то кричать ему, но тот молчал, не двигался, только быстро-быстро шевелил губами. Тут даже храбрый Аббас испугался и, схватив палку, швырнул в «каптара», который зашипел на него: «пш, пш, пш». Аббас ринулся за Мамедом, но, вернувшись, они уже ничего не нашли на месте.

Вторым примером явится сообщение Могматили Нурмагамбетовны Оглы Юнкурова, 24 лет, родом из того же селения Куллар (в настоящее время — рабочий шинного завода в Ленинграде). В дет-

стве, пишет он, он много слышал о том, что в близлежащих лесах и горах водятся «каптары» — похожие на обезьян, волосатые дикие люди, покрытые густой белой шерстью. Его бабушка Каримат Мустафа Кизи Юнкурова рассказывала ему, что сама несколько раз видела такое существо возле соседней деревни Поштбина. Возвратившись в Куллар в июне 1959 года после службы в армии, рассказчик услышал от бабушки, родственников и соседей, что, начиная с 1958 года летом, а именно, в июле и августе, «каптар» по ночам гоняет содержащуюся в обширном саду кобылу, принадлежащую бабушке рассказчика, кобылу находят утром усталой, вспотевшей, с хитро, запутанной и безобразно заплетенной на гриве косой. Рассказчик однажды попробовал привязать кобылу в саду на длинную цепь, однако к утру прикреплявшие цепь веревки оказались перегрызенными, кобыла снова была вспотевшей и голодной, а цепь нашли через несколько дней в другом конце участка. 12-го августа 1959 года рассказчик привязал лошадь вблизи дома и лег спать на веранде. Проснувшись от собачьего лая около двух часов ночи, он, по его словам, смог достаточно спокойно рассмотреть «каптара», который сидел на заборе, дрыгал ногами, отпугивая не решавшуюся подойти собаку, а руками держался за забор. Рассказчик утверждает, что существо это было похоже на человека, но его руки, ноги и грудь были покрыты густыми белыми волосами, а на голове были тоже белые длинные волосы. Более 10 минут рассказчик, по его словам, не шевелясь наблюдал это существо, пока, спугнутое зажженным соседями светом, оно не убежало, долго еще преследуемое лающей собакой. Рассказчик полагает, что это был тот самый «каптар», который гонял лошадь и теперь, не найдя ее в саду, отважился искать ее во дворе.

Тот же рассказчик, Юнкуров, сообщает, что летом 1953 года он с товарищем на пути в деревню Поштбина около 10 часов вечера увидели на расстоянии 40 – 50 метров, что в речке купались два «каптара» мужского я женского пола, оба покрытые белой шерстью. Они, якобы, мыли или чесали друг друга. Через день несколько человек пошли к тому же месту и снова видели этих двух мывшихся в речке «каптаров». «Каптары» не кричали, голоса их рассказчик никогда не слышал, как и вообще, утверждает он, он сообщил только то, что действительно видел, ничего не добавив и не изменив. (Письмо Юнкурова от 14 октября 1960 года Ю.И.Мережинскому.)

Остается добавить, что в октябре 1960 г. известный ленинградский географ А.В. Королев пригласил к себе на дом проживающего в Ленинграде М.Н. Юнкурова вместе с женой и произ-

вел дополнительный опрос. Приведенный выше рассказ был по-
вторен совершенно точно. В беседе Юнкуров поделился рядом
полезных сведений о природе и населенности своих родных
мест. О «каптарах» он высказал, между прочим, такое соображе-
ние: судя по всему, нюх у «капатаров» развит слабо, потому что
пока люди не зашумят, «каптары» их не замечают (Протокол, под-
писанный А.В. Королевым к Н.Н. Миронич. Архив Комиссии по
изучению вопроса о «снежном человеке»).

Кроме приведенных двух сообщений отметим еще 2 – 3 из
самых свежих записей 1960 г. По словам школьника Асадулла
Дебирова, 12 лет, в августе 1959 г. недалеко от речки Поштбина
в сумерки они с товарищем, проходя услышали в речке плеск и
странные звуки. Раздвинув кустарник, они увидели, что в воде
стоит человек, только весь покрытый белой шерстью, с длин-
ными сероватыми волосами на голове, спускавшимися на грудь.
Ростом он был с человека, ноги очень тонкие. Юноша Асад Шири-
нов, 17 лет, из пос. Шамбул, в январе 1960 г. в 7 ч. 50 м. утра вместе
с товарищем встретил приблизившегося по дороге на расстоя-
ние около 15 м «каптара». Хотя он шел на двух ногах, его отлича-
ло от человека то, что он был без одежды, весь белый; ростом он
был выше человека, руки длиннее, чем у человека, бедра толще,
голова крупная, пальцы длинные. Когда ему крикнули, он повер-
нулся и медленно ушел. Назмиат Мамедова, 32 лет, из пос. Ма-
гамалар, рассказывает, что в октябре 1953 г. она ехала с шофе-
ром в кабине грузовой машины, а муж — наверху, в кузове. Была
поздняя ночь. Продолжим далее ее словами. «На подъеме от реч-
ки Катех-Чай вдруг на дороге появился каптар: ростом с высоко-
го человека, весь покрыт белой длинной шерстью. На груди и на
плечах волосы длинные, на руках короче. Он стоял и прыгал на
месте, как бы танцевал, и сильно замахал руками. Пальцы очень
длинные. Шофер испугался, остановил машину. Мы видели кап-
тара хорошо, потому что фары сильно освещали его. Он стоял в
15 м. от нас. Это был мужчина. Так он постоял, танцуя на дороге,
несколько мгновений, потом побежал в кусты слева. При этом он
очень громко закричал. Люди говорят, что ты ищешь каптара. Как
же тебе не страшно! Я вот один раз видела и то на всю жизнь за-
помнила — уж очень он страшный». (Записи Ж.И. Кофман, одна
из них — с участием Н.И. Бурчак-Абрамовича и Ф. Ахундова.)

Если искать биологической интерпретации «белого кап-
тара», этого необычного отклонения от типичного материала о
«диком человеке», то остается, видимо, предположить какую-то
локальную группу мутантов-альбиносов, может быть всего 5 – 6
особей. Их альбиноидность, как обычно у альбиносов, может со-

провождаться и другими морфологическими и биологическими аномалиями. В пользу этой догадки может быть освидетельствуют некоторые параллели: Ю.Л. Зерчанинов записал одно сообщение о встрече совершенно белого экземпляра «каптара» на территории Дагестанской АССР, еще интереснее, что и среди памирских опросных материалов имеются неясные сведения о каком-то белом или бледном худощавом варианте «дикого человека». (См., напр.: Розенфельд А.З. Op. cit., с. 59.)

Словом, «белый каптар» еще более усложнил задачу той или иной оценки описательных данных о «диком волосатом человеке», собранных на территории Азербайджанской ССР. Говорят ли они в пользу существования отшнуровавшейся от основного ареала кавказской группы реликтового гоминоида? Или речь идет о чисто местных азербайджанских, допустим даже, общекавказских легендах, не имеющих прямой связи с вопросом о биологической природе «снежного человека»? Не будем спешить с ответом, но пойдем дальше раз избранным путем — применением сравнительного метода, сбором сопоставимых данных на других территориях.

Ценным дополнением к опросным данным в этом районе служат туристско-зоологические рекогносцировочные маршруты в этой районе летом 1960 и летом 1961 гг. группы в составе Е.К. Иорданишвили, Д.И. Сергеева, И.А. Васильева и Е.Г. Плачинова. Они тщательно обследовали некоторые глухие места Закатальского заповедника вблизи Главного Кавказского хребта. В 1960 г. поперек одной глухой тропы, где поблизости нет следов ни человека, ни лошади, найдены два отпечатка стопы, которые по ряду соображений могут быть приписаны «каптару», следы многократно сфотографированы, сделана тщательная оконтуровка. Выраженное плоскостопие, массивность первого пальца и некоторые другие признаки должны будут привлечь внимание при сравнении с другими следами «снежного человека». С медвежьим след не схож. Объездчику заповедника он по ряду соображений никак не может быть приписан. В том же году (в июле) в районе слияния рек Камса-Чай и Джахазу-Чай группой обнаружена в зарослях лежка, длиной 90–100 см., устланная сорванными с деревьев (а не травой!) ветками. С этой лежки хорошо просматривается долина Катеха. Лежка сфотографирована. В следующем экспедиционном сезоне, летом 1961 г. в другом месте Закатальского заповедника, менее безлюдном, на песке у берега речки, группой обнаружен и многократно сфотографирован глубокий след ноги человекоподобного существа, спрыгнувшего с камня. Первый палец на фотографии несколько короче второго,

выражено плоскостопие, стопа удлиненная, но можно подозревать, что, как и на калифорнийском слепке А. Сэндерсона, эта удлиненность объясняется особенной длиной пальцев, ибо, по-видимому, подушечка под фаланго-плюсными сочленениями расположена неестественно для человека далеко от концов пальцев; в таком случае собственно стопа оказывается очень широкой и относительно короткой. В трех местах группой собраны образцы кала, формой схожие с человеческим, но найденные в таких условиях, где присутствие человека практически исключается. Найдена лежка, на этот раз на довольно открытом склоне, устланная папоротником, безусловно не срезанным, а сорванным, лежка по ряду наблюдений — не человеческая, мешавшие кустарники и побеги явно обгрызены зубами; остается подозрение на кабана, которое, впрочем, не легко обосновать. (Сообщения и материалы, представленные в Комиссию во изучению вопроса о «снежном человеке».) Однако все эти предварительные данные могут служить только подготовкой для будущих полевых исследований.

ГРУЗИЯ

Выше мы уже упоминали о территориях пограничных между Азербайджанской ССР и Грузинской ССР. Здесь в самом деле нет какого-либо определенного природного рубежа и, скажем, склоны Главного Кавказского хребта, принадлежащие Закатальскому заповеднику АзССР, составляют единое ландшафтное и экологическое целое с примыкающими склонами, принадлежащими Лагодехскому заповеднику ГрузССР. В Лагодехском районе ГрузССР действительно, собран ряд сведений о «диком» или «лесном» человеке. Прежде чем привести их, отметим попутно, что на территории Кавказа исследователю проблемы «снежного человека» труднее чем где бы то ни было опираться на то или иное народное наименование этого существа: местные наименования его весьма многочисленны, а подчас даже в одном месте употребляются два-три разных названия. Так, по-азербайджански кроме отмеченных выше названий «меша-адам» и «каптар», употребляют также выражение «тюхли-адам» (волосатый человек), «кара-адам» (черный человек) и другие термины, в прилегающих районах Восточной Грузии чаще говорят «ткис-каци» (лесной человек), тогда как в Имеретии, Гурии, Мингрелии — «очо-пинтре»; «очо-кочи», и т.п.; а в Дагестане пользуются названиями «каптар», «руху-чужа» и многими другими. Коллекционирование этих названий отнюдь не обогатит биологическую науку, но знание их практически необходимо для работы на местах.

О «ткис-каци» в Кахетии пока собрано меньше конкретных сведений, чем в Северном Азербайджане о «меша-адаме» и «каптаре». Правда, малый процент здесь лиц мусульманского вероисповедания снимает одну из трудностей опросной работы по этому вопросу, но, кто знает, может быть, это же привело к более полному отстрелу здесь самого вида. Так, от нескольких лиц мы услышали, что знаменитый в Лагодехи охотник Габро Элиашвили рассказывал им не только о своих наблюдениях «диких людей» в условиях ночных охотничьих засидок (причем разные лица повторяли те же детали), но и лично застрелил два экземпляра, а сын его — один экземпляр, однако, когда я лично, в сопровождении Ж.И. Кофман, в октябре 1960 г. посетил дом Габро Элиашвили и расспрашивал его, он утверждал, что не только никогда не видел такого существа, но и в жизни не слышал о нем. Не связывает ли уста большое сходство данного существа с человеком и опасение юридической ответственности?

Но вот несколько записей. Порознь были опрошены Габриил Михайлович Апакидзе (грузин, 85 лет, селение Кавшири) и Николай Ясунович Капанадзе (грузин 47 лет, селение Грома). Оба рассказали, что лет пять назад, примерно, в сентябре жили вдвоем в Гургенианском лесу, заготавливая лесоматериалы; хижина их была расположена в 15 м от родника, который является единственным источником воды на большом пространстве в этих горах. Однажды рано на рассвете Н. Капанадзе, сидевший у порога у разложенного костра, увидел спускавшегося прямо к роднику человекоподобного зверя. Подойдя к роднику, последний опустился на колени, и, опираясь руками о землю, нагнулся к воде и стал пить; пил он очень долго, минут 15, время от времени поднимая голову и осматриваясь. Он не мог не заметить наблюдателя: спускался он, говорит Н. Капанадзе, лицом к хижине, кроме того он не мог не заметить горевшего костра, наконец, напившись и встав, он кинул взгляд через плечо на людей и лишь после этого снова стал подниматься вверх по склону, откуда пришел, и так же медленно, как спустился. Очевидно, жажда притупила в нем все другие инстинкты. Н. Капанадзе разбудил спавшего еще старика Г. Апакидзе, когда зверь уже пошел обратно, спрашивая, что это за существо, которое явно не было медведем. Старик прошептал: «Молчи, молчи, я знаю, что это». Хотя Г. Апакидзе видел уходящего только со спины, показания обоих наблюдателей, взятые вместе, рисуют совершенно законченный образ. Напомним, что оба рассматривали зверя на расстоянии 15 – 20 м.

Пришелец был совсем похож на человека, шел на двух ногах, но одежды на нем никакой не было, он был с головы до ног по-

крыт длинной шерстью темного, рыжего цвета. На голове свешивающиеся длинные волосы, «как у попа». На спине шерсти больше, на животе меньше. Лицо полузакрыто волосами, но, в общем, похоже на человеческое. Ростом выше человека. Немного сутулый. Полусогнутые руки выглядят длиннее, чем у человека. Пальцы на руках и ногти очень длинные. Шел он обычной человеческой походкой, но тяжеловатой, при этом по-звериному из подо лба посматривал туда и сюда, словно ожидая нападения; «так человек не ходит, так ходит медведь или волк». Потом наблюдатели ходили осматривать след: следы были хорошо видны, так как земля была сырая. След был совсем не похож на медвежий, вполне соответствовал человеческому следу. Однако размерами он был больше человеческого следа: длиннее, а у основания пальцев также значительно шире; пятка немного шире человеческой. Пальцы длиннее, чем у человека. На пальцах длинные ногти, оставившие кое-где на подъеме заметный отпечаток. Г. Апакидзе добавляет: «такие существа называются у нас ткис-каци, лесной человек. Я живу здесь около 20 лет и раньше много раз слыхал о том, что люди встречают их. Теперь — не слышу об этом». (Записано Ж.И. Кофман 10–11 ноября 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

О наблюдении вблизи с. Орджоникидзе Лагодехского района сообщил инженер Б.Ф. Лобжанидзе. Летом 1946 г. он вместе с братом и родственником-мальчиком косили траву в 3 – 4 км от селения и мальчик с криком указал им на находящегося на дереве человека, сначала осматривавшегося, держа ладонь козырьком над глазами, затем начавшего перебираться с ветки на ветку, причем с такой быстротой, что наблюдатели приняли его за обезьяну. Они подошли метров на 25 – 30 и тут-то перепугались: «это было что-то страшное — не обезьяна и не человек; он больше походил на человека огромного роста, но тело покрывала негустая шерсть, на голове были длинные волосы; наконец это существо повисло на ветке, впрыгнуло с высоты примерно 4 м и скрылось в кусты; дерево, на котором находилось это существо, стояло около дороги, — через несколько минут мы услышали шаги и разговор приближавшихся трех мужчин из соседней деревни». В селе кое-кто посмеялся над этим рассказом, кое-кто с сочувствием сказал, что и сам встречал такое же существо, а некоторые уверяли наблюдателей, что они видели самого дьявола. (Письмо Б.Ф. Лобжанидзе от 16 декабря 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».)

К тому же Лагодехскому району относятся два воспоминания Роберта Яралова (армянин, 27 лет, наблюдатель Лагодехско-

го заповедника). Один раз они вдвоем с товарищем около 6 часов вечера, подойдя к ручью за водой, увидели на расстоянии около 20 – 30 м «дикого человека», обросшего волосами, который бросил камень, упавший в воду, и спрятался за дерево. В том же году купавшиеся мальчики увидели «дикого человека», и прибежавшие на крик взрослые ясно разглядели убегавшего по дамбе волосатого человека без одежды. (Письмо Б.Ф. Лобжанидзе от 16 декабря 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».) Некоторые записи, сделанные в Лагодехи, воспроизводят широко распространенную версию о возможности приручить «дикого человека», в особенности самку, связывая это, однако, с соблюдением некоторых магических правил. Колхозник Константин Бегиашвили (грузин, 65 лет, Лагодехи) рассказал, что при жизни его отца была поймана голая дикая женщина («али»), якобы взгромоздившаяся в зимнюю вьюгу на круп его лошади. Согласно описаниям, оставленная в доме «али» говорить совсем не могла, но часто беззвучно смеялась. Она научилась выполнять простые поручения членов семьи, например, вынести кувшин и т.п. Она очень быстро бегала. Через некоторое время она покинула дом и исчезла (Ibidem.).

К более восточным районам относится воспоминание 70-летнего жителя г. Тбилиси А.Н. Сусанова о событии, свидетелем которого он был 60 лет тому назад. Его привели на храмовый праздник в Шавнабадский монастырь, на горе в 10 км от Тбилиси. После богослужения множество собравшихся богомольцев расположилось на поляне для угощения. Внезапно кто-то закричал: «ткис-каци»! Все обернулись и увидели, что, действительно, вдали показалось человекоподобное существо, без одежды, обросшее с ног до головы (включая и лицо) волосами. «Он производил впечатление медведя, ставшего на задние лапы. Медленными, неуверенными шагами он направлялся в нашу сторону. На некотором расстоянии от нас он остановился, не решаясь подойти, издав нечленораздельный звук, похожий на мычание. Когда один из любопытных направился в его сторону, он стал поспешно отходить и остановился поодаль». Как выяснилось из рассказа богомольцев, этот «лесной человек» был приучен в подобных случаях получить кое-что от трапезы. Вообще-то, как говорили, он живет в глухих лесах, ни с кем не общается, питается лесной растительностью и кореньями, а попадающееся мясо поедает в сыром виде. Но это отнюдь не какой-нибудь отшельник: существо это говорить по-человечески не может. А.Н. Сусанов пишет, что сценка поднесения еды этому «посланцу божьему» на всю жизнь запечатлелась в его памяти. Узел с пищей был выложен на поляне

на некотором расстоянии от «лесного человека», который медленно стал возвращаться. Подойдя к узлу, он два-три раза перевернул его ногой, а затем, подняв его, стал быстро удаляться с ним, издавая какие-то дикие звуки, и скрылся в ближайшем глубоком овраге. (Письмо А.Н. Сусанова от 30 октября 1960 г. в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке».)

ДАГЕСТАН

С Белоканским, Закатальским и Кахским районами Азербайджанской ССР по Большому Кавказскому хребту непосредственно граничит территория высокогорной части Дагестанской СОР. Перечислим некоторые важные наблюдения, сделанные на территории Дагестана.

Подполковник медицинской службы В.С. Карапетян сделал в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» сообщение, которое уже воспроизводилось на страницах широкой печати и привлекло к себе внимание зарубежной прессы. Тем более необходимо повторить его здесь в точном виде. В октябре-декабре 1941 г. отдельный стрелковый батальон, где В.С. Карапетян служил военврачом, был переброшен из Ленкорани в горный район Дагестана. Событие, о котором пойдет речь, относится к моменту, когда батальон находился в стороне высокогорья от г. Буйнакска, в холодную зимнюю пору, вблизи какого-то горного аула. Представители местных властей обратились к военврачу с просьбой осмотреть доставленного туда примерно за сутки ранее с гор выловленного в горах (не населением, а силами сотрудников органов власти) человека, в целях установить, не является ли он наряженным в шкуру диверсантом: дело происходило в первые месяцы Отечественной войны. В.С. Карапетян видел этого субъекта в холодном сарае, так как, по словам сотрудников, в обычной комнате он сильно потеет и не может находиться. За время пребывания в плену он не принимал никакой пищи и питья, ничего не просил, не говорил. «Человек», которого я увидел, — говорит В.С. Карапетян, — как сейчас стоит перед моими глазами. Перед нами стоял человек, мужского пола, голый, босой. Это был бесспорно человек, ибо все его формы были человеческие. Но на груди, спине и плечах его тело было покрыто пушистыми волосами темно-коричневого цвета (следует подчеркнуть, что все местные жители черноволосые); эта шерсть напоминала медвежью, длиной она была в 2 – 3 см. Ниже груди шерсть была более тонкая и нежная. Кисти рук — грубоватые, с редкими волосами, ладони и подошвы ног — без волос. Напротив, на голове волосы очень

длинные, до плеч, отчасти закрывавшие также и лоб, на ощупь волосы на голове оказались очень жесткими. Бороды и усов не было, на всем лице легкая волосатость, вокруг рта волосы также не длинные, мелкие. Человек стоял совершенно прямо, опустив руки. Рост — выше среднего, порядка 1,8 м. Весь очень крупный, широкоплечий, мускулистый. Стоял как богатырь, — мощно выставив развитую, могучую грудную клетку. На руках очень толстые крепкие пальцы, необычно большого размера... Цвет лица был необычайно темный, не человеческий. Брови очень густые. Под ними — глубоко впавшие глаза».

После этого внешнего описания В.С. Карапетян подчеркивает, что существо, хотя и столь похожее на человека, в общем, производило впечатление не человека, а животного. У него был ничего не говорящий, пустой, чисто животный взгляд. Он стоял, редко моргая. Все попытки вызвать у него реакцию на воду, пищу, протянутую руку, звуки голоса не дали никакого результата. Когда его дергали за волосы, у него только учащалось моргание, когда его толкали, он делал несколько шагов и снова останавливался, издавая при этом под нос слабые мычащие звуки.

Среди беглых наблюдений В.С. Карапетяна, осматривавшего пленника лишь в течение очень короткого времени и никогда больше в нем ничего не слышавшего, есть одно, не вызывающее сомнений в своей точности и представляющее большой биологический интерес. А именно, опытный военврач сразу же обратил внимание на обильнейший педикулез (завшивленность) на груди, шее и в особенности на лице, где целые цепочки вшей находились на бровях и вокруг рта. Самое главное, что, по экспертизе В.С. Карапетяна, вши эти не могут быть отнесены ни к одному из трех видов вшей, встречающихся вообще на человеке; формой они ближе к платяным вшам, но более крупного размера; тем самым можно считать доказанным, что перед В.С. Карапетяном находилось животное, являющееся носителем специфических для ряда животных и не встречающихся на человеке кожных паразитов (ИМ, II, №69).

Много спустя после опубликования сообщения В.С. Карапетяна, на страницах газеты «Дагестанская правда» было опубликовано странное разъяснение и.о. министра внутренних дел Дагестанской АССР Г.А. Абакарова (Абакаров Г.А.,Дагестанская правда. Махачкала, 13 сентября 1959 г.). В этом разъяснении сообщается, что задержанное в горах существо другими врачами было признано притворявшемся умалишенным и «принявшим одичавший вид» человеком, следовательно, симулянтом, а значит скрывавшимся преступником. Вполне естественно, что сре-

ди врачей-психиатров никто не мог признать его «так называемым диким человеком», ибо тогда никто из них еще не мог слышать гипотезы об обитании «дикого человека» где бы то ни было, в том числе на Кавказе. Они поступили для своего времени наиболее здраво. Иными словами, разъяснение Г.А. Абакарова доказывает лишь, что в его руках имеется юридический или медицинский документ, фактически подтверждающий сообщение В.С. Карапетяна. Но поскольку пойманный был признан скрывавшимся в горах симулянтом, с ним, очевидно, поступили по суровым законам военного времени.

Ко времени войны, а именно к 1943 г. относится и краткое сообщение И.М. Лекрияна, 64 лет, жителя г. Лагодехи. В качестве переводчика он ездил с войсковой частью через главный хребет в Тляратинский район Дагестанской АССР. И вот, в нескольких селениях (Чорода, Тохота, Тлярата) население через его посредство передавало дружеские предупреждения, что по ночам здесь следует быть осторожным, так как можно натолкнуться на ночного зверя, телом похожего на человека, но целиком покрытого шерстью. (Полевой дневник Б.Ф. Поршнева, Лагодехи Грузинская ССР, октябрь 1960 г.)

Летом 1957 г. госохотинспектор Дагестанской АССР В.К. Леонтьев, обследуя территорию Гутанского заказника, примыкающего по линии Главного Кавказского хребта к территории Азербайджанской ССР, обнаружил в истоках р. Джурмут следы, явно не принадлежавшие медведю или другому известному ему животному, слышал на расстоянии 100 – 200 м очень громкие крики, не принадлежавшие ни человеку, ни какому-либо известному ему дикому животному или птице, наконец, поздно вечером 9 августа, сидя у костра, увидел подымавшееся по снежному склону на расстоянии не более 50 – 60 м от него существо, которое он не мог не отождествить с «каптаром», уже известным ему по описаниям населения. В.К. Леонтьев видел «каптара», по его словам, в течение 5 – 7 минут, пока тот пересекал снежник, и затем преследовал его 8–10 минут после неудавшегося выстрела в ноги, заставившего «каптара» с невероятной быстротой побежать вверх по склону. Согласно описанию В.К. Леонтьева, «каптар» был ростом порядка 2,2 – 2,3 м. Плечи непропорционально широки; руки если и длиннее чем у человека, то во всяком случае по длине не напоминают обезьяньих, ноги показались немного кривыми и весьма массивными. Все тело животного было покрыто густыми волосами темно-бурого цвета, менее густыми и длинными чем у медведя. На голове волосы были длиннее и темнее. Голова массивная. В короткое мгновение, когда зверь обернулся на выстрел, можно

было разглядеть, что это не удлиненная звериная морда, а более плоская, как лицо человека. «Каптар» был сильно сгорблен, весьма сутулый. Общие очертания фигуры — человеческие. Резюмируя свое очень обстоятельное описание виденного существа, В.К. Леонтьев пишет: «Если сравнивать каптар с кем-нибудь из живых существ, то наиболее близким сравнением будет, что он похож на очень высокого, массивного и широкоплечего человека, который с головы до ног зарос густыми и длинными волосами... Каптар может быть весьма своеобразным существом, но совершенно немыслимо допустить, что он просто зверь, — что-то вроде, например, особого вида высокогорной обезьяны. Весь облик каптара свидетельствует, что это человекообразное существо».

В.К. Леонтьеву посчастливилось видеть и зарисовать самый свежий след «снежного человека» — давностью всего в несколько минут. Не имея с собой фотоаппарата, он смог произвести лишь измерения и зарисовки следа. Длина ступни — 20 см, наибольшая ширина — 15 см. Четыре пальца одинаковой длины, около 5 см, первый палец длиннее и шире — 9 х 3,5 см. Внешние концы пальцев сильно вдавлены в снег, остается впечатление, что животное шло на подогнутых пальцах, как бы цепляясь ими за снежный покров. Все пальцы не примыкали друг к другу, как у людей, а были заметно раздвинуты, особенно сильно отодвинут первый палец. След оставляет впечатление, что ступня отпечатывалась не полностью, т.е. что, подымаясь по склону, животное ступало не на всю ступню, а только на носок. Внимательное рассмотрение отпечатков заставляет предполагать, что ступня «каптара» покрыта толстой и грубой кожей, испещренной различными наростами и крупными грубыми морщинами, никаких следов когтей не замечено. Вывод: след каптара совершенно не похож на след медведя и сильно отличается от следа босой человеческой ступни. Весьма интересно детальное описание В.К. Леонтьевым крика, издаваемого «каптаром». К сожалению, здесь автору приходится прибегать к описательным образным сравнениям, подчеркивая в то же время, что этот крик не сравним ни с одним слышанным им звуком. Крик очень громкий, состоит из ритмического повторения низких и высоких тонов (ИМ, Ш, №120).

В.К. Леонтьев поставил свое личное наблюдение в тесную связь с собранным им опросным материалом о подобных существах, к которому мы еще вернемся немного ниже.

Вслед за приведенным наблюдением, сделанным на территории Дагестана, хочется процитировать и другое, принадлежащее тоже не представителю местного населения. Оно принадлежит сотруднику геологической экспедиции К. Адибекяну. В июле

1953 г. во время командировки в Дагестан К. Адибекян совместно с водителем Е. Саакяном в сумерках пробирался к Дербенту обходным путем по грунтовой ухабистой дороге, в стороне от населенных пунктов. Были сумерки. Вдруг на середине дороги, на расстоянии 50 – 60 м от автомашины совершенно неожиданно появилось человекообразное существо и начало прыгать и издавать какие-то звуки. «Подъехав к этому существу на расстояние примерно 5 – 6 м, — продолжает К. Адибекян, — я ясно различил его и как сейчас помню: человек с длинными волосами, без какой-либо обуви, голый; его открытая грудь покрыта густыми волосами серого цвета; ростом он был чуть выше двух метров, широкоплеч, с мускулистыми руками... Несмотря на приближение машины, это существо продолжало стоять на дороге, делать какие-то странные прыжки и издавать не менее странные звуки, во всяком случае не человеческие». Водитель внезапным поворотом руля сумел обогнуть это существо, и с удаляющейся машины было видно, что оно никак не реагировало на ее проезд и продолжало прыгать на месте. Наутро К. Адибекян в Дербенте рассказывал местным жителям о своей странной встрече и с удивлением услышал ответ: «Такие дикие люди в Дагестанских горах иногда появляются, и нечего их бояться». Это объяснение тогда показалось К. Адибекяну несерьезным, и он надолго перестал интересоваться вопросом о человекообразное диком встреченном существе. (Сообщение К. Адибекяна, Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Из показаний местных жителей горного Дагестана приведем сообщение вполне образованного человека, ветеринарного врача Рамазана Омарова, заведующего Анцухским зооветпунктом Тляратинского района. 20 августа 1959 г. он возвращался горной тропой, спускавшейся из вышележащего селения. Было около 8 часов вечера, видимость в пределах полукилометра, говорит он, была еще отличная. «Когда дошел до большого белого камня (есть такой на тропе), заметил, что внизу движется какое-то животное, решил, что медведь, и спрятался за кустарник... Животное, которое, оказывается, вначале сидело, вдруг поднялось и пошло на двух ногах в направлении ко мне. Это было существо, похожее и на человека и на обезьяну одновременно. Я еще с детства слышал рассказы о каптаре, но не верил им. И вот теперь сам увидел. Шерсть длинная, черная, как у козы. Шеи словно нет, прямо на плечах голова. С головы свисают длинные волосы. Каптар приближался ко мне, шел мимо меня. Судя по всему, это был мужчина. Голова длинная, заостренная кверху, конической, яйцеобразной формы. Как плети свисая

ли длинные, чуть ли не до колен руки. Он ими размахивал при ходьбе, и руки болтались как привинченные. Метрах в двухстах от меня странное существо пересекло тропу и тут же опять село. Сидело две-три минуты, касаясь земли руками, напоминая приседание, которое делается во время зарядки. Поднявшись, каптар направился к кустарнику за бугром, и больше я его не видел. Меня поразило, что он поднимался в гору очень быстро и делая такие длинные шаги какими человек не может подниматься в гору. Я вспомнил шимпанзе, которого видел в Тбилисском зоопарке: шерсть у обезьяны была короче, голова более круглая, ноги и руки короче, рост меньше. Каптар был не ниже 1,8 м и был больше похож на человека, чем на обезьяну. Шел прямо, только чуть-чуть наклонив вперед плечи. Хвоста нет. На уши падали волосы и их видно не было» (ИМ, IV, №136).

Приведем сообщение из вторых рук, записанное в 1960 г. со слов Мериам Алибековой (лезгинка, 68 лет, с. Куллар АзССР). В 1959 г., летом, близ с. Магар Тшарадинского района ДагССР (где рассказчица гостила у родных) смертельно перепуганный житель утверждал, что только что он встретил около речки «каптара», который совсем похож на человека, но весь волосатый. «Я испугался, взял большой камень, хотел в него кинуть, а он «хр-хр-хр» и зубы показывает. Как я бросил камень, сам не знаю, и вот бегу, не знаю куда... Ведь я чабан, всю жизнь один, ночь и день хожу в горах, волков не боюсь, медведей не боюсь, ничего не боюсь, — я хорошо знаю зверей, но я хорошо видел, что это не медведь, не кабан, не зверь какой-нибудь, а волосатый человек. Поэтому-то я так и испугался». (Записано Ж.И. Кофман 6 ноября 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

К нескольким приведенным показаниям о встречах с «волосатым диким человеком» на территории Дагестанской АССР можно было бы добавить довольно значительные опросные данные, собранные среди населения высокогорных районов Ю.И. Беловым, В.К. Леонтьевым, Ю.И. Мережинским и другими. Однако полное, изложение всех записанных рассказов, переплетенных с поверьями и легендами, потребовало бы очень много места. Мнения местных жителей о «волосатых диких людях» могут быть разбиты на три группы: одни считают их нечистой силой, чем-то вроде привидений или духов, может быть являющихся только правоверным или одним муллам, другие полагают, что это люди, одичавшие в горах, в частности, по одной версии, в результате неверности Корану, после прихода мусульман, третьи признают их животными, зверями, обитающими у границы вечных снегов, в лесах и скалах, понемногу сокращающимися в числе и уже не ос-

меливающимися как когда-то подходить к селениям. По распространенным описаниям, существа эти — очень чуткие, хитрые и коварные, иногда нападающие и на человека, могут воровать на полях початки кукурузы и клубни картофеля, ходят на двух ногах, движения их стремительны и ловки, сила велика, взбираясь на скалы, используют и передние конечности. Даются описания роста, волосяного покрова, отличия в строении женщин и мужчин. О детенышах упоминаний очень мало и они по большей части неконкретны, но все же упоминается, например, что самки «каптар» иногда ночью спускаются к горным источникам купать в воде своих детенышей.

Лица, собиравшие опросные сведения, подчеркивают, что производить эту работу в горных районах Дагестана очень трудно. С одной стороны, жители избегают беседовать о «каптар», так как в отношении к этому вопросу есть какие-то элементы мистического и религиозного порядка, очевидно, навеянные мусульманскими муллами. С другой стороны, молодежь нередко проявляет подчеркнутое ироническое отношение к вопросу о «каптар», несомненно из боязни прослыть малокультурными и суеверными людьми; лишь в результате серьезной терпеливой беседы молодые люди отбрасывают свое показное ироническое отношение и подчас делятся имеющимися у них весьма конкретными сведениями о «каптаре» как известном животном или одичавшем человеке (ИМ, III, №119 и 120).

ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Из Дагестана перейдем далее на север, на территорию Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской автономных республик.

Любопытно, что на Северном Кавказе мы встречаемся преимущественно с другим наименованием интересующего нас существа, причем с тем самым, которое в небольших видоизменениях распространено у киргизов, казахов, таджиков, монголов на Алтае и даже в Якутии. А именно, по-балкарски оно называется «алмосту», по-кабардински, а также по-ингушски — «алмас», «алмасты», «алместы», отметим еще специально кабардинский термин «агач-катэн».

Проф. А.А. Машковцев в упомянутой работе «Дикий волосатый лесной человек Главного Кавказского хребта» пишет: «Кроме рассказов о диких волосатых лесных людях Северного Кавказа, найденных нами в старой литературе по Кавказу, нами получено из Кабардино-Балкарской АССР и Чечено-Ингушской АССР еще около сорока рассказов людей, которые, по их утверждени

лично собственными глазами видели диких волосатых людей в 1850–1958 гг. Все эти рассказы очевидцев отличаются исключительной простотой, прозаичностью и абсолютным реализмом, без какой-либо примеси сказочности и фантастики. В этих рассказах описываются места встреч с дикими лесными людьми, их поведение и внешний облик. Очень интересно, что описание внешнего вида лесного человека, которое дают кабардинцы и ингуши, полностью совпадает с описанием лесного человека, которое дают народы Черноморского и Каспийского побережья Кавказа. Из описаний очевидцев следует, что дикие волосатые люди очень похожи на человека, ходят всегда на задних ногах, они очень высокого роста, сутулы, речи не имеют, руки у них длинные, все тело покрыто шерстью. Встречаются северокавказские дикие лесные люди (алмасты, алмас), с одной стороны, высоко в горах, в глухих, скалистых, изобилующих пещерами, малодоступных местах, а, с другой стороны, они в летнее время встречаются вблизи селений на бахчах, в полях, фруктовых садах. Нередко диких волосатых людей, как мужчин, так и женщин с детьми видят в заброшенных сараях и балаганах» (Машковцев А.А. Указ. рукопись, с. 7).

Из опросных материалов по Чечено-Ингушетии отметим такие записи. Житель селения Лежги, Патле Соси, по его словам, слышал от своего земляка, старика 140 лет, что в старину, когда тот был еще молод, близ села Ашлуки Назранского района Ингушетии в камышах на болоте водились 16 особей волосатых диких людей. Появлялись они по ночам на водопоях и вблизи селения. Ингуши однажды на ночь поставили у водопоя силки (сетку), в которые и запутался один из этих волосатых людей. Когда утром его окружили, он очень громко кричал. С ним пытались говорить, объясняли, что ничего плохого ему не сделают, но он явно не понимал человеческой речи. Когда сеть распутали, он вырвался и убежал. После этого случая все дикие люди куда то перебрались и близ села Ашлуки больше не показывались (Сообщение С.Г. Мюге от 15 июля 1962 г.). Хасан Кагерманов сообщил рассказ своего деда, относящийся примерно к 1850 г. Во время охоты недалеко от берега р. Асса он убил оленя и, разведя костер, приготовился к ночевке возле неразделанной туши оленя, когда, привлеченный, по-видимому, этой тушей, подошел «дикий человек — алмас», но был в конце концов отогнан в сторону речки. Саадул Хасиев сообщил, что в 1912–1913 г. в летнее время, спускаясь с товарищами с гор в районе Ассинского ущелья, наткнулись на очень дряхлое человекообразное существо, лежавшее на камне лицом вниз. При приближении путников это существо, женского рода, лишь подняло голову и верхнюю часть тела.

На теле были волосы, хотя, говорит рассказчик, кажется не везде, лицо без волос, на голове волосы длиннее, чем на теле. В открытом рту были только один-два больших зуба. Не добившись отклика от этого существа, с трудом удерживая своих почти взбесившихся лошадей, путники проехали мимо. В 1934 г. один из жителей хутора Бавлой у входа в пещеру, находящуюся в труднодоступном месте, заметил всю обросшую волосами женщину и выстрелил по ней, после чего она скрылась в пещеру. Анси Исаев в августе 1940 г. вечером на дороге, по его словам, повстречал дикого волосатого человека «алмаса», пытавшегося напасть на него, издавая громкие пронзительные крики или вой; подвергшийся нападению отбился кинжалом и «алмас» спустился вниз к речке Аргун. Там же, на дороге у речки Аргун встретил такого же «алмаса» другой житель того же селения Зони, старик Эльса. По утверждению егеря Госохотинспекции ЧИАССР Бауди Пацаева, примерно в тех же самых местах, т.е. в скалистых и лесистых обрывах у р. Аргун, в 1939–1940 гг. еще двое жителей были подвергнуты избиению «алмасом». (Сообщение старшего госохотинспектора при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР Ахмета Парагульгова, Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»..

Особенно большой интерес для обзора и предварительных выводов представляют весьма обильные, в высшей степени конкретные и продолжающие непрерывно поступать сведения из Кабардино-Балкарской АССР. Первую попытку обобщить и проанализировать эти сведения сделал краевед П.П. Болычев (г. Нальчик), как в форме заявления в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке», так и в форме статьи «Алмэсты», которая была опубликована в нальчикской газете. В течение 23 лет занятий историей и фольклором Кабардино-Балкарии П.П. Болычев до самого недавнего времени считал рассказы об «алмасты» («алмастын») чисто легендарным сюжетом, подобным сказкам о ведьмах, и не придавал им большого значения. В конце концов, он принужден был склониться к мнению, что «алмасты» — действительные человекоподобные существа, дикие, пугливые, избегающие и боящиеся человека, ведущие ночной образ жизни. Важным доказательством реальности «алмасты», по мнению П.П. Болычева, является то, что в той части КБАССР, где он в основном производил сбор сведений, об «алмасты» больше ничего не слышно после 1942–1943 гг., когда через эти места дважды прокатился фронт. Возможно, замечает П.П. Болычев, что гром орудий и прохождение армий заставили последние экземпляры этих существ переселиться в какие-то другие районы.

Вот как резюмирует П.П. Болычев сущность десятков собранных им рассказов. «Алмасты» — это не имеющие человеческого разума дикие люди или, может быть, человекоподобные обезьяны. Жили они в лесистой горной части Кабарды и Балкарии. Специальных логовищ они не имели, их встречали в заброшенных саклях и пастушеских хижинах на высокогорных пастбищах. Некоторые видели, что они ели початки кукурузы, лук, морковь, а в лесах Кабарды с весны появляется много съедобных растений, летом — ягоды, осенью — дикие фрукты и орехи, один старик утверждал, что «алмасты» добывают и употребляют в пищу зайцев. «Алмасты» не имели никакой одежды. Их тело густо покрыто волосами черного или бурого цвета, за исключением грудей у самок, тоже черных, оттянутых книзу, болтающихся при беге. На голове длинные жесткие развевающиеся волосы. Утверждают, что глаза у них имеют красный оттенок. Передвигаются «алмасты» на ногах, как и люди, причем очень быстро, даже на лошади их не догнать. Лошади боятся, а собаки ненавидят «алмасты». В нескольких сообщениях упоминается, что собаки выгоняли их из кустов и, издавая нечленораздельные вопли, они убегали. Самки бегут, прижимая к груди своих детенышей. «Алмасты» ведут ночной образ жизни и днем появляются только в том случае, когда их испугнут из убежища, где они скрывались.

П.П. Болычев приводит и некоторые отдельные рассказы. Один кабардинец, отец Мухарби Табухова, однажды, работая в лесу, под вечер развел костер, а затем пошел в аул и лишь по дороге вспомнил что-то и вернулся. У догорающего костра он увидел нескольких «алмасты», сидевших на корточках кругом огня; заметив человека, они вскочили и скрылись. Согласно записанному рассказу Сурат Нагоевой, ее родственник, прячась от ливня на Зольских пастбищах, залез в небольшую пещеру и столкнулся здесь со скрывавшимся «алмасты». Согласно записанному рассказу Нуши Барамкуловой, она в детстве, пойдя с подругой за водой к роднику, встретила там самку «алмасты», которая убежала в кусты, а девочки с плачем прибежали к себе в с. Шалушка.

П.П. Болычев вносит предложения об организации широких сборов среди населения конкретных сведений об «алмасты» и, в случае обнаружения хоть немногих живых экземпляров, о создании заповедника для защиты их от окончательного вымирания. Он подчеркивает, что сбор сведений в Кабардино-Балкарии — дело не простое, так как из-за каких-то верований «старики не всегда охотно рассказывают посторонним о таких вещах» (ИМ, III, №121; Советская молодежь (Орган Кабардино-Балкарского Обкома ВЛКСМ), 27 сентября 1959 г.).

Из других собирателей опросных данных об «алмасты» в Кабардино-Балкарии необходимо в первую очередь отметить Р.Д. Варквасова (данные преимущественно по Лескенскому району), Х.Г. Тхагапсоева (данные преимущественно по Баксанскому району), Ю.Н. Ерижикова (г. Нальчик).

Вот кое-что из опросных данных, сообщенных Р.Д. Варкасовым. В 1956 г. возле пещеры в местности, называемой Кардахурт, несколько ребят были испуганы существом, которое одни называли «губганана» («полевая старуха»), другие — «алмасты», но описания их совпадают: ростом с человека среднего роста, сутулоувата, безволосое человеческое лицо, длинные волосы спускаются до плеч, тело покрыто красно-буроватыми волосами. Летом 1957 г. километра на два выше того же места приезжавший на арбе колхозник Афаунов, по его словам, видел «алмасты» в долине одной безымянной речки, в тридцати шагах от себя, его описание внешности «алмасты» совпадает с вышеприведенным. По словам Галима Евгажукова, из поселка Кизбурун, он видел в 1936–1938 гг. многих «алмасты» мужского и женского пола, очень высоких ростом, в Тызыле — местности в западной части Кабарды. Они обитают там, как он утверждает, в многочисленных пещерах, но когда колхозные стада занимают окрестности этих пещер, «алмасты» покидают Тызыл и переходят в Кинжал и Татлахуко; поэтому в этих очень больших и глубоких пещерах их лучше всего искать с мая до середины июня. Впервые, как рассказывает Галим Евгажуков, он увидел «алмасты» женского пола еще когда был мальчиком: он подошел к ней вплотную, когда она сидела, видел, что она чесала волосы пятерней, что грудь была перекинута через плечо, один старик объяснил ему в ответ на его рассказ, что это — «алмасты», а грудь перекинута потому, что они так кормят своих детенышей — грудь длинная и неудобно кормить спереди. А в последний раз за свою жизнь этот рассказчик видел «алмасты» в 1947 г.: тот был стар, с седыми волосами, подошел к колхозному полевому стану и его видело несколько колхозников; как оказалось, это был полуприрученный «алмасты», — жившая постоянно на этом полевом стане сторожиха подкармливала его остатками пищи. Такие «алмасты», говорит рассказчик, менее боятся людей, хотя конечно, группу людей избегают, а собак боятся очень сильно; «членораздельной речью они не владеют, но издают звук, похожий на человеческое мычание; сильные бегуны».

Юсуп Арутюнов, 35 лет, собрал в своем родном селе Жемтала многочисленные рассказы об обитании «алмасов» в близлежащей дикой местности, причем говорят, что до войны они там были не редкостью, но после войны уже мало кто видел их. Ра

шид Ишбухов, 22 лет, в 1954 г., воруя яблоки в чужом саду, столкнулся лицом к лицу с «алмасты», который якобы жил прирученный и подкармливаемый у семьи хозяина сада. Тафун Шибзухов, пася ночью лошадей, пытался поймать верхом на лошади подошедшего к шалашу «алмаса», но не смог его одолеть, так как он очень сильный. Старик ста с лишним лет Бекир Озирупов утверждает, что однажды ночью он настиг запутавшегося в дерновом кустарнике и упавшего «алмаса», которого он с любопытством рассматривал, зажигая одну за другой спички, причем тот всякий раз визжал и плакал, «вижу: человек — не человек, медведь — не медведь, а все тело покрыто черными волосами». Талиб Балкаров, 40 лет, колхозный чабан, как говорят, видел недавно днем «алмасты» с детенышем в руках на горе Шиблоана, недалеко от поселка Лескен. Наиб Каров из поселка Аргудан, заехав на арбе в заброшенный пустующий полевой стан, в одном из помещений, по его словам, встретился лицом к лицу с «алмасты»; в окрестностях этого станет якобы и многие другие тоже встречали «алмасты». В долине р. Шекер один рассказчик якобы пытался догнать скрывшегося в глубокое ущелье «алмасты», другой якобы видел купающегося «алмасты».

Р.Д. Варквасов, приводя эти и иные записи, подчеркивает, что в народе верят в подлинность этих сведений, подчеркивают, что до войны такие человекообразные животные были не редкостью. Считается вероятным, что зимой они переходили куда-то в более теплые места, потому что все встречи происходили весной или летом. Список мест, где по собранным данным встречали «алмасты»: ущелья рек Шекер, Черек, Урух, урочище Карзахурт, Кетмен, Бузаженко, окрестности селений Жемтала, Аргудан, Кизбурун. По народным рассказам, питаются «алмасты», живущие в горах, всевозможными мелкими зверями, дикими яблоками, грушами, орехами и т.д., а «алмасты», держащиеся около населенных пунктов, фруктами, кукурузой, хлебом, сыром, сырым и вареным мясом, если им удастся что-либо из этого украсть у людей. Алмасты, по рассказам, очень чутки, могут убежать от собаки и лошади, из чего делается вывод, что они могут догнать любого зверя. Подчеркивается, что они сильно воняют — потом или чем-либо другим, но, во всяком случае, очень неприятно. Сообщаются сведения об отдельных семьях, которые втайне содержат прирученного «алмасты» или которые приучили «алмасты» приходить по ночам за пищей, однако это подкармливание или приручение всегда хранится почему-то в величайшем секрете от окружающих (ИМ, II, №70; рукописные сообщения Р.Д. Варквасова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Приведем кое-что из записей Х.Г. Тхагапсоева. Он подчеркивает разницу между рассказами о фантастических сверхъестественных существах, способных делаться невидимыми и т.п., и сообщениями об «алмасты», которые внушают страх не какими-нибудь магическими своими свойствами, а своим сходством с человеческим обликом и в то же время уродливостью. «Разводить огонь алмас, видимо, не умеет, — пишет Х.Г. Тхагапсоев, — но в отличие от зверей он не боится его: старики, некогда бывшие пастухами, утверждают, что с ними нередко случалось, что к разведенному ими костру иной раз подходил греться какой-нибудь «алмас» и бедный пастух вынужден бывал в мучительном страхе терпеть не очень приятное соседство... Автору этих строк была рассказана одним стариком, Цаговым, весьма любопытная история, из которой явствовало, что его отцом-охотником был пойман «алмас» и даже, будучи приручен, выполнял простейшие трудовые операции». Но записаны не только воспоминания о далеких временах, а и утверждения многочисленных «очевидцев» о том, что они совсем недавно «были насмерть перепуганы» встречей с «алмасты» в урочище Псыншоко (Примолкинского района) или же в зарослях Гедукинского заповедника.

Весьма конкретно рассказывает колхозник Х.Н. Ахметов как в 1918 г. в районе Псыариша они с товарищем, ночуя в старом сарайчике на пастбище и оставив в углу на всю ночь тлеющий костер, проснувшись, увидели незнакомца, который показался им одетым в бурку, так как был весь волосат, рост имел выше человеческого, а «руки у него болтались до самых колен». На оклик пришелец лишь промычал что-то непонятное, затем встал и удалился, а когда за ним погнались собаки, он со страшным криком бежал от них. Группу колхозников, ночевавших на сенокосе в заброшенном сарайчике, несколько ночей подряд кто-то забрасывал комьями земли и камушками, пока однажды парни не столкнулись со стоявшим у самого сарайчика «алмасты», который быстро скрылся в зарослях.

На вопрос, уходят ли «алмасты» зимой на другую сторону гор, одни отвечают положительно, по мнению же других, они остаются здесь же, скрываясь около незамерзающих болот, в заброшенных сараях и. т.д. Обобщая собранные данные о внешности «алмасты», Х.Г. Тхагапсоев пишет: «Конечности длинные, тело напоминает горбатого-человека, шея толстая и короткая, все тело покрыто волосами (но не шерстью!), лицо же — в меньшей степени, мощные челюсти и крупные зубы; многие отмечают, что садится «алмасты» большей частью на корточки... По словам колхозника А. Бекулова (Чегемский район), он наблюдал, как

«алмасты» перелезает через забор: сначала подтягивался на руках, а затем перебрасывал задние конечности». Особи мужского и женского пола имеют резко выраженные внешние различия: у женских особей меньший рост, очень длинные волосы на голове, женская фигура, развитые грудные железы. Ряд кабардинцев независимо друг от друга утверждают, что видели детенышей «алмасты». «Никому не удалось видеть искусственных пещер или землянок, которые могли бы принадлежать «алмасты», зато нередки случаи, когда их видели в заброшенных сараях, в одиноких и удаленных от населенных пунктов юртах, в зарослях камыша; видимо, они не способны сооружать жилища. По свидетельству многих лиц, питаются «алмасты» растительной пищей, бывали случаи нападения их на бахчи. Существует единодушное мнение, что алмасты не хищны, т.е. не нападают ни на скот, ни на людей с тем, чтобы сделать их своей добычей. Их действия носят оборонительный характер. От преследования скрываются быстро, вообще способны очень быстро передвигаться».

Наконец, в опросных данных Х.Г. Тхагапсоева еще яснее, чем у кого-либо, выступает своеобразная роль мусульманских суеверий по отношению к «алмасты»: считают, что убивший «алмаса» или обидевший его не избежит «божьей кары», по словам некоторых местных жителей, «старики чтят «алмасов» и готовы оказать им любые услуги, в надежде, что бог вознаградит их на том свете, и «алмасы» находят среди них своих кормильцев и укрывателей на зимнее время» (ИМ, II, №71; рукописные сообщения Х.Г. Тхагапсоева, Архив комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Три любопытные записи присланы Ю.Н. Ерижиковым. По словам Х.К. Гетежева, в 1919 г. он был свидетелем того, как вооруженные чем попало люди сбежались к лесу и с криком избивали лежавшую на земле покрытую черными волосами очень страшную на вид «женщину», на вид лет 45 – 50; ему сказали, что это существо забралось в один дом и бросило в кипящую барду девочку семи лет. В 1926 г. тот же информатор, по его словам, в старом загоне для скота далеко в поле заметил в дальнем углу похожее на человека темное существо. Через день с ним поехал туда старший брат, захватив хлеба и сыра, и войдя в загон стал кого-то громко уговаривать уходить в заросли и больше не появляться здесь. «Но ему никто не отвечал, лишь хорошо прислушавшись можно было разобрать, что кто-то беспрерывно бубнит низким, глуховатым голосом. После этого в дверях показался брат, а за ним следовало какое-то существо. Это была очень страшная, покрытая волосами женщина. У нее были красноватые глаза. Фи-

гура была низкая, коренастая, ноги короткие и кривые. Голова была покрыта густыми черными волосами, в беспорядке лежавшими на широких плечах, а с груди свисали сильно развитые молочные железы. Она шла не торопясь, что-то бубня себе под нос. Одной рукой она вела своего детеныша, которому было примерно год или два, а в другой руке держала привезенные братом подарки. Не переставая бубнить, она скрылась в густых зарослях». Третий случай произошел в верховьях р. Нальчик в месте слияния Большого и Малого Нальчика, в июле 1951 г. По рассказу Г.Е. Тохова, в безлюдном ущелье он подошел к заброшенному дому, принадлежавшему прежде, по-видимому, балкарцам. В одной из поросших травою комнат спиной к дверному проему сидело какое-то темное существо. «Я знал из рассказов стариков, что есть какое-то существо «алмастын», и догадывался, что встретил не что иное, как «алмастын». Сначала я хотел подойти к этому существу, потом, побоявшись, передумал. Обойдя строение, я нашел какое-то отверстие, заглянул в него, и вот что я увидел. Прямо напротив меня в углу сидело существо, своей посадкой напоминающее человека, обхватив руками ноги и опустив голову на колени. Видно услышав шорох моих шагов, оно приподняло голову и начало прислушиваться, потом, опершись о землю своими руками, оно приподняло свое тело. Теперь я мог хорошо разглядеть его. Тело было покрыто мелкой шерстью, а с головы свисали черные густые волосы, доходившие до поясницы. Глаза были большие и красные. Плечи были широкие не по росту (рост примерно 1,8 м), руки длинные и, по-видимому, цепкие. Ноги были короче туловища и кривые. Это было существо женского пола, ее молочные железы свисали почти до пояса». Услышав шум, произведенный лошадью, существо еще более насторожилось, а испуганный наблюдатель вскочил на лошадь и ускакал. (Сообщение В.Н. Ерижикова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Приведенные показания ни в чем существенном не противоречат друг другу и в то же время удивительно многообразны. Они как бы раскрывают все новые и новые оттенки поведения и облика данного человекообразного существа, что едва ли бывает с каким-нибудь мифологическим образом. Приведем еще письмо Б.М. Тобухова из Лескенского района, описывающее нападение на него такого существа в середине сентября 1959 г. Он вез на подводе дрова из леса, переехал вброд речку Шекер и объезжал находившийся на пути небольшой курган. В этот момент никогда не виданное им раньше существо, которое он готов назвать «обезьяной» или «алмасты», подошло к коням и, как ему

показалось, попыталось изменить направление подводы. Когда рассказчик оказал сопротивление этому существу, оно укусило его в плечо, но получив сильный удар дубиной, издало нечленораздельные звуки и ушло в лес. За короткое время встречи рассказчик заметил следующее: тело этого существа было покрыто темно-коричневой шерстью длиной в 3 – 4 см; рост выше среднего, примерно 190 см; стоял немного сгорбившись; пальцы на руках толстые; лицо тоже имело волосяной покров, рот по отношению к общему размеру головы был очень широк, нос не длинный, порядка 6 – 7 см, глаза имели красноватый цвет, ничего не выражающий взгляд, большие широкие ступни. (Сообщение Б.М. Тобухова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Преподаватель Аргуданской школы Кузьменко записал показание жительницы аула Аргудан (Лескенский район) Кушховой. Лет 30 назад, в этом самом ауле Аргудан, выйдя зимним холодным утром, подошла к находившейся неподалеку от сакли глубокой яме для отбросов. «Взглянув в яму я вскрикнула от испуга. В яме на корточках седела голая, вся заросшая густыми волосами женщина; на руках у нее был такой же волосатый маленький ребенок и женщина пыталась завернуть его в обрывок грязной тряпки, выброшенной в яму». Решив, что это шайтан, Кушхова, чтобы откупиться от него, бросила волосатой женщине старое одеяло. Волосатая женщина, прижав своего ребенка, убежала большими прыжками. (Сообщение Кушховой. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Работник совхоза Уркутин Баксанского района КБАССР Талунев, утверждая в своем письме, что в Кабарде все люди от мала до велика без исключения знают о существовании «алмасты», далее перечисляет тех жителей селения Куба-Таба, которые лично наблюдали это существо, а также нескольких жителей соседних селений, которые могут, как он говорит, хоть под присягой заверить существование в этих краях реальных «алмасты». Всего названо двенадцать человек. Например, Хамид Синташев, 50 лет, лет 20 – 25 назад видел девушку-«алмасты», которую поймали в саду, когда она приходила за яблоками, продержали ночь в пустой комнате, а утром выпустили; «речью человеческой она, конечно, не владела, плакала, скулила». Хамид Паштов, 50 лет, в 1953 г. приехав к стогу за сеном, видел старуху-«алмасты», сдавшую в сене. Мухамед Карданов, 25 лет, в 1952 г. встретился с «алмасты» в кукурузном поле на расстоянии каких-нибудь 2 – 3 метров. Авес Тенгизов, будучи сторожем на сельской мельнице в с. Куба, в 1953 г. в декабре услышал на втором этаже мельницы шорох и, поднявшись, уви-

дел «алмасты», который пригоршнею ел зерна кукурузы и стремительно убежал от крика сторожа. Он же летом 1954 г., идя из селения Куба в селение Малка, наткнулся на кукурузном поле на двух детей — «алмасты»; один из них спал, а другой что-то ел. «Надо сказать, — прибавляет автор письма Талунев, — что сейчас стало значительно труднее встретить алмасты, но летом это не безнадежно, так как они спускаются сюда в долину из-за того, что здесь им легче просуществовать. Питаются они летом в основном кукурузой и фруктами». (Сообщение Талунева. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Следует, наконец, упомянуть совсем недавние сведения, сообщенные нам госохотинспектором (г. Махачкала) В.К. Леонтьевым и преподавателем зоологии Кабардино-Балкарского университета (г. Нальчик) А.К. Темботовым о многочисленных наблюдениях «алмасты», сделанных жителями Кабардино-Балкарии летом 1959 г., в том числе в долине р. Малка.

Весьма любопытный рассказ передал научный сотрудник Высокогорного Геофизического института АН СССР на Эльбрусе Аульдин Эльмесов со слов своего дяди Магила Эльмесова. В 1938–1939 гг., когда этот случай произошел, Магил Эльмесов работал колхозным табунщиком в с. Кызбурун-Второй. Каждое лето в июне-июле он поднимался по долине Баксана с колхозным скотом, обычно с лошадьми, на приэльбрусские пастбища. Каждое лето в долину р. Малки привозил свою пасеку и один русский пчеловод из с. Ново-Ивановка близ Нальчика. В то лето, едва Магил Эльмесов зашел навестить его, как пасечник сообщил, что всего дней семь назад его младший брат (может быть: сын) подстрелил какое-то существо, очень похожее на человека, должно быть сатану. И пасечник повел Магила Эльмесова в кусты, метрах в 150 от его палатки, где лежал этот мертвый, скорченный «сатана». То, что Магил увидел, он запомнил на всю жизнь: уже разложившийся труп существа, очень похожего на человека, волосатое тело; вытянутое как у собаки лицо, несоразмерно туловищу длинные конечности. Он запомнил еще, что на ладонях волос не было. На ногах были очень длинные пальцы. Магил Эльмесов сразу понял, что это был «алмасты», о котором он не раз слышал.

Как же было убито это существо? С некоторых пор из шалаша пасечника по ночам стали исчезать продукты, в то время когда сам он спал под открытым небом, на вышке. Бывали даже вылизаны все тарелки и сковородки. Оставив подежурить два-три дня знакомого кабардинца, пасечник поехал домой за младшим братом, хорошим стрелком. Встретивший их перепуганный кабардинец подтвердил, что кто-то по ночам приходил в шалаш.

Брат залег в шалаше, и заполночь раздался выстрел дуплетом: брат сказал подбежавшему пасечнику, что когда «сатана» сунулся в шалаш, он в него выстрелил. Едва рассвело, они увидели возле шалаша следы крови, которые вели в кусты. Пойдя по следу, метрах в 150 наткнулись на мертвого, скрюченного «алмасты», которому обе пули попали в живот. (Записано Ю.А. Зерчаниновым 10 февраля 1961 г.)

Перейдем теперь к сжатому изложению отчета о рекогносцировочной поездке проф. А.А. Машковцева в Кабардино-Балкарию летом 1960 г. Базируясь на с. Баксаненок Баксанского района, А.А. Машковцев провел обширную опросную работу в ряде соседних селений и провел ландшафтно-зоологические маршруты.

Прежде всего А.А. Машковцев старался выяснить отношение широкой массы сельского населения к расспросам об «алмасты». К его удивлению, дети и женщины запросто указывали на какие-нибудь заросли кустарников около селения или на приусадебные участки, где появлялись «алмасты», и группа женщин даже просила помочь спугнуть с их участков поселившегося «алмасты», поедающего поспевшие фрукты и кукурузу. Беседуя с кабардинцами мужчинами среднего и пожилого возраста, А.А. Машковцев вставлял в разговор осторожный вопрос: не являются ли все рассказы об «алмасты» плодом суеверия, чем-то вроде веры в черта. На этот вопрос неизменно следовал одинаковый ответ: черт — это бесплотный живой дух, а «алместы» — материальные существа, есть «алместы» женского пола и мужского, от их сожительства родятся дети, они постепенно стареют, седеют, они умирают от старости и болезни. Не раз были случаи, что собаки чабанов догоняли и насмерть загрызали «алместы». В старину «алместы» встречались чаще, были случаи, что их приручали и они по несколько лет жили в кабардинских семьях, выполняя самые несложные работы. Были, якобы, случаи половой связи «алместы» мужского пола с одинокими кабардинками, а одиноких кабардинцев — с «алместы» женского пола. Со времени установления Советской власти, говорили жители А.А. Машковцеву, особенно после ликвидации единоличных хуторских хозяйств и организации колхозов, после интенсивной вырубки равнинных лесов, распашки целинной кустарниковой степи, вместе с исчезновением в лесостепной, равнинной части Кабарды диких копытных зверей, резко стало уменьшаться и количество «алместы». Однако, говорили кабардинцы, на окрестных землях все же ежегодно случаются встречи с «алместы». К востоку, где сохранилось больше равнинных лесов, их видят чаще чем в западной части Кабар-

ды. В общем все сельское население, по крайней мере в обследованных аулах Кабарды (Баксаненок, Псиншока, Куркужин, Нартан) уверено в существовании здесь человекоподобных существ, тело которых сплошь покрыто темными волосами — «алместы». Речью они не обладают и никакими орудиями не пользуются, но умеют бросать палки, комки земли, камни. На людей эти существа нападают чрезвычайно редко, в особенности миролюбивы и даже проявляют склонность к общению с человеком особи женского пола. По рассказам кабардинцев, они чаще всего встречают «алместы» на колхозных полях и на приусадебных участках. В полях в летнее время «алместы» попадаются около полевых станов, где готовится пища и бывают отбросы, или около загонов, где живут полевые сторожа. На основе рассказов А.А. Машковцев высказывает предположение, что люди подкармливают «алмасты» остатками своей пищи и что это поощряется мусульманским духовенством.

Кабардинец Х.К. Гетежев, рассказывавший о том, как его брат вывел из овчарни волосатую женщину («губганана», как называют подчас «алместы» женского рода) с волосатым детенышем (см. выше), добавил, что в том же году к его шалашу на кукурузном поле несколько раз приходила за остатками пищи та же самая полевая дикая женщина; «людей она не очень боялась, но, видимо, из осторожности обычно появлялась, когда я оставался один». Потом она внезапно перестала появляться.

Х.Г. Гутова указала место на пустыре между усадьбами, заросшее бурьяном, где в 1957 г. она увидела в яме черное, волосатое, человекообразное существо. Соседи добавляют, что в этом же бурьяне они видели самку «алместы» с ребенком летом 1960 г., незадолго до беседы.

Старик Хизир Губашев (80 лет, кабардинец с. Баксаненок) сказал, что он пас скот на горных пастбищах 20 лет и только один раз за это время там был встречен «алместы», зато в равнинней части он лично дважды в жизни встретил «алместы» — в 1936 и 1958 гг. «Как-то утром я пошел на речку, окруженную зарослями камыша и непролазных кустарников, и вдруг увидал «алмасты»: это был высокого роста дикий человек, тело которого было сплошь покрыто черными волосами. Это был мужчина. Я его видел очень близко, шагах в 15 – 20, и заметил, что его глаза удлиненные и поставлены косо, как у китайцев. Пальцы на руках толстые». Но Губашев добавил, что он мало смотрел на «алместы», так как люди от этого болеют, и сам он все-таки проболел после встречи 3 – 4 месяца. Губашев рассказал, что несколько лет тому назад в лесу Карагач, который расположен рядом с полевым станом в урочище

Псеариша, чабанские собаки поймали и задушили «алместы», где его труп и лежал долго, пока не истлел. Несмотря на этот полный реализм, Губашев трактует «алместы» как принадлежащих к племени джиннов (бесов), наказанных аллахом за тяжкие провинности тем, что они свергнуты на землю, стали смертными и получили отвратительную внешность, походя одновременно как на зверя, так и на человека.

Старик Хамид Ахметов, 70 лет, рассказал, что в 1952 г., выйдя рано утром из полевой сторожки на колхозном поле, он увидел на влажной земле следы двух детенышей «алместы», подходивших из кукурузы к самой сторожке. Через два года какие-то «алместы» бросали куски земли в ночевавших в сарайчике во время сенокоса колхозников, один «алместы» был замечен, но, по мнению Ахметова, кидали землю те же два детеныша. По этому поводу А.А. Машковцев замечает, что, если это верно, то в окрестностях селения Баксаненок в настоящее время живет по крайней мере одна семья «алместы», состоящая из отца, матери и какого-то количества детей разного возраста, которая, возможно, охраняется кабардинцами этого огромного селения, насчитывающего около 5 тыс. жителей.

Из других рассказов Ахметова отметим лишь одну деталь: когда одного подсевшего ночью к очагу «алместы» на рассвете гнали собаки, «он бежал, а руки его болтались ниже его колен».

Елена Григорьевна Алексанова (63 лет, русская, жена кабардинца колхозника, с. Псыньшоко) рассказала, что в июне 1959 г. около 11 ч. утра она на своем участке услышала мяукающие звуки и нашла среди кустов картошки сидевшего на корточках ребенка приблизительно 6–7-летнего возраста. Все его тело было покрыто черными волосами, волосы на голове были всклокоченные, как бы слегка курчавые, лицо было человеческое, но кожа лица — совершенно черная. Как оказалось, этого «алместенка» гнали по огородам собаки и, видимо, увидав женщину, он искал у нее спасения, пока она ходила за мужем, детеныш скрылся в бурьян позади огорода. Е. Алексанова добавила, что ежегодно в период полевых работ она слышит от кабардинцев и кабардинок о встречах «алместы» то в лесу, то в кукурузе, то в кустарниках. Но, как доверительно сообщила А.А. Машковцеву колхозница Марят Алхасова, в 1957 г. к их соседу на усадьбу регулярно приходил «алместы», которого тот кормил, однако всячески скрывал это от всех жителей селения и, конечно, ничего не расскажет приезжему.

Объездчик Гедукинского заповедника Салим Загаштуков рассказал, что в 1946 г., в июле, он оставил в небольшом заброшенном домике на лугу свою мамалыгу и ушел косить траву, а вер-

нувшись застал в домике «алместы», доедавшего мамалыгу, кото
рый выскочил и убежал в лес. Тем же летом он вторично встрети
этого «алместы» в лесу, но, с тех пор более не встречал.

Вот что рассказал заведующий свинофермой Нашир Панжо
ков. В 1958 г. видели «алместы» возле старого свинарника, летом
1959 г. был встречен «алместы» очень высокого роста в Чегем
ском лесу (на р. Чегем). Тем же летом 1959 г. на горных пастби
щах в районе гор Инал и Кинжал в урочище Домбей-Кермен ра
зыгралась трагедия. Два пастуха-коневода увидали как какой-т
зверь с пастбища спустился в лесистое ущелье. Один из пастухо
побежал с ружьем в том направлении, вскоре раздался страш
ный крик, на помощь бросился второй с ружьем. Оба не верну
лись к табунам. Только через два дня были найдены их страшн
изуродованные трупы с оторванными руками и головами; ство
лы ружей были погнуты. Нашир Панжоков с основанием утвер
ждает, что официально признанный виновником медведь нико
гда не расправляется так с жертвами. Нашир Панжоков окончи
десятилетку, знает зоологию. «Думаю, — говорит он, — что пас
тухов убил огромный дикий горный человек, что-то вроде горил
лы. У нас — добавил он, — кроме совершенно не опасных, без
обидных «алместы», в горах и диких ущельях встречаются еще го
риллоподобные страшно свирепые горные дикие люди».

Однако другие рассказчики дают то же название «алместы»
этим существам очень большого роста (гораздо выше самых вы
соких людей), они очень похожи на людей, но их тело сплошь по
крыто черными волосами, они издают сильный, острый, непри
ятный запах. От людей они спасаются с такой быстротой, что
собаки их догнать не могут. Интересно, что место обитания эти
«алместы» приурочивается к районам, прилегающим к горе Ина
и Кинжал. А.А. Машковцев слышал от ряда информаторов, что
этих местах в пещерах обитают «алместы», которых пастухи из се
ления Куркужин и ветеринарный врач Бетал Кумыков ежегодн
видят, когда летом пасут в этих местах колхозный скот. Ветери
нарный врач Кумыков сделал наблюдение, что чаще всего «алме
сты» встречаются на этих горных пастбищах в период выжеребк
кобыл, последы которых они поедают.

По утверждению нескольких жителей селения Кизбурун-Вто
рой, около колхозного полевого стана в течение 15 лет жила пар
старых, уже поседевших «алместы». Они не очень боялись люде
но очень боялись собак. Жившая постоянно на этом полевом ста
не сторожиха кормила этих «алместы» остатками пищи, котору
она варила для колхозников во время летних полевых работ. Он

не обладали членораздельной речью, а издавали звуки, похожие на мычанье.

Р.Д. Варкасовым записано сообщение Хамила Тленкопачева. В 1937 г. в пионерском лагере, где он был секретарем комсомольской организации, кто-то ночью похитил мясо из котла, на следующую ночь поставили сторожа, в полночь он заметил на территории лагеря человекообразное существо, у которого были очень длинные руки, узкие плечи и удлиненная голова. Сторож поднял тревогу, все бросились за «алместы», но поймать его не удалось, его угнали от лагеря собаки.

Житель с. Баксаненок молодой кабардинский поэт Х.А. Шублаков в конце октября 1957 г, бродя в районе Псеариша, заметил следы ребенка, очевидно, детеныша «алместы» на полузамершей болотистой почве около степной речки.

Преподаватель агрономии средней школы селения Баксаненок Апон Георгиевич Тетцоев, осетин, рассказал А.А. Машковцеву 31 июля 1960 г. о событии, происшедшем за два дня до того, ночью 29 июля на посевом стане №2, где он провел двое суток с бригадой учеников старших классов. Когда легли спать, собаки полевого стана лаяли на кого-то в стороне кукурузного поля и были долго возбуждены. Часа в два ночи галопом примчалась кем-то напуганная на лугу лошадь полевого сторожа. Затем раздались тревожные крики из домика, где спали девушки. Одна из них, Л. Заракушева рассказала: она спала у порога, проснулась от шороха, разбудила подругу, обе с ужасом из-под одеяла смотрели на человекообразное существо, которое подошло к дверям и смотрело на спящих. Это был огромного роста и очень широкоплечий «алместы», немного постояв он опустился на корточки, продолжая рассматривать спящих. Услышав голос агронома, кричавшего на перепуганную лошадь, «алместы» медленно, не торопясь встал на ноги и вышел из домика. Наутро агроном А.Г. Тетцоев расспросил полевого сторожа, ответившего, что около полевого стана №2 где-то в кукурузе или в конопле каждое лето живет «алместы», который в течение этого (1960) года вот уже третий раз приходит на полевой стан, к домику.

А.А. Машкоацев 4-го августа 1960 г. посетил этот полевой стан, беседовал со сторожем и с двумя поварихами, которые варят пищу для колхозников. Сторож сказал, что, переночевав несколько дней на полевом стане, приезжие может быть и увидят «алместы». Но поварихи принялись укорять прибывших за то, что они охотятся, ищут, хотят поймать «алместы», пугая, что делать этого не надо во избежание несчастья. У А.А. Машковцева осталось впечатление, что поварихи эти кормят приходящих на

полевой стан №2 «алместы», может быть целую семью, по слова жителей с. Баксаненок, женщины колхозницы каждый год встр чают «алместы» около этого полевого стана №2.

В с. Нартан на р. Нальчик со слов колхозника Бекулова запи сано следующее происшествие. Летом 1959 г. молодой кабарди нец где-то в лесу поймал маленькую девочку «алместы» лет 7– Жители сбежались к околице, где он держал за руку дикую ле ную девочку, одной рукой закрывавшую лицо. Сбежавшиеся к бардинцы приказали парню немедленно отвести ее в тот лес, г она была поймана, и отпустить на волю, во избежание несчасти которые в противном случае неизбежно обрушатся на селени По той же причине оказалось невозможным продолжить опро жителей. Сам Бекулов не хотел продолжать беседу об «алместы так как, по разъяснению его дочери, считает, что после того, ка он столкнулся в каком-то сарае в поле с «алместы» и, испуга шись, ударил его вилами, в семье начались разные несчастья.

А.А. Машковцев приводит убедительные данные в поль зу того, что «алместы» в какой-то мере находятся под защитой покровительством корана. Кавказские мусульмане, замечает о будут чинить препятствия в наших поисках этих существ. Эти достаточно наказанных аллахом джиннов правоверный мусул манин должен щадить в их тяжелой неприглядной жизни. А. Машковцев проводит любопытную зоологическую параллел как известно, мусульмане не охотятся на диких кабанов, поскол ку кораном запрещено есть свинину, и поэтому кабан на террит рии Кавказа (как и Средней Азии) в большом количестве обита в тех районах, где значительная часть местного населения — му сульмане. Как только в таких районах поселялось много люде придерживающихся христианского вероучения, так в этих ме тах очень быстро уничтожались дикие кабаны. Вот точно таки образом, исходя из иррациональных религиозных мотивов, му сульманство оказывается охранителем не только диких кабано но и диких волосатых лесных людей.

Анализируя все собранные записи, А.А. Машковцев прих дит к выводу, что они просты, искренни и реалистичны; приходи ся допустить, что в самом деле какие-то человекообразные суще ства, может быть питекантропного или неандерталоидного тип в очень небольшом количестве до сих пор обитают на террито рии Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. В летнее врем они встречаются на равнинной лесостепной территории Кабар дино-Балкарии. Вероятно, часть из них и зимует в лесостепно Кабарде, укрываясь от непогоды в пустующих полевых человеч ских строениях, а может быть получая приют и подкормку от нек

торых суеверных лиц. Однако не все «алместы» в Кабардино-Балкарии являются «нахлебниками» человека и живут вблизи поселков на равнине. Часть «диких лесных волосатых людей» живет в горах под Эльбрусом, в районе горы Инал и Кинжал в пещерах.

Являются ли эти горные «эльбрусские» дикие люди тем же самым, что и живущие на кабардинской равнине? А.А. Машковцев выдвигает два возможных решения: 1) это два разных типа, две особые расы, 2) дикие «великаны» Центрального Кавказа, достигающие огромного размера и огромной силы, это попросту очень крупные особи мужского пола тех же самых диких горных людей. Второе предположение представляется А.А. Машковцеву более вероятным. Зоологам хорошо известно, что у крупных млекопитающих самцы могут достигать значительно большего размера, чем самки. Огромного размера достигают подчас самцы медведей, диких кабанов, тигров. Чаще всего самцы, достигающие огромного размера, очень угрюмы, свирепы и любят одиночество. Охотники называют таких очень крупных кабанов «одинцами». Охота на них весьма опасна. Вот таковы же, возможно, и горные «алместы», — они более нелюдимы, достигают большого роста и огромной силы. Они предпочитают круглый год жить в непроходимых горных ущельях. Они гораздо более, чем молодь и особи женского пола, склонны избегать людей и близости населенных пунктов. Вероятно эта высокогорная популяция «одинцов» совершает сезонные миграции в области Главного Кавказского хребта, живя то на его северном, то на его южном черноморском склоне (Сванетия, Грузия, Абхазия).

Что касается до «алместы», живущих на равнине Кабарды, то А.А. Машковцев делает предположение, что это — особи преимущественно женского пола, в особенности имеющие детенышей или беременные. В поисках недостающих жизненных условий они принуждены делать попытки жаться к людям, — становятся «нахлебниками», воруют в садах овощи и фрукты, поедают отбросы, в полях питаются кукурузой, арбузами, ягодами терновника и т.п. Поскольку детеныши «алместы» очень похожи на человеческих детей, может быть материнское чувство женщин издревле, с далеких языческих времен побуждало их, в свою очередь, к жалости, к контактам с этими дикими существами (Машковцев А.А. Поездка в Кабардино-Балкарию 1960 г.; рукопись).

Наконец, закончим наш обзор данных по Кабардино-Балкарии записями, произведенными летом и осенью 1962 г. Вот фрагменты из записей С.Г. Мюге. Лесоруб из Баксана Хозали Жанкираев в лесу в района Эльбруса встретил волосатого человека, который схватил его за руку; Хозали вырвался, дикий человек его не

преследовал. Инженер И.И. Симонов, работавший в 1956 г. бли селения Жемгала, сообщил, что жители этого селения однажды придя утром на работу к месту изготовления клепок для боче застали возле непогасших за ночь углей костра дикого человека По словам ассистента КБГУ А.К. Темботова, во время последней войны партизаны, скрывавшиеся в балках района рек Малка Кич-Малка, в течение нескольких дней подкармливали двух «ал месты», живших в соседней пещере. Жители села Сармаково ут верждают, что в 1924 г. в трех километрах от села водился «алме сты»; видели его по ночам многие, но он избегал встреч с двумя более людьми. В 1935 (или 1937 г.) Баразби Ногмов в селении Ка меномост охранял склад, к нему подошел «алместы», но Ногмо от испуга (по поверью кабардинцев, от заколдовывающего взгля да «алместы») стрелять не смог, хоть и хотел. Шофер трактори Тохов в 1939 г., возвращаясь ночью, встретил на тропинке, прохо дившей через поле подсолнечника, находившегося на расстоя нии трех-четырех шагов «алместы»; Тохов зажег пропитанную ке росином паклю, которую носил с собой по ночам для защиты от волков, и при свете хорошо рассмотрел «алместы»: рост с чело века, покрыт шерстью, разрез глаз якобы вертикальный (може быть это впечатление создает сильно выраженное так называе мое «третье веко»?). Среди жителей селения Сармаково есть по верие, что «алместы» можно поймать и приучить выполнять до машнюю работу, однако лишь в том случае, если удастся у него вырезать кусок шерсти и спрятать в доме. В 1938 или 1940 г. Мат Жериков (свыше шестидесяти лет, сторож), рубя хворост в балк Шеголуба, увидел «алместы», побежал на полевой стан, вернулся с племянником Талибом Жериковым и они застали «алместы» н том же месте; увидев людей, «алместы» встал и ушел. Талиб Же риков в 1939 – 40 г, ночью проходил мимо уборной, которую лаем окружили собаки; Жериков бросил в уборную сверху ка мень (уборные часто ставятся без крыш) и оттуда выскочил «ал месты», который скрылся в бурьяне на близлежащем кладбище В 1936 – 37 г., в июне, дождливым днем чабан услышал в балк Аурсенд странный крик и, подойдя к краю балки, увидел в пеще ре три фигуры; он побежал на полевой стан селения Каменомос и привел с собой к балке человек 30, в том числе Талиба Кулише ва, со слов которого записаны дальнейшие сведения. В пещер увидели трех «алместы», повернувшихся к людям спинами и из дававших нечленораздельные звуки — «бормотавших»; так ка люди плотно стояли у входа в пещеру, «алместы» не пытались бе жать из нее, а люди их хорошо рассмотрели на расстоянии 3 – метров: рост немного меньше человеческого, коренасты, покры

ты черно-бурой шерстью, похожей на шерсть буйвола, местами сваленной как войлок; резкий неприятный запах «старого загона»; хвоста нет; глаза раскосые, красноватые; голова, по-видимому, немного длиннее, чем у человека, хотя точно трудно определить, так как она покрыта длинными, очень грязными и сбитыми волосами; шерсть на теле не очень длинная, но плотная, причем на груди длиннее, чем на боках и конечностях; наблюдатели якобы увидели какие-то набедренные повязки из тряпка или войлока. Кулишев уверен, что в этих балках «алместы» можно встретить и сейчас, хотя встречаются они гораздо реже, чем раньше.

Мухаммед Шагенов из с. Каменомост утверждает, что в 1933 г. утром у родника на него напал «алместы», началась борьба, но на шум прибежали собаки и «алместы» отступил, скрывшись в пещере. В этой же самой пещере в феврале 1960 г. охотник М.М. Балагов, преследуя раненую лису, натолкнулся на «алместы» — человека голого, покрытого бурой густой шерстью; охотник оставил лису и побежал домой. В районе Псыбундж (за Кич-Малкой) ехавший на волах Мурадий Хофиюгов лунннй ночью летом 1945 г. встретил на дороге двух «алместы». Тика Шаботеков, старик свыше 80 лет, по его словам, до последней войны много раз видел «алместы» в балках Джаман Кул и в балке левее с. Каменомост, преимущественно ночами; по его словам, после войны «алместы» в этих районах исчезли. По словам Бестана Шанахова, старика 105 лет, он около 50 лет тому назад возле пещеры по течению р. Малки видел «алместы»: рост небольшой (150–160 см.), глаза вертикальные (?), красные, весь покрыт черной шерстью — взлохмаченной, неаккуратной; волосы «на голове длинные, грязные, свисают космами; обладает очень неприятным запахом, напоминающим запах старой пещеры. «Алместы» что-то лопотал на нечленораздельном, нечеловеческом языке. Совсем не собирался нападать. Шанахов выставил пистолет, но «алместы» явно не понял его назначения. Заинтересовался блестящими ножнами кинжала. Походка у него почти человеческая. Шанахов и «алместы» стояли друг против друга несколько минут, затем оба отступили. Шанахов утверждает, что до этой личной встречи он не верил рассказам стариков о существовании «алместы».

Упомянутый выше Баразби Ногмов (свыше 70 лет) в старые годы был атаманом шайки разбойников и нередко скрывался в горах от преследований властей. В 1918 – 20 г. он проезжал верхом по долине Кич-Малки и на узкой тропинке встретил «алместы». Лошадь испугалась, но он рассмотрел «алместы» довольно подробно: шерсть с сединой, свалявшаяся как мох на дереве; глаза с вертикальным разрезом (?); старый мужчина; его сильный

неприятный запах позже несколько дней преследовал Ногмова Ногмов вспомнил, что убийство «алместы» навлекает несчастье и проехал мимо. Колхозник Кара Кочкаров, 70 лет, рассказывает что до образования колхозов он сеял кукурузу в долине р. Малки, ниже с. Каменомост. Однажды в зарослях кукурузы он увидел самку «алместы», которая кормила детеныша. Шерсть черная всклокоченная. Издавала сильную вонь. Была повязана тряпкой вокруг поясницы. Второй раз Кочкаров видел «алместы» на камне на самой середине реки Малка. Как он слышал от отца (объездчика), «алместы» часто воруют одежду, пищу, тряпки. «Далеко в горы не ходят. Там им кушать нечего». Часто видели прежде «алместы» за Пятигорском — в лесах и виноградниках.

Согласно записям С.Г. Мюге, некоторые кабардинцы различают две разновидности диких людей: 1) «алместы» — волосы длинные; глаза имеют вертикальный разрез, встречаются близко от селений, питаются падалью, воруют кукурузу и другие сельскохозяйственные растения на полях, 2) «мозыль» — лесной человек, водится вдали от селений; шерсть у него короче; грудь килевидная; глаза с горизонтальным разрезом; «мозыль» выше «алместы», больше похож на человека, одежды не носит. Ветеринарный фельдшер селения Каменомост, Балагов, интересовавшийся вопросом об «алместы», сообщил, что в дальних пещерах под Эльбрусом местные жители показывали ему череп, берцовые и другие кости, которые, по их словам, принадлежали «алместы» или «мозылю»; пещеры эти расположены на солнечной стороне долины Харбаза. Балагову известна и пещера в районе Джаман-Кую, где, по словам местных жителей, водились «алместы». Предварительный осмотр этой пещеры, произведенный С.Г. Мюге, дал скудные находки: много кочерыжек сырой кукурузы, немногочисленные отдельные кости животных, нижнюю челюсть и мелко раздробленные кости черепа ребенка 5 – 6 лет современного физического типа, следов огня и человеческой культуры не обнаружено. (Из сообщения С.Г. Мюге, 19 июля 1962 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Перейдем к записям, сделанным в Кабардино-Балкарии летом и осенью 1962 г. Ж.И.Кофман и членами ее группы — Л. Вегером, О. Ольшевской, В. Трошиным, Е. Сидельниковым.

Вот рассказ окончившей 3-й курс Ленинградской консерватории кабардинки Л.С. Озроковой (36 лет, Урванский район, Старый Черек). «Раньше, до войны, алмасты в нашей стране были уйма. Очень многие люди видели их. Видела в частности моя мать в молодости. Она работала в поле с другими крестьянами. Вдруг подошла группа алмасты и стала их дразнить — повторять их

движения: крестьяне работают тяпкой и алмасты, как будто держат тяпку, крестьяне сядут и те сядут. Крестьяне испугались, подошли к старику Али, который точил тяпки, так как работать он уже не мог. Он сказал: «не надо бояться, они не тронут». Когда мы были маленькие и уходили в лес, мать всегда предупреждала: «если увидите алмасты, не дразните их, не бросайте в них камней, палок». Отец мой, был большим охотником, охотился он в горах, в лесу. Он встречал алмасты много раз... Алмасты мужского пола называются «мазыль», алмасты женского пола — «губганана» (полевая старуха). «Алмастын» же — общее собирательное название. Так по-русски говорят «мужчина», «женщина», а обобщающее название — «люди». После войны алмасты видят значительно меньше». Тогда же записан дополняющий предыдущее рассказ Шамилят Озроковой, 70 лет. Лет 40 назад она была разбужена ночью лаем собак, наскакивающих на что-то в углу сада, и отскакивавших обратно. «Я посмотрела туда и увидела, что стоит губганана. Стоит прямо как человек, только очень большого роста, вся покрыта волосами, особенно длинные волосы на голове. Груди очень длинные, до низа живота. Лицо страшное, похожее на человеческое, только губы выдвинуты вперед. Похожа на обезьяну». Рассказчица сначала науськивала собак, но те боялись подходить слишком близко; затем взяла большую палку, подошла к «губганане» и сильно ударила ее, — та очень громко закричала и с места перепрыгнула через забор почти двухметровой высоты. «До войны очень много было у нас алмасты. Сейчас мало слышно. Они кушают все, что растет на огородах: огурцы, помидоры, початки кукурузы. Зимой они живут в лесу».

Рассказ Жандарби Дзахмишева (кабардинец, 59 лет, Лескенский район, Аргуданский техлеспункт). «Я видел алмасты в июле 1937 г. на южных склонах Западного Кинжала, точнее, на восточном берегу Тызыла. Я пас отару баранов, которые шли по берегу, а я выше их, по косогору. Было 10–11 час. утра, хорошая погода. Завернув за поворот, я вдруг увидел алмасты в 15 м. от себя, если не ближе. Он сидел на солнышке, в шерсти ковырялся. Я остановился, собак у меня не было, ружья тоже, а барашки внизу уходили. Тогда, постояв, я свистнул. На свист он повернул ко мне лицо. Я видел длинные волосы на голове. Лицо, кажется, похоже на человеческое. И тотчас он встал на ноги, весь волосатый, шерсть похожа на буйволью, и ушел на двух ногах в пещеру, перед которой сидел. Я опустился вниз и обошел пещеру. На третий день нас туда пошло человек 5. Мы зашли в пещеру. Там очень воняло. Были следы, похожие на след человеческой ноги, только свода нет, стопа плоская. Костей, подстилки какой-нибудь не

было. Пещера очень глубокая. За 10 лет, что я там пас скот, я видел алмасты только один раз. Но не было года, чтобы я не слышал от 3 – 4 человек о встречах алмасты. Там много сусликов, много горных индеек...» Ержиб Кошокоев (70 лет, селение Старый Черек) заявил, что до войны в их краях алмасты было очень много, «можно сказать — масса», сейчас же их очень редко встречают. Лично он видел алмасты дважды за свою жизнь. Первый раз это было в сентябре 1944 г. В составе отряда по охране порядка рассказчик ехал по конопляному полю, около Черной речки, когда ехавший впереди его резко остановил лошадь со словами: «смотри, алмасты!» Впереди, в нескольких метрах, говорит Кошокоев, стояла губганана, запихивавшая себе в рот верхушки конопляных стержней с семенами. Увидев отряд, она быстро на двух ногах побежала и спряталась в стоявший неподалеку кош. Отряд спешился и окружил кош, причем рассказчик был как раз против двери коша. «Пока мы приближались, губганана два или три раза выскакивала из коша, она казалась очень взволнованной: выскочит, суетится, бросится в одну сторону, а там — люди, вбежит обратно в кош, снова выскочит, бросится в другую сторону, но там тоже люди. При этом она гримасничала, губы быстро-быстро шевелились и она бубнила что-то. Между тем наша цепь все ближе приближалась к кошу, мы уже шли локоть к локтю. В это время губганана выскочила еще раз, заметалась, да вдруг закричала очень страшным криком и кинулась прямо на людей. Бежит она быстрее лошади. По правде оказать, люди растерялись. Она легко прорвала нашу цепь, с разбега прыгнула в овраг и скрылась в окружающих речку зарослях. Ростом она была примерно 1,80 м, здоровая, лицо плохо было видно из-за волос. Хотя на ней были обрывки старого домотканого кафтана, было видно, что груди до низа живота, а все тело покрыто длинными рыжими волосами, напоминающими волос буйвола. Я ходил смотреть следы в овраге: они очень маленькие, так что я очень удивился тогда несоответствию между ее ростом и длиной следа». Второй раз Кошокоев видел алмасты летом 1946 г., проезжая рано утром верхом вдоль кукурузного поля. Алмасты, сидевший у дороги, при приближении всадника встал и ушел в кукурузу. «Алмасты, — говорит Кошокоев, — надо выслеживать по ночам возле конопли, когда она созревает. Конопля — самая любимая его еда, он съедает ее очень много — ходит по полю и запихивает в рот грозди семян. При этом все время-бубнит «бум-бум-бум», чавкает, сопит, шуршит стеблями, так что когда алмасты ест коноплю, его ночью далеко слышно... Алмасты любят также арбузы. Раньше они приходили на бахчи и много вредили. Однажды я шел к колхозно-

му сторожу на бахче между старым Череком и Аргуданом. Смотрю — много испорчено арбузов, изгрызаны как-то странно, середина вся выедена. Взял один, посмотрел, там следы больших зубов. Я понял, что это алмасты. Подхожу к своему другу, смеюсь, говорю ему: «что же ты за сторож, посмотри какая у тебя бахча стала». Он отвечает: «не говори! измучил меня алмасты. Каждую ночь приходит и кушает арбузы. Я выхожу к нему с палкой, а близко подойти боюсь. Я кричу ему: как тебе не стыдно, уходи отсюда! он в ответ «бум-бум-бум». Я опять кричу: совести у тебя нет! ведь я отвечаю за арбузы. А он свое: бум-бум-бум. Так вот и переговариваемся с ним всю ночь». Кроме этого колоритного рассказа, Кошокоев в ответ на расспросы сообщил также, что лет 30 – 40 назад два пастуха нашли в лесу голову алмасты, недавно загрызенного собаками или волками. Рассказчик вспоминает, как сокрушенно говорили пастухи: «как жалко, как жалко алмасты». Как видим, во всех этих сценах нет открытой враждебности между человеком и «алмасты». Скорее налицо признаки известной взаимной адаптации. По словам того же Кошокоева, люди жалеют алмасты, прикармливают, когда те приходят к дому или в дом, а то и выбрасывают им старые лохмотья, «чтобы им не было холодно». Еще чаще «алмасты» сами воруют еду и одежду, последнее, может быть, они делают из любопытства и непреодолимого подражания. Если человек искупался на берегу речки, после его ухода нередко из леса к этому месту выходит «алмасты», осматривает, трогает и нюхает место, где лежала одежда.

Ибрагим Гулиев, балкарец, 31 года, вспоминает, что, когда ему было 7 – 8 лет, он в поисках потерявшейся козы наткнулся на лежавшую в траве «алмасты», свернувшуюся клубком. «Алмасты» была вся покрыта волосами темного, рыжеватого цвета. Она спала. Ростом она была примерно с девочку лет 13. Некоторые сообщения о подобных случайных встречах относятся к совсем недавнему времени. Балкарец Салим Хучуев, работник того же маслосырзавода «Коштан», 39 лет, сообщил, что в 1959 г. ночью лошади близ коша чего-то сильно испугались, и он выскочил с ружьем. «Вижу, ко мне приближается человек. Я окликнул его, но он не ответил. Он приближался и все время скалил зубы и смеялся, как истеричная женщина. Я направил на него ружье и крикнул: «стрелять буду!» Он засмеялся еще громче. Я зажег костер и тут понял, что это «алмасты». Увидев огонь, он начал пятиться и ушел». Назир Кулиев сообщил, что в октябре 1961 г. охотник из Тырны-Ауза, отправившийся вниз по речке, вскоре вернулся в сильном волнении: его напугало человекообразное существо, которое он увидел в ущелье близ Чертовой ямы. Это суще-

ство сидело на корточках, руки его были настолько длинны, что предплечья как бы лежали на земле. Это был мужчина, без всякой одежды, покрытый шерстью серого цвета, очень худой; похоже было, что он либо болен, либо очень стар. Тогда же, осенью 1961 г. произошло следующее происшествие с Хазизом Бечукуевым, балкарцем, 19 лет. «Я пас лошадей недалеко от центральной усадьбы совхоза «Эльбрусский». Как-то холодным туманным вечером мы с Хозыром Байдаевым сидели у костра. Из тумана показалась человеческая фигура. Когда она приблизилась, мы увидели, что это был алмасты. Алмасты сел у костра напротив нас и все время на нас смотрел. Это был мужчина. Волосы на голове у него были очень длинные, весь он был покрыт черной шерстью. Подробно мы его не разглядели. Он не уходил часов до 3 ночи, но утром его уже не было. На вторую ночь мы привязали верховую лошадь около костра. Он снова подошел к костру и все время был около лошади, но она осталась привязанной, он только ходил вокруг нее или сидел». То же было на третью ночь, и еще несколько раз алмасты подходили к костру пастухов, когда бывала плохая погода. Вот сообщение еще более свежее. 21 июля 1962 г. Нина Бодаева, кабардинка 19 лет, с 10-классным образованием, сообщила, что две недели назад, когда она, работая на прополке кукурузы на поле Псыхо, около полудня пошла набрать воды в реке Черек, у самой воды под плетнем бахчи она увидела человека, сидевшего в тени на корточках, подойдя ближе, увидела, что он весь с ног до головы покрыт рыжими волосами. Девушка испугалась и, бросив ведро, убежала.

Вот несколько сообщений о поимках и случаях приручения «алмасты». Абузер Жабоев, кабардинец, 28 лет, тракторист из с. Аушигер рассказал, что в 1939 г. его отец на конопляном заводе в с. Герменчик, въехав как-то вечером на лошади в конюшню, в углу увидел человека и окликнул его, но тот бросился к выходу и выскочил из конюшни. Отец погнался за ним на лошади и при дневном свете увидел, что это «алмасты», весь покрытый волосами, а волосы с головы достигали даже земли. «Алмасты» забежал в какое-то помещение, то ли в цех, то ли в баню, вызвав там переполох, а отец вбежал туда и схватил его за волосы. Подоспевшие люди помогли отцу задержать его. «Алмасты» заперли в сарае и держали 2 – 3 часа, затем решили отправить его в Нальчик. Отец получил за поимку «алмасты» 500 руб. награды. Точно так же многие жители с. Сармаково сообщили, что летом 1962 г. Харитон Бекулов (пос. Новая Жизнь, Прикумского района) во время заготовки камыша и купания сумел захватить «мозыля» — человекообразное существо, покрытое густой черной или темно-бу-

рой шерстью. Отец его, Зачи Бекулов, подтвердил факт поимки его сыном «мозыля» и получения 500 руб. премии. С.Т. Штымов, кабардинец 45 лет, кандидат педагогических наук, директор средней школы рассказал так о чуть не состоявшейся поимке и поисках «алмасты» его братом. «Это правда, что в нашей стране есть алмасты. Я сам видел его в детстве. Это было летом 1924 г., во второй половине августа. Мы возили лен на теребилку, в районе Урочища Псытауша, в 9 км. от Баксаненка по, направлению к г. Прохладный. Меня оставили возле повозки с лошадьми. Но мне было скучно, я стал ходить поблизости и забрел в старый, заброшенный кош. Это было во 2-м часу дня и вначале, после солнечного света, я ничего не заметил в коше. Потом, когда глаза привыкли к темноте, я разглядел какое-то волосатое существо, которое сидело в углу на корточках. Я стоял в дверях, закрывая выход. Я закричал от испуга. На крик прибегал мой старший брат Саша, которому было тогда 40 лет. Он сразу определил, что это «алмасты», так как ему приходилось неоднократно встречать их. Он сказал мне: «Не бойся, не обращай внимания, это существо безобидное, ты видишь — оно почти такое же, как мы», и стал подходить к нему. Тогда алмасты издал пронзительный громкий писк, как обезьяна. Брат пытался схватить его. Алмасты сопротивлялся. Возились они несколько минут. Наконец алмасты вывернулся и на двух ногах выбежал из сарая. Он нырнул в заросли. Сам я все это время стоял в стороне и дрожал от страха. Шерсть на алмасты была густая, черная. На голове очень длинные волосы. Лица я не видел из-за свешивающихся с головы волос. Ростом он был небольшой — 1,30–1,35 м. Вскоре после этого, в 1925 г., в то время как брат мой был председателем сельсовета, к нему из Баку или из Еревана приехал товарищ врач. Этот врач интересовался алмасты. Он специально приехал к брату потому, что брату приходилось, когда он был партизаном в гражданскую войну, неоднократно, видеть эти существа в лесных трущобах и зарослях. По просьбе этого врача брат вместе с ним в течение июля занимался поисками алмасты. Они объезжали верхом весь район, заходили в заброшенные коши, сараи. Наконец, однажды, в том же районе, где я видел, брат наткнулся в коше на алмасты. Он бросился на него, крича товарищу, чтобы тот поспешил на помощь, но, прежде чем врач успел сойти с коня, алмасты вырвался и убежал. Я помню, что они потом сожалели о том, что выехали только вдвоем, а не взяли с собой целую группу».

Очень чтимый среди балкарцов старец Тапа Хазиевич Шаваев, около 100 лет (сел. Былым, ныне Угольное) дал очень любопытные сведения о приручении и прикармливании «алма-

сты» балкарцами в прошлом. «Раньше их было много и они часто жили у людей. В нашем селении, например, была одна семья, Ахматовы. У них постоянно жил алмасты в доме… В Каменомосте (по нашему, Кармакабак) тоже жил алмасты в одном доме. Я часто ночевал в том доме. Каждый раз, когда семья садилась за обед или ужин, во двор выносили паек алмасты. Один раз забыли оставить, и когда вернулись вечером, оказалось, что он все перерыл в доме в поисках своего пайка: перешвырял всю посуду, все кастрюли, ложки, миски… Раньше можно было найти алмасты. Теперь очень трудно. Сараи, в которых он жил, сгорели, а люди (приручавшие его) все умерли. Зимой они живут в пещере или в том доме, с которым познакомились. Но только люди, у которых алмасты живет, редко когда говорят об этом…»

Наконец, вот еще одна из записей 1962 г. Вернее, это соединение двух независимых друг от друга записей, относящихся к одному и тому же случаю. Главный механик Сармаковского маслосырзавода М. Темботов рассказал, что года 2 – 3 назад ночной сторож одной из летних ферм Умар Урчуков сообщил ему о следующем происшествии. Поздно вечером сторож, сидел в коше у огня. В кош зашел огромного роста алмасты — мужчина, покрытый волосами, который открыл бидон с молоком и долго пил, а, напившись, бросил бидон, не обращая внимания на льющееся молоко, и направился в дальний угол коша, где и находился всю ночь. Утром его уже не было. М. Темботов попросил сторожа на случай, вторичного прихода алмасты выкладывать у входа сырую глину для получения отпечатка следа. Действительно, сторож через несколько дней сообщил, что отпечаток получен, однако, по приезде М. Темботова, оказалось, что след затоптан скотиной, ночевавшей в коше. Через несколько дней сторож сообщил по телефону, что у него украли тюк шерсти. Отправившись по следу, сторож пришел в пещеру, где на разбросанной шерсти спал его ночной гость. Сторож испугался и убежал. М. Темботов немедленно приехал, и они вдвоем пошли к пещере. В ней была обнаружена шерсть, служившая кому-то постелью. Эту шерсть, говорит М. Темботов, мы со сторожем отнесли к нему в кош. (Из записей 1962г. группы под руководством Ж.И. Кофман. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Все эти весьма обильные сообщения, поступающие из Кабардино-Балкарии, если принять их за несомненные, характеризуют эту область как занимающую особое положение на Кавказе не только по количеству наблюдений, но и по двум ясно выступающим особенностям. Во-первых, здесь много сведений о детенышах, что давало бы основание рассматривать именно дан-

ную часть Большого Кавказа как очаг размножения кавказского «снежного человека» в наши дни. Во-вторых, здесь многочисленны упоминания о приручении или полуприручении этих существ, об их подкармливании, об использовании ими посадок культурных растений и пустующих строений, словом, об определенных элементах какого-то своеобразного син-антропизма.

СВАНЕТИЯ. АБХАЗИЯ

Если мы перевалим в этих местах через Главный Кавказский хребет с Северного Кавказа на территорию Грузинской ССР, то в прилегающих районах, в частности, в Сванетии, мы снова находим совершенно независимые свидетельства о встречах «дикого волосатого человека».

Например, Г.Т. Гвалия сообщает рассказы стариков о существовании «дикого человека» (мужчин, женщин, подростков) в лесах по течению р. Цхенис-Цкали (Сванетский хребет). Приведя несколько записей рассказов, Г.Т. Гвалия обобщает: «Говорили, что дикие люди очень похожи на человека, имеют рост человеческий или немного выше; они голые, только покрыты шерстью; умеют быстро бегать, плавать в воде; могут кричать громким голосом, но не умеют говорить. Рассказывали, что эти «дикие люди» бывают также и маленького роста — роста десятилетнего мальчика. Поймать их не удается, так как они быстро бегают и очень хитры» (Сообщение Г.Т. Гвалия. Архив комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Бывший военнослужащий Зиатулло Рахимов (таджик, поселок Шахринау Гиссарского района) сообщил, что в 1956 г., когда он служил на Кавказе в окрестностях Казбека и его часть располагалась в двух километрах от поселка Джава, местные жители и часть старослужащих солдат, особенно местного происхождения, говорили, что в тенистых лесах у подножия Казбека живет существо, похожее на человека, только заросшее волосами. Молодые солдаты хотели поохотиться на него во время похода, но им запретили делать это. Рассказчик помнит, что «дикого человека» видели днем, летом (Из записей В.А. Ходунова летом 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»). Однако надо сказать, что сбор опросных данных по интересующему нас вопросу в северных высокогорных районах Грузинской ССР еще едва только начат и поэтому дал пока значительно меньше, чем по некоторым другим указанным выше областям Кавказа.

Небольшую опросную рекогносцировку в этих краях произвели в декабре 1961 г. С.В. Мюге и К.М. Великанова. Вот кое-что из

их записей. Житель с. Гвебря, умерший в 1960 г., Антон Навериани рассказывал следующий случай опрошенным порознь врачу Нижерадзе (с. Местия), своему брату И. Навериани (с. Мулахи), С. Иоселиани (с. Лахиери): он шел молиться в монастырь Кала и на Угвырском перевале встретил волосатую голую женщину с длинными волосами и довольно крупными зубами; А. Навериани уже выхватил было кинжал для обороны, но женщина пронзительно закричала и скрылась в кустарнике. Другая пациентка врача Нижерадзе и его дочери, по фамилии Довлетхан, по ее словам, лет 30 назад в лесу недалеко от Местии увидела качающуюся на ветвях дерева волосатую девочку и, испугавшись, убежала. 82-летний житель с. Лаштхвер Георгий Пилфани рассказал и о происшедшем с ним случае и о слышанной им молве. В 1910 или 1911 г., на берегу речки Тубулдыр (место Чуанеш), где осыпь или естественный камнепад совершенно исключены, кто-то явно в него бросал камни; не сумев проскочить и вернувшись в селение Роталь, он услышал от жителей, что в этом районе водится «очо-кочи» и что подобные случаи бывают довольно часто. Г. Пилфани слышал рассказы с традиционными сюжетами: А. Нипиани, оставшись после удачной охоты ночевать в лесу и жаря шашлык, увидел подошедшего к костру «очо-кочи», который принялся копировать его движения, пока на нем не загорелась шерсть и он не убежал в лес; Давид Удестиани убил «очо-кочи» и после этого у него погибли дети и внуки.

Такие рассказы не привлекают особого внимания исследователя. Но подчас среди них встречаются и неожиданные, жизненные штрихи. В 1919 году, рассказывает Г. Пилфани, в Сванетии была эпидемия «испанки», многие дома и даже селения опустели, и вот в это время люди встречали «очо-кочи» — и в окрестных лесах, и в самих покинутых или вымерших поселках. Лет 20 – 30 назад в с. Бечу во время жатвы пропала девочка 5 лет Катя Хургиани. Ее искали более суток и, наконец, нашли высоко в горах в глухом ущелье. Девочка рассказала, что ее похитила волосатая женщина, которая сутки таскала ее на себе и кормила грудью, но услышав приближавшиеся крики разыскивавших девочку людей, бросила ее и убежала по скалам. Сообщаются бытовые подробности: жители Бечу на радостях зарезали «в жертву» двух быков и пировали; ныне Катя Хургиани, выйдя замуж, переехала в с. Цхмер, у нее трое детей.

По рассказам абхазских сванов, переданным Г. Пилфани, «очо-кочи» ростом немного выше человека, покрыт шерстью, имеет большие зубы, следы его похожи на человеческие, но пальцы более растопырены, особенно оттопырен большой па-

лец, слегка схожи они и с медвежьими, которые, однако, охотники хорошо знают и отличают от этих уверенно. Видимо, население предполагает возможность скрещивания, так как когда у одной сванки родился ребенок уродливый, с большими зубами, жители решили, что отцом его является «очо-кочи» и убили ребенка. В селении Маржане жители говорят, что слышали о диком человеке — «мужали», но не видели его, на вид он, по слухам, как мужчина, покрыт волосами, говорить не может, громко, пронзительно кричит.

В абхазской Сванетии на границе с Карачаевской Автономной областью в селении Птищи, рассказал Г. Пилфани, лет десять тому назад на выездную пасеку в горах (место Даль) повадился ходить «очо-кочи» воровать мед. Жители селения смешали мед с аракой (водкой) и «опоили» «очо-кочи», потом связали его и отправили в Сухуми. Дальнейшая судьба его неизвестна, но говорили об этом больше года. Запрошенный сотрудник Сухумского обезьяньего питомника действительно слышал лет десять назад, будто где-то в горах поймали дикую женщину, но, по слухам, собирались отправить ее в Москву, а не в Сухуми.

В с. Арцхели невестка охотника Эрмане Жоржалиани, карачаевка по национальности, родом из Теберды, поделилась слышанным от отца об обитании в Карачаевской Авт. области «арач-кщи» (лесного человека). На вид он как человек, в шерсти, ходит голый, ростом выше человека; говорят, что иногда нападает на людей, во всяком случае местные жители его боятся и ходят в горы с оружием. Отец рассказчицы якобы сам однажды встретил «арач-кщи» возвращаясь в селение из гор. Говорят, что особенно много этих диких людей в Абазинском лесу, в частности, в ущельях, в которых растут дикие груши. Карачаевцы считают, что наряду с «настоящими» дикими людьми есть и «одичавшие» карачаи и абазинцы. (Из записей С.Г. Мюге и К.М. Великановой в декабре 1961 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Однако никаких систематических сборов сведений по указанным областям Кавказа еще не производилось.

Летом 1962 г. собраны некоторые дополнительные сведения по Сванетии. Старики рассказывали, что в 20 км. от с. Икори водятся «давы» («дэвы») — дикие волосатые люди. Точно так же из опасения встретить «давов» люди боятся ночью ходить по дорогам в районе селений Накра, Таврари, Кичх, Илдаш, Цалери. Особенно много слухов о «давах» между селениями Таврари и Накра. (Сообщение С.Г. Мюге от 15 июля 1962 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Несколько лучше дело обстоит только в Абхазской АССР. Как уже говорилось, в этнографической литературе собрано довольно много записей народных рассказов об обитавших в прошлом в стране «абнаоэ» («лесных людях») — сильных, безобразных, покрытых волосами существах. Обобщая эти рассказы, этнограф Г.Ф. Чурсин в книге «Материалы по этнографии Абхазии» (1956) пишет: «Мною собраны более подробные сведения как относительно внешнего вида абнаоэ, так и об его образе жизни. Абнаоэ, по рассказам абхазцев, похож на человека. У него высокий рост, он весь покрыт шерстью… Абнаоэ ночью выходили на охоту, днем укрывались в недоступных лесных дебрях. Пока было много недоступных лесов, абнаоэ имели достаточно приволья и простора. Но с тех пор, как леса частью вырублены, частью прорезаны тропинками, пришел конец лесному человеку. Он или удаляется в нетронутые дебри, или погибает от руки отважного охотника или пастуха, — говорят старики абхазцы».

88-летний абхазец Джалмат Дерголиа (с. Калдахвари Абхазской АССР) в таких словах передал нам со всей возможной точностью рассказ, который он слышал от своего деда как очевидца (следовательно, излагаемые события должны были иметь место не более чем 200 лет тому назад). «В те времена вверх по течению реки Бзыби никто не ходил дальше впадения речки Джуя, так как начинались места, где обитали абнаоэ (лесные люди) или, что то же самое, адоу (великаны, или дикие люди). Это были дикие места. Поймать абнаоэ было невозможно. Но известный охотник Мардипо Мардасо организовал поимку, налив для них вместо воды, которую они приходили пить, много водки. Только пьяными их удалось поймать, причем сразу трех. Всех трех пойманных крестьяне связали и доставили князю Шервашидзе (правителю Абхазии и Мингрелии). Все трое были мужского пола. Они были во всем подобны человеку, но без одежды, целиком покрыты черной шерстью («как барашек»). О каком-то каменном или костяном острие на груди у абнаоэ болтают пустяки, ничего этого нет, абнаоэ во всех отношениях похож на человека. Ростом они были до трех аршин. Абнаоэ — дикий человек, поэтому речь его людям непонятна. У князя Шервашидзе пойманных абнаоэ кормили мясом. Они прожили у Шервашидзе около года, дальнейшая судьба их неизвестна. Но в пещере в ущелье реки Бзыби осталось гнездо абнаоэ, которое Мардипо Мардасо затем разыскал. Их было там пять или шесть. Мардипо Мардасо стрелял в них и ранил одну волосатую женщину. После этого абнаоэ ушли неизвестно куда. В пещере, где они жили, осталось много

костей». (Записано 7 октября 1960 г. Б.Ф. Поршневым и Н.И. Бурчак-Абрамовичем.)

Проф. А.А. Машковцев во время поездки в Абхазию в августе-сентябре 1958 г. записал несколько рассказов жителей о встречах с «дикими лесными людьми» и в настоящее время. Так, житель селения Псху, Козаренко, сообщил, что известный охотник С.С. Семененко в 1935 г., охотясь по р. Бзыби, заметил на снегу след, похожий на след медведя. Через некоторое время, выглянув из-за выступа скалы, Семененко увидал, что под большой пихтой, прислонившись к стволу дерева, стоял человек весь в шерсти темно-серого цвета и тут же на глазах охотника он сел на корточки, взявшись за голову руками. Охотник подчеркивал, что ему были хорошо видны все движения этого странного человека в шерсти (Машковцев А.А. Указ. рукопись, стр.5).

Наконец, остается упомянуть, что и севернее, в районе Государственного Кавказского заповедника, согласно одному сообщению, якобы недавно имела место подобная же встреча М.Н. Кукавы. (Сообщение В.И. Таирова. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Все, что было приведено в этой главе, — лишь разрозненные, более или менее случайно записанные сообщения населения. В целом же исследование проблемы возможности обитания реликтового гоминоида на Кавказе — самый молодой раздел исследований о реликтовом гоминидном высшем примате нагорной Азии. Есть много сторонников отнесения всех без исключения кавказских сведений к народным поверьям, мифологическим образам. С другой стороны, внимательное чтение всех этих по большей части конкретных рассказов, всех этих утверждений многочисленных пользующихся уважением и доверием людей оставляет неустранимое чувство проступающей в них биологической реальности.

Важный аргумент в пользу реальности сведений о кавказском «снежном человеке» — то, что они и здесь хорошо укладываются на определенную физико-географическую основу, приходясь целиком на Большой Кавказский хребет, Малый Кавказский хребет и Талышские горы, и увязываются с современными данными зоогеографии Кавказа, подтверждающими возможность известной диффузии фауны между всеми перечисленными районами.

К числу материалов, которые могут быть привлечены для строгого биологического анализа вопроса о реликтовых гоминоидах Кавказа, в частности, Северного Кавказа, должны быть отнесены сделанные здесь же, на Северном Кавказе остеологи-

ческие находки: так называемая «подкумская» черепная крышка имеющая неандерталоидный характер, и сближаемые с нею не которыми авторами четыре других черепа, хранящихся в коллек ции местного музея в Пятигорске. Под именем «подкумской на ходки» в антропологии известны кости скелета, обнаруженные в 1918 году при проведении землекопных работ на одной из улиц Пятигорска. Обломки черепа и плечевой кости находились ниже найденных тут же глиняного сосуда и полированного каменного орудия. Антрополог М.А. Гремяцкий пришел к выводу, что «под кумский человек» может быть отнесен к неандертальской груп пе по таким показателям, как значительно развитые надбров ные дуги, особенности профильной линии, проведенной через середину верхнего края глазницы, большие размеры межглаз ничного пространства, высокий межглазничный указатель, поч ти полное отсутствие лобных бугров и др. (Гремяцкий М.А. Под кумская черепная крышка и ее морфологические особенности // Русский антропологический журнал, 1922, т.12, в. 1 – 2; его же. Остатки нижней челюсти и зубов подкумского человека. // Тру ды антропологического института, в. 1 (Приложение к: Русский антропологический журнал, 1925, т .14, вып.1 – 2; его же. Струк турные особенности фрагментов подкумского черепа и его древ ность // Антропологический журнал, 1934, №3). Одновременно геолог В.П. Ренгартен, хотя и не имевший возможности познако миться с местом самой находки, охарактеризовал в целом те от ложения галечников и глин террасы, к которым могла бы быть по его мнению приурочена находка: они соответствуют вюрмской ледниковой эпохе (Ренгартен В.П. О возрасте отложений, заклю чающих остатки подкумского человека // Русский антропологи ческий журнал, 1922, т.12, в. 1 – 2). Казалось, все позволяло счи тать «подкумского человека» неандерталоидом. М.А. Гремяцкий оговаривал лишь, что неандерталоидные морфологические при знаки несколько менее выражены на подкумском черепе в срав нении с классическими западноевропейскими неандертальски ми черепами, но объяснял это особенностями местной северо кавказской расы неандертальцев. Позже (1948) М.А. Гремяцкий включил «подкумскую» черепную крышку в одну группу с «хва лынской» и «сходненской», характеризующими переходную фор му ископаемых гоминид между палеоантропом и неоантропом (Гремяцкий М.А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному // Ученые за писки МГУ. М., 1948, в. 115, Труды музея антропологии.).

Однако вскоре после первых описаний «подкумской крыш ки» уже возникли сомнения в том, можно ли ее безоговорочно

отнести к неандертальской стадии антропогенеза по принятым в науке того времени представлениям. Д.Н. Анучин отметил, что соответствующие признаки на ней «не резко выражены; они значительно сглажены. Тем не менее они имеются». Ганс Вейнерт подчеркнул, что геологическое время, установленное Ренгартеном, является все же слишком поздним для неандертальского периода и соотносится со временем существования людей кроманьонской расы — со временем верхнего палеолита. «Итак, — писал Вейнерт о «подкумском человеке», — здесь налицо не неандертальский период, но, конечно, неандертальская форма. И эта форма фактически ближе к неандертальцу, чем ископаемое из Пжедмоста, Подбабы или Брюкса, но она все-таки не является вполне неандертальцем» (Вейнерт Г. Происхождение человечества. Пер. с нем. М. – Л., 1935, с. 1 – 334 (247)). Загадка еще более запуталась, когда Н.М. Егоров (1933) и авторитетный археолог Б.В. Лунин убедительно доказали, что нет оснований обособлять костные находки (как оказалось, носящие следы красной охры) от вещественных находок, хотя бы и лежащих чуть выше: сосуд, орудие и окрашенный скелет составляют единое погребение, датируемое эпохой бронзы, погребальная яма просто «впущена» в четвертичные делювиальные отложения. Оказалось, что аналогичные и связанные с ними памятники эпохи бронзы достаточно многочисленны в Пятигорщине и в Кабардино-Балкарии. Все они относятся к одному и тому же времени хронологически не столь уж отдаленному от наших дней. С археологическими памятниками этого же времени, по-видимому, связаны и все четыре неандерталоидных черепа, хранящихся в Пятигорском музее, причем на одном из них (Моздок I) морфологические особенности неандерталоидного типа выражены еще более резко и отчетливо, чем на «подкумском черепе» (Лунин Б.В. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных // Советская археология. М., 1937, №4).

Итак, по поводу «подкумской крышки» и некоторых ее северокавказских аналогов сложилось удивительнейшая ситуация. Их поздний, в геологическом смысле современный, а в археологическом «палеометаллический» возраст навряд ли вызывает сейчас сомнение. Мысль некоторых антропологов в связи с этим устремилась к тому несомненному факту, что и на сериях черепов современного человека наблюдаются отдельные неандерталоидные признаки, хотя никогда не сливающиеся в комплекс некоррелированных признаков неандертальца (Яцута К.Э. Неандерталоидные признаки на черепах современного человека // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного уни-

верситета. Ростов-на-Дону, в.4.). Но навряд ли на этом пути найдется разгадка «подкумского черепа». С выводом М.А. Гремяцкого, что подкумские костные фрагменты принадлежат человеку не современного, а неандерталоидного, хотя бы и переходного, типа, согласны многие авторитетные антропологи: Заллер (1925), Вейнерт (1932), Эйкштедт (1934), Дебец (1948) и др. Этот вывод не аннулируется даже тем, что внутренняя поверхность черепной крышки (эндокран) «подкумского человека», как и внутренняя поверхность «сходненской черепной крышки» не обладают столь выраженными неандерталоидными чертами, как их наружная поверхность (Кочеткова В.И. Количественная характеристика изменчивости лобной доли эндокранов ископаемых гоминид // Вопросы антропологии. М., 1961, т. 6). Перед нами все-таки кости неандерталоида, хотя бы и со «стертыми», «сглаженными» отличительными неандертальскими признаками.

Однако, загадка пятигорских черепов удовлетворительно решается, если отнести их к реликтовым неандерталоидам — таким же самым, какие, судя по описательным данным, обитают еще и сейчас в тех же районах Северного Кавказа. Достаточно предположить, что, на определенной ступени развития родового строя, этих диких гоминоидов, когда их удавалось полуприручить, ублажали подношениями, приписывали им благотворное влияние на судьбу рода и хозяйства, а потому и хоронили с теми же почестями, как и родовых старейшин. Ниже мы увидим, что по данным классической мифологии такое предположение вполне возможно. Свидетельствует ли стертость неандертальских признаков на подкумском и моздокских черепах о гибридизации с человеком современного типа? Такое допущение не обязательно, во всяком случае в упрощенном виде. Дело в том, что обзор всего описательного материала по Северному Кавказу оставляет впечатление, что у «алмасты» здесь неандерталоидный габитус вообще менее выражен, чем в области основного азиатского ареала: он здесь в среднем столь же «сглажен», как и неандерталоидные черты на этих черепах, что можно объяснить оторванностью кавказской популяции или расы от основного ареала вида, естественной прижатостью ее биотопов к местам обитания людей. Итак, есть основания рассматривать «подкумский» и другие примыкающие к нему по типу черепа Северного Кавказа как принадлежащие «алмасты». Место «подкумской находки» непосредственно граничит с районами, где в наши дни зарегистрированы показания жителей о встречах с «алмасты», например, с Вольским районом, река Подкумок является параллельной реке Малка, к долине которой относятся многочисленные современные указания жителей на обитание «алмасты».

Мы закончили обзор предварительных данных по Кавказу. Остается неизбежный вопрос: оканчивается ли «западная ветвь» Кавказом?

Нет, мы прошли только часть пути. От Ирана, территорию которого мы включили в ареал «снежного человека» лишь путем исторической реконструкции, «западная ветвь» раздваивается.

Одно ответвление, южное, ведет нас через Месопотамию и Аравию в Африку. В Африке современные следы «дикого человека» возникают снова. Благодаря новейшим открытиям 1959 и 1960 гг., в частности, открытиям Шарля Кордье, это стало вполне вероятно. Заслуживающие внимания данные относятся к некоторым местам Западной, Центральной и Восточной Африки. Но за всеми сведениями о «сеитах», «агогве» и других африканских аналогах «снежного человека» я отсылаю читателя к соответствующей главе книги Айвена Сэндерсона. Повторять здесь содержание этой главы не имело бы смысла (Sanderson I. Op.cit., chap. 9; Сандерсон А. Op. cit, гл. 9).

Другое ответвление «западной ветви» выводит нас через Малую Азию (Босфорского пролива не было еще 6 – 7 тысяч лет назад) и через Кавказ в Европу. И в Восточной Европе, и в Центральной, и в Западной мы знаем сейчас кое-какие фольклорные реминисценции. Есть совершенно разрозненные сведения о еще недавних визуальных наблюдениях тут и там — возможно, в последних реликтовых очажках. Но эту главу сегодня писать еще рано. Вероятно она будет написана в будущем.

Часть III

АНАЛИЗ, СИНТЕЗ, ПРОГНОЗ

Глава 11

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ HOMO TROGLODYTES L. («СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»). МОРФОЛОГИЯ

В главах 2–5 была изложена история проблемы «снежного человека», в главах 6–10 — дан обзор описательного материала по географическим областям. Теперь мы можем сделать опыт морфологический и биологической характеристики «ночного (снежного) человека».

В предыдущих обзорах по географическим областям нас привлекало не каждое сообщение по отдельности, а только их совокупность. Мы искали доказательство действительного обитания на земле реликтового гоминоида (сейчас или в недавнем прошлом) не в каком-либо приведенном сообщении, а исключительно в их системе. Нас убеждает не тот или иной рассказ, а их связь и соответствие друг другу. Ничто не изменится поэтому, если теперь и были бы отброшены некоторые рассказы. Для науки это уже несущественно: за строительными лесами возникло здание. В конечном счете, все эти обзоры должны служить, во-первых, для обоснования определенного мнения об ареале реликтового гоминоида, т.е. тем самым о среде этого вида, во-вторых, для подготовки синтеза сведений о его видовых признаках и свойствах.

ПОЛИТИПИЗМ ИЛИ ПОЛИМОРФИЗМ?

Вопрос состоит том: представляет ли суммирование этих описательных данных какую-либо основу для зоологических выводов или хотя бы гипотез? Поражает одновременно и единообразие основных сведений и их многообразие в смысле конкретности новых и новых вскрывающихся жизненных деталей. И это неисчерпаемое богатство проявлений, которого никакое воображение не могло бы породить, убеждает в реальности описы-

ваемого вида живых существ не менее сильно, чем стойкость главной общей характеристики.

Но с самого же начала мы сталкиваемся с двумя кардинальными вопросами, которые должны быть решены. Сейчас главную роль в судьбах возникающей науки о реликтовом гоминоиде играют не споры со сторонниками представления, что «снежный человек» и его аналоги s это миф, плод народного творчества. В сущности, этот спор о действительности реликтового гоминоида будет окончательно позади, когда завершатся два основных спора между теми, кто убежден в реальности этого живого ископаемого. На очереди дня именно эти дискуссии, а не полемика со скептиками, которые, как правило, просто плохо знакомы с современным состоянием описательных и вещественных данных.

Сформулируем обе дискуссионные проблемы со всей остротой, чтобы не двигаться навстречу им на ощупь в процессе биологического анализа и синтеза. Первая состоит в следующем: идет ли речь об одном виде живых существ, или, может быть, о нескольких? До сих пор крупнейшие авторитеты, как д-р Б. Эвельманс, а еще раньше Том Слик и другие знатоки вопроса, наконец, д-р А. Сэндерсон, видели выход из всех трудностей, возникающих на пути создания определенной биологической идеи о «снежном человеке», в гипотезе о наличии даже только на южных склонах Гималаев не одного, а двух, может быть и трех совершенно различных типов не известных до сих пор науке прямоходящих двуногих существ. Так ли это в действительности, или более вероятна гипотеза об одном типе? Вторая проблема состоит в анатомо-морфологическом сближении этого вида (либо этих видов) с чистыми антропоидами или о примитивными, т.е. имеющими обезьяньи признаки, гоминидами. Если нет спора, что, вследствие отсутствия искусственных орудий, речи, социальной жизни, изучаемые существа должны рассматриваться как животные, а не люди, то в главах ряда специалистов это автоматически влечет за собою отожествление их с антропоидами. Но это явно противоречит описательным материалам. Вот где, собственно говоря, находится современная питательная почва гипотез о двух или нескольких совершенно различных типах существ, именуемых населением «дикими людьми», якобы лишь случайно смешиваемых неосторожными авторами. Как видим, обе коренные проблемы тесно связаны.

Сначала гоминидная версия вообще не приходила в голову почти никому из исследователей. Гималайские данные о «снежном человеке», собранные путешественниками, спортсменами, охотниками, журналистами, питали в их сознании почти единст-

венную гипотезу: на южных склонах Гималаев обитает неизвестный вид антропоида. Всякое сближение с человеком отбрасывалось, ибо ведь все описания явно говорили о животном. Только после того, как мы отважились раздвинуть географические рамки прежнего представления об ареале «снежного человека», дополнительно привлеченный материал выявил совершенно неоспоримые гоминидные черты у описываемых существ. Чтобы не жертвовать уже сложившимся представлением о гималайском «страшном антропоиде» или даже о двух-трех типах этих неизвестных высокоразвитых высших обезьян, некоторые ученые, в их числе даже такой проницательный, как Б. Эвельманс, склонялись к тому, чтобы расклассифицировать все имеющиеся сведения на две не связанные друг с другом группы: часть сведений отнести к неизвестному высокоразвитому горному антропоиду, другую — к какой-то низкой, эволюционной форме гоминид.

Однако более близкое ознакомление о совокупностью привлеченных сведений показало, что весь этот материал в той или иной мере взаимосвязан. И вот, в 1961 г. появилась попытка построить концепцию, охватывающую весь материал как целое. Она принадлежит А. Сэндерсону. Автор вполне отдал себе отчет, что охватить единой гипотезой все сведения о человекоподобных волосатых диких существах, собранные в разных местах земного шара, можно только при условии сдвижения этого собирательного объекта от обезьян в сторону людей. А. Сэндерсон отмечает, что этим переосмыслением темы он обязан влиянию советской научно-исследовательской деятельности в данном вопросе. Даже заглавием своей книги он показывает, что тема о «снежном человеке» для него есть тема о «суб-людях». По словам А. Сэндерсона, ключ к научной систематизации всего имеющегося описательного и вещественного материала о существах, подобных «снежному человеку», состоит в сравнении их с человеком: рассматривая их как единое биологическое явление, он в то же время предлагает разделить их на четыре группы в зависимости от степени близости их тела и поведения к человеческому. Классификация начинается с группы существ наиболее близких к человеку, заканчивается — наиболее отдаленными, хотя все четыре охватываются общим условным названием ABSM (abominable snowmen). Таким образом достигается двоякая цель: низшая (четвертая) группа, которую Сэндерсон называет «суб-гоминиды», не отнесена к антропоидам и в то же время не порывает резко с наследием того этапа, когда весь гималайский материал истолковывался как весьма далекий от чего-либо общего о человеком. В результате классификационная схема, предлагаемая А. Сэндерсоном, выглядит как

своего рода мост, переброшенный им между двумя концепциями, мост, состоящий из четырех пролетов.

Четырем группам ABSM Сэндерсон дает следующие условные наименования: I «суб-люди» (Восточная Евразия: Малайя, Индокитай, Южный Китай, Центральная Азия); II «прото-пигмеи» (Индонезия, Индия, Африка, возможно, Центральная Америка и северо-запад Южной Америки); III «нео-гиганты» (Индокитай, Восточная Евразия, Северная и Южная Америка; IV «суб-гоминиды» (юг Центральной Евразии: Нань-Шань, Гималаи, Каракорум). Для каждой из этих четырех групп А. Сэндерсон дает перечень характерных признаков, а также список нескольких типов, известных по описательным материалам. Общее число этих типов в развернутой схеме на стр. 356 – 358 достигает 15, а в упрощенной схеме на стр. 360 доведено до 8 и, по словам автора, не может быть далее сокращено. Мы не будем приводить здесь обобщенных характеристик каждой из четырех групп по А. Сэндерсону. Пока отметим лишь, что третью группу, «нео-гигантов» он готов вслед за Б. Эвельмансом и другими авторами сближать с гигантопитеками, а четвертую группу, связанную с высокогорными лесами, помещает где-то между самыми примитивнейшими из гоминид и высокоразвитыми понгидами (обезьянами), но все же ближе к последним, основным аргументом в этом случае служит реконструкция стопы, сделанная В. Чернецким, весьма спорная, как увидим ниже (Sanderson I. Op. cit., chap. 16. В русском переводе данная глава отсутствует).

Приступая к изложению своей схемы, А. Сэндерсон заверял нас, что он будет исходить отнюдь не из вариаций размера особей, что, по его словам, не имеет отношения к сути дела. Но в дальнейшем все же именно рост волей-неволей оказывается одним из главных классификационных признаков, что видно даже по названиям второй и третьей групп. Действительно, сама идея о возможности разбить накопленные сведения о «снежном человеке» на несколько типов была навеяна предшествовавшими попытками классификации, в основе которых лежал преимущественно этот признак.

В результате экспедиции 1958 года Том Слик, опираясь на данные, собранные братьями Бирнами, сформулировал как почти окончательный вывод, что в Гималаях существует по меньшей мере два типа обезьяно-человеко-подобных существ (ИМ, II, №49). Этот вывод Эвельманс считает наибольшим вкладом, сделанным экспедициями Тома Слика в изучение проблемы «снежного человека». Одному типу «йе-ти» приписываются следы, достигающие 13 дюймов в длину и черные волосы до 8 дюймов дли-

ной, другому — следы по размерам подобные человеческим или даже значительно меньшие, а волосы более короткие и красноватого оттенка. По мнению Эвельманса, это предположение о двух (а может быть и о трех) разных типах объясняет все противоречия, которые могут быть замечены в собранных материалах. «В то время как одни очевидцы говорят, что снежный человек — гигант, все шерпы, видевшие его, утверждают, что он — меньше человека или приблизительно такого же размера». Все сведения о том, что «йе-ти» — гигант, поступают из самых высоких мест Гималаев, с границы Тибета. По утверждению одного цитированного Иззардом паломника, один вид «йе-ти», самый большой, живет высоко в горах, другой, самый маленький, — в нижних долинах; высокопоставленный лама Пуньябайра заявил в 1957 году в г. Катманду, что, как ему известно, существует три вида «йе-ти»: «ньялмо», ростом в 4 – 5 метров, живущие на самых больших высотах, плотоядные, затем «рими», ростом не выше 2,5 метра, живущие ниже, всеядные; наконец, «ракшибомпо», не превышающие 1,7 метра ростом, растительноядные (ИМ, I, №18).

Эвельманс приводит ряд свидетельств, подтверждающих существование по крайней мере двух последних типов. Он считает твердо установленным существование двух типов «йе-ти» разного размера и цвета. По всей вероятности, полагает Эвельманс, это — две различные географические разновидности одного вида. Но он допускает, что может быть речь идет всего лишь о половом диморфизме, ссылаясь на то, что старые самцы гориллы достигают огромных размеров и уже могут ходить только по земле, в то время как самки все еще лазают по деревьям. «Таким образом, самец йе-ти из самых сильных, наиболее массивного телосложения и, соответственно, из наиболее приспособленных выносить холод, может быть, является единственным, кто отваживается проникать в верхнюю зону гор в поисках добычи. Не исключено и то, что маленькие красноватые «йе-ти» могут быть детенышами больших черных, — у гиббонов цвет может полностью меняться с возрастом, от белого с небольшой примесью серого в период половой зрелости до очень черного» (Heuvelmans B. Op. cit., p. 176–177).

В предыдущей главе мы приводили аналогичные соображения проф. А.А. Машковцева в отношении кавказских данных: относимых преимущественно к высокогорью «алмасты» — гигантов можно толковать как огромных одиночек-самцов. Точно так же есть немало оснований хотя бы часть низкорослых особей и популяций истолковать не как пигмеев, а как подростков, возможно, довольно рано отделяющихся от родителей и живущих

преимущественно в более подходящих именно для них экологических условиях.

Как видим, в основе возникновения гипотезы о двух или трех видах или разновидностях «снежного человека» лежали расхождения данных: 1) о размере следов, 2) о росте, 3) об окраске волосяного покрова. Но уже приведенные размышления Эвельманса и Машковцева справедливо указывают на возможное объяснение этих различий половыми и возрастными особенностями в пределах одного вида, без предположения о разновидностях или особых типах. Приведенный выше опросный материал по различным географическим областям характеризуется также известным разнообразием показаний как по этим трем признакам, так и по другим.

Классификационная схема А. Сэндерсона основана не только на этих признаках. Однако ряд других предложенных им отличий каждой из четырех групп ABSM представляются еще более оспоримыми. Со схемой А. Сэндерсона невозможно согласиться, она не имеет под собой достаточных оснований. Укажу на такие ее слабые стороны: 1) большая часть указываемых им признаков при характеристике той или иной группы повторяется и при характеристиках других групп, или по крайней мере двух или трех из них, т.е. эти признаки не столько различают группы, сколько смешивают их, 2) некоторые признаки подтверждены еще слишком малым материалом и могут вообще отпасть при дальнейших исследованиях; 3) во многих географических районах отмечены наблюдения двух или трех обособленных А. Сэндерсоном типов ABSM, — представляется биологически невероятным обитание в тесном соседстве друг с другом каких-то разновидностей и, напротив, легко представить себе смежные, но различные возрастные стации.

Я не вижу необходимости детально опровергать теорию четырех групп ABSM А. Сэндерсона, так как, по моему мнению, эта рабочая схема неизбежно отомрет сама собой. Она искусственна. Причину ее возникновения я уже отметил выше: это вполне понятное желание автора сохранить «единый фронт» с теми, кто на прошлом этапе создали из скудных гималайских данных ошибочный образ «страшного антропоида».

Более глубокая причина появления классификационной схемы А. Сэндерсона лежит в широко распространенном представлении зоологов, будто познание состоит в классификации. Но, по моему мнению, это не совсем так. Я отнюдь не исключаю, что в будущем мы сможем выделить разновидности, типы или локальные расы исследуемых нами животных. Но сегодня это преждевременно. У нас нет достаточного материала для надеж-

ной и строго обоснованной классификации. К тому же любая гипотетическая схема классификации, по моему представлению, в настоящий момент не помогает, а мешает как нашим исследованиям, так и нашей полемической борьбе с теми, кто отрицает самое существование вообще какого бы то ни было реликтового гоминоида.

Я предлагаю другой метод, другой ход мыслей: пока давайте строить не клетки или рубрики, а гамму или шкалу. Иными словами, представим себе известную амплитуду колебаний многих признаков в рамках данного вида. Это значит, что мы возьмем в качестве рабочей основы идею не политипизма, а полиморфизма или богатства вариаций. Выигрыш такой схемы очевиден: мы изучаем не несколько объектов, а единый объект.

В современной зоологической систематике допущение размаха вариаций в пределах вида и разновидности остается по-прежнему спорным вопросом. Одни зоологи заметное отклонение какого-либо признака считают уже достаточным основанием для выделения особой разновидности, другие же считают вид и разновидность более гибкими понятиями, допускающими более или менее значительный размах вариаций тех или иных признаков.

В пользу последнего представления можно привлечь пример из палеоантропологии: признаваемый всеми вид «неандертальский человек» (Homo neanderthalensis; Homo primigenius) отличается огромной амплитудой вариаций во многих отношениях, в том числе и по росту. Неоспоримо единство этого вида, но в то же время его представителям присуще и значительное многообразие морфологических оттенков. При этом сначала могло казаться, что речь идет о множественности локальных форм, однако, после открытия костных остатков в палестинских пещерах не подлежит сомнению огромный размах именно индивидуальных вариаций. Говоря о неандертальцах, как о цельной видовой эволюционной группе, мы в то же время различаем среди них формы то более специализированные, то более обобщенные, то далекие от неоантропа, то в довольно высокой степени схожие с ним по многим признакам. Иными словами, перед нами пример морфологически очень «расшатанного» вида.

Этот пример приведен пока только для того, чтобы по аналогии поставить вопрос: почему не представить себе не менее полиморфным и вариабильным интересующий нас вид «ночной (снежный) человек»? При этом упор, очевидно, следует сделать на полиморфизм не в смысле наличия разновидностей, локальных географических рас, а в смысле размаха индивидуальных

вариаций. Последние, конечно, должны закрепляться и превращаться в локальные особенности в случае ограниченности возможностей внутривидового общения на всем протяжении ареала. Известно, что у вымирающих видов, в условиях распадения ареала на изолированные местные очаги обитания, в последних могут быстро закрепляться локальные различия. Но навряд ли эта параллель безоговорочно применима к собранным предварительным данным о реликтовом гоминоиде: пока мы имели основание предположить отрыв от общего ареала и изоляцию только некоторых очагов, в этих случаях действительно есть вероятность возникновения локальных рас или разновидностей. К тому же реликтовый гоминоид ни в коем случае не принадлежит к животным малоподвижным, прикованным на всю жизнь к ограниченному месту обитания. Мы видели, что на его азиатском ареале умещается пять видов уларов, семь видов пищух, но всего один вид бородача, один вид снежного барса: несомненно, что реликтовый гоминоид по своей способности преодолевать большие расстояния больше заслуживает сравнения с бородачом или снежным барсом, чем с уларом или пищухой. Поэтому наиболее правдоподобным представляется тезис, что на всем основном ареале обитания реликтового гоминоида, очерченном выше, он представляет собою один-единственный вид.

Итак, мы принимаем как наиболее вероятное предположение: 1) весь описательный материал, приведенный в предыдущих главах, если признать его достоверным, относится к одному виду; 2) это вид весьма полиморфный; 3) наряду с индивидуальными и, допустим, локальными вариациями, следует учитывать возрастную и сезонную изменчивость таких признаков, как окраска, а также половой диморфизм. Такое понимание вполне удовлетворительно охватывает всю сумму имеющихся в нашем распоряжении сведений.

ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЕТ ОБ ОДНОМ ВИДЕ, ТО ЧТО ЭТО ЗА ВИД, К КАКОМУ СЕМЕЙСТВУ ЕГО СЛЕДУЕТ ОТНЕСТИ?

Прежде всего, надо постараться выяснить, не принадлежит ли АВСМ к какому-либо уже известному виду (хотя бы в качестве разновидности). Для этой цели нам следует опереться в первую очередь не на приведенный выше описательный материал, а на наличные вещественные данные. Последние скудны, но тем более надо взять из них все возможное, к тому же для сравнений у нас в руках как раз есть описательный материал, что значительно обогащает возможности обсуждения.

В основном речь пойдет о двух группах материальных препаратов: 1) о следах (поскольку они не только описаны, но и зафиксированы с помощью фото, слепков и зарисовок), 2) о мумифицированной кисти руки из Пангбоче.

СКАЛЬПЫ

Что касается «скальпов» из монастырей Пангбоче и Кумджунг, приписываемых «йе-ти», то навряд ли стоит рассказывать здесь всю их длинную эпопею. Напомню, что эта находка в 1954 г. казалась очень важным событием в исследовании проблемы «снежного человека». Были опубликованы фотографии, данные о размерах, об особенностях кожи и волос. Некоторые эксперты, как, например, проф. Вуд Джонс, утверждали, что эти «скальпы» могли быть искусственно сделаны из кожи, взятой с плеча какого-нибудь копытного животного. Много изобретательности и остроумия проявил д-р Б. Эвельманс для обоснования гипотезы о подлинности этих «скальпов». Но именно ему-то и принадлежит честь мужественного отказа от обманчивого пути и блестящего раскрытия тайны происхождения этих скальпов. Как известно, та особая отрасль сравнительной анатомии, которая занимается изучением волос, не располагает никакими средствами систематики, так что по образцам волос невозможно даже сказать, принадлежат ли они хищнику, грызуну, копытному, примату, — специалисты принуждены прибегать к атласам для определения, сравнивая свои образцы с волосами разнообразных животных. Б. Эвельманс блестяще довел до конца поиски животного, из кожи которого были изготовлены некоторые обнаруженные в непальских монастырях «скальпы», приписываемые «снежному человеку». Это оказалась весьма редкая разновидность горной козы, Capricornis sumatrensis thar. Комиссия экспертов, изучавшая «скальп» из Кумджунга, привезенный Э. Хиллари в Америку и Европу, всего лишь повторила этот неоспоримый вывод Б. Эвельманса. История вопроса хорошо изложена в его статье «Как я рассеял тайну скальпов йе-ти? (Heuvelmans B. Gomment j'ai percй le mystйre des scalpes du yйti // Science et Avenir. Paris, 1961, №169, Mars.). Но если «скальпы» отныне отпали как вещественный материал для анатома и зоолога, то совершенно справедлива и выдвинутая мысль, что раз есть подделки, значит соперничество между буддийскими монастырями побуждало искусственно изготовлять то, чем другие располагали и привлекали публику; значит где-то могут найтись не копии, а оригиналы.

Эти «скальпы» конической формы сыграли плохую роль в истории реконструкций внешнего облика «снежного человека».

Английский антрополог В. Чернецкий и чешский антрополог Э. Влчек попытались каждый по своему реконструировать форму черепа и голову «йе-ти» исходя из своеобразия его «скальпа» (Чернецкий В. О природе снежного человека (приложение к книге: Иззард Р. По следам снежного человека. Пер. с англ. Предисловие С. Обручева. М., 1959, с. 218 – 220); Vlček E. Co víme o «sněžňem muži?» // Živa, 1958, Ročnik VI (XLIV) [6 (44)??], ą2, Brězen.). А. Чернецкий пошел еще дальше и к голове чисто умозрительным путем присоединил очертания корпуса и конечностей. Получилось нечто в высшей степени несуразное. Но, к сожалению, эти рисунки В. Чернецкого получили широчайшее распространение и оказали влияние на воображение тех, кто трактовал «снежного человека» как чудовищного антропоида, не имеющего близкого подобия среди живых существ.

Но если «скальпы» сами по себе ничего не могут сказать нам о форме головы «снежного человека», то все же приданная им коническая форма не случайна: с Гималаев, отчасти и из других областей мы имеем в описательных материалах неоднократные указания на коническую форму головы этих существ. Навряд ли это может быть объяснено специфической формой черепа, ибо во множестве других описаний нет и намека на такую отличительную особенность головы. Правда, на черепах некоторых ископаемых гоминид — питекантропа, родезийского человека — заметен выступающий сагиттальный шов, но далеко не достаточный, чтобы придать голове видимость конической. Очевидно, разгадку надо искать в деформации кожных покровов.

Можно ли предложить какое-нибудь удовлетворительное объяснение гипотезе о значительном разрастании подкожной клетчатки в виде толстого валика, идущего через макушку и, может быть, придающего голове многих экземпляров «снежного человека» как бы вытянутую вверх, яйцеобразную форму, даже если исключить особенное развитие сагиттального шва на черепе как места прикрепления сильных жевательных мышц (височных мышц)? Да, такой «мысленный эксперимент» представляется возможным. А именно, основой для него может явиться описание очень своеобразной позы сна «снежного человека», данное В.А. Хахловым: самка, которую его информатор наблюдал почти ежедневно на протяжении нескольких месяцев, спала (по-видимому, днем) ничком на подогнутых под себя немного расставленных коленях и локтях, положив кисти рук на затылок и в качестве пятой точки опоры упираясь в землю головой, причем, по словам рассказчика, не столько лбом, сколько верхней частью головы, в той или иной мере подогнув голову под себя. В пользу правдо-

подобия такого описания позы сна могут быть приведены следующие соображения. Во-первых, именно эта поза зафиксирована и у очень маленьких детей человека, что можно принять за онтогенетическое повторение функции, имевшей биологический смысл у далеких предков. Во-вторых, наличные в наших описательных материалах случаи неожиданного приближения людей к спящей особи «снежного человека» неизменно подчеркивают, что особь спала ничком, хотя, разумеется, неожиданность и испуг исключали более точную фиксацию позы, в частности, положение передних конечностей и головы. В-третьих, описанная поза сна дает удовлетворительное объяснение довольно необычному, но совпадающему в нескольких независимых описаниях расположению ворса волос на теле «снежного человека»: в верхней части тела — ворсом вверх, в нижней части тела — ворсом вниз; как известно, даже направление роста волос на руке и предплечьи антропоидов и человека в сторону локтя является приспособлением для отекания дождевой воды при позе, когда кисти рук находятся на голове, — тем более указанное направление роста волос на теле «снежного человека» должно было наилучшим образом обеспечить стекание дождевой воды при указанной выше позе сна. Раз так, становится понятной необходимость значительного разрастания подкожной клетчатки и образования не только благоприобретенных, но, возможно, и наследственных кожных утолщений, «мозолей» как на коленях и локтях, упирающихся подчас в каменистый и даже ледяной грунт, так и по сагиттальному краю головы, также упирающемуся в этот грунт; В.А. Хахлов подробно передает сведения о затвердении и огрублении «как подошва у верблюда», обезволошенных мест кожи на локтях и коленях, но лишь бегло упоминает, что то же самое наблюдается и на лбу, не говоря об остальной части головы и не связывая этого с ее заостренностью к затылку.

СТОПА, ЛОКОМОЦИЯ

Перейдем к первой группе материальных препаратов, имеющихся в нашем распоряжении для суждения о морфологии и систематическом положения ABSM — к обширным сериям то более то менее удачных фотографий следов этого существа (преимущественно на снегу), дополняемым слепками, а также зарисовками, замерами и описаниями его следов.

Именно следы «снежного человека» долгое время давали повод для самых разноречивых и при этом категорических суждений: авторитетно утверждали, что это следы медведя, лангур

(тонкотела), босого человека. Все эти предположения, основанные на недостаточно точном анализе, хотя для этой цели существует целая высокоразвитая отрасль полевой зоологии, так же как и криминалистики (ихнология), давно сданы в научный архив. Но бывают в истории той или иной проблемы такие вопросы, которые любители споров снова и снова извлекают на свет только потому, что они не дают себе труда учиться. К сожалению, о проблеме реликтового гоминоида нередко высказываются те, кто не знает уже пройденных этапов науки. Но в настоящей книге, посвященной не прошлому, а современному состоянию вопроса, незачем разбирать те наивные догадки, которые некогда высказывались вследствие новизны темы даже весьма солидными экспертами, а в дальнейшем, при внимательном разборе аргументов и данных, канули в Лету. Вполне достаточно будет отослать интересующегося читателя к компетентному разбору всех этих отпавших версий в не раз уже упоминавшейся книге бельгийского зоолога Эвельманса (Heuvelmans B. Op. cit., p. 133–148). Общий итог скрупулезного рассмотрения как данным автором, так и другими, выдвигавшихся прежде предположений состоит в том, что подавляющая часть сфотографированных, следов «снежного человека» абсолютно не может быть приписана ни медведю, ни единственной водящейся в Гималаях более или менее крупной обезьяне — лангуру (тонкотелу). Крайне несерьезна и не заслуживает опровержений версия А. Розенфельд и С. Обручева, будто следы, приписываемые «снежному человеку», могут оставлять на снегу горцы, разувающиеся на перевалах ради экономии обуви.

Современный этап в вопросе о следах ABSM состоит в следующем. Адекватность «классических» снимков, сделанных Шиптоном в 1951 г., подтверждена в настоящее время обильным контрольным материалом, хотя никому не удалось пока превзойти качество шиптоновских фотографий. Интересным дополнением явился гипсовый слепок следа, доставленный экспедицией Тома Слика в 1958 г. Из не-гималайских материалов следует отметить слепки и зарисовки следов в Северней Америке, принадлежащие Айвену Сэндерсону и Питеру Бирну. Некоторый предварительный материал, к сожалению, лишь в виде оконтуровок и зарисовок следов, представлен к настоящему времени и с Кавказа. В общем, в руках исследователя — значительная серия следов, зафиксированных с весьма различной степенью точности.

Главный вопрос состоит теперь в том, можно ли приписать все эти следы представителям одного и того же вида и типа живых существ, или в них наблюдаются такие принципиальные разли-

чия, которые требуют отнесения их к существенно разным типам. А. Сэндерсон, рассмотрев отпечатки стопы четырех типов ABSM, приходит к выводу, что «классические» шиптоновские следы глубочайшим образом отличают четвертый тип, т.е. группу «суб-гоминид», от первых трех. Это служит одной из главных опорных точек для всей идеи А. Сэндерсона о необходимости разделить ABSM на качественно особые группы или типы. А. Сэндерсон выражает согласие с «русскими учеными» в том, что следы типа «алмас» *мало чем отличаются от следов неандертальца* и, следовательно, сам «алмас» может рассматриваться как потомок неандертальца; этого же типа следы найдены и в Америке, и в Африке. В этих следах очень много общего со следами современного человека, никогда не носившего обуви, и лишь очень тонкий анализ вскрывает отличия. Напротив, полагает А. Сэндерсон, шиптоновский след «снежного человека» весьма отличается от человеческого, хотя бы и неандертальского. Этот шиптоновский след представляется А. Сэндерсону чем-то не укладывающемся в рамки морфологии известных млекопитающих: большой палец огромный, но не приведен, как у человека, а отставлен, второй палец тоже отставлен от трех остальных (Sanderson I. Op. cit., Appendix B; Сандерсон А. Op. cit, Приложение А). Но в этом своем суждении А. Сэндерсон не самостоятелен — он полностью опирается на исследования В. Чернецкого. Поэтому, если мы хотим разобраться, нам придется познакомиться с историей изучения вопроса.

В своей первой статье (1954) В. Чернецкий сделал важное сопоставление контура стопы «снежного человека» по шиптоновскому снимку не только с очертанием следа гориллы, с которым они резко расходятся, но и с окаменевшим отпечатком следа неандертальца, сохранившимся в «Пещере Ведьм» — Танаделла-Базуа — в Лигурии и опубликованным проф. А.К. Бланком в 1952 г. Оставим пока в стороне некоторый неоправданный произвол В. Чернецкого в реконструкции деталей следа «снежного человека» (II и V пальцы). Так или иначе, контуры стопы «снежного человека» и неандертальца, несмотря на значительное различие индивидуальных абсолютных размеров, по справедливым словам В. Чернецкого, «обнаруживают величайшее сходство».

Однако, несмотря на это, в итоге обсуждения В. Чернецкий делает неожиданный вывод: никакого близкого родства между «снежным человеком» и гоминидами установить нельзя, особенности стопы «снежного человека» требуют отнести его к особому роду и семейству, в то время как непосредственная генетическая связь между современным человеком и неандертальцем может считаться неоспоримой. Что же привело В. Чернецкого

такому выводу? В отпечатке ноги «снежного человека», пишет он, «совмещаются и обезьяньи и человеческие черты... Обезьяньи признаки: большой палец очень короткий и отклонен внутрь. Бросающиеся в глаза человеческие признаки: короткие пальцы и общие очертания широкой ступни. Характерными для снежного человека признаками являются исключительно широкая и массивная пятка, а также соотношение между длиной ступни и ее шириной у пальцев... Ширина и массивность пятки снежного человека чрезвычайно показательны. Этот человеческий признак у снежного человека выражен даже более ярко, чем у современного человека и у ископаемого неандертальца» (Чернецкий В. О природе снежного человека (приложение к книге: Иззард Р. По следам снежного человека. Пер. с англ. Предисловие С. Обручева. М., 1959, с. 218 – 220).

Вторая статья В. Чернецкого (1960) посвящена специально реконструкции стопы «снежного человека» на основе фотоснимка Эрика Шиптона. Сначала В. Чернецкий, глядя на очертания следа, изготовил гипсовую модель стопы, затем этой моделью произвел отпечатки на снегу, оказавшиеся весьма сходными с естественными следами. Тогда было дано весьма точное анатомическое описание этого гипсового макета, отожествляемого со ступней «снежного человека». С самого начала эта методика покоится на ошибке: естественные следы оставлял не жесткий предмет, какова гипсовая модель, а мягкий и подвижный; сходство искусственных следов с естественными отнюдь не доказывает, что механика их образования была тождественной, т.е., что «снежный человек» опускал на поверхность неподвижную как застывший гипс стопу. Напротив, сходство следов доказывает неполное сходство модели с натурой. Да и что значат с точки зрения анатомии такие слова, описывающие в деталях эту гипсовую модель: «мизинец менее согнут, чем остальные пальцы»? Значит ли это, что остальные более способны сгибаться, или что они так и окостенели в этом согнутом положении?

И все же, несмотря на эти неосторожные отожествления, в реконструкции В. Чернецкого можно отличить то, что отражает объективную действительность, от того, что механически и искусственно устроено для получения сходства следа. К последнему относится в особенности реконструкция несуразного, противоречащего морфологии приматов второго пальца, тогда как особенности его отпечатков на снегу должны быть объяснены не его статической формой, а его подвижностью, его движением в момент ступания по снегу. Вот эта-то ошибка, кстати, и ввела в заблуждение А. Сэндерсона, поместившего противоестествен-

ную выдуманную В. Чернецким стопу «снежного человека» даже на обложку своей книги. Французский антрополог А. Валлуа также останавливается в полном недоумении перед этой реконструкцией второго пальца: «его форма, восстанавливаемая таким образом, не соответствует ничему известному ни у людей, ни у обезьян; она не поддается объяснению». Несколько ниже А. Валлуа приближается, как мне кажется, к правильной разгадке: «Некоторые необъяснимые черты этого отпечатка не дают признать его без оговорки: не скользила ли оставившая его стопа, как это часто бывает, если идти по мягкому снегу, или если почва расположена полого» (Vallois H. Du nouveau sur l'Homme des neiges? // L'Anthropologie, 1960, t. 64, p. 381 – 382).

Из бесспорных же наблюдений В. Чернецкого над своим макетом отметим следующее.

Передняя часть ступни очень широка (около 43% длины), что, как справедливо отмечает В. Чернецкий, обнаруживается также на ступне неандертальца из пещеры Киик-Коба в Крыму. Кости плюсны укорочены сравнительно с ногой современного человека, а фаланги длиннее. Глубина отпечатка, сделанного в снегу большим пальцем, наводит на мысль, что он несет на себе значительную часть веса тела; он значительно более отставлен, чем это возможно у современного человека и, очевидно, может быть использован для захвата предметов или для карабканья. Второй палец длиннее первого, что наблюдается у современного человека лишь в качестве отклонения от нормы и обычно связано с повышенной способностью захвата; при неустойчивом прямохождении «снежного человека», вероятно, характерно было включение этого удлиненного второго пальца в балансирование в большей степени, чем у современного человека. Слабость отпечатка пятого пальца «снежного человека» В. Чернецкий сопоставляет с тем, что и в стопе современного человека две периферические фаланги пятого пальца часто слиты вместе, — следует предположить, что у «снежного человека» он держался более прямо, чем остальные пальцы. Обращаясь к данным криминалистики о следах босой человеческой ноги, В. Чернецкий обнаруживает сходство в том, что задняя часть пятки, касаясь поверхности снега, отбрасывает крохотные кучки снега. Криминалистика подчеркивает, что наиболее глубокие отпечатки следов человека оставляют наружная сторона задней части пятки и внутренняя сторона большого пальца, а наименее глубокие — наружная сторона подошвы около мизинца и внутренняя сторона около большого пальца. Эти детали хорошо видны на следах и гипсовом слепке стопы «снежного человека». Таким образом, данны

криминалистики свидетельствуют, что шиптоновский «снежный человек» должен ходить, в общем, примерно так же, как ходит человек, хотя сравнительная анатомия указывает на некоторые частные особенности его стопы сравнительно с нашей.

Итак, если отбросить указанные выше ошибки в методе реконструкции, основные наблюдения В. Чернецкого ведут, казалось бы, к единственно возможному выводу: шиптоновский след оставлен стопой гоминидной, отклоняющейся в ряде частных признаков от стопы Homo sapiens примерно настолько же, как стопа палеоантропа. Но совершенно неожиданно В. Чернецкий заканчивает свою статью ничем не подкрепленным мнением, что «снежный человек» вероятно схож с ископаемым гигантопитеком (Tschernezky W. A Reconstruction of Foot of the «Abominable Snowman» // Nature. London, 1960, v. 186, №4723, May, 7, p. 496 – 497)! Как видим, только некоторые ошибки и непоследовательности В. Чернецкого толкнули А. Сэндерсона к тезису, что в то время как стопа первых трех групп или типов ABSM сходна с неандертальской, стопа четвертой группы совершенно отлична и даже ближе к понгидам, чем к гоминидам.

Если А. Сэндерсон, вслед за В. Чернецким, отодвинул след «йе-ти» («ми-ге») слишком далеко от человеческого, то надо признать в общем убедительным его анатомический анализ гипсовых отливок следов из Британской Колумбии и Северной Калифорнии, которые, напротив, на первый взгляд выглядят вполне человеческими. По фотографии отливки видно, говорит А. Сэндерсон, что оставившие эти следы существа идут с пальцами расположенными не веерообразно по линии движения, как у медведя и не с повернутыми наружу от линии ходьбы, как у человека, а с пальцами, направленными вперед по линии ходьбы. Анализ далее показывает, что хотя стопа огромная и кажется с первого взгляда длинной, на самом деле она очень короткая и широкая (с показателем длины к ширине 1.61). За пальцами видны две подушечки и А. Сэндерсон выдвигает интересную догадку, что не первая, а вторая подушечка отмечает место окончания пальцев, — в таком случае оказывается, что пальцы — огромной длины, к тому же косая линия идет вверх от окончания первого пальца к окончанию пятого пальца, в противоположность тому, что мы видим на стопе современного человека. На изучаемом следе грязь не зажата между, пальцами, что отмечается на сотнях тысяч человеческих отпечатков, — А. Сэндерсон предлагает объяснить это наличием перепонок между пальцами (Sanderson I. Op. cit., Appendix B; Сандерсон А. Op. cit, Приложение А (??)). Однако нельзя ли объяснить это большей силой приведения пальцев друг к другу, чем у современного человека?

В этой связи надо обобщить наблюдения и над другими отпечатками следов «снежного человека» и его аналогов: в большом числе случаев может быть отмечено, что длина пальцев превосходит таковую у современного человека. Это наблюдение не противоречит впечатлениям, что след «широкий» или, напротив, что он «длинный, узкий»: у фалангово-плюсных сочленений он шире, чем у современного человека, так что если речь не идет о длиннотно-широтной пропорции, он действительно может быть назван «широким», тем более при раздвинутых пальцах, если же брать контур следа в целом и не фиксировать внимания на линии фалангово-плюсных сочленений, он, в силу необычайной длины пальцев, особенно если они сжаты, действительно выглядит «удлиненным» и тем самым «узким» сравнительно с человеческим следом.

Вернемся еще раз к методике анализа следов В. Чернецким.

По-видимому, в рассуждение В. Чернецкого вкралось несколько ошибок, объясняющихся двумя причинами: во-первых, он взял шиптоновский снимок следа «снежного человека» изолированно от всех других снимков и описаний следов этого существа, вследствие чего принял некоторые случайные динамические положения пальцев за устойчивые морфологические видовые признаки; во-вторых, он взял отпечаток ступни лигурийского неандертальца изолированно от имеющегося костного материала по ступням неандертальцев, вследствие чего тоже принял кое-что случайное в данном следе за общее и типическое для древних ископаемых гоминид.

Если мы сопоставим шиптоновский снимок с другими, то увидим, что случайными, хотя подчас и повторяющимися чертами являются в нем: 1) отсутствие на отпечатке V пальца, что, может быть, связано с повышенной экстензией этого пальца, особенно на снегу; 2) повернутость I пальца несколько внутрь. Эта вторая черта отмечена и в описаниях следа «снежного человека» Вис-Дюнантом и Пьером Борде, однако гораздо чаще на фотографиях и в описаниях, а также на упомянутом гималайском слепке она отсутствует. На слепке большой палец тесно прижат ко второму, как на стопе человека. Том Слик и Питер Бирн отмечают «у»-образное (может быть: V-образное??) ответвление большого пальца по отношению к другим, необычайно напоминающее окаменелый след неандертальца из Лигурии. Геологи и охотники, описывающие аналогичные следы на Памире, также постоянно отмечают «оттопыренный», «откинутый» большой палец, как отличие данных следов от медвежьих и человеческих (Щербаков, Шалимов, Юсупов). О «значительно отставленном большом пальце» на следе рассказывает и очевидец с Тянь-Шаня (Тохтасынов). Казахи

информировавшие В.Д. Хахлова, чтобы продемонстрировать отличие ступни «дикого человека» от человеческой, клали ладонь руки на землю, подгибали по две концевых фаланги у четырех пальцев, при этом раздвигая их насколько возможно, а большой палец, хотя и прижимали сбоку ко второму, но конец его отводили в сторону. В кавказском материале мы тоже встречаем указания на заметную отодвинутость большого пальца в сторону (Леонтьев), причем в одном случае информатору, опытному охотнику и следопыту, было показано изображение шиптоновской фотографии и он, исправляя предъявленный набросок, подчеркнул, что большой палец отстоял в сторону больше, чем на нем.

Таким образом, оказывается, можно построить целую гамму положений большого пальца начиная от прижатого к другим, как у человека, до откинутого если и не как у антропоида, то значительно больше, чем это возможно на стопе человека; привлекшая внимание В. Чернецкого ситуация, когда большой палец одновременно и несколько отодвинут и как бы обращен концом вовнутрь, вполне укладывается в эту гамму многообразных положений большого пальца. Она свидетельствует бесспорно не о какой-то застывшей статической морфологической особенности, а о высокой подвижности I-го пальца на стопе «снежного человека».

Мы подошли к вскрытию основной методической ошибки В. Чернецкого, А. Сэндерсона и других авторов, занимавшихся реконструкцией стопы «снежного человека» по его следам. Они реконструировали по отдельному слепку лишь морфологию стопы, а не моторику, не подвижность пальцев. Подход к отпечатку стопы оказался не динамическим, а статическим: словно эти пальцы всегда зафиксированы в том положении, в каком они отпечатались. Эта чистая морфология без учета подвижности привела ко множеству неосмотрительных умозаключений: след с отведенным первым пальцем — это один тип животного, с приведенным — совсем другой тип и т.п. Не принимается во внимание, что при разной скорости ходьбы на разном грунте, как и при разных уклонах боковые и тыльно-подошвенные движения пальцев должны быть различны — в одном случае пальцы сильнее цепляются за грунт, в другом слабее, в одном случае балансирование затруднительнее, чем в другом и т.п. Таким образом одно и то же двуногое существо, как и разные особи того же вида, могли оставлять довольно большую гамму отличающихся друг от друга следов в разное время, в разных условиях передвижения.

Эти затруднения в анализе следов реликтового гоминоида, вернее, в суждении о нем по его следам вполне объяснимы. Ихнология — та отрасль зоологии, которая занимается изучением

следов или «наука о следах», — довольно хорошо разработана, так как имеет немалое значение для криминалистов, охотников, натуралистов, наконец, — палеонтологов. Но ихнология изучала следы известных, а не неизвестных живых существ. Такая задача, как реконструировать неизвестное животное только по отпечатку его ноги и цепи таких отпечатков еще почти никогда не возникала перед ней. Только палеонтологи в некоторой мере встречались с подобной трудностью, но и они все-таки стремились более к узнаванию животного по следам, чем к воображению чего-то совершенно нового. Заняв такую же позицию и в отношении ABSM, мы уделим больше внимания его моторике.

Вся имевшаяся в нашем распоряжении серия фотографий, зарисовок, слепков изучаемого нами вида дает основание видеть характернейшее отличие его стопы от стопы человека не в морфологической отставленности, а в динамической отставляемости и приводимости I пальца в зависимости от особенностей грунта, на который в данный момент ставится стопа, и других обстоятельств. Теперь остается лишь ответить на вопрос: отличает ли эта особенность стопу ABSM от стопы неандертальца? Конечно, если брать только один окаменевший отпечаток следа (или несколько близких на однородном грунте), невозможно высказать суждения о степени подвижности большого пальца у неандертальцев. Но палеоантропология дает возможность составить известное представление о степени боковой подвижности их большого пальца. В образцовой работе Г.А. Бонч-Осмоловского и В.В. Бунака показано, с одной стороны, что боковая подвижность большого пальца кииккобинца и других палеоантропов, конечно, не была столь неограниченной, чтобы давать право сближать ее с противопоставлением и хватательной способностью большого пальца антропоидов, но все же, с другой стороны, признаки, связанные с приведенностью I луча, обнаруживают несомненный сдвиг в антропоидном направлении и свидетельствуют о большей возможности отведения и приведения у палеоантропов, чем у современного человека (Бонч-Осмоловский Г.А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. Под ред. В.В. Бунака. М. – Л., 1954, с. 172, 176, 180).

Таким образом, один из основных признаков, по мнению В. Чернецкого, отличающих след «снежного человека» от следа неандертальца, отпадает. Мы еще более убедимся в этом, если теперь рассмотрим два других момента: вопрос об относительной длине большого пальца и вопрос о способности всех пальцев стопы раздвигаться. Как мы видели, Чернецкий обратил внимание на то, что большой палец «снежного человека» относитель-

но короток, отнеся это к его «обезьяньим признакам». Но нет ли этого «обезьяньего признака» и у палеантропов? Оказывается, и стопа киик-кобинца, и стопа европейских и палестинских палеоантропов характеризуются относительной короткостью большого пальца (при относительном удлинении латеральных лучей) (Ibiden, с. 168–180). И именно этот же признак, относительную укороченность первого пальца (сравнительно с человеческой ногой) мы видим и на лучших снимках следа «снежного человека», и в описаниях их у Шиптона и Борде, и в других источниках, например, в показаниях казахов, записанных Хахловым. Своего рода исключением представляется описание и зарисовка следа Леонтьевым: большой палец здесь длиннее остальных, но это может быть объяснено тем, что, по словам Леонтьева, «каптар шел на подогнутых пальцах, т.е. как бы цепляясь пальцами за снежный покров». Латеральные пальцы у неандертальца, а, следовательно, можно думать, и у реликтового гоминоида, обладают большей подвижностью в вертикальном (подошвенно-тыльном) направлении, чем большой палец, и в описанном случае последний мог, очевидно, в несколько большей мере лежать вытянутым на поверхности снега, чем остальные, согнутые и зарывшиеся в снег. В нашем распоряжении есть и две, еще не опубликованные, оконтуровки следов «дикого человека» на Кавказе, сделанные летом 1960 г. Оба следа — не на снегу, а на влажной земле. Они принадлежат особям разного размера, найдены один в долине, другой высоко в горах. Но оба имеют то общее, что большой палец далеко выдвинут вперед; внимательно рассматривая эти оконтуровки, можно придти к выводу, что остальные четыре пальца на них просто не обведены: вероятнее, что они здесь не зарылись в грунт, в то время как первый палец остался на его поверхности, а приподняты вверх над грунтом, так что опорой служит только подушечка за пальцами. Большой палец на этих оконтуровках очень велик, четыре остальных должны быть, по крайней мере в ширину, значительно меньше него.

Точно так же у ископаемых палеоантропов большой палец отличается особенной массивностью, превосходящей массивность большого пальца человека (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 172). И снова мы видим этот признак ясно выраженным на изображениях и в описаниях стопы или следа реликтового гоминоида: по описанию Хахлова, «большой палец заметно массивнее остальных», до словам Жамцарано, «большой палец неестественной толщины», по словам охотника Шаимкулова, «след от первого пальца был крупнее, чем у человека», по словам геолога Шалимова, «след большого пальца значительно крупнее ос-

тальных», — словом, массивность большого пальца бросается в глаза и разнообразным наблюдателям, и при анализе фотографий и слепка. При этом, впрочем, совпадает с характеристикой костей неандертальца и то, что кости остальных четырех пальцев также в общем шире, чем у человека. «Пальцы стопы киикко-бинца несколько уплощены по сравнению с таковыми современного человека и антропоморфных обезьян. Характерна заметная уплощенность головок концевых фаланг» (Ibidem, с. 168). Эта уплощенность несомненно служила опорой для крупных ногтей. То же у «снежного человека»: например, по Борде, «остальные три пальца значительно толще пальцев следов человека» (ИМ, I, №15, с. 59). Как у киикко-бинцев (и других неандертальцев), пальцы ноги реликтового гоминоида характеризуются в общем одинаковой длиной: по Хахлову, III, IV, V пальцы длиннее и играют большую роль при передвижении, чем у человека (ИМ, IV, №122, с. 53). Леонтьев подчеркивает, что «от мизинца до большого пальцы почти одинаковой длины» (ИМ, III, №120, с. 116).

Весьма наглядной является и параллель в раздвигаемости и общей подвижности пальцев ноги у неандертальца и «снежного человека». «В плюсно-фаланговом сочленении тыльно-подошвенная и боковая подвижность стопы киикко-бинца имела больший размах по сравнению со стопой современного человека. Межфаланговые тыльно-подошвенные и боковые движения у киикко-бинца были менее ограничены, чем у современных людей, особенно в сочленении боковых и средних фаланг, при том общая подвижность возрастала от II к V пальцу. Таким образом, подвижность пальцев у киикко-бинца отличалась от таковой современного человека: для киикко-бинца характерна увеличенная подвижность латеральных пальцев». Напомним, что характеристика киикко-бинца в отношении стопы распространяется и на других палеоантропов. Вместе с тем и в стопе младенца наблюдается при некоторых рефлексах экстензия или веерообразное расхождение пальцев. Г.А. Бонч-Осмоловский с полным основанием писал, что неандертальскому человеку, по сравнению о современным человеком, была свойственна «растопыренная мощная стопа с более свободными боковыми движениями и увеличенным числом опорных точек» (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 171, 185, 172). «Многие особенности строения указывают на то, что II и IV лучи стопы киикко-бинца расходились заметно больше, чем у современного человека и антропоморфных», — замечает В.В. Бунак (Ibidem, с.168). И вот перед нами совершенно ясная параллель в отпечатках и описаниях следов «снежного человека». «Следы этого существа имели широко расставленные паль-

цы», сообщали монгольским ученым араты после посещения их стойбища волосатым голым человеком (ИМ, III, №73, с. 16). Одно из основных отличий стопы «ксы-гыик», о котором рассказывали В.А. Хахлову казахи, это широко расставленные пальцы, что они демонстрировали, положив на землю кисть руки с подогнутыми двумя концевыми фалангами и раздвигая основные фаланги насколько это было физически возможно (ИМ, IV, №122, с. 52). Пьер Борде, на основе анализа следов «снежного человека», констатирует, что «пальцы не полностью смыкаются при ходьбе» (ИМ, I, №15, с. 60). Зарисовка и наблюдения следа «каптара» В.К. Леонтьевым свидетельствуют: «Все четыре пальца ступни не примыкали друг к другу, как у людей, а наоборот, были сильно раздвинуты; расстояние между ними колеблется от 0,5 до 1 см» (ИМ, III, №120, с. 116). Однако несомненно, что речь идет не о какой-то застывшей растопыренности пальцев, а лишь об их боковой подвижности: контрольным материалом может служить гималайский гипсовый слепок 1958 г., где все пальцы тесно прижаты друг к другу; то же — на американском слепке А. Сэндерсона.

Дальнейшая параллель между стопой палеоантропа и реликтового гоминоида может быть проведена в отношении ширины стопы и высоты ее свода. «Стопа киикобинца во всех своих отделах необычайно широка». Это огромное расширение стопы палеоантропа представляет собою, по мнению исследователей, своеобразное приспособление, компенсирующее меньшую выраженность свода. «Киикобинский человек отличался, по сравнению с неоантропами, наиболее широкой стопой и наименее высоким сводом». При этом его относительное плоскостопие было более выражено в длину свода и менее — в ширину (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 168, 170, 178). Ничего не подозревавшие об этих тонкостях антропологической науки казахи единодушно указывали В.А. Хахлову, во-первых, на несообразную ширину ступни «дикого человека» сравнительно с человеческой («ступни были широки, как растоптанные сапоги»), во-вторых, на ее плоскостопие или лапообразность («следы, как от человеческой ноги, одетой в ичиги»). На непомерную ширину следа реликтового гоминоида есть много других указаний. «Большие, широкие ступни» отмечает Б. Тобухов в Кабардино-Балкарии и о том же говорят многочисленные данные, скажем, с Гималаев, например, классический шиптоновский снимок 1951 г. Наблюдатель следов в Тянь-Шане У. Тохтасынов отмечая, что «следы оказались похожими на человеческие, но имели плоскую ступню...» (ИМ, IV, №122, стр.52-53; ср. цитированные выше сообщения по Тянь-Шаню и Кавказу). Об относительно меньшем поперечном

плоскостопии, чем продольном, свидетельствует описание следа одним опытным охотником в Северном Азербайджане: передняя часть стопы шире человеческой, середина же стопы отпечаталась слабо и в этом месте след узкий. Можно было бы привести еще ряд схожих данных.

Что касается ширины и выраженности пятки, то в этом отношении труднее сопоставить данные о следах реликтового гоминоида со стопой кииккобинца. Последняя, как мы знаем, характеризуется большой шириной во всех отделах, в том числе и в пяточном. Мы встречаем указания на широкую пятку и на следе или стопе реликтового гоминоида, например, в опросных данных Хахлова, на снимке Шиптона и т.д. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы отвергнуть мысль В. Чернецкого о широкой пятке «снежного человека», как признаке, отличающем его стопу от стопы неандертальца. Но на следах реликтового гоминоида отмечается большое многообразие очертаний пятки, вызванное, может быть, причинами не миновавшими и след неандертальца из Лигурии: и тот и другой, очевидно, опирался на пятку в весьма разной степени в зависимости от грунта. уклона поверхности и других причин. В антропологии (В.П. Якимов) уже высказывалось обоснованное мнение, что неандертальский человек в меньшей степени пользовался опорой на пятку, чем современный человек. В данных о следах реликтового гоминоида перед нами развертывается огромное количество вариаций от подчас глубоко вдавленной широкой пятки до ее очень суженного или укороченного контура и даже до ее полного отсутствия на отпечатках, создающего впечатление, что существо двигалось, опираясь исключительно на переднюю часть ступни (в особенности при подъеме в гору, что отмечено В.К. Леонтьевым).

Г.А. Бонч-Осмоловский и В.В. Бунак, прежде всего на основе изучения костей стопы, а также и голени, дали реконструкцию особенностей прямохождения не только кииккобинца, но и ископаемого человека вообще, в частности, палеоантропов. Это, говорит В.В. Бунак, «некоторый переходный вариант между плоской стопой с отведенным I лучом, свойственной обезьянам вообще, и сводчатой с приведенным I лучом, характерным для современного человека». Г.А. Бонч-Осмоловский писал: «Как давно установлено всеми исследователями неандертальского человека, его тело не было в полной мере приспособлено к прямому положению. Об этом говорят и слегка согнутые в коленях ноги, и наклоненная вперед голова, и недостаточно выраженный S-образный изгиб позвоночника. Несовершенство прямого положения, очевидно, было связано с недостаточной уравновешенностью все-

го корпуса: при опоре на две ноги неандерталец должен был для поддержания равновесия балансировать. Вот такому балансированию при стоянии и ходьбе в полной мере отвечала его растопыренная мощная стопа с более свободными боковыми движениями и увеличенным числом опорных точек. Биологическая целесообразность подобной стопы еще более подчеркивается жизнью в пересеченной полугористой местности, к которой приурочены почти все основные находки примитивного ископаемого человека. Было бы ошибочно думать, что обладатели такой стопы медленно и плохо передвигались по земле... Но неандертальцы передвигались несколько иначе, чем мы. Вероятнее всего, они не столько ходили, сколько бегали трусцой, раскачиваясь и размахивая руками» (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 178-180, 172).

С этими палеоантропологическими соображениями в общем удивительно гармонируют обильные разрозненные данные о наблюдениях за прямохождением реликтового гоминоида. По данным В.А. Хахлова, отпущенная на волю самка убежала «неуклюже переступая, болтая длинными руками», отпущенный самец «побежал, широко расставляя ноги и неуклюже болтая руками», другая отпущенная самка бежала в камыши, «широко расставляя ноги, как будто у нее на каждой ноге было привязано что-то тяжелое» (ИМ, IV, №122, ч. 1). Анализ следов Пьером Борде говорит о передвижении на параллельных, но слегка расставленных ногах, «неуверенной походкой» (ИМ, I, №15, с. 60). По данным Небески-Войковица, существо это идет «раскачивающейся походкой», «неуверенной покачивающейся походкой» (Nebesky-Wojkowitz R. Op. cit.). Иногда по следам можно судить, что, хотя существо шло более или менее твердой и прямой походкой, но с большими сгибами в коленях (ИМ, III, №104, с. 67). Согласно анализу следов Иззардом, «йе-ти» шел неуклюже, «казалось он во время ходьбы раскачивался взад и вперед, перенося всю тяжесть тела на носки» (ИМ, I, №14, с. 56 – 57). По описаниям монголов, «алмас» ходит с полусогнутыми коленами, бежит косолапо, размахивая руками (ИМ, I, №5, с. 8–10). По словам Пронина, виденное им существо «ноги расставляло широко» (ИМ, I, №27, с. 83). По словам одного из кавказских очевидцев, «оно встало на слегка полусогнутых ногах», по словам другого, «алместы», когда его гнали собаки, «бежал, а руки его болтались ниже колен» (См. выше, гл. 10). Однако, при всем том в очень большом числе случаев подчеркивается одновременно легкость, ловкость и чрезвычайная быстрота прямохождения реликтового гоминоида, в том числе его способность быстро идти по склону вверх большими шагами, хотя руки его при этом «болтаются» и он размахивает ими при ходьбе (ИМ, IV, №136).

Подведем итог рассмотрению вопроса о следах реликтового гоминоида. Если взять всю сумму имеющихся данных, то в 85 – 90% случаев ни фотографии, ни устные описания не дают ничего кроме самого общего, но надежного впечатления, что они похожи на человеческие. За это говорят и контуры всей подошвенной поверхности, и явно отличающая I палец от остальных массивность (что исключает смешение со следом медведя). При этом очень часто отмечается отличие следа от человеческого по величине — как в большую, так и в меньшую сторону, однако это нас сейчас не интересует, раз мы условились допустить очень большие внутривидовые и возрастные колебания размеров особей. Не более 10–15% материалов, относящихся к следам, дают какие-то дополнительные данные об отличиях этих следов от человеческих. Однако эти отличия едва ли не на все 100% оказались совпадающими с отличиями ступни неандертальцев (палеоантропов) от ступни современного человека. Те, кто снимал фотографии и слепки, как и все наши информаторы, ничего на знали о морфологии стопы палеоантролов. Навряд ли они много слышали и о стопе антропоидов. Словом, это совпадение отличий стопы «снежного человека» и стопы палеоантропов от стопы современного человека можно считать объективно доказанным и удивительно полным. (Французский антрополог А. Валлуа, возражая В. Чернецкому, замечает, что сравнение стопы «снежного человека» и неандертальца мало доказательно, ибо все пропорции и размеры по неандертальцам взяты со скелетов, что не дает возможности точно установить степень растопыривания плюсны, а отсутствие мягких частей еще более затрудняет сравнение. Vallois H. Op. cit.) Однако сказанное выше показывает, насколько современная анатомия стопы неандертальцев продвинута к пониманию особенностей моторики плюсны, а к тому же А. Валлуа упускает из виду, что В. Чернецкий провел сравнение не только со скелетами, но и с отпечатками ступни в целом, найденными в упомянутой пещере в Лигурии.). Однако это вовсе не должно быть пока понимаемо, как отождествление «снежного человека» именно с неандертальским человеком: ведь вполне возможно, что те же отличия характерны и для других ископаемых гоминид и прегоминид, от которых просто не сохранилось столь богатых костных останков стопы.

КИСТЬ

От фотографий, слепков, зарисовок и описаний следов перейдем к другому вещественному материалу, который может быть комментирован с помощью материала описательного.

А именно к мумифицированной кисти руки из непальского монастыря Пангбоче.

Впервые об этой реликвии узнал в 1954 г. английский тибетолог проф. Снеллгрув, ему стало известно от монахов Пангбоче, что мумифицированная кисть, якобы имеющая большие размеры, чем человеческая, хранится в монастыре, обмотанная несколькими слоями материи и обвязанная шнуром; снять повязки — означало бы осквернить священную реликвию (Иззард Р. Op. cit., с. 181–182). Питеру Бирну удалось в 1958 и 1959 г. преодолеть это препятствие, увидеть мумифицированную кисть извлеченной из окутывавших ее повязок и снять с нее несколько фотографий (ИМ, II, №50). Доставить рентгеновский аппарат с аккумуляторами в высокогорный монастырь оказалось невозможным, но участники экспедиции на месте произвели частичное препарирование кисти. Частица удаленных высохших мягких тканей была доставлена в США для микроскопического и серологического изучения. Профессором Вейоминкского университета Дж. Агоджино нам были в 1959 г. любезно предоставлены как предварительные результаты этих исследований тканей, так и дополнительные фотографии, после полученных ранее от П. Бирна, для параллельного самостоятельного морфологического анализа. Все имевшееся в нашем распоряжении фотографии, так же, как и предварительные итоги американских лабораторных анализов, были в 1959 г. опубликована в 4-м выпуске «Информационных материалов» (ИМ, IV, №127), а нижеследующий анализ — в специальной статье (Поршнев Б.В., Дементьев Г.П., Нестурх М.Ф. Кисть неизвестного высшего примата // Природа. М., 1961, №2, с. 61 – 63).

Прежде чем излагать гистологические и анатомические результаты, надо продолжить рассказ о судьбе пангбочской кисти и ее изучения. Лишь недавно от д-ра Бернара Эвельманса я узнал о сделанных ему Питером Бирном признаниях, свидетельствующих о величайшем прегрешении последнего перед наукой. А именно, в 1959 г., в качестве компенсации ламам за разрешение фотографировать и препарировать кисть, Питер Бирн, по его признанию, обязался затем привести ветхую реликвию «в порядок», то есть скрепить суставы проволокой, задачу реставратора он истолковал весьма своеобразно: привез с собой набор костей кисти человека и не только надставил некоторые недостающие кости, но, как он утверждает, даже полностью заменил фаланги I и II пальцев. Последнее якобы было сделано для того, чтобы передать подлинные фаланги на исследование крупнейшему анатому-приматологу д-ру Осману Хиллу (Лондон). Однако, будь то по ошибке или по умыслу, д-ру Осману Хиллу были доставлены

как раз не подлинные фаланги: это установили советские анатомы, которым д-р Осман Хилл любезно прислал фотографии костей, — эти кости оказались с левой руки, тогда как пангбочская кисть — правая; у них не оказалось ни малейших отклонений от нормы современного человека, неоспоримо выраженных на других костях пангбочской кисти. Эта трудно объяснимая подмена и внесла ту неясность в экспертизу д-ра Османа Хилла, о которой ниже будет речь. «Признание» Питера Бирна, не отражающее, как видим, полной истины, заставляет нас быть крайне осторожными и в анализе новых фотографий с пангбочской кисти, фиксирующих ее в нынешнем состоянии, после «реставрации».

Эти новые фотографии были сняты в 1960 г. профессором анатомии Токийского университета Теидзо Огава, возглавлявшим в Непале японскую экспедицию по изучению проблемы «йе-ти». Не зная предыдущих фотографий, снятых в том же монастыре Пангбоче в 1958 и 1959 гг., проф. Теидзо Огава полагал, что это — та же самая прежде известная кисть, при этом он не является антропологом и поэтому его внимание не привлекли отдельные примитивные признаки кисти. Проф. Теидзо Огава предоставил один снимок западным специалистам (он опубликован без всякого анализа в книге А. Сэндерсона), а по просьбе советских ученых любезно прислал еще два варианта фотографии. Если фотографии Питера Бирна поражают несоблюдением элементарных правил фотографирования анатомического объекта, что до крайности затрудняет анализ, то фотографии Теидзо Огава сделаны правильно, ракурс позволяет соизмерение длины костей. Зато нам приходится разделять их на три группы: 1) Кости безусловно подлинные, не подвергавшиеся отделению, не прикрепленные к проксимальнее лежащим никакими скрепками, тождественные на старых и новых фотографиях: кости пясти (и запястья), а также весь III палец, так и не подвергавшийся скелетированию. 2) Кости лишь предположительно подлинные, в том числе, по-видимому, отделившиеся еще до 1958 г. и потому отсутствующие на прежних фотографиях, а теперь прикрепленные скрепками: основная фаланга V пальца, средняя фаланга II пальца, а также по всей вероятности оставшиеся подлинными (несмотря на указанную необъяснимую дезинформацию) соединенные скрепками основная фаланга II пальца и обе фаланги I пальца (но весь первый луч на новых фотографиях, в отличие от прежних, скелетировац). 3) Кости вероятно не подлинные, то есть надставленные из другой кисти (современной): концевые фаланги V и II пальцев, средняя фаланга V пальца.

Еще одна серия фотографий, которую можно назвать третьей серией, была снята в 1961 г. экспедицией Э. Хиллари. Фотогра-

фии эти мне пока не доступны. Но рисунок, сделанный с одной из них, опубликован в упомянутой статье проф. А. Валлуа. Этот рисунок свидетельствует, что кисть находилась в 1961 г. в том же состоянии, как и в 1960 г. Он ценен тем, что впервые изображает отпрепарированную и реставрированную кисть с ладонной стороны (следует отметить, что подпись под рисунком по необъяснимой небрежности прямо противоположна истине: там говорится, что на рисунке мы видим «тыльную сторону левой кисти», тогда как на самом деле мы видим ладонную сторону правой кисти). Несмотря на схематичность, рисунок этот, относящийся к третьей серии, полезен для анатомических выводов.

Соответственно оказанному, мы рассмотрим сначала выводы, которые могли быть сделаны на основе данных 1958–1959 гг., и только после этого присоединим к ним дополнительные и обобщающие выводы, учитывающие фотографии «реставрированной» кисти, сохраняющие при самом осторожном к ним отношении большое научное значение.

Предварительные итоги дифракционных рентгеноскопических исследований дают основание считать, что со времени мумификации кисти прошло более трехсот лет, клеточная структура сильно разрушена и тканевый рисунок очень трудно заметен с помощью рентгеновских лучей. Серологические исследования, произведенные под руководством профессора Канзасского университета Чарльза Леона, дали отрицательный результат при пробах получить как осадительные реакции, так и двойные перекрестные реакции на агаре, экстрактов из сухой ткани с кисти из Пангбоче (содержавших приблизительно 0,01% белкового материала) с антисывороткой экстрактов из кожи и подкожной клетчатки человека, гориллы, некоторых других обезьян Старого Света, а также быка, свиньи, козла, лошади и медведя. Отсутствие реакции при всех пробах может быть объяснено либо слишком большим возрастом высушенных покровных тканей кисти из Пангбоче (а также возможным химическим воздействием на них при мумифицировании), либо же видовым отличием данного существа от животных, на антитела сыворотки которых производились пробы реакции.

Что касается морфологии кисти, то предварительные заключения зарубежных специалистов в общем идут в одном направлении, хотя несколько разноречивы и, с точки зрения анатомической, еще не были в печати достаточно детально аргументированы. Все сходятся на том, что по решающим признакам кисть является гоминидной. Не принадлежит ли она человеку современного физического типа? Нет, все сходятся на том, что она

«почти» человеческая. Д-р Осман Хилл, директор Лондонского зоопарка, определяет ее как человеческую, т.е. не обезьянью, допуская, что у нее могут быть «суб-человеческие» черты. В своей последней статье, упоминавшейся выше (1961), д-р Осман Хилл дает следующую, несколько противоречивую формулировку: «Мумифицированная кисть, которая хранится в монастыре Пангбоче, оказалась человеческой, хотя (?) ее пястные кости в доступных фотографиях обнаруживают ряд черт, сходных с антропоидными обезьянами». Если бы почтенный ученый вместо слов «оказалась человеческой» сказал, «оказалась гоминидной», все было бы вполне логично. Однако следует отметить и дальнейшую эволюцию мысли Османа Хилла. В письме на мое имя от 30 июля 1962 г. д-р А. Сэндерсон сообщает о высказанном ему лично суждении д-ра Османа Хилла о кисти из Пангбоче: эта кисть является человеческой, но настолько отклоняющейся от нормы, что она более всего схожа с кистью неандертальца из крымской пещеры (то есть Киик-Коба). Это заключение свидетельствует о непрекращающейся работе мысли знаменитого приматолога над загадкой пангбочской кисти, мысли, пробивающейся к разгадке несмотря на долгие колебания и неясности, вызванные, в частности, указанной попыткой подсунуть ему дезориентирующий фальшивый материал. Как увидим, последний диагноз Османа Хилла может дать мне большое удовлетворение, ибо близок к моему. Д-р Дж. Агоджино, антрополог, склоняется к заключению, что кисть принадлежит неизвестному примату, если же она человеческая, то должна была принадлежать очень странному, патологическому человеку. Он ссылается на следующие ее особенности. Кисть широка в отношении общей длины. Пястные кости слишком плоски для человека и массивны как у гориллы. Мыщелки имеют глубокую впадину и крупнее, чем у самых крупных людей. Пропорции фаланг и пястных несколько отличаются от нормальной человеческой пропорции. Большой палец, хотя достигает в длину, как у человека, до первого сустава II пальца, заметно отличается от человеческой нормы. Д-р Бернар Эвельманс считает, что такие признаки кисти из Пангбоче, как относительная длина пальцев, плотность пясти, характер округленности мыщелков, особенно на II пальце, отличают ее от кисти современного человека и, насколько можно судить по фото, очень сближают с кистью неандертальца из Шапелль-о-Сен.

Советские специалисты по сравнительной анатомии кисти приматов со своей стороны подвергли имеющиеся фотографии тщательному анализу. Особенно важна экспертиза старшего научного сотрудника Института зоологии АН УССР Е.И. Даниловой, к которой в основном присоединился и ряд других анатомов.

Кисть, отделенная от правой руки, мумифицирована с сохранившимися высохшими мягкими тканями области ладони (мускулатура, апоневроз), а также кожи I и III пальцев. IV и V пальцы отсутствуют, II палец представлен только основной (проксимальной) фалангой, отлично видной на фотографии, III палец, сохранившийся полностью, находится в согнутом положении. С тыльной стороны запястье и пясть скелетированы, т.е. кости скелета обнажены от покровов. Головки II, III, IV пястных хорошо контурируются, линия же запястно-пястных суставов выявляется нечетко. Форма костей запястья и суставные щели межзапястных суставов не определяются.

Какие заключения может сделать анатомия на основе такого препарата? Прежде всего, важнейшие признаки скелета дают основание признать кисть гоминидной. Сюда относятся закругленность головок пястных, форма их тел, ясно выраженная радиальность пясти, относительно крупные размеры I пальца и др. Но в то же время некоторые признаки явно уклоняются от нормы и, по-видимому, выходят за пределы вариаций современного человека и в той или иной мере сближают эту кисть с кистью антропоидов. К числу таких примитивных, т.е. обезьяньих признаков кисти из Пангбоче относятся следующие: 1) Основные (проксимальные) фаланги II и III пальцев — удлиненные сравнительно с пястными, т.е. фаланго-пястный индекс, по-видимому, если ракурс фотографии не создает ложного впечатления, сильно отклоняется от человеческого в обезьяний сторону. 2) На обнаженной головке первой фаланги II пальца сильно выражен желобок в сагиттальной плоскости, что резко отличает ее от соответствующего суставного блока человека. 3) Основание II пястной заметно уже, чем должно быть на кисти человека, по сравнению с непомерно широкими, основаниями III и IV пястных. Кроме того, есть признаки, которые, может быть, надлежит объяснить результатами высыхания и сморщивания мягких тканей при мумификации, но которые все же было бы преждевременно вычеркнуть из списка примитивных, «суб-человеческих» признаков кисти из Пангбоче: 1) слабая развитость I пальца, особенно заметная в его конечной (дистальной) фаланге, 2) суженность межпястных промежутков, 3) как кажется по фотографии, сильно удлиненная форма ногтей II и I пальцев. Бесспорно, что кисть широка и массивна для нормального человека, причем нет никаких симптомов, которые говорили бы об акромегалии. Нет никаких указаний на то, чтобы считать кисть патологической. Судя по фотографиям, первый палец поразительно мало противопоставлен другим. При этом фотография кисти с ладонной стороны оставляет впечатление, что

первый палец смещен в ладонном направлении по сравнению с кистью современного человека.

Итак, даже при большой осторожности этих начальных анатомических заключений кисть из Пангбоче следует признать примитивной, то есть принадлежащей не современному человеку, но и не какому-либо из известных антропоидов, а высшему примату семейства Hominidae. При этом экспертизы, которым мы выше следовали, имели несколько одностороннюю направленность: они фиксировали отклонения пангбочской кисти от кисти современного человека в сторону антропоморфных обезьян, это и естественно, так как перед анатомами стояла прежде всего задача определить в ней наличие и удельный вес обезьяньих и человеческих признаков. Однако, раз теперь начинает определяться ее таксономическое место, дальше надлежит учесть, что, например, по мнению Г.А. Бонч-Осмоловского, у киик-кобинца, как и вообще у неандертальцев, еще больше отклонений от человеческих пределов как раз в противоположную сторону. Наличие их тоже придется проверить на пангбочской кисти.

Для намечающегося ответа на вопрос о систематическом положении того живого существа, от которого осталась пангбочская кисть, немаловажное дополнительное значение имеет и тот факт, что эта кисть имела на тыльной стороне волосяной покров бурого цвета (ИМ, II, №50). Исследование образцов волос, произведенное Дж. Агоджино, не обнаружило их близости с волосами каких-либо из современных обезьян, в том числе антропоидов, и скорее показывает их близость к человеческим, — по крайней мере по картине радиального среза; произвести же надежное сравнение сдавленных клеточных структур волос с кисти из Пангбоче с другими образцами оказалось невозможным (ИМ. IV. №127).

Таким образом, уже на основанию данных 1958–1959 гг. мог быть сделан неоспоримый вывод: не далее, как 300 – 400 лет назад на земле еще сохранялось не менее одной особи вида, который принадлежит к семейству Hominidae и отклоняется от Homo sapiens в примитивную, питекоидную сторону (не говоря об отклонениях и в другую, специализированную сторону) не менее, чем палеоантропы, то есть неандертальцы в широком смысле. Ламы приписывают эту кисть «йе-ти», встречающимся еще и в наши дни, и у нас нет никаких причин отбрасывать эту аттрибуцию как ложную.

Обратимся к фотографиям пангбочской кисти, снятым Теидзо Огава в 1960 году.

Кисть на этих фотографиях в общем скелетирована полнее, чем на предыдущих. В межпястных промежутках видно, что вы-

сохшие мягкие ткани сохранились с ладонной стороны. Как и на предыдущих фотографиях, третий палец покрыт высохшей кожей. Трудно объяснить, как получилось, что на этих фотографиях мы не видим пястно-запястных сочленений: они закрыты высохшими мягкими тканями; это непонятное обстоятельство заставляло даже предполагать, что перед нами фотография какой-то второй кисти («Пангбоче II»), пока эта гипотеза окончательно не отпала; остается допустить, что при реставрации кисти Питер Бирн каким-то образом несколько подтянул вверх (в дистальном направлении) кожу и ткани на тыльной стороне запястья. На новых фотографиях мы видим пятый палец, полностью отсутствовавший на предыдущих. Но на них отсутствует, как и на предыдущих, IV палец, обрубленный по основной фаланге наискось. Даже небольшой отщепившийся кусочек кости или ткани у этого среза IV пальца тождествен на прежних и новых фотографиях. Возможно, что отрубание этого четвертого пальца имело какое-то ритуальное значение, что и воспрепятствовало его «реставрации» Питером Бирном. Представляется почти бесспорным, что с нанесением этого косого рубящего удара на уровне проксимальной трети основной фаланги IV пальца связаны и расположенные как раз по той же косой линии повреждения, заметные в средней части диафиза основной фаланги III пальца и в дистальной половине диафиза основной фаланги У пальца. Это наблюдение служит аргументом в пользу мнения, что основные фаланги не только III, но и V пальца на фотографиях Теидзо Огава являются подлинными, то есть что основная фаланга V пальца на фотографиях Питера Бирна отсутствовала только потому, что она была отчленена, но она все же хранилась где-то вместе с кистью или по крайней мере там же в монастыре Пангбоче при «реставрации» была прикреплена на свое место. Следует отметить также, что если IV палец отделен не по суставу, а грубо обрублен, то в луче-запястном суставе кисть вычленена весьма аккуратно. Отчетливо видны проволочные скрепки в пястно-фаланговых и межфаланговых суставах; скрыта от наблюдения столь необычайная головка (суставной блок) основной фаланги II пальца, так как к этой фаланге прикреплена теперь следующая, средняя фаланга, причем суставные поверхности сочленяются друг с другом, по-видимому, нормально. Концевая фаланга II пальца и две дистальные фаланги V пальца отличаются от других костей цветом костной поверхности, причем настолько контрастно, что это служит важным аргументом за признание их искусственным дополнением, сделанным при реставрации и скреплении кисти.

Пожалуй, самым важным отличием новых фотографий от предыдущих является то, что здесь весь первый луч (то есть и пястная и фаланги) скелетирован, освобожден от мумифицированных покровов. Если подлинность обеих фаланг пальца нельзя считать неоспоримой (хотя вероятность велика), то обнаженность пястной сама по себе открывает большие новые возможности для наших знаний.

При первом же ознакомлении с новыми фотографиями становится очевидной массивность всех пястных костей. Теперь этот общий признак пясти еще нагляднее, чем на прежних фотографиях. Он довольно выразительно свидетельствует, что кисть принадлежит не современному человеку, а какой-то его предковой, примитивной форме. Авторы, описывавшие кисти неандертальцев (Фрепон и Лоэст, Буль, Саразин, Бонч-Осмоловский, Алексеев и др.), неизменно подчеркивали этот признак пястных костей: они «массивные и коренастые» по сравнению с пястными костями среднего Homo sapiens.

Обобщая данные по пясти неандертальцев, Бонч-Осмоловский писал, что дистальная дуга пясти (линия пястно-фалаговых суставов) у неандертальцев менее выпуклая, чем у современного человека, и служит, более ровной, то есть более выпрямленной базой для посадки пальцев (Бонч-Осмоловский Г.А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма, 1941, в. II, с. 86). И этот признак налицо на новых фотографиях пангбочской кисти.

Обратимся к первой пястной. В ее конфигурации мы обнаруживаем важные особенности. К их числу относится массивное строение дистального отдела (головки) и сильно выступающее своеобразное костное образование у головки с радиально-ладонной стороны. О чем говорит эта особенность? Этот костный выступ несомненно свидетельствует о прикреплении особенно сильной мышцы. Представляется возможным определить эволюционную дистанцию между ним и строением первой пястной современного человека: у последнего место прикрепления m.opponens pollicis отмечено шероховатостью по радиальному краю первой, пястной, более отчетливой в дистальной части тела этой кости; лишь в сравнительно редких случаях, говорит Бонч-Осмоловский, на очень мощных костях современного человека, радиальный край тела покрыт грубой шероховатостью, напоминающей настоящий гребень, но все же структурно не отделенный от тела, напротив, у неандертальцев — это настоящий мощный и отделенный от тела углублением гребень, но расположенный только в дистальной части тела пястной и круто нарас-

тающий к уровню головки (Ibidem, с. 70-71). Наконец, на первой пястной «парантропа крупнозубого» гребень еще сильнее локализован на уровне головки и напоминает тот выступающий костный нарост, который мы видим на соответствующей метакарпалии пангбочской кисти (В.П. Якимов). Здесь, на пангбочской кисти, мы видим клювовидный выступ (а на одной из фотографий, при немного более благоприятном ракурсе, два клювовидных выступа), но не видим самого гребня, может быть потому, что последний расположен несколько более с ладонной стороны, не видимой на фотографиях. На рисунке кисти с ладонной стороны (А. Валлуа) гребень виден отлично. Сказанное позволяет предположительно реконструировать эволюцию особенностей прикрепления m.opponens pollicis на первой метакарпалии от парантропа до современного человека: наиболее архаично прикрепление его на уровне головки (дистального эпифиза) о помощью специального мощного костного образования или выступа, позже, у неандертальцев, наблюдается распространение его на дистальную часть тела метакарпалии в форме мощного гребня, наконец, гребень уступает место распространяющейся на все тело метакарпалии шероховатости. При этом у шимпанзе и оранга этот гребень вообще почти отсутствует, у гориллы встречается слабо выраженный (Ibidem, с.71), следовательно, речь идет об эволюции достаточно специфичного для гоминид приспособления, связанного с общей эволюцией их кисти. К какой же ступени надо отнести пангбочскую кисть по этому признаку? Было бы опрометчиво по сходству выступа отождествить ее с кистью парантропа крупнозубого; как сказано, гребень на большинстве наших фотографий пангбочской кисти просто не попадает в поле зрения, а размер и форма выступа на уровне головки в наиболее примитивной из неандертальских кистей — в кисти киик-кобинца — нам не известны из-за повреждения этого гребня как раз на уровне головки, так что мы знаем только, что в сохранившейся части, несколько ниже головки, он отходит от края тела не менее чем на 4 мм, то есть больше, чем в таком же месте у шапелльского неандертальца (Ibidem.), у которого выступ этого гребня на уровне головки достигает 5 мм (Sarasin F., Zeitschrift f. Morph. und Anthr., 1932, B. XXX, H. 1/2, S. 273). Таким образом, мы можем только утверждать, что рассматриваемый выступ на первой пястной из Пангбоче выражен сильнее, чем у «классического» неандертальца, но не можем исключить наличия такого архаичного признака у любых неандертальцев.

Этот клювовидный выступ на головке первой пястной пангбочской кисти привлекает наше повышенное внимание потому,

что он имеет прямое отношение к спорам о гипотезе Г.А. Бонч-Осмоловского о слабой противопоставляемости первого пальца у филогенетических предков современного человека. Как известно, Бонч-Осмоловский исходил в основном из особенностей пястно-запястного сустава первого луча у киик-кобинца. На фотографиях пангбочской кисти мы лишены возможности наблюдать суставную площадку. Однако, судя по фотографиям, можно допустить, что первый луч здесь несколько меньше противопоставлен, чем у современного человека. Но это вовсе не исключает его большой силы и относительной подвижности, на чем и делают акцент критики выводов Бонч-Осмоловского. С.А. Семенов и другие авторы, писавшие о кисти киик-кобинского неандертальца, подчеркивали, что у него дистальная головка первой пястной кости имеет вид массивной шапки с мощными, нависающими на диафиз гребнями, указывающими на исключительно сильную мускулатуру большого пальца. Иными словами, ограниченная подвижность проксимального сустава первой пястной кости у наиболее отдаленных предков современного человека в ряду гоминид, по-видимому, компенсировалась наибольшей силой m.opponens pollicis и прикреплением его наиболее дистально на этой кости с помощью рассмотренного костного образования и, напротив, изменение характера прикрепления и силы этого мускула у современного человека компенсировано «усовершенствованием» суставной площадки проксимального эпифиза.

О мощном развитии мускулов большого пальца свидетельствует также большой изгиб пястной кости с ладонной стороны (то же относится и к основной фаланге первого пальца), весьма напоминающий соответствующий изгиб первой пястной кости киик-кобинца. По поводу глубины этого изгиба у киик-кобинца Бонч-Осмоловский писал: отчетливо вырисовывается, что по крутизне дуги киик-кюбинец превосходит все остальные привлеченные для сравнения кости: после него следует неандерталец (шапеллец), затем горилла, современный человек, шимпанзе и в конце ряда — оранг (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 73). Значительная глубина этого изгиба на пангбочской кисти служит признаком, сближающим ее с кистью киик-кобинца и шапелльца, то есть с неандертальскими кистями. Что касается изогнутости первой пястной с тыльной стороны, то, по Бонч-Осмоловскому, несмотря на большие вариации, в общем у человека (современного) в большинстве случаев тыльная поверхность первой пястной сильно изогнута или хотя бы в известной мере изогнута: у антропоморфных обезьян (оранга, шимпанзе, гориллы) тыльная

поверхность часто бывает совсем прямая, у киик-кобинского неандертальца изогнутость тела пястной первой кости совершенно отсутствует, у шапелльского неандертальца — едва уловима на репродукции (Ibidem, с. 73). Как легко видеть по фотографии, первая пястная пангбочской кисти по этому признаку опять-таки может быть сближена о киик-кобинской и шапелльской. Наконец, чтобы не возвращаться еще раз к вопросу об изогнутости пястных, отметим, что IV пястная на пангбочской кисти, судя по фотографиям, как и IV пястная киик-кобийца, имеет едва намеченную изогнутость с тыльной стороны в отличие от отчетливо выраженной изогнутости у современного человека и еще более выраженной у антропоморфов (Ibidem, с. 85). Таким образом, характер изогнутости пястных костей на пангбочской кисти однороден с таковым у неандертальцев.

Перейдем к самому важному отличительному признаку первой пястной кости пангбочской кисти, который имеет едва ли не решающее диагностическое значение при сравнении последней с известными ископаемыми кистями неандертальцев. Всеми специалистами, изучавшими кисти неандертальцев (Булем, Саразином, Бонч-Осмоловским, Паттом) (Patte E. Les nйanderthaliens (Anatomie, physiologie, comparalson), Paris, 1955) отмечен странный признак, характерный по крайней мере для трех кистей из Феррасси, одной из Сен-Шапелль и одной из Киик-Коба, словом, для всех кистей неандертальца, где есть возможность относительного соизмерения первой пястной кости с какими-либо другими костями конечностей: первая пястная у неандертальцев слегка укорочена сравнительно с современным человеком (что отнюдь не исключает вывода об общей удлиненности пясти). Этот факт небольшой, но несомненной укороченности первой пястной у всех неандертальцев твердо установлен, не подлежит дискуссии (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 69 – 70). А вот экспертиза по пангбочской кисти известного советского анатома проф. Л.П. Астанина, который как раз не вспомиил об этой особенности неандертальцев, так что нельзя даже заподозрить невольного влияния на его измерения каких-либо палеоантропологических реминисценций. Л.П. Астанин, на основе сопоставления данных из своей докторской диссертации «Скелет кисти приматов и человека» (Ленинград, 1950) и измерений, сделанных им на кисти из Пангбоче, пришел к выводу, что пропорции I луча у этой кисти должны иметь большой теоретический интерес для антропологии. Как показали измерения, сделанные им на снимках, первая пястная кость здесь является укороченной:

Индекс I: длина I пястной кости в % от длины II пястной кости
Современный человек 69,8
Пангбоче 62,6
Горилла 55,2
Орангутан 48,6
Шимпанзе 47,0

По значению данного индекса, — пишет Л.П. Астанин в своем заключении, — Пангбоче стоит как раз посредине между человеком и гориллой (Астанин Л.П. Скелет, кисти из Пангбоче (к вопросу о возможном существовании «снежного человека») // Некоторые вопросы морфологии (Ученые записки Ставропольского государственного медицинского института). Ставрополь, 1962). Правда, некоторые другие анатомы, любезно давшие свои соображения о фотоснимках кисти из Пангбоче, делают к этому индексу осторожные оговорки: «первая пястная может быть смещена проксимально, а истинную границу проксимального конца II пястной разглядеть невозможно», однако другие эксперты отмечают, что для первой оговорки нет достаточных анатомических оснований, вторая тоже не убедительна, поскольку граница II пястной на снимках достаточно очевидна. Наши проверки первых двух цифр привели к тем же результатам, как и у Л.П. Астанина.

Во всяком случае сам Л.П. Астанин подчеркивает, что причины укороченности первой пястной кости у гориллы и у Пангбоче совершенно различна: у гориллы I пястная кость укорочена потому, что весь первый луч у нее несколько редуцирован, причем палец укорочен еще сильнее, чем пястная кость, что же касается Пангбоче, то в ней I пястная кость укорочена не только по отношению ко II пястной кости, но и по отношению к длине I пальца. Правда, соответствующие измерения Л.П. Астанина затрагивают уже и те кости I луча, которые, как сказано выше, в настоящий момент нельзя безоговорочно считать подлинными, но подлинность их настолько вероятна, что безусловно следует привести и этот дополнительный, отнюдь не решающий, аргумент Л.П. Астанина в пользу укороченности первой пястной:

Индекс II: длина I пальца в % от длины I пястной кости
Современный человек 110
Пангбоче 120
Горилла 96

Кроме столь важного для выводов факта укороченности первой пястной кости на кисти из Пангбоче, отметим другие особенности первого луча, еще раз оговорив не абсолютную достоверность костей пальца, то есть фаланг.

Весь первый луч кисти из Пангбоче отличается массивностью. Основная фаланга первого пальца имеет не типично для современного человека расширенный дистальный эпифиз (головку). Маловероятно, чтобы эта особенность объяснялась тем, что в мумифицированных мягких тканях здесь, в дистальной головке, сохранились включенные сесамовидные косточки. Заметим, что эта же особенность в известной мере наблюдается и на фотографиях, сделанных в 1958 г. с ладонной стороны: основная фаланга большого пальца кажется неестественно толстой в дистальной части. Ногтевая фаланга I пальца по своей форме явно отклоняется от человеческой: в дистальной части она имеет заметное лопатообразное расширение. Последнее, несомненно, служило опорой для очень крупного грубого ногтя. Из сопоставления с фотографиями 1958 г. можно сделать заключение, что ногтевая фаланга I пальца в дистальной части хотя и широкая, но плоская. Это удивительно близко напоминает особенности концевых фаланга неандертальца из Киик-Коба, на основе которых Бонч-Осмоловский предполагает наличие у него чудовищных ногтей. Проф. Л.П. Астанин предлагает объяснить массивность и укороченность концевой фаланги I пальца тем, что этот палец мог максимально использоваться для выкапывания корней: «понятно, что коротким и толстым первым пальцем легче ковырять землю, чем длинными и тонким вторым пальцем». Что же касается укороченности первой пястной, то Л.П. Астанин, сопоставляя кисть из Пангбоче с данными по некоторым видам обезьян, высказывает предположение, что эта кисть выполняла сильные движения обхватывания, однако это заключение покажется преждевременным, если поставить вопрос в филогенетическую плоскость: что предшествовало данной форме?

О II пальце кисти из Пангбоче стоит говорить лишь очень кратко, поскольку ее концевая фаланга возможно не подлинная. Но все же это не могло радикально сказаться на очень любопытных результатах измерений, полученных Л.П. Астаниным. А именно, оказалось, что относительная длина II пальца превышает таковую и у современного человека и у антропоидов:

Индекс III; длина II пальца в % от длины II пястной кости
Шимпанзе 116
Горилла 117
Современный человек 118
Орангутан 124
Гиббон 133
Пангбоче 145

При этом выяснилось, что на кисти из Пангбоче удлинена как средняя фаланга, так и основная, подлинность которой вызывает наименьшие сомнения.

Есть одно косвенное обстоятельство, позволяющее считать, что в целом II палец на кисти из Пангбоче необычайно длинен: это его относительная длина по сравнению с III пальцем. Ведь III палец, покрытый кожей, безусловно подлинный. Он согнут. Соизмерение его длины со II пальцем очень затруднительно, но мы применили разные методики, использовав не только циркуль и нитку, но пытаясь воспроизвести на многих людях аналогичный ракурс II и III пальцев. Оказалось, что, в отличие от современного человека (и ряда других приматов), на кисти из Пангбоче III палец отнюдь не длиннее II пальца. Свидетельствует ли это в пользу искусственности такого непомерно удлиненного II пальца на кисти из Пангбоче? Или подобный признак свойствен и другим неандертальским кистям? К сожалению, при реконструкциях кистей из отдельных костей Буль, Бонч-Осмоловский и другие в данном отношении принимают за модель как раз кисть современного человека, то есть выдвигают проксимальный конец III пальца дальше соответствующих концов II и IV пальцев. Таким образом, вопрос пока остается без ответа.

Как мы видели, кроме дискуссионных и недостаточно выясненных признаков, остается довольно значительное число особенностей, отличающих кисть из Пангбоче от кисти современного человека и сближающих ее с кистью неандертальца. Остается важный вопрос: а не укладываются ли они в пределы вариаций кисти современного человека? По мнению Л.П. Астанина, при ответе на этот вопрос нужно принять во внимание .отмеченную еще А.И. Ярхо закономерность: отдельные признаки (размеры и форма костей) человеческой кисти варьируют в известной мере независимо друг от друга. Поэтому если данная кисть отклоняется от нормы по нескольким признакам, это имеет гораздо большее значение, чем если бы она отклонялась по одному признаку. «Как раз в случае Пангбоче это и наблюдается. По длине II пальца, укороченности I пястной кости, массивности других метакарпалий и некоторым другим признакам кисть из Пангбоче не походит на кисть современного человека. Если даже допустить, что каждый отдельный признак находится в пределах вариаций кисти современного человека (занимая крайнее положение), то та комбинация признаков, которая обнаруживается в кисти из Пангбоче, у современного человека, видимо, не может встретиться». Этот вывод тем более неоспорим, что к перечисленным здесь Л.П. Астаниным особенностям кисти из Пангбоче должны быть прибавле-

ны еще такие, как рассмотренное нами специфическое костное образование или гребень на первой пястной кости, относительная величина эпифизов сравнительно с телом пястных и фаланг, характер изогнутости первой и четвертой пястной костей. Вся эта совокупность неандерталоидных особенностей кисти из Пангбоче, по-видимому, отнюдь не коррелированных между собой или хотя бы в известной мере независимых друг от друга, дает право считать, что кисть из Пангбоче стоит вне возможных вариаций кисти современного человека.

Она отстоит от кисти современного человека не менее, чем кисть неандертальцев. Наиболее вероятно, что ее следует определить именно как неандертальскую или неандерталоидную. Правда, для сравнения с древнейшими ископаемыми гоминидами и прегоминидами остеологический материал по кисти руки слишком скуден: есть лишь незначительные фрагменты по парантропам и плезиантропу. Но не видно причин для того, чтобы ставить исследуемую кисть ниже неандертальских. Из восьми неандертальских местонахождений, где найдены кости, относящиеся к кисти руки — Спи, Крапина, Ла Кав, Субалинк Хёле, Ла Шапелль, Ла Феррасси , Кармел и Киик-Коба, полностью опубликованы только четыре последних. На основе совокупности этих палеоантропологических данных можно утверждать, что кисть на неандертальской стадии антропогенеза отличалась большой вариабильностью строения, причем кисть киик-кобинца не может быть без оговорок принята за эталон, более того, в некоторых отношениях она занимает крайнее положение среди неандертальских форм. Но все же определились уже некоторые параметры вариаций неандертальских форм. Кисть из Пангбоче вполне вписывается в эту группу, причем меньше признаков сближает ее с кистью из Ла Феррасси, больше — с кистями из Ла Шапелль и Киик-Коба, что, кстати, совпадает с приведенными выше предварительными впечатлениями Бернара Эвельманса и Османа Хилла.

Я даже позволю себе думать, что кисть из Пангбоче способна пролить дополнительный свет на большие дискуссионные вопросы, касающиеся кисти неандертальцев. Разве не примечательно, например, в этом плане общее впечатление проф. Л.П. Астанина от кисти из Пангбоче: что она лишена черт специализации и как бы совмещает в себе некоторые признаки брахиаторной, круриаторной, способной охватывать предметы кисти?

Могут возразить, что невозможно делать какие либо обобщения на данном анатомическом объекте, поскольку он представлен только серией фотографий и даже нет надежды в ближайшем будущем получить подлинник в руки антропологов.

Конечно, такое положение с кистью из Пангбоче сильно ограничивает возможности исследования. Так, мы не видим всех сторон каждой кости. Мы не можем произвести никаких сопоставлений абсолютных размеров, ибо пока не располагаем сколько-нибудь надежным масштабом для определения с точностью натуральной величины кисти из Пангбоче; известно только, что она немного меньше средней человеческой кисти, может быть, принадлежит женской особи. Но остается, как мы видели, достаточно широкая возможность измерений пропорций костей, то есть относительных величин, а также анатомического анализа конфигурации костей, их взаимного расположения и т.д. Главное все-таки в том, что в этих фотопрепаратах исключается артефакт, ибо ведь мы открываем в этом скелете такие свойства, которых не ожидали и не могли ожидать ни обладатели кисти — ламы, ни шерпы, ни путешественники, снимавшие фотографии. Тут ситуация прямо противоположна пильтдаунской. Наш анализ морфологических особенностей кисти из Пангбоче не подтвердил, а опрокинул прогнозы тех, кто снимал фотографии, ибо они ожидали найти подтверждение гипотезы о неизвестном «страшном антропоиде», а отнюдь не мысли о неандерталоидном характере кисти, которая им была неизвестна и чужда. Что делать, пока приходится довольствоваться фотографиями этого важного объекта. Но ведь можно привести немало примеров существенных и достаточно точных наблюдений и выводов, сделанных и советскими и зарубежными антропологами путем измерений фотографий костей — при отсутствии в руках оригиналов и муляжей.

Поэтому все же хотя бы в самом предварительном порядке сопоставим наблюдения над кистью из Пангбоче с основными положениями Г.А. Бонч-Осмеловского и его критиков по поводу особенностей и филогенеза неандертальской кисти. Хотя кости кисти киик-кобинца сохранились более фрагментарно, чем кости его стопы, и поэтому даже самые скрупулезные измерения не могли дать абсолютно надежных результатов, Г.А. Бонч-Осмоловский построил смелую, своеобразную и во многих отношениях твердо обоснованную концепцию. Естественно, что в некоторых пунктах она неоднократно подвергалась критическому пересмотру (А.Н. Юзефович, В.П. Алексеев и др.). Основные выводы Г.А. Бонч-Осмоловского состоят, как известно, в следующем. Кисть палеоантропа из грота Киик-Коба, как, в меньшей степени, и кисти некоторых из западных неандертальцев, отличались от кисти современного человека (неоантропа) исключительной массивностью и ограниченной возможностью противопоставления большого пальца. В пользу последнего утверждения свиде-

тельствует строение пястно-запястного сустава I луча, не седловидное, каковым оно является у всех неоантропов. В то же время большой палец имеет более ладонное направление, то есть расположен в большей степени в одной плоскости с ладонью, чем у современного человека. Кисть киик-кобинца Бонч-Осмоловский на этом основании сближает с «лапой».

Больше всего подвергалось критике положение Бонч-Осмоловского о малой противопоставляемости и, соответственно, малой охватывающей способности большого пальца неандертальца. Несомненно, что его вывод должен быть обставлен большим числом оговорок. В этом выводе отчасти чувствуется предвзятость, он в известной мере внушен определенной концепцией, а именно идеями П.П. Сушкина, что помимо сознания Г.А. Бонч-Осмоловского влияло на методику исследования. Но все же навряд ли можно начисто и отбросить этот серьезно фундированный вывод. Между прочим, Бонч-Осмоловский ссылался в подтверждение своего тезиса и на то, что у современного человека при поражениях головного и спинного мозга, связанных с нарушением пирамидных путей (при котором выключается участие коры головного мозга), противопоставление большого пальца или ограничивается, или полностью выпадает. Бонч-Осмоловский ссылался и на данные проф. Н.А. Крышовой о слабости возбудимости сгибателей большого пальца при хватательной функции у новорожденных детей, причем выявляющейся значительно больше при сне, чем при бодрствовании. Эти наблюдения из области эволюционной физиологии нервной деятельности не имеют никакого отношения к чисто анатомической дискуссии: по А. Шульцу закладка оппозиции большого пальца в эмбриогенезе происходит более поздно, чем по В.П. Якимову; эта анатомическая возможность противопоставления большого пальца у зародыша 8 -- 9 недель или новорожденного лишь по недоразумению могла быть противопоставлена эволюционной концепции Бонч-Осмоловского, подкрепленной Крышовой, говорившей не об анатомии кисти, а о развитии функций центральной нервной системы, кстати, против такого недоразумения предупреждал сам Бонч-Осмоловский, говоря, что тут мы имеем дело с выявляемым нервной деятельностью «переживанием» той стадии эволюции, когда не было противопоставления, хотя оно обнаруживается на другой стадии онтогенеза, «когда анатомическое строение всей аппаратуры оппозиции уже вполне сформировалось» (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 142). Словом, мне представляется, что никаких решающих опровержением мыслей Бонч-Осмоловского об особенностях большого пальца киик-кобинца не было выдвинуто,

хотя мысли эти требуют оговорок и уточнений. Все это упоминается здесь мною только потому, что, по-видимому, как показано выше, кисть из Пангбоче дает некоторые морфологические наблюдения в пользу мнения Бонч-Осмоловского об ограниченности противопоставления большого пальца у палеоантропов.

Но, пожалуй, гораздо важнее отметить, в чем изучение кисти из Пангбоче способно подтолкнуть, хотя бы косвенно, к сомнению в правильности некоторых элементов реконструкции кисти из Киик-Коба, представленной Бонч-Осмоловским. Укажу на два таких элемента.

Во-первых, на кисти из Пангбоче, как отмечалось выше, третий палец едва ли выступает дальше второго, то есть они примерно одинаковой длины. Как известно, то же самое наблюдается на кисти человеческого зародыша 8 – 9 недель. На реконструкции кисти киик-кобинца мы видим третий палец выдвинутым настолько же, как у современного человека. Это побуждает приглядеться: не допустил ли Бонч-Осмоловский ошибки. Ведь не сохранившиеся вторая и третья пястные кости очерчены им на основании догадки, по аналогиям. Но при этом Бонч-Осмоловский явно отошел от сформулированного им самим обобщения: у неандертальцев линия пястно-фаланговых суставов образует не дугу, как у современного человека, а гораздо более выпрямлена. Стоит вспомнить об этом, и возникнет законное предположение: в реконструкции кисти киик-кобинца или слишком удлинена третья пястная, или недостаточно удлинена вторая.

Во-вторых, кисть из Пангбоче неизмеримо более узкая, удлиненная, чем реконструированная Бонч-Осмоловским кисть киик-кобинца, отличающаяся необычайной шириной. Более того, на этот раз Бонч-Осмоловский как раз следует собственному обобщению: у всех неандертальцев якобы пясть в целом отличается значительно большей шириной, чем у современного человека, откуда вытекает и ширина всей кисти. Тщательно прослеживая аргументацию Бонч-Осмоловским этого тезиса, мы обнаружили, что в сущности тезис решительно ничем не доказан. Исходя из того, что все зарубежные авторы и он сам характеризуют пястные (и фаланги) неандертальцев как массивные и коренастые, он незаметно заменяет этот факт утверждением, что пясть и кисть неандертальцев абсолютно и относительно очень широка. Но ведь массивность костей может быть с избытком компенсирована узостью межпястных промежутков, если боковая подвижность всех пальцев у неандертальцев была более ограниченной, чем у современного человека. На кисти из Пангбоче межпястные промежутки как раз сужены сравнительно о кистью современно-

го человека. Всемерно подчеркивая ограниченную подвижность первого пальца, Бонч-Осмоловский почему-то настаивает на огромной возможности «растопыривания» остальных пальцев, вернее, лучей. Он утверждает, что в современной кисти проксимальный отдел, сравнительно с неандертальской кистью, производит впечатление как бы сжатого с боков в улькарно-радиальном направлении, что соответствует и тесной сдавленности костей запястья, тогда как у киик-кобинца и других неандертальцев якобы все обстояло наоборот. Но единственное реальное наблюдение в пользу «растопыренности» пясти, сделанное Бонч-Осмоловским на киик-кобинце, это ориентировка суставной поверхности основания IV пястной кости к V пястной; по словам Бонч-Осмоловсвого, «это говорит о сильном отклонении у киик-кобинца V луча» (Бонч-Осмоловский Г.А. Op. cit., с. 84-66), что представляется мне вполне убедительным. Но отсюда незакономерно делать обобщение о растопыренности и всех остальных лучей. На кисти из Пангбоче мы в самом деле видим сильное отклонение V пальца. Может быть, такова специфика неандертальской кисти. Никаких данных в пользу растопыренности пясти больше нет. Не убедительна и аналогия с женской кистью из Ла Феррасси: а) сам Бонч-Осмоловский неоднократно подчеркивает ее отклонения от неандертальского типа, в) некоторая растопыренность пясти, приданная ей на реконструкции Буля, мало аргументирована последним и может оказаться произвольной, с) Бонч-Осмоловский растопырил пясть киик-кобинца еще значительно сильнее, чем сделал Буль с пястью из Ла Феррасси, не приведя для этого оснований. Таким образом, кисть из Пангбоче, ничего не решая сама по себе, просто служит поводом и толчком к тому, чтобы задуматься над одним из важных тезисов Бонч-Осмоловского: будто «резко выраженная ширина пясти неандертальцев не подлежит сомнению», а «киик-кобинская кисть была... еще более широкой» (Ibidem, с. 87).

Отметим попутно, что этот недоказанный и, видимо, ошибочный тезис один из упомянутых критиков концепции Бонч-Осмоловского как раз принял за ее самый бесспорный элемент. А именно В.П. Алексеев принимает за доказанное это положение об увеличении сравнительно с современными широтных размеров кисти киик-кобинца, как и западноевропейских неандертальских форм (Алексеев В.П. Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте киик-кобинца среди неандертальских форм). Антропологический сборник II (Труды Института этнографии АН СССР). М., 1960). По мнению В.П. Алексеева, на ранних этапах антропогенеза, кончая неандертальской

стадией, развитие кисти шло в сторону увеличения ее широтных размеров и только у современного человека в силу коррелятивной зависимости от развития стопы широтные размеры кисти уменьшились. Здесь опять-таки имеет место неосторожное отождествление понятия «массивность» костей кисти с понятием «увеличением широтных размеров кисти». Но ведь массивность костей как раз могла соответствовать уменьшенной боковой подвижности пальцев и, тем самым, суженности кисти.

Словом, имеющийся костный материал по кистям неандертальцев позволяет говорить лишь о том, что у них были толстые, широкие пальцы, но не позволяет вывести широтно-длиннотного указателя кисти в целом. Вероятнее, что она, даже в случае значительной широты, в общем выглядела длинной. Пястные кости были сдвинуты плотнее друг к другу, чем у современного человека, и все пальцы раздвигались меньше.

Таким образом отпадают, по-видимому, основные возражения, которые могли бы быть сделаны против морфологического сближения, кисти из Пангбоче с известными ныне неандертальскими кистьями, включая занимающую среди них в некотором отношении крайнее положение кисть киик-кобинца.

Но в силу сказанного мы можем лишь с осторожностью использовать для пангбочской кисти следующую широко известную гипотетическую характеристику, даваемую Бонч-Осмоловским кисти киик-кобинца: «Она была относительно крупной, очень мощной, грубой и неуклюжей, с широкими, как бы обрубленными пальцами, заканчивающимися чудовищными ногтями. Толстая в основании, она клинообразно утончалась к относительно плоским концам пальцев. Мощная мускулатура давала ей колоссальную силу захвата и удара. Но захват осуществлялся не так, как у нас. При ограниченной противопоставляемости большого пальца, при необычайной массивности остальных, нельзя брать и держать пальцами. Киик-кобинец не брал, а «сгребал» предмет всей кистью и держал его в кулаке. В этом зажиме была мощь клещей». Из этого яркого описания кое-что может быть перенесено на нашу кисть из Пангбоче, хотя, несомненно, она далеко не тождественна кисти из Киик-Коба.

Перейдем к сопоставлению анатомии кисти из Пангбоче уже не с костями ископаемых предков современного человека, а с совсем другой группой материалов — с современными описательными данными. Выше уже говорилось, между прочим, о большом числе упоминаний в записанных рассказах населения и в народных легендах об обычае охотников отрезать у «дикого человека» кисти рук в качестве трофеев и талисманов.

Из описательных материалов о реликтовых гоминоидах, которые могли бы быть привлечены для сопоставления с кистями из Пангбоче или с реконструированной Бонч-Осмоловским кистью некоторых неандертальцев, упомянем прежде всего приведенное выше сообщение геолога А.П. Агафонова о том, что в июне 1948 г. вблизи оз. Сары-Челек (Тянь-Шань, Чаткальский хребет) очень старый слепой пастух по имени Мадьяр показал ему хранившуюся в качестве родовой реликвии высушенную кисть руки, якобы отсеченную прадедом Мадьяра у убитой громадной прямоходящей рыжей обезьяны. По словам А.П. Агафонова, строение кисти было в общем человеческое, с тыльной стороны ее покрывали редкие, достигавшие до 1 см в длину бурые волосы (ИМ, III, №109). Таджик Маттук Обдераим, описывая проф. Б.А. Федоровичу виденного им в 1944 г. убитого его дядей «яво-хальга» (дикого человека), среди прочих запавших ему в память деталей отмечал: «На руках большой палец ближе к остальным, чем у человека». В сообщении пастуха Мало-Магома о наблюдении 13 августа 1959 г. самки «каптар» на перевале через Главный Кавказский хребет между Дагестаном и Азербайджаном, которое было записано о его слов через несколько дней после события, в отношении кистей рук говорилось следующее: «На ладонях волос нет. На тыльной стороне волосы растут до середины пальцев. Пальцы рук длиннее, чем у обычного человека, и были плотно сжаты между собой».

Особенно большой интерес представляет детальное описание кистей рук «дикого человека», записанное В.А. Хахловым по рассказам казахов. Последние подчеркивали не столько абсолютную ширину кисти, сколько, напротив, ее относительную узость по сравнению с длиной пальцев. «Чтобы показать, как выглядит рука, рассказчики очень сильно сжимали с боков свою ладонь в месте отхождения пальцев, подгибая при этом большой палец к ладони. Тогда человеческая кисть выглядит узкой и длинной, отчасти напоминая обезьянью». По впечатлению Хахлова от этих рассказов, ладонь «дикого человека» напоминает не столько квадрат, сколько удлиненный прямоугольник. Что касается длины пальцев, то, по предположению Хахлова, III и IV одинаковой длины и самые длинные, а V, в свою очередь, равен II-му. Для сопоставления с Кистью из Пангбоче важны следующие два беглых замечания В.А. Хахлова. «Может быть, такое впечатление создалось потому, что «дикий человек» всегда держал указательный палец слегка согнутым, как это делают и теперь некоторые люди, что и создавало впечатление его укорочености и что может быть поставлено в связь с характером схватывания». «Большой

палец довольно длинный и, видимо, лежит почти в одной плоскости с ладонью. Во всяком случае, он не может быть противопоставлен так и производить такие схватывающие движения, как у человека... Когда очевидцы старались показать на своей руке положение большого пальца «дикого человека», они прижимали его сбоку к основанию указательного».

К этому морфологическому описанию прибавляются очень важные функциональные наблюдения. Когда на «дикого человека» была наброшена петля, рассказывал казах, тот схватывал ее не так, как это сделал бы человек: «Он сверху набрасывал на веревку все пять пальцев и прижимал ее к ладони. Было впечатление, что пленник накидывал на веревку широкий крюк, которым являлась вся рука» (ИМ, IV, с. 47-50). Нельзя не отметить поразительного сходства этого описания со словами Бонч-Осмоловского о не столько захватывающей, сколько «сгребающей» кисти кик-кобинца. Далее, заслуживает внимания и свидетельство казаха, видевшего самку «дикого человека» на привязи: предмет или насекомое она прижимала большим пальцем к средней фаланге согнутого указательного пальца, а не схватывала концами их, как сделал бы человек. В.А. Хахлов полагает, на основании опроса казахов, что у «дикого человека» высокоразвитое скалолазание обеспечивается хватанием за выступы особенно сильными и подвижными тремя последними пальцами, тогда как большой и указательный могут при этом оставаться свободными.

Весьма любопытна одна деталь, которую можно заметить, сравнивая серию упоминаний о древолазании «снежного человека» с теми случаями, когда человек спасался от приближавшегося «снежного человека» залезая на дерево. Казалось бы, здесь противоречие. Но, вчитываясь внимательно, мы замечаем, что речь идет о двух разных вещах. «Снежный человек» отлично лазает по ветвям, стоит на них, держась за другие, или повисает, подтягивается; а спасающийся от него человек взбирается по тонкому стволу, как по шесту, до высоко расположенных ветвей, и в этом случае «дикий человек», пытавшийся почему-то настичь человека, принужден был топтаться под деревом. Это следует объяснить тем, что для цепляния за ветви не обязательно схватывание их противопоставленным большим пальцем, можно накладывать всю кисть как крюк, а для влезания на гладкий ствол или шест абсолютно необходимо схватывание противопоставленным большим пальцем.

Описание кисти «дикого человека», данное Хахловым, оставалось бы неполным, если бы мы не отметили, что в результате настойчивых расспросов о ногтях он характеризует их, как «уз-

кие, длинные и выпуклые». «По всей вероятности, — добавляет Хахлов, это — когтевидные ногти, как назвала бы такое образование сравнительная анатомия. Разобраться в этом можно было бы, лишь имея перед собой объект, хотя бы в виде пальца «дикого человека»« (ИМ, IV, с. 47-50). Теперь это условие налицо, и ногти с кисти из Пангбоче действительно напоминают предварительное описание Хахлова.

Во всем остальном описательном материале мы многократно встречаем упоминания о «крепких», «крупных», «сильных» пальцах изучаемого нами вида (ИМ, I, с. 42; II, с. 115 и др.). В реалистической или легендарной форме мощная сила захвата кисти этого существа фиксируется рассказами о «джез-тырмаке». Указания на особенно длинные сравнительно с человеческими ногти на руках встречаются также в большой серии различных независимых друг от друга показаний наблюдателей (ИМ, I, с. 42; II, с. 115 и др.). Наконец, нет ни единственного показания, которое противоречило бы многократно повторяющемуся утверждению, что ладонь рук (как и подошва на ноге) не имеет волос (в том числе свидетельства Хахлова, Топильского, Агафонова, Карапетяна), но характер и степень обволошенности тыльной стороны кисти описываются не вполне одинаково: иногда просто говорится о наличии на ней волос, иногда отмечается, что она обволошена не полностью, а, например, только до первого сустава пальцев и т.п. (ИМ, II, с. 71; II, с. 115, кавказские данные).

Итак, в основном сходятся три комплекса данных о кисти: 1) анализ фотографий кисти из Пангбоче, как и сведения об обволошенности кисти с тыла 2) итоги морфологических исследований кисти кииккобинца и западноевропейских неандертальцев, 3) описательные опросные сведения. Из этого сходства мы заключаем, что кисть «снежного человека» в общем тоже имеет близость к тому, что известно науке о палеоантропах, может быть, шире — об ископаемых гоминидах.

Таким образом, мы существенно продвинулись в поисках опоры для биологических сопоставлений «снежного человека» с другими известными видами. Приведенные параллели, касающиеся вещественных, реальных, зафиксированных многочисленными фотографиями стопы и кисти реликтовых гоминоидов, — это уже немало! Выводы относительно этих двух конечностей, основанные на совершенно независимом друг от друга материале, в общем одинаковы. При этом мы можем заметить, что у реликтовых гоминоидов диморфизм верхних и нижних конечностей выражен слабее, чем у современного человека: если стопа реликтового гоминоида характеризуется большей, чем у современного

человека, подвижностью пальцев, в частности, I пальца, то кисть характеризуется меньшей подвижностью, в том числе меньшей противопоставляемостью I пальца.

Эта особенность конечностей реликтового гоминоида лишний раз свидетельствует о его филогенетической примитивности по сравнению с современным человеком. Ведь, по меткому определению П.П. Смолина, анатомическое различие между обезьянами и людьми состоит между прочим в том, что люди — переднерукие, обезьяны же — заднерукие, то есть обхватывающие движения, держание чего-либо осуществляются у обезьян преимущественно задними конечностями. палеоантроп, как можно судить по сказанному выше, был менее «переднеруким», чем современные люди, менее «заднеруким», чем обезьяны.

ТЕЛО И ГОЛОВА

Рассмотренные вещественные источники, относящиеся к конечностям, было бы, разумеется, в высшей степени желательно дополнить данными о костях черепа. Ведь череп остается фундаментальным материалом для научной систематики в зоологии и в антропологии. Естественно, что исследователи проблемы «снежного человека» искали прямых и косвенных путей к установлению морфологических особенностей его черепа.

Однако поиски пошли, по-видимому, по неправильному пути. Опыты реконструкции формы головы по скальпам «снежного человека», предпринятые В. Чернецким, не могли дать положительного результата. Весьма спорным является материальный памятник, который некоторые авторы предлагают рассматривать почти как вещественные останки «снежного человека». Речь идет о случайно найденной в одной коллекции зоологом С.М. Успенским буддийской ритуальной маске, применявшейся лишь в редчайших церемониях посвящения духовных лиц высшей степени. С.М. Успенский склонен допускать, что, за вычетом явно вымышленных элементов (зубная система), эта маска может рассматриваться как подлинная копия, снятая может быть путем наложения чего-то вроде слоев папье-маше с мумии или черепа «снежного человека». Более того, С.М. Успенский сделал интересную попытку реконструкции облика «снежного человека» методом восстановления лица по черепу, разработанным проф. М.М. Герасимовым (Uspenski M.S. Une figuration inconnue de l'homme des neiges // La terre et la vie. Paris, 1960, №4, p. 200 – 203). Однако антропологами и приматологами выдвинуты веские возражения против сближения изображаемого маской существа с каким-либо из высших приматов, будь то антропоиды или гоминиды.

Но никому не пришло в голову привлечь совсем иной материал для изучения черепа реликтовых гоминоидов. В предыдущей главе мы указали на «подкумскую крышку» и другие неандерталоидные черепа Северного Кавказа, имеющие весьма молодой геологический и археологический возраст. С точки зрения биологической науки и ее обычных хронологических масштабов эти ископаемые черепа могут быть названы современными. Между тем на «подкумской крышке» мы видим характерные особенности палеоантропа (хотя и смягченные у данной особи) -развитый надглазничный рельеф или валик, покатый лоб, слабо развитые сосцевидные отростки, большую межглазничную ширину и др. Но не только на Северном Кавказе, а и во многих других географических областях найдены черепа и другие кости достаточно ярко выраженного неандерталоидного типа, относящиеся отнюдь не к палеолитическому времени, а к неолитическому, палеометаллическому и еще более позднему. Антропологи ни в коем случае не связывали эти находки с неандертальской проблемой, ибо не было даже мысли о сохранении на земле реликтовых палеоантропов. Между тем количество таких находок в сумме весьма значительно и их уже никак нельзя рассматривать в качестве патологических случайностей. Краткий обзор состояния вопроса будет дан в главе 13. Пока необходимо лишь отметить, что находки неандерталоидных черепов голоценового возраста, в том числе «эпохи бронзы» сделаны, кроме Северного Кавказа, также в Тибете, или лучше скажем наоборот: на всех территориях, где сделаны находки поздних неандерталоидных черепов, имеются сведения о встречах в настоящее время или об обитании в прошлом аналогов «снежного человека». Как увидим, в описаниях внешности последних наблюдателями снова и снова подчеркиваются выступающие надбровья, прикрывающие глубоко запавшие глаза, покатый, убегающий назад лоб. Следовательно, можно предполагать, что мы обладаем обильным остеологическим материалом для изучения если и не чистых, то скрещенных особей Homo troglodytes («снежного человека»), живших в историческое время и, вероятно, почитавшихся при родовом строе наподобие «ларов» и т.п. (см. главу 14).

Во всяком случае мы получили некоторые твердые опорные пункты для начала морфологической характеристики реликтового гоминоида и определения его систематического положения. Вкратце наш вывод можно сформулировать так: с точки зрения узко морфологической (т.е. не касаясь трудовой, психологической, социальной стороны процесса «очеловечения» приматов) это существо эволюционно находится не дальше от совре-

менного человека, чем австралопитековые, но и не ближе к нему, чем неандертальцы (палеоантропы).

Есть несколько самых общих признаков, неизменно повторяющихся в огромной массе устных сообщений, отличающих аналогов «снежного человека», с одной стороны, от современного человека, с другой стороны, от любой обезьяны. От современного человека во всех описаниях его отличает 1) волосатость тела (наблюдаемая ввиду отсутствия одежды), 2) отсутствие членораздельной речи. От обезьяны же аналогов «снежного человека» в той же абсолютно подавляющей массе сведений отличают 1) прямохождение (по своей определенности и сходству с человеческим не идущее в сравнение с намечающимся прямохождением горных горилл), 2) наличие у особей женского пола развитых и даже гипертрофированных сравнительно с женской грудью грудных желез (в общем совершенно отсутствующих у всех обезьян, хотя в виде исключения иногда и наблюдается набухание и даже обвисание молочных желез, например, у самок гориллы, но только в период лактации). Что касается низших обезьян, то от них «снежного человека» отличает отсутствие какого либо хвоста, — признак, опять-таки подтверждаемый огромной массой описательных материалов.

Однако прямохождение у этих реликтовых гоминоидов все же еще далеко не столь выработано, как у современного человека, и отличается как бы некоторой незавершенностью. Выше уже приведен ряд показаний, характеризующих их неуклюжую, раскачивающуюся походку на несколько расставленных и слегка согнутых в коленях ногах. К этому нужно добавить встречающиеся указания на их относительную коротконогость, а также в некоторых случаях — кривоногость, косолапость (ИМ, I, с. 9; III, с. 115; IV, с. 56-57, а также кавказские данные). Мы не встретили оснований признать характерным для «снежного человека» тип фигуры, реконструированной Хахловым: с осью, в общем сильно наклоненной вперед, но зато очень часты, как подчеркивает и Хахлов, указания на сутулость, согнутость вперед плеч и головы, как бы сгорбленность, причем чаще при описании движущегося существа, реже — в стоячем положении (ИМ, I, с. 42, 6, 8, 83, 85, 92; II, с. 50, 61, 85, 106, 117; III, с. 12, 33, 70, 85, 115; IV, с. 58, 113, а также кавказские данные). Эта сутулость, столь характерная, как известно, для фигуры неандертальца, объясняется, с одной стороны, особенностями в посадке головы, с другой стороны, сдвинутостью вперед плечевого пояса. Последнее создает на скелете неандертальца впечатление длиннорукости, так как руки свисают вперед и спускаются низко, хотя действительная длина рук сравнитель-

но с длиной туловища и ног и мало отличается от нормы современного человека. То же впечатление оставляет и фигура аналогов «снежного человека». В значительной серии наблюдений указывается на большую, чем у человека, длину их рук, спускающихся до колен и даже ниже (ИМ, I, с. 6, 9, 26, 42, 83, 85; II, с. 47, 79, 51; III, с. 38, 106, 115; IV, с. 43 – 45, 136, а также кавказские данные). Но нам важно не только это зрительное впечатление о длиннорукости. Еще гораздо существеннее серия наблюдений, указывающих на использование аналогами «снежного человек» передних конечностей при передвижении.

Эти случаи употребления рук для локомоции относятся к самым разным ситуациям: барахтанью в снегу, перепрыгиванию через трещины, убеганию от опасности и преследования, карабканью на скалы, а также и на деревья (ИМ, I с. 15, 21, 32, 43, 44, 45, 46, 52, 53; II с. 38, 48; III с. 32, 101; IV, с. 92, 113, а также тянь-шанские и кавказские данные). Характерно, что нет ни одного указания на то, чтобы экземпляр «снежного человека» в какой бы то ни было ситуации при передвижении на четырех конечностях опирался на тыльную сторону кистей рук, как это всегда делают антропоиды. Он неизменно опирается на ладони. В случае, описанном геологом М.А. Строниным, существо это бежало вверх по довольно крутому склону помогая себе передними конечностями, «подкидывая их под себя, как лошадь, бегущая наметом». В описании этих существ другим наблюдателем говорится: «Много работают руками, особенно при подъемах на гору». Последнее замечание особенно важно: если подчас, судя по рассказам, «снежный человек» бросается бежать на четвереньках даже на плоском месте, будучи сильно испуганным, то все же роль передних конечностей в локомоции «снежного человека» выступает чаще всего и особенно ясно при подъемах на скалы и крутые склоны. В этих случаях на передние конечности ложится задача подтягивания тела, а нижние конечности играют скорее вспомогательную роль. У В.А. Хахлова на основе рассказов охотников-казахов, видевших как «дикий человек» лазает по крутым склонам и скалам, сложилось впечатление, что он «быстро ползает главным образом на своих длинных руках, подталкивая тело ногами» (ИМ, IV, №122, с. 46 – 47). Выше приводилось одно наблюдение с Кавказа: «дикий человек», перелезая через забор, сначала подтягивается на руках, затем перебрасывает ноги. Цитировался и анализ горцами-шерпами отпечатков, оставленных «йе-ти» на снегу: чтобы сесть на высокий камень, он подтянул себя, опираясь на руки, о чем свидетельствуют следы двух вмятин по краям отпечатка его ягодиц (ИМ, I, с. 45).

Но все же вся серия упоминаний об использовании передних конечностей при локомоции составляет ничтожный процент к постоянным, неизменным указаниям на прямостояние и прямохождение, как основную форму положения тела аналогов «снежного человека». Они способны, судя по различным описаниям, на задних конечностях подниматься в гору, идти на протяжении многих километров, быстро бежать, спрыгивать на 1,5 м. вниз, перепрыгивать через камни. Иными словами, выпрямленное положение — их существенная видовая черта. При этом он может садиться как человек, — преимущественно на корточки, что отмечено в очень большой серии показаний, но в меньшем числе случаев сидел и на ягодицах на камне, как на стуле, или съезжал сидя со снежного склона (ИМ, I, с. 33, 38, 47, 54, 56; IV, с. 136 и др., а также кавказские данные). И все-таки для биолога не менее важно отличие локомоции реликтового гоминоида от человеческой, выражающееся в том, что он пользуется передними конечностями для передвижения и лазания значительно больше и чаще, чем человек.

От особенностей способа передвижения вернемся к строению тела аналогов «снежного человека» в целом. В большинстве случаев непосредственное впечатление наблюдателей состоит в том, что фигура этого существа и спереди, и сбоку, и сзади похожа на человеческую, хотя нередко в показаниях оговаривается, что оно именно только похоже на человека, т.е. человекоподобно, а есть в его внешнем облике и что-то звериное, обезьяноподобное (ИМ, I, с. 23, 82, 83; II, с. 112; III, с. 33, 38, 42, 49, 70, 71, 73, 77, 87, 97, 105, 115; IV, с. 32, 136, а также кавказские и тянь-шаньские материалы). Наряду о упомянутыми выше особенностями фигуры, как например, в большей или меньшей мере выраженная у разных особей сутулость, свисающие руки и пр., нередко указывается также на относительно большую длину туловища сравнительно с ногами (ИМ, III, с. 87; IV, с. 56), на относительно большую ширину плеч и всей верхней части туловища сравнительно с тазом и всей нижней частью (ИМ, II, с.115; III, с. 70, 105, 115–116). В нескольких показаниях подчеркивается общая массивность, мощность телосложения, мускулистость, коренастость, могучая грудная клетка (ИМ, I, с. 26, 28, 31, 37, 40, 85; II, с. 115; III, с. 11, 89, 116; IV, с. 103, 121). Лишь в очень редких случаях (у В.А. Хахлова, Н.А. Байкова, в некоторых кавказских опросных материалах) говорится, наоборот, о худобе, узкогрудности, щуплости, слабой физической развитости, что, конечно, вполне объяснимо как индивидуальное или популяционное отклонение от более обычного физического типа в результате плохих условий питания, болезней и т.д.

Как уже отмечалось, особенно велик размах колебаний — в данных, касающихся роста аналогов «снежного человека». Значительно более 50% всей серии имеющихся показаний говорит о том, что рост наблюдавшегося экземпляра равен росту среднего человека (около 1,5–1,7 м.) Однако в немалом числе случаев отмечается рост выше среднего человеческого (1,8 – 2,2) и даже якобы доходящий у некоторых экземпляров до 2,5 – 3 м. В других случаях указывается рост ниже среднего человеческого для предположительно взрослых особей «снежного человека», однако эти данные, как и самый нижний отмечаемый предел роста, не представляют для морфолога особого интереса, ибо могут относиться не только к низкорослым особям или популяциям, но к подросткам или детенышам. Что касается веса тела, то единственная попытка определить его по глубине следов крупного экземпляра в снегу была сделана Вис-Дюнантом и привела к ориентировочной оценке веса в 80–100 кг (ИМ, I, с. 51).

По описательным данным может быть замечена существенная разница в росте и массивности мужских и женских особей (половой диморфизм) (Напр., ИМ, III, с. 52; 1У с. 61 – 62). У самок в большой серии показаний отмечены очень отвисшие грудные железы и только в одном случае, относящемся явно к очень молодой особи, указаны небольшие расположенные высоко молочные железы (ИМ, IV, с. 62). Описания детенышей реликтового гоминоида слишком скудны для определения каких-либо особенностей в строении тела.

Самцы, самки и детеныши реликтового гоминоида покрыты с ног до головы волосами. В этом сходится 100% показаний. Подошвы ног и ладони рук, напротив, по всем показаниям, не имеют волос. Волосяной покров на теле аналогов «снежного человека» определяется наблюдателями очень конкретно, образно, нередко с помощью сравнений с теми или иными животными. Наряду с совпадением общей характеристики обволошенности тела, мы обнаруживаем огромное многообразие в деталях. Как объяснить эту мозаичность сведений — не фантазией ли рассказчиков? Проф. В.А. Хахлов предложил гипотезу, которая представляется более рациональной: и цвет и характер шерсти резко изменяются у животных, как диких, так и домашних в летнее и зимнее время, и даже у человека прослеживаются реликты этих изменений; следует полагать, что у аналогов «снежного человека» также происходит смена и изменения волосяного покрова по сезонам, откуда, может быть, разногласия и противоречия у рассказчиков (ИМ, IV, №122, с. 77). Выше упоминалась аналогичная мысль д-ра Б. Эвельманса о возрастных изменениях окраски волос у высших

приматов. Иными словами, мы можем допустить большую индивидуальную, популяционную, возрастную, сезонную вариабельность волосяного покрова у вида Homo troglodytes L.

Каковы же данные о цвете волос реликтовых гоминоидов? Значительно больше половины всей серии показаний по этому вопросу называют рыже-бурый или коричневый цвет. Но в остальной части есть и значительные колебания: цвет подчас определяется как более темный, вплоть до характеристики его как «коричнево-черный» и просто «черный», а в другую сторону — как светло-коричневый, желтоватый, желто-серый, серо-палевый, просто серый (ИМ, I, с. 3, 8, 9, 10, 15, 21, 22, 24, 26, 27, 31, 33, 37, 40, 43, 45, 53, 63, 65, 71, 80, 82, 88, 90, 93; II, с. 6, 8, 9, 13, 15, 18, 27, 31, 52, 61, 81, 100, 105, 117; III, с. 12, 14, 30, 32, 37, 42, 50, 51, 68, 70, 73, 88-89, 100, 105, 106, 107, 113; IV, с. 61, 100, 113, 103, 104, 121, 124, а также кавказские и другие данные). Цвет волос не всегда вполне одинаков на всем существе: иногда указывается отличие цвета на животе или груди, еще чаще — на голове (ИМ, I, с. 40, 71; II, с. 6). Наконец, упомянем уже отмечавшиеся редкие сведения о совершенно белых особях — седых или альбиносах.

Несколько слов о длине и характере волос на теле. На основе описаний можно уверенно полагать, что у реликтового гоминоида нет подшерстка (подпуши), как у всех представителей отряда приматов. Показания о волосах колеблются от характеристики их как «коротких» (длиною в 1 – 2 – 3 см,) до определения как «длинных», от эпитета «редкие» до эпитетов «густые», «лохматые», «косматые» (ИМ, I, с. 3, 8, 9, 15, 21, 26, 27, 28, 37, 41, 63, 65; II, с. 9, 16, 18, 19, 31, 47, 61, 71, 81, 82, 88; III, с. 12, 30, 32, 37, 50, 70, 71, 76, 85, 88, 89, 97, 100, 104, 105, 107, 106, 113; IV, с. 59, 61, 77, 100, 121, 124, а также кавказские и другие данные). Однако этот размах определений длины и густоты волос как раз в наибольшей степени может быть объяснен изменениями организма и среды, в том числе сезонной сменой волосяного покрова. Напомним цитированное выше сообщение начальника автономного уезда из юго-западной части Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР о ежегодной линьке живущих в горах «диких людей» («волосы падают в апреле»). Таким образом, в пестроте показаний можно усмотреть не столько противоречивость, сколько отражение большой изменчивости волосяного покрова реликтового гоминоида. Впрочем, немалую роль может играть, конечно, и субъективная оценка наблюдателя, неточность масштаба для определений. Например, шерсть «снежного человека» характеризуется то как «жесткая», то как «мягкая» или «пушистая» (ИМ, I, с. 21, 26, 31, 45, 63; II, с. 6). Более объективный характер, несомненно, носят

указания на неравномерность обволошенности или разную длину волос на разных частях тела (ИМ, I, с. 42; II, с. 85; III, с. 78, 100). Представляют, в частности, интерес несколько имеющихся указаний на весьма малую обволошенность ягодиц. Неоднократно повторяются указания на разное направление роста волос в верхней и нижеей части тела (что находит аналогию и в направлении роста волос у некоторых людей) (ИМ, I с. 22, 29, 42, 46; II, с. 9).

Почти единогласно наблюдатели указывают, что волосы на голове аналогов «снежного человека» имеют иной характер, чем на теле: они отличаются прежде всего своей длиной, ниспадая на плечи и на лоб; они спутанные, косматые; они, по редким данным, отличаются от волос на теле также большей жесткостью и подчас иной окраской; наконец, в случаях остроконечной формы головы, отмечается и пучок волос на макушке (ИМ, I, с. 26, 28, 32, 42; II, с. 8, 9, 27, 117; III, с. 33, 38, 41, 42; IV, с. 102, 121, а также китайские и кавказские данные). У самок волосы длиннее, чем у самцов (ИМ, I, с. 68; III, с. 100). Непонятным исключением из этой серии непротиворечивых свидетельств о длинных волосах на голове реликтового гоминоида является впечатление, вынесенное В.А. Хахловым из рассказов очевидцев-казахов, будто волосяной покров на голове «дикого человека» вообще мало развит (ИМ, IV, с. 42). Может быть в этом пункте имело место недоразумение между зоологом и информаторами, которые подумали, что он спрашивает их о волосах на лице? Однако и впечатление Хахлова об отсутствии бровей на мощных надбровьях этого существа (при наличии выраженных ресниц) не совпадает с другими свидетельствами (ИМ, IV, с. 37-38; II, с. 115).

Ни в одном показании из всей массы имеющихся у нас свидетельств не упоминается о бороде и усах, напротив, в ряде случаев подчеркивается их отсутствие. Несомненно, это — очень важный устойчивый видовой признак, отличающий Homo troglodytes L. от человека. Отмечается либо мелкая обволошенность всей кожи лица, либо полная безволосость лица при темной, черной, красноватой коже (ИМ, I, с. 15, 31, 42, 53, 77; II, с. 29, 47, 79, 82, 114, 115, 117; III, с. 49; IV, с. 113, а также китайские и кавказские данные).

Голова Homo troglodytes характеризуется подчас как крупная, массивная (ИМ, II, с. 13; III, с. 70, 115 ИМ, II, с. 13; III, с. 70, 115). Имеется серия указаний на то, что голова длинная, заостренная кверху, конической формы (ИМ, I, с. 22, 24, 31, 33, 36, 53, 69, 71; II, с. 13, 27, 29, 47, 52, 107; III, с. 49; IV, с. 36, 136).

Серия описательных данных, хотя и не очень обширная, указывает на особенности посадки головы. Особенно подробно охарактеризована эта особенность в записях В.А. Хахлова: «Толстая

шея «дикого человека» наклонена вперед, в силу чего голова расположена не так, как у человека. Сильные затылочные мышцы удерживают голову, не давая ей склоняться вниз. Поэтому и создается впечатление, что голова у него втянута в плечи. Как можно было предполагать по свидетельству очевидцев, положение головы по отношению к шее у «дикого человека» приблизительно такое же, как у человека, смотрящего вверх. Оба очевидца говорили, что когда «ксы-гыик» смотрит на кого-нибудь, то невольно создается впечатление, что он готов вот-вот броситься на него; в этом отношении они сравнивали его с борцом, который приготовился к состязанию» (ИМ, IV, с. 57). В нескольких других записях отмечается, что у «дикого человека» шеи словно и нет: прямо на плечах — голова, прямо на груди — подбородок (ИМ, I, с. 66; IV, с. 136, а также кавказские данные). Этот признак, хотя он не всегда фиксируется и, очевидно, не всегда выражен, представляется нам очень важным. Он снова вызывает параллель с посадкой головы на скелетах неандертальцев. У них эта посадка головы, весьма похожая на описанную В.А. Хахловым, объясняется не столько сильным развитием затылочных мышц, сколько особым положением затылочного отверстия на черепе: оно находится не в центре основания черепа, как у современного человека, а сдвинута по сравнению с ним кзади. Очевидно, мы можем предполагать эту особенность и в скелете реликтового гоминоида.

Что касается общей формы лица реликтового гоминоида, то надо отметить прежде всего постоянные сравнения его наблюдателями с человеческим лицом, причем отличия от последнего подчас вовсе не фиксируются их вниманием. Например, врач Карапетян констатировал: форма лица овальная (круглолицый), обезьяньих черт в лице не замечено, но цвет лица не человеческий, необычайно темный и т.д. (ИМ, II, с. 115). Госохотинспектор Леонтьев отмечал: «во всяком случае это было лицо, а не удлиненная звериная морда» (ИМ, III, с. 115). С другой стороны, может быть более точно определение офицера Колпашникова: лицо похоже на очень грубое человеческое лицо (ИМ, IV с.102). По словам шерпы Пхурпа, это было плоское лицо зверя со множеством морщин, очень напоминавшее обезьянью морду (ИМ, II, с. 47). По словам другого шерпы, морда была «как у обезьяны» — «безволосая и коричневая» (ИМ, I, с. 46).

К очень важным для морфолога признакам в строении головы и лица аналогов «снежного человека» относится форма его лба и надбровий. Дело в том, что именно эта часть скелета ископаемых гоминид представлена наибольшим числом находок и наиболее скрупулезно изучена, следовательно, даже недос-

таточно точные описательные данные о лбе аналогов «снежного человека», как и вообще о его черепе, дают повод для сопоставлений, хотя, разумеется, самых осторожных, с палеоантропологическими данными. «Покатый», т.е. низкий и убегающий лоб реликтовых гоминоидов отмечен не в очень большой, но все же значительной серии показаний (ИМ, I, с.8; II, с. 50, 61; III, с. 32, 87; IV, с. 113). Особенно следует отметить записи В.А. Хахлова о том, что по описаниям очевидцев, лоб у «дикого человека» есть, «но мало заметен, так как очень покатый...; для уточнения наклона лба рассказчик показывал это не только на себе, но для большей наглядности и на других (взрослых и детях) и даже пытался уловить сходство между лбом «дикого человека» и некоторых животных, причем собачий лоб, по-видимому, больше всего подходил для этого» (ИМ, IV, с. 35 – 36). Атанасиус Кирхер отмечал «сморщенный узкий лоб» (ИМ, IV, с. 105). Тибетский лама говорил: «череп очень плоский» (ИМ, III, с. 37). Следует, однако, отметить и исключения. Так, очевидец таджик из юго-западной окраины Синьцзяна, опрошенный проф. Б.А. Федоровичем, говорил, что у виденного им убитого экземпляра был «почти прямой лоб, не скошенный, нормальной высоты, как у человека»; однако, во-первых, и среди палеоантропов встречаются вариации, когда покатость лба выражена слабее, так что не могла бы броситься в глаза не-антропологу, во-вторых, не исключено недопонимание при расспросах, например, информатор может быть имел в виду, что «не скошенным», «прямым» было лицо в целом (в отличие от животного). В общем же приведенная серия показаний о покатости лба, показаний, исходящих от лиц, не знающих антропологии, очень важна, ибо указывает как раз на один из решающих «примитивных», т.е. в той иди иной мере обезьяньих диагностических признаков, отличающих черепные крышки ископаемых гоминид, включая неандертальцев.

Невольно вызывает сопоставление с ними и одно любопытное упоминание, содержащееся в устном сообщении тибетца Гэ Лана: черепная крышка «дикого человека», которую он видел в руках у монахов, по его впечатлению, была по разрезу (распилу) длиннее, чем обычная черепная крышка человека (ИМ, II, с. 9). Нельзя не сравнить этого с известным фактом, что черепа палеоантропов обладают тем же признаком: их черепные крышки как бы вытянуты в длину сравнительно с человеческой за счет затылочной части. Но тибетец Гэ Лан не мог знать об этом!

Непосредственно с убегающим назад лбом связана и другая важнейшая деталь строения лобной части черепа и лицевого ске-

лета: выступающий надбровный рельеф или валик. Антропологи довольно уверенно узнают по этому признаку черепа, принадлежащие не современным людям (хотя в ослабленной степени он попадается и на черепах последних). Палеоантропы и стоящие ниже них ископаемые гоминиды, как вообще все высшие приматы, характеризуются этими выступающими надбровьями. О них же говорит серия показаний, относящихся к аналогам «снежного человека» (ИМ, I, с. 8; II, с. 50, 61 и др.), в том числе детальное описание этого признака у В.А. Хахлова (ИМ, IV, с. 34, 37-38).

Нередко при зрительном наблюдении очевидцы обращают внимание не на выступающие надбровья, а, так сказать, на обратную сторону того же самого явления: на глубоко сидящие, глубоко впавшие глаза. Например: «Брови очень густые. Под ними — глубоко впавшие глаза» (ИМ, II, с. 115).

Об особенностях и цвете глаз есть некоторое число описательных данных, однако их еще преждевременно обобщать, а какой-либо сравнительный материал по ископаемым гоминидам, кроме формы глазниц, естественно, отсутствует.

Зато в этом отношении очень важны описания нижней части лица аналогов «снежного человека». Для сравнения с ископаемыми формами, для определения его места среди приматов очень важен вопрос: в какой мере у него выражен прогнатизм, т.е. выступание вперед челюстей, косая посадка зубов?

Один из кавказских информаторов, пользуясь доступными ему средствами описания, употребил такое выражение в своем рассказе о «диком человеке»: лицо, как у человека, только губы вытянуты вперед, так что морда представляет как бы середину между человеком и обезьяной.

На этот вопрос снова и снова пытаются дать ответ наблюдатели: морда или лицо? На соответствующий вопрос В.А. Хахлова, «подумав немного, оба очевидца говорили, что у «дикого человека» хотя и есть лицо, но оно больше похоже на морду» (ИМ, IV, с. 58). Также и для ряда других ответ представлял известную трудность, хотя большинство сами ставили его лишь для того, чтобы ответить: все-таки скорее лицо, чем морда. Так, геолог М.А. Стронин говорит: «у медведя — морда (рыло), а у этого существа не было выдвинутой вперед звериной морды, она была гораздо более округлой». То же утверждает охотинспектор В.К. Леонтьев: «во всяком случае это было лицо, а не удлиненная звериная морда» (ИМ, III, с. 115). В такой же связи возникают сравнения физиономии «снежного человека» с обезьяной и человеком. Иногда ответ гласит «морда как у обезьяны» (ИМ, I, с. 46; II, с. 105), ино-

гда — «похоже на обезьяну и человека» (ИМ, II, с. 9), иногда — «обезьяньих черт в лице не замечено» (ИМ, II, с. 115; III, с. 32). Попадаются определения, что морда (лицо) аналога «снежного человека» — более плоская, чем у обезьяны, но менее плоская, чем у человека, или же: «плоское лицо зверя» (ИМ, I, с. 42; II, с. 47).

Создается впечатление, что прогнатизм выражен у реликтовых гоминоидов меньше, чем у обезьяны, но у многих особей, если не у всех, — больше, чем у человека. За это говорит ряд более определенных указаний о строении нижней части лица: 1) массивность нижней челюсти и скул (ИМ, I, с. 8, 24; II, с. 50; IV, с. 34 – 35, 113 и др.); 2) нижняя челюсть выдается вперед (ИМ, III, с. 51; IV, с. 113); 3) зубы поставлены скошенно, прикус резцов, по выражению казахов, «как у лошади» (ИМ, IV, с. 40); 4) подбородок срезан назад, т.е., на нем отсутствует подбородочный выступ (ИМ, IV, с. 39). Эти признаки чрезвычайно ясно сближают аналогов «снежного человека» с палеоантропами или их эволюционными предшественниками.

В нескольких случаях отмечено, что разрез рта у аналогов «снежного человека» значительно шире, чем у людей, а губы — тонкие или почти совсем не видны (ИМ, IV, с. 39, а также кавказские и индокитайские данные).

В нескольких показаниях отмечаются оскаливающиеся крупные зубы. Особенное внимание некоторых наблюдателей привлекли выступающие больше, чем у человека, клыки. В.А. Хахлов полагает, на основе рассказов казахов, что резцы и клыки «дикого человека» почти в два раза больше человеческих, и, соответственно, предполагает, что очень крупными могут оказаться и коренные зубы (ИМ, IV, с. 79- 80).

Весьма разноречива имеющаяся небольшая серия показаний о размерах и форме носа аналогов «снежного человека». О одной стороны, налицо несколько указаний на небольшой запавший нос с бросающимися в глаза ноздрями, с другой, — упоминания о достаточно крупном, напоминающим человеческий, носе (ИМ, I, с. 31, 42; II, с. 82, 115; IV, с. 38 – 39, 105). Эта разноречивость могла бы несколько обескуражить морфолога, если бы он опять-таки не обратился к палеоантропологическим параллелям: черепа неандертальцев свидетельствуют о большом многообразии степени развития и формы наружного носа в рамках этой группы, начиная от сильно проваленного до крупного выступающего вперед.

Наконец, остается добавить, что мы не располагаем пока сколько-нибудь ясными описательными данными об ушах аналогов «снежного человека». Немногие имеющиеся сведения разно-

речивы; уши то «прижаты», то «оттопырены» (ИМ, I, с. 46; II, с. 82; IV, с. 40 – 42).

Подводя итог, можно отметить, что данные по морфологии вида Homo troglodytes L. («снежного человека») представляют по многим признакам и общим описаниям картину некоторой амплитуды колебаний: от сближения его с антропоидом до сближения с человеком. Эти колебания можно объяснить двумя причинами: объективной и субъективной.

Во-первых, ископаемые гоминиды тоже рисуют нам картину аналогичных вариаций, располагающихся между формами, более близкими к антропоидам, и формами, имеющими «сапиентные» черты, подчас весьма выраженные, делающие их во многих отношениях по строению тела, конечностей, головы, лица похожими на современного человека (Homo sapiens). Правда, среди части антропологов распространено мнение, что эти формы всегда следует трактовать как эволюционно переходные к современному человеку, как ступеньки «перерождения» неандертальца в человека современного физического типа. Однако, ряд находок, геологически и археологически достаточно древних, заставляет внести поправки в такое понимание. Это не значит, что можно присоединиться к существующей концепции о «пресапиенсах», якобы с очень древних эпох уже представляющих особую ветвь эволюции гоминид, ведущую к современному человеку совершенно в стороне от неандертальцев. Правильным нам кажется представление, что среди ископаемых гоминид формы более или менее «сапиентные» были до определенного времени всего лишь одним из проявлений полиморфизма, одной из вариаций, вкрапленной среди других, но не имевшей еще принципиальных биологических преимуществ перед другими. Вот Homo troglodytes L. («снежный человек») также имеет значительные вариации, и часть популяций этого вида обладает большим внешним обманчивым сходством с современным человеком, чем другая часть.

Во-вторых, при наблюдении неведомого человекоподобного существа многое зависит от субъективной направленности внимания. Так, глядя на обезьяну, один человек более поражен ее сходством с нами, другой — отличием, и в зависимости от этого каждому больше западут в память те или иные черты. Описательные данные о реликтовых гоминоидах, несомненно, отразили на себе в некоторой мере воздействие этого психологического фактора — фиксацию тех или иных признаков в зависимости от установки наблюдателя.

Глава 12

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ HOMO TROGLODYTES L. («СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»). БИОЛОГИЯ

Если по строению тела Homo troglodytes L. («снежный человек»), как мы убедились, может быть сближен с ископаемыми гоминидами, то его образ жизни не имеет ничего общего с восстановленной археологами картиной жизни древнейших и древних предков человека. Каждая ступень эволюции последних характеризуется той или иной специфической формой находимых вместе с их костными останками искусственных орудий из камня. Археологи четко отличают, скажем, каменные «культуры» обезьяно-людей (питекантропов, синантропов, атлантропов) от каменных «культур» неандертальцев (палеоантропов). Налицо тенденция связать даже и австралопитековых с определенными формами искусственных костяных орудий, иными словами — с некоей археологической «культурой». В связи с находимыми каменными и иными изделиями и следами обитания древнейших и древних гоминид делаются предположения об их труде, общественной жизни, психике. Напротив, никаких данных о «культуре» «снежного человека» нет. Поскольку наш предварительный материал уже довольно обширен, можно с уверенностью думать, что у него нет никакой специфической «культуры» в археологическом смысле.

Следовательно, нет никаких оснований рассматривать образ жизни исследуемого реликтового гоминоида по аналогии, допустим, с тем, что известно археологам об образе жизни неандертальцев (позднеашельская и мустьерская культура). По образу жизни, по своей биологии реликтовый гоминоид предстает перед нами без каких-либо признаков труда, характеризующих прямых предков современного человека. Иными словами, налицо нет никаких поводов, чтобы рассматривать его как ступень очеловечения обезьяны. Он по своему образу жизни выступает как животное, и только как животное,

В главе 5 был очерчен предполагаемый ареал распространения реликтового гоминоида, — если не в самое недавнее время, то в относительно недалеком историческом прошлом. В главах 6–10 был дан обзор разнообразных описательных данных, относящихся к различным географическим областям этого ареала. Как уже неоднократно подчеркивалось выше, достоверность всех этих данных далеко не равноценна, можно допустить, что часть из них окажется основанной на ошибке или на народных

легендах. Но данные носят массовый характер, в подавляющем большинстве подтверждают и дополняют друг друга, контролируются немалым числом достаточно надежных наблюдений вполне культурных людей, а также приведенным в предыдущей главе вещественным фактическим материалом. Поэтому мы можем с не меньшим основанием обратиться к характеристике природной среды обитания реликтового гоминоида, а вместе с тем и к его предварительному биологическому описанию.

Характерная для обитания того или иного вида территория, с определенным ландшафтом, растительным и животным миром, называется его биотопом. Существуют виды узко приспособленные к одной определенной природной зоне, но существуют и другие, способные обитать в разных и даже в весьма различных биотопах, — их называют эвритопными. Реликтовый гоминоид принадлежит к числу последних (может, быть его даже придется назвать убиквистом, наподобие лисицы, беркута или ворона). Приведенные описания встреч и наблюдений говорят, несомненно, о приспособляемости этого вида к сильно варьирующим природным условиям. Перечислим главные типы природной среды, встречающиеся на огромном пространстве ареала реликтового гоминоида, к которым приурочены встречи и наблюдения.

а) Начать надо с высокогорных снежных полей и ледников. Этот ландшафт мы ставим на первом месте отнюдь не из-за его решающей роли в жизни реликтового гоминоида, а чтобы сразу подчеркнуть полнейшую условность и случайность привычного термина «снежный человек». Эпитет «снежный» глубочайшим образом искажает сущность всей проблемы в глазах широкой общественности. Хотя в течение ряда последних лет уже ни одному мало-мальски осведомленному автору не приходит и в голову всерьез приурочивать обитание крупного высшего примата исключительно к области вечных снегов и льдов, что является биологической бессмыслицей, этот эпитет по-прежнему служит в глазах неспециалистов чуть ли не главным возражением против возможности его существования вообще. Потребуется большая научно-популяризаторская работа, чтобы читатели привыкли понимать вошедший в обиход эпитет «снежный», как совершенно условный. Д-р А. Сэндерсон в письме к автору этих строк замечает, что, по его впечатлению, сейчас главная причина, мешающая постановке серьезного научного исследования проблемы «снежного человека», состоит в ложном толковании проблемы, возникшей из некритического восприятия термина: оно заключается в том, что якобы эти существа являются не только обитателями гор, но и живут около снежной линии или выше нее. Одна-

ко, продолжает А. Сэндерсон, из всех сотен случаев, занесенных мною в картотеку, у меня нет ни одного, который хотя бы намекал, что «снежные люди» живут в такой экологической зоне.

Эпитет «снежный» вошел в широкий обиход по той причине, что снежные поля Гималаев оказались своего рода предательской ловушкой, выдавшей тайну изучаемых нами существ. Оставшиеся на снегу следы явились первыми документальными вещественными доказательствами их существования, ставшими доступными мировой науке. Однако уже предшественникам Иззарда и Стонора, а тем более после экспедиции 1954 года, было ясно, что искомое животное только пересекает время от времени высокогорные снежные поля, а не обитает в них. Что же заставляет эти существа появляться на снежниках и ледниках? Много ли времени они проводят и могут проводить в этой зоне?

В основном они появляются здесь перекочевывая из одной нижележащей не заснеженной области в другую. Указывается на два фитологических фактора, которые, возможно, побуждают их пробираться и в высоколежащие области приледниковых морен. Во-первых, наличие соли в некоторых растущих там лишайниках и мхах. Во-вторых, способность некоторых лишайников и мхов синтезировать под снегом в течение зимы очень высокий процент витаминов Е и Д. Переселения некоторых птиц и грызунов для размножения на огромные расстояния как можно ближе к подтаявшей снежной линии в полярных областях объясняются сейчас некоторыми биогеографами тем, что и освобожденные из под снега растения, а также питающиеся ими насекомые имеют колоссальную питательную ценность, в частности, обеспечивающую развитие молодняка упомянутых птиц и грызунов, хотя бы и в суровых условиях приполярного климата. «Мы уверены, — пишет А. Сэндерсон в упомянутом письме, — что так обстоит и с горными «снежными людьми». Они намеренно идут вверх к снежным границам, чтобы добыть витамины (и может быть также соль), которыми богаты там растения и животные».

Наконец, на снежных высокогорных перевалах «снежные люди» появляются, несомненно, и уходя от опасностей: откочевывая со склонов и из долин, где им опасны люди, может быть также и некоторые хищники, например, волки.

Следует иметь в виду также возможные неточности и приурочения обитания «снежных людей» к заснеженным районам высокогорья: даже в очень заснеженных хребтах и даже в суровое зимнее время склоны южной экспозиции подчас свободны от снежного покрова и дают возможность грызунам и копытным (а. следовательно, и интересующему нас виду) выкапывать

сохраняющиеся круглый год подземные питательные части растений — луковицы, корневища и клубни. Кроме склонов южной экспозиции свободными от снега бывают и склоны или районы выдувания (выветривания) снега, где также держатся зимующие высокогорные животные.

Итак, «снежный человек» появляется на снегу лишь временно, мигрируя в поисках пищи (даже когда он держится в холодных высокогорных областях), переваливая из долины в долину или уходя от опасности. Но все же несомненно, что он способен проводить известное время и совершать немалые маршруты в зоне снегов и льдов. Детальные описания запечатлевшихся на снегу его приемов преодолевать снежные сугробы и спуски, его передвижений по пересеченным ледникам и крутым ледяным склонам должны рассматриваться как свидетельство его сравнительно высокой адаптации к снежно-ледяному ландшафту и к суровому холодному высокогорному климату. Какие биологические приспособления обеспечивают эту возможность? Так как «снежный человек» принадлежит к отряду приматов, у него нет подшерстка (подпуши), следовательно, достаточно теплого меха, хотя мы и допускаем значительное сезонное увеличение его волосяного покрова. В основном, по-видимому, адаптация к миграциям в условиях снегов и льдов достигается путем разрастания толщины кожи и подкожной клетчатки, в особенности же жирового слоя, как и у многих животных, интенсивно накапливаемого осенью. Следует предположить у «снежного человека», как и у других высокогорных животных, способность к периодическим долгим голодовкам, что и дает ему возможность совершать переходы по, может быть, огромным безжизненным снежным пространствам. Как отмечалось выше, можно предполагать, что в наиболее суровых приледниковых районах долгое время могут оставаться лишь особенно крупные пожилые особи, видимо, преимущественно самцы. И все-таки, хотя «снежный человек» и адаптирован в известной мере к снежному ландшафту, одна любопытная деталь, повторяющаяся чуть ли не во всей серии наблюдений, когда это животное удавалось «тропить» по его следу, позволяет утверждать, что оно не только не предпочитает снежный покров, но покидает его при первой возможности: след «снежного человека» неизменно в конце концов теряется на незаснеженном скальном каменистом грунте.

б) Весьма характерный ландшафт для «снежного человека» — это скалы. Если локомоция «снежного человека» в известной мере приспособлена к передвижению по снегу, то в значительно большей степени она приспособлена к скалолазанию.

На удивительную ловкость, с которой это существо преодолевает труднейшие скальные участки, совершенно недоступные для человека, на легкость его подъема вверх по крутым скальным стенкам и спуска вниз указывает большая серия описательных данных. Реликтовый гоминоид по меньшей мере так же хорошо, а может быть и лучше, адаптирован к скальному ландшафту, как и наиболее типичные обитатели скального высокогорья вроде горных козлов и барсов. Здесь, в скальных и каменистых зонах высокогорья, вклинивающихся ввысь в зону вечных снегов и льдов, имеется значительная кормовая база для грызунов, копытных, хищников. В то же время она служит надежным убежищем от некоторых хищников, таких, например, как волки.

в) Следующий характерный ландшафт, с которым связаны многие наблюдения реликтового гоминоида, — это альпийская каменисто-травяная зона. К ней может быть отнесено почти полностью то, что сказано выше о скальном ландшафте. Здесь весьма обильны виды растений, различные части, початки, плоды которых могут служить пищей крупному животному в разные сезоны. Здесь же обильны колонии различных горных грызунов — полевок, пищух, сурков и т.д. Здесь находят пастбища стада диких горных копытных — от косуль до яков. По представлению, сложившемуся у исследователей проблемы «снежного человека» в Непале и Сиккиме, именно альпийский каменисто-травяной ландшафт и является характернейшей зоной его обитания, по крайней мере его не гигантских и не карликовых популяций.

г) Несколько позже стали накапливаться все более обильные данные, указывающие на обитание реликтового гоминоида также в кустарниковых и лесных субальпийских поясах. В настоящее время серия наблюдений, указывающих на «заросли кустарника», «кусты», «непроходимый лес», «чащу», «горный лесной склон» и т.п., уже очень велика. В своем месте было приведено сообщение проф. Ю.Н. Рериха, у которого на основе опросных данных, относящихся к Бутану и другим областям южных склонов Гималаев, сложилось представление, что обезьяноподобные «дикие люди» обитают даже преимущественно ниже линии, с которой начинаются лесные долины. Многочисленные указания на кустарниковый и лесной ландшафт, нередко связанный с долинами горных речек, собраны в Саянах, на Кавказе и в некоторый других областях Советской Азии, как и за пределами СССР.

Если колючие непроходимые кустарниковые заросли могут дать надежное укрытие от человека и хищников, то то же самое следует сказать о ветвях высоких деревьев. Привлекает большое внимание серия сообщений о древолазании реликтового гоми-

ноида, о наблюдениях его на ветвях больших деревьев. При этом ни в одном случае речь не идет о чем-либо похожем на брахиацию, т.е. характерный для обезьян способ передвижения по деревьям преимущественно с помощью рук. Все случаи наблюдения реликтового гоминоида на дереве дают совпадающие описания: он стоял ногами на ветви или на ветвях (крурuация). Однако все же накапливаемые сведения рисуют нам его уже не только как скалолаза, но и как древолаза.

д) Довольно большая группа сведений связывает реликтового гоминоида с ландшафтом песчано-каменистых пустынь. Хотя речь идет по большей части о нагорных пустынях, т.е. расположенных на довольно значительной абсолютной высоте, все же этот ландшафт уже заставляет нас отказаться от представления о привязанности «снежного человека» исключительно к горам. В пустынях Центральной и Средней Азии наблюдения над ним приурочены не к абсолютно безжизненным участкам, а к тем местам, где в определенные сезоны появляется и фауна крупных млекопитающих — где бродит подчас медведь-пишухоед, где встречаются и стада диких копытных и следующие за ними как пастухи ирбисы, где пернатые хищники-падальщики могут находить трупы павших животных. Иными словами, речь идет о тех районах песчано-каменистых пустынь, где жизнь не пресечена полностью, где есть растительность концентрирующая влагу и питательные вещества, где есть тот или иной животный мир. Конечно, условия жизни и миграций в этой зоне весьма тяжелы. Они предъявляют к организму «снежного человека» не менее жесткие требования, чем зона вечных снегов и льдов. Если он все же наблюдается и здесь, это несомненно свидетельствует о его широчайшей приспособляемости, о способности выдерживать климат и ландшафтные условия пустынь.

е) Равнинный лесостепной ландшафт.

ж) Другим своеобразным ландшафтом обитания реликтового гоминоида являются большие тростниковые заросли. Таков, прежде всего, ландшафт огромной низменности, окружающей озеро Лобнор. Эти тростниковые заросли представляют собою настоящий заповедник разнообразнейшей живности. Указания на обитание «дикого человека» в зарослях камышей относятся также к более северной части Синьцзяна (данные В.А. Хахлова), как и к его юго-западной окраине, и к некоторым другим географическим областям, например, к р. Пяндж.

з) С вышеуказанным тростниковым ландшафтом кое в чем сходен и часто непосредственно соприкасается другой ландшафт, к которому отсылают нас некоторые сведения о «диком че-

ловеке»: болота. Об обитании реликтового гоминоида в болотистых районах, с одной стороны, нижнего течения реки Тарим в Центральной Азии, в другой стороны, подножия Талышских гор на юге Кавказа, как и в некоторых других местах, имеется известное число независимых друг от друга указаний.

и) Однако и тростниковый и болотистый ландшафт представляют собою лишь частные случаи гораздо более широкой проблемы экологии реликтового гоминоида: вопроса о связи этого животного с водой и водоемами. Если бы перед нами был узко специализированный высокогорный вид, мы должны были бы предполагать его очень малую потребность в водопоях и малую связь с водоемами, что характерно, например, для горных козлов, которые получают необходимую влагу преимущественно из поедаемых растений, а также могут получить недостающую организму влагу в виде снега, они не посещают сколько-нибудь регулярно водопоев, могут не появляться целыми месяцами вблизи рек и озер. Насколько присущи реликтовому гоминоиду навыки и инстинкты общения с такой специфической природной средой, как вода? С одной стороны, у нас есть основания предполагать, что он, как другие высокогорные животные, может длительно или даже постоянно утолять жажду растениями и снегом и не нуждается в частом и периодическом посещении водопоев. С другой стороны, в нашем распоряжении серия описательных данных, свидетельствующих о том, что он нередко переходит вброд достаточно бурные горные речки и ручьи, идет по воде вверх по течению (ИМ, II, с. 69, 66, 40, 42, 108, 113; III, с. 20. 67, 107; IV, с. 134, а также кавказские данные). Можно упомянуть два независимых друг от друга свидетельства, будто самки этого гоминоида купают своих детенышей в горных озерах и речках. Довольно обильны сообщения, в частности с Кавказа, о ночных купаниях взрослых самцов и самок. Отсюда — один шаг до сведений не только об адаптации этих существ к обитанию в камышах и болотах, но и об обитании небольших популяций непосредственно у горных озер, скрывающихся в прибрежных зарослях и в мелководьи (например, таковы сведения об обитании нескольких семейств «одами-оби» на озерах Искандер-куль и Парьён-куль в районе Гиссарского хребта). Мы имеем все основания думать, что реликтовый гоминоид может быть довольно близко связанным с водой и водоемами, что он, как и многие другие виды приматов, может хорошо плавать.

Подводя итог, мы должны констатировать огромное многообразие экологических условий жизни реликтового гоминоида. Это, прежде всего, огромное многообразие физических факто-

ров. Мы видим перепад климатических условий от мороза ледниковых высокогорий до зноя пустынь, от чрезвычайной влажности заболоченных низменностей до почти полной безводности песчаных барханов. Верхний пояс обитания «снежного человека» — пять-шесть тысяч метров над уровнем моря, и, видимо, он хорошо адаптирован к этим огромным высотам, где люди не могут длительно обитать, однако немало наблюдений относится и к совсем незначительным относительным и абсолютным высотам. Бесконечно разнообразны также физические свойства грунта, по которому передвигается реликтовый гоминоид, — скалы, лед, снег, песок, болотная жижа, почва самой различной консистенции. Ландшафт нередко в высшей степени пересеченный или лесисто-кустарниковый, в других случаях — открытый и ровный. Все это предъявляет чрезвычайно многообразные требования к локомоции и ряду физиологических функций реликтового гоминоида. Диапазону физических факторов его обитания соответствует, конечно, и разнообразие биотических факторов. Признаться, мне не показалась убедительной попытка А. Сэндерсона (который он придает большое значение) показать с помощью мировой карты вегетативных зон (карта №16), будто все данные о ABSM на пяти континентах умещаются в одну и ту же зону, в сходный широкий тип растительности. Реликтовому гоминоиду приходится уживаться в довольно многообразных растительных и животных сообществах, иметь весьма варьирующие пищевые связи. Словом, реликтовый гоминоид выступает перед нами действительно как эвритопное животное, шире — эврибионтное, т.е. обладающее приспособляемостью к весьма различным условиям среды. Это можно также назвать высокой биологической пластичностью. Никакой другой вид приматов не обладает и в отдаленной мере такой способностью обитать в разных географических условиях, за исключением разве человека, у которого однако возможность широчайшего расселения обусловлена не столько биологической пластичностью, сколько созданием искусственной среды — огня, жилища, одежды, средств труда. Впрочем, и при этом условии реликтовый гоминоид значительно превосходит людей в том смысле, что он обитает в некоторых таких зонах и стациях, где люди даже и при современнейшем оборудовании практически не могли бы долго жить.

Мы уже отмечали, что при всем многообразии биотопы реликтового гоминоида пространственно взаимосвязаны, могли представлять единый ареал его переселений и блужданий по горным цепям и нагорьям Евразии, а вероятно также Африки и Америки. Но есть ли что-либо общее в его биотопах с экологи-

ческой точки зрения? Да, все они имеют по крайней мере одну обязательную общую черту: основное условие биотопа этого гоминоида состоит в незаселенности его людьми, или по крайней мере — в минимальной заселенности.

Несколько неожиданный вывод для экологии дикого животного! Выходит, что биология некоего вида определяется в первую очередь отношением его с людьми — так называемым антропическим фактором. В биологии других животных этот фактор нередко играет большую роль, но, за исключением домашних животных, никогда не играет роли определяющей. Раз так, отсюда следует, что биология этого гоминоида окончательно эволюционно сформировалась сравнительно поздно, в «антропогене», т.е. в четвертичном периоде, безусловно в какой-то тесной связи с формированием и расселением людей. Очевидно, люди с какого-то момента своей истории оттесняли, выталкивали палеоантропа на край эйкумены, в наиболее негостеприимные, неудобные для своего обитания места, и тем самым косвенно определяли эволюцию его биологии: заставляли его адаптироваться к этой среде, мобилизовывать все резервы своей биологической пластичности.

Перед нами весьма необычный случай эволюции животного вида: своего рода противоположность образованию новых форм животных путем одомашнения (эволюции домашних животных). Тут — приспособление животных к условиям жизни при человека, там, наоборот, — приспособление к среде, удовлетворяющей отрицательному условию: отсутствию контактов с человеком. В этом смысле реликтовый гоминоид антитеза домашним животным. Что касается описанных случаев приручения и дрессировки отдельных экземпляров этого гоминоида, то их ни в коем случае нельзя смешивать с одомашнением, т.е. образованием особых одомашненных форм или разновидностей. Постоянные миграции, составляющие, как увидим, характерную биологическую особенность реликтового гоминоида, детерминированы не только поисками пищи, но в огромном числе случаев сезонная перемена стаций реликтовым гоминоидом объясняется непосредственно сезонным выгоном людьми своих стад на горные пастбища, т.е. переменой местопребывания людей.

Вот как описывает это В.А. Хахлов. «Дикого человека, по словам казахов, можно встретить от ледников в горах до песков и зарослей камышей в пустынях, вблизи водоемов — озер и рек. Уловить какую-либо приуроченность его к определенной обстановке нельзя. По-видимому, для него важно одно — безлюдность. На первых порах мне казалось, что в горах и пустынях живут разные

обитатели. Есть «дикие люди» — жители гор и другие — жители камышей. Те и другие отделены друг от друга культурным предгорным поясом, населенным современным человеком с его хозяйством и земледелием. Однако, от такого представления пришлось отказаться... Интересны результаты сопоставления встреч в горах и камышах. И те, и другие бывали только в летнее время, но, оказывается, в разные месяцы. В высокогорной зоне с «диким человеком» приходилось сталкиваться только в первое время после прибытия казахов на джайляу. А это обычно происходит в июне, когда в долине появляются комары и всякий гнус, вследствие чего дальнейшее пребывание там со скотом становится уже невозможным. Только в первые дни после появления на джайляу удавалось заставать там «ксы-гыик», и это объясняется тем, что после появления людей и скота «дикий человек» куда-то уходит. В долине, в камышах весной, когда казахи откочевывают от зимовок, не видят и не слышат ничего о «ксы-гыик». Осенью же, когда прикочевывают с джайляу, иногда слышат, что кто-то видел «дикого человека» или его следы, но и отсюда через некоторый промежуток времени он уходит, куда-то исчезая. По всей вероятности, в данном случае имеет место следующее: «дикий человек» избегает контакта с людьми и всякий раз уходит из тех мест, где появляются кочевники. Пока они со своими стадами живут в долине, «ксы-гыик» уединяется в горах. Как только человек прикочевывает в горы, «дикий человек» спускается в камыши, где и живет, никем не тревожимый, до прихода людей. Такие передвижения в Центральной Азии из долин в горы и обратно можно отметить для многих крупных зверей... По отношению к «дикому человеку» это более чем вероятно, так как это существо очень осторожно, всеядно и превыше всего ценит безлюдье. Оно легко приноравливается к новой обстановке. Однако, так же легко оставляет место, как только нежелательное соседство делает этот район недостаточно надежным и спокойным» (ИМ, IV, №122, с. 69 – 71).

Эта выписка из В.А. Хахлова могла бы быть пополнена большим числом параллелей, относящихся, например, к Тибету и едва ли не ко всём областям, где имеет место отгонное скотоводство.

Подобным же образом на опыте гималайских экспедиций последних лет, направлявшихся на поиски «снежного человека», наиболее наблюдательные участники, как Джеральд Рассел, сделали обобщение, что искомые существа уходили из каждой долины, куда входили исследователи, иногда в течение первой же ночи или, самое большее, через несколько дней. Братья Бирн, упорствовавшие в посещении одних и тех же долин на протяжении нескольких последних сезонов работ, добились того, что в

этих, прежде излюбленных местах обитания «йе-ти», перестали попадаться его следы и всякие признаки его присутствия.

С другой стороны, сумеречно-ночной образ жизни «снежного человека», о котором ниже будет речь, тоже в немалой мере может объясняться необходимостью избегать контактов с людьми: ведь районы обитания тех и других далеко не всегда могут быть полностью разграничены, иногда вследствие географических условий они тесно соприкасаются друг с другом или находят друг на друга. В таком случае единственным средством сведения контактов с людьми почти до нуля является размежевание с ними времени суточной активности.

Очень большое значение имеют зоогеографические наблюдения П.П. Смолина над картой распределения сведений о встречах реликтового гоминоида. П.П. Смолин установил, что эти сведения падают не просто на малозаселенные области, неудобные и недоступные для жизни людей. Он заметил и убедительно показал, что, если человек исторически расселялся по рекам, то данные о встречах реликтового гоминоида сгущаются на водоразделах. Причем наибольшее сгущение приходится на стыки водоразделов. Другое, может быть еще более выразительное обстоятельство: данные о встречах этого гоминоида сгущаются также на ряде этнических, национальных границ -не только на водоразделах, но и на эткоразделах; похоже, что народы, расселяясь, теснили этих примитивных гоминид-животных, вследствие чего те и оказывались подчас зажатыми между встречными направлениями расселения, в узких зонах, где сохраняется пространство почти не заселенной «ничьей земли». Наконец, сведения об этих существах обнаруживаются на действительном краю эйкумены — на крайней северной границе Евразии, куда их могло оттеснить расселявшееся по лицу земли человечество. Заметим при этом, что отступление гоминид-животных происходило не без сопротивления, не без боев: в разных районах их обитания записаны рассказы о защите ими тех или иных урочищ от людей с помощью камней, устрашающих криков и т.п. Но, конечно, эти средства оказывались в конце концов ничтожными перед могуществом человека.

Сказанное выше уже отчасти объясняет сравнительную редкость и скудость имеющихся в нашем распоряжении данных о наблюдениях реликтового гоминоида. В подавляющем большинстве случаев они являются результатом совершенно неожиданной для обеих сторон случайной встречи. Лишь очень редко этот гоминоид, побуждаемый активной ориентировочной реакцией, «любопытством», сам приближается, чаще всего под покровом ночи, к палатке, жилью или костру человека.

Выше мы говорили о ландшафтной и экологической характеристике мест встреч и наблюдений реликтового гоминоида в разных частях его огромного ареала, не дифференцируя при этом районы более или менее постоянного обитания этих существ, районы их временных миграций или, наконец, случайных заходов единичных особей. Теперь было бы желательно наложить на карту порознь случаи встреч и наблюдений одиночных особей (отдельно самцов и самок), пар, групп с детенышами и без детенышей. К сожалению, однако, наш информационный материал еще недостаточно велик, чтобы допускать подлинную статистическую и картографическую обработку. Наши заключения могут пока носить лишь ориентировочный и предварительный характер.

В имеющейся серии (порядка нескольких сот) записей прямых и косвенных сведений о наблюдениях реликтовых гоминоидов не менее 75% относится к наблюдениям единичных особей. Среди них пол отмечен далеко не во всех случаях, но бесспорно, что самки составляют меньшинство. Из остальных наблюдений подавляющая часть относится к парам, причем это почти всегда самец и самка. Есть несколько наблюдений трех особей вместе — самец, самка и детеныш (или самец и две самки) — и уже совсем единичны упоминания о группах более трех особей. В рассказах населения все же довольно часто утверждается, что эти существа живут «семьями».

В главах, содержавших обзоры описательного материала по разным географическим областям, мы особенно внимательно фиксировали все указания на наблюдения детенышей. Тем самым в пределах ареала наметились немногочисленные очаги размножения реликтового гоминоида: в юго-западном углу Кашгарии; где-то на пространствах между озером Лобнор, южной частью пустыни Гоби и хребтом Нань-шань; в афганском Бадахшане; на Гиссарском хребте; может быть, на Скалистом хребте (на Кавказе). Эти очаги отнюдь не расположены на самых больших горных высотах. Но все они относятся к весьма безлюдным, ненаселенным местам, изолированы от человека, являются особенно мизантропными по географическим условиям. Впрочем, все эти очаги размножения носят явно реликтовый характер. Видимо, условия размножения данного вида удовлетворяются здесь в самой минимальной степени. Но все же именно в указанных местах зафиксировано наибольшее число сведений о наблюдениях «семей» — самцов, самок и детенышей, а иногда и целых групп особей.

Все остальные наблюдения мы можем разбить на две зоны.

Во-первых, зона наиболее широких миграций одиночек. В основной массе эти одиночки представляют собою, по всей вероятности, подросший молодняк, уходящий из очагов, где он вырос, ввиду недостаточности там кормовой базы. Это — уже биологически самостоятельные особи, способные находить пищу, но еще не произведшие потомства, ничем биологически не отягощенные и в связи с этим бродящие в одиночку. Можно думать, что они высоко подвижны и могут уходить на огромные расстояния от места своего происхождения. Выше уже высказывалось предположение, что именно эти биологически самостоятельные, но еще не имеющие потомства подростки и составляют основной контингент особей, наблюдавшихся в Гималаях — на южной географической окраине необозримой внутренне-азиатской территории блужданий. Мы не знаем пока, какой именно инстинкт заставляет их, возможно, лишь в определенные сезоны, появляться на склонах этих высочайших в мире гор. Но высоко к линии ледников, судя по описаниям, эти подростки не забираются. Там, на самых больших высотах, в наиболее труднодоступных условиях, встречается другая категория одиноких бродяг-холостяков: «гиганты», пожилые и мощные особи, ушедшие из очагов размножения из-за той же причины — недостаточности там кормовой базы для них.

Во-вторых, мы можем заметить зону блужданий молодых пар, ищущих благоприятных условий размножения. Эти пары, самец и самка, отмечены в довольно разнообразных географических точках. Но найти в настоящее время минимально необходимые для размножения экологические условия все более трудно. Эти пары как раз особенно часто и оказываются жертвами случайного выстрела: то убит самец, то самка, составлявшие пару, то гибнут и оба или даже с детенышем, которого они пытаются вести с собой в поисках места обитания (ИМ, I, с. 88, 91, 93; IV, с. 100, 133).

Если судить по записанным народным преданиям, по большей части ведущим нас в отдаленное историческое прошлое, некогда «стада», «племена» этих человекоподобных диких животных представляли собою более распространенное явление. Рассказывают об истреблении людьми таких «племен» во вновь заселяемых горных районах или об изгнании людьми после ожесточенной борьбы этих «племен» в более недоступные места. Но современные упоминания о скоплениях или «стадах» таких существ являются уже редчайшими исключениями и относятся почти только к упомянутым районам размножения.

В целом реликтовый гоминоид является в высшей степени редким животным. Разумеется, очень трудно пытаться дать хотя бы самую предварительную оценку современной численности

данного вида. Однако, поскольку налицо упоминания о скоплениях хотя бы в некоторых пунктах десятка и более особей, мы можем предполагать с большой степенью вероятности, что на земле в настоящее время обитают в общей сложности не единицы и не десятки, а по меньшей мере сотни особей этого вида животных. Но они в значительной своей части рассредоточены на колоссальном географическом пространстве. Иными словами, реликтовый гоминоид в общем является в высшей степени рассеянным («дисперсным») видом, может быть, самым рассеянным видом живых существ на земле. Эта «дисперсность» в немалой степени объясняется скудостью его современной кормовой базы. По словам проф. И.А. Ефремова, «каждое дикое животное требует определенной площади для того, чтобы прокормиться на ней, и обеспечить свое существование на весь срок жизни. Чем более бесплодна и пустынна местность, тем большая площадь обитания нужна животному, особенно крупному. Пара лебедей требует для жизни и размножения 2,5 кв. км воды и суши. Пара страусов нуждается уже в 24 кв. км пустынной степи. Лиса нашей умеренной зоны нуждается во много меньшей площади, чем лиса пустыни. Еще сложнее дело с большим антропоидом или обезьяно-человеком. Если питающийся плодами антропоид в тропическом лесу свободно просуществует на сравнительно небольшой (относительно размеров животного) площади, то антропоид в пустынной горной зоне потребует для поддержания жизни площади во много раз большей. Если же крупный антропоид перейдет к обитанию в холодной, близкой к вечным снегам горной зоне, то на одно лишь обогревание его организма пойдет большое количество качественной пищи, что резко увеличивает потребную для прокормления площадь обитания» (Ефремов И.А. Техника — молодежи. М., 1959, №5, с. 37). Проф. И.А. Ефремов, высказывая эти соображения в свое время, предполагал, что они служат опровержением возможности существования «снежного человека», ибо речь тогда шла лишь об узкой полосе южных склонов Гималаев. При современном представлении об азиатском ареале реликтового гоминоида приведенные соображения хорошо увязываются с выводом о крайней «дисперсности» этого вида, рассредоточенного на необозримых пространствах нагорно-пустынной Азии.

Вместе с тем реликтовый гоминоид выступает перед нами как животное в малой степени оседлое, в большой степени приспособленное к широчайшим миграциям. «Алмас — по словам одного информатора-монгола — ведет бродячий образ жизни и не держится постоянно на одном месте, исчезая там, где он встре-

чался, показываясь там, где его не было раньше подобно гобийским антилопам, диким лошадям и онаграм — куланам» (ИМ, IV, №123в, с. 98). Это не исключает, конечно, наличия у реликтового гоминоида временных, а может быть и более или менее долговременных логовищ, к сведениям о которых мы сейчас обратимся, но все же прежде всего необходимо отметить его высокую биологическую приспособленность к передвижениям. В дополнение к уже приведенным данным о его локомоции, здесь надо подчеркнуть сумму свидетельств о его приспособленности к таскaнию на себе как детенышей, так и предметов. В частности, думается, что именно как биологическое приспособление к постоянным миграциям может быть истолкована и вся довольно обширная серия настойчивых утверждений наблюдателей, будто грудные железы самок очень длинны и нередко при ходьбе или беге, если не придерживаются ими руками, закидываются за плечи. Очевидно носить детеныша самка прямоходящего высшего примата может только на спине. Возможность кормить его молоком не прерывая движения на задних конечностях или карабканья в скалах с помощью также и передних конечностей — очень важное приспособление. Детеныш может сосать грудь матери на ходу. Для поддерживания его на спине ей вполне достаточно одной руки (если он не держится сам достаточно цепко). Вспомним цитированное сообщение начальника автономного уезда на юго-западе Синьцзяна Сиженбека об обитающих в горах обезьяноподобных «диких людях»: «они ходят в вертикальном положении, детей держат по-человечески на руках»; тому, кто не знает горцев Азии, эти слова могут показаться опровержением вышесказанного, но на самом деле «по-человечески» носить детей в тех краях значит носить их не спереди себя, как делаем мы, а сзади, на спине, поддерживая снизу одной или двумя руками, — только так носят малышей в горах и женщины и мужчины. Очевидно, Сиженбек мог иметь в виду только это, прибегая к своему сравнению. Следовательно, данное сообщение подтверждает наше предположение о способе ношения детенышей самками реликтового гоминоида, о вероятной возможности совершать таким образом очень длительные и сложные переходы, не отставая от самцов, без остановок для кормления детеныша грудью.

Передвижение в вертикальном положении сопряжено также с возможностью ношения на длительные расстояния тех или иных предметов, ибо хождение на одних задних конечностях делает передние свободными. Действительно, из наших описательных материалов может быть выбрана серия упоминаний о ношении реликтовым гоминоидом палок, камней, туши крупного

животного или частей туши (например, большой кости, шкуры). Ношение предметов осуществляется, как видно, тремя приемами в зависимости от величины предмета: а) в руке, б) под мышкой (например, «нес два больших камня под мышками»), в) на шее (загривке), придерживая крупную ношу поднятыми руками.

Высокой приспособленности реликтового гоминоида к миграциям отвечает в общем малая приспособленность его к оседлой жизни. Мы за редкими исключениями почти не встречаем данных о его долговременных логовищах, напротив, информаторы нередко подчеркивают, что он не имеет постоянных жилищ (Напр., ИМ, I, с. 2, 77). Подчас речь идет о находках его временных лежек и гнезд, выстланных спутанными ветвями, травой, камышом (ИМ, I, с. 39; II, с. 33 и др.). Эти лежки невольно вызывают в памяти сопоставление с однодневными гнездами антропоидов. Немало есть указаний и на то, что для временного обитания реликтовый гоминоид использует естественные пещеры и навесы, ямы и промоины. «Логова — пишет В.А. Хахлов, — обнаруживали под нависшими камнями, в углублениях под густыми кустами, в нишах глинистых обрывов. Всегда в логовах обнаруживали какую-то выстилку, состоящую из крупных стеблей и травы. В камышах, как говорили казахи, временные жилища «дикий человек» устраивает в ямах или промоинах, прикрытых сверху камышом, или под завалами старых камышей. Здесь подстилкой служил камыш» (ИМ, IV, с. 74). Однако пастухи-монголы в Гоби, нашедшие по следам «алмаса» его логово, яму, утверждали, что они обнаружили там лишь кости животных, обглоданные «алмасом», но никакой подстилки, так же как орудий или следов огня (ИМ, IV, с. 98). О навыках использования чисто временных убежищ свидетельствуют и довольно многочисленные утверждения, что этого гоминоида заставали живущим в пустующих человеческих строениях или в ямах, вырытых людьми (Напр., ИМ, II, с. 86, а также кавказские данные). В то же время имеется некоторое число известий, что он сам выкапывает себе ямы для временного обитания, даже выкладывает или укрепляет их камнями, или складывает из камней временный заслон от ветра.

Но все же нельзя делать категорических выводов о полном отсутствии мест оседлого обитания реликтового гоминоида. Проф. Ринчен и проф. Г.П. Дементьев собрали сведения об «холмах алмасов» в юго-западных районах МНР, может быть свидетельствующие об относительно большей оседлости части этих существ в еще совсем недавнем прошлом. Это — заросшие саксаулом холмы, внутри которых вырыты просторные норы и отдушины для воздуха. Размер одного из таких холмов, с которо-

го сделана зарисовка, — 3,5 м., ход в нору — 1,6 х 1 м., немного выше сбоку имеется другое отверстие. Посетивший эту искусственную пещеру заведующий местным кабинетом краеведения Цоодол нашел в ней кости зайца и кал, похожий на человеческий. По словам стариков, в этих норах, теперь уже в большинстве обрушившихся и обвалившихся, несколько десятков лет назад жили «алмасы», по местному наименованию «нухны алмас», т.е. норовые или пещерные «алмасы» (ИМ, IV, с. 90 – 91). Не следует ли отсюда, что в недавнем прошлом в этих местах кормовая база «алмасов» была еще настолько обильной, что не требовала, по крайней мере от всех них, постоянных перемещений?

С этим вопросом следует связать и другой, более широкий: не является ли современная предельная «дисперсность» изучаемого нами вида результатом резкого сокращения или исчезновения его прежней кормовой базы, не принужден ли он в настоящее время перейти к «викарному», т.е. не самому желательному и характерному для него, вспомогательному корму? Прежде чем пытаться хотя бы совершенно гипотетически ответить на этот вопрос, надо суммировать современные данные о питании реликтового гоминоида.

Хотя немногие информаторы пытаются охарактеризовать этого гоминоида то как «вегетарианца», то как «плотоядного», подавляющая масса описательных данных ясно рисует его нам как животное всеядное, как эврифага. В отличие от антропоидов и большинства других обезьян, он далеко не растительнояден по преимуществу, в его рационе важное (а может быть даже и первенствующее) место занимает мясная пища.

Всеядность реликтового гоминоида выступает и как вариабильность его питания в разных географических зонах и локальных условиях, в разные сезоны. По этой огромной вариабильности питания реликтовый гоминоид может быть сравнен с бурым медведем, у которого в пределах одного вида отмечается великое множество местных вариантов питания, а также индивидуальных навыков и сезонных изменений.

Как и всякий примат, реликтовый гоминоид прежде всего растительнояден, и разнообразная растительная пища, судя по обильному описательному материалу, является если и не излюбленной, то, во всяком случае, спасительным резервом при отсутствии иной, хотя ее собирание и представляет довольно экстенсивный биологический процесс для такого крупного прямоходящего примата в перечисленных выше ландшафтных условиях (в отличие от биотопов обезьян — тропических лесов). Исключением служат только леса диких плодовых и ореховых деревьев на некоторых горных склонах, например в Тянь-Шане.

Мы можем констатировать наличие серии указаний на употребление реликтовым гоминоидом в пищу «травы и листьев», побегов бамбука, некоторых разновидностей папоротника, ревеня и других растений, по-видимому некоторых видов мхов и лишайников, всевозможных ягод (например, тутовника), диких плодов и фруктов; среди последних подчеркивается его пристрастие к яблокам. В этой связи следует подчеркнуть случаи появления реликтового гоминоида в некоторых районах вблизи человеческих поселений в сезоны поспевания культурных фруктов, плодов и овощей, поедания им алычи, тутовника и разных фруктов в садах, дынь на бахчах, початков кукурузы и овощей на полях к огородах. Но в безлюдных горных условиях едва ли не основным ресурсом растительной пищи реликтового гоминоида являются не столько наружные, сколько подземные питательные части растений. Серия указаний на употребление им в пищу корней растений особенно велика. Упоминаются корни рододендронов, женьшень; не раз тот или иной наблюдатель описывает фигуру реликтового гоминоида, как нагибающегося к земле, что-то вырывающего или выдергивающего, снова нагибающегося: «землю копали и траву ели», «каждой рукой поочередно выдергивал какие-то маленькие растения, разглядывал их, очищал корешки от земли и ел» и т.п. (ИМ, I, с. 2, 16, 20, 76, 69, 68, 59; II, с. 9, 16, 18, 48, 52, 69, 117; III, с. 41, 42, 45, 46, 51, 77, 84, 88; IV, с. 75, а также данные по Средней Азии, Кавказу и пр.).

Использование реликтовым гоминоидом этих подземных частей растений — корневищ, клубней и луковиц особенно важно подчеркнуть, как указание на источники его питания в наиболее неблагоприятное зимнее время, если, конечно, поверхность земли не покрыта толстым слоем снега. Высказывалось предположение, что реликтовый гоминоид, хотя, конечно, не «запасает на зиму мышей», как по недоразумению записано в одном сообщении, но извлекает запасы растительной пищи, сделанные на зиму мышами-полевками, каждый такой склад содержит килограммы пищи, при неглубоком снежном покрове реликтовый гоминоид может находить их по следам полевок.

Имеется серия указаний на использование реликтовым гоминоидом в пищу червей и крупных насекомых, в частности, одного вида горных сверчков. В поисках этой пищи он переворачивает камни. То же делает он в поисках крабов и лягушек, которые, по мнению некоторых авторов, якобы даже составляют два любимых вида его пищи (ИМ, I, с. 32, 36, 16; II, с. 11; III, с. 51; IV, с. 22, 75).

Очень ограничены данные об употреблении реликтовым гоминоидом в пищу, с одной стороны, рыбы, с другой стороны, птиц, а также их яиц и птенцов. Сведения о вылавливании рыбы руками

в мелких тугаях и пожирания ее в сыром виде относятся преимущественно к району озера Лобнор и низовий Тарима и стекающих с Алтын-тага рек (ИМ, III, с. 33, 95). Упоминания о ловле диких птиц носят единичный характер и мы не знаем, как может производить реликтовый гоминоид эту ловлю, хотя уларов, например, некоторые наземные животные вылавливают весьма успешно. Более конкретны имеющиеся указания на разорение реликтовым гоминоидом птичьих гнезд и поедание птенцов (ИМ, IV, с. 75 – 76).

Наиболее богаты наши сведения об употреблении реликтовым гоминоидом в пищу разнообразных грызунов, так что создается впечатление, что, наряду с растительной пищей, они-то и составляют его характернейший пищевой ресурс, по крайней мере в современную эпоху. Среди них упоминаются и сравнительно мелкие грызуны вроде песчанки, и зайцы (талай?), но особенно многочисленны указания на поедание им сурков и пищух. Сурок представляет довольно крупную добычу (до 57 см длины и до 8 кг весом), пищуха — более мелкую (впрочем, до 30 см длины), но зато весьма обильную и, по-видимому, довольно легко доступную реликтовому гоминоиду. Пищухи живут обширными колониями, являются круглогодично активными животными, запасая на зиму сено, которое в степях собирают в стожки, а в горах прячут в щели между камнями. Согласно записанным наблюдениям, реликтовый гоминоид подкарауливает пищух у их нор или в россыпях крупных камней, а поймав, умерщвляет их ударом о камень. Сурков он извлекает из их нор путем раскапывания последних или подкарауливая у выходов. Следует отметить, что сурки залегают в спячку на 6 – 8 месяцев в году по нескольку особей в одной норе, отъевшись осенью, и именно во время спячки их выкапывают, например, медведи. Согласно некоторым описаниям, реликтовый гоминоид также добывает находящихся в спячке сурков, тщательно разбирая руками все камни, которыми выложены и закрыты их норы, и, по-видимому, подчас помогая себе при раскапывании палкой. Есть указания, что зайцев и сурков он убивает камнями (ИМ, I, с. 33, 31, 37, 38, 41, 32, 36, 77; II, с. 9, 30, 31, 33, 32, 98; III, с. 16, 48; IV, с. 75 – 76).

Таков основной круг питательных ресурсов реликтового гоминоида по современным описательным данным. Очень глухо в последних звучат намеки и на другие источники мясной пищи. Но, прежде чем говорить об этом, закончим обзор более ординарных фактов, относящихся к пищевому циклу реликтового гоминоида.

Что касается потребности в воде для питья, то, как уже отмечалось, она, видимо, невелика, не заставляет реликтового гоми-

ноида обязательно держаться вблизи водопоев или регулярно посещать их. Способы питья воды самкой реликтового гоминоида описаны В.А. Хахловым: она пила или припав к воде («как лошадь») или макала руку и слизывала стекающую воду (ИМ, IV, с. 22).

Несколько слов о сведениях, касающихся экскрементов и остатков пищи реликтового гоминоида. Довольно обильные описания экскрементов реликтового гоминоида ведут к в общем одинаковому представлению, а именно, что они ничем существенно не отличаются от человеческих (ИМ, I, с. 41; IV, с. 90). Казахи, информировавшие В.А. Хахлова, особое внимание обращали на то, что экскременты «дикого человека» очень напоминают человеческие, и этим как бы подчеркивали близость «дикого человека» к настоящему человеку (ИМ, IV, с. 75). Из-за скопления экскрементов временные логова реликтового гоминоида издают сильный запах, и казахи утверждали, что по запаху можно не только отыскать логово, но и приблизительно определить, когда оно сделано или когда оставлено (ИМ, IV с. 74). Для полевой зоологии анализ помета животных всегда служит важным средством изучения их питания. По данным В.А. Хахлова, экскременты реликтового гоминоида подчас указывали на преобладание растительной пищи, когда фекалии были более жидкими и содержали растительные остатки, в других замечались ягоды, остатки насекомых, шерсть и перья (ИМ, IV, с. 75). В Гималаях в помете «снежного человека» Тенцинг и Стонор отмечали остатки мелких грызунов («крыс»), шерсть и кости пищух (ИМ, I, с. 22, 41). Стонор в этом же помете обнаружил примесь большого количества глины, что соответствовало рассказам шерпов о привычке «снежного человека» поглощать особый сорт глины, встречающейся в некоторых горных районах и, очевидно, содержащей какие-нибудь ценные для организма минеральные соли (Стонор Ч. Op. cit., с. 152–154).

В книге А. Сэндерсона мы находим довольно обстоятельный обзор лабораторных анализов тех образцов экскрементов реликтового гоминоида, которые удалось собрать. К ним была применена широко известная хорошо разработанная методика, включая выявление паразитов кишечника.

Первая группа: экскременты «ми-те» из Гималаев. Содержимое (по Дж. Расселу) — мех, кости, перья (куропатки?), растительная масса, рог, коготь крупного насекомого и его усы. По форме образцы имеют сходство с экскрементами человека.

Вторая группа: экскременты «те-льма» из Гималаев. Проведан ряд анализов. Главные остатки — пищухи, кроме того в содержимом в одинаковой пропорции кости лягушек, растительные остатки, остатки насекомых.

Третья группа: совсем свежие экскременты «о-ма» из Калифорнии. Огромная (до 2 футов длины), но одновременная фекальная масса; наблюдаются какие-то сплетения, указывающие на отличие кишечника от человеческого; абсолютно исключена принадлежность этих экскрементов любому из млекопитающих Северной Америки. Обнаружены яйца трех типов паразитических червей (группа трихоцефалидов, вид трихурис), в том числе одна разновидность, встречающаяся у человека, другие — встречающиеся у млекопитающих (Sanderson I. Op. cit., p. 337 – 341).

Из находимых на земле или на скалах остатков пищи реликтового гоминоида отмечены в отдельных сообщениях: кости и объедки тушек зайцев (ИМ, II, с. 9; IV, с. 90); разломанные на части черепа кииков с отделенными рогами (ИМ, IV, с. 117); остатки съеденной лягушки (ИМ, II, с. 63); окровавленные клочки шерсти сурка возле разрытой сурчины, причем тут же рядом спал и сам наевшийся реликтовый гоминоид (ИМ, IV, с. 124); на дне трех разрытых (безусловно не волком и не медведем) сурчин — хвостики, лапки и шерсть убитых «диким человеком» сурков, по пять-шесть сурков в каждой сурчине (ИМ, II, с. 98). Более загадочна находка трупа сурка с откушенной головой и выпитой кровью (ИМ, III, с. 65).

Наконец, серьезную биологическую проблему ставит перед исследователями и серия сообщений о странной привычке реликтового гоминоида: потрошить убитых животных и оставлять не съеденными их внутренности. Так не поступает ни одно известное животное. О найденных внутренностях пищух и сурков по соседству с отпечатками следов реликтового гоминоида неоднократно сообщали шерпы (ИМ, I, с. 33, 37; II, с. 31). Стонор лично дважды натолкнулся на внутренности сурка и на внутренности пищухи вместе с клочками ее шерсти, причем тщательный зоологический анализ привел его к выводу, что таких следов трапезы не мог оставить ни один наземный или пернатый хищник, которые как раз начинают обычно пожирание добычи с внутренностей, и что, следовательно, версия шерпов является единственным возможным объяснением данных наблюдений. «Вряд ли шерпы могли придумать такую подробность, что йе-ти потрошит добычу перед едой: ведь звери и птица, с которыми они обычно имеют дело, никогда так не поступают», — вполне резонно замечает Стонор (Стонор Ч. Op. cit., с. 133–134). Совершенно аналогичными оказались и сведения, полученные В.А. Хахловым от казахов о «ксы-гыик»: «Дважды мне пришлось слышать, что птиц и зверьков он потрошит перед едой, выбрасывая внутренности. И об этом рассказывали как об удивительном явлении, свидетельствующем о его сообразительности и сходстве с чело-

веком». Один из этих рассказов относится к району Манаса, где пастух заметил валяющиеся совсем свежие внутренности двух птенцов горлиц, родители которых сидели на дереве поблизости, около опустевшего гнёзда, а на песчаной почве тут же виднелись следы, напоминавшие человеческие, уходившие по прибрежным зарослям в густые камыши. Другой рассказ приурочен к какому-то колодцу в песках, где довольно свежие внутренности песчанки были найдены около ее норы и следов «дикого человека» (ИМ, IV, с. 75 – 76).

Какую же можно предложить гипотезу для объяснения этого неожиданного инстинкта реликтового гоминоида? Не является ли этот инстинкт следом какого-то тесного симбиоза его с теми или иными хищными видами, может быть пернатыми, которые пожирали только наиболее для них лакомые части трупов, внутренности, а ему доставалось остальное мясо, — в дальнейшем же у него и самого выработалась инстинктивная тормозная установка в отношении внутренностей любого животного, которые он отбрасывает хотя бы и при отсутствии в данный момент претендента на них? Не будем настаивать на этой догадке, еще не имеющей достаточного обоснования. Но все же напомним в связи с ней очень любопытное известие Г.К. Синявского: горцы-киргизы, по его словам, описывая довольно реалистично некоторые повадки «гуль-биябана», говорят, что эти существа умеют приручать больших хищных птиц, которые выслеживают для них в горах погибающих четвероногих, повредивших ноги, и трупы, сохраняющиеся в снегу; люди, якобы, переняли искусство дрессировки охотничьих птиц именно от «гуль-биябанов» (ИМ, III, с. 61). Если допустить, что в этих рассказах отразилась хоть какая-то крупица истины, она может состоять лишь в том, что между реликтовым гоминоидом и теми или иными видами хищных птиц могли существовать биологические связи: по парению птиц он мог узнавать местонахождение гибнущего животного, не вступая, однако, в соперничество с этими птицами за присвоение всего трупа целиком.

Эти беглые соображения возвращают нас к мысли о том, что такой крупный полуплотоядный примат, как реликтовый гоминоид, может быть не во все времена удовлетворял свою потребность в мясной пище только мелкой живностью — грызунами да птенцами, как сейчас. Рассказы киргизов и других горцев упорно приурочивают его основное обитание к районам, где водятся или водились в прошлом дикий як, дикий верблюд, дикая лошадь, олень, словом, самые крупные копытные. «Уменьшение числа «снежных людей» — сообщает Г.К. Синявский — приписывается

исчезновению диких яков (диких кутасов), которые раньше паслись значительными стадами на высокогорных лугах и которые, по словам киргизов, служили главной пищей этим «абанам» («акванам») — диким волосатым людям» (ИМ, III, с. 59, 61). Любопытно, что намеченный нами основной очаг обитания и размножения реликтового гоминоида в настоящее время, т.е. юго-западная окраина Синьцзяна, как раз является районом, где еще сохраняются и дикие яки, наряду с некоторыми районами Тибета. Другие очаги реликтового гоминоида в Центральной Азии являются последними природными резервациями дикого верблюда.

Значит ли это, что мы должны представлять себе этого гоминоида в его эволюционном прошлом как охотника за крупными животными, как опасного хищника-убийцу, понемногу опустившегося до умерщвления почти одних лишь мелких зверьков? С одной стороны, есть некоторая серия показаний, говорящих как будто в пользу такого предположения: зимой по глубокому снегу он якобы может загнать архара (горного барана) или киика (горного козла) (ИМ, I, с. 77); может убивать камнями диких животных (ИМ, II, с. 72); якобы утаскивает и съедает овец, телят, яков, молодых тахров (коз) и мускусных оленей (ИМ, I, с. 75; II, с. 32); охотник якобы видел как он камнем переломил позвоночник эчке (самке горного козла) (ИМ, II, с. 80); может убивать и взрослых яков, с силой переламывая им чем-то позвоночник или сбрасывая их со скал (ИМ, I, с. 71; II, с. 54, 69). К этому надо добавить серию показаний, будто «дикого человека», его приближения и крика смертельно боятся и крупные домашние животные — верблюды, яки, козы, лошади (ИМ, II, с. 16, 27, 85, 104; III, с. 121; IV, с. 92, а также другие данные) что можно биологически объяснить только как наследственный инстинкт, отражающий реальную опасность.

Но, с другой стороны, все-таки этого слишком мало для реконструкции образа свирепого охотника на крупных четвероногих. Если приведенные сведения и верны, они говорят лишь о том, что реликтовый гоминоид может спорадически производить такие нападения. Вероятнее всего, что он никогда не был агрессивным хищником, однако он, возможно, не только утилизировал трупы крупных животных, умерших своей смертью, а выработал навыки и приемы добивать умирающее или ослабевшее крупное животное, ускорять его гибель или расправляться с неполноценными молодыми особями, отставшими от стада. Обитая в районах, где имелись большие стада крупных копытных, палеоантроп, как можно допустить, имел достаточно пищи от естественной гибели части их поголовья. Из одного сообщения китай-

ских пограничников мы знаем, как «снежный человек» унес на себе целую коровью тушу, выброшенную людьми из-за непригодности ее в пищу (ИМ, I, с. 93). Реликтовые гоминоиды могли стаскивать в свои логова, к молодняку, богатые запасы пищи и, следовательно, размножаться, пока не началось в недавнее историческое время быстрое исчезновение этих стад. С тех пор они принуждены все в большей мере переходить на «викарную», подсобную пищу и поэтому значительно расширить свои кормовые блуждания, не могут сохранить былую численность, а, напротив, быстро уменьшаются в числе и исчезают.

Если эта гипотеза верна, она ведет нас далее к изучению палеоантропа не изолированно от окружающей фауны диких животных, а в тесных и сложных связях с видами, составляющими эту фауну. Именно в этой сфере должна была проявиться высокая биологическая пластичность и функциональная приспособляемость (наследственная и индивидуальная) реликтового гоминоида. Но пока мы имеем лишь самые скупые намеки, позволяющие в лучшем случае осторожно и бегло намечать вопросы, даже не пытаясь их решать.

Так, мы можем поставить вопрос, не связаны ли сезонные вертикальные миграции реликтового гоминоида, его перемещения в зимнее время в более низкие пояса горных областей (о чем имеется немало свидетельств) не только с затруднениями его собственного собирательства, но и с сезонными кочевками стад копытных животных. Однако в настоящее время еще не представляется даже возможным свести в единую таблицу по временам года всю сумму имеющихся сведений о встречах и наблюдениях реликтового гоминоида: есть указания на самые разные месяцы, на весну, лето, осень и зиму, на теплое и холодное время, — но объединить все это в одной таблице очень трудно из-за полного несовпадения сезонных изменений во времени по разным географическим областям и высотным поясам территории распространения реликтового гоминоида. Тем более трудно привести эти данные в точное соответствие с данными о сезонных миграциях в тех или иных районах стад копытных животных.

Очень любопытна группа сведений о наблюдениях реликтового гоминоида вблизи лошадей, так что его нередко принимали в темноте за конокрада. Лошади, как уже отмечалось, боятся реликтового гоминоида, но нет никаких сведений, чтобы он причинял им ущерб, если не считать весьма распространенной в самых разных географических областях народной версии, будто он может взбираться на них и гонять до изнеможения. Какой реальный биологический стимул мог в эволюционном развитии гоминоида

сформировать у него влечение к лошадям, очевидно, еще к диким лошадям той или иной разновидности, перенесенное позже и на домашних лошадей? Есть несколько рассказов, будто он умеет сосать молоко кобыл и именно с этой целью подбирается к табунам. Вот, например, сообщение научной сотрудницы кафедры коневодства Тимирязевской сельскохозяйственной академии врача А.М. Марковой о рассказах, слышанных ею от чабанов-казахов. В южных стенах Казахстана чабаны жалуются на какое-то человекоподобное двуногое существо, высасывающее молоко по ночам. С этой целью указанное существо якобы заплетало в гриве петли, куда вставляло ступни, и, лежа на животе, лицом к крупу, захватив одной рукой основание хвоста, а другой — бедро лошади, свешивалось под живот кобылы и на ходу сосало ее вымя. При всей внешней сказочности этого рассказа, сотрудники упомянутой кафедры отмечали, что только такой прием «джигитовки» в действительности и мог бы обеспечить доступ к вымени кобылы, которая иначе никогда не даст постороннему существу подступиться к себе и тем более — сосать себя. (Сообщение А.М. Марковой, записанное Ж.И. Кофман в декабре 1959 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».) Преждевременно было бы судить, есть ли в таких рассказах реальное биологическое ядро. Может быть, реликтовый гоминоид и просто некогда совершал большие перекочевки вслед за табунами диких лошадей, выработав и сохранив с тех пор повадки обхождения с лошадьми с обезьяньей и даже более, чем обезьяньей ловкостью. Во всяком случае, характер биологических связей реликтового гоминоида с лошадью заслуживает серьезного изучения.

Кое-какие скупые сведения заставляют обратить внимание исследователей и на неясные биологические связи реликтового гоминоида с крупными наземными хищниками. Так, имеется известие А. Шалимова о наблюдении на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга одновременно оставленных следов «снежного человека» и медведя; Г.К. Синявский сообщил рассказы населения Средней Азии, будто «дикий человек» умеет утилизировать работу медведя по раскапыванию сурчин, т.е. добывает сурков, когда сурчина уже сильно раскопана медведем. Весьма интересно и то, что со снежным барсом (ирбисом) у «снежного человека» тоже можно предполагать не только биогеографическое соседство, но и тесную эволюционную и экологическую связь. Оба этих «снежных» вида, несомненно, возникли в четвертичную эпоху и более или менее одновременно адаптировались к условиям их современного ареала. Может быть, об их какой-то древней взаимной биологической заинтересованно-

сти говорит известный охотникам и зоологам своеобразный инстинкт снежного барса: в отличие от обыкновенного барса (леопарда, пантеры), он никогда — даже будучи раненным — не нападает на человека, но зато в литературе по альпинизму отмечены случаи следования снежного барса близко за альпинистами, как при их спусках, так и при подъемах на очень высокие безжизненные вершины, однако, на почтительной дистанции. В описательных материалах, относящихся к проблеме «снежного человека», упоминается, что он не боится снежного барса, последний же, напротив, боится его (ИМ, I, с. 52, 79; III, с. 64). Как можно гипотетически представить себе их взаимною биологическую заинтересованность? Скажем, наличие «снежного человека» служило некоторым препятствием к расселению людей и, следовательно, к истреблению ими снежных барсов в соответствующих районах, а с другой стороны, антагонизм снежного барса с обыкновенным барсом (леопардом) и, что особенно важно, с волком обеспечивал возможность для «снежного человека» обитать в районах распространения снежного барса, не становясь объектом охоты какого бы то ни было крупного хищника. Впрочем, это — только поиски какой-нибудь пригодной гипотезы. Может быть, связь реликтового гоминоида и снежного барса лежит в другой плоскости, например, в той же, как и предположенная нами в отношении хищных птиц: может быть во времена обилия стад крупных копытных охота снежного барса оставляла немало мясной пищи и для хитрого примата, не располагавшего собственными эффективными средствами охоты?

Все эти, хотя еще очень неясные, связи гоминоида с окружающей его дикой фауной по всей вероятности сыграли свою роль в выработке одного из тех его отличительных свойств, которое как раз можно отнести к наиболее бесспорным: его сумеречно-ночного образа жизни. Этой чертой он вполне сходен со значительной частью крупных обитателей горных и нагорно-пустынных областей. Его суточная активность так сказать пригнана и приспособлена к их суточной активности.

Термин «ночной человек» (Homo nocturnus) вполне оправдывается всем имеющимся в наших руках описательным материалом и количественной группировкой данных о времени встреч и наблюдений. Тут есть и немало обобщающих констатации населения: «ведут ночной образ жизни», «днем появляются только тогда, когда их спугнут из убежища», «днем спит, с наступлением сумерек оставляет убежище». Но еще важнее именно количественная группировка единичных наблюдений. В немногочисленных случаях наблюдений спящего реликтового гоминои-

да, это всегда было днем, причем спал он ничком, отвернувшись от света (ИМ, III, с.73, 121; IV, с. 124). В большой серии описаний встреч бодрствующего реликтового гоминоида, где отмечено время суток, на дневное время приходится менее 15%, на ранее утро и поздний вечер — более 40%, остальные — на ночь (ИМ, I, с. 33, 35, 38, 40, 47, 43, 7, 10, 71, 72, 70, 45, 78, 88, 81, 92, 93, 83; II, с. 18, 34, 58, 65, 76, 80, 82, 83, 85, 111; III, с. 28, 30. 38, 67, 70, 72, 74, 75, 78, 82, 84, 106, 113, 53, 73; IV, с. 94, 97, 100, а также другие данные по разным областям). Этот итог можно выразить также и словами В.А. Хахлова: «Мне почти не приходилось слышать рассказов о встрече с «диким человеком» днем. Подавляющее большинство встреч имело место в сумерках или в ночное время. По-видимому, как и всякий зверь, «ксы-гыик» днем отдыхает, лежит где-то, а на ночь отправляется на промысел, когда охота более добычлива, но это не значит, что весь день он проводит во сне. Он бодрствует главным образом ночью и этим сходен о подавляющим большинством зверей» (ИМ, IV, с. 73). Однако надо вспомнить, что среди всех высших и низших обезьян (за исключением одного подсемейства из американских широконосых обезьян), в том числе — антропоидов, нет видов, ведущих ночной образ жизни. Все они — дневные существа, как и человек. Это значит, что их органы чувств и физиология имеют глубочайшую эволюционную приспособленность к дневному образу жизни, а следовательно, «ночному человеку» («снежному человеку») пришлось проявить и в этом отношении необычайную биологическую пластичность, пойдя, так сказать, против эволюционного наследия, характеризующего весь подотряд Pithecoidea-Anthropoidea, к которому он принадлежит. Возникает даже вопрос: мыслимо ли это с физиологической точки зрения? Конечно, мы не можем предполагать у реликтового гоминоида очень глубоких отклонений в строении органов зрения. Но функциональная адаптация к весьма слабому освещению вполне мыслима. Поэтому существенно, что появления реликтового гоминоида приурочивают не к полной темноте, а к сумеркам, рассвету и к лунным ночам.

Наряду с суточным циклом большой интерес представляет вопрос о годовом цикле активности рассматриваемого нами вида реликтовых гоминоидов. Выше отмечалось, что в ряде случаев можно с известной уверенностью предполагать сезонные вертикальные миграции. Но в других географических районах сопряженная фауна не совершает такого рода миграций, в частности в лесных, таежных условиях. Для исследователей вопроса о реликтовых регрессивных гоминоидах остается поэтому едва ли не самой загадочной проблемой «исчезновение» их в зим-

них условиях во многих географических районах, где рассказы о наблюдениях весной, летом и осенью достаточно обильны. Невольно приходит на память представление русского фольклора о том, что некоторые персонажи «нечистой силы» с первым снегом проваливаются под землю, чтобы выйти вновь ранней весной. Однако всякая мысль о зимней спячке у реликтовых гоминоидов отвергается большинством ученых, поскольку она не наблюдается ни у одного семейства или вида отряда приматов. Но вдумаемся в этот аргумент. Во-первых, следует различать явление зимней спячки от зимнего сна — нередко прерывистого и весьма лабильного. При наличии зимних запасов пищи, хотя бы незначительных, наблюдается уже не спячка, а лишь зимний сон, с периодическими пробуждениями. Во-вторых, спячка или зимний сон установлены зоологами у отдельных видов самых разнообразных отрядов млекопитающих, — этот признак отнюдь не характеризует какое-либо семейство или какой-либо отряд. В-третьих, не поспешно ли утверждение, что ни у одного представителя отряда приматов это явление вовсе не наблюдается и, следовательно, отсутствует соответствующий биохимический и физиологический механизм? Подавляющее большинство приматов обитает в теплых зонах, где никакой биологической потребности в зимней спячке или зимнем сне нет. Однако у одного представителя этого отряда, предки которого жили и в холодных условиях, патологические следы такого механизма наблюдаются и хорошо изучены: у человека. Мы имеем в виду явления так называемой летаргии. При летаргическом сне налицо весь характерный для зимнего сна комплекс снижения жизненных процессов до предельного минимума, сводящий до самой незначительной величины обмен веществ. Если у современного человека летаргический сон может продолжаться неделю и более, то легко представить себе, что у его эволюционных предков, для которых это было не атавизмом или патологическим нарушением, а нормальным биологически целесообразным приспособлением, периоды зимнего сна могли быть много более длительными, хотя, очевидно, и прерываемыми временным бодрствованием для принятия пищи. Местом зимней спячки могли являться выкопанные в земле ямы, лёжки с разрыхленной почвой, может быть с кое-какой подстилкой, или же естественные укрытия от ветра и заносов — скальные углубления, пещеры. Все это пока — только гипотеза. Но в пользу нее есть уже и некоторые косвенные, неточные указания из северных районов Азии и Америки.

Мы не будем здесь специально останавливаться на характеристике цикла размножения реликтового гоминоида, ибо ос-

новные его элементы уже выявились в ходе предшествующего изложения. Но необходимо добавить некоторые подробности, относящиеся к периоду, когда взрослые особи, уже прожившие некоторое время самостоятельно от родителей, побродив к одиночку, окончательно созрев и развившись, начинают соединяться в пары. Для многих видов живых существ этот этап биологического цикла представляет большие трудности и требует специальных приспособлений. Бабочки-самцы находят самок по неуловимейшему запаху на расстоянии до километра. Трудности в общем тем выше, чем более «дисперсен» данный вид. Поскольку реликтовый гоминоид представляет собою вид, ведущий бродячий образ жизни, мигрирующий, покрывающий большие дистанции, разрывы контактов с подобными себе должны были иметь место даже в эпоху наибольшего изобилия кормовой базы. Ныне же, как отмечалось, «дисперсность» этого вида так предельно велика, что уже грозит части особей невозможностью найти себе пару.

Специальными биологическими приспособлениями, служащими у этого вида для разыскивания и привлечения себе подобных, в частности, для нахождения пары, являются, по-видимому, во-первых, особые далеко разносящиеся в горах крики, во-вторых, специфический сильный запах. Среди многих разных звуков, которые, судя по описаниям, может при разных обстоятельствах издавать реликтовый гоминоид, многочисленные свидетели выделяют один слышный в горах на огромные расстояния, приурочиваемый как правило к вечернему времени перед наступлением темноты. Это — звучный, пронзительный, очень сильный, обычно протяжный, иногда отрывистый крик (ИМ, I, с. 33, 34, 35, 31, 32, 38, 40, 41, 44, 45, 47, 73, 78; II, с. 32, 54, 69; III, с. 28, 73, 107, 117–118; IV, с. 97). Трудно сомневаться в том, что этот крик, приспособленный к горному эхо, имеет сигнализационное значение, т.е. призывает другую особь, как наблюдается и у иных видов; по утверждению всех рассказчиков, крик реликтового гоминоида нельзя смешать с голосом ни одного животного. Может быть другим вариантом этого же призыва является упоминаемый многими звук, который характеризуется не как крик, а как свист, напоминающий человеческий свист, только более сильный (ИМ, I, с. 22, 23, 63, 64, 66, а также кавказские и другие данные).

Многие животные имеют специальные железы и выделения, издающие специфический запах, и благодаря этому приспособлению находят себе подобных. Естественно возникает вопрос, не выполняет ли такой функции и тот сильный неприятный запах, который бесчисленное множество раз отмечен у реликтового го-

миноида (ИМ, I, с. 39, 88; II, с. 33, 81, 82, 105; III, с. 74, 76, 77, 78 и многие другие) и некоторыми авторами объясняется просто его «нечистоплотностью» или «потливостью». Резкий нестерпимый запах, ощущаемый на значительном расстоянии, является в представлениях населения настолько характерной чертой реликтового гоминоида, что существует даже поговорка на арабском языке: «воняет как гуль (гуль — биябан)» (Розенфельд А.З. Op. cit., с. 58). С биологической точки зрения, недостаточно объяснить это какой-то «нечистоплотностью». Напротив, сигнализационное значение такого сильного запаха (какова бы ни была его физиологическая природа) вполне вероятна. Если местные жители, по их словам, могут найти логово «снежного человека» по исходящему от него запаху, то, очевидно, тем более это может сделать другой экземпляр «снежного человека». Однако, резкий запах упоминается далеко не во всех рассказах даже о близких встречах реликтовым гоминоидом, что заставляет допустить временный характер этой физиологической функции, может быть наблюдающейся только или преимущественно в периоды поисков пары одинокими особями.

Призывные крики и запах все же при современном уровне «дисперсности» не могут обеспечить всем одиноким особям нахождение пары. Может быть этим следует объяснить имеющуюся серию сообщений о том, что свой инстинкт размножения они подчас обращали на людей: самцы реликтового гоминоида похищали для сожительства девочек и женщин, и в гораздо меньшем числе случаев, самки — мужчин. Тем же перенесением инстинкта с себе подобных на «двоюродных братьев», на людей, может быть объясняется и серия рассказов о «борьбе» одиноких самцов реликтового гоминоида с сильными людьми — мужчинами, причем гоминоид, подчас «вызывает на бой» типичной манерой самца-гориллы — ударяя себя кулаками в грудь; все эти рукопашные схватки, ставшие сюжетом народных преданий, биолог может объяснить как — практически в данном случае бессмысленные, аномальные — проявления обыкновенного инстинкта, неумолимо повелевающего самцам многих видов животных вступать в борьбу о другими самцами, — и чем труднее им найти самку, тем неудержимее этот позыв к борьбе. Однако, навряд ли было бы правильно придавать сколько-нибудь широкое значение всем такого рода единичным явлениям, когда трудности указанного этапа цикла размножения реликтового гоминоида задевали и жизнь людей. То же можно сказать и о серии сообщений о похищениях реликтовым гоминоидом человеческих детей: может быть, это — проявления инстинкта выращивания потомст-

ва в тех условиях, когда рождение или сохранение своих детенышей оказывается невозможным. Но пока что наше предварительное описание реликтового гоминоида, как самостоятельного вида, не следует усложнять аномалиями, хотя в целом отношениям этого вида с людьми и должно быть отведено важное место.

Возвращаясь к вопросу о поисках пары, остается заметить, что соединившиеся, наконец, две особи реликтового гоминоида (а иногда и более чем две, например, один самец и две самки) затем, по-видимому, очень тесно и цепко держатся вместе. Очевидно, они вместе выкармливают и детенышей. Однако вполне вероятно, что суровая бродячая жизнь в постоянных поисках пищи может приводить и к потере ими друг друга, и тогда рано или поздно должно возобновиться состояние поисков пары.

Суммируем теперь некоторые сведения, которые могут характеризовать высшую нервную деятельность реликтового гоминоида. Из рецепторов у него безусловно сильнее всего развиты зрение и слух, как, впрочем, и вообще у приматов. В горах он, по-видимому, способен видеть и слышать очень далеко, значительно дальше, чем человек, что, кстати, служит одной из причин трудности его поисков: он замечает людей значительно раньше, чем те его. Обоняние у приматов в общем редуцировано, однако серия показаний говорит за то, что у реликтового гоминоида оно все же относительно высоко развито. Шерпы подчеркивают, что он чутко реагирует на появление незнакомых запахов, которые могут его отпугнуть. Запах мяса, поджариваемого на костре, напротив, согласно сообщениям из разных географических областей, способен привлечь его издалека. Что касается контактной рецепции и кинестетики, то разумеется, мы пока о них ничего не знаем. Значительная серия показаний характеризует реликтового гоминоида как в высшей степени чуткое, осторожное, скрытное существо. Его называют «хитрым», «сообразительным», «очень неглупым», подчеркивают, что он «гораздо умнее обезьяны», «по разумности стоит выше всех других существ, кроме человека» (ИМ, I, с. 27, 33, 54, 56, 88; II, с. 66, 107; III, с. 52, 88, 100; IV, с. 71). Но при сопоставлении с человеком подчеркивается, напротив, его «бестолковость»: например, не смог развязать веревку, некоторую был привязан, и убежать, подчас не понимает опасности выстрелов, если расстояние значительно, и т.п. Реакции реликтового гоминоида по быстроте, ловкости и силе значительно превосходят человеческие. Эти свойства подчеркиваются в серии сообщений, в частности, огромная сила (ИМ, I, с. 67, 79, 88; II, с. 77, 80, 109; III, с. 51, 54, 101, 107; IV, с. 103, а также другие данные). В общем высшую нервную деятельность реликтового гоминои-

да весьма образно охарактеризовал один киргиз в таких словах: «бегает этот человек — как архар, видит — как беркут, слышит — как барс: сильнее его никого нет в горах» (ИМ, III, с. 80 – 81).

Весьма богато представлены в имеющихся записях сведения о различных звуках и криках, которые при тех или иных обстоятельствах издавал реликтовый гоминоид — о его вокализации. К сожалению, однако, именно эти сведения труднее всего поддаются объективной обработке. Дело в том, что для характеристики различных звуков в распоряжении свидетелей нет четких средств, приходится прибегать либо к звукоподражанию, которое невозможно письменно транскрибировать, либо к расплывчатым описаниям и сравнениям. Поэтому навряд ли целесообразно воспроизводить здесь наличные информационные материалы и сопоставлять их между собой, — различия подчас могут объясняться субъективностью восприятия, описания, пришедших в голову аналогий. Но все же, сопоставляя все эти имеющиеся данные, можно сказать, что, кроме двух упомянутых выше очень громких сигнализационных звуков, реликтовый гоминоид способен издавать огромное множество других, от громкого визга и крика в момент опасности или пугая других животных, до шипения, рычания, питания, мяукания, ворчания, тихого мурлыкания, мычания и т.д. (ИМ, I, с. 38, 31, 32, 44, 45, 73, 78; II, с. 9, 20, 32, 54, 69, 72, 86, 100; III, с. 33, 42, 52, 73, 84, 89, 28, 72, 107, 117–118; IV, с. 63, 92, 97, 104, 131, а также кавказские и др. данные). Можно с большой долей уверенности утверждать, что разнообразие его вокализации при разных обстоятельствах значительно превосходит таковое даже у шимпанзе и прочих антропоморфных, хотя у них, как известно, оно очень велико. Но все же все показания сходятся на том, что эти звуки, издаваемые реликтовым гоминоидом, в том числе и те, которыми он непосредственно общается с себе подобными, являются звуками «нечленораздельными». Иными словами, они ни в коем случае не могут быть названы речью, хотя бы зачаточной. Выше упоминалось о случае, когда один выловленный экземпляр путем дрессировки был научен воспроизводить небольшое количество самых простых слов (ИМ, II, с. 25), однако это отнюдь не стало осмысленной человеческой речью.

Для изучения поведения и эволюционного уровня реликтового гоминоида выдающийся интерес представляет серия разнообразных сведений об употреблении им для тех или иных целей камней, а также, в некотором числе сообщений, палок и дубин, и в одном — большой бедренной или берцовой кости животного. Почти полное освобождение передних конечностей от функций локомоции открыло этому животному широкие возможности

манипулирования камнями, в изобилии имеющимися в горном ландшафте. Разнообразие способов использования им камней, фиксируемое разными наблюдениями, производит внушительное впечатление по сравнению с имеющимися научными данными о соответствующих возможностях высших обезьян. Довольно много имеется совпадающих показаний об умении реликтового гоминоида бросать камни на значительное расстояние. Так, мы цитировали сообщение Ся Ти-дина (полученное через Синьцзянский филиал Академии наук Китая) о том, что обезьяноподобный человек, обитающий юго-восточнее г. Ташкургана, «руками способен схватывать и далеко бросать сравнительно большие камни». Приводились сообщения охотников-киргизов из Тянь-Шаня, что оружием диких волосатых людей «служили камни, которые они бросали рукой на довольно большие расстояния», при этом они употребляли камни в стычках с киргизами, так что, по словам отцов и дедов рассказчиков, «много киргизов было убито камнями»; в некоторых местах по левому склону р. Кара-Балты якобы и сейчас дикие люди бросают в пришельцев со скал камни (ИМ, I, с. 96 – 97). Цитировано было и из книг Рокхиля сообщение паломника о том, что во время следования каравана через Северный Тибет дикие волосатые люди бросали в них камни. На Памире говорили, что дикий волосатый человек ни огня, ни орудий не знает, «но может швырять камни и палки» (ИМ, I, с. 77). Жители кишлака Хакими в Гиссарском хребте говорили Г.К. Синявскому, что «лет сорок назад дикие волосатые акваны с гор спускали по склонам каменные глыбы, бросали камни и заставили жителей покинуть эти места» (ИМ, III, с. 58 – 59). В районе Ферганского хребта, согласно рассказам, в одном из ущелий дикие волосатые люди забрасывали всякого пришельца камнями (ИМ, III, с. 86). Выше приведено сообщение и из Якутии, из района Момских гор, о том как подобные существа швыряли камнями в чум и в людей.

Однако среди наших информационных материалов имеются свидетельства об использовании камней отнюдь не только в качестве оружия против людей: «дикий волосатый человек» убивает камнями животных; на глазах охотника он, бросая камни в пробегающих по ущелью коз, убил одну из них; как рассказывают, может убить камнем зайца, сурка (ИМ, II, с. 72, 80; I, с. 77). Другая серия показаний говорит об умении реликтового гоминоида использовать камни для различных сооружений: то он выложил и укрепил камнями вырытую яму-нору; то сложил из камней небольшое укрытие от ветра; то зачем-то выложил родник галькой (ИМ, IV, с. 98, 125). Его навыки оперирования камнями заметно отличают его от других животных. «В ущелье Абла — пишет А.М. Уразовский — в 1951 г. я видел три разрытых сурчины. По-ви-

димому, они были разрыты дикими людьми, так как при разрывании сурчиных колоний попадавшиеся камни не выбрасывались куда попало, как это бывает, когда роют волки или медведи, а камни были аккуратно положены с нижней стороны разрытой сурчины один на другой, причем камни были весом по центнеру» (ИМ, II, с. 98). Описывается, что в поисках лягушек, крупных насекомых и пр. реликтовый гоминоид переворачивает и сдвигает с места камни подчас колоссальной тяжести. Есть несколько упоминаний и о перетаскивании им камней; например: «тащил два больших камня под мышками» (ИМ, III, с. 37). Наконец, едва ли не самое интересное — это сведения об его умении раскалывать камни: разбил на мельнице камень для растирания зерна (ИМ, I, с. 69); взял в руку камень величиной в кулак, стал бить о камень, на котором сидел, и разбил на мелкие куски (см. выше, гл. 9).

Как видим, перед нами хотя и не «каменная культура», но все же весьма высокое и многообразное умение реликтового гоминоида обращаться с камнем: бросать его, складывать, носить, раскалывать. Возможно, в будущем мы узнаем еще и другие, более сложные приемы его оперирования и манипулирования камнями, в частности, раскалывание камня, ударяя одним по другому, может быть окажется не бесполезным развлечением и не проявлением раздражения, а биологически целесообразным действием, дающим каменные осколки с острыми режущими краями, весьма полезные для освоения туш мертвых животных. Однако от всего этого очень далеко даже до самых примитивных, но уже искусственно обработанных по определенной схеме палеолитических каменных орудий. Что касается пользования палками, то выше мы встречали упоминания об их швырянии в противника или животных; о ношении с собой чего-то вроде примитивной дубины; об использовании палки для раскапывания сурчин (ИМ. I, с. 77; II, с. 109; III, с. 38, 46). В сумме все это показывает довольное широкие возможности использования реликтовым гоминоидом предметов природы, возможности, естественно сопутствующие его вертикальному способу передвижения, т.е. освобождению передних конечностей от функций локомоции.

Относительное богатство вокализации и не меньшее богатство способов употребления камней и палок — две черты реликтового гоминоида, представляющие как бы некоторые биологические предпосылки для развития у вышестоящих гоминид речи и труда, или, вернее — две черты, ставящие в этом отношении реликтового гоминоида эволюционно выше человекообразных обезьян. Интересно, что эти черты во всех случаях наблюдались у него вне всякого воздействия людей или подражания им, просто как его собственные видовые свойства.

К сожалению, его эмотивное состояния и некоторые особенности психики нам известны пока, наоборот, только в обстановке контактов с человеком, как реакции на человека. Вообще говоря, высшая нервная деятельность реликтового гоминоида отличается, видимо, пластичностью, подвижностью нервных процессов: «легко приноравливается к новой обстановке» (ИМ, IV, с. 71). Но в условиях контакта с человеком отмечен ряд примечательных нервно-психических состояний, которые в некоторых случаях могут быть названы срывными реакциями, крайним возбуждением или, напротив, полной подавленностью.

Прежде всего следует отметить довольно обширную серию свидетельств о том, что при встрече с человеком реликтовый гоминоид подчас издает звуки, напоминающие смех, или производит мимические движения, соответствующие человеческой улыбке (ИМ, II, с. 13, 14, 21, 22, 26; III, с. 17, а также ряд других записей). Веркор заметил, что если смеяться — отличительное свойство человека, то «тропи» такой же человек, как мы с вами. Навряд ли этот силлогизм убедителен, но существенно то, что улыбка и смех у реликтового гоминоида — не только внешнее совпадение его мимики и вокализации с человеческими, а, судя по описаниям, они возникают у него, по-видимому, в момент нервной «сшибки» (по выражению И.П. Павлова), как очень своеобразная, если можно так выразиться, невротическая реакция; для психолога интересно отметить, что и у человека улыбка подчас возникает при растерянности, как и смех является результатом столкновения двух противоположных стимулов или ситуаций. В двух сообщениях указывается, что реликтовый гоминоид может также плакать (ИМ, II, с. 13; III, с. 92). Встречаются и указания на его очень своеобразную нервно-двигательную реакцию при встрече с человеком в необычных условиях, (дважды — при встрече с автомобилем): он судорожно прыгает на месте, «пляшет». Эмоция гнева, ярости имеет у реликтового гоминоида целую гамму выражений от оскаливания зубов с шипением и рычанием до настоящих приступив звериного бешенства, описываемых, например, в таких словах: «йе-ти стал бегать вокруг хижины, дрожа от бешенства, вырывая мелкие кусты и выворачивая камни из земли» (ИМ, II, с. 28); «когда хун-хара приходит в бешенство, горе тому человеку, который встретит его в эту минуту: хун-хара вырывает из земли с корнем деревья, и колотит ими по чему попало» (ИМ, III, с. 16). Напротив, реликтовый гоминоид, попавший в неволю, описывается в нескольких случаях, как находящийся в глубочайшей нервной подавленности и апатии: он бездеятельно жалобно скулит или мычит, «взгляд тусклый, пустой», не проявляет никакой активности, не ест (ИМ, II с. 115; III, с. 89, 92, а также кавказские данные).

Необходимо сказать еще о двух чертах психики реликтового гоминоида, которые, судя по рассказам, остро проявляются при контактах с людьми: подражательности и любопытстве (обе эти черты, конечно, очень интересны для сопоставления с соответствующими чертами высших обезьян). О подражательности реликтового гоминоида мы знаем только из рассказов полусказочного и легендарного характера, однако эта особенность поведения реликтового гоминоида подчеркивается в них так настойчиво, что невозможно было бы объяснить ее появление иначе как наблюдениями, имевшими когда-то место, поразившими воображение и потому вошедшими в фольклор. Подражание реликтового гоминоида различным действиям человека выступает в этих рассказах как бессмысленный и непреодолимый импульс. Последний то разорителен для людей, так как эти существа пытаются по ночам имитировать работу людей среди их огородов и строений, то он хитроумно используется людьми во вред гоминоиду: например, когда тот непрошеный подсел к костру, его провоцируют имитировать такие действия, которые безвредны для людей, но от которых загорается покрывающая его руки и тело шерсть, или люди разыгрывают сражение деревянными ножами, а оставляют настоящие острые ножи, которыми подсмотревшие гоминоиды перерезают друг друга. Все это, конечно, сказочные фабулы, однако вполне вероятно, что в них преувеличена и высмеяна подлинная охваченная из природы особенность, характерная для реликтового гоминоида.

Гораздо более обширен и реалистичен материал о различных проявлениях «любопытства» реликтового гоминоида по отношению к людям. В сущности это явление возвращает нас к вопросу о коренной черте биологии реликтового гоминоида — его «размежеванию» с людьми. Реликтовый гоминоид миз-антропичен. Он обитает в наиболее безлюдных и недоступных людям местностях, приспосабливаясь к любым самым суровым условиям, лишь бы они удовлетворяли требованию наименьшего контакта с людьми. Но это и не просто удаление от людей, как от хищников, а именно постоянный антагонизм, постоянное активное размежевание. Отсюда — в высшей степени обостренная ориентировочная реакция в отношении людей, т.е. та реакция, которую И.П. Павлов называл рефлексом «что такое?» или исследовательским рефлексом. Большая серия сведений, на этот раз отнюдь не носящих фольклорного характера, рассказывает нам о приближении реликтового гоминоида к палаткам и лагерям, появившимся на необычном месте, как и к кострам — не из желания погреться, конечно, ибо огонь ему, в общем, не знаком, а отчасти от

простого фототропизма, главным же образом от рефлекса «что такое?». Та же ориентировочная деятельность, явственно обостренная в отношении людей, побуждает реликтового гоминоида уносить («воровать») их вещи (ИМ, I, с. 9; II, с. 23, 75), чтобы затем, с чисто обезьяньим непостоянством, бросить где-нибудь в горах, проникать в пустующие строения или даже (с такой неумолимой силой гонит его на риск эта ориентировочная потребность!) разбирать крыши обитаемых хижин, залезать в жилые юрты (ИМ, II, с. 18, 29; III, с. 37), лишь бы преодолеть нестерпимую «неизвестность», скрываемую этими стенами, и вообще проявлять во всевозможных формах свое «любопытство» к людям и их вещам (ИМ, II, с. 6, 25, 46; III, с. 13, 36, 53).

Легко себе представить, что эта же самая неустанная активная ориентировочная деятельность в отношении людей может натолкнуть реликтового гоминоида и на необитаемый пустующий кош или сарай, способный послужить ему временным логовом, и на недостаточно охраняемые посевы кукурузы или картофеля, бахчи, фруктовые сады, даже случайные отбросы и остатки пищи, которые способны помочь ему утолить голод (ИМ, I, с. 9; II, с. 118; III, с. 28, 30, 50, 104, 106 и др.). На маленьких водяных мельницах в горах, куда люди заходят редко, чтобы подсыпать зерно или забрать муку, он подчас широко пользуется и тем и другим. Так, очевидно, объясняется наблюдающееся подчас превращение миз-антропизма реликтового гоминоида в собственную противоположность — в элементы син-антропизма, даже паразитизма при человеческих поселениях. Серия такого рода показаний в общем довольно велика. Однако это все же наблюдается, по-видимому, только там, где сама территориальная теснота делает невозможным полное размежевание людей и реликтового гоминоида. Иначе последний все-таки предпочитает уйти от людей как можно подальше.

В целом вся совокупность имеющихся сведений о поведении реликтового гоминоида в отношении людей может быть разбита на три группы.

а) Подавляющую массу случаев, должно быть не менее 90%, составляют уход или бегство реликтового гоминоида при встрече с людьми. Как правило, население считает его безобидным, пугливым, физически не опасным существом. Люди, в свою очередь, тоже избегают встреч с ним, но не из-за реальной опасности, а из-за уверенности в бедах и болезнях, которые навлекает эта встреча — поверье, по своему укрепляемое действительными фактами: налицо большая серия данных о нервных шоках с тяжелыми последствиями и даже смертельными исходами в ре-

зультате неожиданных встреч с этим слишком уж человекоподобным животным; мусульманское и буддийское духовенство эксплуатирует в целях поддержания мистических предрассудков действительные факты болезненной нервной реакции простых людей при таких встречах. Итак, в подавляющем большинстве случаев обе стороны испытывают страх, бегут друг от друга.

б) Лишь неизмеримо реже налицо «любопытство» с той или другой стороны. К сказанному о проявлениях «любопытства» и вырастающего из него син-антропизма реликтового гоминоида следует добавить, что среди населения встречаются не только более уравновешенные натуры, которые спокойно наблюдают это существо, но, согласно нескольким сообщениям, и такие, которые поддерживают, закрепляют указанные зачатки син-антропизма: подкармливают отдельные дикие экземпляры реликтового гоминоида, в частности, такие сведения поступали из Афганистана, Синьцзяна, Тянь-Шаня, Кабардино-Балкарии. Наконец, предельным случаем является полное приручение той или иной особи реликтового гоминоида. Выше было отмечено несколько имеющихся сообщений из разных географических областей о приручении реликтового гоминоида и использовании для несложных работ.

в) В очень небольшом числе случаев, но, естественно, привлекающих к себе очень большое внимание, сообщается об агрессивном поведении реликтового гоминоида по отношению к людям. Характер этой агрессивности различен. С одной стороны, мы видим некоторую серию схожих рассказов, где реликтовые гоминоиды активно атакуют всех, кто осмеивается вступить в то или иное заселенное ими ущелье или урочище, где, очевидно, можно предполагать очаг обитания самой с детенышами. Есть и не локализованные столь определенно нападений, тоже носящие активный, воинственный характер, заканчивающиеся подчас умерщвлением человека, изуродыванием его тела, а то, по-видимому, и пожиранием его. Все эти случаи агрессии навряд ли можно толковать как указание на какую-то особую разновидность реликтового гоминоида, кровожадную и воинственную, в отличие от другой, мирной и трусливой. По всей вероятности, поведение того же самого реликтового гоминоида может становиться из мирного — агрессивным, в зависимости от обстоятельств места и времени. В определенных районах, где он «хозяин» и охраняет потомство, он, очевидно, агрессивен. Наверное, как и всякое животное, его может также привести в ярость ранение, нападение, другие раздражающие факторы. Однако в общем, как уже сказано, эти случаи нападения реликтового гоминоида на людей весьма немногочисленны. С другой стороны, под категорию «нападения» попадают

и все упоминавшиеся выше свидетельства о попытках захватить себе из числа людей пару для сожительства, как и все сообщения о «борьбе» самцов реликтового гоминоида с людьми — мужчинами. Представляется преждевременным входить в подробное рассмотрение этой группы явлений, в том числе и обсуждать существующие мнения о возможности или невозможности скрещивания между людьми и реликтовыми гоминоидами.

Однако поскольку все же существует некоторое число непроверенных сведений о возможности скрещивания и появления потомства, отметим, что эти сообщения приводят к представлению о безусловной доминантности большинства признаков именно человека: потомки уже в первом поколении описываются как обладающие разумом, речью и внешностью человека. Из признаков реликтового гоминоида отмечаются в этих случаях лишь отдельные черты, не образующие комплекса, не имеющие сколько-нибудь существенного значения, то есть не более существенные, чем другие второстепенные различия между разными группами людей. Следовательно, и при допущении фактов гибридизации остается непоколебленным выработанное научной антропологией представление о принципиальной равноценности и полноценности всех расовых я этнических групп людей на земле. Раз признаки реликтового гоминоида в своем основном комплексе рецессивны при скрещивании о человеком, значит, мысль о возможности такого скрещивания не ведет к чему-либо похожему на расизм, то есть к признанию каких-нибудь народов или групп населения физически и психически более «примитивными», чем другие. Вопрос о реликтовом гоминоиде не ведет к расизму, не имеет к нему никакого логического отношения.

Глава 13

ВЫМЕРЛИ ЛИ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ?

Все, изложенное выше, позволяет сформулировать тезис: в той самой мере, в какой ареал (ойкумена) человечества расширялся, ареал реликтового гоминоида сокращался.

Это обобщение способно подвинуть нас дальше к ответу на вопрос, кто же такой «снежный человек».

В ходе своей истории люди, видимо, и истребляли и оттесняли реликтового гоминоида. Если так, надо вспомнить, что согласно закону биологии два подвида одного вида не могут существовать на одной территории, в одном биогеографическом районе. Но не будем спешить с этой мыслью, ибо люди могли истреблять и оттеснять реликтового гоминоида по другим причинам.

Как же может биолог мысленно представить себе историю взаимоотношений людей и реликтового гоминоида? Когда и как началось воздействие людей (антропического фактора) на биологическую эволюцию этого гоминоида? По этому поводу может быть высказано две разных гипотезы.

Согласно одной гипотезе, «знакомство» вполне уже сформировавшихся исторических людей с реликтовым гоминоидом происходило в процессе расселения исторических людей в новые районы, где они его заставали в составе местной фауны. Мы находим среди населения Тянь-Шаня (Киргизский хребет, Ферганский хребет, хребет Кок-Шаал-тау), южных склонов Гималаев, как и среди населения Ирана и Кавказа (Абхазия, Грузия) исторические предания о том, как первым поселенцам приходилось вступать в борьбу с обитавшими здесь до них и не хотевшими их пускать сюда дикими волосатыми людьми. Последние являлись, таким образом, до прихода людей полными хозяевами данной территории, свободно кормились и размножались на ней. Из столкновения двух видов высших приматов победителями выходили, конечно, люди, а реликтовый гоминоид принужден был отступать в менее доступные людям районы, пока они не появлялись и там, и т.д. Из яростного защитника своих мест обитания от пришельцев он понемногу превращался в робкое прячущееся животное, а на конечном этапе — даже почти в нахлебника и приживальщика, ворующего ночами плоды человеческого хозяйства.

Согласно другой гипотезе, указанные столкновения расселявшихся в историческое время человеческих племен с реликтовым гоминоидом — это уже, так сказать, их «второе знакомство». Первое же восходит к гораздо более древним, доисторическим временам, о которых, конечно, не сохранилось никаких преданий. И то было не столько «знакомством», сколько «разрывом». Можно себе представить, что в известный период становления человека и человеческого общества происходил довольно напряженный и относительно быстрый процесс отсеивания и выталкивания всех тех элементов в стадах наших предков, которые воплощали в себе звериное начало (Поршнев Б.Ф. Еще к вопросу о становлении человека // Советская антропология. М., 1957, т. 1, №2, с. 255 – 262). Не все поголовно наши человекоподобные предки, палеоантропы переродились в людей современного вида. Поляризация, очевидно, сначала совершалась на общей территории обитания, в тесном общении. Позже шаг за шагом происходило и территориальное разобщение. А еще много позже некоторые человеческие племена, проделавшие к тому времени большой путь исторического и культурного развития,

научившись все лучше побеждать природу, расселяясь в прежде недоступные географические области и зоны, столкнулись с какими-то внешне похожими на людей животными, швырявшими в них камнями. Это и было «вторым знакомством» людей с реликтовым гоминоидом.

Какая из двух гипотез правильнее — это станет видно только после дальнейшего их рассмотрения.

Как мы уже видели выше, в настоящее время среди специалистов есть три трактовки «снежного человека»: его относят 1) к антропоидам (в смысле антропоморфных обезьян, понгид), 2) к примитивным гоминидам, 3) к тем и другим одновременно, например, путем выделения разных типов этого существа, из которых одни входят в ряд гоминид, другие — в ряд симиид (антропоморфных обезьян, понгид). Неприемлемость третьей трактовки уже была показана в гл. 11. Остаются две первые.

В первом случае ход мысли примерно таков. В ископаемой фауне миоценовой и плиоценовой эпох в Сиваликских холмах в Северной Индии найдены кости высокоразвитых человекообразных обезьян — сивапитека, рамапитека. Отсюда в плейстоцене могли развиться стоящие еще выше на эволюционной лестнице антропоиды. К их числу, может быть, относится так называемый гигантопитек, зубы и челюсти которого найдены в Юго-восточном Китае и датируются средним плейстоценом. К этому родословному древу могут принадлежать и интересующие нас какие-то высшие антропоиды, сохранившиеся в недоступных высокогорных районах Азии. Индийская карта Гималаев обозначает комплекс гор, прилегающих к Эвересту, названием Магалангур Химал, т.е. «Гора больших обезьян», хотя тут не известен в настоящее время ни один вид обезьян. Не намекает ли это древнее название на «йе-ти», — спрашивает Пьер Борде (ИМ, I, №15, с. 61-62).

Среди сторонников этой «антропоидной» версии недоумение по поводу частых указаний на сходство «йе-ти» с человеком подчас устраняется ссылкой на конвергенцию, т.е. на случайное схождение некоторых признаков, некоторых внешних черт у представителя семейства человекообразных обезьян с людьми.

Особенно часто мы видим попытки отождествить или эволюционно сблизить «снежного человека» с гигантопитеком. Правда, систематическое положение самого гигантопитека еще остается в немалой мере дискуссионным: еще не кончен спор, относить ли его к антропоидам или прегоминидам, как и не кончен спор, является ли он действительно гигантом — существом более 3,5 м. ростом, или же он, подобно некоторым представителям австралопитековых, имел лишь челюсть и зубы «гигантские», т.е. массивные, в

то время как рост его не был значителен. Но, несмотря на все эти неясности, в руках палеонтологов есть хоть некоторые опорные вещественные данные о гигантопитеке, и поэтому отожествление или сближение «снежного человека» с гигантопитеком соблазняет многих авторов: Чернецкого, Слика, Обручева и др.

Наиболее обстоятельно эта идея была аргументирована Эвельмансом. Впрочем, эта обстоятельность с самого начала покоится на посылках, которые в свое время уже подверглись серьезной критике в советской приматологии и антропологии. Речь идет о той же идее генеральной линии эволюции приматов как стопоходящих, при специализированном ответвлении древесно-лазающих форм, которую развивали у нас П.П. Сушкин и Г.А. Бонч-Осмоловский.

Эвельманс воспринял эту идею от французского зоолога Альбера Годри, выдвинувшего в XIX веке положение, что стопа человека не могла развиться из приспособленной к хватанию стопы обезьяны, а унаследована и эволюционно развилась от стопоходящих ног четвероногих млекопитающих. Более того, согласно этому представлению, ноги обезьяны могли развиться из ног, подобных человеческим. В 1936–1937 гг., говорит Эвельманс, д-р С. Фрешкоп независимо от Годри пришел к тем же заключениям на основании собственных аргументов. Примат, по словам Эвельманса, который не избрал деревья местом своего постоянного обитания, должен был сохранить стопоходящие ноги. Если он стал увеличиваться в размере, то должен был вовсе покинуть ветви деревьев, а, будучи слишком хорошо видным всем врагам на равнине, он мог найти себе пристанище от них лишь в горах, там, в горах, снежный покров мог явиться важным стимулом к передвижению лишь на двух конечностях, что подтверждено опытами с шимпанзе. «Таким образом, говорит Эвельманс, хотя бы теоретически род гигантских обезьян с примитивными стопоходящими ногами и тенденцией стоять на задних конечностях мог зародиться в снежных горах. Поэтому, в конце концов, не стоит ли лучше всего смиренно согласиться с мнением тех очевидцев, которые утверждают, что йе-ти — это гигантская волосатая обезьяна»? Далее, вертикальное положение корпуса дает возможность свободного развития головного мозга и, с другой стороны, ограничивает и задерживает рост челюстей. Напротив, когда корпус расположен горизонтально, как у четвероногих, мозг оказывается зажатым между спинным хребтом и лицевой частью, а челюсти могут удлиняться и превратиться в морду. Древесно-лазающие обезьяны находятся как бы на полпути между этими крайностями, зато такие обезьяны, как бабуины и подобные им, которые

покинули деревья и стали четвероногими, имеют морды гораздо длиннее, чем у остальных; они поэтому называются собакоголовыми. У гиббонов и орангутанов более или менее вертикальное положение тела благоприятствовало развитию мозга и ограничивало рост челюстей вперед, но они сохранили унаследованный у четвероногих характер сочленений в затылочной части и поэтому их череп не покоится твердо на вершине спинного хребта, а по-прежнему находится как бы в передней части тела. Словом, они все же не пошли по пути выработки передвижения с вертикальным положением корпуса.

Эволюция «снежного человека», очевидно, протекала бы в том же направлении, но более быстрое превращение его в двуногое животное должно было на более ранней стадии вызвать развитие челюстей вниз — развитие ортогнатности. Это должно было дать более высокий лоб и развитие челюстей также в ширину, но относительно малое выдвижение их вперед. Эти априорные соображения, продолжает Эвельманс, в общем, подтверждаются обликом единственного хорошо известного нам ископаемого гигантского примата — парантропа. «Если бы у снежного человека, подобно его африканскому собрату парантропу, был так же хорошо развит жевательный аппарат, без ярко выраженного прогнатизма, то у него были бы необыкновенно сильные челюстные мышцы, а наверху высокого черепа у него выдавался бы значительный сагиттальный гребень, сравнимый с гребнем старого гориллы-самца». Данные априорные соображения, по мнению Эвельманса, отвечают и тому описанию внешности «снежного человека», которое дают шерпы.

Кроме парантропа, говорит Эвельманс, палеонтологии известны останки еще трех видов гигантских человекообразных обезьян, из которых естественнее всего сблизить «снежного человека» с гигантопитеком — как по соображениям географической близости, так и потому, что большинство описаний его размера сходится с предположенным д-ром Робертом Брумом размером гигантопитека: 8–10 футов в высоту. Эвельманс не исключает, что дальнейшие находки могут обнаружить сходство зубов «снежного человека» с зубами гигантопитека и что его придется в будущем рассматривать как современную разновидность плейстоценового гигантопитека из Юго-восточного Китая. Но пока что Эвельманс предлагает для «снежного человека» латинское наименование Dinantropoides nivalis, т.е., «ужасный антропоид снежный». Он полагает, что пришло время дать, наконец, научное наименование этому животному, «которое зоологии уже известно лучше, чем иные ископаемые виды».

Эвельманс дает краткое описание морфологии и биологии «снежного динантропоида» («снежного человека»), которое в общем не вызывает больших возражений. Что касается места, которое этот «снежный динантропоид» занимает в системе зоологической классификации, то оно, по мнению Эвельманса, остается столь же неопределенным, как неопределенно место и других гигантских приматов, которые, полагает он, не составляют однородную группу, а должны быть отнесены к эволюции различных семейств приматов: мегантропы — это, может быть, гигантская форма питекантропов, которые сами предположительно были ветвью крупных двуногих гиббонов, гигантопитеки, по мнению некоторых авторов, являются гигантской формой семейства Ponginae, к которому относятся орангутаны; «снежный динантропоид» мог параллельно произойти от орангутана; парантроп — гигантская форма австралопитековых (Heuvelmans B. Op. cit., p. 148–162, 177–179).

Весь этот ход мысли, каковы бы ни были вариации у разных авторов сравнительно с Эвельмансом, наталкивается на первых же порах, по крайней мере, на такие возражения. Во-первых, данные эмбриологии человека и сравнительной анатомии уже полностью опровергли гипотезу Годри, Сушкина, Бонч-Осмоловского и др. о возможности развития прямоходящего двуногого примата от стопоходящих предков минуя стадию древесно-лазающих форм. Эволюционная морфология утверждает, что высшим приматам открытых пространств, т.е. наземным и, тем более, прямоходящим, предшествовали лесные древесно-лазающие формы. Во-вторых, отсылка к гигантопитеку при анализе проблемы «снежного человека» только кажется научной опорой, ибо это — отсылка к неизвестному. Мы, в сущности, еще ничего или почти ничего не знаем о морфологии и систематическом положении этого ископаемого вида. В-третьих, сближая «снежного человека» с гигантопитеком, обычно вместе с тем перекидывают мостик и к парантропу; иначе говоря, на словах настаивая на том, что «снежный человек» — антропоид, на деле с заднего крыльца открывают ему дверь в семейство гоминид, подсемейство австралопитековых, так как многие авторы относят последних не к Pongidae (что, видимо, правильнее) а к Hominidae.

Второй ход мысли как раз и состоит в том, чтобы рассматривать «ночного (снежного) человека» как одно из ответвлений в генеалогическом древе семейства гоминид. Палеоантропологии известны тупиковые ответвления от основной линии «очеловечения», относящиеся, может быть, к более ранним фазам антропогенеза, — это как раз мегантропы, а также другие формы,

представлявшие собой пробы развития некоторых предков человека не по пути труда, а по пути роста физической силы, мощного челюстного аппарата, чисто биологической адаптации к новым условиям внешней среды. Во всяком случае, согласно этой второй точке зрения, нет причин видеть в «ночном (снежном) человеке» единственный и необъяснимый прямой остаток вымершей третичной фауны (или даже среднеплейстоценовой фауны) во Внутренней Азии. Естественнее связать этот вид с целым комплексом палеотропических, африканских видов, адаптировавшихся в течение четвертичного периода к горно-пустынным условиям Средней и Центральной Азии и смешавшихся здесь с палеоарктическими видами. Зоогеография указывает большой список этих находимых сейчас в Азии, в том числе и ее горных хребтах, выходцев из Африки.

Трудность этой не «антропоидной», а «гоминоидной» версии в трактовке проблемы «снежного человека» имеет не фактический, а философский характер. Приходится вообразить себе нечто новое: существо, которое физически близко к человеку, но при этом является самым доподлинным животным, т.е. не является общественным разумным человеком, и которое в этом широком смысле все-таки должно быть названо обезьяной.

Возможность такой трактовки зависит от того, считать ли изготовление орудий, хотя бы самых примитивных, одним из видовых признаков семейства гоминид. По-видимому, это противоречит принципам биологической классификации видов, всегда базирующейся исключительно на морфологических отличиях.

Чтобы избежать все же этой трудности, предлагают даже (П.П. Смолин) сконструировать особое семейство наряду с антропоидами и гоминидами, указывая на то, что людям должны были непосредственно предшествовать не древесно-лазающие антропоиды, а антропоиды открытых пространств, наземные, очевидно, в разной степени прямоходящие. У них, разумеется, не было орудий.

Рассмотрим внимательнее выдвинутый тезис, что ареал реликтового гоминоида сокращался по мере расширенна ареала Homo sapiens.

В главах в 6–10 мы излагали описательный материал так, что могло создаться впечатление, будто реликтовый гоминоид расселялся из намеченного нами центрального очага по обширной периферии, постепенно сходя на нет на ее окраинах. Такой порядок изложения был полезен, чтобы опираться на предыдущий этап науки. На самом же деле вопрос может трактоваться обратным образом: эта редко заселенная периферия и ее далеко отходящие южное, западное, северо-восточное ответвления явля-

ются путями не расселения, а отступления реликтового гоминоида под натиском людей в его последние надежные убежища на земле, среди которых главным ядром оказался самый неосвоенный людьми горный узел на стыке Китая, Индии, Афганистана и СССР. А если так, если некогда реликтовый гоминоид был распространен неизмеримо шире, то не встречался ли он первоначально и по всей эйкумене, откуда люди его вытесняли на протяжении множества тысячелетий?

В пользу представления о долгом отступании этого гоминоида говорит наличие очагов его реликтового обитания и народной молвы о нем в отдаленнейших друг от друга местах. Выше уже не раз упоминалась книга А. Сэндерсона о «суб-людях пяти континентов». Собственно говоря, успешная попытка автора создать глобальную карту очагов «снежного человека» уже сама по себе является сильнейшим аргументом в пользу «гоминидной» версии. Сторонникам «антропоидной» версии надо было бы теперь придумать еще куда более невероятную обезьяну, чем они не без труда вообразили для одних лишь южных склонов Гималаев. Глобальная карта обитания аналогов «снежного человека» в Евразии, Америке и Африке — это крушение «антропоидной» версии. А основания для такой глобальной карты в настоящее время уже велики.

А. Сэндерсон полностью исключил из своей глобальной карты очагов не только обитания, но также мифов, легенд и фольклора, всю Океанию и Австралию, — однако в действительности в Австралии у туземцев были записаны мифы, легенды и фольклор о существах, вполне подобных «снежному человеку». Совершенно очевидно, что либо эти предания были принесены с собою людьми из других широт при заселении Австралии, либо сами эти существа попали туда вместе с людьми, наподобие предков собаки динго.

Для того, чтобы представить себе ясно, что речь идет действительно о реликтовых очажках или о воспоминаниях человеческих поколений почти по всей эйкумене, важно не обойти вниманием Европы. В самом деле, слабые следы существ, весьма схожих со «снежным человеком» или тождественных ему, зафиксированы в Восточной, Центральной и Северо-Западной Европе. В частности, небольшая, но интересная группа сообщений приковывает наше внимание к границе Европы и Азии — Уральскому хребту. В.К. Леонтьев и другие корреспонденты информировали нас о давних и устойчивых слухах такого рода, относящихся к Северному Уралу. К Южному Уралу относится утверждение одного корреспондента, что населению давно известны эти воло-

сатые человекоподобные существа, якобы умеющие вскарабкиваться на спину лошадей, и что население знает прием вылавливания их с помощью смолы, которой обмазывают спину лошади (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»). Хочется процитировать воспоминания одной девушки, Моисеевой, присланные в редакцию журнала «Техника молодежи». Дело было в октябре 1944 г., на окраине маленького поселка Челябинской области. В светлую звездную ночь она увидела странное существо, выбежавшее из-под мостика и побежавшее по течению уже подмерзавшего ручья, на северу по его изгибам среди прибрежных кустарников, пока не скрылось за горой. Корреспондентка утверждает, что хорошо его рассмотрела и помнит: рост с подростка, крупная голова с торчащими космами, широкие плечи, узкий таз, сутулый, весь покрыт довольно гладким волосом. Ноги несколько тонки, согнуты в коленях. Руки, согнутые в локтях и запястьях, болтались в такт бегу. Бежало это существо, часто семеня ногами, ни разу не оглянулось, не смотрело по сторонам. Общее впечатление, что существо это по строению больше напоминает человека, чем животное, но в нижней части есть что-то нечеловеческое. «Техника его бега ничего общего с человеком не имеет, но с животными тем более, так как никакое животное не передвигается только на задних конечностях», «существо это бежало как бы на цыпочках» (Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Что касается Восточной Европы, то немногие зафиксированные до сих пор случаи относятся не к сегодняшнему дню, а к XVIII – XIX вв., однако есть единичные сообщения и сравнительно свежие. Дело идет о таких безлюдных местах, как Полесье и Брянские леса. Вот для примера повествование, записанное Ги де Мопассаном со слов И.С. Тургенева.

«И вдруг я вспомнил историю, которую как-то в воскресенье у Гюстава Флобера рассказал нам Тургенев. Не знаю, записана ли она им или нет... Будучи еще молодым, он как-то охотился в русском лесу. Он бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки. Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая. Охотника охватило непреодолимое желание окунуться в эту прозрачную воду. Раздевшись, он бросился в нее. Он был высокого роста, силен, крепок и хорошо плавал. Он спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали его тело, и легкое прикосновение стеблей было приятно. Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча. Он быстро обернулся и увидел странное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством. Оно было похоже не

то на женщину, не то на обезьяну. У него было широкое морщинистое гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неописуемое — два каких-то мешка, очевидно груди, — болтались спереди; длинные спутанные волосы, порыжевшие (?) от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной. Тургенев почувствовал дикий страх, леденящий страх перед сверхъестественным. Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом касалось его шеи, спины и ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех ног пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье. Страшное существо последовало за ним, оно бежало так же быстро и по-прежнему взвизгивало. Обессиленный беглец — ноги у него подкашивались от ужаса — уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженный кнутом мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, издавая крики боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях» (Мопассан Ги де. Ужас. Новелла // Полное собрание сочинений. т. XII, М., 1948, с. 236 – 328). Тургенева, по его словам, заверили, что это была сумасшедшая, которую якобы уже свыше 30 лет кормили тут пастухи. Достаточно внимательно перечесть эпизод, чтобы убедиться в неправдоподобии этого объяснения, но Тургенева оно освободило от мучительного ужаса перед чем-то совершенно непонятным.

Приведем две записи, сделанные недавно в Житомирской области, но сообщающие о событиях давно прошедших. Лет 100 тому назад прадед информатора, работая на своей ниве в лесу рядом с болотом, к вечеру развел костер и стал на огне на вертеле поджаривать мясо и сало; глядь, из леса к нему идет мохнатый лесной человек, подходит к костру и с любопытством смотрит на приготовление пищи. Потом это лохматое существо ушло обратно в лесное болото, но скоро вернулось к костру с пойманной большой лягушкой: «Это существо проткнуло лягушку прутом и, подойдя к моему костру, стало жарить ее на огне, затем съело и ушло обратно в лес». Другое записанное событие имеет примерно пятидесятилетнюю давность. Рассказчица с сестрой пошли жать господскую рожь. «Шли мы вдоль соснового леса, а слева было ржаное поле, и вдруг видим, что из леса выходит очень худое человекообразное существо, тело которого было сплошь покрыто темными волосами. Это была лесная русалка, лесная чертовка. Увидев нас, она зачмокала губами, и мы догадались, что она очень голодна и просит еды. Мы быстро развязали наши узелки и бросили ей по куску хлеба, а сами ринулись бежать прочь от этой страшной встречи» (За-

писано А.А. Машковцевым и Ю.И. Мережинским из вторых рук в июне 1961 г.). Конечно, все это легко отнести к фольклору. Но что скажут фольклористы о встрече И.С. Тургенева?

Западное Полесье, где сохранился даже реликтовый зубр, может быть не случайно дает нам новые и новые слухи о недавнем обитании здесь волосатых человекообразных диких животных, сведения об умерщвлении одного из них на границе Польши относятся ко времени Второй мировой войны. Наряду с указаниями на болотистые и лесостепные районы, некоторые единичные сообщения или народные предания указывают на Карпаты и на Альпы. Наконец, весьма интересно, что к районам распространения мифов, легенд и фольклора о «снежном человеке» А. Сэндерсон отнес север Скандинавии, Шотландию и Ирландию. А ведь европейскими источниками по данной теме еще едва начали интересоваться!

Итак, глобальная карта распространения если не живых аналогов «снежного человека», то воспоминаний о его былом обитании, солидно подкрепляет гипотезу об обитании реликтового гоминоида в доисторическом и отчасти историческом прошлом в границах всей эйкумены человечества и постепенном оттеснении его в наиболее необжитые или необитаемые районы.

В какой мере люди в настоящее время агрессивны по отношению к реликтовому гоминоиду? Истребляли ли они его непосредственно или же антропический фактор косвенно содействовал процессу вымирания и откочевывания реликтового гоминоида?

В настоящее время сведений об охоте на «снежного человека» очень мало. Редкие упоминания такого рода относятся только к юго-западному району Синьцзяна, где, как говорят, даже мясо его иногда употребляют в пищу. В прошлом охота на реликтового гоминоида производилась шире, в частности, для добывания из его тела лекарственных веществ (см. гл. 16). Главные же акты массового истребления, по-видимому, имели место в моменты первоначального заселения людьми тех или иных горных долин или иных мест, ранее занятых колониями реликтового гоминоида. Старинные предания и легенды повествуют о безжалостном массовом истреблении людьми своих «двоюродных братьев» в Тибете и Непале, приостановленном якобы лишь специальными указами буддийских властей. В Иране были якобы долгие и опасные специальные походы против «дивов». Вероятно, эти легенды отражают какие-то элементы действительности. И все же представляется возможным, что люди не столько непосредственным истреблением содействовали быстрому сокращению численности и почти полному исчезновению реликтового гоминоида, сколько

истреблением дикой фауны, вне которой его существование биологически невозможно, в частности, истреблением стад крупных копытных. А.А. Машковцев записал в Кабарде такие характерные предание: у подножия высоких гор, там, где теперь распаханная равнина, примерно тысячу лет тому назад местность была покрыта густыми заболоченными лесами и огромными зарослями тростника, в которых паслись тысячи оленей, сотни зубров, и над всем этим зверьем царствовал дикий лесной человек, «алместы»; в то время диких людей было много, горцы (нарты) чтили «алместы», считали дикого человека хозяином над всем этим копытным зверьем, приносили ему жертвы как богу охоты, но все же, спускаясь сюда с гор, постепенно истребляли эти стада копытных животных... (Записано А.А. Машковцевам в сентябре 1960 г.)

Идея постепенного оттеснения человечеством реликтового гоминоида ведет к принятию из двух возможных версий о его биологической природе «гоминидной» версии. Но если мы отнесем его в морфологическом смысле к семейству Hominidae, это еще не решает поставленный вопрос: что было — встреча людей с этими существами в процессе расселения или же размежевание, разрыв с ними? В самом деле, если «снежного человека» классификационно сблизить, скажем, с прегоминидами вроде австралопитековых или с древнейшими гоминидами, т.е. археоантропами, то это опять-таки будет всего лишь встреча людей вида Homo sapiens с довольно далекими от них эволюционными формами, иначе говоря, принципиально то же самое, что и встреча с высшими антропоидами. В главе 2 мы подчеркивали, что по признакам чисто анатомо-морфологическим мы не можем с абсолютной уверенностью сблизить «снежного человека» именно с палеоантропами, так как наши знания строения тела археоантропов и прегоминид, в частности, их конечностей слишком невелики. Мы могли лишь констатировать, что все вещественные и описательные данные по морфологии «снежного человека» вполне вписываются в параметры палеоантропа (неандертальца).

Очевидно, теперь мы и можем сделать следующий логический шаг: если морфология «снежного человека» говорит в пользу палеоантропа (неандертальца), но не может исключить археоантропов и прегоминид, а динамика его ареала их исключает, следовательно, «снежный человек» идентичен палеоантропу (неандертальцу). Точнее, он идентичен каким-то из ветвей, охватываемых этим собирательным термином палеоантропы (неандертальцы).

Надо вспомнить, что термин «неандертальцы» пережил сложную историю. Им давно уже обозначают отнюдь не только

европейские формы типа Ла-Шапелль-о-Сен, но все более широкий круг древних гоминид, как европейских, так и внеевропейских. Он понемногу стал охватывать всех гоминид, стоящих ниже Homo sapeins, но выше археоантропов (обезьянолюдей) типа питекантроп — синантроп — атлантроп. В переводе на археологическую датировку «неандертальцами» называют гоминид позднеашельской и мустьерской эпохи, т.е. конца нижнего палеолита и всего среднего палеолита. Однако в конце концов расширение объема понятия вызвало и попытки сопротивления. Например, было предложено выделить из неандертальцев «пресапиенсов» и «пренеандертальцев» (А. Валлуа). Но советские антропологи с большим основанием отвергают это. Среди них раздаются голоса лишь в пользу уточнения терминологии: предлагается говорить «палеоантропы» вместо «неандертальцы», сохранив это последнее название лишь для европейских «классических неандертальцев» (шапелльцев). Пока эти предложения еще дебатируются, мы будем употреблять слово неандертальцы как синоним терминов палеоантропы или древние гоминиды (латинское название вида по праву приоритета: Homo primigenius).

Итак, «снежного человека» мы склонны отнести к виду неандертальцев (палеоантропов), в качестве одной из ветвей. Как уже отмечалось, ископаемые особи неандертальцев отличаются большим многообразием форм: от довольно близких к археоантропам (Брокен-Хилл, Эясси, Нгандонг, а также Ла-Шапелль и др.), до частично близких к Homo sapiens — типа а) эрингсдорфских, в) сванскомбских, с) кармельских. Такое же многообразие мы отметили и для реликтового гоминоида.

Но антропологи не узнали неандертальца, когда он оказался во плоти и вблизи! Почему? Это требует анализа.

Во-первых, в описаниях наблюдений реликтового гоминоида на первом плане фигурируют такие признаки, о которых по ископаемым костным остаткам неандертальца нельзя было иметь представления: волосяной покров тела, отсутствие членораздельной речи, особенности поведения.

Во-вторых, у реликтового гоминоида не отмечено признака, без которого, как казалось, немыслим неандерталец: каменных орудий (так же как и пользования огнем). Мы настолько привыкли ассоциировать неандертальца с ашельско-мустьерской техникой обработки камня, что готовы даже включить этот признак в его видовое определение, хотя бы и нарушая этим исключением, делаемым для гоминид, все правила зоологической (чисто анатомо-морфологической) систематики. Но если мы находим в земле кости неандертальцев вместе с ашельским или мустьерским

инвентарем, нет ли логической ошибки в обратном заключении: все неандертальцы всегда изготовляли такой инвентарь? Мы не знаем, все ли ветви неандертальцев употребляли искусственные орудия, — есть такие находки, как, например, родезийский человек (Брокен-Хилл), которые не сопровождаются никаким каменным инвентарем. Мы не знаем, все ли особи в пределах той или иной неандертальской группы изготовляли и употребляли искусственные орудия. Мы не знаем, при всех ли и всяких ли условиях неандерталец, способный изготовлять орудия, делал это. Последнее особенно важно подчеркнуть. Одни природные условия, и, соответственно, образ питания могли стимулировать эту деятельность, другие — содействовать ее затуханию. Представляет ли реликтовый гоминоид ветвь неандертальцев, которой вообще не было свойственно изготовлять орудия, или у этой ветви затухли такие навыки и инстинкты вместе с коренным изменением источников питания, существовавших в плейстоцене? Заманчивым представляется связать последнюю версию с картой подъемных сборов разрозненных орудий «мустьерского облика» поверхностного залегания в СССР (Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // Материалы и исследования по археологии СССР, 1960, т. 81; ср.: Сургай В.Т. Каменные орудия наших предков // Природа. М., 1960, №2): они найдены, в общем, в пределах тех областей, на которые падают и сведения о реликтовом гоминоиде, словно, как опадающие листья, оставили потомки неандертальцев еще и в голоцене то тут, то там единичные подобия того, что в массовых скоплениях сохранилось от их предков в среднем плейстоцене. Но это — не более чем спорная догадка.

В-третьих, антропологи «не узнали» неандертальца по той причине, что они (несомненно, под влиянием археологических догматов) даже в мыслях не допускали отнесения к подлинным диким животным хоть какой-нибудь части неандертальцев. Неандертальцы из-за неких умозрительных посылок целиком ставились ими по сю сторону качественного перехода от животного к общественному человеку. Если, в отличие от других, я «узнал» неандертальца в «снежном человеке» — этом явлении бесспорно зоологического порядка, — то только благодаря выработанной мною ранее экологической концепции и философски обоснованной мысли о том, что часть ископаемых гоминид принадлежала еще к миру до-общественных, чисто биологических явлений.

Но раз речь идет о «неандертальском» истолковании «снежного человека», мы должны остановиться на важнейших тенденциях современной науки в неандертальской проблеме.

Примерно к 20–30-м годам XX в. в советской и зарубежной антропологии победила теория о так называемой неандерталь-

ской стадии антропогенеза: палеоантропы или неандертальцы (в широком смысле) перестали трактоваться как форма гоминид, параллельная другим или побочная, а стали в глазах ученых универсальной эволюционной ступенью между обезьянолюдьми и людьми современного физического типа; последние принадлежат, при всех расовых различиях, к единому виду неоантропов, сменившему вид палеоантропов или неандертальцев. Образовалась линейная филогенетическая схема: прямая цепь эволюции, при которой один вид выходит из другого, с исчезновением предыдущего звена. Эти схема была увязана со столь же прямолинейной археологический схемой последовательной смены раннепалеолитических культур.

Но вот в последние 20 – 25 лет в этой научной конструкции все настойчивее обнаруживаются недостатки. Можно наметить четыре основных процесса, отчетливо проступающих в сегодняшней научной мысли, отражающих накопление большого числа новых наблюдений и знаний:

Ослабление жесткой связи между ископаемыми антропологическими типами и археологическими культурами.

Признание в истории семейства гоминид кроме прямолинейной филогении также боковых ответвлений, не обязательно в дальнейшем влившихся в главное русло, т.е. слепых ветвей.

Неуклонное расширение хронологических (геологических) пределов, в которых констатируется одновременное обитание в разных районах земли (т.е. сосуществование) неандертальцев и людей современного типа.

Смена представления о сапиентации неандертальцев в конце их истории представлением о двойственном, полярном процессе: сапиентации одних, бестиализации других.

Остановимся в кратких словах на каждой из этих четырех тенденций современной научной мысли.

Что касается вопроса о том, насколько «прикреплен» тот или иной тип каменных орудий, скажем, леваллуа, раннее мустье, позднее мустье, в определенному антропологическому типу, то обобщение старых и новых данных, безусловно, расшатывает мнение о жесткой связи. Находки в одном слое и орудий и костных остатков, например, захоронений неандертальцев не кажутся сейчас неумолимым аргументом: неясен вопрос, хоронили ли членов данной группы или, может быть, убитых пришельцев, захваченных индивидов несхожего типа (Поршнев Б.Ф. Проблемы возникновения человеческого общества и человеческой культуры // Вестник истории мировой культуры. М., 1958, №2 (8), с. 25 – 44); в случаях каннибализма неясно, поедали ли своих или опять

же чужаков. Но важнее прямые данные: скажем, со сходным ашельским инвентарем находят костные останки как археоантропов, так и палеоантропов, с поздне-мустьерским — как палеоантропов, так и неоантропов. Косвенно все это вообще ослабляет нашу привычную ассоциацию между анатомо-морфологической и археологической эволюцией. Становится менее пугающим аргумент: раз нет орудий, значит нет неандертальца.

Боковых слепых ветвей, не ведущих к Homo sapiens, в эволюции семейства гоминид сейчас известно немало. Напрасно сторонники старой схемы ищут ее спасения в гипотезе, что все эти побочные формы не зашли в тупик, а путем скрещивания, так сказать проселками, вернулись на столбовую дорогу антропогенеза. Как доказать, что такова была судьба всех ответвлений? Мы знаем лишь, что в антропогенезе было по-видимому три больших пучка разветвлений: из какой-то исходной формы образовалось много типов аветралопитецин; один из последних послужил исходной формой для многих типов питекантропин, а из последних один стал исходной формой для многих типов неандерталоидов (неандертальцев в широком смысле). Ничем нельзя доказать, что все они влились затем в единое русло. При этом гоминиды перестают выглядеть каким-то узко специализированным семейством, т.е. насчитывающим всего три вида без каких-либо подвидов и разновидностей, а приобретают черты богатого разветвлениями, не-специализированного семейства.

Особенно важна для проблемы реликтового гоминоида та тенденция в науке о неандертальцах, которая представлена преимущественно геологами (В.И. Громов) и фиксирует внимание на длительности сосуществования неандертальцев и современных людей в Евразии и Африке. Совершенно здраво подчеркивается, что новые разновидности некоторое время существуют не после вымирания своей исходной формы, но наряду с ней, — либо борясь с ней, либо размежевав с ней область распространения. Отдельные виды таких пережиточных, архаических форм иной раз на огромные периоды задерживаются в локальных районах с благоприятными условиями (например, фауна Австралии и т.п.). Палеонтологам эти пережившие время своего расцвета формы часто затрудняют датировку отложений. Точно так же обстоит дело с гоминидами.

Древнейшие верхнепалеолитические памятники, т.е. свидетельства существования Homo sapiens, например, в СССР Сюрень I, Сунгирь, Клязьма отодвинуты по геологической датировке в очень далекое время — к началу межледниковья Рисс-Вюрм. Если некоторые стоянки неандертальцев относятся к еще зна-

чительно более раннему времени, то иные из них, например, в Крыму Староселье, Чокурча и многие другие приходятся на Рисс-Вюрм, т.е. на то время, когда в других местах территории нашей страны уже жили люди современного типа. Принципиально схожая картина и в Западной Европе: если начало мустье относят к Рисс-Вюрму, а начало верхнего палеолита — к Вюрму I, то мустьерские памятники в некоторых районах датируются Вюрмом I, Вюрмом II, даже Вгормом III (Италия), и здесь, как мы видим, неандертальцы жили на земле десятки тысяч лет после того, как появились и кое-где расселились неоантропы — люди современного типа. Точно так же доказано, что в Китае в провинции Аньхой неандертальцы дожили до поздне-вюрмского времени (по Жу-кану и Цзя Лань-по), и на Яве примитивные неандертальцы археологически установлены до конца Вюрма (по Зингеру и Оклею). Родезийский человек в Африке датируется либо концом вюрмской эпохи, либо еще более поздней эпохой. Достаточно было бы всего этого, чтобы представить себе грандиозный хронологический отрезок, в течение которого на земле жили где — неоантропы, где — палеоантропы.

Но конец вюрмской эпохи — это отнюдь не верхний предел, до которого дожили неандертальцы на земле. Вероятнее, что с этого времени на основной территории Евразии лишь пропадают их крупные стоянки. Но весьма интересно, что в столь отдаленных друг от друга местах, как Япония и Южная Африка, отмечено одно и то же удивительное археологическое явление: в Японии на о. Хонсю позднее мустье, начинаясь с конца вюрмского оледенения, тянется по крайней мере до VII тысячелетия до н.э. и без всякой генетической связи сменяемся сразу неолитом; точно то же явление широко отмечено в Африке — неолит следует непосредственно за мустье. Но ведь неолит начинается никак не ранее VII – VI тысячелетия до н.э.! Таким образом, если исходить из археологических памятников, мы обнаруживаем хотя бы поздний тип неандертальца во второй половине голоцена, т.е. в современное нам геологическое время. Если обратиться к палеоантропологическим материалам, то с помощью современных геологических методов, а также физических методов исследования костных остатков, установлено, что некоторые ископаемые кости неандертальского или полу-неандертальского типа датируются тоже не древним доисторическим, а почти историческим или даже безоговорочно историческим временем. Ниже приводится обширная выписка из подготовленной к печати работы геолога Ю.Г. Решетова, где дана сводка данных о верхней возрастной границе существования человека неандертальского типа.

Если отдельные приводимые Ю.Г. Решетовым факты и выводы и могут быть в дальнейшем оспорены, эта сводка, любезно предоставленная автором, в целом способна ориентировать в состоянии вопроса.

«До сих пор весь фактический материал, как будто, указывал на то, что последние неандерталоиды исчезли где-то на границе интерстадиального потепления между ледниковой стадией последнего оледенения (W II) и началом поздней ледниковой стадии (W III). Однако находки костных останков людей неандерталоидного типа, количество которых особенно возросло за последние годы, заставляют думать, что это далеко не так. Рассмотрим эти находки в хронологическом геологическом порядке.

Широкую известность, благодаря невежественным попыткам А. Казанцева доказать посещение Земли некими «пришельцами из космоса», у нас получил череп так называемого «родезийского» человека из Брокен-Хилла, ЮАР. Этот череп, при объеме мозговой полости около 1400 см (что характерно как для неандерталоидов, так и для Homo sapiens), обладает рядом настолько примитивных, признаков, что многие исследователи (М.М. Герасимов, К. Арамбур) считают, что «родезиец» относится либо ещё к питекантропам, либо к очень примитивным неандерталоидам. Возраст этой находки по ее геологическому положению и определению геохимическими методами всего 25 – 20 тыс. лет.

Такого же типа череп был найден в 1960 г. в Греции, близ Салоник, в отложениях, приблизительно, того же возраста (W II/III – W III).

Другие находки не столь архаичны, но, пожалуй, более интересны. Как правило, они относятся к типу людей, у которых имеется ряд морфологических признаков, присущих Homo sapiens, но, также, очень сильны признаки, характеризующие неандерталоидов. Например, при развитом подбородке отмечается очень низкий лоб с мощными надглазничными валиками, низкий черепной свод, очень толстые теменные кости и чисто неандерталоидный прогнатизм. Или наоборот: при развитой затылочной части типа Homo sapiens, довольно нормальном развитии надбровий — убегающий назад лоб и неандертальского или даже гейдельбергского типа нижняя челюсть, опять-таки большая массивность костей. Некоторые находки — прямо неандерталоидного типа. Все это породило среди антропологов споры, не прекращающиеся до сих пор, о том — относить ли эти находки к раннему типу Homo sapiens или считать их неандерталоидными?

Одна из наиболее ранних находок такого рода была сделана в Галлей-Хилле близ Лондона. Возраст галлей-хиллского челове-

ка, определенный К.П. Оукли фторовым, нитратным и урановым методами и подтверждаемый геологически, — 10 тыс. лет.

В Дании, в районе Арнсберга, найден череп человека неандерталоидного типа с признаками раннего Homo sapiens, возраст которого по геологическому положению не превышает 10–15 тыс. лет.

К этому же времени относятся и останки таких же «сомнительных» Homo sapiens в СССР, например, из Сходни под Москвой.

Любопытно, что от Галлей-Хилла до Сходни все находки приурочены к зоне, прилегавшей к краю последнего материкового оледенения, а все названные места вообще — к местам, которые были относительно неблагоприятны для обитания, т.к. после оледенения эта зона была занята болотами и многолетней мерзлотой.

К находкам такого же типа относится и найденный в 1948 г. в предгорьях Пиренейского хребта во Франции у села Мемер (окрестности Вильфранша, департамент Аверон) череп (Astre G. A propos de l'homme fossil de Memer // Bull. Soc. histoire natur. Toulouse, 1960, t. 95, №3 – 4, p. 350 – 355). К сожалению, возрастное положение этой находки очень неясное (от времени начала последнего оледенения до века железа — точнее возраст не определен).

Одной из находок, относящихся к самому концу последней стадии последнего оледенения, является обнаруженная у с. Романково Днепропетровской области при рытье котлована для Днепродзержинской ГЭС плечевая кость человека неандерталоидного типа (Данілова Е.І., Свистун В.І. Про знаходку виконних кісток людини в аллювіальних відкладках району Дніпродзержинської ГЕС // Доповіді АН УССР. Київ, 1961, №5, с. 669 – 673). Это был район густых дремучих лесов и болот 10–15 тыс. лет назад; болотно-лесные условия там сохранялись почти до исторического времени, что способствовало сохранению людей этого типа до гораздо более поздних времен.

Наконец, опять-таки во Франции, в гроте Фурне (коммуна Монмор, предгорья Пиренеев) в 1959 г. найдены костные останки 15 людей очень архаичного облика, близких неандерталоидам, но с сапиентными признаками. Костные останки сопровождаются мустьерскими орудиями. Слои с этими находками относятся к мадленскому времени (Genet-Varcin E. Ossements humains de la grotte du Fournet commune de Montmaur (Drôme) // Ann. paléontol. 1960, t. 46, p. 119–124), которое, по определениям с помощью радиокарбона, во Франции занимало отрезок времени от 16 до 12 тыс. лет до наших дней и, следовательно, люди неандерталоидного типа жили в Монморе одновременно с теми, о которых говорилось выше.

Следующая серия находок по времени относится уже к голоцену. Древнейшей из находок этой серии является находка скелета Homo sapiens с надбровными дугами неандертальского типа, низким черепным сводом и толстыми теменными костями, но с выраженным лбом, с заметным прогнатизмом, но сапиентным подбородком, с зубами неандерталоидного типа и скулами монголоида. Эта находка сделана в Дордони (Ampoulange A. La sépulture néolithique du «Pas Estret» (commune d'Allas-l'Evêque, Dordogne) // Ann. paléontol., 1959, [1]44, pp. 47 – 84) — наиболее заселенном с древнейших времен районе Западной Европы, и относится к неолиту, развитие которого во Франции относится, по радиокарбоновым определениям, ко времени, отстоящему за 7 – 4 тыс. лет до наших дней.

Другая французская находка этого же времени сделана в предгорьях Пиренеев, в департаменте Лот-и-Гаронна, у с. Саинтрайль, в гроте Лавардак (Astre G. Reste de crâne humain de Lavardac à caractères primitifs Bull. de la Société d'histoire naturelle de Toulouse. Toulouse, 1961, t .96, fasc. 3, 4, p. 292 – 294).

В районе Кебеляя, Эстония, был обнаружен череп человека с сильно выраженными неандерталоидными чертами, относящийся к середине IV тысячелетия до н.э. (Гуделис В., Павилонис С. Череп ископаемого человека \\ Природа. М., 1952, №6, с. 118; Находка черепных костей кебеляйского человека в Эстонии // Гушэн-у сюэбао, 1953, т. i, №3, с. 183–184); в Восточной части Тибета, наиболее труднодоступной, в бассейне верхней Брахмапутры, у деревни Линчи в слоях, относящихся к энеолиту, найден женский череп с теменными костями толщиной более 1 см, низким, убегающим назад лбом, мощными, как у родезийского человека, надглазничными валиками и гейдельбергского типа массивной челюстью с крупными зубами, но лицевая часть черепа — монголоидного типа (Lin Vi-pu. Ancient Human skeletal remains from Linchih village Eastern Tibet // Vertebrata palasiatica, 1960, v. 4, №1, p. 36). Энеолит в прилегающих к этому району областях Китая начался в IV тысячелетии до н.э., т.е. около 6 тыс. лет назад. Такого же возраста найдены костные останки неандерталоидного типа и при рытье котлована Днепродзержинской ГЭС (Данилова Э.І., Свистун В.І. Ibidem.).

Более молодая находка (III тысячелетие до н.э.) сделана в Румынии в Байя-Маре (Necrasov O., Cristesco M. Etude anthropologique des squelettes de l'âge du bronze, découvertes à Pir (Baia Mare), apparent à la culture Atomani // Ann. Ştiint. Univ. Iaşi. Iaşi, 1960, Sec. 2, №1, p. 39 – 48), в низовьях Дуная. Здесь, из двух женских скелетов, второй, имеющий сходство со скелетами, ха-

рактеризующими средиземноморско-альпийский тип человека, в строении черепа имеет ряд резко выраженных черт, присущих родезийскому типу: такую же массивную челюсть со скощенным подбородком, архаического типа зубы, толстые кости, низкий, напоминающий неандертальский лоб и т.д.

Наконец, наиболее молодой из находок такого рода является череп из д'Эстранкарбона (предгорья Пиренеев) (Astre,G. Crâne d' Estrancarbon à caracteres primitifs et d'âge gallo-romain // L'Anthropologie, t. 60, №5 – 6, p. 560 – 563), относящийся к отложениям галло-римской эпохи, которая, как известно, началась с I в. до н.э., т.е., этому черепу не более 2000 лет!

Если нанести все подобные местонахождения на карту, то получается очень интересная картина: Галлей-Хил и Арнсберг лежат на линии, которая ограничивает районы, позже всего оставленные ледником, в которых долгое время были развиты болотно-пойменные ландшафты, сменившиеся затем лесными дебрями, около этой же линии находится и Кебеляйское местонахождение. Трудно проходимые пущи сохранялись на территории Эстонии в Прибалтике вообще еще до XVI – XVII веков.

Болотисто-озерным, а затем лесным был и ландшафт Подмосковья, причем, до XIII в. этот район отличался очень немногочисленным населением.

Ландшафт во время существования Хвалынско-Днепродзержинского и иных восточноевропейских поздних неандерталоидов был сходен — леса плюс плавни и заболоченные поймы.

С другой стороны, большинство французских находок сосредоточено в верховьях Гаронны, в предгорьях Пиренеев, где, помимо труднодоступности, также были развиты дремучие лесные массивы. О дикости долины верхней Брахмапутры мы уже упоминали; остается добавить только, что Тибетское плато вообще было заселено в сравнительно недавнее время, начиная с конца IV — начала III тысячелетия до н.э. То же самое можно сказать и о районах остальных находок: все они расположены в зонах, позже всего заселенных человеком современного типа и все они представляли труднодоступные, пустынные местности до сравнительно недавнего (в пределах последних 2000 лет) времени.

Таким образом, выделяется, с одной стороны, полоса зонального расселения вдоль края одной из последних стадий (померанской) континентального оледенения, с другой — отдельные изолированные районы болыпей или меньшей площади.

Обе находки поздних представителей «переходного звена» от питекантропов к неандертальцам — «родезийцы» из Брокен-Хилла и из под Салоник — также жили в пустынных или гористых малозаселенных районах.

Как отмечалось выше, среди антропологов нет единой точки зрения на сущность этих находок. Одни выводят свои заключения из банального положения о большой вариететности Homo sapiens'а, вследствие чего среди них могут встречаться и индивидуумы с неандерталоидными морфологическими признаками, вторая точка зрения — эти находки представляют собой то «переходное звено» между неандертальцем и человеком современного типа, которое, мол, ясно свидетельствует, что никакой тупиковой ветви «классических» неандертальцев не было, а все неандерталоиды, рано или поздно, превратились в Homo sapiens'ов. Однако обе эти точки зрения вряд ли объясняют закономерности распределения находок, о которых мы говорили. Но зато их вполне может объяснить третья точка зрения: и Галлей-Хйлл и другие находки представляют собой останки гибридов Homo sapiens'а и неандерталоидов, а Арнсберг — настоящий поздний неандерталоид. Тогда, во-первых, вполне правдоподобно выглядит положение о том, что «классические» неандертальцы долее всего задержались в районах, наименее благоприятных для поселения или труднодоступных (Работа Howell C.E. 1957, о месте неандертальцев в эволюции человека и роль фактора изоляции в остановке эволюции) и, во-вторых, объясняет как исчезли неандерталоиды, так как о естественном вымирании последних не может быть и речи».

Оборвем здесь цитирование текста Ю.Г. Решетова. Как сказано выше, отдельные утверждения Ю.Г. Решетова остаются целиком на его ответственности, но приведенная выдержка во всяком случае свидетельствует о крушении традиционного и достаточно наивного с точки зрения биологической науки представления: после возникновения нового вида — человека современного физического типа (Homo sapiens), предшествующий вид якобы в сравнительно короткое время вымер, исчез с лица земли, в течение уже десятков тысячелетий «не было ни групп людей, ни отдельных особей, которые характеризовались бы признаками неандертальского вида» (Дебец Г.Ф. Ответ читателю // Вопросы истории. М., 1962, №7, с. 213). Это бездоказательное утверждение противоречит и давно известным антропологическим фактам, но отбрасываемым с поистине догматическим упорством. Так, антропологи создали понятие «ложные неандертальцы» и охватывают им все не укладывающиеся в схему факты. Кости «ложных неандертальцев», то есть относящихся к «неподходящим» геологическим и археологическим эпохам, известны в значительном числе уже давно, но почти не изучаются, игнорируются. О них лишь кратко упоминают Вирхов, Клач, Соллас, Кеннингем, Вейнерт, Мартин

и многие другие. Известный польский антрополог К. Столыгво в 1902 г. и в ряде последующих работ (1907, 1913, 1927) описал череп из скифского погребения близ Новоселки с резко выраженными надбровными дугами и убегающим лбом, тщетно этот авторитетный ученый доказывал тождественность этих надбровных дуг с надглазничным валиком, характерным для неандертальца, как и указывал на наличие других признаков, приближающих новоселковекий череп к неандертальскому, — ему даже не считали нужным возражать. В 1935 г. М.А. Миллер в раскопках слоя эпохи неолита (6 – 7 тысяч лет до наших дней) на Ингренском полуострове в Поднепровье нашел скелет, резко морфологически отличающийся от скелета современного человека: череп «длинноголовый, с низким убегающим назад лбом, резко выраженными надбровными дугами и заметным прогнатизмом»; по утверждению М.А. Миллера, для черепа характерен именно комплекс резко выраженных морфологических особенностей неандерталоидного порядка (Цит. по: Лунин Б.В. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» // Советская археология. М., 1937, №4, с. 84 – 85). Этот череп (хранящийся в Днепропетровском музее) или какой-то другой из Приднепровья осматривал археолог Б.В. Лунин, который в личном письме к автору этих строк от 20 мая 1962 г. пишет: «Я не специалист-антрополог, но первое впечатление: неандерталец и все! Даже если бы специалисты-антропологи уточнили это первое впечатление — от неандерталоидности отдельных черт этих черепов не уйти никуда». Выше уже упоминались черепа Подкумок, Моздок I и другие, которые некоторые антропологи решились признать неандерталоидными только благодаря счастливой для науки ошибке геолога Ренгартена, допустившего, что подкумский череп лежал в делювиальных глинах на слое галечника. В действительности для решения всех этих загадок надо допустить совсем другое: что на определенном этапе истории родового строя люди подчас хоронили полуприрученных диких реликтовых гоминоидов с тем же погребальным ритуалом (в качестве воображаемых родовых предков) как и действительных предков — почетных сородичей.

Итак, либо собственно палеоантропы, либо плоды их метизации могут быть документированы сейчас не только вплоть до VIII – VI тысячелетий до н.э., но и еще позже — до первых веков н.э. А ведь древнейшие описания и упоминания диких волосатых человекоподобных существ, аналогичных «снежному человеку», находятся в ассиро-вавилонском эпосе о Гильгамеше, в Ведах и Зенд-Авесте, в Ветхом Завете, то есть в текстах, восходящих не менее, как к IV тысячелетию до н.э., затем в индийской «Рамаяне»

(Tchernine O. Op. cit., Ch. IV: Raksha in The Hamayana), и далее в позднейших памятниках народного творчества. Таким образом можно считать, что практически цепь знаний не прерывается от палеоантропологических до первых письменных свидетельств и тянется далее (как мы видели в других главах) вплоть до наших дней.

Таким образом, идея о чрезвычайно долгом одновременном существовании на земле палеоантропов и неоантропов, причем хронологические рамки этой эпохи сосуществования современная наука имеет тенденцию все более раздвигать, играет огромную роль для нашей темы.

Наконец, рассмотрим тенденцию современной антропологии видеть в истории неандертальцев не прямую линию, ведущую от наиболее примитивных форм к постепенной сапиентации, а борьбу двух тенденций — бестиализации и сапиентации. Все это движение мысли порождено, как известно, тем, что хронологически древние формы неандертальцев, в том числе штейнгеймского типа, имеют «обобщенный» характер, т.е. содержат в себе, наряду с чисто неандертальскими, черты, в той или иной мере сближающие их с Homo sapiens. Напротив, гораздо более поздние «классические неандертальцы» Западной Европы (шапелльцы) не имеют этих сапиентных черт. Согласно мнению ряда авторов (В.П. Якимов и др.), они представляют как бы картину однобокого усиления и увеличения примитивных питекоидных, т.е. в сущности животных, а не человеческих черт, сближающих этот исходный прототип с предками — архантропами. Скелет, череп, мозг «классического неандертальца» представляют картину простого увеличения соответствующих черт строения питекантропов-синантропов, без перестройки, без преобразования, в том числе структуры мозга. Эти фактические современники неоантропов (Homo sapiens) более бестиальны, т.е. дальше отстоят от человека, чем их предки. Таким образом, шапелльцы — специализированная форма, оставшаяся в стороне и отставшая от тех, которые шли противоположным путем, т.е. теряя примитивные, питекоидные признаки и закрепляя сапиентные, человеческие. Кроме шапелльцев, примерами бестиализации могут служить (хотя и с сохранением некоторых сапиентных признаков) родезиец, нгандонец.

Эта намечающаяся новая концепция становления Homo sapiens путем поляризации исходной «обобщенной» формы (произошедшей непосредственно из архантропов) сулит очень богатые перспективы для теории антропогенеза. Навряд ли объяснение этих явлений бестиализации некоторых ветвей сведется к указанию на тяжелые климатические условия, в которых они

оказались в ледниковый период, в отличие от тех, которые находились в благоприятных условиях Средиземноморья и Ближнего Востока. Не обойдется дело и ссылкой на то, что их «регресс» был вызван изоляцией их ледниками и морями от основных популяций неандертальцев. Тут, по-видимому, имело место какое-то взаимное, отталкивание этих двух разновидностей, которые, образно говоря, как бы вылупились друг из друга и чем дальше, тем больше отталкивались и очищались друг от друга. Можно представить себе что-то вроде искусственного отбора, хотя и совершенно неосознанного: особи с преобладанием одной группы признаков отбрасывали из своей среды, а может быть и умерщвляли особей, так сказать, с противоположным знаком. Это еще не было борьбой разумных людей с животными, процесс носил сначала чисто биологический характер и его механизм подлежит исследованию. Но сравнительно быстро это были уже две разновидности, затем два подвида, из которых сапиентный оттеснял на все более далекую периферию бестиальный подвид — примитивных палеоантропов. Возможно, не раз проявлялись и обратные тенденции, скрещивание, но все же поляризация оказывалась более сильной тенденцией, и два подвида стали наконец двумя видами.

В качестве последних проявлений истории антогонизма этих двух видов мы и рассматриваем стремительное сокращение ареала реликтового гоминоида по мере раздвижения ареала человека с его культурой. Итак, ход рассуждения приводит нас, как к наиболее вероятному, к выводу, что неандертальцы еще не вымерли. Палеоантропы сопутствовали всей истории неоантропов, как их собственная тень. Но это было углубляющееся раздвоение, дивергенция. Реликтовые палеоантропы не просто задержались на той стадии развития, от которой отшнуровалась линия развития неоантропов. У реликтовых палеоантропов мы уже не видим того умения изготовлять и использовать каменные и иные орудия (как и знакомства с огнем), которое наблюдалось у ископаемых гоминид нижнего и среднего плейстоцена. Мы видим в этом раздвоении четкое подтверждение трудовой теории антропогенеза, выдвинутой Энгельсом. Одни гоминиды шли по пути труда, — они стали людьми, у них возникло общество, как и общение с помощью членораздельной речи.

Другие не шли по пути труда, — они и не застыли в своем развитии, а понемногу утрачивали даже те зачаточные предпосылки труда, которыми обладали их предки. В процессе дивергенции оба полюса все более удалялись друг от друга, все, что было между ними промежуточного, вымывалось, исчезало. Не-

оантропы все быстрее и быстрее поднимались от мустье к верхнему палеолиту, мезолиту, неолиту, металлу. Одновременно развивались формы их общественной жизни. В это же время реликтовые палеоантропы все реже и несовершеннее изготовляли единичные орудия нижне- и средне-палеолитического облика и развивались как животные.

Если и те, и другие развились из общей исходной формы (может быть типа Штейнгейм), то у одних труд и общество победили животное начало, у других — наоборот. Если у гоминида типа Штейнгейм изготовление и использование примитивных орудий и было инстинктом, то все же требовавшим вдобавок научения, показа. Следовательно, особи обладали этими навыками в разной степени, можно оказать, от нуля до единицы. Дивергенция и выразилась в том, что все, лежащее между нулем и единицей, было постепенно вымыто. Иными словами, те палеоантропы, которые в той или иной мере умели изготовлять и использовать орудия, имели сколько-нибудь устойчивые трудовые навыки, на протяжении десятков тысяч лет ассимилировались неоантропами. При этом последующие поколения должны были все более утрачивать морфологические отличия. Остальные палеоантропы должны были отселяться в иные экологические условия, наименее привлекавшие неоантропов. Так постепенно из числа палеоантропов сохранились, не подверглись ассимиляции, те особи, которые хуже других умели пользоваться орудиями, мало обученные, в пределе — необученные, среди них инстинкт, лежавший в основе обучаемости, в силу его неподкрепления слабел из поколения в поколение. Они выживали путем чисто животной, но очень пластичной приспособляемости к экологическим условиям. Чем дальше, тем более из неандерталоидов оставались на свете лишь такие, не ассимилированные людьми, т.е. лишь самая крайняя, нулевая по признаку изготовления и использования орудий группа неандерталоидов. Не только на отдельных особей, но из целых популяций таких неандерталоидов и сформировался на протяжении многих тысячелетий вид Homo troglodytes L.

Если происходила ассимиляция тех палеоантропов, которые изготовляли и употребляли орудия, с быстро развивавшимися общественными людьми — «кроманьонцами» и их потомками, то очевидно нельзя исключить ассимиляцию другой части палеоантропов с реликтами археоантропов (обезьянолюдей) и даже прегоминид вроде австралопитековых и т.п. Ведь синхронность («сосуществование») и этих уровней антропогенеза ныне вполне доказана. Возможность таких скрещиваний части палеоантропов с низшими эволюционными формами способна много объяснить в

полиморфности изучаемого нами вида реликтовых гоминоидов (П.П. Смолин).

Таким образом, речь уже идет о «бестиализации» части палеоантропов в двух смыслах — не только физической, но и функциональной. По ископаемым остаткам физическая (морфологическая) бестиализация обнаруживается раньше: у неандертальцев, остатки которых связаны с развитым «мустьерским» инвентарем, подчас наблюдается усиление тех имевшихся у исходных, обобщенных форм признаков, которые более или менее общи с обезьянолюдьми, — эти признаки как бы обособляются по контрасту от других признаков, тоже имевшихся у исходных, обобщенных форм палеоантропов, но усиливающихся у другой ветви «мустьерцев», преобразующихся затем в неоантропов. Но это морфологическое раздвоение единого корня на две полярные ветви — не самое главное. Редукция у части палеоантропов пользования орудиями должна была поставить их в новые отношения с природой. Само их физическое строение и развитие оказалось в возросшей зависимости от природных условий. Так, на «снежном человеке» мы, по-видимому, наблюдаем весьма резкое проявление давно установленного зоологами закона природы: животные одного и того же вида достигают самых крупных размеров в северных, холодных местах своего обитания, тогда как на юге, в странах теплого климата, водятся мелкие разновидности. Достаточно сопоставить сведения о гигантах — «сасквatчах» из Северной Америки со сведениями о пигмеях — «агогве» из Центральной Африки, чтобы представить себе всю огромную шкалу физической перестройки реликтовых гоминид на этой кривой от Приполярья до тропиков. Ту же закономерность, очевидно, мы наблюдаем и в высокогорных районах Азии, где места, граничащие с ледниками и вечными снегами, могут оказывать на организм такое же воздействие, как и северные области обитания, и откуда, действительно, поступают сведения об особях или популяциях особенно крупных размеров. Эти вариации размеров неотделимы от вариаций многих других черт морфологии. Мы описывали выше широкую амплитуду морфологических вариаций: тут можно встретить формы, кое в чем тяготеющие к австралопитекам, может быть, к гигантопитекам, к питекантропам, к различным типам неандерталоидов, включая «прогрессивные» полу-сапиентные варианты. Вся эта пестрота лишь показывает, в какой степени палеоантропы в процессе бестиализации оказались под воздействием местных природных условий и потока биологических случайностей. Но все индивидуальные, популяционные, географические вариации объединяет единая граница, истори-

чески все более углублявшаяся, — граница и антагонизм между всеми ними вместе и порознь взятыми и вооруженными трудом и речью людьми — неоантропами.

Иными словами, реликтовых палеоантропов, при всем их многообразии, мы рассматриваем как единый вид. К аргументам, приведенным в гл. 11, добавим здесь, что о том же свидетельствует и реконструируемая постепенно единая картина расселения по земле этих существ. Картина эта может быть определена принятым в антропологии понятием моноцеатризм. Единая схема расселения, вытекающая из совокупности рассмотренных данных (включая картирование современных сведений, исторических свидетельств, древнего эпоса), подразумевает расселение единого вида, исключает идею нескольких видов. Хронологически эта единая схема расселения охватывает верхний плейстоцен и голоцен, иначе говоря — «историческое время», ибо это время существования и развития на земле современного человека (неоантропа).

Последний, таким образом, согласно изложенному взгляду, не «встретил» этого высшего примата во вновь заселяемых землях, и не сосуществовал с ним равнодушно по всей эйкумене с древнейших времен до недавнего времени, — человек развивался и расселялся отталкивая и оттесняя от себя это «зло». Расселяясь по земле, люди заставляли тем самым отходить палеоантропов в соседние незанятые людьми районы. Люди расселялись по великим рекам, палеоантропы тем самым были принуждены расселяться преимущественно по великим междуречьям, то есть по водоразделам. Люди оттеснили палеоантропов на края эйкумены, в том числе на Крайний Север, а освоив крайний северо-восток Азии толкнули палеоантропов к перемещению на Американский материк. Подчас палеоантропы оказывались зажатыми между двумя сдвинувшимися «краями эйкумены» — между двумя потоками расселения людей. Так, не одними биогеографичеокими факторами, но и историей людей определились основные линии распространения по земле и реликтового обитания «ночного (снежного) человека». По крайней мере так можно построить достаточно непротиворечивую и цельную рабочую схему.

Эта идея антропогенеза через поляризацию, которая представляется мне столь плодотворной, глубоко отлична от идеи гаммы или шкалы эволюционных ступеней, постепенно ведущих от обезьяны к современному человеку. Представление об этой простой лестнице долго владело умами дарвинистов. Но его же косвенным плодом оказались глубоко враждебные научной истине попытки деления живущих на земле людей на эволюционно высших и низших.

Тут я подошел к самому глубокому разногласию, разделяющему меня с А. Сэндерсоном. В главах 16 и 17 его книги есть положения, которые я считаю долгом решительно отвергнуть. Обиднее всего, что к ним автора привел отнюдь не какой-либо злостный расизм. Напротив, автор подчеркивает, что, по его мнению, три большие расы людей отнюдь не отличаются друг от друга духовными способностями. Им руководит естественнонаучный эволюционизм, ему кажется, что благодаря «снежному человеку» он имеет, наконец, возможность перечислить все звенья, протянутые природой между обезьяной и человеком, и тем самым опровергнуть, наконец, догмат о сотворении человека по образу бога, показать, кому надо верить: Священному Писанию или Дарвину. Но так или иначе, движимый эволюционизмом, А. Сэндерсон впал в глубокие ошибки. С одной стороны, как мы уже знаем, он разделил данные о «снежном человеке» на четыре группы по признаку все большего отдаления от человека, причем одной из них, прото-пигмеям, приписал отнюдь не животное свойство: пользование хотя бы самой примитивной формой языка. С другой стороны, живущих на земле людей А. Сэндерсон тоже разделил на две неравные группы, выделив среди них наряду с тремя равноценными большими расами три малые «примитивные расы», «суб-людей», а именно: австралийцев, бушменов и пигмеев. Он утверждает к вящей славе эволюционизма, что «нет резкой грани между настоящими людьми и суб-людьми», что «мы даже не знаем, где кончается суб-человек и начинается человек». Шкала от человека к обезьяне получилась действительно «скользящая», но оскорбляющая целые народы.

В противовес этому я должен повторить то представление о Homo sapiens, которое является азбучным для каждого советского антрополога. Есть «род человеческий», «вид человеческий», в котором нет никаких подвидов и разновидностей. Все народы на земле являются одинаково древними, так как произошли от единого предкового вида, в единой, хоть и широкой, географической области (монофилизм, моноцентризм). Можно ли обнаружить в физической организации ныне живущих людей те или иные признаки «суб-людей», то есть палеоантропов? Можно, но эти индивидуальные или популяционные атавизмы, будь то неандерталоидные или даже куда более древние, например, рудиментарный хвост, не бывают доминирующими, ничего не меняют в главном, что характеризует и отличает человека в его морфологии и психических способностях. Различия между расами касаются лишь совершенно второстепенных соматических оттенков. Нет никаких «переходных» типов людей от Homo sapiens к чему либо другому.

Между прочим, все живущие на земле люди имеют язык, владеют членораздельной речью, а ни одно животное, включая реликтового гоминоида, не имеет никакого примитивного языка.

В противоположность А. Сэндерсону, я не думаю, что открытие реликтового гоминоида уже само разрешает проблему перехода от животного к человеку. Скорее оно снова ставит эту проблему, причем вплотную, непосредственно. Решение же будет найдено другими открытиями, которые неизбежно последуют.

Кстати, поскольку мы заговорили о происхождении членораздельной речи, о «второй сигнальной системе», дальнейшие исследования реликтового гоминоида в фазе размежевания с ним неоантропа сулят великие научные перспективы. Не является ли в этой проблеме недостающий звеном стадия односторонней речи? Ведь если даже собака может давать дифференцированную реакцию на 60 – 80 различных речевых сигналов, ничего не «отвечая», то как же велики возможности такого воздействия на высокоразвитого бессловесного гоминида! Придет час, и в лабораториях или природных условиях будут осуществлены великолепные опыты над палеоантропом, стоящим у порога «второй сигнальной системы».

Я не хотел бы все-таки считать вопрос об идентификации «снежного человека» с палеоантропом (неандертальцем) решенным вопросом. Пусть сказанное выше будет принято только как размышление вслух. Слишком еще много нового и неизвестного во всей этой проблеме. К тому же отнюдь не своевременно было бы нейтрализовать общность многих наших аргументов со сторонниками «антропоидной» версии. Мы являемся научными союзниками против всех, кто отрицает самую реальность «снежного человека». Мы, например, союзники в том, что привлекаем внимание научных кругов к биогеографической основе распространения «снежного человека». Обе версии считают «снежного человека» животным, то есть объектом зоологии, и поэтому рассматривают его в тесной связи с проблемой его биотопов, ищут его базу в природной среде. Правда, при этом «гоминидная» версия делает акцент на том, что он — эврибионт, даже убиквист, а «антропоидная» версия принуждена жестче связывать его с животной и даже с растительной средой (что не оказывается удачным!). Но до известных пределов между обеими версиями все же налицо общность биогеографического метода.

Точно так же и в генетических вопросах наши позиции до известных пределов примиримы. «Гоминидная» версия не исключает того, что среди обезьян прямых предков гоминид можно искать в Азии — в миоценовой и плиоценовой фауне, подоб-

ной сиваликской. Но ведь затем эти предки могли расселиться по теплым странам. Прегоминид мы находим в Южной Африке, откуда они позже выплескивают в более северные районы Африки и Евразии архантропов — обезьянолюдей. Где-то в восточной части Средиземноморья и прилегающих странах обосновалась «обобщенная» форма пранеандертальцев, и там же, возможно, началась поляризация примитивных палеоантропов и сапиентных, прогрессивных форм. Кажется, оттуда началось расселение и Homo sapiens L., и Homo troglodytes L.

Глава 14

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, ФОЛЬКЛОР

В предыдущих трех главах мы следовали формуле: если принять за основу имеющуюся сумму описательных и вещественных данных о «снежном человеке» и аналогичных существах, то какой биологический образ из всего этого получится? Получится ли что-нибудь противоестественное или же укладывающееся в биологические понятия? Избранный нами метод количественной группировки описательных данных, хоть и необычный в зоологии, дал положительный результат. Мы получили рациональное предварительное морфологическое и биологическое описание некоего вида.

Только после этого стоит вернуться к критике ходячих теорий, будто весь описательный материал о «снежном человеке» и его разнообразных аналогах не представляет естественнонаучного интереса. Сторонникам этой версии мы прежде всего должны сказать, что, сами того не ожидая, они не выбрасывают вопрос в мусорную корзину, а пытаются произвести сложное и далеко идущее научное обобщение. Ведь мифологические образы и сюжеты, как и их распространение среди разных народов мира, изучены во всяком случае не хуже, чем вопрос о неандертальцах, их распространении и вымирании. Сошлемся, например, на известный многотомный каталог фольклорных мотивов всего мира, опубликованный Стифом Томпсоном (Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Bloomington, 1955-1958, v. I – V). Если для биологического истолкования суммы собранных в настоящее время на земном шаре сведений о наблюдениях аналогов «снежного человека» нам приходится разработать достаточно сложную концепцию, затрагивающую фундаментальные вопросы зоологии и антропологии, то для иного истолкования этой суммы сведе-

ний надо не менее смело вторгнуться в фундаментальные проблемы фольклористики и мифологии. Историко-географическое распределение указанных сведений не укладывается в историко-географическую схему фольклорных мотивов Томпсона или кого-либо другого из исследователей мирового фольклора. Придется создавать фундаментально новую концепцию праисторического фольклора. По-видимому, эта концепция может покоиться лишь на одном из двух теоретических оснований. Либо надо вернуться к теории «культурных кругов» и, ввиду почти универсальной распространенности интересующего нас сюжета, отнести его к наидревнейшему «культурному кругу». Это значит, что мы должны рассматривать мир фантастических образов еще палеолитических людей как не поделенный ни на какие культурные провинции единый мир, включающий в себя в качестве обязательного элемента веру в антропоморфные, но не сверхъестественные существа, отличающиеся от человека волосатостью тела, отсутствием речи и некоторыми особенностями строения тела. Либо же надо вернуться к теории «яфетической стадии» развития всех человеческих обществ, приписав указанный образ некоей закономерной ступени развития магического мышления и языка. Навряд ли надо объяснять, каких новаторских и по-своему титанических научных усилий потребуют как тот, так и другой путь. При этом шансы на успех в обоих случаях с самого начала представляются весьма сомнительными.

Но если есть удовлетворительная биологическая интерпретация сведений и фактов, стоит ли ждать переворота в общей теории мифологии и фольклористики?

Сторонники фольклорно-мифологической версии в вопросе о «снежном человеке» и его аналогах опираются на то, что среди зафиксированных рассказов и сообщений попадаются и бесспорно легендарные. Но легенды есть о всех животных. Например, очень обильны легенды и сказки, поверья и обряды, связанные с медведем. Что было бы, если бы кто-нибудь, собрав то или иное число сказок о медведе и этнографических записей об этих поверьях, взялся решать: существует ли реально медведь? При отсутствии биологических знаний, ответ, конечно, получился бы отрицательный. Ведь в этнографических записях обнаружилось бы, что у медведя множество местных названий, из чего был бы сделан вывод, что каждому названию соответствует свой «образ». Оказалось бы, что в некоторых сказках медведь говорит человечьей речью, в других он — ростом с гору, он невероятно страшен и мстителен, если его не умилостивить, встреча с ним приносит счастье или несчастье, он может унести к себе в берло-

гу красную девицу и т.д. Словом, вывод был бы не менее суров, чем о «снежном человеке», медведь — миф, вымышленный образ, образующий цикл народных поверий, а утверждать, что медведь есть на самом деле — значит поддерживать в народе суеверия.

То же самое получилось бы с тигром: оказалось бы, что это — фантастический образ «хозяина тайги». «Изуверство тигропоклонников» доходит до того, что они подчас привязывают в чаще для «хозяина» коз, собак, — надо ли искать еще доказательств того, что никакого тигра нет?

Нет сов и зайцев, раз кто-то верит, что они приносят несчастье, нет аистов, потому что они, как говорят, приносят счастье и новорожденных детей...

Один остроумный автор в середине XIX в. выпустил книгу: «О том, что Наполеона никогда не было». Это была злая пародия на увлечение мифологическими истолкованиями всего на свете. В книге с серьезным видом и весьма учено доказывалось, что история Наполеона — не что иное, как солнечный миф, принятый простаками за реальность.

Действительно, полезное дело — изучение народной фантазии, мифов, легенд — стало приносить науке вред, поскольку в руках некоторых этнографов и фольклористов превратилось в средство объявлять действительность вымыслом. Это направление опасно в двух отношениях.

Во-первых, оно мешает выявлять в фольклоре элементы истинные, отражающие объективные явления природы, и истории. На самом деле нет абсолютно чистых вымыслов. И при умелом обращении с фольклором он становится важным, подчас даже единственным путем к познанию истины — там, где обрываются письменные источники и научные наблюдения. Память народов в художественно преображённой форме хранит многое, что было на самом деле. Опросный фольклорный материал при доброкачественном анализе может очень много дать для познания местной фауны. Но, увы, фольклористы ищут не фауны, а чего-нибудь как можно более противоестественного и сверхъестественного. К примеру, один из представителей указанного направления, проф. Н.А. Кисляков, написал статью на тему «Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и фольклоре» (Кисляков Н.А. Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и фольклоре // Советская этнография. М., 1937, №4). Но, к сожалению, охотовед не получит от нее пользы; данные о действительной охоте указанного района, о ее приемах, о промысловой фауне тонут в коллекции всяческих обрядов, верований, чертовщины. Таким этногра-

фам кажется по меньшей мере скучным описывать что-нибудь не-фантастическое. Поэтому от них нельзя и ожидать, чтобы они зафиксировали и довели до сведения биологов сведения местных охотников и пастухов о каком-нибудь новом виде животных, будь то о неизвестной форме мыши-полевки или о неизвестном высшем примате. Они берутся за перо только когда слышат искаженные, неправдоподобные сведения о животных. Один из кавказских фольклористов признался, что до сих пор запись сведений о «диких людях» не производилась, так как в них было слишком мало фантастического.

Во-вторых, интересуясь только вымыслами, указанное направление невольно утрачивает строгость методики: записи народных преданий и рассказов производятся в более или менее предвзятом осмыслении записывающим, мысль которого при этом ничем не связана. Пренебрежение реалиями приводит к тому, что записи делаются в вольном переложении этнографа. Отсюда открывается щелка для «сотворчества»: при изложении народных рассказов фантазия самого этнографа индуцируется, разыгрывается, он не видит беды если, красноречиво передавая чужие вымыслы, чуть-чуть подбавить к ним и своих собственных. Примером может служить книга этнографа А.А. Семенова о некоторых районах и народах Припамирья (Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903). В частности, излагая рассказы таджиков о «гули-явои» («диком человеке»), автор не только не пытается отсеять в них реальное от фантастического, но и не приводит подлинных сообщений, а вольно обобщает их, выхватывая только то, что ему понравилось, пересыпая собственными добавлениями о лешем и в конце концов поднося читателю какой-то собственный миф «по мотивам» народных мифов.

Мы упомянули сочинения Н.А. Кислякова и А.А. Семенова, поскольку их взяла за образец примыкающая к той же школе фольклористка А.З. Розенфельд, предпринявшая единственную в мировой научной литературе попытку осветить вопрос о «снежном человеке» в мифологическом аспекте (Розенфельд А.З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (в связи с легендой о «снежном человеке») // Советская этнография. М., 1959, №4). Естественно, что мы должны рассмотреть эту попытку, окончившуюся, естественно, полной неудачей.

Противоречива уже сама постановка исследовательской задачи. А.З. Розенфельд хочет получить обобщающие выводы о проблеме «снежного человека» в целом, но ограничивает себя при этом лишь данными, относящимися к Памиру и припамир-

ским районам. Как мы видели, эта территория составляет лишь малую частицу предполагаемого огромного ареала реликтового гоминоида, к тому же частицу в некоторых отношениях отнюдь не самую типичную и не самую перспективную для полевых исследований. Однако А.З.Розенфельд свои выводы из рассмотрения памирских данных считает не только возможным, но и необходимым распространить на все народы и страны, где зафиксированы рассказы населения о «диких людях». А.З. Розенфельд представляется, что она сделала на памирском материале шаг к открытию в известной мере упущенного этнографической наукой цикла народных верований в подобные существа. Впереди маячат новые и новые (пока еще не состоявшиеся) открытия в науке о народных верованиях. «Назрела также настоятельная необходимость — пишет в заключение своей статьи А.З. Розенфельд — обобщить уже собранный и опубликованный материал о «диких людях», гуль-биябане, монгольских алмасах, йе-ти шерпов, ми-гё и многих других персонажах и определить место этого цикла в верованиях и представлениях различных народов. Здесь еще непочатый край работы, и нет сомнения, что в этой области исследователя ждут интересные открытия» (с. 66). Да и на самом Памире, как оказывается, открытие еще не завершено, ибо сама А.З. Розенфельд, давая сводку некоторых записей, произведенных на Памире, призывает, как можно скорей произвести запись такого рода «поверий и суеверий» среди старшего поколения таджиков и киргизов для нужд науки, пока все эти пережитки глубокой старины в сознании людей не исчезли бесследно.

Обратимся к методам исследования А.З. Розенфельд. Ею привлечены, с одной стороны, литературные этнографические и лингвистические данные, с другой стороны, записи, произведенные летом 1958 г. опросно-этнографическим отрядом Памирской экспедиции АН СССР (Работа этого отряда живо описана в документальной повести В.Л. Бианки: Бианки В. Про снежного человека. Документальная повесть // Приключения в горах. Книга 1. М., 1961, с. 224 – 293). Автор этих строк наблюдал на месте опросную методику А.З. Розенфельд. Правила сбора этнографических сведений не соблюдались: А.З. Розенфельд исходила из готового представления о мифологическом характере всех сообщений о «диком человеке», даже о месте распространения этих легенд, их сюжетной стандартной схеме и т.д. Поэтому рассказчикам настойчиво навязывалось то, чего они не думали сообщать, например, с них требовали признаться о наличии эпизода борьбы «гуль-биявана» с человеком всякий раз, как они сообщали что-либо о «гуль-бияване», напротив, в других случаях, несмотря

на настояния участников отряда, А.З. Розенфельд отказывалась записать сообщения местных жителей, противоречившие ее убеждениям, например, ее убеждению, что население в верховьях долины Язгулема не должно иметь верований в гуль-биявана и сведений о нем, — это убеждений оказалось опровергнутым как произведенными участниками отряда записями, так и поступившим позже сообщением местного административного работника А.И. Малюты (ИМ, IV, №131). Контрольные записи бесед, производившиеся участниками отряда, показали, что записи А.З. Розенфельд характеризуются неточностью, неполнотой, невниманием к ряду деталей.

Решительные возражения вызывают и методы обобщения А.З. Розенфельд собранного опросного материала. А.З. Розенфельд, вместо того, чтобы подвергнуть собранные данные количественной группировке, без всякого основания прибегает к таким оборотам как «в большинстве рассказов», «обычно рассказывают», «как правило» (стр. 56). Это требуется автору для доказательства несоответствующего истине тезиса, будто вполне реалистические описания внешности гуль-биявана «обычно» сопровождаются чисто сказочной «устойчивой сюжетной основой», а именно сюжетом борьбы «гуль-биявана» с каким-нибудь силачом — палваном, особенно если тот неосторожно похвалялся своей силой; при этом якобы «гуль-бияван» сначала на чистом киргизском или таджикском языке просит у палвана жевательного табаку, затем предлагает бороться. В действительности же из многих десятков произведенных записей А.З. Розенфельд удалось выбрать две такого рода сказки, незакономерно сопровождаемые словами «в большинстве рассказов», «обычно рассказывают»... Сюжет борьбы «гуль-биявана» с человеком встречается лишь в совершенно незначительном проценте произведенных на Памире записей. Столь же необоснованно категорическое деление на «два цикла» рассказов о «гуль-бияване», и «адам-джапайсы». Без всякого параллельного анализа и количественной группировки по тем или иным признакам, А.З. Розенфельд декларативно объявляет эти два цикла «самостоятельными» по отношению друг к другу. Это ничем не доказанное противопоставление тут же опровергается самим автором в стыдливом примечания: «Правда, иногда и «дикому человеку» (адам-джапайсы) на Восточном Памире приписываются некоторые черты, обычно относимые к гуль-биявану» (с. 59). Спрашивается, а какие же черты их различают? А.З. Розенфельд неизвестно из чего делает «вывод», будто различие между ними состоит в том, что «адам-джапайсы» народное сознание связывает с людьми, а «гуль-биявана» скорее относит к миру жи-

вотных или полулюдей (с. 59), хотя несколькими строками выше сама же писала, что киргизы сравнивают «адам-джапайсы» с дикими лошадями, дикими верблюдами и другими животными, т.е. рассматривают их именно как животных (там же).

Иными словами, метод А.З. Розенфельд состоит, с одной стороны, в произвольном сращивании реалистических данных о человекоподобном диком животном с изредка встречающимися сказочными фантастическими мотивами, с другой стороны, в столь же произвольном разрезании реалистических данных об этом существе на якобы обособленные в народном сознании «образы».

Все эти усилия, противоречащие требованиям строгой научности, порождены столкновением, с одной стороны, предвзятой уверенности в том, что «снежный человек» не может быть ничем кроме как мифом, с другой стороны, реалистичности описательного материала. А.З. Розенфельд неоднократно с известной тревогой говорит о «кажущемся правдоподобии» рассказов о «гуль-бияване», «он так реалистически описывается, что некоторые лица, побывавшие за последние годы на Памире и слышавшие подобные рассказы от местных жителей, склонны были принять «гуль-биявана» за реальное существо» (с. 56). «На первый взгляд при анализе представлений о гуль-бияване у киргизов Восточного Памира это существо может показаться не обладающим никакими фантастическими чертами» (с. 59). Вместо того, чтобы примириться с этим обстоятельством и помочь биологам в дальнейшем исследовании этого не обладающего фантастическими чертами существа, А.З. Розенфельд предприняла все мыслимые поиски, чтобы снабдить его фантастическими чертами. Допустим, что ее обильные глухие ссылки на литературу по арабистике и иранистике, по этнографии таджиков и киргизов действительно доказывают не только древность и распространенность названий «гуль», «гуль-бияван» и др., но и наличие некоторых традиционных легенд, сказок об этом существе. Это означало бы для науки не больше, чем доказательства в пользу древности и распространенности сказок про хитрости лисицы, про оторванный волчий хвост и т.п.

Видя, что собранная по крохам фантастика и в малой мере не перевешивает реалистического, т.е. биологически правдоподобного материала, А.З. Розенфельд просто последний опустила. Те ничтожные указания на него, которые приведены в статье, вмонтированы самым неприметным образом в изложение легенд. Так, к сказкам о «гуль-бияване», просящем у человека табаку и вызывающем на бой, добавлено: «Так же (?) распространены расска-

зы о следах, оставленных якобы гуль-бияваном на влажном песке, глине или на свежевыпавшем снеге», — и приведено одно соответствующее показание охотника, в котором нет ни малейших признаков фольклора (с. 57). Но в целом, будь то из-за предвзятости или из-за отсутствия подготовки и интересов в области биологии, А.З. Розенфельд не воспроизвела в своей статье ничего из наиболее существенных сведений, собранных участниками экспедиции на Памире летом 1958 г. (В «Информационных материалах» было опубликовано из их числа 34 наиболее ценных записи; см. ИМ, II, №42 и №45; III, №94 и №106).

Зато А.З. Розенфельд включила в статью обзор почти всех имеющихся в старой литературе по Памиру и пополненных новыми записями сведений о верованиях памирских киргизов и таджиков в разных духов и демонов. Этот обзор, занимающий вторую половину статьи, призван окончательно дискредитировать «гуль-биявана» и «адам-джапайсы», поставив их в один ряд с многочисленными представителями явной «нечистой силы». Здесь фигурируют алмасты, джез-тырмак, эсмеян, аджина, дев (дэв), вуйд (войд, вайд), паре (пери), фаришта и некоторые другие. Можно добавить, что А.З.Розенфельд все же упустила еще некоторые названия духов — жиндурв, бояо и др.

Имеет ли все это (кроме «гуль-биявана», «адам-джапайсы», а также «одами-оби» и «одами-ёбои») какое-нибудь отношение к проблеме «снежного человека»? Наука всегда прибегает к отсеиванию существенного от несущественного, чистого от примесей. На данном этапе изучения вопроса о реликтовом гоминоиде было бы, наверное, правильнее оставить в стороне весь этот пантеон духов и полуволшебных образов, с тем, чтобы лишь после завершения биологических исследований вернуться к сложному вопросу о возможных отражениях реликтового гоминоида в мифологии и фольклоре. Но раз уж все это привлечено, и как раз для того, чтобы затруднить биологические исследования, придется ответить автору несколько слов по существу.

А.З. Розенфельд полагает, что обзор верований в нечистую силу наносит смертельный удар гипотезе о реальном биологическом существовании «снежного человека», ибо то в том, то в другом образе проскальзывают подчас черты, сближающие их со «снежным человеком». Как будто бы наделение бога человеческой бородой или черта — лошадиными копытами наносит смертельный удар по реальности человека или лошади! Но, в самом деле интересно, что упомянутые наименования духов иногда выступают вдруг в совершенно реалистическом плане, в списке обитающих в данной местности диких животных, как не-

сомненные заменители или даже синонимы обозначения «снежного человека». В своем месте мы приводили сообщение геолога Б.М. Здорика, лично наткнувшегося в горах Санглах на экземпляр спящего реликтового гоминоида, что местное население обозначало такие существа термином «дэв»; даже раис, председатель сельсовета, перечисляя обитающих здесь животных, назвал «дэва» наряду с кабаном, медведем, красным волком, дикообразом, шакалом и гиеной (ИМ, IV, №130). Когда одного школьника в Вахио спросили, каких он знает животных, он ответил: «волка, медведя, лису, зайца, аджину» (Кисляков Н.А. Op. cit., с. 112). Но что это доказывает? Только то, что термины дэв, аджина и др. не имеют такого стабильного, жесткого образного содержания, какое приписывают им этнографы, следуя своим априорный представлениям о природе мифологии.

Показательно, что статья А.З. Розенфельд кончается полным отрицанием того, что составляет ее начало и методическую основу. А именно, исходным постулатом является представление, что раз налицо особый термин в области народных верований, значит ему соответствует и другой «демон», «персонаж», «образ». Коллекционирование демонологических терминов издавна побуждало этнографов жестко привязывать к каждому термину соответствующего «духа» или «демона», классифицировать эти образы и, увы, даже додумывать кое-что за недостатком в этнографических записях вполне четких разграничений или, в лучшем случае, игнорировать все то, что досадным образом смешивало и спутывало разных «духов» и «демонов». Таким же образом А.З. Розенфельд на протяжении всей статьи старается дать устойчивую, неизменную характеристику образа и сюжета, связанного с каждым из перечисленных бытующих в народных поверьях терминов. Все это делается крайне искусственно, вопреки сопротивляющемуся такому насилию этнографическому материалу. И вот, в конце статьи, А.З. Розенфельд принуждена расписаться в полном несоответствии своего метода тому, о чем свидетельствуют источники: «Как можно убедиться из приведенного материала, одни и те же духи или демоны (на самом деле одни и те же термины. — *Б.П.*) у соседних народов наряду с общими наделяются и чисто локальными чертами, некоторые из этих существ, хотя и носят одинаковые названия, в сознании верящих в них весьма отличаются одно от другого, другие же, называясь по-разному, оказываются сходными» (с. 66). Этот вывод, вполне соответствующий фактам, перечеркивает весь трактат самой А.З. Розенфельд. Он вполне может быть распространен и на неудачные вымыслы Н.А. Кислякова, будто, например, термин «алмас» («алмасты», «альбасты»

и т.п.) всегда и везде означает мифологический образ безобразной женщины, являющейся с целью умертвить новорожденного ребенка (Кисляков Н.А. Снежный человек? Нет, легенда! // Литература и жизнь 23 августа 1959 г.), тогда как в действительности в фольклоре народов, среди которых встречаются легенды и поверья об «алмасты», существо с таким названием выступает в очень разных сюжетах и образах, в том числе от совершенно сверхъестественных до вполне естественных, в последнем случае — как синоним «снежного человека». То же самое отмечено, например, и в отношении термина «джез-тырмак» (ИМ, iV, №135).

Из приведенных в предыдущих главах материалов мы уже знаем, что реликтовый гоминоид выступает под очень большим числом разных названий. Не только разные народы называют его по-разному, но сплошь и рядом у одного народа мы находим для него несколько имен. Составление списка всех его имен для биологического изучения этого вида не представляет никакого интереса. По справедливым словам А. Сэндерсона, имеются сотни имен для существ, условно обозначаемых им ABSM, не считая сотен имен, уже вышедших из употребления, — но все это ничего не говорит о количестве существующих типов или разновидностей (Sanderson I. Op. cit., p. 355). Если так, то представляется несколько непоследовательным включение в книгу А. Сэндерсона особого приложения, посвященного филологическому или лингвистическому анализу наименований этого существа (Ibidem, Appendix C). Основную часть этого приложения составляет своеобразный этимологический словарь наиболее известных локальных названий «снежного человека», составленный молодым филологом раввином Йонах ибн Аароном. Этот филологический опыт никак не служит к украшению книги А. Сэндерсона: указанный словарик содержит большое количество, во всяком случае более половины ошибочных переводов и толкований названий, включенных в список.

Более того, попытки подходить к проблеме «снежного человека» с лингвистических позиций, т.е. исходя из анализа его названий, всякий раз приводят только к путанице. Проблема «снежного человека» — не лингвистическая проблема. Мало ли как называют это животное необразованные люди! Они сами обращаются к ученым за разъяснением — что это такое, а ученые, как видим, в иных случаях глубокомысленно пытаются выводить его сущность из наименований, которое ему дают жители.

В общем можно сказать, что мы очень редко встречаем собственное название этого человекоподобного дикого животного. В подавляющем большинстве случаев его наименования образованы либо с помощью описаний, т.е. его логических определений

терминами того или иного языка (в переводе: «дикий человек», «лесной человек», «горный человек», «человек-зверь» или «человек-животное», причем вместо обобщающего слова «зверь», «животное» нередко ставится его конкретный образный заменитель «медведь», «дикий козел», «гиена», откуда «человек-медведь», «человек-киик» и пр., всегда в том же смысле — человекоподобное существо, но не человек, а дикое животное), либо же — путем утилизации наличных терминов, обозначающих духов (из-за схожего смыслового оттенка: и человек, и в то же время не человек).

Остановимся сначала на первой группе названий. Они ввели в соблазн некоторое число исследователей. Особенно повезло лингвистическим упражнениям о терминах, означающих «человек-медведь», ибо эти изыскания как будто подтверждали распространенные еще недавно некомпетентные экспертизы о том, что следы, приписываемые «снежному человеку», принадлежат медведю. Самое известное произведение этого рода — статья индийского ученого Свами Пранавананда. Он показал, что te (вернее, tre) — значит бурый медведь, откуда «миге» («человек-медведь») или «ми-тех», ошибочно принятое за «метох» («отвратительный»). Термин «ми-гё», по его разъяснению, значит не «дикий человек», а «животное, которое ходит подобно человеку», т.е. вероятно означает тоже медведя. Что же касается термина «йе-те» («йе-ти»), то он якобы восходит к наименованию древнего мифологического существа, которому приписывалась страшная прожорливость (Pranavananda Swani. The Abominable Snowman // Journal of Bombay natural History Society. Bombay, 1955, v. 54, p. 358 – 364). Статья Свами Пранавананда приветствовалась на Западе всеми противниками «снежного человека», как его полное разоблачение. Американский антрополог В. Страусс с полным удовлетворением воспроизвел в журнале «Сайенс» аргументы индийского ученого. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что выводы Пранавананда в биологическом плане ничего не доказывают: согласно зоогеографическим данным, бурый медведь не водится на части территории, с которой исходят сведения о «снежном человеке», ни один медведь не может столь долго ходить «подобно человеку», чтобы утратить из-за такой способности даже собственное имя. Б. Эвельманс прекрасно показал нелепость зоологических представлений Пранавананда. За последним остается лишь лингвистический результат: к интересующему зоологическую науку высшему примату население в Гималях нередко применяет название «человек-медведь».

Но этот же результат подтверждается неизмеримо более богатыми данными относящимися также к территории Китайской

Народной Республики и к другим географическим областям. Вслед за Пранавананда англичанин Боуден недавно попытался возродить ту же «медвежью» концепцию на новой лингвистической основе в журнале «Мэн». Внося ряд исправлений в действительно полную ошибок транскрипцию профессором Е. Влчеком текстов при старинных тибетско-монгольских изображениях «дикого человека», Боуден счел самым важным наличие здесь китайского иероглифа, означающего «бурый медведь» (Bawden C.R. The snowman // Man. London, 1959, Dec., №218, p. 217 – 218). Он не заметил только, что китайский термин (и тут же переведенный с него маньчжурский) в данном случае ничего не доказывает, так как является всего лишь позднейшей попыткой перевода или интерпретации более древних названий: тибетского «ми-гё» и монгольского «хун-гурэсу». Ту же ошибку повторила и Мэрджори Торби в одном из следующих номеров указанного журнала («Man». London, 1960, Febr., №33). Так или иначе, мы получаем только новые и новые подтверждения того, что и в Восточном Китае, и в Тибете, и в Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР весьма распространены названия «человек-медведь» («ми-бань», «жень-сюн» и др.) и иные терминологические сближения о медведем для обозначения реликтового гоминоида.

Это, конечно, представляет филологический и историко-культурный интерес. От синолога проф. И.М. Ошанина нами получены сведения, что на некоторых древних китайских эстампажах на сюжет «охота на медведя» объект охоты изображен похожим вовсе не на медведя, а на прямостоящее существо, может быть — на человекообразную обезьяну. Здесь слово явно расходится с образом. Но слова имеют и огромную власть над воображением и мыслью. Молва, осмысливая старинный термин, могла начать и на самом деле приписывать все реже наблюдаемому на практике реликтовому гоминоиду черты какого-то промежуточного существа между человеком и медведем. Такие представления распространены и сейчас кое-где в Китае. Отсюда же, в других случаях, распространение, например, легенд о медведях-оборотнях, способных превращаться в человека и обратно. Там, где реликтовый гоминоид вовсе вымер, население могло перенести на медведя древние сведения о «человеке-медведе» и поэтому окружить медведей непонятными нам сейчас обычаями («медвежий праздник» и т.п.), свидетельствующими о наделении их некоторыми человеческими свойствами, значительно превосходящими то, что можно в этом отношении наблюдать обычно при пережитках тотемизма.

Другое распространенное у ряда народов образное выражение «человек — дикий козел» («ксы-гыик», «кши-киик» и др.),

служащее для обозначения реликтового гоминоида, тоже, очевидно, может служить примером воздействия слов на воображение и мысль. Смертельно испуганные встречей с «кши-киик» в Тянь-Шане проводники-киргизы тут же стали уверять геолога М.А. Стронина, что у этого человекоподобного существа ноги дикого козла. По мере исчезновения реликтовых гоминоидов, там и тут на базе этого термина, понимаемого уже буквально, могли возникнуть вымышленные образы полулюдей-полукозлов (козлоногих) или же горный козел — киик оказывался окруженным сложной обрядностью, подчеркивающей наличие в нем человеческих свойств.

Еще сложнее развивается дело, когда в качестве имени для реликтового гоминоида используются названия не посторонних ему зверей, а столь же посторонних ему духов.

Первобытная фантазия заселила природу божественными и демоническими существами. Однако они были бы лишенными конкретных признаков, бесплотными, неразличимыми между собой и не укладывающимися ни в какое воображение, т.е. оставались бы одними словами, названиями, если бы им не приписывались черты, заимствованные из реальности: черты людей, зверей, сил природы. Представления о сверхъестественных существах и явлениях имеют свои социально-идеологические корни, однако многие приписываемые им конкретные свойства имеют корни в реальном мире. Подчас в этих представлениях доминирующая роль принадлежит слову, имени, абстрактному названию, иногда же они приобретают и в высшей степени образный характер. Одновременно происходил также встречный идеологический процесс: сверхъестественные свойства приписывались людям, подчас и зверям, и неживой природе.

В первом случае, когда сверхъестественным существам приписываются естественные свойства, последние часто заимствуются одновременно от разных животных и от людей, причудливо перемешиваются, что создает такое явно невозможное сочетание признаков, которое совершенно исключало бы смешение этого существа с человеком или о каким-либо реальным видом. Есть ли хоть малейшее основание полагать, что образ «снежного человека», каким он предстает перед собирателем сведений, является продуктом такого искусственного сочетания признаков? Неужели сочетание человеческого облика с волосатостью тела или с отсутствием речи является столь уж невероятным отличием от настоящего человека? Нет, конечно, эти признаки можно встретить и у людей. Сколько бы мы ни перебирали свойств, обычно приписываемых рассказчиками «снежному человеку»,

все эти свойства, как выше показано, укладываются в весьма прозаическую картину.

Кстати, здесь стоит попутно отметить, что подчас те или иные детали в рассказах о существах, подобных «снежному человеку», которые кажутся чисто легендарными, сказочными, иногда вдруг с помощью тех или иных сопоставлений разъясняются, как вполне вероятные отголоски реальности. Например, вспомним, что по поверьям народностей юго-восточного Китая, а также Индокитая, люди, рискующие встретиться в горах с этим человекоподобным существом, должны надевать на руку бамбуковый манжет или наручник, чтобы подставить его животному, выдернуть руку и успеть бежать. Казалось бы, тут нет ничего кроме неправдоподобного вымысла. Но вот недавно довелось мне прочитать описание приема охоты на медведей бывалого охотника Мезинцева в Хабаровском крае: поскольку медведи убегали при виде охотников с ружьем, Мезинцев выходил без ружья, с одним кинжалом, и медведь смело шел на него, поднимаясь на задние лапы; Мезинцев подставлял ему одну из рук, на которых были надеты металлические нарукавники, в тот момент, когда медведь вцеплялся зубами в такой нарукавник, охотник другой рукой закалывал его кинжалом. (Письмо А. Прошина от 17 августа 1960 г. к М.Н. Соколовой.) Еще один пример, казалось бы, чисто сказочной выдумки. В некоторых таджикских (т.е. по происхождению иранских) сказках встречается сюжет, напоминающий, состязание пушкинского Балды с бесом: герой сказки соревнуется с «дивом» (причем «див» тут, как правило, «рыжий») в том, у кого более крупные вши, — «див» показывает очень крупную вошь, а герой обманывает его и посрамляет, выдав за свою вошь лягушку или черепаху (Остроумов Н.П. Сказки сартов. Ташкент, 1906, с. 107–108; Таджикские сказки. Под ред. Б.Г. Гафурова и А.М. Мирзоева. М., 1961, с. 204 – 205, 281). Но невольно приходит на память наблюдение полковником медицинской службы В.С. Карапетяном педикулеза (завшивленности) обследованного им рыжего «дикого человека»: отмечается не только обилие вшей, в частности, на лице, но и принадлежность их к не встречающемуся на людях необыкновенно крупному виду. Так сказки хранят в себе черточки были.

Впрочем, наши критики могут указать на одно исключение. У разных народов, в разных частях указанного азиатского ареала «снежного человека» нет-нет да и проскользнет обескураживающее биолога утверждение жителей: будто у «снежного человека» (под каким бы именем он не фигурировал) ступни ног расположены навыворот, т.е. пятками вперед. Правда, этой мелочи было бы как-то недостаточно для порядочного сверхъестественно-

го существа. И все-таки она настораживает. Может быть, народная фантазия ищет дополнительной уверенности в абсолютно отличной от нашей природе «снежного человека»? Однако никто из лиц, свидетельствующих о своем наблюдении «снежного человека», никогда не указывал на то, что сам видел у него вывернутые ступни. Таких показаний нет. И это обстоятельство как раз снимает нашу настороженность. Ведь, скажем, рыбий хвост у русалки или рога у черта «видели» многие. Возникает наиболее вероятное предположение, что мысль о «вывернутых ступнях» родилась из реальных наблюдений, но не самого «снежного человека», а каких-то загадок его следов. Может быть, он умеет хитрее других животных запутывать свой след, пятиться?

Словом, и эта черточка, хотя и не ясная, все-таки не дает основания передать вопрос о «снежном человеке» в руки специалистов по мифологии. Зато они со своей стороны могли бы многое получать от биологов. Совершенно бесспорно, что реликтовый гоминоид дал богатейший материал для многих и многих мифологических образов — едва ли не для большей части «нечистой силы». Ведь все духи мыслятся как антропоморфные существа, но если для богов внешние признаки можно широко брать у людей, то для «нечистой силы» гораздо больше можно позаимствовать из облика и повадок человекоподобного дикого животного. Можно предвидеть интереснейшие открытия и сопоставления в изучении тех фантастических и полуфантастических образов, которыми предания многих народов заселяют окружающую природу, — но все это после того, как биологической наукой будет завершен главный этап исследований реликтового гоминоида без всякой примеси мифологии. А. Сэндерсон высказывает вполне правдоподобную мысль, что эта реальность стоит и со временем будет вскрыта даже и за хорошо нам знакомыми образами европейского фольклора — феями, троллями, титанами, вампирами, гномами, бесами, приведениями, домовыми, карликами, сатирами, фавнами, людоедами, которые так ясно противопоставляются народной молвой духам, призракам, видениям, лемурам (Sanderson I. Op. cit., p. 385).

Пока можно лишь совершенно бегло предупредить исследователей, которые все же захотели бы заниматься этой фольклорной стороной вопроса, что им встретятся самые разные степени взаимного проникновения двух противоположных источников тех или иных образов: неясных, отвлеченных идей о сверхъестественных существах и жизненной реальности. То перевешивает первое, и реликтовый гоминоид поставляет лишь какие-то отдельные черточки для того или иного фантастического образа, то

перевешивает второе, и имена фантастических существ подчас становятся просто названиями, привлекаемыми для обозначения этого животного за отсутствием лучших. Мы уже упоминали, что, например, о «джез-тырмаках», с одной стороны, рассказывают самые невероятные сказки и как будто связывают с очень определенным демонологический образом кровожадной женщины с золотыми или медными ногтями, а, с другой стороны, можно услышать совершенно трезвое сообщение: «охотники убили трех джез-тырмаков — мужчину, женщину и девочку; руки у них такие же, как у людей, по мокрым следам на камнях охотник установил, что существа эти не боятся переходить сильную воду». В свое время мы уже приводили из этнографической литературы и новых опросных данных другие примеры таких крайностей, которые способны поставить в тупик фольклориста, привязывающего к термину «джез-тырмак» строго определенного «демона». Точно так же слово «алмас» («алмасты»), которому по фольклористическому канону полагалось бы обозначать только определенный род ведьмы, в опубликованных нами записях десятки и сотни раз употребляется просто для обозначения дикого волосатого человекоподобного животного. Совершенно то же наблюдается с термином «аджина» и рядом других. Во многих случаях налицо не приведенные примеры крайностей, а смесь того и другого, целая гамма встречающихся за одним и тем же термином образов — от полной мистики до полной реальности.

Резюмируя еще раз некоторые уроки того неудавшегося фольклористического исследования, с которого мы начали, подчеркнем, что, вопреки уверенности фольклористов, за каждым «демонологическим» термином вовсе нет строго закрепленного содержания. Подчас два или несколько терминов вполне могут заменять друг друга. Подчас содержание одного и того же термина очень изменчиво и диффузно. Конечно, делаются и попытки навести в этом «порядок» — со стороны стариков, мулл в той или иной местности, уверенно классифицирующих образы, связанные с разными терминами, но на практике все это оказывается крайне нестойкий: мы видим не только локальные вариации, но я индивидуальные, у разных людей в разных аулах, а иногда и у одного человека в процессе рассказа обнаруживается заменимость одного термина — другим. Следовательно, в исследовании интересующего вас вопроса никак нельзя было бы идти от терминов. Если же идти от описанного выше реального образа реликтового гоминоида, то мы легко увидим какую разнообразную пищу дал он для наполнения разных традиционных образов и терминов конкретными чертами. Так, А.З. Розенфельд со-

общает, что для «аджины» в ванчских говорах имеется несколько слов-заменителей, среди них — «лувкунак» (т.е. зовущая, эхо), «сангдозак» (т.е. швыряющая камнями) (Розевфельд А.З. Op. cit., с. 65). В этих случаях от «аджины» не осталось ничего, даже имени, а остались лишь описанные нами в 12 главе отдельные черточки «снежного человека».

Иначе говоря, в проблему, поднятую А.З. Розенфельд, включены три разных элемента: а) термины, зафиксированные в разных народных поверьях, преданиях и сообщениях, б) образы, стоящие за этими терминами, в) биологическая реальность, проступающая за этими образами. Термины оказались крайне множественными даже только на Памире, в целом же их такое обилие, такое половодье, что тем самым с точки зрения мифологии и лингвистики становится невероятной прямая принадлежность всех их к какому-то единому хотя бы общеазиатскому циклу верований. Но может быть их связывает воедино общность стоящего за всеми ними образа? А.З. Розенфельд, как мы видели, исходила из обратного представления — прикрепления к каждому термину особого образа, однако в процессе исследования образы оказывались переливчатыми, они стали то расщепляться, то сплетаться друг с другом, и в конце концов пришлось отказаться от поисков четкой классификации легендарных образов по их названиям. Если за всеми этими неуловимыми образами и вырисовываются какие-то более определенные и действительно объединяющие черты, то последние совпадают с тем, что биологи говорят о реликтовом гоминоиде. Этот зоологический контур в самом деле проступает если не за всеми, то за очень многими легендарными образами.

Следовательно, сторонникам мифологической версии в вопросе о природе «снежного человека» пришлось бы перевернуть вверх ногами всю свою аргументацию: утверждать, что сначала среди множества народов горной Азии распространился совершенно одинаковый и при этом ничуть не фантастический, мало того, разработанный в мельчайших реалистических деталях миф о высшем человекоподобном примате, а затем уже этот образ расщепился, переплелся с фантастикой, получил множество местных названий. Но с равным успехом можно было бы утверждать, что в основе всех образов античных богов лежит «миф» о существовании людей, обладающих речью и безволосым телом.

Наконец, сторонники мифологической версии в вопросе о «снежном человеке», все те, кто с легкостью объявляют его «мифом», очевидно, не отдают себе отчета в том, к каким методологическим выводам в области собственно фольклористики и ми-

фологии влечет их это утверждение. Если они говорят серьезно, они должны прямо признаться, что примыкают к теории «культурных кругов» так называемой культурно-исторической школы в этнографии и относят данный миф к одному из древнейших «культурных кругов», охватывающему большую часть народов мира. Перед нами оказывается один из пра-мифов. Версией о мифологической природе «снежного человека» советские этнографы с заднего крыльца вводят изгнанную ими самими «яфетическую теорию». В качестве иллюстрации приведу рассуждение покойного кавказского этнографа Г.Ф. Чурсина, обнаружившего рассказы о диких волосатых лишенных речи человекоподобных существах не только у абхазцев, которыми он занимался, но у большинства кавказских народов. «Таким образом, пишет Г.Ф. Чурсин, представление абхазцев о лесном человеке является в существенных чертах общим для значительной группы кавказских народов. По-видимому, это представление составляет наследие того отдаленного периода, когда предки современных кавказских народов жили обще-яфетическими воззрениями на окружающий мир. Аналогичными оказываются и существующие у кавказских народов рассказы об уничтожении лесного человека» (Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 234). Чуть дальше Г.Ф. Чурсин упоминает о том, что совершенно аналогичные представления обнаружены и у среднеазиатских народов, но стыдливо умалчивает о том, что отсюда с той же необходимостью вытекает вывод о наследии обще-яфетических воззрений жителей Кавказа и Средней Азии.

Не пора ли некоторым авторам, любящим заявлять, что «снежный человек» это миф, сказать прямо: идут ли они вместе о Г.Ф. Чурсиным к концепции яфетической стадии однородного повсюду мифотворчества или к теории «культурных кругов»?

Таким образом, мифологическая версия при близком рассмотрении оказывается недоказуемой, противоречивой и противоречащей современным научным методам фольклористики и мифологии. Доказуемым, непротиворечивым остается лишь представление о «снежном человеке» как о реально существующем (или существовавшим в недавнем прошлом) виде диких животных. Исследование мифов, легенд и фольклора об этих существах, пишет А. Сэндерсон, довольно скучное дело. Но, с другой стороны, оно очень важно, ибо эти мифы, легенды и фольклор «означают, что почти везде, кроме, насколько нам известно, Австралии, Океании и Антарктики, суб-люди, если не суб-гоминиды, населяли всю землю до появления первых Homo sapiens, которые начали вытеснять их, или во всяком случае захватывать их территорию» (Sanderson I. Op. cit., p. 384).

Отношение этого биологического вопроса к вопросу о народных поверьях (фольклору) можно свести к трем пунктам. Во-первых, реликтовый гоминоид наложил большой отпечаток на народные верования в разнообразную «нечистую силу». Во-вторых, сообщения и рассказы населения о «снежном человеке» многими людьми, в том числе и некоторыми образованными деятелями из того же местного населения, принимаются за народные поверья (фольклор), из-за неосведомленности в биологической стороне вопроса. В-третьих, народные поверья, в свою очередь, наложили большой отпечаток на отношение населения к этому животному — превратили его в своеобразные «тотем» и «табу». Действительно, есть немало свидетельств чисто тотемистического отношения к реликтовому гоминоиду: тут и там некоторые именитые фамилии или лица хвалятся происхождением от «снежного человека», как своего «предка», или им приписывается таковое происхождение. Соответственно животное-тотем окружено тайной. С ним связаны приметы: увидеть его — значит неминуемо заболеть или навлечь на себя и ближних иные несчастья. Сообщениям о нем нередко сопутствуют полусказочные преувеличения, например, преувеличение его силы, роста, или даже вовсе легендарные добавления.

Весь этот пласт «первобытных бессмыслиц» в известной мере наблюдается и в отношении ряда других диких животных. Но в отношении реликтового гоминоида он выражен неизмеримо сильнее. Как уже подчеркивалось выше, «табу» и всяческие суеверия, касающиеся реликтового гоминоида, поддержаны и закреплены восточными религиями: мусульманством и буддизмом. Поэтому именно на них лежит главная вина за то, что он оставался так долго недоступным научному исследованию. Впрочем, справедливость требует сказать, что, с другой стороны, если реликтовые гоминоиды и уцелели кое-где до наших дней, то только благодаря опять-таки антропическому фактору: благодаря своеобразному «табу», которым суеверные люди, не помышлявшие, конечно, о пользе науки, окружили остатки этого вымирающего вида и предотвратили его прямое истребление.

Все эти связи вопроса о реликтовом гоминоиде с вопросами, касающимися мифов, легенд, фольклора, верований, примет, надо знать и изучать во имя интересов дальнейших практических полевых исследований. Исследователям реликтового гоминоида предстоит иметь дело не только с природной средой, но и с людской. Отношение местных жителей может оказаться и величайшей помехой, и величайшей помощью в поисковой работе зоолога. Чтобы преодолевать помехи, необходимо хорошо знать

предрассудки и суеверия. Чтобы получить помощь, необходимо уметь правильно пользоваться устными источниками сведений о реликтовом гоминоиде, в том числе по возможности различать их на а) информацию, б) предания и в) поверья.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛ. 14

Из сказанного выше должно быть ясно, что научно-биологическое исследование вопроса о реликтовых гоминоидах отнюдь не останется безразличным для науки о фольклоре и мифах. Трудно даже представить, в какой огромной мере происхождение образов народной мифологии и религии станет понятнее. Мы не беремся в этой книге исследовать под соответствующим углом зрения генезис мифологических образов у разных народов, в разных культурах. Такое исследование может составить целую особую книгу. Она будет весьма полезна для научного атеизма, для исследования некоторых корней веры в богов и нечистую силу. Но мы позволим себе приложить здесь фрагмент, который хотя бы в самом предварительном виде покажет огромные перспективы этих исследований, которые когда-нибудь будут произведены.

Этот фрагмент относится к развитию античной мифологии. Он представляет собою извлечение из опубликованной рецензии автора этих строк (Поршнев Б.Ф. Книга о морали и религии угнетенных классов Римской империи [Е.М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. (Италия и Западные провинции). М., 1961] // Вестник древней истории. М., 1963, №1 (63), с. 87 – 95). Из нижеследующего текста читатель увидит, что данные современной науки дают полную возможность видеть в исходных образах греко-римских пробожеств прямое отражение исследуемых нами реликтовых гоминоидов. Легко допустить, что последние проникали из Восточного Средиземноморья на Балканский полуостров (когда не было еще Босфорского пролива, то есть не менее, чем за 6 – 7 тысяч лет до нашего времени) и расселились затем в Придунайских областях и на Балканском полуострове, а также на Аппенинском полуострове и в большей части Европы. Позже, в условиях быстрого заселения этих территорий людьми, реликтовые гоминоиды принуждены были перейти к своего рода син-антропизму (подобному тому, какой мы наблюдаем сейчас на Кавказе, в частности в Кабарде), а затем и вовсе вымерли, оставив после себя лишь названия, своеобразно перетолкованные античной религиозной мыслью.

Пусть предлагаемый отрывок из рецензии носит очень беглый характер. Он все же может послужить некоторой основой для периодизации религиозно-мифологических представлений у других народов и для последующих значительно более детальных исследований.

Главное достижение рецензируемого исследования лежит, как мне кажется, не совсем там, где его ожидала найти Е.М. Штаерман. Если поиски в сфере социальной психологии, в том числе исторической этики, при отдельных важных наблюдениях, в целом скорее окончились неудачей, то в изучение истории религии Е.М. Штаерман сделала крупный вклад. Правда, это несколько парадоксально, ибо автор как раз критикует своего предшественника Ф. Бёмера за односторонний интерес к религиозным верованиям римских рабов, без достаточного внимания к их морали и другим сторонам их общественного сознания (с. 5 – 6). Но этот более широкий подход помог Е.М. Штаерман увидеть в верованиях низших классов Римской империи нечто большее, чем смог видеть Ф. Бёмер, нечто имеющее принципиальное значение для разработки нашей наукой общей теории происхождения и развития религии.

Однако в данной сфере Е.М. Штаерман оказывается далеко за историческими рамками эпохи империи. Обратившись к надгробным надписям и с их помощью выясняя культы и верования, автор устанавливает цепкость древних общинных и локальных религиозных традиций. Последние ведут в очень далекое прошлое. Верно, что во времена империи живучесть пережитков общинных отношений и соответствующих культов помогала бедноте находить в них опору для выражения протеста и оппозиции. Но эти культы и верования не при империи сложились. Необходимость их классификации и объяснения привела к существенно новой схеме развития религиозных верований от довольно древних ступеней первобытнообщинного стоя до поздней античности.

Как известно, в XIX в. общие вопросы происхождения религии были шаг за шагом отняты у мифологической школы этнографами. Ученые все меньше занимались историей тех или иных богов, все более — идейными и психологическими процессами в сознании первобытных народов.

Сторонники теорий анимизма и преанимизма, первобытного фетишизма и первобытной магии, дологического и коллективного мышления до крайности широко раздвинули понятие религии, занеся в него подавляющую часть фантазии рода людского. Некоторые советские этнографы считают такое расширительное

понимание религии полезным. Не вступая здесь в дискуссию с ними, отмечу лишь, что от всего этого весьма пострадала наука о генезисе религии в узком смысле слова, в смысле верований в антропоморфные существа, противопоставляемые людям, сближаемые с людьми. Но пока в теориях происхождения религии безудержно распространялись этнологическо-психологические обобщения, историки исподволь продолжали накапливать крупицы знаний по «истории богов». И наступил момент, когда чашка весов в теориях происхождения религии может быть снова клонится на сторону мифологии, хотя глубоко отличной от прежней классической мифологии.

Труд Е.М. Штаерман, опирающийся на эти знания, накопленные ее предшественниками, и на вдумчивый анализ надгробных надписей множества «маленьких людей» Италии и провинций, намечает интереснейшие контуры новой концепции развития веры в богов. Она еще далека от завершения, и автор проявляет законную осторожность, подчас избегая обобщений даже там, где они, казалось бы, созрели. Но рецензент может позволить себе упростить огромное богатство рассеянных в книге частных выводов и наблюдений. Ниже я попытаюсь набросать, как вырисовываются, на мой взгляд, главные ступени развития верований классической древности по данным, собранным и проанализированным Е.М. Штаерман.

Древнейшая ступень, которую вскрывает современный научный анализ, это представления общинников Балканского и Аппенинского полуостровов (как и некоторых других территорий Западной Европы) об обитании в районах их жительства отличаемых от людей антропоморфных существ. У последних много локальных названий; из части этих названий позже развиваются имена богов официального пантеона. Но на данной первой ступени можно говорить лишь о названиях, а не об именах собственных, по той причине, что эти существа мыслятся не в единственном, а во множественном числе: их толпы иди сонмы (реликтовую параллель в славянской мифологии представляют русалки, отчасти — «бесы»).

Важным тезисом книги Е.М. Штаерман (вслед за Л.Я. Штернбергом и др.) является как раз то, что первобытные люди представляли себе ботов (или духов) в качестве коллектива, из которого лишь постепенно выделяется один бог (или дух). Следы культа группы божеств и выделения из них индивидуального бога, говорит Е.М. Штаерман, сохранились и в античных религиях. Такими группами были тельхины, дактили, кабиры, корибанты, парки и фаты, нимфы (из среды которых выделилась Артемида), паны

(давшие затем культ одного Пана); боги мейлихии- слились в образе Зевса Мейлихия, боги мельниц мюлантии — а образе Аполлона Мюлантия, боги малеаты («яблочные») — в образе Аполлона Малеата; множественным был первоначально и Гермес, по-видимому, и Марс, как и троичные греческие божества мойры, эриннии, горы, хариты означали, по Дж. Томсону, первоначальную безличную множественность. Группами (сонмами) божеств всегда оставались лары, пенаты, маны (с. 21 – 22). Из сонмов силенов и сатиров выделился Дионис (как и Вакх). Групповыми или множественными божествами были фавны, фонты, сильвестры и сильваны (название, по некоторым недоказанным предположениям, может быть связано с этрусским богом Selvanus), «матери», «кормилицы» и «матроны», сулевии, бивии, тривии, квадривии, юноны, даже гераклы и т.д. Е.М. Штаерман приводит аналогию из верований древних литовцев (бездуки и медеины — лесные духи, дейванты и лаумы — нимфы и пр.). Словом, обобщение доказано широчайшим материалом. Пережитки этих представлений о божествах как сонмах в эпоху империи встречались неравномерно: «в императорском Риме их меньше, чем в Греции, а в Греции следов их почитания больше в менее развитых областях»; Е.М. Штаерман предполагает, что выделение отдельных божеств из групп происходило там, где исчезал первобытнообщинный строй, и, напротив, живучесть последнего в других местах может быть объясняет и «живучесть» там групповых божеств (с. 23). Это, разумеется, только гипотеза.

Однако «стадность» — далеко не единственная поддающаяся реконструкции удивительная черта этих пра-божеств. Вопреки канонам фольклористики и прежней мифологии, за множеством их названий вовсе не обнаруживается соответствующего множества образов. Наоборот, на древнейшей ступени за всеми именами оказывается примерно одинаковый, один и тот же образ. И что особенно расходится с концепциями этнологов, что особенно примечательно: на начальной ступени вовсе не вскрывается стремление людей приписывать этим существам какие-либо сверхъестественные черты и свойства. Напротив, они рисуются натуралистично. Их считают видимыми. (Более того, считали, что их возможно поймать. Так, возвращавшемуся после войны с Митридатом Сулле в 84 г. был доставлен «сатир», пойманный близ Диррахия. При этом римляне превосходно умели различать всевозможных африканских обезьян!). Их приурочение к тем или иным местностям или ландшафтам не дает ни малейшего основания толковать их как «олицетворения» почитавшихся отдельных явлений окружающей природы. Речь идет всего лишь об их

местопребывании, местожительстве: такие же самые лары, нимфы, паны и другие пред-божества держатся в одном случае у ручья, в другом — в скалах, в третьем — в роще и т.д. Интересно приведенное в книге мнение французского исследователя галло-римских богов Ф. Бенуа: эпитеты, сопутствующие их именам, он делит на натуралистические (связанные с горами, реками и т.п.), топонимические (происходящие от наименования племен и поселений) и эпитеты, указывающие на определенные свойства богов — их покровительство тем или иным занятиям и пр., причем первые, по Бенуа, характерны для религиозных представлений народа, последние — для знати (с. 188–189). По Е.М. Штаерман, эти различия отражают также и ступени эволюции богов. На первой ступени они просто живут в дикой природе: в лесах, рощах, среди деревьев, у источников, ручьев, рек; на горах, возвышенностях, скалах, среди камней (причем они приурочиваются к высоким горам много раньше, чем религиозная мысль отождествит эту горную заоблачность с «небесами»; см. напр. с. 123, 125); на лугах и прогалинах; в гротах, пещерах и подземных обиталищах (откуда позже развивается представление о подземном мире, хтонических божествах).

Соответственно эти пра-божества, по-видимому, еще не связываются с культурными растениями. Они помещены в мир диких животных и растений, отдельные упоминания яблок или меда относятся, вероятно, к диким видам, и разве что допускается представление об их причастности к пасущимся стадам и лошадям. Так, панам — богам дикой природы, гор, пещера лесов, ручьев, пастбищ — поля и деревни были чужды; пан охотился и ловил рыбу; он кочевая вслед за пастухами, но сначала отнюдь не был покровителем их труда. Более того, все существа эти трактуются как враждебные труду и культуре человека, как вредоносные противники культурной жизни. Фавнам и сильванам, как и панам, в отношении людей приписывались лишь отрицательные действия: роль инкубов (совратителей женщин), роль похитителей детей (с. 161, 113, 117, 143 и др.); сильваны считались особенно опасными для матери и ребенка в первую неделю после родов (добавим: наподобие «албасты» или «алместы» у ряда восточных народов). В свою очередь, эти мелкие боги, «чернь земных богов», по утверждению, например, Марциана Капеллы, боятся людей; описывается, как, неожиданно услышав незнакомый звук трубы, они приходят в смятение и волнение (с. 143); даже вид орудий и оружия устрашает их.

К «натуралистическим», следовательно, древнейшим эпитетам божеств можно отнести также наименование «ночная» (с. 168), как и высмеянные римскими поэтами черты Приапа (с. 110), по-

хотливость всех этих нимф и сатиров. Наконец, весьма важно, что они представлялись как смертные, хотя и долговечные (с. 143).

Внешний облик пра-божеств антропоморфен и не отличает их от людей чем-либо неестественным. В каком-то смысле они все же «полу-люди», — однако образная транскрипция этого логического понятия в виде сочетания половины тела человека с половиной тела животного и т.п. появится лишь на более поздней ступени. В каком же смысле они «полу-люди» на начальной стадии? Им не приписывалось обладание человеческой речью; в лучшем случае их голоса служили «оракулами» (с. 143), т.е. были невразумительными, пригодными для гадания. Припомним снова в этой связи русалок из славянской мифологии: в наиболее древних образах русалки отнюдь не наделены рыбьими хвостами, они вполне антропоморфны (нередко безобразны), однако не имеют человеческой речи; они «хохочут»; как разъяснил еще А. Афанасьев, приписываемое им свойство убийственно «щекотать» первоначально означало издавать сильные, резкие звуки, подобные свисту (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868, т. II, с. 339), что приводит на память и другой русский мифологический образ: издававшего «звериные» звуки и убийственный свист получеловека Соловья-разбойника.

Приблизительно так можно реконструировать древнейший пласт в истории богов: «натуралистическую» ступень. Здесь не видно ни культа «рождающегося и умирающего бога», ни обожествления сил природы. Перед нами всего лишь своего рода анти-люди. Как же они дальше превращались в лучше знакомых нам классических богов? Как присоединилось к этим исходным образам представление об их неземной и сверхъестественной природе?

Е.М. Штаерман проделала огромную, кропотливую работу, в известной мере выясняющую этот процесс. Приведенный в книге материал позволяет, я полагаю, наметить такие дальнейшие ступени.

Вторая ступень характеризуется превращением пра-божеств из вполне чуждых людям существ в существа еще столь же, как и прежде, антропоморфные, столь же натуралистичные, но, так сказать, полуодомашненные или полуприрученные человеком. Лесной дух переселяется в дом крестьянина или на возделанную усадьбу. При этом они теряют характер сонмов: с домом, хозяйством, угодьями связано обычно единичное, персонифицированное пребожество, оно как бы охраняет данное имение, поселение, жилище от других себе подобных, которые остались враждебной природной силой. (Еще одна славянская параллель:

на Украине было поверье, что в каждом селе есть свой упырь — как бы страж, охраняющий жителей от своих сотоварищей, которые иногда ночью целой толпой нападают на село (Сумцов Н.Ф. Культурные переживания, 1889–1890. с. 271 – 274; Гринченко Б.Д. Из уст народа, 1901, с. 130–134). «Упыри», «Берегини» (предшественники русалок), согласно Начальной летописи получали «требы» от славян-язычников еще раньше, чем Перун), а вместе с тем и от людей, от злых соседей, нарушителей межей. Однако одноименных божков множество, так как чуть ли не каждая община, деревня или каждое личное владение имеет своего «стража»; поэтому их отличают прибавлением к названию божка названия поселения, местности или племени, рода, фамилии.

Их именуют также «домашними», локализуют их в полях, нивах, фруктовых садах, виноградниках, на скотном дворе, в хозяйственных и жилых строениях. Особенно характерна для них локализация в тех полях и лесах, которые разграничивали владения общин, на пограничных дорогах (в том числе на перекрестках дорог) и вообще на рубежах хозяйств, имений, усадеб. Дикие духи становятся духами, связанными с человеческой культурой: с одной стороны, люди якобы перенимают у них способы распознавания и употребления целебных трав и другие полезные в хозяйстве приемы; с другой, они охраняют посевы, плоды, стада, имущество, они — хранители границ, а тем самым «нерушимых и неприкосновенных и вместе с тем добрососедских отношений» между людьми (с. 123). Как бы символизируя эту новую роль, выделившиеся из женских и мужских лесных божков боги Диана и Сильван изображаются с собакой (тоже хранительницей рубежей, имущества, стад).

Среди приводимых примеров такой эволюции отметим Гермеса-Меркурия: и он сначала приурочивался к ручьям, рощам, холмам, затем почитался хранителем жатвы и стад, дома и пограничной межи и лишь впоследствии приобрел более общее значение и новые функции (с. 112). Квадривии, тривии и подобные божества Нижней Германии, как и италийские лары перекрестков, были богами сельских общин, приурочиваемыми к разделявшим и связывавшим их дорогам и пересечениям дорог, но они выросли из духов леса, первоначально служившего границей общин (с. 165). Эти богини-матери Нижней Германии, аналогичные другим пра-божествам, выросшие из духов леса, охраняли рубежи покровительствуемых ими общин, являясь одновременно и домашними духами.

Натуралистичность образов на этой ступени еще вполне выражена. Боги такого рода считаются вполне видимыми, слыши-

мыми, осязаемыми. По наблюдению В. Каммерера, в тех местах Германии, где, судя по их названиям, можно предполагать в древности существование культа богинь-матерей, в течение последующих столетий до нового времени сохранились легенды о «белых дамах», иными словами, о девах и женщинах, которых путники встречают на определенных дорогах, дугах, полях, болотах, лесах и у ручьев (с. 166). «Одомашнение» лесного божества еще и в Средние века описывалось кое-где чисто натуралистически: лесной великан, пойманный тирольскими крестьянами, напоившими его вином, в дальнейшем научил их делать сыр (с. 113).

Итак, отличие второй ступени от первой состоит в превращении антропоморфных натуралистически представляемых существ из миз-антропных в син-антропных.

Третья ступень — это наделение таких существ качествами, прародителя рода или племени, магической силой покровительства или возмездия людям. Они трактуются как пращуры, хранители семьи, рода, племени, нередко как гении-покровители отдельных лиц, а также отдельных профессий или добродетелей. Они снабжаются множеством соответствующих эпитетов и изобразительных символов. Создается впечатление, что этот скачок (связанный, очевидно, с вымиранием биологического прототипа) сопровождается ясно выраженной утратой натуралистического образа. Происходит, во-первых, его вербализация; во-вторых, названия, имена, эпитеты, потерявшие стоявший за ними более или менее единообразный конкретный образ, как бы опустошенные, теперь переосмысливаются.

Пустые термины открывают широчайший простор для фантазии. Если прежде за многими разными словесными обозначениями божеств стоял примерно одинаковый смысл, то теперь они приобретают и разный смысл: возникает галерея богов, наделенных разными свойствами, причем сверхъестественными и противоестественными. Не входя в детали, отметим два главных пути новой образно-смысловой расшифровки оставшегося в наследство понятия «полу-люди», иначе говоря, «человек, но все-таки и не человек». Один путь — прямая изобразительная передача этой головоломки: божества истолковываются либо как составленные наполовину из человеческого тела, а наполовину — из какого-нибудь нечеловеческого (коня, козла, быка, льва, змеи, рыбы, птицы и т.д.), либо как пребывающие попеременно в облике то человека, то какого-нибудь зверя (оборотни). Другой путь — заполнение той же пустой логически противоречивой идеи образом сверхчеловека: прародителя целого племени; героя — могущественного, сильного, непобедимого, зачина-

теля земледелия, ремесел и обычаев; его наделяли такими эпитетами, как «господин», «царь», «владыка», «спаситель» и т.п. (см. напр., с. 110–111).

Указанными двумя путями рождается не только два типа божеств — низшие и высшие, земные и неземные, но и тема борьбы между ними (например, гигантомахия).

Четвертая ступень — приобретение богами вполне индивидуального, единичного характера, а вместе с тем и обобщенного космического значения. Они олицетворяют те или иные великие силы природы, нередко рассматриваются также как творцы или воплощения всего сущего — космоса, природы, человечества, как и человеческих страстей и способностей. С этой ступени теогонии и начинала с мифологическая школа. Легко видеть, насколько глубже лежат пласты, поднятые новой концепцией, в частности, исследованием Е.М. Штаерман.

Наконец, пятая ступень, это неизбежно рано или поздно сменяющий соперничество богов монотеизм. Но для Древнего Рима эта ступень в лице христианского единобожия не рассматривается в книге Е.М. Штаерман.

Наряду с обобщением данных об эволюции многих божеств, мы находим в тексте этой книги блестящее специальное исследование, посвященное одному примеру — эволюции Сильвана, пользовавшегося широким почитанием среди рабов, отпущенников и свободной бедноты, хотя в глазах правительства, высших классов и интеллигенции Сильван оставался незначительным лесным божком, диким и грубым, недостойным особого внимания (с. 114–145; 238 – 240). Первоначально лесной и скальный дикарь, жестокий похититель младенцев, от которого оберегали дом, Сильван позже приобретает, наряду с эпитетами «лесной», «травяной», «полевой пар», такие эпитеты, как «домашний», «скотник», «сеятель», а также «спаситель», «господин», «могучий», «непобедимый», «защитник», наконец, «caelestis», «sanctus» и «divus» (эпитет, не прилагавшийся к богам, но лишь к обожествленным людям), не говоря о множестве эпитетов, производных от разных родовых или территориальных собственных имен. Из врага культуры Сильван становится культурным героем (как и родственный ему во многом Геракл), в том числе размежевателем земли, хранителем границ имения, покровителем земледелия, а в дальнейшем, сохраняя, возможно, человеческую природу, поднимается до уровня могучего космического божества. Е.М. Штаерман высказывает предположение, что как раз качество Сильвана как покровителя земельной собственности способствовало тому, «что именно он, а не какой-либо другой сходный бог лесов и полей,

прошел такой сложный путь развития в народном сознании» — «от положения лесного божка до космического божества» (с. 133, 141). Впрочем, исключительность Сильвана состоит только в том, что он, в качестве народного божества, выдержал конкуренцию с богами официального пантеона, развившимися в общем сходным образом, а позже и с христианскими святыми.

Общий вывод, детально рассмотренный на примере Сильвана, состоит в том, что его природа лесного бога и связь с растительно-животным миром отступает на задний план по сравнению с его ролью хранителя дома и усадьбы, затем — с его положением высшего божества, помощника, защитника, спасителя и бойца (с. 122). Некоторые из других лесных богов переходили в ранг великих богов официального пантеона, и по мере того, как это совершалось, «их первоначальная природа более или менее стиралась, они приобретали новые функции и нередко их популярность в среде широких народных масс падала. Но... некоторые из них, и именно те, которые не пользовались большим вниманием высших классов, напротив, становились излюбленными объектами почитания классов эксплуатируемых» (с. 113–114).

Е.М. Штаерман справедливо усматривает во всем этом общую закономерность теогонии. Так, обильные параллели превращения лесных духов в духов домашних, охранителей полей и хозяйств в мифологии Европы не только античной, но также средневековой и новой, содержатся в неоднократно цитируемой ею книге Маннхарда (Mannhardt W. Wald- und Feldkulte, 2-e Aufl., 1904–1905, Bd. I-II). Добавлю, что тот же метод, по-видимому, может быть плодотворно применен и к некоторым вопросам мифологии и народных верований славян. (Лучший обзор содержится в книге: Токарева С.А. Религиозные верования восточнославянских народов, М. – Л., 1957.) Наконец, сходные процессы, видимо, происходили и в истории религий Востока: в древнем Иране «дэвы» (как и «пэри») проделали эволюцию от натуралистической стадии к положению локальных и племенных божеств, а реформа Дария и Ксеркса отбросила их обратно до положения простых явлений природы в интересах сохранения единственного культа Ахурамазда (и весьма близкого ему божества Митры), при этом жертвоприношения Ахурамазду приносились там же на высоких горах, где находились разрушенные капища дэвов. (Струве В.В. Родина зороастризма // Материалы по истории, таджиков и Таджикистана, 1945, Сб. 1.) Впрочем, разные ступени уверенности в реальности дэвов (дивов) сохранились кое-где надолго, в некоторых же областях индоевропейского мира дэв успел подняться до уровня верховного божества: theos, deus (ср. divus, диво, дева, диавол).

От каких социальных и природных факторов зависел в одних областях более быстрый, в других более медленный переход с одной ступени теогонии на другую? Исследование Е.М. Штаерман далеко от исчерпывающего ответа на этот вопрос, хотя и предлагает некоторые заслуживающие внимания гипотезы. В дунайских провинциях в эпоху империи было больше всего пережитков начальных ступеней теогонии (весьма вероятно происхождение названия «Паннония» от обилия здесь «панов»), в Италии и Галлии их значительно меньше. Но важен сам факт: схематически намеченные выше четыре ступени теогонии отнюдь не выглядят в книге Е.М. Штаерман как последовательно вытеснявшие друг друга, напротив, каждая предыдущая продолжала где-то жить, когда где-то в другом месте уже была налицо более высокая ступень. В верованиях времен Римской империи переплетались факты древнейших ступеней и позднейших. Нередко то или иное божество, например, Пан или Сильван, на разных территориях или в верованиях разных групп населения выступает перед нами с характерными признаками той или иной из четырех ступеней.

Нельзя не согласиться с Е.М. Штаерман, что антагонизм угнетенных и господствующих классов наложил глубокий отпечаток на историю богов Римской империи. Угнетенные классы не только упорствовали тут и там в своей вере в древние местные пра-божества, настаивая на их полной реальности, но также нередко возносили их на ступень высших божеств явно в противовес официальному пантеону высших божеств, признаваемых господствующим классом.

В этой «теогонической борьбе классов» стороны прибегали и к своего рода «внешним займам» — присваивали из других стран, с Востока образы богов, успевших исторически раньше развиться до высшей ступени. Так, и верхи, и низы в той или иной мере пробовали опереться на образ и культ Митры. Однако в книге Е.М. Штаерман детально и талантливо разобран не этот, а другой, более богатый пример: укрепление образа Юпитера, главы официального пантеона, а также других римских богов, заимствованным с Востока образом и культом «бога-всадника» (с. 247 – 279). Через Фракию этот образ распространился в особенности на Дунае и на Рейне. Корни этих культов, говорит Е.М.Штаерман, уходят в глубокую древность (к сожалению, автор не связывает изложения с развитием данного культа на Востоке, чему, между прочим, посвящен специальный экскурс в книге: Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948).

Очень важно обобщение Е.М. Штаерман: «Первоначально, вероятно, многие из богов, образ которых слился в образе ге-

роя-всадника, были лесными богами и прошли обычную для таких богов эволюцию» (с. 257). Однако на Востоке они прошли ее задолго до времен Древнего Рима, и поэтому образ Героя-всадника (бога-всадника), как зрелый плод, мог быть использован для укрепления официальной римской религии. Он был использован очень выразительно: во множестве изображений гигантомахии, т.е. победы «богов» над полубогами-гигантами, «сынами земли», олицетворявшими народный пантеон, как и сам народ; во множестве изображений победы всадника-Юпитера над поверженным змееногим гигантом.

Остается добавить, что потерпевшие символизированное этими сценами теогоническое поражение «сыны земли» — народные массы римской империи — взяли своего рода реванш, повернувшись лицом к другому культу, пришедшему из Восточного Средиземноморья. Этот культ, между прочим, был силен и своей совершенно новой расшифровкой загадочного вербального понятия «получеловек»: переносом акцента именно на человеческую сторону Христа.

Глава 15

ПУТИ И МЕТОДИКА ПОИСКОВ

В широкой публике распространено мнение, что незачем вести столько предварительных споров о «снежном человеке» — надо просто поймать одного, и все станет ясно.

Но, во-первых, как мы уже подчеркивали в начале книги, искра не дает взрыва, если нет бочки пороха — единичные случайные поимки и отстрелы особей ничего не давали науке и пропадали бесплодно для нее, поскольку не было никакой предварительной идеи или гипотезы о таком существе: единичное наблюдение заносилось или в категорию патологических отклонений от нормы у человеческого индивида («атавизм», «уродство», «гипертрихоз», «кретинизм»), затериваясь вскоре в анналах медицины, или в категорию «симуляции» со стороны скрывающихся от административных органов преступников; или в несуразную категорию «одичания» людей от одинокого образа жизни в горах; или в категорию «нечистой силы». Во-вторых, те, кто требуют прежде всего «поимки», ставят телегу впереди лошади. Поимка (если уж будет решено ее произвести) явится не началом, а результатом исследования. Где, когда, кого, как, зачем ловить? Без обоснованного ответа на эти вопросы «поимки» не будет.

Наконец, торопящие с «поимкой» просто не представляют себе стоящих на пути трудностей, которые можно преодолеть только очень терпеливой, долгой, систематической работой в полевых условиях, даже если район поисков будет намечен верно. Причины, делающие чрезвычайно трудной задачу преднамеренного наблюдения «снежного человека»: а) его исключительная редкость; б) бродячий образ жизни; в) сумеречно-ночной образ жизни; г) инстинкты и навыки мизаптропизма, в том числе чуткость, стремительное бегство, адаптация к условиям ландшафта и жизни, наиболее трудным для человека; д) отсутствие каких бы то ни было охотничьих и звероловческих приемов у населения, которые могли бы быть использованы для его поисков и приманивания, более того, несочувственное отношение подавляющего большинства населения к таким попыткам, вследствие указанных выше поверий и примет. Поэтому шанс на успех какой-нибудь увлекающейся самодеятельной группы крайне мал. Да и трудно предсказать, как был бы реализован ее успех, — не оказалась ли бы она в затруднительнейшем юридическом положении, если бы предъявила живое или мертвое человекоподобное существо местным властям, еще вовсе не знакомым с нашими научными дискуссиями и гипотезами. Кстати, в этом отношении распространяемая рядом авторов версия, будто искомое существо — безусловно антропоид, т.е. по своему внешнему облику и анатомии имеет мало общего с людьми и много общего с обезьянами, способна принести в решающую минуту непоправимый вред: объект не сможет быть опознан на месте и опять будет подведен под одну из перечисленных категорий.

Каковы же пути дальнейших исследований? Отправляться ли бродить по безграничным пространствам горной и пустынной Азии в надежде натолкнуться где-либо на реликтового гоминоида? Поистине это было бы равноценно тыканию наугад острогой в воду в надежде попасть в щуку. Значит необходимо продолжать предварительные исследования и прежде всего — еще во много раз расширить сбор описательных материалов о встречах и наблюдениях реликтового гоминоида, какую бы скептическую реакцию это занятие ни вызывало у зоологов традиционной школы.

Путь нашего исследования, путь, ведущий в конце концов к наиболее обеспеченному успеху практических поисков, лежит через разработку ключевой проблемы: проблемы природной среды обитания реликтового гоминоида, а это требует сбора новых и новых опросных данных. Правильное решение этой проблемы ведет к освещению и коренных вопросов биологии вида

(чего не может дать единичный живой или мертвый экземпляр), откуда открывается дорога к уяснению тех слабых сторон поведения данного животного, где человеческий разум может восторжествовать над инстинктами и навыками. Только от исследования ареала реликтового гоминоида и составляющих его зон ведет лестница из нижнего этажа — слепых эмпирических поисков реликтового гоминоида наугад, с надеждой лишь на счастливый случай, в высший этаж — к научно обоснованным методам поисков, вытекающим из верного понимания его биологии.

Когда количество имеющихся в наших руках прямых и косвенных показаний о встречах и наблюдениях реликтового гоминоида будет исчисляться не сотнями, а тысячами, закон больших чисел проявится с полной силой и многие экологические и биологические обобщения, касающиеся этого вида, обретут высшую степень достоверности. Вместе с тем, только накопление опросных данных может определить районы и места, где целесообразно вести рекогносцировочные полевые зоологические исследования.

Такая рекогносцировочная работа в некоторых наиболее перспективных точках должна, несомненно, производиться параллельно с продолжающейся концентрацией сведений со всего ареала.

В чем же может на первых порах состоять эта рекогносцировочная работа на местах? В ловле «снежного человека»? В охоте на него? Нет, конечно, всякая скороспелая погоня за эффектным «призовым» результатом, как и всякое подчинение хода исследования задаче скорейшего посрамления «скептиков», ни к чему серьезному не приведут. «Скептики» будут посрамлены не специально для этого предпринятыми усилиями, они исчезнут со временем сами собой. А вот непродуманные поспешные действия на местах могут принести ущерб интересам дела. Итак, что же прежде всего надлежит делать на местах? Увы, нетерпеливые люди будут разочарованы, услышав ответ: прежде всего — опять-таки собирать опросные данные среди населения. Охотники, пастухи, табунщики и люди других профессий, бывающие в одиночестве в горах и разных безлюдных местах, могут по крупицам значительно обогатить запас наших сведений по району, намеченному для обследования. Эта опросная работа подкрепит или ослабит вероятность наблюдения реликтового гоминоида в данном районе, поможет уточнить выбор сезона для поисков, подскажет конкретные условия. Если же устремляться прямо в недра природы, игнорируя живущих тут людей, коэффициент ошибок, просчетов, впустую потраченных усилий, несомненно, будет значительно больше.

От указанной начальной опросной работы лежит два возможных пути вперед. Можно либо ориентироваться далее уже на свои собственные силы и переходить к стадии следопытства, дабы получить окончательную уверенность в возможности наблюдения реликтового гоминоида в этом районе; могут быть рекомендованы поиски следов осенью по первоснежью. Либо же — продолжать до поры до времени возлагать главные надежды на работу с людьми, с местным населением. Думается, что снова надо отдать предпочтение второму пути и стараться сначала исчерпать все его шансы.

Очень вероятно, что англосаксонское высокомерное отношение к шерпам и преувеличенное представление о собственных возможностях в той или иной мере помешало решению загадки «снежного человека» в горном Непале. Во всех описаниях гималайских экспедиций шерпы, превосходные знатоки своего края и его фауны, выглядят почти совершенно пассивными наблюдателями поисков «снежного человека» белыми саибами; они ни материально, ни психологически не заинтересованы в успехе, не вносят в исследования своей инициативы и сметки. Может быть, им мешает буддизм? Но в таком случае в других географических областях можно было бы делать новые и новые попытки опереться на опыт населения.

Надо ли назначать денежную премию за доставку трупа убитого «дикого человека»? В большинстве случаев это не даст эффекта, ибо жители и не умеют добывать такого зверя, и рассчитают, что сделка неразумна, так как и охотник и его дети должны будут погибнуть мучительной смертью от совершенного святотатства. Но можно предполагать, что в некоторых местах Азии это средство и оказалось бы эффективным. Так, в намеченном нами предполагаемом главном очаге современного обитания и размножения реликтового гоминоида, в юго-западной окраине Кашгарии (Синьцзян-Уйгурской авт. обл. КНР), южнее т. Ташкургана, согласно приведенным выше опросным данным, «дикий человек» изредка является объектом охоты, — раз так, сколь ни трудна эта охота, нашлись бы, вероятно, люди, которые предприняли бы ее снова за высокое вознаграждение. Может быть, нечто подобное возможно и на некоторых иных территориях. Однако мы все же не собираемся рекомендовать этого пути. Получение единичного трупа, тем более — только скелета и шкуры, при всей важности для камерального сравнительно-анатомического изучения, не является основной целью исследования. Эта цель может представляться первоочередной лишь тем, кто сводит дело к выигрышу какого-то научного пари со скептиками. Доставка останков реликтового гоминоида на стол анатома — не первоочередная цель, с

ней можно немного и подождать. Главное не в том, чтобы вырвать один экземпляр удачным выстрелом из его природной среды, а в том, чтобы «подобрать ключи» к данному виду, найти подступы к нему в природной среде. Тогда рано или поздно всяческий желательный материал окажется в руках исследователей.

Поэтому гораздо более необходимо — да и более возможно — добиваться у местных жителей содействия другого рода. В нескольких случаях, в частности, на Кавказе, в Саянах отмечен зондаж самих жителей: что, если они «покажут» ученым разыскиваемое существо? За выражением «покажут» может скрываться целая шкала разных ситуаций и начиная от показа тех мест, где возможно наблюдение, до совместного наблюдения (в целях, скажем, фотографирования) из какого-нибудь укрытия или даже — кто знает? — показа полуприрученной или прирученной особи. Конечно, очень сложные идеологические и психологические процессы должны совершаться у таких людей, решающихся преступить вековые традиции и предубеждения. Зоолог, занимающийся реликтовым гоминоидом, призван стать в этом случае умелым воспитателем, пропагандистом естественнонаучного мировоззрения.

Но несомненно, что, в случае успеха, это был бы самый прямой, самый плодотворный путь к дальнейшим открытиям. Он не безнадежен, хотя и не прост. Пусть крайне незначительно число таких людей и таких точек на просторах горно-пустынной Азии, где культурно-этнические и природные условия дают возможность надеяться на успех. Необходимо все же самым тщательным образом фиксировать все даже беглые упоминания как о практике охоты населения на реликтового гоминоида, так и, в особенности, о фактах подкармливания его населением. Ведь мы уже отмечали подобные сообщения — из Кашгарии (г. Ташкурган) и из Киргизии (Тянь-Шань, Ферганский хребет), из Афганистана и с Кавказа (Кабардино-Балкария) (ИМ, III, с. 34; IV, с.132, с. 112-114, а также данные, приведенные в главе 9). В этих сообщениях упоминалось о выкладывании лепешек, мяса, фруктов, крынок с молоком. Если бы удалось найти хоть одну точку, где сердобольные жители сохраняют такого рода контакт с интересующим нас животным, — это был бы ключ к практическому решению всей проблемы.

Почему ключ? Потому, что вслед за тем наверное удалось бы повторить, расширить опыты прикармливания, перенести ту же методику на другие районы.

Но прежде чем говорить об этом, вернемся к другому возможному ходу событий. Допустим, все попытки найти путь к наблюдению реликтового гоминоида с помощью местных жителей потерпели бы неудачу. Следовательно, было бы необходимо рас-

считывать только на собственные силы исследователей перед лицом природы. Какова может быть методика поисков, если, конечно, опросная работа подтвердила перспективность поисков в данном районе?

Прежде всего надо отвести некоторые неосуществимые предложения.

Так, снова и снова возникает на первый взгляд соблазнительная мысль о поисках «снежного человека» с помощью вертолета. Но никто еще с помощью вертолета не обнаружил в горах ни снежного барса, ни волка, ни лисицы. Увидеть или сфотографировать с вертолета животное, которое днем спит где-нибудь в кустарниках, скалах или пещерах, а выходит в сумерках или ночью, к тому же животное редкое, рассеянное единицами на тысячах квадратных километров, причем не на равнине, а в горах, где движение вертолета должно было бы следовать невообразимому рельефу местности, — задача совершенно нереальная. Самое большое, на что можно рассчитывать, это на фотографирование всей летописи следов животных на тех или иных снежных полях или перевалах. Но откуда взять уверенность, что реликтовый гоминоид пройдет именно данными снежными полями или перевалами, вообще-то посещаемыми им, по-видимому, редко и неохотно?

Столь же непрактична и идея стационарного многосуточного осмотра местности в телеобъектив с какой-либо возвышенной точки. Выбор этой точки неизбежно будет случайным, и вероятность попадания в поле зрения экземпляра любого редкого животного, скажем, снежного барса, и уж тем более искомого редчайшего реликтового гоминоида, ничтожна. К тому же сумеречно-ночной образ жизни реликтового гоминоида потребовал бы наблюдений в часы наихудшей видимости, в сумерках и на рассвете, а ночью — дополнительного оборудования в виде прибора ночного видения, имеющего ограниченный радиус.

Не выдерживает соприкосновения с практикой проект выслеживания и преследования реликтового гоминоида с помощью собак. Служебные собаки, натасканные на различение запахов людей, не пойдут по следу зверя, охотничьих же собак невозможно намеренно натравить на зверя, запах которого заранее им не известен (несомненно, что он имеет мало общего с запахом человекообразных обезьян). Но самое главное: реликтовый гоминоид как раз приспособлен к ландшафту, недоступному волкам и собакам. Если бы собаки и погнали его, он ушел бы от них, в большинстве случаев, без труда.

Наконец, бесперспективны и проекты подкарауливания реликтового гоминоида у водопоев, ибо, как говорилось выше, он,

видимо, не ходит регулярно на водопой. Ничего не сулит также приманивание с помощью средств, действующих на малой, а не на большой дистанции. Так, во время Памирской экспедиции 1958 г. было несколько раз испробовано выкладывание в горах козлиных туш, но при этом было упущено из виду, что в гнездовый период хищные птицы не скапливаются, не парят в небе над падалью, поэтому выложенные привады не могли иметь дальне-дистантного действия.

Путем исключения мы подошли к немногим остающимся реальным методам поисков.

Засидки, подкарауливания имеют какой-нибудь смысл при условии, если налицо сведения о повторном приближении реликтового гоминоида к одному и тому же объекту — бахче, мельнице, лошадям и т.д. Очевидно, речь идет в этом случае о районах, где наблюдается некоторая степень син-антропизма реликтового гоминоида.

Экстенсивными методами могут быть названы маршруты для поисков следов или для обследования пещер и других возможных мест временного обитания реликтового гоминоида. Этот метод требует огромной затраты труда вслепую, причем с ничтожными перспективами на успех. Да и обнаружение следов (вероятнее всего, на снегу) или покинутого логова в сущности означает тупик: это лишь подтверждение обитания реликтового гоминоида в данном районе, но не путь к дальнейшему контакту с ним. И только такая величайшая удача, как случайное обнаружение места обитания детенышей, могла бы открыть действительно большие перспективы дальнейшего исследования.

Но предпочтение надо отдать не экстенсивным, а интенсивным и активным методам. Таковые могут базироваться на приманивании, причем дальне-дистантными средствами.

Конечно, условием успешного приманивания является прежде всего правильный выбор места и сезона. Приманивание стоит начинать только при наличии достаточно обильных устных показаний населения. Место работы необходимо уточнять и применительно к сезону. Например, в конце лета, когда созревают и падают на землю как дикие, так и культурные плоды и фрукты, образуя «пищевой узел» для многих видов животных, велика вероятность того, что реликтовый гоминоид бродит в зоне плодово-ореховых лесов или у верхнего края полосы садов. Весной, после зимнего недоедания, его, очевидно, вероятнее искать в каменисто-травяном ландшафте, там, где водятся пищухи, сурки. Словом, опыты приманивания должны быть приурочены к строго продуманным условиям места и времени.

Средства дальне-дистантного приманивания реликтового гоммноида, на основе имеющихся данных о его биологии и о приемах, применяемых кое-где населением, можно указать такие. В горах Циньлин-Шань на склонах раскладывают далеко видные куски красной материи, привлекающие «дикого человека», как уже упоминалось, довольно велика серия свидетельств о приближении реликтового гоминоида к костру, видимому ночью в горах на очень большом расстоянии, а также на запах поджариваемого мяса. Очевидно, парение хищных птиц над падалью может служить пищевым сигналом, наблюдаемым очень издалека, и этот сигнал нетрудно искусственно воспроизвести, выложив в соответствующих условиях труп более или менее крупного животного. Может быть, в будущем удастся записать на магнитофон вечерний призывный крик реликтового гоминоида, и тогда его воспроизведение тоже может послужить эффективным средством дальне-дистантного приманивания.

Приманку (скажем, красную материю, костер, падаль), очевидно для начала следует окружать на ночь полосой разрыхленной земли, чтобы на этой полосе неминуемо запечатлелся след всякого, кто ее пересечет. Этот контрольный прием послужит для подтверждения эффективности применённого средства. Если опыт один раз удастся, его несомненно можно будет воспроизвести вновь, в частности, при условии, что животное получит с первого раза существенное пищевое подкрепление в виде положенной тут же, допустим, вблизи костра, еды.

Итак, представим себе, что с помощью ли местных жителей или применением дальне-дистантной приманки мы, наконец, нашли первый контакт с искомым реликтовым гоминоидом. Что же последует дальше? Несомненно, воображение читателя уже подсказывает применение тех или иных наркотических средств, ловушек или даже оружия.

В самом деле, перед нами на выбор довольно большой ассортимент средств, которые могли бы быть применены теперь, после того, как самый трудный рубеж перейден. Можно было бы прибегнуть к приемам поимки реликтового гоминоида, на которые есть указания в наших источниках и которые привлекают особое внимание тем, что точно такие же приемы в других странах население издавна использует для вылавливания обезьян. А именно: в ямку или вкопанный в землю сосуд с узким горлом закладываются фрукты, с тем, что животное, засунув туда руку и схватив плод, не может ее вытащить обратно, но так держится за добычу, что дает себя захватить живьем (ИМ, III, №94 «б»). Или: ставится открытый сосуд с ячменным пивом или другим алкоголь-

ным напитком, и животное, с жадностью выпивая его, засыпает на месте. Но можно заменить эти стародавние приемы более современной техникой. Можно подмешать в приваду или в оставленную возле костра пищу какое-либо из усыпляющих средств, широко применяемых ныне для вылавливания волков и других крупных животных; установить самострел с пулей, начиненной парализующим веществом вроде кураре; наладить совершеннейшие капканы, проволочные петли или падающие сети. Наконец, самое простое: засесть в засаду и стрелять по животному — будь то парализующим снадобьем, будь то простой пулей.

Вот только так и представляют себе высшую цель погони за «снежным человеком» дилетанты и любители сенсаций. Так говорят и зоологи «скептики»: поймайте или убейте, — тогда у нас в руках будет научное доказательство. Но никто не думает о том, что ведь почти наверняка при нелегкой доставке трупа из глубинного района разложатся или деформируются по крайней мере ткани головного и спинного мозга — бесценный материал для научного исследования, а вероятно и все внутренние органы и мягкие ткани. Что в том, лишь бы было доказательство! Никто не думает о том, что пойманная особь редчайшего реликтового вида почти наверняка погибнет при далекой перевозке, как гибнет подавляющее большинство даже снежных барсов, вылавливаемых для зоопарков. Неважно, дайте доказательство! Верхом гуманности выглядит программа действий, с которой в сентябре 1960 г. выезжал в Гималаи на поиски «снежного человека» прославленный покоритель Эвереста Э. Хиллари: подранить его пулей, начиненной усыпляющим веществом, «обследовать» и отпустить на волю. «Обследовать»! Это звучит научно. Но на самом деле наружное обследование, допустим даже проведение анализов и рентгеновских снимков, без физиологических экспериментов и без длительного наблюдения абсолютно не отвечают требованиям современной науки. Эта гуманная и наукообразная формула на самом деле прикрывает все ту же цель: получить «доказательство», хотя бы и явно в ущерб подлинным интересам науки.

Нет, мы не должны пойти по этому навязанному «скептиками» пути. Пусть подождут. Ни поимки, ни убоя реликтового гоминоида пока не требуется. Методика работ рисуется совсем иначе. Если мы в самом деле сумеем приманить и хоть раз подкормить экземпляр реликтового гоминоида, вся перспектива исследований должна основываться на повторении и расширении подкармливания. Животное, вымирающее от недостатка кормовой базы, кое-как перебивающееся викарными пищевыми ресурсами, очевидно, должно поддаться на подкорм. Если путем величайшей осторожности удастся закрепить в нем навык приходить

за пищей в определенное место, это будет подлинной научной победой.

Для таких прогнозов имеется основание, а именно — не раз упоминавшиеся выше сообщения из самых разных географических областей о единичных случаях полуприручения и полного приручения реликтового гоминоида людьми. Для развертывания широких научных исследований уже достаточно было бы и полуприручения, даже при исключении каких бы то ни было прямых контактов наблюдателей с реликтовым гоминоидом. Ведь в распоряжении современной зоологии имеются превосходные средства цветной киносъемки телеобъективом на очень большом расстоянии, а также средства ночной инфракрасной киносъемки и средства звукозаписи. Реликтовый гоминоид предстал бы перед исследователями на экране в своих обычных движениях и повадках, на фоне своей естественной среды.

Уже и эти условия достаточны, чтобы можно было приступить и к исследование его высшей нервной деятельности. Советские физиологи павловской школы уже разработали и применяют методику экспериментов с животными, содержавшимися на воле. Не обязательно везти реликтового гоминоида в лабораторию, — лаборатория сама может перебраться поближе к нему. Сначала наблюдения, фиксируемые киносъемке звукозаписью, телевидением, радио, затем воздействие на поведение реликтового гоминоида путем выработки у него тех или иных новых условных рефлексов, — таково начало цени научных работ, продолжение которых предсказывать детально сейчас было бы невозможно.

Более чем вероятно, что от подкармливания в отсутствии людей удастся перейти и к контактам — к приручению в собственном смысле, а это означало бы обширные горизонты для исследований, все менее ограниченных отдельным местом и отдельной особью.

Так шаг за шагом реликтовые гоминоиды на земле могли бы оказаться под охраной и под постоянным научным наблюдением.

В какой-то момент удалось бы, конечно, наблюдать и смерть этого существа. И вот тогда-то на стол анатома поступил бы труп для изучения особенностей скелета, внутренних органов, тканей, покровов.

Как видим, перспектива исследования вида Homo troglodytes L. рисуется в порядке, противоположном канону зоологической науки: не от камерально-музейной анатомии к биологии, а от биологии — к анатомическому препарированию. Но своеобразие этого вида и большая теоретическая важность исследования, пожалуй, оправдывают нарушение канона.

Глава 16

СЕКРЕТ ВОСТОЧНОЙ МЕДИЦИНЫ

Эта глава будет очень короткой, хотя может быть когда-нибудь из ее темы вырастет целая книга. Пока это — скорее заявка на тему, подлежащую исследованию. Кто знает, может быть ей суждено стать ключом к победе.

Известно, что животных-тотемов и растения-тотемы примитивные народы не только оберегали, но при соблюдении особых ритуальных правил также и поедали. Можно думать, таков один из источников возникновения медицинской магии. А долгий практический опыт привел к отбору и сохранению в народной медицине тех приемов, которые давали действительный терапевтический эффект.

Если реликтовый гоминоид являлся животным-тотемом, следует ожидать, что его при определенных условиях убивали и поедали, причем это жертвоприношение и поедание связывалось сначала с неясным представлением о «пользе», далее уступало место более уточненным приемам, наконец, превращалось в медицинские (хотя с точки зрения современной науки и весьма сомнительные) рецепты.

И в самом деле, в нашем распоряжении уже накопилось небольшое число сведений о фармацевтическом аспекте проблемы реликтового гоминоида.

Наиболее древние сведения зафиксировал австрийский этнограф проф. Р. Небески-Войковиц в своих двух книгах «Там, где горы — божества. Три года среди неизученных народов Гималаев» и «Гадания и демоны Тибета» (Nebesky-Wojkowitz R, von. Wo Berge Gotter sind. Stuttgart, 1955; idem, Oracles and Demons of Tibet, Monton, 1959, p. 344). Описывая некоторые древние обряды и верования, изученные им на основании древних рукописей и современных наблюдений, он писал: «Кровь животных используется и при жертвоприношениях и при совершении обрядов тибетскими ламами. В текстах упоминается, например, кровь вороных лошадей (или вообще лошадей, убитых случайно), серых собак, черного медведя, ворона, коров (умерших от болезни), кур, овец, яков, волков, свиней. Руководства утверждают, что для довершения некоторых магических обрядов требуется «кровь ми-ргод» (Этот термин, тождественный «ми-гё», буквально означает «дикий человек»; Р.Небески-Войковиц приводит и другие названия этого существа у тибетцев (означающие «силь-

ный человек», «большой человек», «человек ледников»), у шерпов, а также у народа лепча, который рассматривает его как владельца всей горной дичи и бога охоты, однако внешний облик его описывается во всех случаях одинаково.), убитого острием, или кровь ми-рогд, убитого стрелой». «Во многих случаях кровь перед употреблением смешивается с ядом или горькими веществами». В другой книге проф. Р. Небески-Войковиц давал более подробные сведения об этой медицинской магии. Перечислив несколько названий, под которыми «снежный человек» известен тибетцам, он продолжает, что «все же наиболее употребительным является слово «ми-гё» — «дикий человек», под этим именем я нашел упоминание о «снежном человеке» в одной пожелтевшей, едва поддающейся чтению рукописи некоего мага одной буддийской секты, теперь уже почти исчезнувшей. В книге... приводились некоторые рецепты изготовления магических веществ, для которых, наряду с кровью собаки, ядовитыми кореньями и порошком из костей, требовалась еще и кровь «снежного человека». Наставление по изготовлению этого волшебного средства определенно требовало, чтобы употреблялась кровь «снежного человека», убитого стрелой, в то время, как в другом случае нужна была кровь такого ми-гё, пронзенного мечом».

К сожалению, мы не знаем, какую именно древнюю рукопись изучал проф. Р. Небески-Войковиц, но в настоящее время у нас есть уверенность, что она не представляет собою совершенно единичного исключения. Найдены указания на очень древние индийские и тибетские письменные источники, изучение которых должно быть поведет к познанию практики использования тела убитого реликтового гоминоида для медицинских надобностей, причем уже не только магического характера, но и в рамках так называемой тибетской медицины, содержащей в себе, как известно, немало рациональных элементов.

Эти указания обнаружены в тибетско-монгольских пособиях и атласах для обучающихся медицине, отпечатанных ксилографическим способом в сравнительно недавнее историческое время: в одном сочинении, отпечатанном в Пекине в XVIII в., в другом, отпечатанном в Улан-Баторе (Урге), очевидно, в XIX в. Экземпляры этих ксилографов имеются в Ленинграде и в Улан-Баторе. Как уже отмечалось, они привлекли внимание проф. Г.П. Дементьева, проф. Е. Влчека, Р.Ф. Итса, проф. Ринчена реалистическими изображениями стоящего на камне «миге», наряду с находящимися тут же реалистическими изображениями обезьян, разных видов животных и растений, используемых в фармацевтических целях. Все нарисованные животные и растения реально сущест-

вуют сейчас в Центральной Азии, написанные рядом с рисунком тибетские и монгольские названия соответствуют современным, изображения отличаются сходством с натурой, хотя и выполнены стилизованно. В сочинении «Анатомический словарь для познания разных болезней» (Улан-Батор) изображение «ми-гё» сопровождается следующим текстом на тибетском языке (перевод проф. Ю.Н. Рериха): «ми-гё», обитающий в высоких горах, вид медведя, имеющий облик человека. Отличается чрезвычайно большой физической силой. Мясо его используется в медицине; согласно «Лхэн-Таб», желчь его врачует человеческую желчь» (ИМ, III, №81 и №82). Вот где содержится драгоценная для дальнейших исследований ссылка на литературный источник! Приведенный короткий текст предназначен отнюдь не для узкого круга посвященных, поэтому содержащиеся в нем медицинские сведения крайне скупы. Он только намекает, что желающий узнать, как именно вещества, извлекаемые из тела убитого «ми-гё», добываются, приготовляются и используются в медицице, должен обратиться к специальному сочинению — «Лхэн-Таб». Согласно комментарию покойного проф. Ю.Н. Рериха, «Лхэн-Таб» — это название медицинского толкования X – XI вв. на еще много более древнее индийское сочинение «Чжю-ши» («Четверокнижие»), выдержки из последнего дважды издавались в русском переводе (как основа т.н. «тибетской медицины»), однако Ю.Н. Рерих полагал, что сведения о медицинском использовании «снежного человека» вероятнее найти не столько здесь, сколько именно в «Лхэн-Таб». Естественно, что разыскание и изучение данного письменного памятника, как и других, представляет весьма перспективную задачу для исследователей проблемы реликтового гоминоида.

В приведенных свидетельствах мы услышали об использовании в магии и медицине а) крови, б) мяса (мышц) и в) желчи реликтового гоминоида. Но это еще не все и может быть не самое тайное и не самое главное. Н.В. Валеро-Грачев сообщил В.Л. Бианки, среди прочих монгольско-тибетских данных о «снежном человеке», что в медицинских целях употребляются желчь и жир этого существа. Как раз использование жира и представляет едва ли не самую любопытную загадку рецептуры восточной крипто-медицины.

На эту загадку обратил наше внимание большой знаток Средней Азии Г.К. Синявский, опирающийся не только на свои личные сведения, собранные у населения, но и на опросные данные своего отца К.Н. Синявского, инженера, работавшего всю жизнь в Средней Азии и считавшегося одним из лучших знато-

ков края. Интересуясь вопросом о происхождении известного во всей Средней Азии лекарственного и косметического средства «мумиё», об источниках которого ходили странные и противоречивые слухи, в том числе, что это снадобье получается путем вытапливания из «живого рыжего человека», К.Н. Синявский, благодаря своим связям, получил в конце концов сведения о том, что «мумиё» получалось путем копчения над огнем покрытого рыжими волосами «хайван аквана» («снежного человека»). Это оказалось удивительно совпадающим с этимологией слова «мумиё», которое представляет собою не что иное, как приспособленное к тюркскому строю узбекского и киргизского языков иранско-тибетское выражение «мум-и-ми-гё», т.е. воск из ми-гё (тибетское произношение: «ми-ё»).

Г.К. Синявский упоминает, что некоторые среднеазиатские врачи, как Яворский, Остроумов, а также этнографы Наливкин, Лыкошин, Арендаренко интересовались лекарственным снадобьем, известным под названием «мумиё» и приводили о нем кое-какие сведения в своих сочинениях. Вот, например, выдержка из этнографического сочинения Наливкиных о Фергане (1886 г.). «Одним из наиболее популярных лекарств считается мумия. Из чего и как эта мумия приготовляется, нам достоверно не известно; мы знаем только, что цвета она обыкновенно желтого и красноватого, вкус неприятный, горький, на базарах продается около 20 коп. за кусочек о горошину и рекомендуется как внутреннее средство при порезах, вывихах, переломах костей и многих других болезнях. Большинство сартов того мнения, что мумия приготовляется в Китае (или Тибете) двумя способами: или из сока какого-то тамошнего растения, или же из человеческого жира. Что касается до второго способа приготовления, то каждый описывает его по-своему, одни упоминают о китайских покойниках, другие более склонны думать о ловле и откармливании китайцами людей, предрасположенных к ожирению. Как бы то ни было, но общественное мнение стоит за приготовление мумии из человеческого жира и стоит за это настолько твердо и непоколебимо, что несколько лет тому назад в одном из уездов области производилось даже следствие, имевшее несколько оригинальный характер, ибо у туземных сельских властей явилось подозрение, не было ли совершено там убийство с целью приготовления «мумии» (В.Наливкин и М.Наливкина, Очерк быта женщины оседлого туземского населения Ферганы, Казань, 1886, с. 71-72). Как видим, этнографы и здесь остались ограниченными сбором народных «фантазий», видя свою задачу в снисходительном описании примитивного мышления и быта «сартов». Но отмеченная

ими загадка в самом деле долго оставалась неразрешимой. Геолог Б.М. Здорик описывает, как он относил в свое время к одной и той же категории народных фантазий «увлекательные рассказы о подвигах Али-Искандера, о «мумия» — страшном яде и лекарстве от всех болезней, добываемом из внутренностей рыжего (обязательно рыжего) человека, об ужасном черном огне, вырвавшемся из трещин земли у кишлака Джаучи-Пойон во время землетрясения 1929 г., и о «дэвах» — низкорослых лохматых мужчинах, женщинах и детях, в которых я только теперь увидел некоторые черты «йе-ти», как их описывают шерпы (и в которых, добавим, Б.М. Здорик не узнал черт «рыжего человека», используемого для добывания «мумие» — *Б.П.*)» (ИМ, IV, с. 119-120).

Г.К. Синявский сообщает следующие немногочисленные сведения о медицинском использовании в Средней Азии этого «жира ми-гё», «мумиё» — лекарства, целебные качества которого считались исключительными как при внутреннем, так и наружном употреблении. Считалось, что это сильно действующее лекарство эффективно применялось при целом ряде заболеваний, хотя терапевтические «показания» имели немало общего с колдовством: на прием внутрь полагалось столько крупинок лекарства, сколько пациенту лет! Широчайшим образом «мумиё» применялось и для косметических целей. Показания и дозировка не известны, но сильное воздействие снадобья на кожу было проверено лично автором сообщения. «Если растворенная в масле целая крупинка «мумиё» втиралась в кожу, — пишет Г.К. Синявский, — через некоторое время на месте втирания появлялось местное ожирение, сначала пластичное, а затем упругое. Этот жировичек оставался у человека десятки лет. Я сам из любопытства испытал на себе это средство, помазав им небольшой участок кожи на ноге, — образовавшийся жировик сохранялся у меня около 30 лет». Сестра автора этого сообщения, журналистка Л.К. Синявская дополнила его следующими воспоминаниями: «В 1914 г. мы с другими горожанами провели лето в горах, в селении Ярдан в 5 км. от Шахимардана. Заночевал у нас однажды таджик-лекарь. Он через переводчика рассказывал о разных лекарствах, с которыми направлялся к месту ежегодного религиозного сборища мусульман. Этот табиб показал пузырек с темными шариками разного размера и сказал, что это очень дорогое лекарство «мумия» сделано из «ак-вана» («дикого человека»). Если его втереть в кожу — останется след и человек этот не будет болеть многими болезнями. Он предложил попробовать крупиночку лекарства. Я охотно согласилась испытать «мумию» на себе. Табиб, шепча какие-то молитвы, втер мне этот шарик величиной

с бусинку бисера в руку, вблизи локтевого сгиба. Дня два-три я помнила об этом, потом все забылось, но через некоторое время на этом месте появилось выпуклое затвердение, и я по сей день имею его на руке. По словам табиба, это снадобье «добывается из дикого человека». (Из письма Л.К.Синявской от 8.IX.1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке».)

Очевидно, неизмеримо меньшие дозы могут оказывать какое-то смягченное действие на человеческую кожу, что заставляло, судя по рассказам, восточных красавиц бесконечно высоко ценить это снадобье. Рыночная цена его, по-видимому, быстро возрастала. Если в приведенном сообщений Наливкиных, относящемся к 80-м гг. XIX в., речь идет о 20 коп. за кусочек с горошину, то, по словам Г.К. Синявского, в 1912 г. там же в Фергане крупинка подобного снадобья стоила 1 рубль; исходя из этой рыночной стоимости «мумиё», Г.К. Синявский вычисляет, что каждый экземпляр добытого и использованного для этой цели «ак-вана», из которого, согласно рассказам, вытапливали 2 – 3 пиалы жира, давал тем самым от 3 до 5 тыс. рублей дохода. В дальнейшем «мумиё» стало еще дороже; «это таинственное лекарство и универсальное косметическое средство Центральной Азии доступно по цене почти одним только индийским раджам и набобам».

Приведенный эксперимент Г.К. Синявского и его сестры не позволяет поставить полностью под сомнение фармакологическую силу данного жирового снадобья. Да и нет причин дезавуировать уверенность населения в его эффективности. Один из участников похода испанских конквистадоров в Мексику в XVI в., Берналь Диаз хладнокровно записывал: «Мы обмыли раны и смазали их, за неимением масла, жиром, вытопленным из убитого индейца» (Цит. по Р.Кинжалов и А.Белов, Падение Теночтитлана, Л., 1956, с. 69). Что может знать современная медицинская наука о характере терапевтического действия такого рода экзотических средств?

Впрочем, во Всесоюзном Институте Экспериментальной Ветеринарии с 1948–1949 гг., кажется, не без успеха, ставились опыты применения так называемого препарата Дорохова — извлечения некоторых фракций разложения трупов. Для нас сейчас интересно только направление воздействия этого препарата на живой организм: интенсивное стимулирование регенерации тех или иных тканей.

Следует также отметить, что узбекский хирург А.Ш. Шакиров описал высокие целебные качества «мумие» в своей кандидатской диссертации «Некоторые восточные методы лечения переломов костей» (Ташкент, 1953). При этом А.Ш. Шакиров исходил из представления, что «мумиё» является минеральным веществом.

В 1961 г. Институт Экспериментальной медицины УзССР (Ташкент) обратился к изучению вопроса о лечебном действии «мумиё». Было приобретено через третьих лиц некоторое количество «мумиё-и-асыль» (привезенного, кажется, из Ирана) и старший научный сотрудник врач В.Н. Исмаилова провела на кроликах опыты лечения переломов костей с помощью этого препарата. Результат оказался в высшей степени положительным. Все эксперты сошлись в выводе, что «мумиё» оказалось наиболее быстродействующим и эффективным из известных медицине средств стимулирования срастания костей. Ученый совет Института, после дискуссии, логикой вещей принужден был включить дальнейшую разработку этой темы в свой научно-исследовательский план и даже как тему докторской диссертации. Дискуссия была, конечно, неизбежна: некоторые члены совета заявляли, что тема идеологически недопустима, ибо, по старинным сведениям, «мумиё» добывалось из трупов каких-то людей другой расы. Однако, учитывая большое терапевтическое значение препарата, большинство дало себя уговорить, что такого рода сведения надо рассматривать как фальсификацию подлинного происхождения «мумиё». Заведующий отделом восточной медицины Х.Р. Расульев посвятил особое исследование этому вопросу по литературным данным, отвергнув все древние, средневековые и новые источники, свидетельствующие о добывании «мумиё» из трупов. Кстати, в арабских, персидских и иных рукописях и литографированных книгах по медицине, хранящихся в Институте Востоковедения АН УзССР, сотрудники разыскали 24, содержащие сведения о «мумиё» и применении его при травмах, основная часть указанных текстов любезно предоставлена автору этих строк в микрофильмах. Пока что никак нельзя сказать, чтобы удалось сколько-нибудь убедительно отвергнуть мысль о добывании в историческом прошлом (а вероятно и сейчас) «мумиё» из трупов «диких людей».

Трудно представить себе, как будет развиваться дальше экспериментальное исследование В.Н. Исмаиловой. Источник и состав чудесного препарата медикам пока неизвестны. По слухам, его добывали в горах Ирана; будто бы также — в горах Южного Казахстана (Кара-Тау? Таласский Ала-Тау?); есть намеки на Гиссарский хребет и другие горные области.

Гораздо важнее для нас представить себе тех людей, которые занимались выгодным и глубоко засекреченным промыслом — добыванием, продажей, перепродажей «жира ми-гё». Единственные указания,которыми мы располагаем, это сообщения того же Г.К. Синявского. В Таджикистане, в междуречьи Каратаг-дарьи и Ширкеид-дарьи, по его предположениям, основанным на местных данных, вытопкой «мумиё» из «акванов» занимались железо-

дельцы — ахангары; их продукцию забирал пристав, через которого она шла к Каратагскому беку и от него — к эмиру Бухарскому, являвшемуся собственником этого своеобразного питомника «акванов» в Гиссарском хребте. Но в основном место происхождения «мумиё» молва относит к Центральной Азии и распространение его связывает с деятельностью индийских цыган — «люли», которые в недавнем прошлом широко кочевали по югу Средней Азии. Им приписывается какое-то общение со «снежным человеком» или умение добывать из него «мумиё» (ИМ, III, №102).

Пытаясь хоть отчасти проверить эти сведения Г.К. Синявского, я посетил летом 1961 г. долину Каратаг-дарьи. Я видел, что несколькими километрами ниже селения Хакими (что значит «лекарь» или «лекари»), точнее Хакими-Даруни, т.е. «Внутренний Хакими», находятся остатки давно покинутого селения Хакими-Бирун, т.е. «Внешний Хакими», где, наряду с огромным жерновом, путник может заметить обильные остатки шлака, доказывающего, что здесь действительно жили железодельцы. Никаких костей среди шлака обнаружить не удалось. Осторожные расспросы стариков дали известные подтверждения гипотез Г.К. Синявского. В кишлаке Каратаг 76-летний мулла Субханкул Саидов, застигнутый врасплох моим вопросом о «мумиё», ответил, что «мумиё» производится как раз здесь (!). Правда, он тут же поспешил добавить, что это не то «мумие» (или не того качества), какое привозили прежде паломники из Мекки и Медины. Тут же он показал мне носимое с собой в коробочке и употребляемое им постоянно для собственного лечения «мумиё», напоминающее кусочки смолы со своеобразным запахом. В знак особого расположения небольшой обломок был бесплатно отдан мне для лечения последствий перелома ноги.

Следует отметить, что этот кусочек «мумиё» по внешнему виду и по запаху тождествен тому оставшемуся от экспериментов «мумиё», который позже мне показывали в Ташкенте в Институте Экспериментальной Ветеринарии. В Москве в одном из химических научно-исследовательских институтов в дальнейшем по моей просьбе самыми современными методами было произведено предварительное определение состава небольшой крупицы из подарка Субханкула Саидова. Оказалось, что в нем ясно различимы три ингредиента: 1) вещество-носитель, вероятно мед, 2) пряности, 3) вещество органического животного происхождения (собственно «мумиё»). Теперь версия о «мумиё» как «горном воске», то есть минеральном веществе типа озокерита, которая встречается даже у Ибн-Сины (Авиценны), окончательно отпадает. Впрочем, она и носила в старинной фармакологической литературе несомненно маскирующий характер.

На расспросы о способах изготовления «мумиё» Субханкул Саидов ответил, что «есть лишь немногие люди, которые умеют его добывать в горах». Однако он с чрезвычайной настойчивостью заверял меня, что сырьем для него служат какие-то выделения горных козлов, оставляемые высоко на недоступных камнях. Я задаю вопрос: в книгах пишут, что «мумиё» изготовляют из дикого человека, верно ли это? Старик не отрицает: да, «мумиё» изготовляли и из «одами-явои», но это, которое он мне дал, — не то, другое «мумиё» (Полевой дневник Б.Ф.Поршнева, Гиссарский хребет ТаджССР, июль 1961 г.). Не менее интересен и ответ, который мне дали три старика таджика из кишлака Хакими на в опрос: верно ли, что Каратагский бек снабжал «мумиём» эмира Бухарского? Все трое с оттенком гордости и значительности ответили утвердительно, хотя в дальнейшем их объяснения способов добывания «мумиё» оставили скорее впечатление заметания следов (там же). Один из них, старший (по-видимому, мулла) сообщил, что, когда в молодости он повредил спину, некий благочестивый человек, совершивший паломничество в Мекку и Медину, дал ему привезенное оттуда и вылечившее его «мумиё» (там же). Через несколько дней другой собеседник, заведующий колхозной фермой Малла Тигнеев, сначала изложив мне ходячую версию о добывании «мумиё» из выделений горных козлов, поинтересовавшись затем, что я знаю об этом из книг, заявил наконец, что версия об изготовлении «мумиё» из «дикого человека» путем вытапливания соответствует действительности, пояснив, что «дикий человек» поедает различные травы, в том числе целебные, поэтому в его жире и скапливаются целебные свойства. Любопытно, что в начале беседы Малла Тигнеев пытался отделаться от моих расспросов о «мумиё» лаконичным ответом: «добывают охотники» (Полевой дневник Б.Ф.Поршнева, Гиссарский хребет ТаджССР, июль 1961 г.).

Для непосвященных все таджики Каратагской долины повторяют примерно одну и ту же версию о способе добывания «мумиё»: в период гона горные козлы (согласно одним — самцы, согласно другим — самки) трутся о камни и оставляют на них выделения, которые затем затвердевают, и опытные охотники либо проникают до самих этих недоступных скал, либо сбивают с них указанное вещество меткой пулей. Детали всех этих рассказов явно противоречат друг другу. В Дарвазе Н.Н. Ершов записал совсем другой вариант басни, связанной с горными козлами: «мумиё» — это якобы какие-то минеральные наплывы в горах, которые горные козлы лижут, когда у них переломана какая-нибудь кость, и быстро выздоравливают. Остается отчетливое впечатление, что версия о горных козлах пущена таджикскими мулла-

ми и посвященными в секрет лицами для того, чтобы преградить путь любопытству посторонних к тайне изготовления «мумиё». Больше доверия заслуживают утверждения, что исходное сырье подвергается вываривaнию вместе с различными веществами и высушиванию, прежде чем препарат окончательно готов, что существуют разные виды и разные способы формовки «мумиё» (крупинками, плоскими кусочками). Медицинские показания к использованию «мумиё» весьма широки, чаще всего его рекомендуют для лечения последствий переломов и травм. Наиболее бесспорно, что «мумиё» тайно продается по чрезвычайно высоким ценам, а следовательно и почва для всяческого шарлатанства очень благоприятна.

Все эти разрозненные знания лишь подводят нас к порогу большой и совершенно темной темы из, истории медицины. Всякий знает слова «мумия», «мумифицировать». Сейчас многие считают, что мумия — это высушенное и набальзамированное тело. Но и в современных арабских словарях можно прочесть, что на самом деле мумия — это средство или лекарство для бальзамирования тела. А еще в XVI–XVII вв. в Европе аптекари продавали «мумию» не как средство для бальзамирования, а как снадобье для лечения переломов и ран. Говорили, что это снадобье привозят с арабского Востока. Во всяком случае, слово «мумия», которое сейчас нами ассоциируется с историей Древнего Египта, на самом деле завезено в Египет только со времени арабского завоевания. Во многих словарях оно считается арабским словом. Но арабские словари указывают, что оно заимствовано из персидского языка. В действительности же, как мы уже отмечали, в нем персидским является только первый слог «мум», тогда как окончание «ми-ё» («дикий человек») заимствовано из тибетского.

В самом предварительном порядке можно реконструировать четыре больших исторических этапа развития этого удивительного тайного лекарства восточной медицины.

Первый этап может быть назван индийско-тибетским и восходит, по всей вероятности, к до-буддийскому времени. Мы приводили выше кое-какие характеризующие его сведения. Для этого этапа характерно умерщвление «ми-гё» для изготовления лекарств без всякой опаски пролить его кровь, напротив, именно воинским оружием: стрелой, мечом. Для изготовления лекарства используется именно кровь и мясо (а также желчь) убитого животного. Иными словами, его тут умерщвляют еще как врага, как человека. Из древней тибетской медицины эти рецепты впоследствии распространились по всему буддийскому миру. Как один из поздних следов этого этапа можно упомянуть, что в «Бэнь Цао Ган-му», сочинении Ли Ши-чженя, авторитета в фармакологии XVI

века, говорится об использовании в медицинских целях крови «дикого человека». Кстати, там же упоминается об изготовлении из того же сырья какого-то красителя, не из этого ли факта ведет начало странное совпадение общеизвестного современного названия одной краски «мумия» со словом «мумия» в смысле медицинского средства или бальзамирования трупа?

Второй этап связан с персидским средневековьем. Мы не знаем, в каком веке произошел решительный переворот в способе приготовления лекарства из «ми-гё». Суть этого переворота состоит в том, что было решительно запрещено пролитие его крови и поэтому для его умерщвления и превращения его тела в лекарство были придуманы новые весьма хитроумные приемы. В сравнительно поздних персидских естественнонаучных энциклопедиях мы находим уже несколько задрапированное и понятное лишь посвященным описание этих приемов. Например, в персидском словаре, составленном Гиосом, мы читаем: «Мумиё — это темное вещество, которое бывает двух видов — природное и искусственное... (Для изготовления последнего) нужен ребенок с рыжими волосами и красным лицом (несомненная зашифровка «ми-гё»), его выкармливают до 30 лет. Изготовляют каменный хум в рост человека, наполняют его снадобьями и сладостью, туда помещают этого молодого человека в стоячем положении и закрывают. Через 120 лет открывают. Все содержимое — и снадобья, и сладость, и человек — это и есть искусственное мумие. Какое место у больного болит, соответствующее место берется из мумиё и прикладывается. Особенно это применяется для лечения переломов костей» («Гиос-Сулугат» (на персидском языке), переиздано в Бомбее, 1887). Другой средневековый персидский словарь Бурхони-Котэ (Бурхон — псевдоним Маулеви Мухаммеда Хусейна) приписывает и название и способ приготовления искусственного «мумиё» европейцам, что представляется приемом маскировки. «Мумиё» описывается здесь как «вещество, похожее на смолу». Искусственное «мумиё» (в отличие от природного) изготовляется так: «находят ребенка с рыжими волосами, его содержат до 30 лет, потом изготовляют такой каменный сосуд, чтобы он там поместился, наполняют медом, погружают туда этого человека и прочно закупоривают, так хранят 120 лет, потом сосуд открывают, — все его содержимое и считается мумиё. Полагают, что это мумиё лучше природного» («Бурхони-Котэ» (на персидском языке), переиздано в Нуль-Кащуре, 1888). Легко заметить, что именно от этих рецептов тянутся нити к наиболее привычному для нас употреблению слова мумия, в смысле консервации человеческого трупа длительное время. Однако

это — лишь побочный смысловой оттенок. История же самого снадобья — «мумиё» — шла своим путем.

Третий этап, должно быть, надо отнести к арабской медицине и фармакологии. Мы еще не знаем ничего о начале этого этапа. Арабский путешественник XII в. Абд аль-Латиф пишет, что в Египте можно дешево приобрести употребляемую для медицинских целей «мумию». В ходе столетий арабская рецептура изготовления этого целительного вещества распространилась во всем мусульманском мире. Центр торговли им оказался в Мекке и Медине, и вместе с тем само лекарство, так же как и странное человекоподобное существо, из которого извлекалось фармацевтическое сырье, приобрели в глазах мусульман оттенок священности и стали тайной, охраняемой от «неверных». Проникнуть в эти секреты полумедицинского-полурелигиозного характера современной науке будет очень нелегко. На основе наших предварительных сведений мы можем пока только сказать, что на этом третьем, мусульманском этапе основным приемом получения «мумиё» из рыжеволосого «ми-ё» («ми-гё») стало уже не закупоривание его в каменном хуме, а вытапливание из живого существа его жира. Этот прием еще лицемернее избегает прямого убийства, в смысле пролития крови.

Вот, например, описание этой процедуры, любезно сообщенное мне со слов отца директором Института востоковедения Узбекской ССР С.А. Азимджановой. С детства С.А. Азимджанова знает «мумиё»: ее дед, умерший до ее рождения, из паломничества в Мекку привез «чистое мумиё» — «мумиё-и-асыль», которое хранил в специальной коробочке красного дерева, перешедшей к ее отцу. С.А. Азимджанова видела содержимое этой коробочки: темные прозрачного вида кусочки какого-то вещества, от которых откалывали небольшие крохи для медицинского использования. Ценилось оно очень дорого. Средство считалось особенно эффективным при переломах, утверждали, что каким-то образом больной непосредственно чувствовал, как лекарство проникает ему в самое место перелома. О приготовлении «мумиё» С.А. Азимджанова слышала следующее. Какого то желтоволосого человека специально откармливают кишмишем. В особо подготовленном совершенно темном помещении его подвешивают за ноги вниз головой и оставляют висеть длительное время, кажется, дней 30 – 40. То, что с него стекало, попадало в подставленные глиняные тарелки (миски), расположенные одна над другой таким образом, что они служили как бы последовательными фильтрами, многократно процеженное сквозь них жидкое вещество оседало в нижней тарелке. С.А. Азимджановой известно, что этот способ изготовления «мумиё» и его детали в высшей

степени засекречены в соответствующих мусульманских кругах (Записано 3 августа 1960 г. Архив Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»).

Четвертым этапом в истории «мумиё» можно считать современное положение, наблюдаемое в республиках Средней Азии, когда распространяются заменители «чистого мумиё», уже не связанные с добыванием его из жира «дикого человека». Магическая сила остается лишь за названием: многие пожилые таджики, узбеки, и др. еще готовы подчас прибегнуть к спасительному лекарству под этим именем, проданному им знахарями. Если верить некоторым слухам, то кое-кто приносит из гор труп убитого «одами-явои» и, не зная всей процедуры изготовления «мумиё», лечит себя от тех или иных болезней кустарным образом, прикладывая или принимая внутрь частицы его тела, не веря, что в нем заключена необыкновенная целебная сила.

После сказанного может быть уже не покажется чистой случайностью, что реликтовый гоминод, «снежный человек» если и сохранялся долго кое-где на земле, то подавляющая часть сведений падает на страны и районы, где население в основном было либо буддийским, либо мусульманским. Можно представить себе, что истребление этих живых ископаемых для нужд сакральной медицины сопровождалось и охраной части поголовья для тех же самых целей.

Все это, конечно, представляет собою область скорее предположений, чем систематизированных сведений. Однако и предположения заслуживают самого пристального внимания, если они судят такие важные перспективы для исследования, как в данном случае. В самом деле, если верно, что реликтового гоминоида умели использовать в медицинских целях, значит, его умели, а может быть и умеют, добывать по мере надобности, хотя бы он и представлял собою редчайшую и труднодоступную добычу. Значит были, а может быть, и есть люди, владевшие этим искусством как профессией, передававшие из поколения в поколения те приёмы поисков или приманивания реликтового гоминоида, которых так недостает сейчас зоологам, приступающим к исследованию этого реликтового вида. Допустим, таких людей сейчас уже ничтожно мало на земле, да и проникнуть в их тайны нелегко. Но может быть все-таки этого достигнуть легче, чем начинать поиски совсем заново, не опираясь ни на какой предшествующий человеческий опыт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор. Единственное заключение, которое я хотел бы сделать: название «снежный человек» совершенно не соответствует изучаемому существу. Как мы видели, оно не является «снежным», да и не является «человеком» в общеупотребительном смысле слова. Если придираться к словам, то «снежного человека» не существует. Термин этот совершенно случаен, ибо почти нигде не применяется даже местным населением. Мы видели, что гораздо более распространены многие другие названия. Тем более нет причин сохранять прижившийся в западной литературе эпитет «отвратительный», присоединяемый к словам «снежный человек» (abominable), так как он и возник-то из простого недоразумения: обычный термин шерпов «ми-те» или «ме-тех», обозначающий того же «йе-ти», был на слух понят как «метох» и отвратительный, мерзкий. Как же быть с этим «восхитительным, но вполне бессмысленным термином», если воспользоваться выражением А. Сэндерсона? Сам он в своей книге нашел выход в том, чтобы заменить сбивающие с толку слова совершенно условными четырьмя буквами: ABSM (abominable snowmen). Но вряд ли это условное обозначение имеет шанс привиться.

Этот термин «снежный человек», этот нелепый груз, мешающий нашей работе, является наследием пройденного периода ознакомления с вопросом, периода, который можно назвать спортивно-журналистским. Но тысяча неудобств возникла бы сегодня, если бы мы просто откинули это неверное название, заменив его тем или иным лучшим. Сначала надо вскрыть стоявшее за ним реальное содержание. Завтра слова «снежный человек» станут окончательно ненужными, сегодня еще без них читатель не узнал бы предмета нашего обсуждения.

Оппонент. Все приведенные в вашей книге данные об этом, условно выражаясь, «снежном человеке», или Homo troglodytes L. можно разбить на две весьма неравные группы. Во-первых, это вещественные данные, т.е. высушенная кисть и известное число зафиксированных следов, а также экскременты (прочие физические признаки деятельности, как то: крики, запахи, вырытые ямы, перемещенные предметы — только описаны, и потому должны быть отнесены ко второй группе). Оценка костных остатков

«ложных неандертальцев» зависит от оценки остальных данных. Во-вторых, — описательный материал. Первая группа ничтожно мала. Вторая — огромна. Поэтому можно утверждать, что центр тяжести вашего исследования лежит не в анализе материальных препаратов, вещественных останков живых существ, а в систематизации устных и письменных сообщений о наблюдениях. Но неужели вы не знаете, что зоологи неукоснительно различают «факты» и «литературу» (хотя бы в литературе описывались бесспорнейшие факты)? Для установления нового неизвестного прежде вида требуются в первую очередь факты, литература же, т.е. все, что выражено лишь в словах, играет вспомогательную роль.

Это не условность, этот метод работы порожден всем развитием естествознания; так была преодолена сковывающая науку сила письменных и устных авторитетных мнений и свидетельств, утверждена сила прямого опыта, непосредственного наблюдения. Это — незыблемый результат великого многовекового движения естественнонаучной мысли. Нас учили этому прошлые поколения натуралистов, мы впитали это в свое сознание как синоним всякого подлинно научного мышления. Мы уважаем авторов и то, что они говорят, но научный долг повелевает нам исходить из наблюдаемых фактов. Так должно быть и так будет! Следовательно, если изучение «снежного человека» опирается на различные словесные описания, значит, в глазах подлинной естественной науки его не существует. Не правда ли?

Автор. Сущая истина. На тех же естественнонаучных принципах воспитан и я. Но любую истину можно превратить в упрямство. Великую традицию, ведущую начало с борьбы против аристотелизма, можно довести до ослепленности, не лучшей, чем схоластика.

Я мог бы основывать свои возражения на том, что первая группа упомянутых данных не так то уж невесома, чтобы ею можно было пренебречь. Такое представление отстало от хода событий. Если бы в распоряжении науки не было абсолютно ничего кроме фотографий мумифицированной и полускелетированной кисти из Пангбоче, современный уровень ее сравнительно-анатомического анализа позволял бы говорить о едва ли оспоримом колоссальном событии: доказано, что не далее как 300 – 400 лет тому назад где-то на земле обитали гоминоиды или гоминиды, морфологически отстоявшие от Homo sapiens не менее, чем ископаемые палеоантропы. Это открытие сделано обычными камеральными методами, благодаря высокому уровню современной эволюционной морфологии и сравнительной анатомии кисти высших приматов. Прибавьте к этому анализ следов, дающий

возможность реконструировать морфологию и моторику стопы, лабораторные анализы экскрементов, говорящие кое-что о кишечнике и образе питания, и даже о кишечных паразитах!

Но я готов согласиться с посылкой, что все это безмолвно и как бы не существует без второй группы данных. Да и в самом деле, ведь фотографии кисти из Пангбоче были в руках многих сравнительных анатомов, но они подходили к препарату с ложной презумпцией, искали кисть чудовищного антропоида, не обнаруживали таковой и поэтому довольно безразлично отбрасывали его без достаточно пристального анализа. Мы подошли к нему с предположением о палеоантропе — и препарат сразу ожил, заговорил. Значит, решающую роль в самом деле сыграла генерализация всего огромного предварительного материала, давшая рабочую идею. Итак, представим себе, что первой группы не существует.

Обратимся к традиции, которая привела к сокрушению средневековой схоластики, к торжеству опытного знания. Вместо того, чтобы фетишизировать ее, вернемся-ка в отдельном случае к ее источнику — к простому здравому смыслу. На столе ученого лежит огромная стопка сообщений людей о неведомом ему явлении. Но это, видите ли, не «факты», а «литература»! Тут категория «факты» становится, по терминологии Ф. Бэкона, одним из идолов, преграждающих путь науке. Не желаю читать людских сообщений, хочу видеть своими глазами, — гневается воспитанный на лучших традициях ученый. А здравый смысл требует другого: ведь эту стопку сообщений можно трактовать тоже как факт, а не только как свидетельства о факте. Ученое упрямство говорит: все это не служит доказательством и поэтому должно быть отброшено. А здравый смысл говорит: эта стопка сообщений доказывает хотя бы один факт, а именно, что такая стопка сообщений существует, и мы не поступим глупо, если подвергнем данный факт исследованию. Напротив, глупо не подвергнуть его исследованию, раз в нем таится хоть малейшая вероятность дальнейших успехов для науки. Иными словами, здравый смысл требует: внимательно читай и сопоставляй прочитанное, исходя и в этом случае не из веры, а из наблюдения, т.е. наблюдай за информацией и информаторами, которые проходят перед тобой. Ведь может быть этот первый наблюдаемый факт поможет хотя бы угадать причину недостатка других фактов, а тем самым найти дорогу к ним.

Оппонент. Вы ставите себя в трудное положение: в этой стопке сообщений чего только не окажется! Очевидно, она сложилась по одному признаку — в ней находится все, что тем или иным путем записано, из первых или из вторых рук, о диких во-

лосатых людях, о разных аналогах «снежного человека». Происхождение и доброкачественность этих записей весьма различны. Произведите по крайней мере хоть какой-то предварительный отбор. Отбросьте из своей коллекции самые недостоверные, самые ненадежные. Еще лучше, отберите наиболее достоверные, лучшие из всех сообщений, какие вы имеете, — мы, так и быть, попробуем рассмотреть их в качестве доказательств существования «дикого человека», за неимением других доказательств.

Автор. Нет, вы не поняли меня. В этой стопке нет ни одного доказательства. Если вы думаете, что в главах 2–10 этой книги я приводил доказательства в пользу существования реликтового гоминоида, а вам оставалось отчеркивать на полях то, что в ваших глазах выглядело доказательным, что — нет, то между нами недоразумение. Я не представил вам в указанных главах ни одного факта, ни одного доказательства.

То, что вы мне предлагаете, это компромисс. О нет, отвечаю я, я не пойду на полунауку, на измену великим принципам естествознания, о которых только что шла речь. Ведь выбрать из моей стопки некоторые листки, «внушающие больше доверия», или отбросить «внушающие недоверие», значит перенести вопрос в плоскость веры, а не знания. Каков мог бы быть объективный и строгий критерий достоверности и недостоверности? Я не собираюсь торговаться с либеральными скептиками и пробираться по зыбкой болотистой тропинке между одной частью сообщений и другой, так как отнесение их туда или сюда всегда останется дискуссионным. Я призываю вас не к снисходительности, не к личному доверию тому или иному информатору. Я и против возражений типа: «как можно верить такому ненадежному информатору!» Раз традиция естествознания требует подвергать всякое высказывание сомнению и проверке, так и надо поступить: исходным пунктом должно быть недоверие ко всей стопке сообщений целиком, без малейших льгот и уступок.

Только так вправе начать свое рассуждение ученый: может быть, все, сообщенное нам разными лицами о реликтовом гоминоиде, не соответствует истине. Только при таком допущении ученый сможет объективно рассмотреть неоспоримый факт — стопку сообщений. Раз все в ней неверно, как объяснить ее появление? Что она такое и как возникла?

Читатель, ознакомившийся с моей книгой, может не поверить, что таков был действительно исходный логический пункт. Он ведь знает, что я «поверил» этим сообщениям. Чтобы он меня понял, я прежде всего поясню сказанное так. Даже самому убежденному защитнику реальности того, что отразилось в этих сооб-

щениях, должно быть ясно, что в каждом из них налицо хоть небольшая субъективная окраска. Ведь каждый человек преломляет свои впечатления через субъективную призму. Он что-то забыл, что-то преувеличил, что-то ассоциировал со своим прежним опытом. Иначе говоря, хоть в какой-то мере он исказил объект. В какой мере? Как вычислить процент отклонения от истины в каждом случае? Он может оказаться очень различным. Но есть лишь один правильный выход: для начала принять, что в каждом сообщении отклонение от истины равно 100%. Лишь в дальнейшем при необходимости процент может быть снижен. Так мы и поступили. И это наше исходное недоверие ко всем без исключения описаниям действительно оставило в книге известный осадок. Мы так-таки и считаем в них достоверным лишь то, что осталось после их сравнения, после поисков всех других возможных путей их интерпретации.

Итак, мы начинаем анализ с того, что перед нами лежит стопка не соответствующих никакой реальности сообщений о диких волосатых человекоподобных существах. Мы задаемся вопросом: что же представляет собою эта сумма сообщений? Какие причины ее породили?

Ответить на этот вопрос — довольно сложная исследовательская задача. Правда, моя книга не построена по такому плану. Но порядок исследования и порядок изложения не должны обязательно совпадать. Иначе говоря, тому, что написано в этой книге, логически предшествует другая, ненаписанная: проверка всех возможных рациональных ответов на вопрос «что это такое?», с исключением на некоторое время лишь одного возможного ответа, т.е. признания этих сообщений отвечающими биологической реальности. Лишь кое-что из этого обширного предварительного исследования отражено в главе 14 и некоторых других.

Оппонент. Но меня, как биолога, не интересует возможность подобрать ту или иную версию, объясняющую возникновение всего вашего письменного материала, если речь не идет о биологической реальности. Это — дело фольклориста, может быть психолога, психиатра или даже прокурора, но не мое. Все эти иные версии лежат вне сферы естественных наук, и я ловлю вас на негативном допущении: что эта стопка сообщений не отражает чего-либо, реально существующего.

Автор. Нет, здравый смысл един, и тот, кто хочет высказывать мнение о загадке «снежного человека», обязан пройти все круги. Нельзя одновременно и отбрасывать ее в чужой дом, и ссылаться на то, что ты в этот дом не вхож. Не хотите туда заходить, логика требует от вас помолчать вообще о реликтовом гоминоиде.

Да на самом-то деле разобраться в этих других версиях не так уж трудно. Откуда могли взяться эти неистинные утверждения? — допытывается здравый смысл. Ответов можно придумать не много: a) народное творчество, миф; b) выдумка злонамеренных людей, воздействовавшая через посредство прессы на воображение или корыстное усердие других; c) обман чувств, галлюцинации; d) сочетание в той или иной пропорции первых трех источников. Но все четыре версии исключаются, если иметь перед глазами всю совокупность сведений. Так, версия о мифе исключается обильными сообщениями людей, не принадлежащих к местному населению, о своих визуальных наблюдениях, — хотя они никогда не слышали соответствующих рассказов местных жителей. Нечего говорить, что эта версия, как и все остальные, опровергается наличными веществами данными. Гипотеза о злонамеренном обмане несовместима с достаточно обильными данными о свидетельствах древних и средневековых авторов, об убежденности широких кругов современного населения на местах. Гипотеза о галлюцинациях наблюдателей никак не может объяснить совпадения основного содержания этих галлюцинаций у сотен людей в самых разных условиях. Наконец, уж окончательно невероятно совпадение основных черт описываемых существ в случае, если действовали разные не зависящие друг от друга причины, порождавшие неправду.

Не излагая здесь подробнее анализ этих четырех гипотез, скажем, что они каждая порознь и все вместе оказываются совершенно противоречивыми и невозможными. Лишь путем исключения остается предположение, что эти сообщения в той или иной мере отражают какую-то биологическую реальность. Тогда наступает фаза проверки внутренней непротиворечивости и научно-биологической возможности такого допущения. Вот эта-то фаза исследования и изложена в настоящей книге. Мы видим, что из всех предложенных истолкований происхождения и характера нашей стопки сообщений, только последнее оказалось непротиворечивым и мыслимым.

Итак, чтобы вы лучше меня поняли, я готов сказать, что объект этой книги — не «снежный человек». Объектом является некоторая сумма сведений. Перед ученым лежит стопка записей, и он исследует: что это такое? В книге рассмотрены не «факты», а «факт». Он рассмотрен всесторонне и ему предложено единственное допускаемое логикой объяснение.

Оппонент. Но уж если согласиться, что объектом исследования является не вообще «снежный человек», а лишь одна эта злополучная стопка сообщений, разрешите отнестись к ее иссле-

дованию более строго: почему она составлена настолько односторонне, что в нее попали только свидетельства в пользу реликтового гоминоида и не попали свидетельства против него? Ведь достаточно поставить этот вопрос, чтобы опорочить все ваше рассуждение. Против каждого человека, утверждающего, что он видел «снежного человека», можно выставить тысячу, которые решительно высказываются против него. Ваша стопка превратится в целую гору и вы уже не сможете сделать из нее своих уверенных биологических выводов.

Автор. Мне неизвестно ни одно свидетельство против реликтового гоминоида. Если бы оно было, я обязательно присоединил бы его к стопке. Но думается, что таковое вообще логически нельзя мыслить. Что значит свидетельство в пользу отсутствия чего-либо? Я слышал лишь много заявлений разных лиц, что они «не верят» в существование «снежного человека». Но ведь эта категория высказываний лежит совсем в другой плоскости, чем те, которые нами собраны и подвергнуты анализу. Свое «неверие» люди объясняют или тем, что такого существа «не может быть», или тем, что они лично, имея опыт работы и жизни в том или ином районе, никогда не видели такого существа, ни его следов. На районном съезде союза охотников в г. Лагодехи ГрузССР я задал вопрос: кто лично видел барса (леопарда) или его следы? Таковых оказалось даже меньше, чем видевших «дикого человека» или его следы. Весьма наивно мнение человека, что реликтового гоминоида не существует, раз он сам его никогда не встретил: речь идет о существе редчайшем, скрытнейшем. Да и вообще малейшее наблюдение над природой нельзя соизмерять даже с самым огромным количеством отсутствия наблюдений — будь то по объективным или субъективным причинам.

Что же касается категорических и даже гневных тирад убежденных противников существования реликтового гоминоида, выступающих и на страницах печати, то их можно только спросить: зачем они говорят и пишут о том, что не существует? Подобная задача возникает разве лишь в том случае, когда все аргументы «за» давно опубликованы, исчерпаны и возможно показать их ошибочность. Да и то в большинстве случаев полезнее было бы заняться тем, что есть, а не тем, чего, по твоему мнению, нет. И уж, во всяком случае, надо сначала знать все аргументы за то, что это нечто все-таки есть.

Оппонент. Подводя итог вашему ходу мысли, я вижу, что вы предлагаете вниманию зоологов всего лишь некоторую непротиворечивую модель. Не так ли? А если это только мыслимая модель, то зачем публиковать о ней книгу?

Автор. Если понять вас в том смысле, что налицо нет никакого «открытия», то это неверно: есть открытие, большое открытие, — но не живого существа, а множества известий. Именно их обилие, их взаимное соответствие, их преемственность во времени, их географическое распространение является открытием.

Если вы хотите сказать, что полученная мыслимая модель не подвергнута никакой экспериментальной проверке, это тоже неверно. Высушенная кисть руки, несколько десятков километров отпечатков следов, в том числе несколько хороших фотографий и слепков отдельных отпечатков, обильные данные об ископаемых гоминидах и «ложных неандертальцах», приобретают очень большое значение если видеть в них как бы экспериментальную проверку истинности модели. Она выдержала проверку, и поэтому теперь уже является не только моделью.

А книги — это сейчас единственный путь вперед. Нам предстоит искать реликтового палеоантропа не вслепую, не наугад. Лишь организованные усилия приведут нас к главному этапу изучения этого поразительного явления. Книги не только подводят итог предварительной ориентировке. Они и в самом деле формируют модель, без которой осмысленная, целенаправленная работа становится невозможной. Они призваны влиять на мышление ученых, вызывать согласие или усовершенствования модели, а тем самым и методики предстоящих работ. В то же время книги положат конец спортивно-журналистскому этапу в эпопее «снежного человека». В конечном счете успех поисков и исследований определяет воля и сознание людей — как кадров участников, так и населения. Книги просветят корреспондентов газет и радио. Газеты и радио просветят великое множество людей, которые сегодня не содействуют успеху поисков. Усилия многих людей преодолеют трудности. И тогда придет «его величество факт».

Оппонент. И все же мне кажется, что более эффективным было бы непосредственное появление «его величества». Достаточно одного пойманного или убитого экземпляра, и пресса информировала бы весь мир. Я не хочу слов — я хочу сам видеть и пощупать. Между прочим, по этим же мотивам я не верю, например, в шаровую молнию: я никогда ее не видел; мало того, не видел и человека, который бы ее видел. Никакие книги не сделали ее доступной мне и моим знакомым. Ее нет.

Автор. С того дня, как Паули теоретически доказал существование нейтрино, до экспериментальной «поимки» этой элементарной частицы прошло 30 лет. Все это время без нее уже не могли обходиться в теоретических расчетах. Все это время экспериментаторы искали средство ее «поймать» и вышли победителя-

ми только потому, что она уже была открыта разумом науки. Да и «пойманную» ее могут наблюдать и удостовериться лишь немногие. Не могу обещать, что лично вы будете приглашены посмотреть живого реликтового палеоантропа. Но если вы удостоитесь этого, вы поймете, как ошибались: он физически настолько похож на человека, что настойчивые требования «убить» или «поймать» экземпляр просто нежизненны. Это вовсе не подобие гориллы. Не раз уже его и убивали, и ловили, но без точного биологического критерия не проводили сознательной грани между ним и «принявшим одичавший вид» человеком. Еще по поведению его легче было бы признать животным, если наблюдать на воле, но мертвого любые органы власти на местах сочтут трупом человека, хотя бы и обильно обволошенного, отнимут его и похоронят, а ваши росказни примут за неумную попытку оправдать преступление. Никому не придет в голову производить тонкие, узко-специальные антропометрические измерения. Живого, связанного веревками, первый встречный гражданин спасет от насилия, вас же, а не его, передаст в руки правосудия; лишь в случае буйного поведения его, ввиду признаков патологии (немота, странные действия), могут передать психиатрам, которые, однако, не смогут ни поставить диагноз ввиду отсутствия в номенклатуре психических заболеваний такого симптомокомплекса, ни составить анамнез, ни даже записать его имя так, чтобы потом вы смогли его разыскать. Если вы снимете фотографию на некотором расстоянии, хотя и это почти невероятная задача, причем в сумерках или в лунную ночь, вам скажут, что это — человек. Поймите же, с того времени как выяснилось, что изучаемое существо, очевидно, палеоантроп, а не неведомый «страшный антропоид», все прогнозы изменились. Вопрос перешел из рук «ловителей» в руки ученых, в глазах которых задача не состоит в том, чтобы доказать кому-то реальность этих существ; от них потребуются годы изобретательного труда и, что еще важнее, годы терпеливого разъяснения общественности и государственным органам сути состоявшегося открытия.

Если бы вам случайно и удалось поймать или убить экземпляр, уважаемый оппонент, вас спасет только наличие в кармане вот этой самой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Дроздов Н.Н. Слово о друге и учителе 5
От автора 8

Часть I
ПОСТАНОВКА И ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Глава 1. Загадка «снежного человека» 9
Глава 2. Со страниц древних книг 26
Глава 3. Успехи и поражения отечественных ученых 39
Глава 4. Следы и выслеживание в Гималаях 67
Глава 5. Проблема азиатского ареала 88

Часть II
ОБЗОР ДАННЫХ ПО НЕКОТОРЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЛАСТЯМ

Глава 6. Сведения из Китая и Монголии 107
Глава 7. К югу от великого Гималайского водораздела 145
Глава 8. Сведения из горных областей Советской Азии 174
Глава 9. Восточная ветвь (Америка) 248
Глава 10. Западная ветвь 287

Часть III
АНАЛИЗ, СИНТЕЗ, ПРОГНОЗ

Глава 11. Предварительное описание Homo troglodytes L. («снежного человека»). Морфология 368
Глава 12. Продолжение. Биология 429
Глава 13. Вымерли ли неандертальцы? 467
Глава 14. Мифы, легенды, фольклор 497
Глава 15. Пути и методика поисков 527
Глава 16. Секрет восточной медицины 537

Заключение 550

Научно-популярное издание

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Поршнев Борис Федорович

ЗАГАДКА «СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 24.02.2012.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4.
Тираж 2500 экз. Заказ № 4521.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-54740-1

Борис Федорович Поршнев (1905–1972) — известный советский историк и социолог, доктор исторических и философских наук, основатель российской школы гоминологии (науки о снежном человеке).

Эта книга — единственное в своем роде по полноте и научной основательности исследование таинственного снежного человека, охоту на которого безрезультатно ведут ученые-зоологи и любители непознанного на всех континентах Земли.

Автор рассматривает историю возникновения и развития легенды о снежном человеке у нас в стране и за рубежом — в Китае, Гималаях, Северной Америке и т.д.; дает обзор встреч человека и гоминоида и делает на основании существующих данных выводы о природе снежного человека.

ISBN 978-5-699-54740-1

Борис Поршнев

ЗАГАДКА СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА